История сношений человека с дьяволом

Михаил Александрович Орлов

Книга М.А.Орлова являет собой емкий очерк воззрений на природу зла, господствовавших в Средние века и Новое время, вплоть до XIX в., и содержит множество легендарных историй, отразивших представления людей минувших эпох о добрых и злых духах, демонах, ведьмах, колдунах и т.д. Из этой книги, первое издание (1904) которой давно стало библиографической редкостью, читатель узнает также немало подробностей о ведовских процессах и иных проявлениях религиозной нетерпимости и фанатизма..

Из архивов разделе
Мастера и Маргарити

http://www.masterandmargarita.eu

Веб-мастер

Ян Ванхеллемонт
webmaster@masterandmargarita.eu

АНОНС

Книга М.А.Орлова являет собой емкий очерк воззрений на природу зла, господствовавших в Средние века и Новое время, вплоть до XIX в., и содержит множество легендарных историй, отразивших представления людей минувших эпох о добрых и злых духах, демонах, ведьмах, колдунах и т.д. Из этой книги, первое издание которой давно стало библиографической редкостью, читатель узнает также немало подробностей о ведовских процессах и иных проявлениях религиозной нетерпимости и фанатизма.

ИСТОРИЯ СНОШЕНИЙ ЧЕЛОВЕКА С ДЬЯВОЛОМ

В виду необъятной обширности той роли, какую в история человечества играли духи зла под их всевозможными названиями, считаем нелишним предварительно указать в этом предисловии, какие именно стороны сношений человека с нечистою силою мы намерены разработать в этой монографии.

После вступительного краткого обзора зарождения и развития человеческих верований и образования понятия о добрых и злых духах, мы, на основании выдающихся трудов старых демонологов (XVI и XVII столетий) попытаемся представить картину воззрений на этот предмет, господствовавших с Средние века и.последующие за ними ближайшие столетия. Мы приведем в этом отделе ходячие мнения и россказни того времени о существовании демонов их явлениях людям, о похищениях людей нечистою силою, о превращениях дьявола, о признаках одержимости им, о шабашах ведьм, о продаже души дьяволу, о колдунах, о злобных и лукавых проделках нечистого.

В следующем отделе мы опишем тот мир бесплотных существ, который создала разыгравшаяся фантазия арийских народов, - фей, эльфов, кобольдов, гномов, хранителей кладов, домашних демонов, ламий, лемуров и т.п. Сюда же будут включены сказания о привидениях, призраках, оборотнях и вампирах.

Третий отдел будет посвящен интереснейшей и полной драматизма странице из истории религиозного фанатизма — процессам ведьм и колдунов. Сюда войдет и описание тех отделов тайных наук, магии и чародейства, которые рассматривались старинными судилищами, как явные свидетельства сношений человека с дьяволом. Здесь литературным материалом для нас послужат великолепная «История инквизиции» американского ученого Чарльза Лие, с которой мы отчасти ознакомили уже наших читателей в ряде статей, напечатанных в «Вестнике» за 1901 год, и книга Лемана «Aberglaube und Zauberei».

Наконец, последний отдел нашей монографии будет составлен по обширной книге Батайля «Le Diable au XIX siècle». Тут будет представлен очерк всякого мракобесия, процветавшего в цивилизованном мире в течение минувшего века.

ВСТУПЛЕНИЕ
РАЗВИТИЕ ПОНЯТИЯ О ДОБРЫХ И ЗЛЫХ ДУХАХ

Первобытное человечество, быть может, с самого момента появления своего на земле, быть может, несколько позже, т.е. тогда, когда оно пришло в состояние, в каком мы в настоящее время видим низшие расы, испытывало потребность истолковать, объяснить и сделать для себя понятными явления окружающей природы, побуждаемое к тому необходимостью подчинить их себе, овладеть ими, обратить их себе в пользу. Но первобытный человек, это в высшей степени несовершенное существо, под влиянием своей любознательности мог выработать только такие объяснения, которые был в силах вместить его убогий разум. Поэтому первые попытки истолкования природы, составившие в конце концов свод младенческих религиозных понятий человечества, и представляется нам, как беспорядочный сброд суеверий.

Первоначальной фазой религиозного понимания вселенной, предшествовавшей толкованиям метафизическим, а впоследствии научным, был фетишизм. Это название, как известно, предложено Огюстом Контом. Фетишизм характеризуется склонностью рассматривать все явления и все вообще предметы, одушевленные и неодушевленные, как живые существа, обладающие волей и чувствами такими же, как у человека. Разница тут усматривается дикарем лишь в степени проявления этих свойств. Знаменитый французский проповедник Боссюэт прекрасно характеризовал это духовное состояние первобытного человека словами: «Все было Бог, за исключением самого Бога». Все одушевлено, все живет собственной жизнью, все обладает волей, властью и могуществом, совершенно таинственным и непостижимым.

Первобытный человек олицетворяет природу. Она у него вся дышит жизнью и страстью, и чем ярче и энергичнее проявляется сила и страсть, тем, очевидно, могущественнее существо или явление. В этом отношении мы в наших детях можем видеть отражение души дикаря. Ребенок ушибается о стул или стол и начинает в порыве мщения колотить эти предметы; очевидно, он принимает их за живые существа, способные сознательно нанести ему вред и чувствовать его удары. А дикий австралиец проникается глубочайшим благоговением к ружью белого человека, приносит ему в жертву цветы и плоды, молится перед ним, чтобы оно его не убивало. И дикарь, и ребенок одинаково принимают карманные часы за живое существо, когда они тикают; когда же они остановятся, то представляются нм мертвыми. Таким путем первобытный разум доходит до олицетворения даже таких вещей, как, например, тень, которая на дикаря производит такое же впечатление, как на животное. Нечего и говорить о том, что если неодушевленные предметы одухотворялись, то предметы и явления, обладавшие движением, — животные, огонь, вода, ветер, солнце и светила, в понятиях дикаря являлись деятельнейшими участниками обыденного жизненного обихода. Животные наравне с великими атмосферными явлениями сделались предметом поклонения первобытного человека, и потому зоолатрия (поклонение животным) вошла в круг всех первобытных религий. Человек в своем младенчестве совсем еще не был проникнут горделивым чувством своей власти над природой и не смел дерзостно мечтать о том, что он царь ее. Наоборот, человек был просто человек, существо низшее, слабое и жалкое, животные же были настоящие боги, сильные, страшные и таинственные. В самом деле, возьмем, например, пресмыкающихся, в особенности змей. Как было не трепетать дикарю перед этими существами, обитающими где-то в таинственных подземных норах, бесшумно двигающимися, внезапно появляющиеся и исчезающими, наконец, наносящими смертельные укусы? Очевидно, это существа страшные и могучие, существа, перед которыми человек слаб и ничтожен. И человек признавал могущество этих тварей, трепетал перед ними и молился им. Итак, первобытный человек по необходимости должен был непрерывно оставаться настороже, Он был окружен со всех сторон чем-то таинственным и страшным, что держало его младенческий ум к какой-то непрерывной галлюцинации. Жизнь внешних чувств брала постоянное преобладание над жизнью рассудка. Человек не мог, не в силах был делать прямые и разумные выводы из своих наблюдений над окружающей природой и впадал в фантастические толкования.

Немало должно было поражать воображение и разум первобытного человека явление смерти, и дикарь усердно искал объяснений этого явления. Живое существо, падающее под ударами дубины, представлялось явлением относительно понятным. Но как было понять и объяснить естественную смерть от старости, от болезни? Туг, очевидно, вступали в игру какие-то совершенно непостижимые, во явно злые и враждебные человеку деятели. Поэтому-то у многих дикарей и установилось непоколебимое убеждение или, правильнее сказать,

верование, что все, кто гибнет не от руки врага или вообще какой-нибудь очевидной причины, несомненно являются жертвами чьей-то злобной воли, чьего-то колдовства, и надо принимать меры к тому, чтобы отыскать виновника такой смерти, покарать его и лишить его на будущее время способности вредить. Вдобавок, для дикаря умереть вовсе не значит утратить жизнь. Умереть значит принять другую форму существования, перейти от одного бытия к другому. Умершее существо какое бы оно ни было, продолжает существовать, сохраняет за собою все свои страсти, которые при том со смертью выигрывают в силе и напряжении. И это верование чрезвычайно цепко держится у людей в упорно переживает все ступени духовного развития. Суеверия, касающиеся мертвецов, их явлений перед живыми, их загробной жизни, их беспрестанного вмешательства в существование живых людей, до сих пор пережили и остаются у всех даже цивилизованных народов. Покойник покидает свою бренную оболочку, но его дух живет и бодрствует и продолжает интересоваться делами мира, который он покинул, и принимать в них участие. У африканских народов на этой почве укрепилось бесчисленное множество суеверий. У них, например, животные, убитые на охоте, возбуждают немало забот. Душа убитого животного, как представляется дикарю, будет мстить за свою смерть, и надлежит принять известные миры для того, чтобы охранить себя от этого мщения. Отсюда целый ряд суеверных обрядов, мастерами которых являются местные жрецы и колдуны. Наши самоеды, убив белого медведя, которого они считают чрезвычайно страшным животным, стараются его уверить, что убили его не они, самоеды, а русские, а потому и мстить за это надо русским.

Само собой разумеется, что нет возможности справиться со всем этим сонмом невидимых сил простыми общедоступными средствами и способами. В самом деле, перед первобытным человеком встает грозный вопрос: как одолеть злобу, коварство и капризные страсти всех этих невидимых существ, как заставить их служить себе, вместо того чтобы вредить? Из этой потребности поладить с невидимым миром и возникло колдовство, чародейство, волхвование. Несомненно, что во всех первобытных религиях первыми жрецами были простые колдуны, и если впоследствии, когда религии уже более или менее оформились, когда образовалось обособившееся жреческое сословие, мы видим, что оно вступает в ярую борьбу с разными чародеями и кудесниками, то должны объяснять себе это, как простую ремесленную ревность. Народ еще продолжает верить в своих старых кудесников и обращается к их содействию. В ущерб авторитету и материальной выгоде жреческого сословия. Отсюда весьма понятное раздражение жрецов.

Всю первобытную историю образования верований человечества мы можем резюмировать в следующих кратких положениях. Человечество начало с того, что представило себе все тела и явления вселенной живыми существами, одаренными волей и страстями. Среди этих существ наибольшим вниманием и почитанием человека пользовались те, с которыми он входил в ближайшие отношения и которые проявляли свою волю и страсти с наибольшей энергией. Впоследствии мало-помалу эти первоначальные понятия обобщились и предметы внешнего мира облеклись в божественную натуру.

Но такое представление о фетишизме до сих пор еще не всеми разделяется. Иные ученые богословы до сих пор убеждены, что каждый народ первоначально обладает врожденным понятием о едином высшем существе. Если же впоследствии впадает в грубое многобожие, то это превращение воззрений будет уже не естественным развитием, а наоборот, искажением и вырождением первоначального правильного религиозного воззрения. Среди миссионеров находились даже такие, которые разные языческие религии рассматривали просто-напросто, как изобретения дьявола, навязанные простодушным людям. Нам, конечно, будет здесь неуместно входить в рассмотрение и оценку этих общих взглядов, и мы упоминаем о них только для полноты.

Из предыдущего кратчайшего обзора возникновения и развития верований можно видеть, каким путем в человечестве разрабатывалось понятие о добре и зле. В бесчисленном сонме существ, которые окружали человека в жизни, он сразу должен был отличить тех, которые были для него благодетельны, от тех, которые были зловредны. Так и наметилось первое понятие о добрых и злых духах, и нам известно лишь небольшое число религий, которые были свободны от этой двойственности представления о высших существах. Другими словами, мало таких религий, которые не различали бы благих божеств от злых, богов, от демонов. С наибольшей полнотой и силой этот дуализм выразился в религии древних иранцев, которые изложили свое учение в знаменитой «Зенд-Авесте». Здесь мы видим яркое олицетворение и воплощение доброго начала в Ахура-Мазде (Ормузде) и злого — в Ангро-Майньюсе (Аримане). Таким-то путем злое начало, злой дух приобрел полные права гражданства в религиозных представлениях народных масс.

Каждый раз, когда народ меняет свою прародительскую религию на новую, наблюдается одно и то же неизменное явление: боги старой веры превращаются в демонов новой веры, и вместе с тем вся богослужебная обрядность старой веры становится чародейством и колдовством перед лицом новой веры. Так вышло с первобытной арийской религией, изложенной в «Ведах». Древние индийские божества девы превратились в злых демонов (даева) «Зенд-Авесты». Боги древней Греции и Рима в глазах отцов христианской церкви превратились в демонов и злых духов.

Таким-то путем и наша Европа, к своему великому бедствию, унаследовала от древнего первобытного язычества с бесконечной грудой всяких суеверий и верование в нечистую силу. Новая вера, т.е. христианство, всеми мерами боролась с этими суевериями. Сущность этого враждебного столкновения между языческими и христианскими воззрениями на дьявола очень легко понять и уяснять себе. Язычник не только верит в существование злого духа, но и служит ему. Злой дух для него такое же божество, как и добрый дух. Притом, с добрым божеством ему не представляется никакой надобности и хлопотать с особенным усердием.. Он всегда и без того уверен в добром расположении к нему благодетельных божеств. Иное дело злые боги. Их надо расположить в свою пользу иначе от них, кроме зла и вреда ничего и не жди. Поэтому культ злого духа в первобытном человечестве разработан был гораздо глубже, подробнее и обстоятельнее нежели культ благодетельных богов. Отсюда и нарождение колдовства, как посреднической инстанции между человеком и миром богов.

Христианство же стало по отношению к злому духу совершенно на другую точку. Признавая формально его существование, не думая его отрицать, введя это положение в догмат, оно объявило злого духа «сатаною» (т.е. противником), врагом благого божества, как бы противоположением божества. Богу довлеет поклонение, сатане же лишь ужас. Отринуться сатаны значит служить и угождать Богу. Всякая попытка обращения к сатане, как к высшему духу, является богоотступничеством.
И вот народ, все еще пропитанный духом своего древнего язычества, никак не мог или не хотел понять и принять это новое воззрение на духа мрака и зла: для него он все еще был бог, и он служил ему, угождал ему, в чаянии благодати. Вот в чем состояла вся суть того конфликта между народными воззрениями и христианством, носители и хранители которого и вели с этими старыми языческими воззрениями ожесточенную борьбу чуть не тысячу лет подряд.

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ
Воззрения на нечистую силу и сказания о ней в средние века

I. МНЕНИЯ О СУЩЕСТВОВАНИИ НЕЧИСТОЙ СИЛЫ

Всего любопытнее изучать взгляды на существование демонов и их деятельность среди людей по сочинениям писателей XVI и XVII столетий. Любопытно в этих сочинениях то, что в одних из них авторы совершенно открыто разделяют еще все грубейшие суеверия своего времени, в других же обнаруживается уже дух сомнения и критики. Но и те, и другие дают нам драгоценнейший материал для суждения о ходячих представлениях и верованиях насчет демона и сношений с ним людей.

Пользуясь здесь этим изобильными источником, мы можем дать полную картину суеверий в том виде, как они существовали на Западе в течение Средних веков, а также и в последующие ближайшие к ним столетия. Начнем с основного вопроса, касающегося самого существования дьявола. Знаменитый автор «Демономании» Боден в предисловии своей книги, изданной в XVII столетии и пользовавшейся в свое время громадной известностью, между прочим говорит: «Невежды думают, что все рассказы о колдунах и чародеях, которые они слышат, невероятны. Безбожники и лжеученые не хотят признать то, что они видят, и, не зная причины того, что видят, отрицают виденное. А колдуны и чародеи смеются над ними по двум главным причинам: во-первых, чтобы отвести от себя подозрение, а во-вторых, чтобы обеспечить торжество царства Сатаны». Как видно, человек глубоко верил во всю чертовщину своего времени.

Другой ученый демонолог, Гийон, тоже жестоко ополчается на неверующих в злого духа. Он свято верит в рассказы о чертях, поселившихся в некоторых домах и выживших оттуда людей, в злых духов, живущих в пустынных местах и пугающих проезжих. Он дивится, что находятся люди, которые могут не верить таким несомненным вещам. Он приводит свидетельство знаменитого путешественника Марко Поло. При описании некоей пустыни, называемой Лоп, лежащей на границе великой Турции и тянущейся на протяжении 25 или 30 дней пути, он упоминает, что путешественники испытывают в ней чрезвычайные опасности. Дело в том, что в этой пустыне свирепствуют злые духи, которые производят разные обманы чувств.

Путешественникам рекомендуется ни на минуту не отставать от своих спутников, иначе они неминуемо погибнут, потому что злые духи сейчас же примут вид их спутников, будут их манить и кликать по имени и отвлекут в сторону, и они заблудятся и погибнут. И в этой же пустыне часто слышны в воздухе звуки и аккорды разных музыкальных инструментов, а потому, — заключает Марко Поло, — пустыня сия весьма опасна и гибельна для путешествия».

Далее тот же Гийон ссылается на свидетельства святых, живших в Египетской пустыне, например, Антония и Павла Отшельника, которые утверждают, что эта пустыня полна демонов. Так, святой Антоний видел на дороге фигуру какого-то чудовищного всадника, похожего на кентавра. Антоний даже обращался к нему с просьбой показать ему дорогу к келье Павла Отшельника. Чудовищный всадник что-то проговорил в ответ, но его слов нельзя было понять. Он, однако, показал дорогу рукою, а затем умчался во всю прыть. Святой Антоний, однако же, не убоялся этого страшного явления и продолжал свой путь. Но как только он спустился в небольшую каменистую лощину, лежавшую по дороге, перед ним явилось новое чудище. Он увидел перед собою какого-то низенького человечка, чрезвычайно уродливого и безобразного, с большим крючковатым носом и двумя рогами, ужасным образом торчавшими из его лба; ноги чудовища были козлиные. Святой Антоний не убоялся и этого явления и смело шел вперед. Тогда чудовище, как бы в знак доброго расположения, подало ему фиников и пальмовых плодов. Святой остановился и заговорил с чудовищем, спросил, что оно такое и что делает в пустыне. Чудище же отвечало: «Я смертный и один из граждан и обитателей этой пустыни, которых язычники и идолопоклонники в своем ослеплении боготворят и почитают под именем фавнов, панов, сатиров и инкубов. И я пришел сюда от имени своих, которые меня к тебе послали, просить тебя, чтобы ты был милостив, помолился Господу Богу за нас несчастных, ибо мы знаем, что Он пришел в сей мир для спасения всех людей и что звук слов Его распространился по всей земле». Так говорило это чудище, и святой Антоний, слушая его. Плакал радостными слезами.

Продолжаем дальше цитировать того же Гийона. Он рассказывает, что в Ирландии

злые духи часто попадаются в горах. «Многие из местных жителей, — говорит он, — полагают, что это ложные видения, зависящие будто бы от того, что жители употребляют в пищу говядину и охмеляющие напитки. Но я знаю от англичан, которые там жили, — продолжает Гийон, — что в горах действительно водятся злые духи, которые пугают путешественников днем и ночью».

Затем в какой-то пустыне, которой Гийон не называет, черти кидают перед путешественниками золотые и серебряные вещи, которые, однако же, тотчас исчезают из глаз. В Аравийской пустыне свирепствуют демоны, выделывающие такие страсти, при виде которых путники падают без чувств. Однажды, когда через эту пустыню шел караван (Гийон добросовестно указывает даже день и час этого происшествия — 6–го июля, 5 часов утра), внезапно раздался громкий голос, который говорил: «Мы давно уже идем вместе с вами. Погода отличная, будем идти все прямо». Кто-то из бывших в караване арабов отвечал на эти слова: «Путник, я тебя не знаю, иди своей дорогой». Но как только были произнесены эти слова, злой дух так напугал путешественников, что они совершенно растерялись, остановились и не решались идти дальше. Но чем напугал — об этом история умалчивает.

Путешественник Торквемада пишет, что в Норвегии на реке Черной являются какие-то духи, которые играют на музыкальных инструментах, и это всегда служит знаком скорой смерти кого-нибудь из знатных людей той местности.

В Германии, в городе Ротвиле, в 1545 году дьявол ходил по многолюдной площади среди бела дня. Граждане города видели его и пришли в неимоверный испуг. Они знали, что дьявол являлся раньше в одном соседнем городе и весь тот город спалил. И они боялись, что то же самое будет с их городом. Ради этого все горожане стали поститься и молиться, и только таким экстренным благочестием им удалось удалить дьявола из своего города. Совсем в ином духе повествует автор XVI столетия Лафатер, написавший книгу о привидениях, чудесах, явлениях духов и т.д., изданную в 1571 году. Он настроен скептически по отношению ко всякого рода сверхъестественным явлениям. Он в своей книге описывает множество разных чудес, но все они у него объясняются либо какими-нибудь естественными причинами, или злонамеренным шарлатанством. Вот, например, одна из передаваемых им историй. Люди, достойные веры, сообщали ему, что в 1569 году в городе Аугсбурге в одном доме служанка и несколько служителей отозвались весьма непочтительно об иезуитах. Узнав об этом, один иезуит пришел к их хозяину и сказал ему, что он заставит их в скором времени думать иначе. И вот он переоделся дьяволом и спрятался в доме. Служанка как раз пошла за чем-то, наткнулась на этого дьявола и, разумеется, от страха не взвидела света. Убежав от черта, она рассказала потом о нем другим служителям. Среди них нашелся какой-то храбрец. Он пошел в то место, где сидел дьявол, и когда тот на него кинулся, храбрый служитель выхватил кинжал и проткнул им дьявола насквозь. Тот тут же растянулся замертво. Эта история, прибавляет Лафатер, была потом изложена в немецких стихах и напечатана.

II. ЯВЛЕНИЯ ДЬЯВОЛА ЛЮДЯМ

Любимым местом появления дьявола перед людьми обычно считались перекрестки дорог, леса, старые заброшенные языческие капища, наконец, золотые россыпи, рудники и места, где зарыты клады. Само собой разумеется, что нечистому не было никакого существенного препятствия появляться людям и во всякого рода других местах, в том числе даже в монастырях и храмах. Автор книги о видениях и привидениях, изданной в XVII столетии, Лелуайе, рассказывает несколько любопытных историй, которые в его время, надо думать, передавались из уст в уста. Вот одна из них.

Некий жандарм, по имени Гюг, всю жизнь свою кутил и пьянствовал и даже слегка подозревался в ереси. И вот наступил час его смерти. Он лежал больной на смертном одре. В это время перед ним вдруг предстала огромнейшая толпа каких-то людей, и один из них, имевший вид предводителя, спросил умирающего: «Признаешь ли ты меня, Гюг?». - «А кто ты?», спросил Гюг. Пришлец отвечал: «Я могущественнейший из могущественных и богатейший из богачей. Коли хочешь, я могу избавить тебя от смерти и сделаю так, что ты еще долго будешь жить. А чтобы ты не сомневался в том, что я тебе говорю сущую правду, знай, что император Конрад в этот час сделался мирным обладателем своей империи и покорил Германию и Италию в самое короткое время». Он и еще что-то говорил ему о разных

событиях, в то время происходивших в мире. Когда Гюг выслушал его, то поднял правую руку, чтобы сотворить крестное знамение, сказав при этом: «Именем Бога и Господа моего Иисуса Христа свидетельствую, что ты никто иной как сам дьявол». Тогда дьявол ему сказал: «Не поднимай своей руки против меня». И вслед за тем тотчас же вся эта толпа исчезла, как дым, а Гюг в тот же день к вечеру умер.

Вот еще история, рассказываемая тем же автором:

Во время Фридриха II в городе Фрейбурге жил один молодой человек, который страстно влюбился в девицу, жившую в том же городе. Он отыскал колдуна и посулил ему хорошо заплатить, если тот посредством чародейства устроит так, что девица ответит на любовь своего воздыхателя. Колдун пришел за ним в глухую ночь и привел его в какой-то погреб в уединенной постройке. Там колдун начертил волшебный круг и какие-то фигуры и письмена, вошел сам в начерченный круг и ввел в него юношу, потом стаи делать заклинания, и на них толпою явились духи в самых разнообразных видах и образах. Самый злобный из всех этих дьяволов принял видь той самой девицы, в которую был влюблен юноша. Девица-оборотень подошла к кругу с обольстительною улыбкою. Юноша же, ослепленный своею любовью, простер к ней руки и сделал это так неосторожно, что его руки выступили за черту магического круга. А дьяволу только этого и надо было. Он тотчас же ухватил неосторожного любовника за руку, выдернул его из круга и, взмахнув им два или три раза, размозжил ему голову о стену погреба, мертвое же тело швырнул назад в круг, и затея вся толпа демонов исчезла. Мертвое тело навалилось на колдуна, и тот, несмотря на все усилия, никак не мог из-под него выкарабкаться и вдобавок не осмеливался выступить за черту круга. И только утром люди, услышав его стоны и крики, вошли в погреб и вынесли оттуда мертвое тело юноши и полумертвого от страха колдуна.

Тот же Лелуайе, добрый католик, не упускает случая пустить камень в огород нечестивых гугенотов. «Многие еретики и ересиархи нашего времени, — пишет он, — также не чуждаются сношений с дьяволом и удостаиваются его посещений. Так, у самого Лютера был знакомый дьявол, и сей ересиарх, т.е. Лютер, был так бесстыден, что открыто заявлял об этом в своих сочинениях. В одном месте этих сочинений Лютер утверждает даже, что он со своим дьяволом состоит в многолетней и самой тесной дружбе, так что они съели вместе целый бочонок соли. Дьявол этот очень часто его посещал, будил его иногда по ночам и побуждал его писать сочинения против церковной службы, причем сам заботливо подбирал для этих сочинений доводы и доказательства».

И не один Лютер из числа тогдашних ересиархов обвинялся католиками в сношениях с дьяволом. Так, например, про Цвингли Лелуайе приводить такой рассказ. Однажды ночью этот ученый богослов впал в глубокое размышление по поводу слов Спасителя: «Сие есть тело Мое». В эту минуту явился перед ним какой-то дух, не то черный, не то белый, этого Цвингли не мог рассмотреть, и стал ему внушать и убеждать его, что эти слова надо понимать не в прямом, а в переносном смысле, т.е. что ими обозначается не действительное присутствие в причастии тела Христова, а только лишь обрядовое обозначение его. Существует рассказ об одном из учеников Лютера. Дьявол явился перед ним в то время, как он лежал на смертном одре, подошел к нему, схватил его и с такой силой ударил его о ложе, что тот тут же испустил дух.

Базельский священник Эразм Альберт подвергся такой же участи. За три дня до смерти в комнате, где он лежал, внезапно появился гигантского роста дьявол, и это тут же было сочтено за предзнаменование близкой смерти этого еретика.

В 40-х годах XVII столетия случилось знаменитое дело в монастыре святой Елизаветы в городке Лувье, во Франции. Чуть не все монахини этой обители один прекрасный день оказались одержимыми дьяволом. Духовное начальство произвело тогда строжайшее расследование этого ела, и до нас дошли подробные описания его. Приводим здесь показания некоторых монахинь. Одна из них, сестра Мария, утверждала, например, что перед ее глазами явились какие-то ужасные образы. Один из них имел вид старца с большою бородою. Он явился перед монахиней в четыре часа утра, без церемонии вошел к ней в келью, уселся на ее ложе и держал к ней такую речь: «Я сейчас видел сестру Магдалину. Как она зла! Она вся будет наша, а вот другую нам не удастся соблазнить». Благочестивая сестра Мария скоро опомнилась и сотворила крестное знамение. После которого видение исчезло. В другой раз перед той же монахиней явился демон в другой форме. Монахиня была в эту минуту на чердаке и увидела перед собою, в окне, выходившем в другое отделение чердака, громадную черную голову. Голова эта уставилась на нее глазами и долго смотрела в упор, приведя

благочестивую сестру в неописуемый ужас. Однако, страх не помешал ей в свою очередь внимательно рассмотреть призрак, который мало-помалу начал бледнеть и затем исчез. После того монахиня, оправившись от страха, заглянула в то отделение чердака, откуда выглядывал дьявол, но там уже никого не было. Однако же, когда она вошла туда, веревки, на которых было развешено белье, сами собою развязались и свернулись в мотки, а белье упало на пол. Такого рода происшествия, т.е. падение вещей на пол, опрокидывание мебели, а также всякие шумы, стука и грохоты то и дело раздавались по всему монастырю все время, пока в нем хозяйничали черти.

Немало случаев явления чертей описывается в книге ученого аббата Крепе «О злобе сатаны и злых духов», изданной в, конце XVI столетия. Он, например, рассказывает об одной греховоднице, которая состояла в связи с духовным лицом. После смерти этого своего утешителя она не имела покоя по ночам, потому что к ней являлся демон, мучивший ее все ночи напролет. Ее надоумили принести полное покаяние во всех прегрешениях, и как только она это исполнила, дьявол-мучитель тотчас же отстал от нее.
В монастыре, которым управлял Крепэ, сохранилось предание о благочестивом иноке, умершем почти за сто лет перед тем. Однажды во время ужасной грозы, когда все монахи усердно молились, собравшись в церкви, упомянутый благочестивый инок увидал дьявола, который носился посреди молний, влетел с ними в церковь и намеревался в ней все переломать, разрушить и осквернить. Благочестивый инок предстал перед дьяволом с распятием в руках и повелел ему Христовым именем выйти из храма. И дьявол был вынужден беспрекословно ему повиноваться.

Очень страшная история случилась некогда в Риме. О ней повествует некто Жан Декорр, автор сборника разных чудесных историй, напечатанного в 1584 году. Какой-то молодой человек, сын очень бедных родителей, вел разгульную жизнь, и при том нрава был чрезвычайно злобного. Не поладивши с отцом, он жестоко с ним поругался и даже побил старика. В пылу этой схватки им овладело такое бешенство, что он воззвал к нечистому духу и изъявил желание продать ему свою душу. Дело происходило в какой-то деревушке в окрестностях Рима. После описанной ссоры с отцом юноша покинул отчий дом и отправился в Рим, все еще полный мыслью устроить своему отцу какую-нибудь штуку, еще погаже тех, которые он раньше делал. Дорогою он повстречал дьявола, который принял вид очень грязного и неопрятного человека, в старой рваной одежде, с растрепанными волосами и бородой и очень злым лицом. Дьявол спросил юношу, чем он так расстроен и озабочен. Тот рассказал ему о своей ссоре с отцом и о своем страстном желании как-нибудь покрепче насолить ему. Выслушав его рассказ, дьявол ему отвечал, что он как раз находится в таком же самом положении, что он тоже рассорился с отцом и жаждет ему отомстить. Поэтому, дескать, им лучше всего будет вступить в союз и действовать заодно. На том и порешили. На ночь они остановились в гостинице и улеглись спать в одной комнате. Ио едва юноша заснул, как злобный компаньон схватил его за горло и начал душить и наверное задушил бы, если бы блудный сын, проснувшись, не успел вовремя, призвать имя Божье. Как только это имя было произнесено, злой дух мгновенно исчез, но при этом так потряс весь дом, что он едва не разрушился. Этот урок пошел на пользу блудному сыну, который после того исправился, покаялся и вел примерную жизнь.

Ученый немецкий богослов Годельман рассказывает случай, происшедший в Вюртенберге, в то время, когда Годельман учился в тамошней академии (Годельман жил в XVI столетии). К одному из профессоров этой академии однажды кто-то громко постучался в дверь. Слуга отворил дверь и увидел перед собою человека в очень странном костюме. На вопрос, что ему нужно, посетитель отвечал, что желает говорить с профессором. Тот приказал его принять. Посетитель немедленно задал профессору несколько трудных богословских вопросов, на которые опытный ученый, заматеревший в диспутах, немедленно дал ответы. Тогда посетитель предложил вопросы еще более трудные, и ученый сказал ему: «Ты ставишь меня в большое затруднение, потому что мне теперь некогда, я занят. А вот тебе книга; в ней ты найдешь то, что тебе; нужно». Но когда посетитель взял книгу, ученый увидал, что у него вместо руки с пальцами — лапа с когтями, как у хищной птицы. Узнав по этой примете дьявола, ученый сказал ему: «Так это ты? Выслушай же, что было сказано о тебе». И, открыв Библию, ученый показал ему в книге Бытия слова: «Семя жены сотрет главу змия». Раздраженный дьявол в великом смущении и гневе исчез, но при этом произвел страшный грохот, разбил чернильницу и разлил чернила и оставил после себя гнусный смрад, который долго еще слышался в доме

Гулар, автор книги «Сокровище чудесных и памяти достойных историй вашего времени», изданной в 1600 году, сообщает в этой книге следующий случай. В городе Фрейбер-

ге дьявол в человеческом образе явился одному больному. Он показал ему какую-то книгу и убеждал его покаяться во всех своих грехах, какие только он может припомнить. Грехи эти, по словам таинственного посетителя, следовало записать в ту книгу, которую он предъявляли. Больной сначала испугался, и страх отнял у него язык. Но он скоро оправился, изъявил согласие продиктовать свои грехи, но только требовал, чтобы пришлец предварительно написал в своей книге крупными буквами библейские слова: «Семя жены сотрет главу змия». Как и в предыдущем рассказе, дьявол мгновенно исчез, наполнив весь дом невыносимым смрадом. Очевидно, приведенным словам Библии в Средние века приписывалась капитальная чертогонная сила.

У того же Гулара находим еще следующий рассказ. Какой-то монах Фома повздорил с другим монахом своего монастыря. Между ними началась жестокая ссора, во время которой они осыпали один другого скверною бранью. Наконец, наругавшись вдоволь, разошлись, и Фома, чтобы несколько успокоиться и развлечься, пошел прогуляться в ближний лес. Там он повстречал какого-то человека в длинном платье, с черной бородой. Вид его был безобразен, а взгляд ужасен. Фома спросил его, куда он идет. Незнакомец отвечал, что у него убежала верховая лошадь, и что он ходит и ищет ее. Пошли вместе, в скоро дошли до глубокого ручья. Монах начал было разуваться, чтобы перейти вброд, но спутник убедил его сесть на него верхом и брался перенести его через воду. Фома уселся на него к охватил его шею руками. Но в эту минуту, опустив глаза, он увидел, что ноги его спутника имеют самую странную и чудовищную форму. Удивленный и испуганный, он начал творить молитву. Услыша святые слова, спутник тотчас сбросил его с себя и кинулся вперед с такою стремительностью, что с треском повалил своим телом огромный дуб и переломал на нем все ветви. Фома же долгое время лежал полумертвый от страха.

III. ПОХИЩЕНИЕ ЛЮДЕЙ НЕЧИСТОЙ СИЛОЙ

Выражения: «черт унес», «черт побрал» и т.д., стали общеупотребительными почти у всех европейских народов. Пошли же эти выражения в ход, очевидно, из тех бесчисленных историй и сказаний о похищении нечистой силой людей, которые существуют у всех народов. Мы передадим несколько историй этого рода, попавших в демонологические сочинения, вроде упомянутых книг Крепэ, Гулара и других.

В 1551 году случилось такое происшествие в одном немецком городке в день Троицы. Народ веселился, пьянствовал, гулял. Среди гуляк особенно отличалась одна баба, которая поминутно поминала в речи черта. И вот вдруг какая-то невидимая сила подхватила ее, выволокла за, дверь на улицу и подняла на воздух. Все бывшие в доме кинулись вслед за нею на улицу. Они видели, как несчастную бабу несло по воздуху, как она пролетела над всей деревней и как была потом брошена на землю посреди поля. Ее нашли на земле уже бездыханною. Эта история рассказана в книге Иоганна Вира, представляющей обширный сборник всяких историй о проделках дьявола, колдунов, ведьм и т.д.

У Гулара рассказывается история одного пьяницы, который во хмелю принялся разглагольствовать о том, что у него, наверное, нет никакой души, что все разговоры о душе сущий вздор, потому что никто никогда не видал души. В это время один из собутыльников предложил ему продать свою душу, коли он ее ни во что не ставит, за бутылку вина. Пьяница охотно согласился, и как только этот торг состоялся, покупатель тотчас схватил его и вместе с ним пропал из глаз присутствовавших.

Крепэ рассказывает о каком-то маклак, который занимался торговлей хлебом. Однажды по случаю торговых неудач озлившийся маклак обратился к дьяволу и призвал его к себе на помощь. Дьявол немедленно явился, схватил маклака, мгновенно вознес его на вершину дуба и оттуда сбросил на землю, о которую он и расшибся до смерти.

У Лелуайе рассказывается такое происшествие. Дело было в Польше. Какой-то анабаптист однажды собрал своих приверженцев на проповедь, обещая им, что они увидят воочию, как ни него во время проповеди снизойдет Святой Дух. Однако, на деле вышло иное, ибо, - замечает благочестивый автор, - Дух Святой не нисходит на еретиков. Вместо него на анабаптиста кинулся дьявол, которого видели все присутствовавшие своими глазами, поднял его на воздух, мял его и трепал, а затем окунул вниз головою в воду, и держал в этой позиции, покуда он не захлебнулся.

Чрезвычайно неприятное происшествие в этом роде, передаваемое Жаном Декорром,

о которого мы уже упоминали выше, случилось с судьей в городе Маконе, во Франции. Этот судебный чин был колдун. Черти, с которыми он что-то не поладил, однажды накинулись на него во время обеда, подхватили, выволокли на улицу, подняли на воздух и три раза промчали вокруг города, на глазах многих жителей, со страхом и ужасом смотревших на этого воздухоплавателя. Все слышали, как несчастный вопил: «Помогите, помогите!». Чем эта история окончилась — почтенный автор не сообщает.

Вот еще история одного солдата, довольно пространно рассказанная в книге Гулара. Этот воин во время путешествия по Бранденбургу внезапно захворал и остановился в гостинице. Бывшие с ним деньги он отдал хозяйке гостиницы, прося ее поберечь их, покуда он болен. Через несколько дней он выздоровел и просил хозяйку отдать ему его деньги. Но та уже успела посоветоваться со своим мужем, и они вместе порешили присвоить себе эти деньги. Поэтому на спрос постояльца она отвечала, что никаких денег он ей не давал и своим требованием наносит ей бесчестье. Раздраженный постоялец раскричался на нее, называя ее воровкой. На крики прибежал муж хозяйки, разумеется, заступился за жену и вытолкал постояльца вон; тот выхватил меч и ударил им в дверь. Хозяин же принялся кричать караул, и людям, сбежавшимся на его крики, стал жаловаться на солдата, что тот хотел силою ворваться в дом и ограбить его. Солдата немедленно арестовали и заключили в тюрьму, потом судили и решили приговорить к смерти. И вот в тот самый день, когда солдату должны были объявить приговор, к нему явился дьявол и сказал ему, что он приговорен к смерти, но что если он пожелает продать свою душу, то останется цел и невредим и выйдет на свободу. Однако, арестант ответил искусителю, что он согласится скорее умереть невинным, нежели спасти свою жизнь таким способом. Дьявол настаивал на том, что осужденному угрожает неминуемая опасность, и что если он не желает отдавать свою душу, то он, дьявол, поможет ему и так, даром. Он внушил солдату, чтобы тот, когда его призовут в суд, сказал, что он желает иметь защитника. А защитник, т.е. сам дьявол, будет находиться там же на суде, и солдат его может узнать по синему колпаку, который будет надет у него на голове. Солдат на это согласился. На другой день во время суда он потребовал себе защитника, и ему это было разрешено. Дьявол тотчас выступил в адвокатской роли и со всеми подробностями рассказал, как было дело, причем с точностью указал, где спрятаны деньги, похищенные у солдата. Хозяин гостиницы, видя, что ему приходится плохо, отпирался от взводимых на него обвинений, причем в виде клятвы произнес, что пускай де унесет меня дьявол, ежели я присвоил себе солдатские деньги. При этих словах адвокат в синем колпаке мгновенно кинулся на него, схватил его в охапку, выводок из зала заседания суда и поднялся е ним на воздух, взлетая все выше и выше до тех пор, пока не скрылся совершенно из глаз. Автор этого сообщения приводит свидетельство какого-то лица, удостоверяющего, что событие произошло в 1541 году, и что солдат этот возвращался из Венгрии.

Тот же автор рассказывает о каком-то дворянине, который имел дурную привычку призывать черта во всех затруднительных случаях жизни. Однажды ночью, проезжая в сопровождении своего слуги по пустынной дороге, он вдруг был окружен целой толпой злых духов, которые схватили его и повлекли. Но слуге, человеку весьма благочестивому, стало жалко своего барина, и он, стремясь спасти его от чертей, крепко обнял его, творя молитву. Черти тщетно кричали ему, чтобы он бросил своего барина, и рвали его из рук слуги. Они ничего не могли сделать, и барин-богохульник был таким образом спасен своим слугой
Вот еще история из сборника Гулара. В Саксонии одна очень богатая девица дала обещание выйти замуж за красивого, но очень бедного молодого человека. Жених, однако, плохо верил ее обещанию и не раз говорил ей, что она, такая богатая, очень легко может изменить свое решение и выйти замуж за другого, который ей будет более под пару. Девушку чрезвычайно раздражали эти сомнения жениха и она однажды сказала ему: «Если я пойду замуж за другого, то пусть меня черт унесет в самый день моей свадьбы. И вот случилось то, чего опасался бедный жених. Богатая девушка разлюбила его и дала слово другому. Прежний жених напомнил было ей о ее страшной клятве, но она только посмеялась и продолжала деятельно готовиться к свадьбе. Однако, в самый день свадьбы молодой было что-то не по себе, она видимо задумывалась и беспокоилась. Во время свадебного пира во двор дома въехали двое незнакомых хозяевам всадников. Их приняли, как гостей, ввели в зал, где происходило пиршество. Когда все вышли из-за стола и начали танцевать, хозяева дома попросили одного из этих гостей протанцевать с новобрачной. Он подал ей руку и обвел ее кругом зала. Потом в присутствии родителей, родственников и друзей он с громкими криками схватил ее, вынес на двор и поднялся с нею на воздух. И затем в мгновение ока он исчез из глаз со своею добычей и в ту же минуту исчезли его спутники и их лошади. Родители, в предположении, что их дочь была брошена где-нибудь оземь, искали ее целый день, чтобы похоронить, но не нашли. А на следующий день к ним явились те же два всадника и отдали им всю одежду и украшения новобрачной, сказав при этом, что Бог предал в их

власть только ее тело и душу, а одежду и вещи они должны возвратить. И, сказав это, они вновь исчезли из глаз.

Один человек гостил у своего родственника в Неаполе. Однажды ночью он услыхал отчаянные вопли: кто-то призывал к себе на помощь. Тот человек зажег свечку и бросился на крики. Добежав до места, откуда они раздавались, он увидал какую-то ужасную фигуру, которая схватила и влекла куда-то какого-то молодого человека. Несчастный кричал и отбивался изо всех сил. Когда же он увидел человека, вышедшего к нему на помощь, он рванулся к нему и с отчаянием ухватился за его одежду. Оба они начали громко творить молитвы, и ужасный призрак тотчас исчез. Спаситель привел спасенного к себе в дом и долго не миг его успокоить. Когда же тот, наконец, пришел в себя, то рассказал своему освободителю, что он очень нехорошо себя вел и был тая груб и непочтителен со своими родителями, что те его прокляли и выгнали из дому. И как только он вышел из родительского дома, злой дух тотчас и напал на него.

Один человек, житель Гейдельберга, однажды куда-то ездил в другой город, и когда возвращался домой, то невдалеке от родного города встретил всадника. Они разговорились, и всадник предложил ему сесть сзади его на лошадь. Взобравшись на коня, путник хотел ухватиться за всадника, чтобы крепче держаться на спине лошади, но всадник вдруг мгновенно исчез у него из глаз. В ту же минуту конь взвился на воздух и, поднявшись на значительную высоту, сбросил человека на землю. Он упал и так расшибся, что несколько часов не мог двинуть ни рукой, ни ногой.

Жан Декорр рассказывает такого рода историю. В Сицилии жал однажды молодой человек, предававшийся всякого рода распутству. Он состоял на службе у вице-короля Сицилии, который однажды послал его куда-то и за чем-то. Но по дороге он вдруг был подхвачен какой-то невидимой силой, взвился на воздух и затем исчез. Спустя немого времени после того около тех мест проходило по морю судно. И вдруг с высоты раздался громкий голос, выкрикивавший имя хозяина того судна. Испуганный хозяин молчал, не отвечал на призыв, повторившийся уже дважды. Тогда голос окликнул его в третий раз и при этом прибавил, что если он не отзовется, то его судно будет потоплено. Тогда судовладелец с трепетом спросил, кто его зовет и чего от него хотят. Голос сверху отвечал: «Я дьявол. Скажи вице-королю, чтобы он не искал понапрасну такого-то (т.е. молодого человека, который был похищен). Я его унес, он теперь здесь с нами. Вот пояс его жены, который был е ним. Отдай его ей». И при этих словах на палубу судна упал сверху женский пояс. Происшествие это случилось у самой подошвы вулкана Этны, который в старые времена считался в народе отверстием адовым.

IV. ПРЕВРАЩЕНИЯ ДЬЯВОЛА

Превращаемость нечистой силы во все виды и формы должна была представляться воображению первобытного человека, как совершенно необходимое свойство. Вообще вера в превращение или оборотничество принадлежит, несомненно, к глубочайшей древности. Источник этой веры, как полагает известный автор «Поэтических воззрений славян на природу» А.Афанасьев, таится в самом языке первобытных племен, полном иносказаний и переносных значений. Человек уподоблял явления природы различным животным, называл их одинаковыми именами и с течением времени привык к этому смешению понятий и уверовал в действительность своих поэтических воззрений. Так, например, облака и тучи, игравшие столь важную рол в жизни первобытного человека, своим свойством беспрерывно самым причудливым образом менять свой вид навели человека на сравнения их с птицами, с быстроногими конями и оленями, охотничьими собаками, волками, медведями, кошками, козами, овцами и даже дойными коровами. Таким образом, народ с седой древности усвоил себе понятия о превратимости таинственных сил и духов, о бесконечном разнообразии форм, какие могут быть ими приняты. Отсюда и вышло верование в оборотней. Но о них у нас еще речь впереди. Здесь же мы только укажем на существовавшие в Средние века россказни о превращениях дьявола. Сама профессия соблазнителя и искусителя заставляла нечистого духа прибегать к изменению своей внешней формы, выбирать ее сообразно обстоятельствам. Поэтому у наших предков и было принято, как один из основных догматов суеверия, что дьявол может принимать какую ему угодно форму.

Лелуайе, на которого мы уже не раз ссылались, говорил в своей книге: «Нет такого четвероногого зверя, вида которого ни принимал бы дьявол, о чем могут служить свидетелями отшельники, жившие в пустынях и много претерпевшие от нечистой силы. Так, на-

пример, святому Августину, который жил в Фиваидской пустыне, демоны являлись в виде волков, львов, быков. Святому Иллариону во время молитвы беспрестанно являлся то воющий волк, то лающая лисица, то большая собака. Иногда демон являлся отшельникам даже в виде Левиафана, о котором упоминается в книге Иова. Но не довольствуясь формой четвероногих, дьявол является также в виде птиц, в виде мух, оводов и т.д. Буде же представляется надобность, враг рода человеческого с той же легкостью может принять вид какого ему угодно неодушевленного предмета — травы, кустарника, дерева, золота, серебра, огня, воды, ветра, молнии и т.д. Сплошь и рядом в народных сказаниях и легендах дьявол меняет свою форму прямо на глазах тех, кому является, т.е., например, из гиганта превращается в карлика, из птицы — в зверя, из огня — в золото и т.д.

Иоганн Вир рассказывает, как в одном монастыре дьявол очень долго мучил монахинь разными своими штуками. Он, например, врывался к ним в опочивальни в виде вихря, а потом начинал наигрывать на лютнях или на арфах такие задорные плясовые мотивы, что у монахинь сами собой начинали ходить ноги и они не могли удержаться, чтобы не пуститься в пляс. А в самый разгар этого адского бала внезапно появлялся откуда-то огромный пес и кидался на тех на монахинь, которые перед тем впадали в какие-нибудь особенно зазорные прегрешения. В другом монастыре, тоже женском, около Кельна, дьяволы принимали вид собачонок, которые старались забраться к монахиням под одежду. В третьем, тоже женском монастыре, дьяволы делали ту же проделку, но уже под видом кошек.

Любимая форма черта, когда он является людям, которыми уже овладел, т.е. колдунам и ведьмам, это вид козла.

В случае надобности дьявол принимает образ умерших людей. По этой части мы находим у Лелуайе рассказ о том, как дьявол соблазнял женщину, муж которой только что перед тем был повешен. С тою целью он и принял внешность повешенного. Однако, происшествие это изложено у Лелуайе до такой степени запутанно и сбивчиво, что его нет возможности удобопонятно пересказать. Автор, должно быть, и сам это чувствует, и потому, кончав этот рассказ, немедленно сообщает другой такой же факт для того, чтобы разъяснить на примере, что он хочет сказать. Он рассказывает историю некой Николь Обри, одержимой демонами, с которой пришлось немало повозиться опытным заклинателям. Дьявол первоначально явился этой особе под видом ее отца, скоропостижно скончавшегося. Покойник убеждал ее за упокой его души отслужить несколько месс и совершить богомольное странствование. Все это время он неотступно следовал за ней повсюду. Простодушная женщина, не сомневавшаяся в том, что видит перед собой действительно дух своего покойного родителя, добросовестно исполнила все подвиги благочестия, какие дьявол от нее потребовал. Ему же только и нужно было заставить ее слушаться себя. Когда же ему показалось, что он уже вполне завладел ее послушанием, он вдруг переменил свой вид и явился перед нею в виде отвратительного и безобразного призрака, и тут уже резко изменил смысл своих внушений, начал побуждать ее».то к самоубийству, то к разным смертным грехам.

У Бодена, записан такой случай. В одном доле, перед целым кружком людей, бывших там, вдруг появился злой дух в виде женщины. Он плакал и стонал, и на вопрос, кто он и что ему надо, он отвечал, что он душа умершей женщины, которой не будет на том свете покоя, пока ревнители благочестия не отслужат по ней несколько обеден и не сходят на богомолье. При u1090 тэтом словоохотливый демон рассказал множество разных случаев и событий,

совершенно верных и действительных, чем немало удивил присутствовавших и склонил их поверить тому, что перед ними действительно находится душа той самой женщины. Но одному из компании, по счастью, пришло в голову сделать испытание, весьма серьезное и доказательное.

— Если ты хочешь, чтобы мы тебе поверили, — сказал он привидению, — то прочти вслух псалом: «Помилуй мя, Боже, по великой милости Твоей»...

Но привидение оказалось не в силах сделать это, и тогда все присутствующие увидели, что это был не покойник, а просто дьявол, задумавший сыграть штуку.

Лафатер рассказывает, например, что супруга итератора Генриха II, Кунигунда, была заподозрена в измене; распустили слух о том, что она вошла в преступную связь с одним из придворных. Слухи эти основывались на том, что много раз видали, как этот «самый придворный выходил по ночам из покоев императрицы. А между тем, это был вовсе не подоз-

реваемый придворный, а дьявол, который принимал его вид, чтобы погубить императрицу. Впоследствии она это блистательно доказала посредством ордалии, т.е. Суда Божьего, который так широко практиковался в Средние век». Она прошла босиком по раскаленной железной решетке, не причинив себе никакого вреда.

На острове Сардинии в городе Кальяри (повествует Деланкр. Автор книги «Картина непостоянства злобных ангелов») жила одна девица, происходившая из очень богатого и почтенного семейства. Она страстно влюбилась в одного из своих сограждан, очень красивого молодого дворянина, но скрыла от него свою страсть. Дьявол-искуситель, измерив глубину ее увлечения, мигом сообразил, что он может им очень успешно воспользоваться, чтобы погубить девицу. Он принял вид предмета ее страсти и стал за нею ухаживать. Влюбленная девушка не могла не впасть в обман, потому что ловкий дьявол так подделал свое обличие, что не было никакой возможности отличить подделку от подлинника. Дело быстро подвинулось вперед, и враг рода человеческого не удовольствовался одним тем, что сбил девицу с пути истинного, но учинил еще другое злодейство — подделал таинство брака. Обманутая девушка отдалась в его власть в полной уверенности, что она хотя и тайно от родителей, но все же обвенчана со своим возлюбленным; она впадала в свой грех, не отдавая себе отчета в его настоявших размерах. Между тем случилось, что мать этой особы надела на нее какую-то ладанку с мощами. Ясное дело, что когда она с этою ладанкою явилась на свидание к своему таинственному супругу, он сейчас же ее покинул. Переждав некоторое время, не видя своего мужа и не получая от него никаких вестей, она отправила к нему письмо. И вот тут-то обнаружилась проделка дьявола. Красавец-дворянин, получив ее письмо, был удивлен до ошеломления. Ему не трудно было доказать, что он никак и не мог обвенчаться с нею в то время, о котором говорила попавшаяся впросак девица, потому что не жил тогда в Кальяри. Злополучная барышня поняла, что она сделалась жертвой дьявольского наваждения, и ушла в монастырь замаливать свой невольный грех.

Такого же рода историю, т.е. на почве любовного увлечения, рассказывает Иоганн Вир. Героиней этой истории была служанка какой-то богатой монахини. Эту девушку обещал за себя взять замуж крестьянский парень. Но ветреный жених влюбился в другую. Первая невеста была так этим огорчена и раздражена, что, не помня себя, бросилась бежать куда глаза глядят. И вот, когда она отошла версты на две от монастыря, навстречу ей откуда ни возьмись дьявол, принявший вид молодого парня, только другого, не жениха. Он заговорил с ней и рассказал ей всю подноготную об ее женихе, как он ей изменяет, как ухаживает за другой и т.д. Лукавому хотелось довести ее этими рассказами до полного отчаяния и побудить к самоубийству. Заметив, что он почти уже достиг своей цели, дьявол начал ее уговаривать пойти с ним в одно место, которое он ей указывал. Девушка отвечала, что в том месте ничего нет, кроме топкого болота, и что идти туда ей незачем. Тогда ее спутник внезапно пропал из ее глаз, а девица от ужаса лишилась чувств и свалилась с ног. После того она долго хворала и жаловалась на то, что ее мучит нечистый дух, который все грозился похитить ее и унести через окно.

В заключение вот еще одна история, рассказанная тем же автором. Жена одного купца, жившего в Витемберге, повадилась в отсутствие мужа принимать своего сердечного друга. И вот однажды случилось, что муж куда-то отлучился, а к супруге по обыкновению заявился гость. Они покушали и выпили, и вообще хорошо провели время; когда же наступил момент прощания, возлюбленный купчихи мгновенно превратился в сороку и, взлетев на шкаф, проговорил оттуда человечьим голосом:

- Вот он каков, твой возлюбленный-то, полюбуйся!

И с этими словами злой дух исчез и больше уже не возвращался.

V. ПРИЗНАКИ ОДЕРЖИМОСТИ ДЬЯВОЛОМ

Следует строго различать одержимых дьяволом от предавшихся ему. Первые — ни в чем нёповинные жертвы дьявола, которым он овладевает помимо их воли; вторые добровольно входят с ним в союз, сами призывают его, заключают с ним свободный договор. Первые всегда пользовались защитой и содействием духовенства, и из них изгоняли бесов с помощью особых обрядов и молитвенных заклинаний (экзорцизмов). Вторые, напротив, бежали и всеми мерами укрывались от пытливого ока духовных стражей, а когда попадались, то были рассматриваемы и судимы, как враги веры, еретики и богоотступники, и подвергались весьма жестокой расправе.

Однако, к той или другой группе принадлежал вошедший в сношение с нечистой силой, был ли он доброволец или жертва. Во всяком случае дьявол накладывал на него свою печать, отмечал свою добычу. И по сему было существенно важно знать, по каким признакам надлежит отличать одержимого. Искусство этого распознавания чрезвычайно старательно разрабатывалось в течение Средних веков.

Обратимся вновь к нашим авторам-демонологам и посмотрим, что они говорят по этому предмету.

Гулар приводит мнение Меланхтона, который говорит, что сколько» бы ни существовало естественных причин бешенства и сумасшествия, во всяком случае надо признать, что в некоторых людей дьявол, действительно вселяется и причиняет им страшные мучения, и приводит их в ярость, причем естественные причины этих явлений могут быть налицо, но могут и отсутствовать. Отсюда-большая сбивчивость в объяснении и истолковании всех этих бурных явлений одержимости: бешенства, корчей, судорог, нелепых движений, богохульных криков и т.д. Но затем и дан человеку разум, чтобы все понять, объяснить, разобрать и определить, и привести в стройную систему и порядок. И средневековые богословы, ученые, врачи, философы не жалели трудов на эту богоугодную задачу. К чему они пришли, об этом можно судить по сочинениям вроде тех, какое было написано ученым доктором медицины, голландцем Эсе, под заглавием: «Рассуждение о знаках одержимости» (издано в 1644 г.). Автор прямо перечисляет по пунктам все существенные приметы одержимости. Вот они. Человек может быть признан одержимым:

1) Когда утверждает сам, что он одержим дьяволом.
2) Когда он ведет дурную жизнь.
3) Когда он чуждается людей и проводит жизнь в строгом одиночестве.
4) Когда он страдает продолжительной болезнью с необычайными признаками и припадками вроде непробудного сна, извержения со рвотою разных предметов, не входящих в состав пищи, и т.д.
5) Когда он изрыгает хулу на Бога и часто поминает дьявола.
6) Когда он заключил договор с дьяволом.
7) Когда его мучают злые духи.
8) Когда у него на лице появляется особое ужасное выражение, приводящее людей в трепет.
9) Когда он жалуется на скуку и пустоту жизни, когда им овладевает отчаянье.
10) Когда он впадает в бешенство, буянит и дерется.
11) Когда он издает крики, свист и рычание подобно дикому зверю, птице или гаду.

В 30-х годах XVII столетия разразилось одно из знаменитейших дел, возникших на почве одержимости дьяволом. Монахини Урсулинского монастыря в Лудене (департамент Виенны во Франции) оказались все с явными признаками одержимости. Это дело было впоследствии описано в очень многих богословских и других ученых сочинениях. Полагая, что нам еще придется говорить об этом деле, мы теперь не будем входить во все его подробности, а упомянем только об одной из них, которая нам как раз теперь нужна. Дело в том, что когда духовное начальство взялось за разбор этого дела, перед ним встал чрезвычайно затруднительный и щекотливый вопрос: как смотреть на все те неистовства и штуки, которые выкидывали злополучные монашки? Не приемля на себя решения этого ответственного вопроса, духовенство обратилось в университет в Монпелье, прося ученый синклит этого учреждения взять на себя решение тех вопросов. Ответы университетских профессоров в высшей степени характеристичны. Всего любопытнее в них тот дух сомнения, критики и даже насмешки, с которым тогдашние ученые относились к ходячим воззрениям на одержимость. С этой стороны ответы университета на заданные ему вопросы заслуживают того, чтобы их привести подробно.

На первый вопрос о том, могут ли служить признаком одержимости сильные сгибания и движения тела, например, пригибание головы к пяткам, судороги и необычайные позы, факультет дал такой ответе «Акробаты, гимнасты и прочие фокусники могут выделывать самые необычайные движения, изгибают и перекручивают тело на разные манеры, и можно утверждать, что не существует такого телодвижения или такой позы, которые бы мужчина или женщина ни выучились делать при надлежащем упражнении, ибо жилы, мускулы и нервы человеческого тела при долгом упражнении могут быть как угодно растянуты. И, однако же, все такие действия производятся при помощи самых натуральных средств».

На вопрос: можно ли считать признаком одержимости быстрое качание головою взад и вперед, причем голова то опускается на грудь, то закидывается на спину, университет отвечает: «Эго движение столь же просто и естественно, как и те, о которых шла речь в ответе на первый вопросе».

Третий вопрос: считать ли одержимыми тех, у кого вздувается язык и горло, вспухает лицо, которые внезапно краснеют и бледнеют? Ответ: «Расширение и трепетание груди зависит от вдыханий и выдыханий, а эти движения вполне естественные, и тут не может быть никакой речи об одержимости. Вздутие горла можно произвести остановкою дыхания, что опять-таки будет вполне естественно».

Следующий вопрос: считать ли признаком одержимости тупость и даже полное отсутствие внешних чувств и полную нечувствительность к боли? На это университет отвечает: «Пример молодого спартанца, несшего украденную им лисицу, которая прогрызла ему бок и загрызла его на смерть, причем он, однако же, перенес все причиненные ему страдания не моргнув глазом, показывает, что усилием воли человек может заставить себя переносить, не выказывая ни малейших признаков боли, даже самые страшные истязания, а не только ничтожные уколы булавками или небольшие ожоги. При том же известно, что у некоторых людей бывают некоторые участки на теле, совершенно нечувствительные к боли, тогда как кругом лежат другие части, на которых боль нормально ощущается. Таким образом и этот признак не может указывать на одержимость».

На следующий вопрос: считать ли признаком одержимости, когда человек, перед тем корчившийся в страшных судорогах, вдруг останавливается и остается спокойным по приказанию лица, производящего экзорцизм, — университет отвечает: «Так как движения нашего тела вполне произвольны, то каждый может по своему желанию двигаться или не двигаться. Поэтому остановка движения, если только она не соединена с полною бесчувственностью человека, не должна считаться признаком одержимости».

Далее следовал вопрос: считать ли одержимыми тех, кто издает лай и другие звуки, свойственные животным, в особенности, когда видно, что эти звуки исходят не из горла, а из глубины груди? Университет отвечает: «Человеческое горло так искусно устроено, что приспособляется к произведению каких угодно звуков, и потому человек может подделывать с большим искусством крик какого угодно животного. Вдобавок, находятся искусники, которые ухитряются производить звуки так, так будто бы они исходят из чрева или слышатся сверху, снизу, как бы из-под земли и т.д. Этих искусников называют энгастримимами или энганстрилоками (чревовещателями). Но все эти фокусы производятся совершенно естественным образом».

Затем идет вопрос: считать ли признаком одержимости совершенно неподвижный взгляд? На это университет отвечает, что глаз человека подобно другим частям его тела, двигается вполне по воле человека, и что всякий волен двигать глазами ила остановить их и смотреть неподвижно.

Далее спрашивают: «Если человеку, незнающему латинского языка, задать вопрос по-латыни, а оп дает совершенно толковый ответ по-французски, то следует ли это считать признаком одержимости?». Этот коварный вопрос несколько поколебал скептическую самоуверенность университетских ученых. Они дают уклончивый ответ.

Начинают она с того, что, конечно-де, ежели человек, не изучавший чужого языка, вдруг начнет на нем говорить, то позволительно из этого заключить, что таким внезапным талантом человек обязан участию нечистой силы. Но если человек отвечает лишь на несколько вопросов, то это может зависеть и от естественных причин. Люди могли случайно узнать несколько латинских слов, вдобавок, эти слова могли и походить на французские. Приписывать же непременно дьяволу, поселившемуся в человеке, французские ответы на латинские вопросы не представляется в подобных случаях никаких оснований.

Следующий вопрос: считать ли одержимыми тех, кто извергает рвотою разные вещества в том же виде, в каком они были проглочены? На этот вопрос университет, ссылаясь на Бодена, Дельрио и других авторитетов по части демонологии, дает ответ, что иногда колдуны при посредстве чародейства извергают рвотою разные предметы, как, например, гвозди, булавки и т.д., и что такое явление можно, конечно, приписать дьяволу, так как колдуны, без сомнения, пользуются в своих делах его содействием. Отсюда можно заключить, что то же самое может происходить и с одержимыми. Но что касается до извержения рвотою

предметов в том виде, в каком их проглотили, то в этом нет еще ничего сверхъестественного, ибо существует немало людей со слабым желудком, у которых проглоченное может очень долгое время оставаться в желудке непереваренным и, следовательно, может быть извергнуто из него в таком непереваренном виде.

Наконец, на последний вопрос: считать ли признаком одержимости, если уколы и порезы ланцетом на разных частях тела не причиняют кровотечения — университетские ученые отвечали, что такое отсутствие кровоизлияния надо отнести к особенным свойствам людей, обладающих «меланхолическим» темпераментом. У людей с таким темпераментом кровь обычно бывает очень густая и грубая, которая не может вытекать через малые надрезы. Бывают случаи, когда у таких людей кровь не вытекает и из надрезанных жилы что засвидетельствовано прямыми опытами и наблюдениями хирургов. А посему это обстоятельство не может считаться сверхъестественным и чудесным.

Мы с намерением привели здесь эти вопросы и ответы. Они служат яркой характеристикой воззрений того времени, и богословских, и медицинских; заодно в них выступает и картина тогдашних суеверий, относящихся до чертовщины.

В 1566 году наделало шуму дело некой Николь, о которой нам уже случилось упомянуть. Автор подробного и ученого описания этого дела, Булез, интересно описывает, как из тела этой одержимой изгоняли 26 бесов, которые устроили в ней свою квартиру. «В два часа пополудни, — повествует Булез, — вышеозначенная Николь, одержимая нечистою силою, была принесена в названную церковь, где вышеуказанным Моттою были произнесены над нею заклинания. Не взирая на эти заклинания, Вельзевул громким голосом отвечал, что он не выйдет из нее. После обеда Мотта вновь принялся за заклинание и спросил у него, сколько их вышло. Он отвечал: «Двадцать шесть». — «Теперь надо, — сказал Мотта, — чтобы и ты сам, и все, кто остались с тобой, тоже вышли, как и прежние». Он отвечал: «Нет, я здесь не выйду, а если ты хочешь, чтобы я вышел, то отведи вас в другую церковь (и он указал эту церковь), там мы выйдем. Будет с тебя и того, что 26 уже вышли». Тогда Мотта спросил. По какой примете можно судить о том, что те 26 дьяволов уже вышли. Он (т.е. Вельзевул) отвечал, что пусть взглянут в маленький садик, который находился близ той церкви; дьяволы, выходя из тела одержимой, обломили три ветви с молодой сосны и вынули три камня из фундамента церкви. И это оказалось на самом деле так, в чем удостоверились самолично такие-то (далее идет перечисление свидетелей)».

Тот же автор описывает корчи одержимой. Когда епископ подносил к ней гостию (святые Дары) и при этом возглашал: «Изыди, враг Божий!», она тотчас же бросалась на землю и корчилась в ту и другую сторону. И голова ее пригибалась к ногам, и при этом она во весь голос выла. Ноги у нее сводило судорогой, так что пальцы прижимались к пяткам. В то время как ее удерживали восемь сильных людей, ее подбрасывало вверх на высоту человеческого роста; мгновениями она приподнимала за собою на воздух всех, кто ее держал, причем со всех этих людей ручьями струился нот. Она же, несмотря на все эти ужасные корчи и движения, оставалась холодною, ее тело нисколько не разогревалось. Народ, присутствовавший при этом зрелище, плакал и восклицал: «Смилуйся, Боже!». Иные закрывали глаза, не будучи в состоянии смотреть на это зрелище. Спустя некоторое время одержимая утихла и застыла в какой-то совершенно неестественной позе. Ее положили, и епископ разрешил всем подходить к ней и осматривать ее. И тогда все убедились воочию, что она находится в полном оцепенении. Люди пытались приподнять у ней веки, разогнуть сведенные судорогою пальцы, руки, ноги, но при этом убеждались, что гораздо легче сломать у ней руку или ногу, нежели разогнуть.

Жан Лебретон пишет о монахинях монастыря в Лувье, которые подверглись огульной одержимости, следующие вещи. Несколько раз в день ими овладевали припадки страшной ярости и бешенства. Они называли себя дьяволами, но, однако же, никому не наносили никакого вреда. Когда духовные отцы хлопотали над ними и в самые ярые моменты бешенства запускали им пальцы в рот (совершенно не постигаем, зачем это делалось), то они не кусали этих пальцев. Во время припадков они делали самые неимоверные движения; так, например, сгибались таким образом, что все тело их образовывало дугу, причем опирались на пятки и на лоб. В этом положении многие из них оставались подолгу. Однако же, по прекращении припадков они вовсе не казались ни измученными, ни утомленными; у них был ровный, здоровый пульс, хороший цвет лица, словом, они выглядели так, как будто с ними ничего не случилось. Иных брала судорога, начинавшаяся прежде всего в пальцах ног, переходившая на стопу, с нее на голень, затем на бедро, на живот, на грудь и на горло. И опять-таки этот припадок проходил сам собою, без всякого врачебного вмешательства, и

они приходили в свое нормальное здоровое состояние. Это быстрое возвращение к норме, в настоящее время не удивляющее никакого врача. Привыкшего к уходу за нервнобольными и особенно истеричными, в то время чрезвычайно поражало всех и служило признаком несомненной одержимости.

Другой историк, описывавший то же событие в Лувье, приводит такого рода факт. Посреди часовни монастыря стояла большая мраморная чаша, фута два в поперечнике и около фута глубиной, имевшая стенки толщиною не менее как в три пальца. Ваза эта была столь грузна, что трое сильных людей с большим трудом могли лишь приподнять ее. Одна из одержимых монахинь, женщина небольшого роста, сухощавая и на вид очень слабенькая, подойдя к этой вазе, схватила ее за грани рукою, сдвинула с места и опрокинула верхом вниз с такой легкостью, как будто бы это была чашка, которую перевертывают вверх донышком на блюдечке. Затем одержимая начала бегать по часовне во все стороны с такою яростной силой, что не было возможности ее удержать. Одному священнику удалось схватить ее за руку, но она начала вертеться во все стороны, причем, казалось, как будто бы ее тело соединено с рукою веревочкою, допускавшею движения по всем направлениям. Она крутилась так долгое время, приводя всех свидетелей в изумление совершенной сверхъестественностью своих движений.

Чрезвычайно любопытные и странные явления наблюдались в монастыре Огзонне. Здесь по ночам в саду, прилегавшем к монастырю, и вообще кругом его зданий воздух наполнялся каким-то неясным шумом, слышались какие-то неведомые голоса, свист, шипение, крики, словно целый сонм невидимых существ вел шумную беседу на неведомом языке. Эго был первый приступ к делу со стороны нечистой силы. Вслед за тем в окна церкви, где в то время служили мессу, полетели камни, швыряемые невидимыми руками. Эти окна находились в очень дальнем расстоянии от монастырской стены, а потому нельзя было думать, чтобы их бросал кто-нибудь, находившийся вне монастырской ограды. Замечательно еще то, что хотя окна были разбиты, но ни одного камня внутри церкви не могли отыскать. Все эти шумы, голоса и звон разбитых стекол слышали часовые городской крепости и монахини, бывшие на молитве в церкви. Им казалось, что весь их монастырь сотрясается до основания, и они усердно молились Богу. В это время в саду монастыря послышались тихие и жалобные голоса, словно кто призывал на помощь. Был второй час ночи; в саду была полная тьма, и погода стояла ненастная. Два священника спустились в сад, чтобы посмотреть, кто там плачет и зовет на помощь, и нашли гаи двух женщин, из которых одна сидела на дереве, а другая на монастырском крыльце. Обе были живы, но видимо чем-то истощены и измучены. Одна из них была бледная, с окровавленным лицом и страшно испуганная. У другой тоже была кровь на липе, хотя ни у той, ни у другой при тщательном осмотре не нашли никаких ран. Ворота монастыря были старательно заперты на ночь, и ограда его, высотою в 10–12 футов, достаточно защищала его от нападения каких-либо злодеев, а потому все эти происшествия, за неимением другой видимоё причины, разумеется, и были приписаны нечистой силе.

Между тем, обе женщины, найденные в саду, были отпущены. Когда о них доложили местному епископу, он, заподозрив в них одержимых, пожелал их видеть и послал за ними; но их нигде не могли отыскать. Тогда епископ, находясь в церкви монастыря, мысленно призвал к себе одну из этих женщин, т.е., другими словами, повелел демону, присутствие которого в ней подозревал, предстать пред ним, епископом. И, удивительное дело, дьявол немедленно повиновался, ибо не более как через четверть часа раздался чрезвычайно громкий стук в церковную дверь. И когда ее отворили, одержимая демоном девица ворвалась в церковь и принялась по ней выделывать дикие и бешеные прыжки. Ее лицо было совершенно искажено и налито кровью, глаза сверкали. При всякой попытке прикоснуться к ней священными предметами; или накрыть священными одеждами она делала яростные движения; и сбрасывала с себя все прочь. Четверо здоровых и сильных священников, которые хотели было ее связать, должны были отказаться от этого, потому что не в силах были с ней справиться.

Чтобы убедиться, что в этой женщине действительно сидит дьявол и что он вполне овладел ее телом, пробовали делать ему разные приказания, и он их охотно исполнял. Так, например, велели ему остановить пульс в левой руке одержимой, и он сейчас же это сделал. Приказали ему перевернуть ее с боку на бок, он перевернул. Ему приказали, чтобы он сделал девицу нечувствительною к боли; она сама тотчас протянула руку и сказала, что с нею могут делать, что хотят — жечь ее, проткнуть. И в самом деле, когда ей загнали под ноготь длинную иглу, она не выказала никакой боли, даже смеялась. Приподняли у ней кожу на руке к проткнули ее насквозь — крови не вытекло из укола ни единой капли.

В старинных демонологиях, описываются одержимые, которые сами себе наносили жесточайшие истязания, например, бились изо всей силы головой об стену или о каменный пол, причем у них не обнаруживалось ни раны, ни кровотечения, ни боли. Ужасало еще в них полное отсутствие всякого физиологического возбуждения при самых неистовых движениях, т.е. ни испарины, ни одышки, ни повышенного сердцебиения. Одна одержимая, например, раз сорок подряд с чрезвычайною быстротою и изо всей силы перегибалась взад к вперед до невозможности, и, однако, эта чудовищная гимнастика совсем не поднимала у ней пульса и не согревала ее.

Но самым пугающим, ужасным и в тоже время убедительным признаком одержимости считалось чтение одержимыми мыслей. Заклинатель, не говоря ни слова, не издавая звука, не делая никакого движения, которое выдавало бы его мысль, про себя, мысленно, задавал одержимому тот или иной вопрос, повелевал сделать то или иное движение. И одержимый мгновенно отвечал на вопрос или делал, что приказано. Тут уже было ясно, что в нем сидит нечистый дух, который читает за него мысли заклинателя.

Как время переменчиво! Теперь в любой клинике нервнобольных истеричные проделывают еще и не такие штуки, как огзонские одержимые, а чтение мыслей сделалось невинною забавою в гостиных у людей, стоящих вне всякого подозрения по части сношений с нечистою силою.

VI. ШАБАШ

Шабаш ведьм — одно из грандиознейших созданий народной творческой фантазии, увлекавшее величайших поэтов и художников. Вспомним шабаш в «Фаусте» Гете! Но мы оставим в покое великих, а обратимся к малым. Послушаем, что говорил народ в доброе старое время о шабашах. Прежде всего взглянем на процедуру подготовки к шабашу. С этою целью дамы, желавшие принять в нем участие, должны были, как известно, натираться особенною мазью. О составе и свойствах этой мази мы находим сообщения, между прочим, у много раз уже упомянутого нами Иоганна Вира. Вот что он говорит: «Они (т.е. ведьмы) кипятят младенца в медной посудине и вытопившийся жир счерпывают и хранят, тщательно спрятавши, пока в нем будет надобность. На этом жире и составляется волшебная шабашная мазь». Но для этого к жиру надо прибавить еще много разных снадобий: водяной петрушки (цикуты), аконита, тополевого листа, сажи.

«А то делают еще так, — продолжает Вир, — делают смесь из поручейника (Sium, растение сем. зонтичных), касатика, дикого винограда, крови летучей мыши, волчьих ягод и деревянного масла. Делают и другие смеси, подобные вышеописанным». Прежде чем натереться мазью, ведьма сначала крепко растирает все тело насухо, чтобы оно разгорелось и покраснело, а потом уже наводит мазь. Делается так, «дабы привлечь в тело жар и раскрыть то, что было сжато холодом», т.е., удобопонятнее говоря, дабы раскрыть поры тела, подготовить его к лучшему всасыванию мази. «И так уверены они, что будут унесены ночью, при свете луны, по воздуху на бал, на музыку, на танцы и в объятия прекрасных молодых людей, о которых они мечтают».

Как совершается путешествие на шабаш? Об этом повествует нам Дельрио, ученый и благочестивый автор книги «Контроверсы и магические изыскания>, изданной в 1611 году. Чаще всего поездка на шабаш совершается верхом на палке, которая для этого намазывается особой мазью. Это снадобье имеет тот же состав, как и описанные Виром мази. В него входит, как существенная составная часть, жир маленьких детей, которых обязательно доставляет ведьмам сам дьявол. Он, впрочем, только предоставляет им случай овладеть младенцем, а уж убивают его они сами. Итак, ведьмы садятся верхом на эту палку, натертую волшебною мазью, либо натираются ею сами и садятся на вилы, на метлу, иной раз на быка, на козла, на пса... Значит, экипаж у них бывает разнообразный. Усевшись на что бы то ни было, ведьма вылетает обязательно через печную трубу и мчится по воздуху на дьявольское собрание.

По прибытии на место дорогую гостью встречает хозяин пиршества — сам дьявол в образе козлища или пса. Сатанинский бал освещается страшными огнями, испускающими густые клубы черного дыма. Слетающиеся со всех сторон ведьмы воздают поклонение дьяволу; знаками этого поклонения являются особые позиции тела; так, например, ведьмы приседают на корточки и вместо того, чтобы склонить голову пред демоном, закидывают ее назад или становятся с ним спина к спине. Вообще в изображении этой обрядности видно же-

лание народной фантазии дать картину чего-то вывернутого наизнанку, обратного обычному представлению. Иные усердные поклонницы преподносят дьяволу черные свечки или вырезки из тела младенцев и прикладываются к нему устами, но опять-таки не к тем частям тела, куда обычно адресуются поцелуи. Всякого рода посрамления церковной обрядности и надругательства над гостией, конечно, являются жертвами, наиболее угодными дьяволу. Время препровождение на шабашах поясняется в рассказе того же автора. Прежде всего идут танцы, а потом садятся за стол, щедро уставленный всякими блюдами. Иногда чрезвычайно вкусными и лакомыми, а иногда разною гнилью и гадостью, — это уже, смотря по достоинству гостей. За столом располагаются в различном порядке. Иногда около каждой ведьмы садится ее кавалер-дьявол; так и сидят парами. Иногда же дамы садятся по одну сторону стола все в ряд, а с ними визави-кавалеры, тоже все рядом. Перед едою произносится нечто вроде благословения яства и пития, но, конечно, в богохульном смысле. И заканчивается трапеза тоже возглашениями подобного же рода. Танцуют обязательно держась спина к спине. Иногда на балу бывает музыка — скрипки и гобои, иногда все танцующие поют и пляшут под свое пение. Иной раз присутствовавшие на шабаше гости оставались с открытыми лицами, иной раз маскировались. Эта предосторожность считалась не лишней среди ведьм, потому что на шабаше могли быть самые неожиданные и неприятные встречи близких соседок или даже родственниц. Обыкновенно пиршество заканчивалось тем, что каждая ведьма отдавала хозяину пиршества, т.е. сатане, подробный отчет во всех пакостях, которые ей удалось совершить со времени последнего их собрания, причем удостаивалась либо похвалы и награды за рвение, либо нагоняя за нерадивость; нерадивых иногда тут же жестоко били.

Дельрио описывает в своей книге конец бала и разъезд гостей. В эти последние минуты пиршества все ведьмы запасаются каким-то порошком, который захватывают с собою. Что это был за порошок и из чего он состоял, об этом существовало множество остроумных, но, увы, противоречивых догадок. Наибольшим весом пользовалось, однако, такое сказание о происхождении этого порошка. Хозяин бала, сатана, обычно присутствовавший на пиршестве в образе громадного черного козла, вдруг мгновенно вспыхивал адским огнем, сгорал весь без остатка и превращался в кучу золы. Вот эта самая зола и представляла собою тот таинственный порошок, который ведьмы уносили с собою на память с шабаша. Случалось также, что они захватывали с собой разные яды, которые им всегда были полезны при их злодействах. Сборище расходилось, наконец, восвояси, причем те, кто жил по близости, уходили пешком, а те, кто жил подальше, — тем же способом, каким совершили путь на шабаш.

Я забыл упомянуть, — прибавляет Дельрио, — что эти дьявольские шабаши чаше всего совершаются около полуночи, ибо сатана всегда совершает все свои дела во тьме. В разных местах шабаши происходят в разные дни; в Италии они справляются в ночь с пятницы на субботу, в Лотарингии — в ночь под четверг или воскресенье, в других местах — с понедельника на вторник».

Теперь перейдем к очень интересному показанию личной участницы шабаша, изобличенной ведьмы Магдалины Баван, которая была осуждена в XVI столетии и процесс которой рассказывается в благочестивой книге Борожэ, носящей заглавие «Удрученное благочестие».

Магдалина Баван показывает, что она три года работала в заведении у швеи. Она и несколько других работниц этой швеи были обольщены каким-то колдуном. Всех этих своих жертв злой колдун водил на шабаши. Таи он служил мессу, причем одевал грязнейшую рубаху, которую, очевидно, нарочно держал для «той цели. Всем своим обольщенным жертвам он показывал книгу, сшитую из двух дестей бумаги и заставлял их в этой книге расписываться. Магдалина прибавляла к этому, что когда она уходила с первого шабаша домой, то обольститель заставил ее надеть на себя ту самую рубаху, в которой он был на шабаше, и все время, пока эта адова одежда была на ней, она чувствовала себя истязуемой самыми смрадными вожделениями. По совету благочестивого патера, которому она во всем покаялась, она скинула эту рубаху, и с тех пор греховные мысли оставили ее.

Магдалина Баван после первого шабаша посещала эти собрания еще много раз, почти каждую неделю, увлекаемая туда своим искусителем. Во время одного из шабашей соблазнитель, отслужив свою адскую мессу, торжественно сочетал ее браком с одним из присутствовавших на шабаше демонов, которого звали Дагоном. Этот любопытный жених принял вид обольстительного молодого человека. Он надел ей на палец кольцо. Вслед за обручением новобрачные расстались, но молодой сказал своей супруге, что они скоро увидятся,

и действительно, он явился к ней на другой же день к после того сожительствовал с ней несколько лет подряд: его любовный пыл доставлял злополучной супруге гораздо больше муки, нежели наслаждения.

Далее та же Магдалина Баван показывала, что раза три или четыре во время шабашей она была свидетельницею разрешения ведьм от бремени. Новорожденных обычно клали на алтарь, перед которым совершалась адская месса, и все время, пока эта месса шла, маленькие оставались живы, шевелись и подавали голос, когда же месса кончалась, все присутствовавшие ведьмы, а в том числе и матери, кидались на злополучных малышей и душили их, а затем разрывали на части и разносили эти части по домам, потому что этот материал считался необходимою принадлежностью колдовства. Впрочем, от трупов брали только некоторые части, как, например, сердце, а все остальное тут же закапывалось в землю.
Та же ведьма принесла повинную в том, что во время шабашей воздавала поклонение дьяволу, который являлся либо в виде козла, либо в виде чудовища-полукозла, получеловека. Эти поклонения адскому козлищу всегда имели смысл надругательства над обрядами и таинствами католической церкви. В другой раз эти поклонения состояли в разных неудобоописуемых скверностях.

Скептический Лафатер, книгой которого мы уже не раз пользовались, старается придать шабашам несколько иное толкование. Ему кажется, что все, что на шабашах происходит, по показаниям самих ведьм, все это не действительность, а лишь обман чувств, нечто вроде сновидения, вызванного искусственно. Он говорит, что когда ведьмы желают вызвать к себе злых духов, то они натираются особой мазью и от этого впадают в глубокий сон, из которого их нет возможности вывести никакими средствами. В это время их можно жечь каленым железом, колоть иглами, и они не проснутся. И вот в то время, когда они покоятся в этом непробудном сне, им являются черти и устраивают балы, пиршества, танцы и вообще всякого рода развлечения. «Но, — оговаривается Лафатер, который в конце концов при всем своем скептицизме все же не может одолеть в себе духа времени, — дьяволы так могущественны, что если бы захотели, то могли бы переносить людей куда-нибудь в пустынное место, как, например, в лес, и там, посредством отвода глаз и обмана чувств, представить им какое угодно зрелище». Так, например, случилось однажды, что некто, прибегавший к этого рода средствам, в один прекрасный день внезапно был подхвачен невидимой силой, вынесен из дому и доставлен куда-то в весьма любопытное место, где всю ночь продолжались танцы и угощения. А утром это все вдруг исчезло, и он увидал себя посреди чаши каких-то колючих кустарников. Однако, Лафатер признает, кроме того, еще склонность в дьяволах учинять разные злодейства и жестокости. Он, например, верит, что дьяволы в образе кошек или собак входят в дома и там убивают маленьких детей или утаскивают их.
Ученый Крепэ, автор книги «О ненависти сатаны к человеку», заносит в свою книгу рассказ про одного итальянца, жившего в XVI столетии. Этот бедняк имел супругу, очевидно, ведьму. Однажды она уговорила его намазаться какой-то мазью, которою и она сама намазалась. Вслед за этою операцией оба поднялись на воздух и помчались. Крепэ при этом оговаривается, что летели они исключительно лишь с помощью волшебных чар, которыми обладала мазь, и волшебных слов, произнесенных при этом ведьмой, а вовсе не силою дьявола. И трудно понять, почему он прибавляет это объяснение. Ему, очевидно, хочется отделить чародейство от дьявольщины. Обе эти вещи, по его воззрению, вероятно, могут быть независимы одна от другой. Итак, наши супруги из Рима, где они проживали, примчались в Беневент и здесь опустились в тени развесистого орешника, где уже собралось целое скопище колдунов и ведьм. Вся эта компания пила и ела, и вновь прибывшие супруги тоже уселись за стол. Но на столе не было соли. Муж, не привыкший кушать без соли, спросил ее для себя, не зная и даже не подозревая, что черти терпеть не могут соли. Однако, ему подали соль, и он так ей обрадовался, что невольно воскликнул: «Слава Богу, вот и соль!». И как только имя Божие было упомянуто, тотчас же все дьяволы, колдуны и ведьмы исчезли, а несчастный человек остался среди поля под деревом один и при том совершенно голый. Он в таком виде и побрел к себе в Рим, выпрашивая дорогою подаяние. Вернувшись в Рам, он, конечно, не замедлил донести на свою злодейку-жену, и ту, как водится, судили, признали ведьмою и сожгли.

Тот же Крепэ рассказывает дело, рассматривавшееся в Женевском суде. Судилась какая-то женщина, которая, будучи терзаема угрызениями совести, публично покаялась в том, что она уже давно путешествует на шабаши, во время которых совершала поклонение дьяволу. Дьявол на шабашах принимал вид рыжей лисицы и звали его в этом виде Моргэ (Morguet). Присутствующие на шабаше должны были прикладываться устами к этой лисице, причем ощущали, что та… часть, к которой прикладывались, была холодна, как лед, и что от нее шел нестерпимый смрад. Однажды случилось, что на шабаше появилась в числе

ведьм молодая девушка, прибывшая впервые. Она наотрез отказалась совершить гнусное обрядовое лобзание. Тогда дьявол покинул вид лисицы и принял вид человека. Он заставлял девушку приложиться к его ноге, которая тоже была холодна, как лед, и в то же время притронулся пальцем к ее лбу, причинив ей этим прикосновением страшную боль. Все эти подробности были сообщены упомянутой покаявшейся ведьмой. Она рассказывала еще, между прочим, что для путешествии на шабаш она пользовалась особой палкой, которая была белая, испещренная красными пятнами. Она говорила этой палке: «Палка красно-белая, неси меня туда, куда дьявол велит!». Вслед затем она садилась на эту палку и мчалась на ней в месту дьявольского сборища.

В той же книге рассказывается случай, происшедший в Венеции. Какая-то молодая девушка, проснувшись среди ночи, видела, как ее мать встала с постели, сняла рубашку, натерлась какою-то мазью, потом села верхом на палку, поднялась на воздух, вылетела в окно и исчезла из глаз. Подстрекаемая любопытством, молодая девушка сделала то же самое, и ее в свою очередь подхватила какая-то неведомая сила и она помчалась вслед за своей матерью. Но когда она прилетела на шабаш и увидела чертей, ею овладел ужас. Она тотчас перекрестилась и начала читать молитву. Тогда дьявольское сборище исчезло, и девица очутилась одна и без одежды посреди чистого поля.

Таких рассказов, как только что приведенный, т.е. повествований о том, как случайный свидетель видел сбор ведьмы на шабаш и сам, проделав то же, что она делала, устремлялся на бесовское сборище вслед за нею, существует множество. Этой фантастической темой, между прочим, воспользовался А.С.Пушкин в своей балладе «Гусар»:

…И слышу: кумушка моя
С печи тихохонько прыгнула,
Слегка обшарила меня,
Присела к печке, уголь вздула

И свечку тонкую зажгла,
Да в уголок пошла со свечкой;
Там с полки скляночку взяла
И, сев на веник перед печкой,

Разделась донага; потом
Из склянки три раза хлебнула —
И вдруг на венике верхом
Взвилась в трубу и улизнула

Эге, смекнул в минуту я:
Кума-то, видано, басурманка!
Постой голубушка моя!..
И с печи слез — и вижу: склянка;

Понюхал: кисло! Что за дрянь!
Плеснул я на пол: что за чудо?
Прыгнул ухват, за ним лохань,
И оба в печь Я вижу: худо!

Гляжу: под лавкой дремлет кот;
И на него я брызнул склянкой —
Как фыркнет он! Я: брысь!.. И вот
И он туда же за лоханкой...

И т.д.

Приведем одну из этих историй, передаваемую уже известным нам Гуларом. Гут тоже какоё-то конюх или рабочий подсмотрел, как его хозяйка, вдова и ведьма, однажды ночью забралась в сарай, ощупью нашла вилы и вслед затем исчезла. Рабочий в свою очередь вошел в сарай, взял другие вилы, и его тотчас же куда-то понесло. Через несколько мгновений он очутился на бесовском сборище. Хозяйка, увидев его, очень встревожилась, указала на него чертям и внушила им, что он человек опасный, может донести па всех, кто явился на сборище, и погубить их. Черти накинулись на злополучного конюха, намереваясь с ним расправиться. Тот в страшном испуге начал им клясться всеми адовыми силами, что он ни-

кому ничего не скажет и что он сам готов сделаться членом почтенной компании и постоянным посетителем шабашей. После долгих пререканий и споров черти решила ему поверить и допустили его в свои бесовские игрища. (Заметим здесь мимоходом, что в книге Гулара, именно в этом рассказе, бесовское сборище везде называется синагогою. В этом слове, как, впрочем, в самом названии шабаш, видится желание посрамить жидовство и спутать понятие о дьявольских игрищах с жидовскими праздниками) Затем, когда шабаш стал приходить к концу, хозяйка вновь затревожилась и опять начала шушукаться с чертями о том, как быть с любопытным конюхом — придушить ли его тут же на месте или доставить живым к здоровым домой. Судили, рядили и порешили на том, что конюх дал клятву никому ни о чем не сказывать и что этой клятве можно поверить. Вдова-хозяйка взялась доставить его домой. Она посадила его себе на плечи и отправилась в путь. Но по дороге попалось болото, все заросшее камышом и тростником. Хозяйке опять пришло на мысль как бы этот конюх не выдал их всех, и она решилась бросить его в воду. Она так и сделала, рассчитывая, конечно, что конюх утонет в болоте, но, по счастью, он упал в густую заросль камыша, который не дал ему утонуть. Так он пролежал на болоте всю ночь, а утром прохожие, услышав его крики, выручили его. Дело дошло до начальства. Ведьму арестовали, и она призналась во всех своих злодействах, Даже вполне добровольно, без пытки, и, само собой разумеется, была сожжена по всем правилам искусства.

Бывали также люди, из числа судей и инквизиторов, которые проникались живейшим любопытством самолично видеть бесовские игрища, происходящие на шабашах. Боден в своей «Демономании» рассказывает, что в одном из итальянских городов, где существовало инквизиционное судилище, двое инквизиторов, выслушивая показания колдунов и ведьм о том, что совершается на шабашах, ужасались этим рассказам и почти отказывались им верить. И вот, движимые благочестивым любопытством, они обратились с просьбою к одной из попавших в их руки колдуний, чтобы она сводила их на шабаш, разумеется, пообещав за это смягчение наказания. Отцы-инквизиторы очень охотно давали такие обещания, с теплою верою в то, что их можно потом не исполнять, в свое полное удовольствие, потому что обещание, данное еретику, ни в коем смысле ни к чему не обязывало. Колдунья, прельщенная этим обещанием, добросовестно исполнила просьбу. Она доставила обоих инквизиторов на «синагогу» и там поставила их в такое укромное местечко, откуда они могли все видеть, не будучи сами видимы. И отцы-инквизиторы нагляделись всласть: видели и поклонение дьяволу в обрядовом целовании, и неистовства ведьм с чертями, и танцы их спина к спине, и застольное пиршество, и поругание католической святыни. Только благочестивые отцы напрасно мечтали, что останутся на шабаше невидимыми свидетелями. Черти отлично их видели и лишь делали вид, что не видят. Когда же адский бал пришел к концу, черти кинулись на них и так капитально их изувечили, что они через две недели оба скончались.

В книге Балтасара Беккера «Очарованный мир» указывается несколько иной порядок отправления шабаша. О нем можно судить по большому процессу, который происходил в 1670 году в Швеции, в области Эльфдален. Здесь тогда присудили к смерти до 70 человек мужчин, женщин и даже детей, изобличенных в колдовстве. По шведскому обычаю, колдуны е ведьмы отправлялись на шабаш не верхом на метлах и палках и не с помощью волшебных мазей, а просто выходили на один перекресток, на росстань, как выражаются в наших русских сказаниях. Около этого перекрестка находилась глубокая и мрачная пещера. Ведьмы становились перед этою пещерою и трижды восклицали: «Антессер, приди и у неси нас на Блокулу». Эта Блокула была гора, совершенно соответствующая немецкому Брокену или Лысой горе наших сказаний. Антессер же — имя демона, который заведовал шабашными игрищами. Этот демон являлся на призыв своих поклонников одетым в серый кафтан, красные штаны с бантами, синие чулки и остроконечную шляпу. У него была большая рыжая борода. Он подхватывал всех своих гостей и мгновенно переносил их по воздуху на Блокулу, в чем ему помогала толпа чертей, которая являлась вслед за ним. Все эти черти принимали вид козлов; гости и мчались на шабаш, сидя на них верхом. Многие ведьмы водили с собою на шабаш детей. Эта мелкая публика доставлялась на шабаш особым способом, а именно: козлим ведьмы втыкали копья. Ребятишки и садились верхом на эти копья.

По прибытии на Блокулу дело шло обычным порядком, т.е. шабаш справлялся, как и всюду в других местах. В шведском шабаше отмечено, впрочем, несколько особенностей, которые, однако же, иногда, хотя изредка, упоминаются в сказаниях и у других народов. Шведские ведьмы во время шабаша делали себе уколы на пальцах и вытекшей кровью подписывали договор с дьяволом, который вслед за тем совершал над ними крещение, разумеется, уже во имя свое, причем давал им медные стружки, Которые получаются при обтачивании колоколов. Ведьмы бросали эти стружки в воду, произнося при этом такого рода заклинания на собственную душу: «Как эти опилки никогда не вернутся к колоколу, с которого они содра-

ны, так пусть и душа моя никогда не увидит Царствия Небесного».

Замечательно еще, что по шведскому народному верованию главною приманкой на шабашах является еда. Можно было бы подумать, что шведы великие чревоугодники, по, кажется, этого за ними не было замечено, и лишь по части выпивки они, Сколько нам известно, тонко понимают дело. На шведских шабашах застольное пиршество — главный номер в программе увеселений. Народные сказания приводят даже полное меню шабашного стола: щи с салом, овсяная каша, коровье масло, молоко и сыр. Меню в своем роде характеристическое. Верно, не очень-то сытно жилось народу, коли он мечтал о таких пирах, как о чем-то достижимом лишь при посредстве продажи души дьяволу! После застольного пира ведьмы принимались для развлечения драться между собою. Хозяин бала, дьявол Антессер, ежели бывал в добром расположении духа, принимал участие в этих невинных забавах и собственноручно хлестал ведьм прутьями и при этом во все горло хохотал. Иногда, будучи в особо благодушном настроении, он услаждал своих гостей игрою на арфе. От брака демонов с ведьмами, по шведскому поверью, нарождались на свет жабы и змеи. Отмечена еще одна любопытнейшая подробность шведских сказаний. Иногда дьявол, присутствовавший на шабашах, оказывался больным. Чем именно и в чем выражалась болезнь, об этом история умалчивает; но зато объясняется, что гости шабаша усердно ухаживали за больным хозяином и лечили его — ставили ему банки. Своим верным приверженцам шведский черт давал верных рабов, в виде разных животных — кому ворона, а кому кота. Этих зверей можно было посылать куда угодно и с каким угодно поручением, и они все аккуратно исполняли. Дьявол учил также ведьм волшебному доению чужих коров. Для этого надо было загнать в стену нож и привязать к нему веревочку, а затем мысленно себе представить какую-нибудь соседскую корову. И сейчас же молоко из вымени этой коровы волшебным способом лилось по веревочке в подставленную посудину, а злополучная хозяйка коровы после того уже не получала от нее ни капли молока. Эта же веревочка, привязанная к ножу, загнанному в стену, оказывала еще другую добрую услугу. Стоило, держа ее в руке, думать о своем враге, чтобы этот враг в то самое время почувствовал жесточайшие мучения, боли и корчи. Шведские колдуны и ведьмы могли даже наповал убивать своих недругов, взмахнув по воздуху деревянным ножом.

Заведя речь о шабашных игрищах, нельзя мимоходом не упомянуть о суккубах и инкубах, вера в которых распространена у всех индоевропейских народов. Такими названиями обозначают демонов, принимающих вид либо мужчин (инкубы), либо женщин (суккубы), и в таком виде вступающих в плотскую связь с людьми.

Блаженный Августин в своем «Граде Божьем» признает плотские союзы человека с, демонами. Он говорит, что есть особые демоны, которых франки его времени называли dusii и которые главным образом специализировались на таком способе соблазна слабых смертных.

Изобличенные и преданные суду ведьмы давали бесчисленные показания о своих плотских неистовствах с демонами. Из этих показаний видно, что лукавый проявляет в своей нежности известную разборчивость; он различает красивых женщин от безобразных. В трактатах «De semina diabolorum», каких немало было издано учеными демонологами, настойчиво указывается (и опять-таки по показаниям ведьм) на то, что ласки демонов не только не доставляют никакого упоения, но, наоборот, порождают страх и ужас. По нашему народному, очень поэтическому сказанию огненный змей, посещающий женщин, изводит и сушит их.

Но связь с дьяволом не всегда остается бесплодной. Вспомним Роберта Дьявола, Мерлина; они оба были порождения женщины и черта. Многие благочестивые современники Вольтера, как известно, были пресерьезно убеждены в том, что он порождение дьявола, отнюдь не в переносном, а прямом смысле. В старое время народ охотно приписывал такое происхождение всяким уродам. Дельрио (см. выше) описывает некоторых из этих чудищ — порождений от женщины и нечистого духа. Так, он приводит в пример какого-то великана, которого будто бы видели в Бразилии. Он был ростом в 17 локтей (что-то вроде трех сажен), кожа на нем была, как на ящерице, руки, как львиные лапы, глаза, метавшие огнь и пламя, и «язык таковой же» (не понимаем, что это значит). В 1240 году в Саксонии, в лесу, изловили тоже каких-то чудищ «с получеловечьим обличьем». В 1278 году какая-то женщина в Швейцарии родила ни более, ни менее, как льва; другая, в 1271 г., в Павии, — кота; третья, в Брессе, — собаку; четвертая разродилась тройнею: сначала родила человечью голову, потом змею с двумя ногами и, наконец, поросенка, цельного и надлежаще сформированного. «Сомнения нет, — заключает Дельрио, — что все это породил с теми женщинами

сам демон, принимавший вид всех этих зверей и чудовищ». Случалось, что женщины, зачавшие от дьявола, разрешались дымом и бурными ветрами, которые внезапно вырывались у них из тела.

Знаменитый Пико де Мирандола утверждает, что знал человека, который сорок лет сожительствовал с суккубом. Он звал его Армелиной и видел его в форме красивой женщины. Но видел ее он один. Идя с нею по улице, среди народа, он с нею разговаривал, а люди на него глазели и дивились, с кем это он говорит, потому что никого не видели подле него, и считали его помешанным (в чем, без сомнения, ни на волос и не ошибались). Но Мирандола, очевидно, верит, что этот злополучный маньяк на самом деле сожительствовал с чертовкой, да и кто в его время (XV стол.) усомнился бы в этом!

Связавшиеся с демоном, все равно с инкубом или суккубом, кончали обыкновенно весьма печально. Так, Гион в своей книге «Разные поучения» рассказывает, что одна грехо-водница, соблудившая с дьяволом, вдруг вся страшно вспухла. Она полагала, что эта полнота не что иное, как беременность, во вместо того у ней проявилась какая-то мучительная болезнь, в которой ни один врач ничего не мог понять. В 1580 году какой-то молодой дворянин Лимузинской области во время охоты в лесу встретил злого духа, принявшего вид обольстительной красавицы. Он не устоял против соблазна, но после этого грехопадения у него во всем теле начался адский жар, который через три дня свел его в могилу.

Гулар тоже занес в свою любопытную книгу немало историй с суккубами и инкубами. Вот одна из них. В 1602 году некий французский дворянин ехал себе путем-дорогою, и вдруг навстречу ему из леса выбежала прелестная молодая девушка с воплем о помощи. На нее напали разбойники, убили ее спутников, сама она едва-едва спаслась. Наш рыцарь посадил ее к себе на коня, привез в ближайшее местечко. Остановился с нею в гостинице, предложил ей подкрепиться пищей. Но девица, все еще насмерть испуганная, не хотела ни есть, ни пить и, вдобавок, не соглашалась ни на шаг отстать от своего спасителя. Так что ему и на ночь пришлось расположиться с ней в одной комнате. Он приказал приготовить две кровати и сам улегся на одну из них. Но ему что-то не спалось, да„ вдобавок, он имел неосторожность засмотреться на свою спутницу в то время, когда она раздевалась. Утром, когда он проснулся, его спутницы уже не было: она исчезла. Он прождал ее до полудня, потом уехал. Но едва он выехал за город, как на него с явным вызовом в бой кинулся какой-то вооруженный всадник, неведомо» откуда взявшийся. Когда они съехались, приготовившийся к битве дворянин вдруг с ужасом узнал в своем противнике ту самую девицу, пред чарами которой он так постыдно не устоял. И он увидал, что это был дьявол. Полумертвый от страха, дворянин начал громко творить молитву. Дьявол, конечно, исчез, но бедному грешнику пришлось худо. Он поспешил вернуться домой, смиренно исповедался в своем грехе; но им уже овладела какая-то изнурительная немочь, от которой он очень скоро скончался.

VII. ПРОДАЖА ДУШИ ДЬЯВОЛУ И ДОГОВОР С НИМ

Всем и каждому известно что враг рода человеческого никогда никому никаких услуг не оказывает даром, вознаграждение же за свои услуги он взимает всегда одно и то же — душу. Кто при жизни желает пользоваться силой дьявола, тот обычно уступает ему свою душу. В таком смысле и заключается между ними договор, а чтобы он был крепче, то его пишут, и человек подписывает его своею кровью. Бесчисленные процессы колдунов и ведьм в Средние века и ближайшие к ним столетия оставили нам любопытнейшие образцы этих договоров дьявола с человеком на запродажу души. Сообщаем здесь в подробном переводе один из таких договоров, напечатанный в книге «De la vocation des magicians et magiciennes » (о призвании колдунов и колдуний), изданной в Париже, в 1623 году. Этот договор был заключен патером Лоисом (т.е. Людовиком) Гофриди. Вот его текст слово в слово:

«Я, патер Лоис, отрекаюсь от всех и каждого духовных и телесных благ, какие мне могли бы быть даны и ниспосланы от Бога, от Девы и от всех святых, а в особенности от моего покровителя Иоанна Крестителя, и от святых апостолов Петра и Павла, и от святого Франциска. Тебе же, Люцифер, коего я вижу и лицезрею перед собою, я отдаю себя со всеми добрыми делами, которые я буду творить, за исключением благодати Святых Тайн, из сострадания к тем, кому я буду оные преподавать, и сего ради я все сие подписываю и свидетельствую».

Дьявол же со своей стороны подписал по отношению к Лоису Гофриди следующее

обязательство: «Я, Люцифер, обещаю под моей подписью тебе, г-ну патеру Лоису Гофриди, дать силу и могущество околдовывать дуновением уст всех жен и девиц, каких ты пожелаешь, в чем и подписываюсь, Люцифер».

Замечательно, что в Средние века и последующие столётия в Западной Европе и особенно в католических странах очень часто вступали в договор и союз с дьяволом лица духовного звания обоего пола. Так, Боден сообщает о некой Магдалине Делакруа, настоятельнице одного женского монастыря в Испании. С этой особою начали на глазах у всех монахинь, ей подчиненных, твориться самые изумительные вещи — вещи такого рода, что монахини о них умолчать не могли, а как только они о них заговорили бы, то почтенной игуменье, пожалуй, угрожал бы костер. В чаянии отклонить от себя эту плачевную участь мать Магдалина поспешила принести повинную самому папе. Она исповедала ему, что еще с двенадцатилетнего возраста вступила в связь с дьяволом и связь эта продолжается уже более тридцати лет. Дьявол, по ее словам, посещал ее ежедневно (или, точнее сказать, еженощно), располагаясь у нее на правах полного хозяина. Нет ничего удивительного поэтому, что с ней и начали твориться разные чудеса. Так, например, во время церковной службы она внезапно приподнималась на воздух. Во время причащения монахинь гостия сама собою из рук патера переносилась по воздуху ей в уста. Все, эти необычайные вещи возбуждали неописуемое изумление в монахинях и монастырском патере. Все они считали свою настоятельницу за святую. Но ее, очевидно, терзало сомнение, что дьяволу может придти фантазия выкинуть с нею какую-нибудь штуку, которая уже не будет походить на святость, и тогда ей придется плохо. Это и побудило ее принести исхаянную перед папой. Какой успех имела эта покаянная, мы не знаем.

В книге; аббата Кальмэ («Трактат о явлении духов, приведений» и т.д.) Рассказывается история одного злополучного молодого дворянина Михеля Людвига Бубенхорена, о которой запись сохранялась в одной из церквей, принадлежавших иезуитам в Германии. Родители этого юноши были богатые люди и, желая дать сыну хорошее образование, послали его в Лотарингию, чтобы он там изучил французский язык и науки. Но молодой человек увлекся картежной игрой и продулся в пух и прах. Доведенный этим до отчаяния, он порешил продать свою душу дьяволу, если тот согласится доставить ему денег для игры, но денег настоящих, а не фальшивых. В те времена существовала уверенность, что при подобных случаях дьявол охотно дает деньги но не настоящие, а старается как-нибудь надуть и вместо денег всучить черепки, камни или какую-нибудь скверность. И в ту самую минуту, когда он только подумал об этом, перед ним мгновенно появился молодой человек такого же возраста, как он сам, красивый и богато одетый, и протянул ему руку, полную золота, и просил его посмотреть и испытать, настоящее ли это золото или фальшивое. Бубенхорен взял это золото и пошел играть, и сразу отыграл все проигранные раньше деньги, да сверх того еще выиграл до последней копейки все деньги, бывшие у других игроков. После того демон-искуситель вновь явился перед ним. Счастливый Бубенхорен спросил его, чем он может его отблагодарить, и дьявол попросил у него в уплату за услугу всего только три капли крови.

Он собрал эту кровь в желудевую чашечку, потом подал Бубенхорену перо и велел ему собственной кровью написать, что продиктует. Продиктовал он сначала несколько совершено непонятных слов. В упомянутой церкви, где вся эта история записана на стене, приведен и текст договора с дьяволом Мы не можем сказать, существует ли эта самая церковь и надпись и поныне, но Кальмэ, говоря об этой надписи, называет ее «знаменитою», так что, стало быть, в его время, т.е. В XVIII столетии, эта надпись была известна. Церковь же находилась в эльзасском городе Мольсхейме (ныне Мольтцен), близ Страсбурга. Договор был написан в двух экземплярах, из которых один остался у дьявола, другой же был вложен в руку Бубенхорена, а именно в то самое место, откуда была взята кровь. И при этом дьявол сказал ему: «Я буду служить тебе ровно семь лет. Но после того ты станешь уже моим без всяких отговорок». Юноша согласился на это, хотя и не без тайного ужаса. Дьявол же после того стал являться ему ежедневно и научал его великому множеству разных вещей, совершенно никому неведомых, но, однако, по существу лишь исключительно таких, которые клонились к злу. Между тем, срок договора постепенно истекал; юноше же было всего только двадцать лет и ему, конечно, хотелось жить, Он вернулся к отцу. Тут демон внушил ему мысль отравить отца и мать, сжечь отчий дом и в заключение наложить на сея руки. Но эти преступления ему не удались. Яд, который он дал родителям, на них не подействовал, а ружье, из которого он хотел застрелиться, два раза подряд дало осечку. Терзаемый отчаянием, юноша рассказал кому то из домашних всю свою историю. Раздраженный дьявол за это так его рванул, что едва не переломил ему спину. Мать его была сектантка. Она рада была бы оказать помощь сыну, но духовенство ее секты ничего не могло тут поделать, и мать пере-

дала своего сына в распоряжение католического духовника. Юноша немедленно от него бежал, т его поймали и передали в руки иезуитов той самой церкви в Мольсхейме, где записана была эта чудесная история. Тогда демон стал являться ему в самых ужасных образах, чаще всего под видом кровожадных животных. Однажды демон подкинул иезуитам договор, подписанный Бубенхореном, но когда сличили тот договор с тем, который был на руке у юноши, то в тексте оказалось различие. Эта проделка была объяснена в том смысле, что дьяволу хотелось сбить людей с толку, вовлечь их в обман, чтобы они не знали, какой именно договор следует считать действительным. Между тем, молодой человек 20-го октября 1603 г. принес торжественное покаяние в церкви, исповедал католическую веру, отрекся от дьявола и был удостоен причастия. Но вслед за причащением он разразился ужасающим криком. Пред ним предстали два колоссальных черных козла. Они стояли на задних ногах, а в передних держали договоры с дьяволом, подписанные Бубенхореном. Духовенство тотчас же начало читать экзорцизмы призывая имя святого Игнатия (Лойолы, основателя иезуитского ордена). Козлы постепенно начали опускаться и, наконец, обратились в бегство, а в то же время из руки молодого человека без всякой боли и без всякого следа на теле выступил его договор с дьяволом и упал к ногам заклинателя. Но надо было еще добыть другой список контракта, тот, который оставался у дьявола. Поэтому заклинания продолжались. Вновь призвали имя святого Игнатия и принесли торжественный обет отслу жить в честь него мессу. И вот вслед за тем в церкви появился огромный безобразный аист, державший в клюве дьяволову копию с договора, которую он и положил на престол. Средневековые демонологи утверждали, что существуют особые демоны-полуденники, т.е. такие, которые являются тем, кто вошел с ними в союз, например, колду-нам, только в полуденное время. Они являются своим друзьям и союзникам иногда в виделюдей, иногда зверей; иные из них принимают образ какого-нибудь неодушевленного предмета; иные дают себя заключить во что-нибудь, например, в кольцо, в бутылку, в графин; иные даже умещаются в какой-нибудь начертанной человеком фигуре, букве или цифре. Благочестивый Лелуайе, на которого мы уже много раз ссылались, с огорчением говорит о том, что подобный способ сношения с нечистою силою принадлежит кг числу самых обыкновенных и распространенных.

Гулар передает со слов какого-то другого писателя его времени рассказ об одном ученом враче, который, войдя в союз с дьяволом, овладел этим злым духом и сумел заточить его в склянку, где тои у него и сидел постоянно, находясь в полном распоряжении своего обладателя. Во всех затруднительных случаях жизни, а в особенности медицинской практики, доктор обращался к своему пленнику, и тот давал ему превосходнейшие советы. Врач страшно прославился своим искусством, которое позаимствовал у дьявола, и золото лилось к нему рекою. Умирая, он оставил своим наследникам 26 тысяч экю — сумма громадная по тому времени. Но перед смертью с ним стало нехорошо: он почувствовал сильные угрызения совести; только эти угрызения привели его не к покаянию, а к ожесточению. Он впал в такую ярость, что начал на каждом шагу призывать черта, и в то же время изрыгал страшные хулы на Провидение. В этом плачевном состоянии он и скончался.

Тот же Гулар приводит свидетельство об одном интересном путешествии грешника в ад. Эта история произошла в одном из мелких владений Неаполитанской области. В этой области правил одно время чрезвычайно жестокий и скаредный князь, который начисто обобрал и разорял всех своих несчастных подданных. Случилось однажды, что кто-то из этих бедняков, будучи укушен собакой этого князя, ударил ее и убил. Раздраженный тиран приказал схватить его и заточить в тюрьму. И вот через несколько дней тюремный сторож, принеся этому арестанту хлеб и воду, увидел, что дверь его камеры стоит запертая по всем правилам искусства, а самого арестанта в камере нет. Принялись его искать повсюду, и были в особенности изумлены тем, что нигде не удалось открыть, — ни в самой камере, ни вокруг здания тюрьмы, — решительно никаких следов подготовленного бегства. Об этом чудесном исчезновении арестанта, которое не могли ни понять, ни объяснить, доложили самому князю. Тот сначала распалился гневом на тюремную стражу, но когда все разузнал, то и сам был изумлен не менее тюремщиков. Так прошло несколько дней в совершенном недоумении. Потом вдруг в один прекрасный день тюремщики вновь нашли арестанта в его камере в том самом виде, в каком его там оставили, когда посещали в последний раз. На расспросы тюремщиков он отвечал требованием, чтобы его немедленно вели к князю, которому он должен сделать чрезвычайно важное сообщение. И вот что поведал он князю. Доведенный до отчаяния жестокостью тюремного заключения, всеми покинутый, ни на что не надеясь, не чая никакого спасения, он в отчаянии призвал к себе на помощь дьявола. Услужливый враг рода человеческого не замедлил явиться на его призыв. Подхватил его и увлек прямо в ад. Интересно описание этого ада. Он представлял собой обширное, бездонное и мрачное подземелье, битком на-битое грешниками. В бесконечной толпе этих грешников

ему в особенности кинулись в глаза короли, князья, дворяне, папы, кардиналы, прелаты. Все эти сильные мира сего были в аду в тех самых великолепных облачениях, в каких щеголяли и красовались и на сем свете. И всех их пожирал адский огонь, все они изнывали в муках несказанных. В этой толпе грешников он узнал немало своих друзей и знакомых. Один из них заговорил с ним и сделал ему очень важное сообщение. «Ты останешься здесь недолго, — сказал он ему, — ты отсюда скоро выйдешь. Запомни же хорошенько, что я тебе скажу. Передай своему князю, что мера его беззаконий и жестокостей переполнилась и что если он не покается, то его ожидают здесь те же мучения, какие ты видишь. А для того, чтобы он знал и был уверен, что ты говоришь правду, ты передай ему секретный разговор, который я с ним вел». И при этом грешник подробно рассказал нашему невольному странствователю по аду, где, когда, при каких обстоятельствах происходил тот разговор и в чем он состоял. Тут же, между прочим, посетитель ада рассказал кое-какие подробности об адском житье-бытье. Так, например, его поразили блестящие одежды и облачения пап, королей и других знатных мира сего: зачем, дескать, люди и в аду на себе сохраняют эти блестящие облачения? Но его путеводитель разъяснил ему, что все это золото и драгоценные каменья, и всякие другие украшения суть не что иное, как адский огонь. В этом наш странник мог убедиться, прикоснувшись к одному из роскошно облаченных греховодников. То, что он принимал за золото, жестоко опалило ему руку, и след ожога оставался на ней. Князь был чрезвычайно поражен этим рассказом, а в особенности разоблачением тайны его разговора, которую он считал известной только ему одному. Все это так его потрясло, что он решился исправиться и начал с того, что отпустил на свободу этого несчастного человека, которого засадил в тюрьму за убийство своего пса. К сожалению, бедняку не пришлось счастливо воспользоваться своим избавлением от тюрьмы. Он был совершенно ошеломлен своим путешествием в аи, и это ошеломление уже не покидало его до самой смерти. Сама наружность его до такой степени изменилась, что по возвращении домой жена и дети не узнали его. Да и прожил он после того очень недолго.

Овладев человеком, сатана обычно налагал на него свою печать, т.е. отмечал свою добычу каким-нибудь особенным знаком. Демонологи старого времени очень усердно рассуждали об этих чертовых печатях. Жак Фонтен написал даже особую книгу, специально посвященную этому предмету: «Discourse des marques des sorciers et de récelle possession» («Рассуждение о знаках у колдунов и о подлинной одержимости»).

Обычным признаком того, что человек вошел в близкую связь с дьяволом, служила полная нечувствительность некоторых участков на теле одержимого. Эти места можно было колоть, жечь, и человек ничего не чувствовал, ни малейшей боли. Вдобавок, уколы и порезы на этих местах не вызывали кровотечения. Впрочем, об этих признаках мы упоминали уже в главе пятой.

Благочестивый Фонтен, о книге которого мы только что упоминали, говорит об этих чертовых печатях: «Дьявол кладет эти знаки на тело колдунов не для того только, чтобы их можно было распознавать и отличать, подобно тому, как командиры кавалерийских отрядов распознают тех, которые принадлежат к их отраду, но цвету кафтанов, но рада того, чтобы подделаться под создателя всего сущего, чтобы явить свою гордость, показать власть, которую он приобрел над злополучными людьми, поддавшимися его коварствам и хитростям».

В начале этой главы мы упоминали о патере Людовике Гофриди, вошедшем в сговор с дьяволом и за это сожженном на костре. На этого человека дьявол наложил более тридцати печатей. По смыслу договора видно, что этот служитель алтаря, затеявший столь рискованную игру на два фронта, главным образом имел в виду, заполучив в свое распоряжение сатанинское содействие, утолять свой болезненный эротический пыл.

Иногда печатями дьявола считали те места на теле колдуна или ведьмы, или вообще человека одержимого, на которые нечистый дух возлагал свой перст; иногда судьи, специалисты по этой части, считали такими печатями разные непостижимого свойства предметы, полученные одержимым от нечистого. Так, в 1591 году схватили и судили старую нищенку, 80-тилетнюю старуху, Леонарду Шастено. Это была ведьма, в чем ее и изобличили самым неопровержимым образом. Достаточно сказать, что свидетели-очевидцы видели ее на шабашах, а перед такими свидетельствами в доброе старое время никакие запирательства, божбы и клятвы силы не имели. Да старуха в конце концов и сама чистосердечно покаялась. Она, между промчим, предъявила судьям какие-то два кусочка будто бы воска, как она уверяла. Судьи рассмотрели этот воск и не могли в нем признать ни одного из ведомых людям веществ. Это было и неудивительно, если принять в расчет путь приобретения старухой этих кусочков. Дело в том, что когда она сидела в тюрьме, дьявол явился к ней в виде кошки.

Измаянная допросами старуха сказала ему, что жизнь стала ей не в мочь и что она хотела бы умереть. Тогда дьявол и дал ей эти два кусочка, советуя ей их съесть. Съешь, дескать, и умрешь. Но старуха почему-то раздумала прибегать к такому способу самоубийства и представила эти таинственные кусочки своим судьям. Она, бедная, быть может, рассчитывала на снисхождение. Но такой расчет в те времена был в высшей степени неоснователен.

VIII. ЗЛОБНЫЕ ПРОДЕЛКИ ДЬЯВОЛА

Для того, чтобы вполне оправдать внушительное наименование «врага рода человеческого», которое обычно придавалось дьяволу, народ приписывал ему множество злых, а главное, коварных и вероломных проделок с людьми, и при том не только с теми, которые трепетали и боялись его, и всячески избегали, но и с теми, кто добровольно отдавался в его власть и искал союза с ним. Впрочем, в этом смысле трудно решить, кто кому больше насолил и кто кого коварнее и бессовестнее надувал — дьявол человека или человек дьявола ибо надуть и посрамить дьявола, разумеется, для всякого крещеного было величайшим подвигом благочестия.

Дьявол особенно изощрялся в наглом надругательстве над человеческой жадностью.
Мы уже упоминали вскользь о том распространенном верования, что, например, деньги, полученные из рук дьявола, почти всегда были ненадежны и что такая дьяволова щедрость по большей части сводилась к так называемому «отводу глаз». Рассказы об этих плутнях черта пестрят собой страницы старинных сборников, вроде книг Гулара, Крепэ и др.

Чаще всего случалось так, что «человек, получивший от черта целый мешок золота оттягивавший ему руки, потом находил в этом мешке кучу углей или навоза. Идет, например, по улице добрый молодец и встречается с каким то неведомым ему прохожим. Встречный останавливает молодца и спрашивает его, хочет ли он сделаться богатым? Тот отвечает, что хочет. Незнакомец подает ему сложенную бумагу и говорит, что он с помощью этой бумаги может иметь столько золота, сколько пожелает. Ему стоит только пожелать, чтобы у него была такая-то сумма денег, и эта сумма денег сейчас же явится. Но при этом ставилось одно условие: бумагу ни в каком случае не следовало развертывать, она должна была оставаться сложенной. Если человек сумеет удержаться от соблазна и соблюдет эти условия, то он в скором времени узнает, кто был его благодетель. Облагодетельствованный с восторгом бежит домой, запирается у себя в комнате, встряхивает таинственную бумагу. Из нее сыплется целый дождь золота. Но любопытство превозмогает над корыстью. Человек развертывает бумагу и что же там находит? Медвежьи когти, жабьи лапы и тому подобные ужасы. Он спешит бросить чертову бумагу в огонь, но она не горит, а тем временем золото, высыпавшееся из нее, уже успело исчезнуть неведомо куда. И злополучный человек убеждается, наконец, в том, что он стал жертвою чертовой проделки.

Какой-то скупец перед смертью позвал жену и велел ей принести ему его заветный мешок с деньгами, которые он собирал всю жизнь. Он с нежностью прижал этот мешок к своему сердцу, не хотел выпускать его из рук и умоляя, чтобы его похоронили вместе с этим мешком. Так с мешком в руках он и скончался. После смерти домашним через великую силу удалось выпростать этот мешок из его окоченевших перстов. Но когда из него выпростали то, что в нем содержалось, то вместо груды золота, на которую рассчитывали наследники, они увидали двух жаб; кроме них в мешке ничего и не было. Дьявол в момент смерти скупца явился за его душою, вместе с нею мимоходом захватил и золото, а в кошель вместо него сунул жаб.

Святой Григорий Турский в своей книге о чудесах рассказывает такой случай. Один бедняк вздумал быстро обогатиться торговлей. Он придумал продавать вино прохожим. Но при этом по мере того, как вино убывало у него из посудины, он доливал его водой. Таким мошенническим способом он действительно в скором времени скопил себе деньжонки Он положил эти деньги в кожаный кошелек и отправился купить новый запас вина, чтобы продолжать свою прибыльную торговлю. Он дошел до какой-то реки. Тут он вздумал что-то купить, вынул свой кошель и только что его развязал и вынул из него монету, как вдруг откуда ни возьмись налетела громадная птица, выхватила у него из рук кошелек и бросила его в реку. В руке у бедняка осталась лишь та монета, которую он вынул из кошеля. И эта монета представляла собою в точности тот первоначальный капитал, с которым он начал свою торговлю. Он одумался, счел этот случай за предуведомление свыше и перестал мошенничать.

В 16О6 году чрез одну деревню в Франш-Конте проходил какой-то незнакомец, весьма благообразно одетый. Повстречав местного жителя, крестьянина, который вел лошадь, незнакомец стал просить его, чтобы он ему продал эту лошадь. Крестьянин согласился, и они поладили на восемнадцати дукатах. Но у незнакомца было с собой только всего двенадцать дукатов, и потому в залог недостающей суммы он оставил свою золотую цепь, обещая выкупить ее а обратном пути. На другой день продавец лошади, завернувший цепь и деньги в бумагу, цепи в этой б/маге уже не нашел, а вместо золотых дукатов в бумаге лежа-

ли свинцовые бляшки.

В книге Кальмэ рассказывается такой случай. Юноша из хорошей фамилии был определен родителями сначала в военную службу, потом, т.к. он нехорошо вел себя, взят был родителями домой, чтобы отдать его в школу. Но мальчик уже разленился и распустился, учиться ему вовсе не было желательно, и он бежал из родительского дома с намерением вновь поступить в военную службу. Ио дороге он встретился с каким-то человеком, очень богато одетым, но обладавшим чрезвычайно зловещей внешностью, черным и безобразным. Незнакомец спросил, куда он идет и почему он так печален, прибавив к этому, что он может его превосходно устроить, если он согласится служить ему. Юноша в первую минуту подумал, что незнакомец хочет нанять его для своих услуг, и попросил у него времени на размышление. Однако пышные обещания незнакомца показалась юноше подозрительными. Он всмотрелся повнимательнее в своего спутника и заметил, что у него левая нога раздвоена, как у быка. Юноша ужаснулся, перекрестился и сотворил молитву, и незнакомец тотчас исчез. Но через три дня тот же незнакомец, в том же самом образе, вновь появился перси юношей и спросил, обдумал ли он его предложение и согласен ли служить у него. Юноша отвечал отказом. Незнакомец спросил его, куда он идет, юноша назвал то место, куда шел.

Тогда незнакомец бросил перед ним на дорогу увесистый кошель, который стукнулся о землю с весьма аппетитным звоном. В этом кошеле было множество золотых монет, которые горели и сверкали, как будто сейчас были отчеканены. Разговорчивый незнакомец стал давать юноше много разных злых советов, а главное, настойчиво убеждал его отказаться от употребления святой воды и причастных облаток. Юноша, ужаснувшийся этих предложений, перекрестился и в то же время его с такою силою ударило о землю, что он целый час лежал без памяти. Золото же, которое ему вручил злой дух, оказалось простой медью.

Дьявол, неистощимый в своих ухищрениях. Много раз сбивал с толку своих жертв тем, что вначале, когда только приступался к ним, побуждал их совершать разные подвиги благочестия и этим путем мало-помалу старался подчинить их своей воле. Так, Боден рассказывает историю какой-то девицы, которая была одержима дьяволом и над которой уже хлопотали опытные монахи-заклинатели. Однажды на вопрос заклинателя, что делать девице, чтобы избавиться от злого духа, этот последний ее устами отвечал, что она должна сходить на богомолье в один отдаленнейший монастырь, причем через каждые три шага она должна останавливаться и класть поклоны. А придя в тот монастырь, она должна была отслужить молебен святой Анне: после того она будет освобождена от нечистого духа. И в самом деле, когда девица все это исполнила, злой дух вышел из нее в виде белого призрака, который видела она сама и патер, служивший для нее обедню.

Но подобные случаи не всегда кончались так благополучно, потому что дьявол пользовался внушениями благочестивых подвигов вовсе не против себя, а наоборот, в свою пользу. Как пример подобного рода ухищрений и коварств лукавого, Боден приводит случай с одной девицей, памятный всем жителям Парижа, потому что он произошел в этом городе. Боден указывает с точностью адрес этой девицы, улицу и дом. История эта случилась в семье одного парижского басонщика. Он взял к себе на воспитание свою племянницу-сиротку. Однажды, когда эта девочка молилась на могиле своего отца, перед ней внезапно предстал сам сатана в образе громадного черного человека. Он взял девочку за руку и сказал ей: «Не бойся ничего, дружок мой. Твоему отцу и твоей матери на том свете хорошо.

Надо только отслужить по ним несколько обедней и сходить на богомолье (в такой-то монастырь), и тогда твои родители пойдут прямо в рай». Девочка полюбопытствовала спросить у этого ревнителя о спасении душ, кто он такой? Он так прямо и ответил, что он не кто иной, как сам сатана, но тут же успокоил ее, чтобы она ничему не удивлялась и ничего не боялась, а делала бы то, что он ей говорит. Девочка послушалась его: отслужила обедни, сходила на богомолье. Тогда он снова явился к ней и сказал ей, что надо еще совершить богомолье в другой, отдаленный от Парижа монастырь. Но на этот раз девочка отказалась, говоря, что она одна не может идти в такой дальний путь. С этих пор нечистый уже не отставал от нее. Он внушал ей самые гнусные и мрачные мысли, искушал ее то броситься в воду, то удавиться, и с этою целью даже надевал ей веревку на шею. Дядя, которому девочка рассказала обо всех этих проделках, всеми мерами оберегал девочку от козней лукавого, и за это в один прекрасный день был так им избит, что несколько дней пролежал почти при смерти.

Случалось, что сатана жестоко бивал и девочку, когда она оказывала сопротивление. В числе лиц, к которым дядя обращался за помощью, был, между прочим, секретарь одного епископа, который, разузнав дело, преподал девочке весьма мудрый совет. Он убедил ее нико-

гда ни на какие слова и разговоры лукавого ничего не отвечать и никаких его советов не исполнять, даже в том случае, если он будет предписывать какие-нибудь подвиги благочестия. Девочка так и поступила. Сатана же, видя, что он ничего ровно от нее не может добиться, со злобою ударил ее оземь и страшно изувечил, но зато с этой поры оставил ее в покое и больше уже к ней не являлся.

Испанские завоеватели Америки и первые путешественники по этой стране были страшно поражены свирепствовавшими ураганами, которые и местными туземцами приписывались злому богу бурь. Испанцы истолковывали ураганы, как дьявольские игрища. Овиедо, однажды поднявшись на какую-то гору в центральной Америке, увидал, что весь лес, покрывавший эту гору, повален и нагроможден в невообразимом хаосе. Лес, разумеется, был повален ураганом, но Овиедо так ужаснулся этому опустошению, что не задумался приписать его дьяволу.

Черту не раз приписывались опустошительные пожары, причем, конечно, его самого видело перед пожаром множество народа и слышало его угрозы. Таким путем, по преданию, погиб в 1533 году город Шильтах в Германии. Дело происходило в четверг на Страстной неделе. Началось с того, что дьявол забрался на крышу одного дома и начал неистово свистать. Забрались люди на крышу, чтобы снять оттуда свистуна, но никого там не нашли, а когда спустились, свист начался снова, и эта проделка повторилась несколько раз. Люди постигли, наконец, что тут шутит дьявол, собрались около дома целой толпой и наскоро позвали двух патеров. Духовенство начало читать заклинания. На вопрос: кто ты и зачем пожаловал? — дьявол немедленно и охотно ответил, что пришел за тем, чтобы спалить весь город. Когда же патеры начали ему грозить и заклинать его, он крикнул:

— Очень я вас боюсь! Разве я не знаю, что оба воры, а один еще сверх того распутник!

Вслед за тем рядом с ним на крыше появилась одна женщина, с которой, как потом разведали, дьявол состоял в сожительстве четырнадцать лет, хотя злодейка все это время аккуратно каждый год ходила на исповедь и причащалась. Он вручил ей горшок с огнем и приказал повсюду раскидывать этот огонь. Женщина плеснула из горшка огнем во все стороны, и в ту же минуту весь город был объят пламенем и сгорел дотла. Этот пожар Шильтаха (или Сильтаха) описывается у многих авторов XVI и XVII столетий. Один из них говорит, что огонь падал в виде огненных ядер или бомб, и притом сразу на весь город. Иные жители бежала на помощь соседям, видя, как их дом загорался, но в ту же минуту загорались их собственные дома, и люди вследствие этого метались по городу, как безумные. Автор этого описания слышал свидетельство очевидица пожара, патера. Тот уверял, что дьявол явился пред самым пожаром и обнаружил свое присутствие громким свистом и голосами разных птиц и зверей. Дьявол швырнул в этого патера обручем от бочки, и обруч попал ему на голову и сел па ней на подобие венка. Потом он громко спросил у собравшейся публики: слыхали ли вы, дескать, как каркает ворон? — и немедленно начал сам каркать, но столь ужасно, что все присутствовавшие дрожали от страха. Тут же мимоходом лукавый многим из присутствовавших напомнил о разных их секретных грешках, повергая их этими разоблачениями в неимоверное смущение.

В 894 году дьявол едва не спалил города Реймса — места коронования французских королей, да и спалил бы, если бы город не имел тогда мощного защитника в лице благочестивого архиепископа святого Реми. Вот как рассказывает об этом происшествии реймский летописец.

Архиепископ молился в одной из городских церквей, благодаря Всевышнего за то, что ему была ниспослана удача — спасти несколько душ от козней дьявола, как вдруг ему прибежали сказать, что весь город объят огнем. Опытный ратоборец с лукавым тотчас распознал, чьи это штуки; распаляясь благочестивым гневом, пастырь топнул ногой и воскликнул:

— Узнаю тебя, сатана! Значит, мне все еще не удалось покончить с твоей злобой.
В одной из реймских церквей показывают плиту пола, по которой тогда топнул святой Реми; на ней остался отпечаток от стопы.

Взяв в руки свой пастырский жезл, святитель вышел на улицу. Прямо перед ним огонь пожирал целую груду деревянных домиков с соломенной кровлей — тогдашних обычных жилых построек. Святой Реми смело пошел на огонь, осеняя себя крестным знамением, и огонь тотчас начал перед ним отступать. Так шел он вперед, творя крестное зна-

мение, и огонь отходил все дальше и дальше, словно задуваемый невидимою силой, исходившею от святого человека. Иной раз казалось, что огонь вступает в борьбу со святителем, окружает со всех сторон, как бы стремясь пожрать его; но святой Реми своим страшным крестом побеждал силу дьявола. Наконец, отступив, так сказать, по всей линии боя, вынужденный покинуть все постройки, которые им были захвачены, огонь, как побежденный зверь, издох у ног архиепископа; по воле святителя он отступил за город и спустился в ров, который окружал город. Там святитель отпер дверь, ведшую в подземелье, низверг туда огонь, подобно тому, как низвергают в бездну злодея, повелел замуровать дверь и под угрозою гибели тела и души воспретил кому бы то ни было и когда бы то ни было открывать эту дверь. Случилось однажды, что какой-то любопытный, а быть может и неверующий человек, открыл эту дверь; но из подземелья на него хлынул поток пламени, которое пожгло его без остатка, а потом само ушло и скрылось в подземелье, где воля и заклятье святителя держала его и будут держать до скончания века.

Эта легенда очень известна во Франции. О ней упоминает. Гизо, сравнивая эту эпическую борьбу пастыря с адским огнем с классической легендой о борьбе Ахилла против Скамандра.

Дьявола всегда считали охотником выкидывать разные мелкие штуки, «холопские», как выражается один из благочестивых писателей XVII века — Гейстербах. Этот писатель рассказывает, между прочим, о жизни одного весьма благочестивого священника. Дьявол чрезвычайно долго изощрялся над ним, давши себе слово вывести его из терпения всякими злобными и досаждающими проделками. Так, например, когда почтенный патер читал свой требник, дьявол потихоньку подкрадывался к нему и клал лапу на то место книги, которое тот читал, чтобы помешать ему читать. Иногда он внезапно захлопывал книгу или перевертывал страницы. Но ночам, когда благочестивый патер читал при свечке, дьявол задувал свечку. Всеми этими проделками дьявол имел в виду вывести из терпения святого человека, заставить его рассердиться, выговорить какое-нибудь бранное слово. Это был бы хоть и маленький, а все же грех. Но лукавый напрасно старался. Патер переносил его штуки с таким безграничным терпением, что нечистый, видя, что от него ничего не добиться, должен был от него отстать.

О том, как черти сбивают путников, заставляют их плутать, заводят в незнакомые места, в болота и т.д., об этом существует бесчисленное множество сказаний как среди народа так и у старых писателей, между прочим, и у отцов церкви. Об этих проделках дьявола упоминает, например, святой Кассиан. Гильом Парижский упоминает о каком-то фокуснике или комедианте, к которому пристроился дьявол и постоянно досаждал ему своими штуками самого озорного свойства. Так, например, по утрам он будил его, стаскивая с него одеяло, а если тот не вставал, то и самого его стаскивал за ноги на пол и т.д. Такие чертибаловники были известны даже в глубокой древности. У римлян чертей в нашем смысле слова не полагалось, но зато у них было бесчисленное множество всяких гениев — домашних, лесных, водяных и т.д. Эти невидимые существа, населявшие весь мир, тоже не прочь были пошалить со смертными, на манер наших шкодливых чертей. Так, например, Плиний рассказывает, что в одном доме в Риме домашние духи (лары и пенаты) по ночам забавлялись тем, что стригли людей. Их видели в то время, как они, одетые во все белое, входили в комнаты спящих людей, садились к ним на ложе, обрезали у них волосы и раскидывали эти волосы по полу.

Однако, те же черти весьма нередко принимали на себя и более почетную задачу — жестоко карали злых людей и грешников за различные злодеяния, У Гулара сообщается, например, такое происшествие. В первой половине XVI столетия в одной местности в Германии жил-был помещик, отличавшийся чрезвычайно свирепым и прижимистым нравом, настоящий тиран принадлежавших ему крестьян. И вот однажды этот помещик приказал одному своему мужику отправиться в лес, срубить там огромный дуб и доставить его к нему на дом, пригрозив, конечно, что если он этого не сделает, то ему придется худо. Бедный мужик понял, что жестокий барин нарочно придумал для него работу выше сил человеческих, чтобы только придраться и подвергнуть его истязанию. Он, однако, побрел в лес, присел там на пне и залился слезами. Вдруг перед ним появился какой-то человек и спросил его, о чем он так грустит. И когда мужичек рассказал ему свое горе, незнакомец его успокоил, сказал, что все будет сделано как следует, и велел идти домой. Едва успел мужичек вернуться в деревню, как вдруг громаднейший дуб, влекомый неведомою силою, налетел на дом злого помещика и со всего размаха всунулся в дверь целиком со всеми своими сучьями и ветвями. И его не было возможности не только сдвинуть с места, но нельзя было даже отрубить у него ни одной ветви, потому что дерево оказалось твердо, как камень. Злому по-

мещику пришлось совсем покинуть ту часть дома, куда внедрился этот дуб, и прорубить окна и двери с другой стороны.

Вот еще история, тоже передаваемая Гуларом и наставительно свидетельствующая о том, сколь опасно отдаваться гневу и, отдавшись ему, упоминать нечистую силу. Какой-то дворянин созвал к себе гостей на пир, но перед самым пиршеством от всех званных явились посланные с извинениями, что гости не могут быть. Дворянин чрезвычайно был рассержен этой неудачей и в гневе вскричал: «Коли ни один человек не хочет придти ко мне в гости, пусть все дьяволы пожалуют ко мне!». После этого он тотчас вышел из дому и отправился в церковь, где в эго время шла служба. Пока он был в церкви, на двор к нему явилась вдруг целая куча гостей. Все они были верхом на конях, все одеты в черное и произвели на домашних очень тревожное впечатление. Один из гостей обратился к слуге и приказал ему сходить сейчас же за хозяином дома и позвать его домой, чтобы встречал гостей. Перепуганный слуга побежал в церковь, рассказал хозяину о неожиданных гостях, а тот в свою очередь обратился к патеру с вопросом — как ему быть. Все они сейчас же кинулись к дому и прежде всего поспешили выкликнуть оттуда всех домашних. Те выбежали впопыхах и при этом забыли в доме маленького ребенка. А между тем, гости, т.е. черти, столь торжественно приглашенные самим хозяином, уже вломились в дом и расположились в нем. Таким образом дитя, спавшее в колыбели, осталось в их власти. Ворвавшись в дом, черти подняли в нем страшную возню. Слышно было, как они кувыркают столы и стулья, и прочую мебель. Окна открылись настежь и в них начали показываться медвежьи, свиные, собачьи и козлиные морды. Многие из этих чудовищ подходили к окнам, держа в лапах куски жареного мяса, хлеба, кубки, полные вином, и т.п. Их звали в гости и они угощались. И вот в то время, когда хозяева этого дома и сбежавшиеся толпой соседи с ужасом смотрели на все это, хозяин дома вдруг увидел, что его маленького ребенка нет с ними и что, следовательно, он остался в доме во власти чертей. Тогда хозяин взмолился к одному из своих верных слуг, умоляя его войти в дом и выручить ребенка. Получив благословение патера и напутствуемый добрыми пожеланиями собравшейся толпы соседей, добрый служитель вошел в дом, стал на колени, поручил себя покровительству Божию и затем смело вступил в ту комнату, где были черти. Иные из них сидели, иные ходили и ползали по полу. Как только он вошел, они все на него набросились с оглушительным свиным хрюканьем, спрашивая его, зачем он пришел. Ребенок, оставленный в доме, был на руках у одного из чертей. И вот между верным служителем и чертями началась борьба. Он именем Божиим требовал, чтобы они выдали ему невинного младенца, а черти не отдавали. Но храбрый служитель, громко творя молитву, бросился к черту, который держал младенца, вырвал его из его лап и побежал. Черти подняли адский шум, хрюкали, свистали, ржали, выли, требовали младенца назад, грозили храброму служителю, что растерзают его в клочья, но он, не обращая никакого внимания на их вопли и угрозы, благополучно вынес младенца и передал его с рук на руки отцу. Ужасные гости, однако же, еще несколько дней оставались в доме, их не удалось сразу выкурить оттуда, как говорится, ни крестом, ни пестом. Но урок послужил на пользу хозяину: он с этих пор сделался добрым христианином.

ОТДЕЛ ВТОРОЙ
Духи народных сказаний

I. ДЕМОНИЧЕСКИЕ СУЩЕСТВА НАРОДНЫХ СКАЗАНИЙ, СООТВЕТСТВУЮЩИЕ ТИПУ НАШЕГО ДОМОВОГО

Народная фантазия создала целые сонмы духов, которые в дохристианское время примыкали к мифологическому персоналу, представляя собой что-то вроде полубогов или низших божеств. Все это, разумеется, по водворении христианства очень легко спуталось с нечистой силой, так что нами для полноты картины приходится бросить взгляд и на весь этот поэтический мирок второстепенных бесплотных существ.

Благочестивым демонологам доброго старого времени было немало хлопот с этими расплывчатыми созданиями народной фантазии. Причислять их прямо к адским силам, к чертям, они как будто бы не решались. А между тем, коли она не черти, то кто же они? Куда с ними деваться, куда их приткнуть? Отсюда и те колебания, которые слышатся во мнениях даже таких знаменитостей, как, например, архиепископ Олай Магнус, громкий авторитет своего времени († 1568) В своей истории народов Севера он, между прочим, сообщает, что в Ирландии существуют духи, которые являются в человечьем образе. Обычно они принимают вид кого-нибудь знакомого тому, кому являются, и при этом всегда оказывается, что тот человек незадолго до того умер. Посему эти духи и считаются в народе душами недавно умерших людей. «Но, — добавляет Олай, — иные не считают их душами умерших, а считают демонами, которых древние называли лемурами, оборотнями, фавнами. сатирами, ларвами, манами (латинск. manes — души умерших), пенатами, нимфами, полубогами, феями и множеством иных имен». Уже одно это длинное перечисление показывает, как шаток был взгляд почтенного архиепископа.

Итак, рассмотрим поближе эти плоды народного творчества. Начнем хоть с тех существ, которые в изображении народных сказаний всего ближе соответствуют нашему домовому. Название этих духов у разных народов очень разнообразны. Немцы зовут их «кобольдами», ирландцы — «клюйрконами», шведы — «тонту» или «Том Губбе», испанцы — «дуэнде и трасто», французы — «гоблинами», «лютенами», «фоллэ» (feu follet значит «блуждающий огонек»), англичане — «Робин Гуд», «пок», «хобгоблин» и т.д. В поэзии они носят еще общее название эльфов; но это, как нам показалось, особый тип и мы о нем скажем потом.

Ирландский клюйркон является всегда один. Он чаще всего принимает вид морщинистого маленького старичка в древнем платье. Его невзвидят за то, что он всегда строит злые штуки, и встреча с ним не предвещает ничего доброго. Но его можно обуздать и покорить либо угрозами, либо обещаниями; тогда он становится покорным слугой; впрочем, как гласит народное верование, из клюйркона выходит только хороший сапожник и больше ничего. Правда, оп всегда зная, где зарыты клады, но можно ли и как именно принудить его указать место, где есть клад — об этом история умалчивает. Клюйрконы чаще всего живут ври доме, обычно до тех пор, пока остается в живых хоть один член рода, владеющего домом. Этой чертой он сближается с вашим домовым. Он хорошо обходится с хозяином дома, во только до тех пор, пока тот его хорошо кормит. Пища же ему всегда ставится в определенное место, и если он там ее не найдет, то может крепко досадить.

Вообще надо заметить, что рядом с духами, довольно близко примыкающими к нашим домовым, кикиморам, отчасти к житным демонам, народные сказания приплели личных гениев, т.е. тех бесплотных существ, которые, так сказать, приставлены к каждому человеку, чтобы руководить его жизнью, мыслями, поступками. Это что-то вроде тех двух ангелов — белого и черного, благого и злого, — которые полагаются каждому магометанину. В европейских сказаниях эти личные духи по большей части для человека благодетельны, а потому могли бы быть исключены из области сношений человека с демоном, но, благодаря путанице понятий и представлений, их все же затруднительно начисто выделить из толпы адовых исчадий, и христианское духовенство косо смотрело на них. Надо, значит, и о них дать понятие. Посмотрим, что о них повествовалось.

Личный гений, по словам Плутарха, был у Сократа. Об этом сам великий философ часто говорил своим друзьям; он постоянно чуял около себя его присутствие и звал, что этому благодетельному гению он обязан в значительной мере и своим благополучием, и

личным усовершенствованием, так как его невидимый хранитель предупреждает его о грозящих опасностях в останавливает каждый раз, когда он готов сделать что-нибудь нехорошее.

Боден, автор «Демономании», приведя в своей книге это сказание о Сократе и его гении, прибавляет с своей стороны рассказ о каком-то лично ему известном благочестивейшем муже, с утра до ночи молившемся и певшем псалмы. Этот человек все просил Бога о том, чтобы ему дан был ангел-хранитель и попечитель, и молитва его была услышана. Кто-то незримый руководил его во всех случаях жизни, предварял об опасностях, и однажды даже ему явился в виде лучезарно-прекрасного младенца, сидевшего на его ложе. Но по ходу дела здесь вы видим уже явно благодетельного духа, не имеющего ничего общего с адовыми исчадиями.

Совсем в ином освещении является перед нами личный гений знаменитого врача и философа Корнелия Агриппы († 1534). У него была черная собака, жившая при нем и часто его сопровождавшая, и собака эта была не кто иной, как сам дьявол. Обычно этот пес пребывал в кабинете у ученого, лежа на груде книг и бумаг, в то время как его хозяин что-нибудь читал или писал. Каким путем Агриппа приобрел себе такого домашнего гения, это осталось невыясненным. Но адское происхождение его пса сомнению не подлежит. Будучи при смерти и побуждаемый духовником к покаянию во всех своих прегрешениях, Агриппа снял с шеи своего пса особый ошейник, весь утыканный гвоздями, которые были па нем так расположены, что из них выходила какая-то магическая надпись. При этом он с тяжким вздохом сказал своему четвероногому гению: «Уходи, злополучный зверь, причина моей гибели!». В самую минуту смерти своего хозяина эта собака выбежала из дому, бросилась в реку и утопилась.

По словам того же Бодена, в Пикардии жил какой-то дворянин, обладавший таинственным и любопытным перстнем, который он приобрел за весьма дорогую цену от одного испанца. В этом перстне посредством каких-то особых чар наглухо и на вечевые времена был заточен черт. Злополучное детище адово было так и с таким заклятием пристроено в перстне, что волей-неволей было вынуждено оставаться покорным рабом человека, которому принадлежал перстень. Так выхвалял свой товар испанец, продававший перстень. Но не так оказалось на самом деле. Черт в перстне действительно был заключен, но видно было, что заклинание его сделано весьма ненадежно, потому что лукавый то и дело нагло врал своему хозяину всякие небылицы, и вместо того, чтобы служить ему верой и правдой, только путал его и сбивал с толку. Раздраженный пикардийский дворянин, весьма здраво рассудив, что обладание таким талисманом только губит его душу, а не приносит никакой существенной пользы, порешил от него отделаться и бросил его в огонь, в весьма неосновательной уверенности, что огонь, разрушив перстень, истребит вместе с тем и злого духа. Он не понимал, что пустить черта в огонь — это то же самое, что пустить щуку в воду. Дьявол, конечно, благополучно освободился в огне от перстня и немедленно вселился в самого пикардийца, который с этого времени и сделался форменным бесноватым.

Тому же Бодену представился однажды случай познакомиться с каким-то человеком, который решительно не знал, куда деваться и что делать, чтоб спастись от злобных проделок нечистого духа, который пристроился к нему почти в постоянные спутники, хотя тот человек и не думал сам искать его дружбы. Так, например, по ночам он часто будил его, хватая за нос, и вслед за тем жестоко бил. Злополучный человек с рыданиями и стонами молил оставить его в покое, но злобный дух не взимал этим мольбам, все приставал к нему, прося работы. У лукавого, очевидно, было намерение навязаться этому человеку в качестве исполнителя его греховных прихотей, чтобы затем овладеть его душой. В конце концов несчастный человек начал мало-помалу поддаваться соблазну. Он вздумал испытать могущество черта, который навязывался к нему со своими услугами. Он приказывал ему, например, доставить ему богатство или помочь овладеть любимой женщиной, или указать ему тайные силы и свойства трав, камней и т.д. Но черт оказался существом либо уж очень лукавым, либо совсем бессильным, а может быть, тем и другим вместе. Ни одного желания того человека он как следует не исполнил и вдобавок врал и путал на каждом шагу, а главное, занят был тем, что подстрекал человека на разные мерзости. Дойдя до этой точки, одержимый как раз и встретился с Боденом и просил его совета, как ему отделаться от навязчивого черта. Боден, конечно, посоветовал ему крестное знамение и молитву, но после того уже не встречался с ним и не знает, чем у него кончилось дело.

В Германии распространена вера в духов, которые очень смахивают на наших домовых. Их иногда называют там «полевыми духами» или, правильнее сказать, «полевыми

детьми» (Heidekind). Об одном из этих существ и его проделках сохранилась запись в известной летописи Тритема. Около 1130 года в одной местности в Саксонии появился Heidekind.

Он являлся людям в разных видах, но чаще всего проявлял свое присутствие лишь в каких-нибудь звуках и проделках, по которым судили, что он тут. В конце концов этот юркий дух пристроился в доме местного епископа, избрав в нем для своего местопребывания кухню. Вел он себя долгое время вполне прилично, помогал поварам в их работе, и они были им совершенно довольны. Но случилось, что один из поварят, маленький мальчик, особенно близко подружился с этим чертенышем и однажды, уступая внушениям своей детской шаловливости, устроил своему невидимому другу какую-то скверную штуку. В чем она заключалась, этого мы не знаем, но только чертенок был ужасно обижен и пожаловался на поваренка главному повару. А тот по неосторожности не обратил на эту жалобу никакого внимания и оставил обиду неотомщенной. Тогда чертенок уже распорядился сам. Он напал ночью на спавшего в кухне поваренка, задушил его, разрезал на куски и изжарил. С этого момента его злоба разнуздалась и он начал устраивать гадости всем кухонным чинам. Об этом довели, наконец, до сведения епископа, и тот торжественным заклинанием повелел злобному духу удалиться из своей епархии. В этом происшествии народное воображение хотя и придавало явившемуся духу особенные черты, причисляло его к эльфам и этим как бы выделяло из сонма адских существ, во по ходу дел все же видно было, что это настоящий чертенок; вероятно, при таком мнении остались все, кому проделки этого духа были известны.

Олай Магнус в своей книге упоминает о том, что жители Исландии почти все поголовно колдуны и у каждого из них есть свой личный или фамильный дух (значит, опять-таки нечто вроде нашего домового). Они называют этих духов «троллями». Эти тролли живут при доме, как слуги, предупреждают своих хозяев о разных болезнях, неприятностях, опасностях, будят их как раз в те часы, когда предстоит изобильная рыбная ловля; если же хозяева отправляются на ловлю без предупреждения тролля, то им ничего не удается добыть.

В книге Кальмэ рассказывается о какой-то даме, по имени Люпа (неизвестно, когда и где жившей), у которой был свой домашний демон, живший у нее в доме тринадцать лет и исполнявший обязанности слуги. Дух этот был злобен и коварен. Сама г-жа Люпа была им капитальнейшим образом развращена, и сверх того он побуждал ее творить разные жестокости над людьми, которые были ей подвластны.

Знаменитейший итальянский философ и математик Кардан в числе других бесчисленных весьма подозрительного свойства диковин, которые он рассказывает о себе в своих книгах, упоминает, между прочим, о том, что в его распоряжении состоял бородатый демон, которому имя было Нифус и который обучал его, Кардана, философии.

Когда Лелуайе учился в Тулузе, тогда в доме, соседнем с тем, в котором он жил, появился и долго проказил шаловливый дух, бодрствовавший по ночам и в это время выкидывавший свои штуки. Его любимой проделкой было черпание воды из колодца; на дворе целую ночь раздавался плеск воды и скрип блока, по которому бадья спускалась в колодец. Любил он также ходить по лестницам, волоча по ступеням что-нибудь очень тяжелое; но в жилые комнаты он никогда не входил и людей не трогал. Это, судя по описанию, уже почти чистый тип нашего домового.

В Париже, в тамошней семинарии, по сообщению того же Кальмэ, у одного из воспитанников завелся домашний дух, который говорил с ним, прислуживал ему, прибирал его комнату, чистил одежду. Случилось однажды, что мимо дверей его комнаты по коридору проходил ректор семинарии. Услыхав, что в комнате происходит разговор, ректор вошел туда и с удивлением увидел, что семинарист был в комнате один, никого с ним не было. «Ты с кем же это разговаривал?», — полюбопытствовал ректор. Семинарист сначала отвечал, что он один, что разговаривать ему был не с кем. Но отец-ректор ясно слышал разговор и приступил к нему вплотную, требуя объяснений. Тогда семинарист покаялся и рассказал о своем домовом. Ректор потребовал доказательств. Семинарист приказал своему невидимому служителю, чтобы он подал отцу-ректору стул, и его приказание было сейчас же исполнено. Ректор донес об этом казусе парижскому архиепископу, и владыко порешил замять это дело и не давать ему огласки. Семинариста куда-то припрятали.

Кальмэ говорит еще, что ему рассказывали, будто в знаменитом Цистерцианском

монастыре (он находится во Франции в Сито — Citeaux, по-латыни — Cistertium) у нескольких монахов были домашние служебные духи, которые им служили так же, как сейчас упомянутому парижскому семинаристу. Одному из этих монахов его домовой однажды с тревогой сообщил, что между несколькими другими монахами того же монастыря началась жестокая ссора и что они, того и гляди, раздерутся. Монах кинулся на место происшествия и успел предупредить побоище.

Очень интересна история одного домашнего духа, клерую Кальмэ слышал от графа Деспилье. Когда этот граф служил в молодости в кирасирском полку, в чине капитана, ему случилось однажды квартировать со своим полком во Фландрии. Солдаты были расквартированы по обывательским домам. И вот однажды к капитану является один из его солдат и просит перевести его в другой дом так как в таком доме, куда его поставили, ему всю ночь не дают сомкнуть глаза какие-то черти, являющиеся по ночам в его комнату. Деспилье расхохотался, пристыдил солдата и прогнал его. Однако, через несколько дней солдат снова явился к нему с такой же просьбой. На этот раз капитан взялся было за палку, чтобы хорошенько вздуть солдата, испугавшегося чертовщины, но тот спасся бегством. Наконец, тот же солдат с той же просьбой явился к Деспилье в третий раз и на этот раз объявил, что если его не переведут в другой дом, то он сбежит со службы, предпочитая быть дезертиром. нежели терпеть такие страсти, какие выпали на его долю.

Деспилье порешил пойти сам и переночевать в том доме, грозя солдату, что если он соврал, то ему плохо придется. В тоже время он чрезвычайно изумлялся и не мог понять, что сделалось с этим солдатом, который был ему известен за человека далеко не трусливого десятка. И вот в тот же вечер Деспилье пошел ночевать в страшный дом. Перед сном он тщательно зарядил свои пистолеты, положил их около себя под рукой и, не раздеваясь, улегся рядом с солдатом на одной кровати. В полночь он ясно слышал, как кто-то вошел в комнату. Деспилье хотел было схватить свои пистолеты и встать, но ему не удалось сделать ни малейшего движения, потому что кровать во мгновение ока была перевернута вверх дном, а капитан и солдат очутились под ней. Деспилье пришлось сделать неимоверные усилия, чтобы выкарабкаться из под навалившихся на него матрацев и кровати. Он подхватил свои бесполезные пистолеты и, страшно переконфуженный, не говоря ни слова своему солдату и избегая глядеть на него, убрался восвояси. Солдат был, конечно, на другой же день переведен из проклятого дома, а Деспилье впоследствии много раз рассказывал эту историю.

Кстати передадим здесь еще историю совершенно такого же рода, случившуюся с другим, тоже французским знаменитым воином, именно с маршалом Морицом Саксонским. Ему однажды случилось проезжать через какую-то деревню, и он узнал, что в этой деревне есть гостиница, а в гостинице одна комната, где являются привидения, которые режут путешественников, и их потом находят в постели плавающими в крови. Содержателя гостиницы уже много раз притягивали за это к суду, но т.к. ничто не уличало его в том, что он принимал участие в этих убийствах, то его пришлось отпускать с миром. Знаменитый победитель при Фонтенуа был человек не робкий и притом свободный от суеверий. Он охотно вступил бы в бой с целой ратью привидений. Рассказ о заклятой гостинице подстрекнул его любопытство, и он решился переночевать в той самой комнате гостиницы, которая так мрачно прославилась кровавыми трагедиями. Денщик маршала был тоже человек храбрый и решительный. Они уговорились спать и бодрствовать поочередно, чтобы не быть застигнутыми врасплох. Первым улегся спать маршал; он не замедлил погрузиться в крепкий сои. Денщик добросовестно отдежурил свое время и приблизительно во втором часу ночи подошел к спящему маршалу, чтобы его разбудить, а самому улечься спать на его место. Он окликнул маршала несколько раз. Тот спал, не отозвался. Денщик тронул его за плечо, пошевелил; маршал продолжал спать. Денщик встряхнул его ужа без всякой церемонии, а маршал все по-прежнему оставался неподвижным. Изумленный и испуганный этой бесчувственностью, солдат схватил свечку и подошел с ней к спавшему маршалу. Лицо спавшего было бледно, как у мертвеца, а когда солдат откинул с него одеяло, он не мог удержаться от крика ужаса, потому что буквально все тело маршала было залито кровью. Солдат тотчас же увидел и виновника этого кровопролития. На груди у маршала сидел громаднейшей величины черный паук и сосал его кровь. Солдат кинулся к камину, взял щипцы, схватил ими паука, который, видимо, отяжелев от выпитой крови, не в силах был оказать никакого сопротивления. Защемив его в щипцы, денщик бросил его в огонь. Маршал же очень долгое время не мог придти в себя от потери крови. Так как таких пауков, которые могут источать из человека целые фонтаны крови, не водится ни в Европе и нигде на свете, то публика того времени, естественно, была склонна видеть в этом происшествии что-нибудь одно: либо злобную проделку врага рода человеческого, либо предположить, что солдат впопыхах

ошибся и принял за паука вампира. А вампиры, как известно, с нечистым находятся в самом близком родстве и свойстве.

II. ФЕИ И ЭЛЬФЫ

Можно подумать, что в феях и эльфах поэт-народ выразил идею обмана чувств, хотел воочию показать, что может человеку привидеться под влиянием страха, настраивающего воображение на таинственный лад. Об этом можно бы заключить по мотиву, часто повторяющемуся в сказаниях о феях и эльфах. Эти существа, по обычному представлению, — обоеполые, т.е. среди них есть мужской и женский пол. И, конечно, дамы эльфов прельщают смертных своей обворожительной красотой, а также изяществом и легкостью своих белых одежд. Но, однако, все эти прелести оказываются простым отводом глаз. Под покровом ночной тьмы эльфа прелестна, то если ее захватит предательский рассвет, ее красота улетучивается, исчезает, подобно всякому другому ночному призраку. Вместо сверкающих глаз обозначатся темные впадины, алые щечки превратятся в мертвые кости, обтянутые кожей, исчезнет даже волна прелестных белокурых волос, и вместо нее очутится клок какой-то серой пакли.

Фея — создание по преимуществу французской фантазии. Сказания о ней разработаны здесь, по преимуществу на берегу Атлантического океана и на прилегающих к нему островах. В числе этих островов надо отметить Сен (Sein), лежащий у мыса Финистер. Отсюда разошлись самые древнейшие сказание о феях по Франции и Англии. Надо полагать, что в древности этот остров являлся таким же важным религиозным пунктом древней друидической веры, был таким же священным местом, как, например, остров Рюген у нас на Балтийском море. Рядом с сенскими сказаниями о феях широко распространились по Западной Европе скандинавские сказания о демонических существах, по типу примыкающих к феям и эльфам. На острове Сене, как пишет Помпоний Мела (автор известной книги «De situ orbis», написанной в 40-х годах по Р.Х.) существовал древнейший храм какого-то галльского божества, подобно дельфийскому, славившийся своим оракулом. Здесь предсказательницами, как и в Дельфах, были жрицы-девственницы, обладавшие весьма обширными чародейскими силами. В их услужении состоял какой-то особенный дух или гений, силой которого они и творили разные чудеса, например, возбуждали бури на море, могли принимать вид разных животных, исцелять всякие самые упорные болезни, а также предсказывать будущее. Вот эти-то жрицы, судя по смутному смыслу народных преданий, и послужили как бы родоначальницами всех фей, впоследствии заселивших Францию и соседние страны. Размножившись (но каким путем, коли они были девственницы?..), они мало-помалу заняли весь остров Сен, и когда им на нем сделалось тесно жить, то они начали перебираться на материк и поселяться в лесах Франции, а затем и соседних стран. Часть их селилась также среди гор, в скалистых местностях, также в больших владетельных замках. Впоследствии весь этот невидимый народ перекочевал куда-то далеко к северу и образовал здесь настоящее царство фей, которое называлось Авалоном. Воспоминание об этом царстве осталось в названии одного из мысов на острове Ньюфаундленде.

Авалон часто описывали древние поэты Франции. Так, в романе или поэме о Вильгельме Курносом мы находим упоминание о тои, что Авалон был чрезвычайно богат, так что другого такого богатого города никогда не было и построено. Стены его были сложены из какого-то особого камня, двери в них были из слоновой кости, жилища щедро разукрашены изумрудами, топазами, гиацинтами и другими драгоценными каменьями, крыши на домах были золотые и т.д. В Авалоне процветала волшебная медицина. Здесь излечивали самые ужасные раны. (После страшного боя под Кубелином знаменитый король Артур был волшебной силой перенесен сюда на излечение, и фая Моргана вылечила его.

Некоторые писатели начала Средних веков называли Авалон островом. В одном из тогдашних романов этот остров описывается, как очарованное место, где все обитатели проводят время в вечном празднике, не ведая никаких забот и горестей. Само слово Авалон сближали со словами древне-бретонского языка «Inis Afalon», что значит «остров яблонь». Итак, феи пришли отсюда, с французского острова Сена. Многие старые писатели делают попытку дать определение этому слову и понятию, разъяснить, что такое фея. В Эдде говорится, что феи бывают доброго происхождения, и тогда сами они добры и оделяют людей хорошей судьбой, но что если жизнь у иных людей слагается несчастливо, то это приходится приписывать влиянию злых фей. Таким образом, обличье этих существ перед нами довольно ясно определяется. Феи были гении или демоны судьбы, от них зависело направление человеческой жизни в ту или другую сторону, смотря по желанию или настрое-

нию феи, которая присутствовала при рождении человека на свет.

Иные определяли фею, как существо женского пола, которое обладает искусством волшебства, знает тайную силу слов и заклинаний, камней и трав; а вследствие этого феи могли быть подательницами всяческих жизненных благ — молодости, красоты, богатства, или же, наоборот, всяческих бед и несчастий.

Мало-помалу с течением времени представление о феях, само собой разумеется, должно было претерпевать разные видоизменения. Среди них появились злобные духи, в которых можно отличить некоторые черты, сближающие их с кикиморами. Так, например, они по ночам входили в дома, не отворяя ни дверей, ни окон, и занимались разными злобными проказами, например, выхватывали детей из колыбели, мучили их, били, иногда уродовали. Но замечательно то, что измученный, изуродованный ими ребенок на утро оказывался жив и здоров. Иной раз феи появляются по ночам в виде старых морщинистых женщин очень маленького роста, которые не делают людям никакого вреда, а, напротив, справляют какие-нибудь домашние работы, вообще оказывают добрые услуги. Случалось и так, что феи принимали образ обольстительных красавиц, и соблазненные их прелестями кавалеры вступали с ними в супружество. Но при этом таинственные красавицы обязательно связывали мужчин какою-нибудь особенной клятвою: так, например, муж должен был дать торжественный обет, что никогда и ни в каком случае не может видеть их без одежды, или обязывался предоставить в их полное распоряжение один день в неделю, например, субботу, причем в этот день они могли делать что угодно, исчезать, куда им вздумается, и муж не имел права спрашивать у них отчет в их отлучках. Если эти условие соблюдались мужем, то его жизнь протекала в нерушимом благополучии, в противном же случае на него сыпались несчастия. В некоторых случаях такие таинственные супруги в некоторые дни. которые они себе выговаривали по условию, покидали человеческий образ и превращались во что-нибудь другое, например, в змей и т.д.

Любимым местопребыванием фей служат чащи лесов и источники. Так, по крайней мере, повествуется во всех средневековых поэмах и романах. Их герои всегда встречают тех фей, которые потом играют роль в их судьбе, в лесах и преимущественно около источников. Во Франции в Средние века сила минеральных вод и целебных источников приписывалась феям, которые около этих источников обитали. Жанна д'Арк, как известно, любила стоять в мечтательной задумчивости у теплого источника, находившегося около ее родной деревеньки Домреми. Этот источник, по местному преданию, начал бить из земли от удара волшебной палочки феи-благодетельницы. Такие же сказание существуют и о других минеральных водах во Франции и Англии.

Как мы уже заметили выше, феи должны быть рассматриваемы, по преимуществу, как демонические существа судьбы. Об этом свидетельствует бесчисленное множество сказаний об их присутствовании при появлении на свет разных героев сказок и легенд. Обычно по народному поверью, распространенному по всей Франции, феи сами без приглашение заявляются к каждому новорожденному. Но иные родители, особенно в Бретани, предпочитают не ждать, чтобы феи пришли к их новорожденному, а сами идут к ним, захватив с собой младенца. Куда именно надо идти, где найти фей, это, конечно, ни малейшим образом не затрудняет суеверного жителя Бретани. Он основательнейшим образом осведомлен об «адресе». Места, где живут феи, с незапамятных времен известны населению. Чаще всего это какие-нибудь пещеры ила подземелья и вообще глухие уголки в ближайших окрестностях населенных мест. Читатели знают из множества сказок, какие ими были прочитаны в детстве, как феи являются к новорожденным, как одаряют их судьбу разными щедротами или, наоборот, вставляют в нее какое-нибудь несчастие, и потому мы не будем приводить относящихся сюда сказаний.

По французским народным сказаниям феи охотно околдовывают мужчин. «Корригана, — говорится в одной бретонской песне, — сидела у воды и расчесывала свои длинные волосы; она расчесывала их золотым гребнем, потому что эти дамы не бедны. „Ты очень смел (с такими словами обращается она к молодому принцу или другого звания герою, который вздумал купаться в ее речке), коли решаешься возмущать покой моей воды, — сказала Корригана. — Ты за это должен сейчас же на мне жениться, иначе ты семь дет будешь сохнуть или умрешь через три года"».

Воспевая пышнейшими красками красоту фей, народная фантазия, однако же, замечательным упорством и постоянством отмечает в них всегда какой-нибудь скрытый недостаток, уродство, какой-нибудь противовес чарам красоты. Это нечто, нарушающее гармо-

нию их образа, могло быть и чисто наружным недостатком, вроде какой-нибудь кривобокости, но бывало и внутренним духовным недостатком. Так, прелестная Мелузина каждую субботу превращалась в змею. Фея, от которой, по преданию, произошел род Аро, обладала оленьею ногою; впрочем, она на поверку оказалась просто-напросто суккубом, т.е. чистым чертом.

К феям почти вплоть примыкают немецкие никсы, ундины, вообще всякие демонические существа вод, в том числе, конечно, и наша русалка, а также вилы наших братьев славян. С другой стороны, тип феи вдается в тип домового. Во французских легендах мы встречаем такие образы фей, которые приходится признать домашними духами. Так, например, фея или, как выражались писатели старого времени, «дама Абонда», обязательно вносит в те дома, которые она посещает, благоденствие и изобилие. Знаменитая фея Мелузина каждый раз, когда приходит смерть кого-нибудь из тех, кто пользуется ее покровительством, начинает испускать вздохи и стоны. В Ирландии существует верование в особых духов, так называемых «банши», в сущности, очень похожих на французских фей; эти банши точно также оказывают покровительство некоторым семействам и домам, и если в том доме кто-нибудь захворает, то банши подходят к окнам, бьют в ладоши и испускают тревожные крики. По всей Германии распространено верование в дух, напоминающий фей и носящий у немцев имя Берты. Эта же самая Берта превращается и в тех знаменитых «белых женщин», которые интересуются судьбой очень многих знатных домов Германии, и в том числе царствующих династий. Обыкновенно фамилия считается как бы под покровительством своей белой дамы. В важные и торжественные минуты жизни, например, при рождении, при свадьбах, при смерти кого-нибудь из членов рода, белая дама обычно появляется в родовом замке, ее видят и начинают о ней говорить. Внезапные ее появления всегда считаются предвестником какого-нибудь важного происшествия, в особенности же кончины кого-либо из членов рода. В Люнебургской области фея называется Klage Weib; здесь она обычно предупреждает каждого обывателя о его близкой кончине. Это предупреждение чаще всего случается в сильную бурю. В самый разгар бури она внезапно появляется в виде громадной фигуры сверхъестественного роста, которая простирает руку над тем домом, где в скором времени должен быть покойник. И в эту минуту весь тот домик обыкновенно сотрясается до основания.

Этих дам и иритом разного цвета, не только белых, приурочено множество в разным местностям в северной и северо-западной Франции. Виктор Гюго в своем описании Ламаншского архипелага перечисляет разных «дам», которые живут на разных островках той местности, в особенности же в опасных для судоходства местах. Среди этих дам есть белая, серая, красная, черная. Обычно все эти дамы выходят из своих убежищ по ночам и носятся над морем при лунном свете. Иногда они между собой встречаются. Рыбаки, которым случается их видеть, очень недовольны бывают встречами с ними, которые служат предвестником неудач.

В Германии есть еще феерические существа, которых население тоже называет белыми дамами, но которые отличаются уже явно злобными свойствами. Один из фрислаидских летописцев времен императора Лотара говорит, что в те времена, т.е. в IX веке, вся Фрисландия была густо населена всякого рода таинственными духами и гениями, в особенности же белыми дамами или нимфами. Они жили в подземных пещерах и чаще всего появлялись перед запоздалыми путниками, перед пастухами, забредавшими со своими стадами в пустынные места. Многие из этих белых дам любили заявляться в те дома, где были роженицы; они отнимали у них новорожденных детей и уносили в свои пещеры. Что они там с ними делали — история об этом умалчивает.

В местности вокруг Неаполя распространено в простонародии верование в белую даму, которую местные жители называют разными именами — Айя, Амбриана, Кайета. Верование народа в эту Айю доходит почти до осязательности. Она считается духом благодетельным, но не личным, не фамильным, а скорее местным, областным. Ее участие явно проявляется во всех важных событиях жизни. Она, например, очень любит новорожденных детей и иногда по ночам входит в дома, качает колыбели новорожденных. Чаще всего посещает она дома по ночам и при этом внимательно осмотрит весь дом, все хозяйство, удостоверится, все ли в доме исправно, все ли хозяйственные работы сделаны как следует. Но иногда, вероятно, за неимением, времени ночью, Айя совершает свой дозорный обход и среди белого дня. Семья, например, сидит в доме, каждый за своей работой: кто разговаривает, кто воет. И вдруг раздается какой-нибудь особенный стук или шорох, по которому все сразу узнают, что в дом вошла Айя. Какой-нибудь старик или старуха, люди, умудренные опытом, немедленно шикают на семейных, и те мгновенно превращаются в истуканов: кто ра-

ботал — оставляет работу, кто пел — умолкает. Все сидят, не смея шелохнуться, чтобы не спугнуть добрую фею посетительницу. И это молчание продолжается до тех пор, пока старший в семье не подаст знака, что Айя уже обошла весь дом и удалилась. Среди старых людей найдется немало таких, которые утверждают, что видели Айю своими глазами. Такие очевидцы дают описание ее внешности. Айя очень высокая дама в белом платье, покрытая развевающимся покрывалом. Лицо у ней всегда важное и серьезное, равным образом поступь и все движения. Веровавшие в Айю в неаполитанской области началось, надо полагать, с глубочайшей древности, потому что упоминание о нем встречается еще у Вергилия. Классификация всех этих сверхъестественных существ, которых натворила народная фантазия, вообще говоря, чрезвычайно затруднительна, и если мы здесь делаем попытку разделить их на группы, то делаем это исключительно лишь ради соблюдения внешнего порядка.

Под именем эльфов (северные народы называют их еще альфами) известны духи воздуха и земли, созданные фантазией народов германского происхождения. У них есть некоторые общие черты с французскими феями, а также с славянскими воздушными лесными, горными и водяными духами. У эльфов есть свой король Оберон. Можно думать, что этот Оберон иногда в представлении народа совпадает с Эрлькенигом, воспетым Гете. Но с другой стороны, имя этого «лесного царя», как его назвал Жуковский, переводчик знаменитой баллады Гете, весьма подозрительным образом сходится с именем адского царя монгольских сказаний Эрлик-Хана. Надо заметить, что немецкое «König» и монгольское «Хан» имеют совершенно одно и то же значение. Но все это мы говорим мимоходом, так как ни филологические, ни мифологические изыскания в нашу задачу не входят. Мы имели в виду только напомнить о том, что народные сказания всех европейских и азиатских народов, вероятно, с незапамятных времен приходили между собой в соприкосновение, сопоставлялись, сочетались и перепутывались.

Один древнедатский писатель — Торфеус, живший в XVII столетии, приводит свидетельство какого-то исландского монаха или священника, лица, надо полагать, весьма авторитетного для Торфеуса. Этот ионах будто бы со всей положительностью утверждал, что эльфы вовсе не плод досужей фантазии людей, что они действительно существуют, что они такие же Божьи создания, как и ангелы, добрые я падшие, что у них есть оба пола, как людей, и что они могут размножаться, как люди. Об этом последнем обстоятельстве упомянутый монах заключал из того, что существуют многочисленные сказания (которые он, очевидно, принимает за несомненные факты) о брачном сожительстве эльфов с людьми. Следовательно, эльфы представляют собой как бы особый самостоятельный народ. Живут они и в замках, и в домах, и в маленьких хижинах, потому что среди них, как и среди всякого другого народа, существуют и богачи, и бедняки. И по нраву эльфы тоже могут быть всякими: злыми и добрыми, веселыми и печальными. Они спят и бодрствуют, едят и пьют, и вообще по складу своей жизни, как казалось исландскому монаху, не отличаются да и не должны отличаться от людей ни чем иным, кроме того, что они духи.

Народы дальнего севера делили своих эльфов на группы, главным образом по образу их существования; различали: полевых, водяных, лесных, горных эльфов.

В описании наружности этих существ приметы, вообще говоря, сходятся, не впадают в противоречие. Эльфов представляли себе в виде мелких существ. Когда они вытягивались во весь рост, то их головка лишь немного возвышалась над уровнем травы. У них очень большая голова, коротенькие ноги, но зато очень длинные руки. Эльфы очень проворны, ловки, смелы. Они всегда склонны к злым штукам. Они обладают всегда каким-нибудь высшим артистическим талантом; талант этот находится в зависимости от склада существования. Эльфы горные — отличные кузнецы, эльфы водяные — музыканты, эльфы воздушные — танцоры, и т.д. Танцы, судя по сказаниям, любимейшее развлечение эльфов. В светлые лунные ночи эльфы собираются толпами и пляшут хороводами по росистой траве. Само собой разумеется, что на том месте, где кружился такой хоровод, трава бывает промята в виде круглой площадки. В Дании и в настоящее время каждый деревенский житель, выйдя утром в поле и увидя такой круг примятой травы, сейчас же заключает, что на этом месте в ту ночь танцевали эльфы. Надо, впрочем, оговориться, что эти круги примятой травы, — «Elfs-dans» (эльфо-пляс), как называют их датчане, — не всякому дано видеть, а видят их только люди, родившиеся в воскресение. Впрочем, к кому эльфы благоволят, тому они дают особую книгу, по которой можно читать будущее. и обладатель такой книги овладевает способностью видеть «эльфо-плясы», хотя бы родился и не в воскресенье.

По датским народным сказаниям эльфы живут в болотах вообще около воды. Их

мужчины обычно принимают вид крошечных старичков в широкополых шляпах. Женщины их отличаются волшебной красотой. Но интересно, что эльфа не целая женщина, а, так сказать, ее передняя половина; если же посмотреть на нее сзади, то там ничего не окажется; там просто видна какая-то черная впадина. Выходит вроде того, как если бы человека рассечь вдоль, с головы до пят, по площади, проходящей по плечам и бедрам, и вею внутренность из передней половины тела выкинуть вон. Это одно из самых странных созданий народного воображения. Однако, передний фасад снаружи в этой фантастической половинке женщины сохраняется во всем его ослепительном блеске и полон опаснейших чар, вследствие чего молодым мужчинам настоятельно рекомендуется избегать встречи с эльфянками и бежать от них, из всех сил сопротивляясь их очарованию; а они еще усиливают это очарование музыкой, так как обладают каким-то особенным сладкозвучным инструментом. Когда же смертный, не устоявший перед соблазном, приближается к эльфянкам, они открывают рот и дуют на него, и если их дуновение до человека дойдет, то он мгновенно падает мертвым.

Водяные эльфы у датчан называются «нокке». Это духи, следящие так сказать, за порядком в делах любви; они жестоко карают изменников и изменщиц. Сверх того, нокке прекрасные музыканты и охотно берутся обучать музыке людей За это надо им пообещать, что они, в день всеобщего воскресения, воскреснут вместе с людьми. Для объяснения скрытого смысла этого странного условие приведем здесь одно из ходячих сказаний о нокке.

Двое детей играли на берегу речки, протекавшей перед домом их родителей. Вдруг из глубины воды появился нокке, уселся на поверхности воды и начал играть на золотой арфе и петь. Дети ему сказали: «Добрый нокке, какую пользу принесет тебе твое пение, ведь ты все равно не удостоишься спасения». Услышав эти слова, нокке горько заплакал. Дети потом вернулись домой и рассказали об этом своему отцу. А отец их был священник. Он сделал своим детям выговор, упрекнул их в том, что они поступили неправильно. Он велел им вернуться обратно на берег и утешить нокке, сказав ему, что он будет спасен. Дети послушались, вернулись к реке и нашли нокке все еще сидящим на прежнем месте и плачущим. И они сказали ему:»Добрый нокке, не плачь! Наш отец говорит, что ты будешь спасен вместе со всеми другими». Как только нокке услыхал эти утешительные слова, он тотчас с радостью вновь схватил свою арфу и услаждал детей музыкой и пением до самой ночи.

Эта черта сближает датских нокке с нашими русалками, которые, по народному поверью, суть (между прочим) души младенцев, умерших некрещеными. Младенцев мертворожденных или скончавшихся без крещения русалки похищают из могильных ям и уносят в свои воды; они крадут их даже из под порога избы. В течение семи лет в Троицын и Духов дни души этих младенцев летают по воздуху и выпрашивают себе крещения. Думают, что их можно спасти произведением слов: «Крещу тебя во имя Отца и Сына и Святого Духа!» и ежегодными панихидами в первый понедельник Петрова поста. Если же в семилетний срок они не будут искуплены молитвами и не услышат ни от кого приведенных слов, то навсегда остаются в обществе русалок.

Вот еще рассказ, занесенный в одну из скандинавских саг. Король Суафурлами однажды, возвращаясь с охоты, заблудился в горах. На закате солнца он заметил какую-то пещеру посреди груды скал. У входа в нее сидели два карлика. Король обнажил меч и кинулся на них, но они взмолились о пощаде. Король внял их мольбе и стал их расспрашивать, кто они такие и как их зовут. Оказалось, что один из них был Дирин, а другой Дуалин. Услышав эти имена, король сейчас же вспомнил, что эти два карлика славились своим особенным искусством в выделке оружия. Он отпустил их с миром, но взял с них слово, что они изготовят ему меч с ножнами и поясом из чистого золота. Меч этот должен был резать железо и камни, как лен, и всегда обеспечивать победу тому, кто им владеет. В назначенный день король вновь явился к этой пещере, и карлики подали ему великолепно выкованный меч. Подавая его королю, один из карликов сказал, что этот меч будет бить насмерть без промаху, что при его посредстве будут совершены три великих преступления и что сам король погибнет от этого меча. При этих словах Суафурлами бросился на дерзкого карлика, чтобы ударить его, во тот мгновенно увернулся и юркнул между скал, а удар меча обрушился на камень, который был рассечен этим ударом, как глыба масла.

Под покровительством эльфов находятся некоторые деревья, например, лианы, которым ради этого шведские крестьяне и до сих пор оказывают некоторое внимание. Луговая трава тоже, — ее семена и корни в зимнее время оберегаются эльфами черными, подземными, а всходы и вообще надземные части — эльфами светлыми.

Многочисленные сказания Германии свидетельствуют о разных талантах эльфов.

Они, т.е. их дамы, бесподобно владеют веретеном, как и наши русалки, и французские феи. В Гессене народ чтит «даму» Гольду (Frau Holda), которая является чем-то вроде носительницы вешних и летних даров — цветов, плодов, муки и вкусных печений из нее; главное же ее дарование — это искусство прядения. Она поэтому представляется как бы гением пряжи, покровительницей прях; искусных и усердных она награждает, ленивых карает.

У эльфов бывают праздники во ирландскому поверью, дважды в год; первый весной, второй на Рождестве. Весной легендарный герои Ирландии О'Донногью вылетает на белом коне из глубины Килларнейского озера и, окруженный блестящей свитой эльфов, поднимается на небо. Кто удостоится видеть этот взлет героя, тому он предвещает великое счастье и удачу во всем. В зимний же праздник эльфы поднимают дикий шум и грохот, внушающий страх. Эти зимние их праздники у немцев известны под названием скачки бешеного охотника, — Wuthender Jäger.

III. ГНОМЫ, ХРАНИТЕЛИ КЛАДОВ И Т.П.

Гномами называются подземные духи, по преимуществу горные, притом минные, т.е. водящиеся в местах, изобилующими полезными ископаемыми, особенно же драгоценными металлами и каменьями. Из старых писателей, знатоков по части горного дела, авторитетом считался Агрикола († 1566). Подробно описывая в своей книге «О подземных минералах» всяческие руды и способы их обработки, он не забывает упомянуть, однако, и о минных духах. Он говорит, что эти духи бывают разного вида: одни маленькие, похожие на пигмеев, другие — вроде дряхлых, согбенных старцев.

Кальмэ в своей книге приводит рассказ об одной мине в Граубиндене, в Швейцарии, которую разрабатывал в XVI веке местный богач Петер Буоль. В мине жил горный дух, который всячески мешал рабочим извлекать из-под земли руды и затруднял дальнейшую их обработку. Но Петер Буоль не очень его боялся. Когда ему надо было спускаться в шахту, он только осенял себя крестным знамением, и с ним никогда ничего не случалось. Однажды этот интересный гений, хранитель мины, что-то уж очень крупно нашумел и напроказничал; один из рудокопов, выведенный из терпения, громко и весьма обстоятельно его выбранил. Тогда дух схватил этого рабочего за голову и мгновенно перевернул ему ее задом наперед Рудокоп не умер от этой рискованной операции, остался жив и скоро выздоровел; но голова его так и осталась потом вывернутой лицом на спину.

Агрикола тоже упоминает об одном подобном происшествии, бывшем в Анненберге, в серебряном руднике. Здесь дух-хранитель руды задавил двенадцать рабочих. Он кинулся на них, приняв вид коня, с бешеным ржаньем и затоптал их на смерть. Из-за этого пришлось бросить рудник, несмотря на то, что он далеко еще не весь был выработан.

Олай Магнус насчитывает шесть групп минных духов; он не описывает их отличительных признаков в признает их всех гуртом демонами. Они появляются в особо богатых рудами местах и часто делают вид, что правят обычную рудничную работу — поднимают из шахты руду, дробят ее и т.д. Но все это, во словам ученого епископа, делается только для того, чтобы обмануть рудокопов; те, увидав старающихся чертей, подумают, что в этом месте скрыта богатая руда, начнут работы, ничего не найдут и примутся ругаться и богохульствовать, а чертям того и надо; вдобавок, во время работ черти еще навалят на них хороший обвал и передавят многих из них; а это тоже доход — души людей, скончавшихся без покаяния и напутствия.

К роду эльфов, по-видимому, надо отвести карликов Бретани и «горных человечков» (Bergmäunchen) германских земель. Сходство между этими духами состоит в том, что все они величайшие мастера по части обработки металлов, — волшебные слесаря и кузнецы. Правда, у бретонцев и ирландцев они пользуются тоже нелестной репутациею фальшивых монетчиков. Северные сказания изобилуют россказнями о необыкновенном искусстве этих маленьких человечков в выделке, например, волшебного оружия, о чем, впрочем, мы уже упомянули.

В окрестностях Грейфсвальда, кажется, до сих пор существует еще предание среди простого народа о том, что вся эта область некогда была населена карликами. Куда они по-

том скрылись, в точности неизвестно, однако, полагают, что они ушли в горы. В другом месте, в Пруссии, сохраняется предание о том, что и там тоже когда-то жили карлики, во были оттуда изгнаны каким-то кузнецом. Здесь мы видим отзвук как бы вражды по ремеслу. Заметьте, что карликов изгоняет кузнец, т.е. соперник по ремеслу, потому что карлики были тоже кузнецы. В других местах народное предание выражает эту мысль гораздо прямее. Так, в Рудных горах рассказывают, что таи в прежнее время кузнечным делом занимались тоже карлики, но потом, когда кузнецы появились и между людьми, кузнецы-карлики были ими постепенно вытеснены. Точно такая же легенда существует в Гарце. В других местах тоже существуют легенды о карликах, как о первоначальных насельниках местностей, которые с появлением людей всегда уступали им место, т.е. уходили или, правильнее сказать, исчезали неведомо куда. У нас подобные сказания приурочены к чуди и распространены но всему северу к востоку России, почти по всему Поволжью. «Желтоглазая» чудь при нашествии русских в ту область, в которой она раньше обитала, всегда уходила в землю.

Сказания об эльфах, карликах, и тому подобных темных силах иногда связываются с бесчисленными рассказами о страшных домах, которые хозяева и жильцы покидают из-за того, что в них заводится нечистая сила. Подобного рода рассказы мы находим, например, в «Демономании» Бодена. Вот, между прочим, какой там рассказывается случай, происшедший в Тулузе. Один ученый врач, по имени Ферве, нанял в этом городе дом; нанял он его за бесценок, потому что в нем никто не хотел жить и он давно уже был брошен: жильцов беспокоил злой дух, который поселился в этом доме. Ученый Ферве, смеявшийся над этими баснями, решил дело, как выражается Боден, по примеру греческого философа Афинодора, который тоже очень долго жил в таком доме в Афинах. В это время кто-то рассказал Ферве, что в Тулузе в местном университете учится молодой португалец, который обладал очень странным искусством показывать разные таинственные вещи на ногте у ребенка. Ферве заинтересовался этим юношей и позвал его к себе. К сожалению, у Бодена не объясняется, каким именно манером этот кудесник показывал свои штуки на ногте. Сказано только глухо, что он при своих волшебствах воспользовался содействием маленькой девочки и что когда ее спросили, что она видит (где и как видит — ничего не сказано), то она отвечала, что видит какую-то даму, очень богато одетую и разукрашенную золотом и драгоценностями, и что дама эта держит в руке факел и стоит она около какой-то колоны. После того молодой португалец посоветовал доктору, чтобы он сделал раскопки в погребе того дома, около поставленного там столба, и что он непременно отыщет в том месте клад. Доктор очень обрадовался и сейчас же приступил к работам; из чего явствует, что хотя ученый эскулап в нечистой силе сомневался, но в клады твердо верил. И вот, когда начал рыть, вдруг поднялся жестокий вихрь, который прежде всего угасил все факелы. Затем этот вихрь вырвался через отверстие погреба, ударил в соседний дом и сорвал с него часть кровли, которая и обрушилась в погреб. Кроме того, обломками, полетевшими во все стороны, разбило кувшин с водой, который какая-то женщина в го время проносила мимо. Тем дело и кончилось, и кроме этого вихря злой дух на первое время ничем себя не проявил. На следующий день португальский студент, которого известили о происшествии, снова явился к доктору и объяснил, что клада больше на том месте уже нет, что этот вихрь был не что иное, как злой дух, уносивший клад. При этом студент-колдун немало изумлялся тому, что нечистый не нанес никакого вреда самому доктору. Боден добавляет, что эта история случилась 15-го декабря 1558 года, что в этот день была прекрасная тихая погода и что он своими глазами видел те повреждения, какие вихрь причинил соседним домам.

Этот рассказ вводит нас в ряд легенд о кладах и их таинственных хранителях. Вот еще один рассказ по этой части который мы заимствуем у того же Бодена. Дело происходило в Магдебурге. Там компания из десяти человек как-то узнала о том, что в некоторой башне зарыт клад. Как всегда в этих случаях бывает, кладоискатели заручились подробными сведениями, в каком именно месте зарыто сокровище, где и как, и в какое время надо его откапывать. И вот когда кладоискатели принялись за работу, башня обрушилась и всех их задавила насмерть.

Боден слышал от капеллана собора Богоматери (Notre Dame) в Париже рассказ о том, как он в компании с несколькими знакомыми посредством каких-то волшебных операций узнал о местонахождении клада в одной местности близ Парижа. Но когда они начали рыть этот клад, поднялся страшный вихрь, обрушил какую-то стену и их всех передавило и перекалечило. Сам почтенный капеллан был так изувечен, что на всю жизнь остался хромым. Затем какой-то патер в Нюренберге тоже отыскал клад, т.е. его местонахождение, — «при помощи сатаны», как выражается Боден. С этим вышла та же самая история. Как только он дорылся до ящика, содержащего клад, страшный вихрь развалил дом — и кладоискатель был задавлен развалинами.

Иногда черти пускают в ход и разные другие способы запугивания кладоискателей. Так, по рассказу Бодена, однажды компания кладоискателей только что было приступила к рытью клада, как вдруг раздался страшный вопль, как бы исходящий из уст человека, подвергаемого колесованию. Кладоискатели были так перепуганы, что побросали свои лопаты и пустились в бегство, а за ними по пятам гнались все время черти и нещадно били их, провожая таким образом до дома, где они жили. Черти ворвались даже в самый дом и подняли там такой рев и грохот, который жильцами дома и соседями был принят за грозу.

Путешественник XVI столетия Вильямон рассказывает такого рода случай. Когда он посетил Неаполь, он однажды в компании с другими путешественниками вздумал посетить находящуюся около города пещеру короля Салара. Взяли с собой проводника, вооружились зажженными факелами, спустились в пещеру и шли по вей, пока не добрели до какой то ямы или рва. Тут проводник остановился и сказал, что дальше не пойдет. Когда же его спросили, почему именно он не хочет идти, он отвечал, что кто идет дальше этого рва, тот уже назад не возвращается. Так, по его словам, случилось лет за десять перед тем с одним местным аббатом и бывшими с ним французом и немцем. Водил их в пещеру этот же самый проводник. Когда дошли до рва, он предупредил их, что дальше идти не следует. Но они стали над ним насмехаться, взяли каждый по зажженному факелу и начали спускаться в тот ров. Проводник не пошел с ними, а сказал, что останется там, где был, и будет ждать их возвращения. Он очень долго прождал их, но так и не дождался. Вернувшись в город без них, он рассказал об этом приключении. Родственники пропавшего аббата обвинили его в убийстве путешественников и засадили в тюрьму. Но проводнику удалось как-то оправдаться и его выпустили, а через несколько дней после того было дознано, что три погибшие путешественника были колдуны, что они спускались за кладом и погибли жертвами своей жадности, которая побудила их войти в связь е нечистой силой.

Декорр, у которого мы уже кое-что заимствовали, передает историю кладоискателя, тоже духовного лица, которого дьявол соблазнил искать клад, указав место, где он зарыт. Кладоискатель дорылся до какого-то сундука, около которого лежала страшная черная собака. Но едва нечестивый патер подошел к этому сундуку, как немедленно вместе с ним провалился сквозь землю. Свидетелем же этого происшествия был один из друзей погибшего кладоискателя, которого он пригласил с собой, но который не принимал прямого участия в деле и потому был пощажен при катастрофе.

Кальмэ рассказывает, что в одной эльзасской деревне в саду у одного из местных жителей проявился клад и проявился весьма странным и чудесным образом. Хозяева этого сада видели, как из земли выступил какой-то сундучок. Хозяева сразу догадались, что в этом сундучке должен быть клад. Но как только они подходили к таинственной шкатулке и протягивали к ней руки, она тотчас же опять уходила в землю. И эта проделка повторялась несколько раз.

Кальмэ заимствует следующую историю у греческого писателя Феофана. В начале V века до Р.Х. персидский царь Кабад был осведомлен о том, что где-то на границе между Индией и Персией существует таинственный замок, в котором хранится громадное количество золота, серебра и драгоценных каменьев. Кабад задумал завладеть этим замком. Но было известно, что сокровища охраняются демонами, которые к ним никого не подпускают. Персидский царь созвал целую толпу своих и жидовских магов; те усердно отгоняли демонов-хранителей клада своими заклинаниями, во оказались против них совершенно бессильны. Тогда царь вспомнил о христианах и их всемогущем Боге. Он призвал к себе христианского епископа, правившего в то время персидской церковью, и просил его отогнать бесов, охранявших тот заколдованный замок. Епископ совершил богослужение, отправился к заику и изгнал охранявших его бесов, после чего персидский царь овладел замком и хранившимися в нем сокровищами.

На острове Малые (повествует тот же Кальмэ) был один человек, из рабов, который утверждал, что владеет силой вызывать демонов и заставлять их открывать и указывать самые сокровеннейшие вещи. Двое мальтийских рыцарей, узнав об этом рабе, взяли его с собой и повели в какой-то замок, где, по их сведениям, должен был находиться клад. Рабколун произвел заклинания, Демон явился, раскрыл какой-то камень и из отверстия его выступил большой сундук. Но едва раб протянул к нему руки, как сундук снова спрятался в скалу, и эта проделка повторилась несколько раз. Колдуя, наконец, оставил свои попытки и откровенно признался своим спутникам, что он совершенно ослаб и обессилел и что ему нужно бы чего-нибудь выпить, чтобы подкрепить силы. Ему дали чего-то, и он вновь при-

ступился к тому камню. А рыцари оставались в некотором отдалении и ждали, что будет.

Через несколько времени им послышался какой-то подозрительный шум. Они бросились к тому месту, где был заклинатель: они нашли его мертвым и распростертым на земле, а все тело его было сплошь покрыто крестообразными надрезами, как бы сделанными ножом. Рыцари отнесли его на берег моря, привязали к его ногам тяжелый камень и бросили его в море. Т ем их приключение и покончилось.

На той же Мальте было еще несколько подобных приключений с кладами. Тогдашние жители острова, мальтийские рыцари, вели беспрестанные войны с неверными, и у них скоплялось великое множество всяких сокровищ. Кроме того, они очень охотно предавались изучению тайных паук, т.е., другими словами, более или менее входили в сношение с темными силами. При таких условиях среди населения острова, разумеется, могло возникнуть множество сказаний о кладах и при том заклятых по всем правилам искусства. Отсюда и множество легенд о кладоискателях и их приключениях. Так, рассказывали про одну старуху, что ее какой-то дух уведомил о кладе, зарытом в погребе в ее собственном доме. Клад же этот, по словам духа, принадлежал какому-то важному рыцарю. Дух и внушил старухе, чтобы они отправилась к тому рыцарю и его известила об этом кладе. Старуха пошла к рыцарю, но не могла добиться, чтобы он ее принял и выслушал. Так она и вернулась от него ни с чем. А между тем на следующую же ночь дух снова явился к ней и настаивал, чтобы она известила рыцаря. Старуха начала было отказываться, ссылаясь на го, что рыцарь не желает ее принимать. Но дух-известитель начал ее мучить и истязать, и заставил снова пойти к рыцарю. На этот раз испуганная старуха добилась аудиенции и рассказала рыцарю обо всем. Рыцарь ей поверил, захватил с собой людей с кирками и лопатами и отправился к ней в дом. Начали рыть, но в скором времени из вырытой ямы хлынуло такое громадное количество воды, что работу пришлось бросить Рыцарь после того рассказал обо всем этом великому инквизитору, и тот хотя взглянул на его попытку, как на великий грех, но все же дал грешнику свое пастырское отпущение, а историю эту повелел занести в летописи инквизиции. И вот много лет спустя после того было решено расширить площадь пред соборной церковью. С этой целью были приобретены дома окрестных жителей, и в число их попал дом той самой старухи, где рыцарь искал свой клад. Когда сносили этот дом и рыли землю, то как раз и нашли тот самый клад, который искал рыцарь. Тогда из-за этого клада начался спор между главой мальтийского ордена и монахами, владевшими собором. Каждая сторона предъявляла свои законные права на этот клад. Рыцари опирались на то, что весь остров принадлежит им, значит, им же принадлежат и все сокровища, скрытые в недрах земли; монахи в свою очередь утверждали, что клад, найденный на их участке земли, им и принадлежит. Обратились к суду папы, и тот присудил клад рыцарям. А тем временем в дело вступился еще и тог рыцарь, которому клад принадлежал первоначально, как уверял дух, явившийся той женщине, владелице дома с кладом. Он сослался на запись о своем кладоискательстве, и хотя этим не доказал своих пав на клад, но зато (заключает Кальмэ) этим было доказано, что демон знал о том сокровище и стерег его.

В начале XVIII столетия в Страсбурге произошла история, которая в свое время наделала много шума. В то время там жил очень известный музыкант Каваллари, родом венецианец. В один прекрасный день Каваллари попросил у начальства разрешения произвести раскопки в старинном монастыре, разрушенном еще во время войн, возникших при реформации. Музыкант объяснял свое желание тем, что в этих развалинах надеялся найти клад. Узнал же он об этом кладе от одной женщины, которая много раз видела в тех развалинах призрак старого актера, весьма почтенной наружности, в богатой, расшитой золотом одежде, который бросал перед собой целую груду камней. Женщина эта, неизвестно путем каких умозаключений, пришла к убеждению, что в развалинах непременно должен скрываться клад, и сумела заразить этой своею уверенностью итальянского музыканта. Разрешение производить раскопки ему было дано. Он произвел эти раскопки, и они увенчались полным успехом: нашли много глиняных горшков, наполненных монетой XIV и XV столетий.

IV. ПРИЗРАКИ И ПРИВИДЕНИЯ

Мы вступаем в область чрезвычайно любопытную и захватывающую внимание каждого, кто более или менее склонен к чудесному, — вступаем в мир мертвецов, привидений и призраков. Здесь нам придется быть особенно осторожными, чтобы не выйти из границ нашей задачи и остаться в области сношений человека с нёчистой силой. Об этом мы и будём, всемерно стараться. Но просим все-таки заранее о снисхождении читателей, в виду чрезвычайной сбивчивости предмета: иногда по запутанному изложению какого-нибудь благочес-

тивого демонолога XV или XVI столетий трудно с точностью заключить об участии или не участии в передаваемом им происшествии нечистой силы.

Вот, например, факт, из области россказней о привидениях, передаваемый Гуларом, книга которого уже дала нам такую богатую жатву.

В Германии, в Гальберштадте, жил очень богатый человек, жил роскошно, открыто, не отказывая себе ни в каких удовольствиях и в то же время не прилагая на малейших забот о спасении своей души. Однажды у него исторгнулось весьма нечестивое желание, — в разгаре веселого пира он вдруг с увлечением вскричал, что если бы ему все время так жить, как он теперь живет, то ему бы и никакого Царствия Небесного не надо. Через несколько дней после этой выходки он захворал и умер. И вот немного времени спустя после его смерти в его роскошном доме начали появляться призраки, которые так беспокоили всех живших в доме, что те мало-помалу разбрелись кто куда. Чаще всего видали ночью, что громадные залы дома ярко освещались и покойный богач появлялся в них роскошно одетый и окруженный толпой гостей. Вся эта компания усаживалась за столом, покрытым винами и яствами; стол окружала толпа служителей с факелами в руках. Часто также в доме во время этих загробных пиров раздавалась громкая музыка. И все благочестивые люди города были убеждены, что эти чудеса происходят по особому произволению Божию. Бог дозволял нечистому духу устраивать эти призрачные пиры в назидание богатым сластолюбцам.
По части явлений мертвецов одна из самых странных историй передается в книге Гулара, который сам заимствует ее из книги Камерариуса «Исторические размышления». »Одно лицо, достойное веры, — повествует Камерариус, — много путешествовавшее по Азии и Египту, рассказывало о том, что в Египте, в окрестностях Каира, есть кладбище, где мертвые выходят из своих могил. Обычно это происходит в известный день в марте месяце.

Местное население знает давно об этом чуде и потому в тот день, когда оно происходит, на кладбище собираются толпы народа. Покойники вылезают из земли, как бы выталкиваемые из нее какой-то невидимой силой. Появление их совершается очень медленно, мало-помалу. В одном месте из могилы начинает, например, выставляться рука, из другой могилы — ноги. Иные покойники выставляются до половины тела; но редко случается, чтобы покойник выставился весь целиком. Побыв некоторое время вне своих могил, все эти мертвецы или, лучше сказать, разные части их тела, начинают вновь с той же медлительностью погружаться назад в землю и мало-помалу вновь скрываются под нею». Камерариус, по его словам, расспрашивал об этом факте всех достоверных лиц, которым случалось бывать в Египте, и все они будто бы совершенно подтверждают полную несомненность этого известия. Иные из них сами были свидетелями этого чудесного выглядывания мертвецов из своих могил; другие хотя и не были свидетелями происшествия сами, но подтверждают, что в Каире все население поголовно знает об этом, так как почти каждый видал это своими глазами. Между прочим, Камерариус ссылается на книгу итальянского путешественника Алуиджи ди Джованни, который был в Египтё и выдел описываемое чудо. Вот как он о нем рассказывает. 25–го марта 1540 года этот итальянский путешественник с несколькими своими знакомыми и в сопровождении отряда янычаров отправился из Каира на небольшую голую горку, находящуюся верстах в двух от города. На этой горке, по преданию, находилось прежде кладбище. Ежегодно в этот день марта на горку собирается бесчисленное множество народа, чтобы видеть, как мертвецы поднимаются из своих могил. Начиналось это выхождение из могил в четверг, продолжалось всю пятницу и кончалось в субботу. Тела появлялись из могил в том виде, как их хоронили в древности, т.е. обвитые погребальными пеленами. Ни одно из этих тел не становилось на ноги и не двигалось; из под земли появлялись только части тела: рука, нога, бедро. Все это совершалось на глазах у народа. Любопытствующие могли нагнуться и ощупать рукой выставившуюся часть тела мертвеца. Итальянец передает еще, что чем дальше зритель отходил от могилы, тем резче представляются ему выставившиеся части мертвецов. И в какую сторону ни повернись, говорит он, повсюду видны выставляющиеся из-под земли руки, ноги и другие части трупов. Народ собирается в эти дни громадными толпами на то место, главным образом в чаянии чудесного исцеления болезней. Неподалеку от горки есть какое-то озерко или болотце, и люди верят, что если водой из этого болотца обмыть больного с четверга на пятницу, то он исцелится. Сам итальянец этих исцелений не видал, а передает только факт глубокой веры в них каирского населения. Любопытно отношение самого Камерариуса к этому явлению. Принимая сам факт за несомненный, он отказывается дать ему какое бы то ни было толкование. Он держится того мнения. что это своего рода воскресение мертвых, может быть, и проделкой сатаны, и в тоже время можно, дескать, рассматривать как зрелище, устраиваемое Богом в поучение местному «языческому населению, дабы внушить ему понятие о будущей жизни и воскресении мертвых. Посему, дескать, предоставляем читателям судить это явление и истолковы-

вать его, как им самим заблагорассудится.

Вообще истории о явлении мертвецов, а главным образом о душах умерших людей испытывающих разные затруднения по части своего благоустройства на том свете, в Средние века и последующие столетия ходило бесчисленное множество. Масса этих рассказов записана в книгах тех авторов, которыми мы до сих пор пользовались, но мы не решаемся пересказывать их здесь, находя их неподходящими к нашей задаче.

Души умерших появляются повсюду и при всевозможных обстоятельствах, чаще всего в жилых домах. Лафатер, из которого мы уже кое-что извлекли, в своей книге о явлении духов тщательно перечисляет обстоятельства их появления. Иногда, говорит он, люди живущие в доме, не замечают появления духа, ибо оно для них ничем не обнаруживается, но животные ясно чуют его; так, например, собаки обнаруживают явное беспокойство, прижимаются к ногам своих хозяев, дрожат, взвизгивают, «ибо они очень боятся духов», объясняет Лафатер. В другой раз духи, не показываясь людям, все же явно обнаруживают свое присутствие шумами, стуками, передвижением вещей, шагами, раздающимися в комнате, и т.д.; иные шкодливые духи стаскивают со спящих одеяла. Случалось, что видали знакомых людей в каком-нибудь совершенно необычном образе, например, окруженных пламенем, и вскоре вслед затем узнавали, что люди эти умерли. Бесчисленны рассказы о тех мучениях, которым подвергаются убийцы, разбойники. тираны, вообще всякого рода душегубы, которым являются души загубленных ими людей. По этой части стоит только вспомнить мучительные галлюцинации Ивана Грозного. Некоторые старыё писатели удостоверяют, что известны случаи, когда при приближении убийцы к трупу убитого на этом трупе вдруг выступал пот или изо рта у него появлялась пена, и вообще убитый как бы старался отметить своего убийцу каким-нибудь кидавшимся в глаза признаком. Далее существует множество рассказов о том, как мертвые являлись живым, своим друзьям и близким, и предупреждали их о каком-нибудь грядущем событии, чаше всего об угрожающей опасности и смерти. Таки, например, у Саллюстия упоминается о том, что погибший народный трибун, знаменитый Тиберий Гракх, являлся своему брату Гаю и предупреждал его, чтобы он не принимал на себя этой гибельной должности, так как ему грозит та же участь. Рассказывается еще о знаменитом арабском враче Альбамаруне, что когда ему случилось сильно захворать какой-то болезнью, от которой он не знал средств, то ему явился во сне один умерший друг, тоже врач, и посоветовал лекарство от болезни, подействовавшее вполне успешно. Упоминаем вкратце обо всех этих россказнях, не решаясь входить в подробности, потому что связь подобных происшествий с чистой чертовщиной представляется сомнительной. Однако, в числе этих повестей о выходцах с того света есть и такие, в которых мрачная тень нечистого более или менее ясно выступает на сцену. Таков, например, рассказ о несчастном папе Бенедикте IX (1033-1048). После своей смерти он часто появлялся и его тень многие видели. Вид ее был ужасен. Чаще всего усопший пастырь являлся в виде страшного медведя с ослиным хвостом, но со своей собственной человеческой физиономией. Иные вступали в беседу с этой страшной тенью. На вопрос о том, чего ради он был так жестоко обработан, дух папы обычно ответствовал, что он осужден бродить в образе зверя после своей смерти, потому что он при жизни вел себя, как дикий зверь, потому и предан во власть адову.

У Лелуайе записан рассказ о какой-то индианке, перувьянской уроженке, которая, подобно вышеупомянутому папе, тоже являлась после своей смерти в самом ужасном виде, вся в огне, который снопами извергался у ней изо рта, из ноздрей и из всех сочленений тела. На вопросы людей, которым она являлась, о причинах всех этих ужасов, с ней происходящих, она говорила, что умерла она грешницей и при том без покаяния и напутствия, а потому и угодила непосредственно в ад.

В этих рассказах мимоходом доставалось и злым еретикам-лютеранам. По этой части в книге Тайлепье о явлении духов приводится такой рассказ. Супруга одного орлеанского жителя, заразившаяся Лютеровой ересью, чуя приближение смерти, просила мужа, чтобы он похоронил ее без обычного колокольного звона, без отпевания, словом, без соблюдения обрядов католической церкви. Муж исполнил последнюю волю своей супруги и ее неотпетое тело похоронил в одной монастырской церкви, где раньше были погребены ее родители. Но в ту же ночь в церкви поднялся неистовый шум и гром. Оказалось, что это душа умершей еретички забралась под самый купол храма и там буянила. Монахи того монастыря сейчас же предупредили родственников покойной, что это ее душа, т.к. она погребена неотпетой, производит весь этот шум. В церкви собрался народ. Стали опрашивать мучающуюся душу, чего ради она так тревожится, и душа внятным голосом ответила, что она осуждена на вечные мучения за то, что она предалась Лютеровой ереси.

Затем в рассказах о мертвецах приходится выделить особую группу, именно сказания о вампирах, которые уже несомненно относятся к области сношений человека с нечистой силой, т.к. по общераспространенному народному верованию каждый вампир при жизни был колдуном или, по крайней мере, превращен в вампира злобным колдовством.

Классической страной вампиризма надо считать область Карпат — Венгрию, Буковину, Галицию, Силезию и наш русский юго-западный угол. Рассказы о вампирах существуют в этих областях с незапамятных времен, и мы находим множество этих рассказов в книгах авторов, которыми мы до сих пор пользовались, главным образом в «Трактате о явлениях духов» аббата Кальмэ.

По определению Кальмэ, вампирами в Венгрии называются особые привидения, именно души людей, умерших иногда уже за много времени перед тем, как обнаруживается их вампиризм. Эти беспокойные покойники выходят из своих могил чаще всего по ночам в всячески истязают и беспокоят живых. Иной раз вампир ограничивается тем, что громко стучит в двери и окна. Но его обычная проделка, самая для него характеристическая, состоит в том, что он высасывает кровь из живых людей. Подвергаемые такой варварской операции люди чрезвычайно быстро лишаются сил, слабеют и скоро умирают. Слово вампир или упырь (Кальмэ пишет «oupire»), по словам нашего автора, славянское и означает «пиявка». Затем он упоминает о том, что обычно изобличенному упырю маетное население, откопав его из могилы, либо отрезает голову, либо протыкает сердце, либо сжигает его целиком. Вот несколько историй о вампирах, собранных в книге Кальмэ.

В одной деревне умирает женщина. Ее как следует отпевают, напутствуют и закапывают на кладбище, как и всякого другого покойника. На пятый день после ее смерти то один, то другой жители деревни слышат страшный и необычайный шум и видят какой-то призрак, беспрестанно меняющий свою внешность; он перекидывается то в собаку, то в человека. Он является в дома жителей, накидывается на них, хватает их за горло и принимается их душить иди сдавливать им живот, доводя их до изнеможения; иных бьет, ломает. Все подвергающиеся нападению впадают в страшную слабость, бледнеют, тощают, не могут двинуть ни рукой, ни ногой. Страшный призрак не щадил и домашних животных; так, например, связывал коров хвостами, мучил лошадей, которые оказывались покрытыми потом и выбившимися из сил, словно на них кто-то ездил до изнеможения. Местное население, конечно, приписало все эти проделки вампиру, и в этом вампире узнало ту самую женщину о которой было упомянуто в начале.

В одной чешской деревеньке умер пастух. Через несколько времени после его смерти местные жители начали слышать голос этого пастуха, выкликавший их имена. И кого этот голос выкликал, тот в скором времени умирал. Бывалые мужички тотчас сообразили, что пастух этот был колдун и после смерти, как водится, превратился в упыря. Порешив на этом, они немедленно вырыли покойника, который, к их неописуемому ужасу, оставался совсем как живой, даже говорил. Мужики немедленно проткнули его насквозь деревянным колом (по всей вероятности, осиновым: осина почему-то считается наиболее подходящим материалом для выделки этих кольев; вероятно, это находится в связи со сказанием о том, что на осине повесился Иуда), но проткнутый мертвец проявил к проделанной над ним жестокой операции не более чувствительности, чем жук, посаженный на булавку. Он насмехался над своими мучителями. благодарил их за то, что они дали ему хорошую палку, что ему будет теперь чем обороняться от собак. В ту же ночь он опять встал и всю ночь пугал народ, а несколько человек даже удавил. Тогда призвали палача и поручили ему распорядиться со строптивым покойником. Его взвалили на телегу и повезли в поле, чтобы там сжечь. Покойник бешено ревел и двигал ногами и руками, как живой. Когда перед сжиганием его вновь всего истыкали кольями, то он ревел ужасно и из него текла в большом количестве алая кровь, как из живого. Сожжение оказалось вполне радикальной мерой: злой покойник после того уже никого не беспокоил.

В одной деревеньке в Силезии умер шестидесятидвухлетний старик. Через три дня после смерти он внезапно явился в своем доме, разбудил своего сына в попросил у него есть. Сын накрыл стол, подал пищу. Старик наелся и ушел. На другой день сын, конечно, рассказал всем об этом происшествии. В ту ночь старик не появлялся, но на следующую ночь опять пришел и опять просил есть. Угощал ли его на этот раз сын или нет, об этом история умалчивает, достоверно только то, что этого человека, т.е. сына, нашли на утро в постели мертвым. И в тот же день пятеро или шестеро других обывателей деревни вдруг както таинственно расхворались и через несколько дней один за другим умерли. Жителям ста-

ло ясно, что в деревне шкодит упырь. Чтобы его распознать, начали разрывать могилы всех свежих покойников и, конечно, добрались до того, кого было надо. Это и был тот старик, отец первого пострадавшего, которого нашли мертвым в постели. Он лежал в гробу с открытыми глазами, с красным, как бы налитым кровью лицом. Труп дышал, как живой человек, и вообще отличался от живого только неподвижностью. Его, как водится, проткнули осиновым колом и сожгли.

В одной деревне в Венгрии был задавлен опрокинувшимся возом крестьянин по имени Арнольд. Через месяц после его смерти внезапно скончались четверо его однодеревенцев, и обстоятельства их смерти явно указывали на то, что их сгубил упырь. Тут вспомнили, как покойный Арнольд рассказывал о том, что его когда-то в прежнее время мучил вампир. А по народному верованию, каждый человек, который подвергается нападению вампира, сам свою очередь рискует сделаться вампиром. Отметим тут одну любопытную подробность. По рассказу покойного Арнольда, он избавился от тяжкой болезни, причиненной ему вампиром, тем, что ел землю, взятую из могилы того вампира, и натирался его кровью. Однако, эти средства хотя и избавили его от смерти, но не воспрепятствовали тому, что он сам после смерти превратился в вампира. И действительно, когда Арнольда отрыли (а это произошло через сорок дней после смерти), труп его являл все признаки вампиризма. Труп лежал, как живой — свежий, красный, налитой кровью, с отросшими за сорок дней волосами и ногтями. Кровь в нем была алая, свежая, текучая. Местный старшина, человек, как видно, умудренный опытом в обращении с упырями, прежде всего распорядился загнать мертвецу в сердце острый осиновый кол, причем мертвец страшно взвыл; после того ему отрубили голову и все тело сожгли. На всякий случай, предосторожности ради, совершенно так же поступили с теми четырьмя крестьянами, которых уморил Арнольд. И, однако же, все эти предосторожности ни к чему не привели, потому что люди продолжали гибнуть в той деревне еще в течение пяти лет. Местное начальство и врачи долго ломали себе голову над вопросом, каким манером в деревне могли проявиться упыри, когда в самом начале, при первом их появлении, были приняты такие капитальные меры предосторожности. И вот следствие раскрыло, что покойный Арнольд погубил не только тех четырех крестьян, о которых сказано выше, но, кроме того, еще несколько голов скота. И люди, которые потом ели мясо этого скота, заразились вампиризмом. Когда это было установлено, тогда разрыли до сорока могил всех тех покойников, которые за все эго время умирали сколько-нибудь подозрительной смертью, и из них семнадцать оказались упырями. С ними, разумеется, и обошлись по всем правилам искусства, и после того страшная эпидемия прекратилась.
Сам Кальмэ был чрезвычайно заинтересован этими рассказами о вампирах. Ему было желательно их проверить по показаниям очевидцев, на которых он мог бы положиться. С этой целью он обратился с письмом к одному своему знакомому, служившему в Сербии в свите герцога Карла-Александра Виртембергского, бывшего в то время вице-королем Сербии. Этот офицер прислал аббату Кальмэ подробное письмо, в котором уверяет его самым положительным образом, что все обычные рассказы о вампирах и все газетные сообщения о них, какие в то время появлялись, заслуживают полного доверия, и если иногда в пересказах о них вкрадываются преувеличения, то все же основа их остается верной. Чтобы окончательно убедить в этом Кальмэ, его корреспондент рассказывает в своем письме самый свежий случай обнаружения вампиризма. Как раз около того времени в одной сербской деревне близ Белграда появился упырь, который производил опустошения среди своей родни. Автор письма при этом замечает, что упырь нападает преимущественно на своих близких, оставшихся в живых, на собственных братьев, детей, племянников, внуков и т.д. Так вел себя и тот упырь, о котором донесли в Белград. В донесении сообщалось, что упырь этот умер уже несколько лет тому назад, и с тех пор систематически опустошает ряды своей многочисленной родни. Получив это известие, герцог Виртембергский сейчас же снарядил в ту деревню целую комиссию для исследования дела на месте. В состав ее вошли ученые, врачи и богословы, много военных. Отправилась она в сопровождении отряда гренадер. По прибытии на место, комиссия собрала сведения путем опроса местных жителей. Все они в один голос показали, что упырь свирепствует уже давно и успел истребить большую часть своей родни; в последнее время он отправил на тот свет трех племянников и одного из братьев; потом напал на племянницу, красивую молодую девушку, к которой являлся уже два раза по ночам пить ее кровь. Девушка уже настолько ослабла от этих кровопусканий, что ее смерти ожидали с минуты на минуту. Комиссия в полном составе, сопровождаемая громадной толпой народа, при наступлении ночи отправилась на кладбище, где местные жители сейчас же указали могилу подозреваемого упыря, который был похоронен уже почти три года тому назад. Над могилой все видели какой-то огонек или свет, напоминавший пламя лампы, но только слабое и бледное. Могила была вскрыта, затем открыли и гроб. Покойник лежал в ней, как живой и здоровый человек, «как каждый из нас при этом присутствовавших», говорит в своем письме корреспондент Кальмэ. Волосы на голове и на теле, ногти,

зубы, полуоткрытые глаза держались крепко и прочно на своих местах; сердце билось. Труп был извлечен из гроба. В нем было заметно некоторое окоченение, но все же все члены были совершенно гибки, а главное, целы и невредимы, как у живого; на всем теле при осмотре не оказалось никаких следов разложения. Положив труп на землю, его пронзили насквозь против сердца железным ломом. Из раны появилась жидкая беловатая материя, смешанная с кровью (то, что современные врачи называют ихорозным гноем); но скоро кровь начала преобладать над гноем в вытекала в изобилии. Это выделение не распространяло никакого дурного запаха. Потом трупу отсекли голову, и из отруба опять-таки в изобилии вытекал такой же беловатый гной, смешанный с кровью. Наконец, труп бросили назад в могилу и засыпали большим количеством извести. чтобы ускорить его разложение. После того девушка, племянница упыря, не погибла, как все ожидали, а напротив, начала очень быстро оправляться. Она также была осмотрена врачами. Оказалось, что на том месте, откуда упырь высасывал кровь, остался очень небольшой знак в виде синеватого или багрового пятнышка. По-видимому, упырь не разборчив к месту кровоизвлечения, т.е. высасывает кровь откуда попало. Но иногда в народных сказаниях указывается на то, что раны, наносимые упырем, всегда оказываются против сердца. В заключение корреспондент Кальмэ упоминает о том, что свидетелями всего описанного им были, кроме членов комиссии и местного населения, многие почтеннейшие белградские граждане; всех же очевидцев было 1 300 человек. Нам неизвестно, когда было писано это письмо, но несомненно, что оно относится к первой половине XVIII столетия, ибо в это время вышла в свет книга Кальмэ.

Далее в его книге приводится еще какое-то письмо, автор которого называет своего корреспондента двоюродным братом. В письме говорится, что его автор долгое время жил в Венгрии, в тех местах, где то и дело обнаруживаются упыри и где о них ходит бесчисленное множество рассказов. Осторожный автор оговаривается, что из тысячи подобных россказней едва ли хоть одна заслуживает полного доверия, но что, за всем тем, существуют точно установленные факты, устраняющие якобы всякое сомнение в том, что в Венгрии упыри действительно существуют. Присутствие их обычно проявляется в том, что кто-нибудь из местных жителей совершенно внезапно и без всяких видимых причин ослабевает лишается аппетита, быстро тощает и дней через десять или недели через две умирает. При этом у больного не обнаруживается никаких других болезненных припадков, вроде, например, жара, озноба и т.д.; вся хворь состоит в том, что человек что называется, тает с часу на час и умирает. Когда проявляется такой таинственный больной, местное население с полной уверенностью заключает, что его по ночам посещает вампир и пьет его кровь. Сами больные обычно рассказывают, что за ними во все время болезни ходит по пятам какой-то белый призрак, ходит и не отстает, словно тень. Автор письма упоминает о том, что одно время он со своим отрядом стоял в Темешваре. Он служил в этом отряде офицером. И вот случилось, что двое людей из его отряда погибли именно от такой таинственной болезни, а вслед за ними захворало еще несколько человек. По счастью, капрал отряда оказался человеком бывалым и опытным и живо прекратил начавшуюся эпидемию чрезвычайно оригинальным способом, который обычно применяется в той местности. Отыскивают мальчика, в нравственной чистоте которого не существует никаких сомнений, и садят его верхом на черного, без всяких отметин, жеребенка, точно также еще не тронутого растлением нравов. В таком виде юношу заставляют ездить по всему кладбищу, так, чтобы конь шагал через могилы. Конь совершенно беспрепятственно идет через могилу обыкновенного покойника, но через могилу упыря он переступить не может; перед ней он останавливается, и сколько бы его ни хлестали кнутом, он не трогается с места, фыркает, пятится. По этим приметам распознают могилу упыря. Эту могилу сейчас же разрывают и обычно находят в вей покойника, совершенно свежего, даже жирного, имеющего вид человека, который ведет самую сытую и спокойную жизнь. Труп хотя и не шевелится, но имеет вид не мертвого, а спокойно спящего человека. Ему ни мало не медля отрубают голову; из трупа вытекает большое количество алой свежей крови. Кто взглянул бы на обезглавленный труп в этот момент, тот, без сомнения, остался бы уверен, что сейчас только отрубили голову живому, здоровому, крепкому человеку. Отрубив голову покойнику, его вновь зарывают, и тогда его злодейства прекращаются, а все люди, перед тем заболевшие, быстро выздоравливают. «Так случилось и с нашими захворавшими солдатами», заключает автор письма.

Закончим эти россказни о вампирах любопытным происшествием в Варшаве, о котором повествует тот же Кальмэ, хотя, к сожалению, не упоминает, когда оно случилось. Интерес этого случая состоит в том, что тут упырем оказался католический ксендз. Дело в том, что незадолго до своей смерти он заказал шорнику узду для своей лошади, но умер, не дождавшись от мастера этой узды. Вскоре после своей смерти он в одну прекрасную ночь вышел из могилы в том самом виде, в каком был погребен, т.е.в духовном облачении, явился к себе на конюшню, сел на своего коня и по улицам Варшавы, на виду у всех жителей, отпра-

вился к шорнику, у которого была заказана узда. Самого шорника в это время дома не было, была только его жена, разумеется, до смерти перепугавшаяся, когда перед ней предстал этот заказчик с того света. Баба крикнула мужа, который был неподалеку, и когда тот прибежал, ксендз потребовал от него свою узду. «Но вы же умерли, отче ксендз!», пролепетал шорник. «А вот а тебе, пся крев, покажу, как я умер!», вскричал упырь и отвесил бедному шорнику такую затрещину, что тот через несколько дней умер. Вампир же благополучно вернулся к себе в могилу.

Теперь, покончив с вампирами, передадим еще несколько рассказов о призраках. Мы затрудняемся дать точное определение этому слову призрак, т.е. выделить его в особую группу в мире духов. Будем подразумевать под призраком всякое явление, которое трудно с положительностью отнести в другую из числа рассмотренных нами групп.

Вот, например, история одного испанского рыцаря, передаваемая испанским писателем Торквемадой. Рыцарь этот влюбился в монахиню и так успешно повел дело, что добился от нее свидания. Но для того, чтобы проникнуть к своей возлюбленной, рыцарь должен был пройти через монастырскую церковь, а из нее уже в то место, где монахиня должна была его ожидать. Рыцарь успешно подделал ключи к дверям этой церкви. В условленное время ночью он отправился верхом к этому монастырю. Не доезжая монастыря, он слез с коня, оставил его в безопасном месте, а сам дальше пошел пешком. Подойдя к церкви, он отворил ее поддельным ключом, и когда вошел внутрь, то был поражен совершенно неожиданным зрелищем: церковь была ярко освещена и наполнена толпой духовенства, которое торжественно совершало отпевание какого-то покойника. Рыцарь, оправившись от первого смущения, подошел поближе, чтобы посмотреть, кого хоронят. Всмотревшись в лица духовенства, совершавшего службу, он снова был чрезвычайно изумлен тем, что не видел ни одного знакомого, хотя он, как житель той местности и постоянный посетитель монастыря, знал всех в лицо. Подойдя к одному из монахов, он спросил, кого это хоронят? Монах отвечал, что хоронят такого-то рыцаря, и при этом как раз назвал его самого, т.е. героя этого происшествия. Храбрый рыцарь расхохотался в ответ на эти слова и сказал монаху, что он ошибается, что рыцарь, которого он назвал, слава Богу жив и здоров. Но монах спокойно возразил, что он вовсе не ошибается, что покойник, которого они отпевают, есть именно тот самый рыцарь, которого он назвал. Изумленный рыцарь обратился к другому монаху с тем же самым вопросом и получил от него тот же самый ответ. Охваченный невольным волнением и страхом, рыцарь сейчас же вышел из церкви, нашел своего коня, сел на него и поехал домой. Но тут он, к своему неописуемому ужасу, заметил, что за ним по пятам следуют два огромных черных пса. Рыцарь выхватил меч и замахнулся на собак, но те, ни мало этим не смущаясь, продолжали бежать за ним. До дому он добрался едва живой. Служители сняли его с лошади, ввели в дом, уложили в постель. Но в эту минуту в комнату ворвались те две черные собаки, которые гнались за ним, бросились на него, задушили его и разорвали на части, прежде чем ошеломленные домашние успели оказать ему защиту.

Тот же автор рассказывает о другом испанском рыцаре или дворянине по имени Антонио Куева, который чуть не всю жизнь был истязаем разными призраками и путем этого постоянного обращения с ними так закалился, что почти перестал обращать внимание на них. Однажды ночью он, лежа в кровати, читал книгу и вдруг услышал, что под кроватью кто-то шевелится. Он опустил книгу, приподнялся, чтобы заглянуть под кровать, и в это время увидел высунувшуюся из-под кровати черную руку, которая схватила подсвечник и бросила его на пол, так что свет погас. Затем рыцарь слышал, как из под кровати кто-то вылез, лег рядом с ним на кровать, охватил его и стал давить. Началась отчаянная схватка между живым человеком и призраком. Шум борьбы и крики рыцаря разбудили весь дом. Люди вбежали в спальню со свечами и нашли рыцаря в постели, совершенно изнемогавшего, всего в жару и облитого потом. А страшный черный призрак, который с ним боролся, исчез неведомо куда.

Таких рассказов существует великое множество, но мы не будем их здесь передавать, потому что участие в них нечистой силы по большей части остается под некоторым сомнением.

V. КОЛДУНЫ, КОЛДОВСТВО И ОБОРОТНИ

Колдуны и колдовство, само собой разумеется, являются центральным местом предмета, который мы обрабатываем в нашей книге. Сношение человека с нечистой силой ни в чем другом так ясно не обозначается и не характеризуется, как в колдовстве. Колдун в эпо-

ху христианства явил собой ясный след переживания древнего язычества. Колдун мог быть рассматриваем, как жрец древнего языческого культа, специально преданный служению злобным божествам и играющий роль посредника между ними и людьми. А т.к. в христианское время древнее злобное божество было перечислено в ведомство адских сил, т.е., попросту говоря, превратилось в черта, то и служитель этого божества сделался богоотступником, врагом истинной веры, предавшимся нечистой силе.

Обратимся к нашим старым авторам и посмотрим, как в их рассказах и историях характеризуется деятельность колдунов. Оказывается, что среди народа колдуны главным образом пользовались славой искусных целителей. Так, по рассказу, передаваемому Гуларом, в 1569 г. был схвачен в Оверни и доставлен в Париж колдун, который специально занимался лечением людей и домашнего скота. При обыске у него нашли большую книгу, которая была битком набита скотским волосом и шерстью. Когда в той местности, где он жил, у когонибудь заболевала скотина, хозяева обращались к нему, и он вылечивал животных, принося с собой шерсть, над которой, очевидно, было совершено какое-то колдовство. По общему убеждению, он «снимал порчу» с заболевшей скотины, во при этом обязательно должен был ее перенести ее другое животное. Порча, следовательно, представлялась чем-то таким, что не могло оставаться без дела и применения и не могло быть уничтожено, а могло только переходить, передвигаться с места на место. Таким образом получался какой-то заколдованный круг. Раз порча появлялась в известной местности, уничтожить ее не было возможности, а можно было только снимать с одной скотины и переносить на другую. Замечательно еще, что этот овернский колдун не брал денег за свое лечение, ссылаясь на то что если возьмет деньги, то лечение будет безуспешно. Одет он был в какую-то старую хламиду, сшитую из тысячи лоскутков. Случилось однажды, что у одного из местных помещиков заболел любимый конь. Обратились к этому колдуну. Он порчу с коня снял, но на этот раз перенес ее почему-то не на скотину, а на конюха этого же помещика. Тогда вновь обратились к нему, прося вылечить конюха, но он на эту просьбу отвечал ошеломляющим вопросом: что, дескать, для тебя (т.е. для помещика) лучше, чтобы издох конь или чтобы умер конюх? Помещик заколебался; ему, надо полагать, в самом деле трудно было решить, кого спасти — коня иди конюха. А пока он изнывал над этим затруднительным вопросом, конюх умер. Тут колдуна и схватили. Из показаний спрошенных жителей выяснилось еще, что дьявол, который во всех этих делах, очевидно, распоряжался, имея в лице колдуна лишь послушного посредника, всегда старался выгадать при переносе порчи. Он переносил ее с худшей скотины на лучшую, а с женщины непременно на мужчину, со старика на юношу и т.д. Прибавляли еще, что колдун иначе поступать и не может; если бы он]вздумал воспротивиться переносу порчи, то дьявол удавил бы его самого. «Короче сказать, — заключает наш автор, — дьявол производил видимое исцеление тела, но в то же время губил душу». Автор «Демономании» Боден приводит рассказ, вполне подтверждающий этот основной принцип врачебного искусства колдунов, т.е. обязательный перенос порчи с одного существа на другое. Один орлеанский купец был испорчен, т.е. околдован; он видимо угасал, жизнь его висела на волоске. И вот он послал за колдуном. Этот кудесник объявил, что вылечить больного он может, но что для этого есть только одно средство — перенести порчу с самого купца на его сына, грудного младенца. Злополучный купец согласился на этот обмен. Но кормилица младенца, узнав, какая участь грозит ее питомцу, схватила его и скрылась с ним из дому неизвестно куда. Скрылась она как раз в тот момент, когда колдун снимал порчу с купца, который немедленно после этой операции и выздоровел. Порча снималась, сколько можно заключить из рассказов, простым прикосновением к больному, быть может, даже без произношения при этом заклинаний. Но как только порча была снята с отца, колдун сейчас же спросил, где ребенок, чтобы передать порчу ему. Когда же ребенка не оказалось, колдун отчаянно взвыл: «Я пропал!». Тщетно прождав некоторое время и удостоверившись, наконец, что ребенка унесли и что найти его невозможно, колдун пошел домой. Но едва он вышел за дверь, как дьявол тут же его задушил, причем он мгновенно весь почернел, словно его вымазали сажей.

Смерть колдуна, в том случае если он не успеет перенести порчи на другого, признавалась вещью совершенно неизбежной, засвидетельствованной множеством фактов, происходивших во время следствия и суда над колдунами и ведьмами. Так, однажды в Нанте была схвачена ведьма, только что напустившая ворчу на одну из своих соседок. Чины судебного ведомства, народ бывалый и опытный, привел ведьму к порченой и приказывали ей наложить на нее руки, чтобы снять порчу. Она наотрез отказалась; когда же ее к этому принудили силой, она громко завопила о том, что она погибла. Тотчас после прикосновения ведьмы к порченой та выздоровела, а колдунья тут же растянулась на полу и умерла. Ее, однако, порядка ради, все-таки сожгли.

Народная фантазия с большей охотой приписывала колдунам всевозможные подвиги совершенно беспричинной злобы, исходя очевидно, из той мысли, что дьявол, которому колдуны служат, является артистом в полном смысле этого слова, придерживающимся принципа — искусство для искусства. Так, у того же Бодена сообщается такой рассказ. Один колдун связав букет из цветов, околдовал его бросил где-то на дороге. По этой дороге проходил человек с собакой. Собака бежала впереди, перескочила через этот букет и тут же пала мертвой. После нее перешагнул через букет ее хозяин, и хотя главная сала порчи уже была снята с заколдованного букета собакой, все же и хозяин ее чувствительно пострадал: им овладел припадок страшного бешенства, от которого он едва не задохся. Опытные люди, исследовав это происшествие, живо догадались, что тут все дело в букете. Стали искать, кто его подбросил, и виновного нашли и изобличили. Притянутый к допросу, он откровенно изъяснил, что букет был околдован ин, в расчете на то, что его кто-нибудь поднимет. А тот, кто его поднял бы, должен был умереть, как громом пораженный. Само собой разумеется, что этого букетного мастера немедленно сожгли.

Колдунам обоего пола приписывалось семь злодейских деяний:

1) они влагают в сердца людей смрадные вожделения;
2) внушают злобу и ненависть;
3) делают наузы;
4) напускают болезни;
5) морят людей и скот;
6) отнимают разум;
7) делают всякие низости своим недругам. Такова классификация колдовства, твердо установленная старыми демонологами.

Опишем прежде всего арсенал колдунов, т.е. разные снасти и снадобья, которые ими употреблялись при отправлении профессии или изготовлялись на потребу клиентов. Первейшей статьей по этой части считалась мертвая рука. Вот как она добывалась и изготовлялась. Надо было сторожить, когда человека повесят, и тайно отрезать у повешенного кисть руки. Отрезанная кисть прежде всего плотно обертывалась в саван и крепко откручивалась, чтобы отжать из нее кровь. После того заготовлялась смесь из мелко истолченных порошков соли, селитры, перца и разных других зелий. Руку погружали в эту смесь и оставляли в ней на две недели. Потом ее вешали на солнечном припеке, чтобы она совсем высохла; в зимнее время сушили ее в печи, но только печь приходилось для этого топить папоротником и вербеной. Эта рука служила подсвечником для колдуновой свечи; сама же свеча отливалась из сала, вытопленного из тела удавленника, к которому привешивали воску и какой-то лапландской травы, которая во французских книгах называется Sésame. Но Sésame значит «кунжут» (Sésamum orientale); а это растение южнot и в Лапландии не растет. Итак, эту свечу вставляли в мертвую руку. Волшебная сила этого снаряда была неимоверная. Куда бы ни вошел человек, вооруженный такой свечей в таком подсвечнике, все люди, которые в том месте находятся, мгновенно впадают в полное оцепенение, не могут двинуть пальцем, раскрыть рта, остаются как мертвые. Что можно было совершать с таким светочем, о том можно составить понятие по нижеследующему повествованию.

Двое колдунов зашли в кабачок и попросили позволения провести ночь у камина. Их пустили. Когда все легли спать, служанка, все время подозревавшая в гостях что-то недоброе, подсмотрела в замочную скважинку, что они делают. И она увидала, что они сидят над каким-то мешком и что-то из него достают. То, что они оттуда извлекли, оказалось мертвой рукой. Злодеи, как видно было служанке, чем-то натирали эту руку, какой-то мазью, потом начали зажигать, и служанка видела, как на руке один за другим загорелись четыре пальца, словно свечки. Но пятый палец они никак не могли зажечь. Смышленая служанка сейчас же поняла и объяснила себе, отчего пятый палец не загорается. В кабачке в ту ночь было, кроме колдунов, пять человек. Из них четверо уже спали, и потому четыре пальца загорелись, пятая же, та самая служанка, еще не спала, а потому пятый палец и не загорался. Самое зажигание этих свечей должно было причинить погружение всех уже уснувших в непробудный сон. В этом служанка немедленно и убедилась; она бросилась к хозяину и хотела его разбудить, но его было невозможно растолкать никакими силами; он спал, как мертвый. Между тем, колдуны, видя, что четверо людей спят, решили пойти обобрать их, а свою адскую свечу оставили в той же комнате, где раньше были. Как только служанка увидала, что они вышли, она тотчас вбежала в комнату и потушила чертову свечку, и в ту же минуту от поднятого ей крика люди повскакали на ноги, а злодеи бросились бежать.

Затем в колдовских делах немалую роль играют волшебные перстни и кольца, с по-

мощью которых также можно было совершать настоящие чудеса. О способе их изготовления мы не нашли подробностей. Их заколдовывали, т.е. сообщали им волшебные свойства посредством нашептываний, произнесения над ними, с разными обрядностями, заговорных слов. Иной раз в них с этой целью заделывали какие-нибудь зелья, вставляли магические камни и т.д. На всем Востоке пользуется величайшей славой так называемый Соломонов перстень. Обычно в народном представлении таинственная сила Соломонова перстня зиждется на том, что на нем выгравирована какая-то особенная надпись. Впрочем, все восточные талисманы такого устройства, т.е. содержат в себе какие-нибудь изречения, в магометанских странах большей частью заимствованные из Корана. Таким образом, эти талисманы, по-настоящему, нельзя рассматривать, как предметы злобного колдовства, т.е. основанного на сношении с нечистой силой. Что касается в частности до Соломонова кольца, то оно, по народному сказанию, распространенному на Востоке, хранится в гробнице Соломона и сторожится какими-то фантастическими драконами. Вдобавок, где находится гробница Соломона, это тоже никому неизвестно; но зато счастливец, которому удалось бы овладеть этим перстнем, сделался бы ни более, ни менее, как обладателем и повелителем всего мира и мириадов бесплотных сил, населяющих вселенную. За неимением такого мощного талисмана, восточные люди охотно довольствуются всевозможными волшебными кольцами, которые во множестве изготовляются разными волшебниками и кудесниками тех мест.
В старое время в Западной Европе славились также путевые кольца, которые обладали силой, вроде той, какая в наших сказках приписывается ковру-самолету. Такие кольца прославлялись особенно во французских народных сказаниях. Французы были убеждены, что обладатель такого кольца мог без всякого утомления в один день совершить путь от Парижа до Орлеана и вернуться обратно в Париж.

Но знаменитейшими среди колец и перстней были, без сомнения, кольца-невидимки, вполне соответствующие нашим шапкам-невидимкам. В книгах древних алхимиков и вообще специалистов по всем отраслям таинственного способ приготовления таких колец описывается весьма подробно, хотя до умопомрачения неясно. Прежде всего к операции изготовления такого кольца можно было приступать, с некоторой надеждой на успех, не иначе, как весной, в среду, день, посвященный Меркурию. Притом надо было уловить момент, когда эта планета находится в благоприятном соединении с луной, Юпитером, Венерой и Солнцем. Надо было запастись ртутью, и притом не первой попавшейся, а непременно чистейшей и фиксированной. Уже одно это последнее слово (fixé у французских авторов) повергает в совершенное недоумение, ибо аллах ведает, что под ним надо подразумевать. Суть же в том, что ртуть была посвящена богу Меркурию; а так как изготовление кольца шло под покровительством его планеты, то можно понять, что в число материалов для его изготовления обязательно должен был входить и посвященный ему металл. Напомним при этом, что у алхимиков, да и до сих пор у аптекарей и врачей, ртуть называлась и называется меркурием. Само кольцо формовалось из этой фиксированной ртути. Величина ему придавалась такая, чтобы оно свободно надевалось на средний палец. В изготовленный перстень надлежало сделать вставку, а на эту вставку необходимо было добыть особый камешек, который находят в гнезде удода. На перстне гравировалась особая надпись. Изготовленный перстень клали на пластинку из фиксированной ртути и окуривали «ртутным (меркуриевым) благовонием»; что это было за благовоние, мы сообщить совершенно не в состоянии. Но этим дело не кончалось. После окуривания кольцо завертывалось в кусок тафты, долженствовавший иметь цвет, «благоприятный для планеты» (какой планеты? Надо полагать, Меркурия). В таком виде перстень клали в гнездо удода, из которого взяли камень для вставки, и там оставляли на девять дней. Теперь кольцо было готово, но его не следовало носить на пальце, а надо было хранить в ящичке, сделанном все из той же фиксированной ртути. Надевали же это кольцо тогда, когда представится в этом непосредственная надобность. Пользование же им было очень просто. Чтобы сделаться невидимым, стоило только повернуть вставку к наружи, т.е. так, как обыкновенно носятся кольца; а если вслед за тем желательно было сделаться видимым, надо было повернуть кольцо вставкой внутрь ладони и сжать руку в кулак.

Замечательно, что способ изготовления такого кольца описывается у многих писателей глубокой древности, славившихся своей ученостью, например, у Ямвлиха и Порфирия. Только они дают другой рецепт для его изготовления. Надо добыть пучок шерсти е головы гиены, сплести эту шерсть в нитки или шнурки и из этих шнурков сделать кольцо. А потом это кольцо, как и в первом рецепте, продержать девять дней в гнезде удода. После того, однако, следует еще окурить кольцо благовониями добытыми под благоприятным влиянием планеты Меркурия. Когда надо сделаться невидимым, это кольцо надевают на палец, а когда в этом надобность минует, кольцо снимают, вот и все.

Разумеется, существование таких колец вызвало стремление к изысканию средств уничтожить их силу, охранить себя от их действия. С этой целью люди запасались свинцовыми кольцами с особой волшебной вставкой; эта вставка представляла собой глаз ласки, но непременно такой, которая рождала детенышей только один раз. Такое кольцо изготовлялось обязательно в субботу. Тут мы видим явную игру старых астрологических суеверий. Дело в том, что изготовление кольца-невидимки совершалось, очевидно, под верховным покровительством бога Меркурия, как мы уже видели. Противоборствующее же кольцо изготовлялось под покровительством Сатурна. Свинец — металл, посвященный Сатурну; суббота — день, посвященный Сатурну. Сатурн и Меркурий — планеты, одна другой враждебные, взаимно уничтожающие силу одна другой. На этом и основано было суеверие об этих кольцах.

Третья волшебная статья — это амулеты или талисманы, как их называют на Востоке. В наших суеверных сказаниях и обрядностях амулетам соответствуют наузы, узлы, навязки и ладанки. В древности амулетами служили самые разнообразные мелкие предметы, которые можно было надевать или постоянно носить е собой, например, кусочки пергамента с какой-нибудь надписью, пластинки меди, олова, серебра, какие-нибудь особенной формы камешки. Чаще всего сила амулета зависела от написанной или вырезанной на нем надписи, либо какой-нибудь таинственной фигурки.

Строго говоря, нет возможности причислить верование в амулеты огульно и исключительно к области сношений человека с нечистой силой. Скорее бы можно сделать обратное заключение. В большинстве случаев можно думать, что носители амулетов смотрели на них, как на предметы священные, обладающие вовсе не адской, а благодатной силой. Таково, несомненно, большинство ладанок, обращающихся у нас в народе. Но дело в том, что христианское духовенство с глубокой древности косо смотрело на эти вещи Прежде всего оно осуждало в людях эту излишнюю и суетную боязнь, это стремление оградить себя всякими средствами от всего, что может вредить. Зная, что обычай идет еще от языческой древности, духовенство и осудило его, как переживание язычества, как остаток веры в древние благодетельные бесплотные силы. И можно было бы привести множество мест из сочинений святых отцов, где почтенные авторы решительно осуждают обычай ношения амулетов. В своем месте, когда у нас пойдет речь о борьбе древнего русского правительства и духовенства е колдовством, мы приведем взгляды на этот вопрос, какие господствовали и у нас.

Однако, у старых авторов можно найти немало историй, свидетельствующих о сверхъестественной силе амулетов. Так, например, в 1568 году во время войны, которую вел принц Оранский с испанцами, произошел такого рода случай. Попался в плен какой-то испанец, который был приговорен принцем к смерти расстрелянием. Испанца привязали к дереву и произвели в него залп из аркебузов. Но ни одна пуля не причинила испанцу ни малейшего вреда. Сначала было подумали, что у него под одеждой надета какая-нибудь предохранительная снасть, вроде кольчуги. Его раздели, но никакой кольчуги на нем не нашли, а нашли только маленький амулет, имевший фигурку агнца. И как только этот амулет с него сняли, первый же выстрел убил его наповал.

Приведем еще любопытную легенду, занесенную в летописи фамилии Урсино, царствовавшей в Наварре. Мать одного из Урсино в то время, когда он был еще крошечным ребенком, отправила его на богомолье в Испанию к святому Иакову Компостельскому. Снаряжая младенца в дорогу, мать повесила ему на шею амулет, снятый его отцом е убитого им в сражении мавра. Амулет этот обладал силой охранять своего носителя от диких зверей. И вот однажды, в то время как поезд с младенцем проходил через дикий лес, оттуда вдруг выскочила медведица, выхватила младенца из рук кормилицы и с ним скрылась. Но она его не истребила: этому воспрепятствовал амулет. Напротив, медведица превратилась в кормилицу ребенка, выкормила его, и когда он вырос, то прославился своими воинскими доблестями. Имя же Урсино (от ursus — медведь) он потому и принял, что был вскормлен медведицей. Впоследствии отец его признал, по всей вероятности, по тому же амулету, и он наследовал ему на троне Наварры.

Теперь подберем ряд рассказов о колдовстве, по которым можно судить обо всех перечисленных видах злодейств, учиняемых колдунами, и о мерах противодействия их злобе. В «Демономании» Бодена упоминается об обычае, существующем в Германии. Там, когда человек или домашнее животное оказываются «испорченными», т.е. ставшими жертвами колдовства, то для того, чтоб распознать виновника этого злодейства, прибегают к та-

кого рода приему: берут кишки из трупа человечьего или скотского и волокут их куда-нибудь в дом, но вносят туда не через двери в комнаты, а через отдушину в погреб. Там их складывают в кучу и сжигают. При этом колдун или ведьма, напустившие порчу, неминуемо ощутят нестерпимую боль в животе, и чтобы от нее избавиться, непременно побегут к тому дому, где производилось сжигание кишок. Для того, чтобы мучительная боль их оставила, им необходимо добыть горячий уголь от костра, в котором сжигали кишки. Подбежав к дому, колдун или ведьма начнут изо всех сил стучаться. Если им не сразу откроют, то во всем доме водворится кромешная тьма, раздастся оглушительный гром, и перепуганные хозяева дома непременно отопрут дверь. Таким путем и можно распознать и схватить колдуна или ведьму.

Большие эпидемии в Средние века почти сплошь приписывались колдовству. Народ верил, что колдуны и ведьмы зарывают под пороги пучки шерсти, над которыми произносят заклинание, и тогда люди или скот, переступающие через порог, один за другим все переболеют. В этом случае остановить болезнь можно не иначе, как удалив заколдованный клок шерсти из-под порога.

Подобным же способом колдуны наводят порчу на что им угодно. Так, например, подбрасывают булочнику какую-нибудь мелкую заколдованную вещь в его квашню, и хлебы у него от этого выходят никуда не годными.

Ведьма влюбляется в женатого молодого человека. Чтобы отвратить его любовь от жены и обратить ее на себя, ведьма подбрасывает под брачное ложе тщательно заделанный горшочек, в который садит слепую жабу. И молодой человек бросает свою жену и детей и прилепляется к злой ведьме, и так продолжается до тех пор, пока догадливая жена не заглянет под кровать и не спалит жабы. Тогда муж бросит ведьму и вновь привяжется к своей жене.

Деревенский парень. собираясь взлезть по лестнице на чердак, скидывает с ног деревянные башмаки. Улучив этот момент, ведьма незаметно кидает в башмаки какую-то отраву. Парень, надев потом эти башмаки, падает, делает себе вывих и навек остается калекой. Одна околдованная женщина начала от порчи неимоверно жиреть, и, наконец, превратилась почти в какой-то колоб, на котором невозможно было различить лица Вдобавок, из ее внутренностей то и дело раздавалось кудахтанье кур, пение петухов, кряканье уток, блеяние овец, рев быков, лай собак, хрюканье, ржание и т.д. Это был целый ходячий скотный двор.

Иногда колдуны и ведьмы берут просто-напросто целого дьявола и заключают его в какой-нибудь плод, например, орех или в яблоко. Потом дают это лакомство детям, которые, ничего не подозревая, глотают дьявола и, разумеется, становятся одержимыми. Один колдун изготовил такое яблоко и положил его на перила моста. Он имел в виду угостить этим яблоком одного из своих недругов, который должен был переходить через тот мост. Колдун очень хорошо знал, что этот человек великий лакомка и ни за что не упустит случая поживиться яблочком, коли за него не надо раскошеливаться. По счастью, кое-кто видел, как колдун клал то яблоко на перила. Эти свидетели, люди, очевидно, понимавшие толк в колдовстве, стали около чертова яблока и никому не давали его взять. Но тут возник вопрос, как отделаться от этого яблока, что вообще надо с ним сделать? Спорили до хрипоты, а приступиться к яблоку никто не решался. Наконец, нашелся какой-то храбрец. Вооружившись громадной жердью, он спихнул ей адское яблоко в воду. И как только оно коснулось воды, из него так и прыснула куча чертенят в виде маленьких рыбок.

В Средние века было множество процессов о колдовстве, в которых обвиняемыми являлись католические патеры. Они злодействовали и прямо, и косвенно, т.е. либо за свой счет, либо помогая другим колдунам. Содействие духовенства в колдовстве потому высоко ценилось, что при колдовских операциях часто требовалось участие священных предметов. Так, например, причастные облатки клали в амулеты и разные другие заколдованные снасти; иногда требовалось, чтобы какая-нибудь вещь, над которой колдовали, была положена на алтарь или под алтарь, так чтобы над ней было отслужено известное число обеден. Все подобные проделки были крайне затруднительны и даже невозможны без содействия патера. И многие патеры соблазнялись денежной мздой, которую предлагали им колдуны, и, следовательно, являлись участниками их злодейств. Случалось также, что и сами патеры делались колдунами, и тогда их злодейства угрожали целому приходу, потому что они во время обедни, например, вовсе не освящали причастных облаток и в таком виде, т.е. в виде простых лепешек, а не в виде тела Христова, преподносили их верующим, чем, конечно,

весьма компрометировали спасение их душ. К такой уловке прибегал, между прочим, патер одной из лионских церквей, заживо сожженный в 1558 году. У него с прихожанами была какая-то ссора, и вот, чтобы им подгадить, он и начал их причащать неосвященными гостиями.

Много народу колдуны и дьяволы побуждали к разным злодействам силой страха, игрой на чувстве самосохранения. Так, в книге Кальмэ рассказывается о том, как одна колдунья предсказала солдату из армии чешского короля Владислава, что отряд, в котором он будет участвовать при сражении, будет на голову разбит и истреблен. Такая же участь предстояла, конечно, и тому солдату. Но ведьма уверяла его, что он наверняка предохранит себя от смерти и притом весьма нехитрым способом. Ему стоит только у первого встречного, который попадется ему в глухом месте, обрезать уши и носить их у себя в кармане. Человека того надо было, конечно, предварительно убить, затем мечом, которым было произведено убийство, начертить на земле, между ног своего коня, крест, поцеловать этот крест, потом сесть на коня и умчаться во весь дух. Солдат послушался и все это совершил. И вот настал предсказанный колдуньей бой, и армия короля Владислава была действительно вся перебита, а солдат спасся и вернулся домой жив и здоров. Но тут его ожидала мрачная новость. Оказалось, что человек, которого он убил ради спасения своего и у которого обрезал уши, был никто иной, как его собственная жена. Каким образом случился этот непостижимый переплет событий, как мог солдат не рассмотреть того, у кого он отпарывал уши, об этом история умалчивает. Надо полагать, что дошлая ведьма сумела отвести ему глаза.

Иногда мстительность колдуньи высказывалась в злодействах удивительно странного свойства, о чем можно судить, например, по следующей истории. В герцогстве Веймарском колдунья зашла в мясную лавку и начала торговать у мясничихи телячью голову, но предлагала за нее цену несуразную, за какую мясничиха не могла отдать свой товар. На том и разошлись; но ведьма решила жестоко отомстить строптивой торговке. Через несколько времени у ней начались жестокие головные боли. Врачи, к которым она обращалась, ничего в ее болезни не понимали и не умели ей оказать ни малейшей помощи.

Между тем, спустя некоторое время у мясничихи из ушей начала выделяться какая-то белая масса, которую врачи сначала приняли за ее собственные мозги. Но когда всмотрелись поближе да вдобавок припомнили историю с телячьей головой, то и сообразили, что у торговки из головы вытекал не ее собственный мозг, а мозг телячий. Окончательно же убедились, когда вместе с мозгами начали появляться и косточки; эти последние, по рассмотрению, оказались уже, несомненно, телячьими. Так продолжалось довольно долгое время, и бедная мясничиха лишь весьма медленно оправилась от своей странной болезни. Кальмэ, передающий эту историю со слов какого-то другого писателя, с точностью указывает даже год происшествия — 1685.

Боден в своей «Демономании» рассказывает факт, дошедший до его сведения, каким-то чрезвычайно сложным путем через одного аббата, слышавшего рассказ от турецкого посланника, в свою очередь слышавшего историю от какого-то польского дворянина, и т.д. История эта гласит, что один из могущественнейших христианских королей (но кто именно — неизвестно) однажды пожелал узнать свою грядущую судьбу и обратился за этим к какому-то патеру, стяжавшему славу великого кудесника, — некроманта, как их называли в старое время. Волшебник взялся за дело и прежде всего потребовал, чтобы предоставили в его полное распоряжение десятилетнего мальчика, притом первенца. Патер сначала отслужил обедню и за вей освятил гостию; потом он отрезал у ребенка голову и положил ее на освященную гостию, а затем, произнеся запинания, повелел отрезанной голове сказать судьбу короля. Голова в ответ произнесла два латинских слова: «Vim Patior», т.е. «Страдаю от насилия». И мгновенно вслед затем король впал в припадок бешенства и стал неистово кричать, повторяя все одни и те же слова: «Уберите эту голову, уберите эту голову!». А потом он в скором времени умер.

В Средние века и в последующие столетия самой громкой славой колдунов и кудесников пользовались полудикие народы крайнего севера Европы, особенно же лопари или лапландцы, как их называли и до сих пор называют в Европе. О них можно найти известия в книге знаменитого шведского писателя Олая Магнуса. Он говорит, что самые искусные колдуны встречаются среди ботников, под которыми, очевидно, надо понимать жителей побережья Ботнического залива. Тут дело идет, видимо, о тех же лопарях. По словам Олая, лопари в особенности обладали высшим искусством отвода глаз. В этом искусстве отличались у них не только старики и старухи, но и молодые люди в даже дети. Они умели придавать своей физиономии вид самой ужасающей маски. Олай пытается в чрезвычайно мутных

выражениях объяснить, каким манером они это совершали. Они для этого пользовались, сколько можно понять, фантастическим светом северных сияний во время бесконечной полярной ночи. Если это так, то, конечно, в их искусстве не было ничего удивительного, потому что все путешественники по полярным странам отмечают эту особенность зимнего полярного освещения, т.е., что оно донельзя искажает внешний вид всех предметов, скрадывает расстояния и вообще производит самые неимоверные обманы зрения. Расскажем здесь кстати один только факт, приводимый участником южной полярной экспедиции, года три тому назад снаряженной в Голландии. Однажды он увидел на снегу, неподалеку от запертого льдами судна экспедиции, какой-то предмет. Всмотревшись в него, он порешил, что кто-то выволок и бросил на снегу один из тех деревянных ящиков, в которых сохранялись запасы разной провизии на корабле. А т.к. этими ящиками очень дорожили, то он порешил отнести свою находку назад на судно. Ему казалось, что ящик лежит шагах в двухстах от него. Но когда он направился к нему, то, во-первых, это расстояние сократилось до пятнадцати шагов, а во-вторых, то, что он принял за ящик, оказалось клочком газетной бумаги. Если такие искажения формы претерпевает клочок бумаги, то можно себе вообразить игру человеческой физиономии при подобном освещении.

Но лопари мастера и по всяким другим частям колдовства. Они например, способны видеть предметы на громадном расстоянии, за десятки и сотни верст. Кому из местных жителей пожелается, например, узнать, что поделывает его друг или родственник, уехавший куда-нибудь в дальний путь, тот обращается к опытному колдуну, дарит ему что-нибудь, и колдун очень быстро узнает, где находится лицо, о котором гадают, живо ли оно и здорово ли, чем в ту минуту занято и т.д. С этой целью колдун входит вместе с гадающим лицом в особое помещение, где на большой наковальне лежит медное изваяние лягушки или змеи. Колдун ударяет несколько раз по этому изваянию, потом начинает что-то бормотать и, наконец, впадает в обморок, подобно тому, как это делается с нашими сибирскими шаманами. Пока он лежит в этом обмороке, предполагается, что дух его рыщет по белому свету, ища того, о ком ему поручено навести справки. Тот, кто вошел с ним в колдовское святилище, в это время самым внимательным образом наблюдает за тем, чтобы к нему не прикоснулось какое-либо живое существо, хотя бы, например, муха или блоха. Зачем это делается, Олай, к сожалению, не разъясняет. Через несколько времени колдун приходит в себя, и у него в руках оказывается какой-нибудь предмет, например, кольцо и нож, который его душа добыла во время своего путешествия от того лица, о котором ворожили. И вслед за тем колдун подробно рассказывает, где его душа нашла того человека, что он делает в т.д.

Те же лопари, по скован Олая, считались в его время настоящими владыками и распорядителями ветров. Олай, впрочем, выражается об этом в таких словах, из которых можно заключить, что сам он считает эти россказни за суеверие, во все же он передает, в чем оно заключается. Заключается же оно в том, что когда мореплаватели задерживаются в пути противным ветром, то они обращаются к лопарям-колдунам и просто-напросто покупают у них попутный ветер. Происходит самый обыкновенный торг. Уславливаются в цене, и когда колдун получит договоренную плату, он дает покупателю три узелка, причем объясняет, что, развязавши, первый узелок, он добудет себе попутный ветер небольшой силы, развязавши второй узелок, добудет сильный ветер. А если развязать третий, то поднимется настоящая буря, при которой будет невозможно управлять судном.

Этот рассказ вводит нас в сферу метеорологического колдовства — заклинания ветров и бурь, запирания туч, вызывания дождя и т.д. Расскажем несколько историй по этой части. Гулар передает со слов какого-то достоверного лица рассказ о том, какие чудеса видело это лицо в Пиренейских горах, когда путешествовало там еще в юности. В одном месте в этих горах наш путешественник видел какой-то камень вроде алтаря. Говорили, что этот алтарь существует с незапамятных времен. На камне были в самом деле высечены какие-то фигуры или надписи непостижимого вида, должно быть, очень древние. Около того места путники встретили несколько местных жителей, крестьян и пастухов. Все они, видя путников-чужаков, поспешили их предупредить, чтобы они к тому камню отнюдь не прикасались. Но путники, народ по большей части молодой и озорной, не послушали доброго совета, подошли к камню, трогали его. И как только к нему прикоснулись, сейчас же в воздухе произошла самая зловещая перемена: перед тем стояла чудесная погода, а после прикосновения нимало немедля солнце затмилось, настала тьма, раздался гром из внезапно и невесть откуда появившихся туч. Путники не успели сбежать с горы, как были уже насквозь промочены дождем. Камень был заколдован еще во времена незапамятные, и колдовство так с тех пор и осталось на нем.

Кальмэ передает следующий рассказ со слов Шпренгера, автора книги о дьявольских

злодействах. Один крестьянин в Швабии шел по полю с своей маленькой восьмилетней девочкой. Была засуха, и бедный мужичек, пригорюнившись, смотрел на свою тощую ниву и тужил о дожде: кабы, дескать, Господь послал дождичка, может быть, хлеб и оправился бы. Дочурка, слыша его сетования, сказала, что коль надо дождичка, так она может так сделать, что он пойдет. «Откуда ты этому научилась?», спросил встревоженный крестьянин. Девочка простодушно ответила, что ее научила мать, только велела никому не сказывать. «А как она тебя этому научила?», спрашивает отец. «Она меня водила к учителю, — отвечала девочка, — и он теперь ко мне приходит, когда я позову». На вопрос, видела ли она этого учителя, девочка отвечала, что видела много раз, что к матери ходит много людей и что среди них был и тот учитель. «Но как же ты сделаешь, чтобы дождь прошел только над одним нашим полем?».В ответ на это она сказала, что ей для этого надо достать немного воды. Отец принес ей воды из ручья. Она взяла эту воду, призвала того, кому мать отдала ее в обучение, и на ниву тотчас полил обильный дождь. Крестьянин понял и убедился, что жена его ведьма, донес на нее, ее судили и сожгли. Дочку вновь окрестили, но с тех пор она утратила способность вызывать дождь.

В старое время в Италии, особенно в Неаполитанской области, применялись удивительнейшие способы вызывания дождя, в которых католические обряды самым непостижимым образом путались с грубыми приемами колдовства; так, например, однажды, во время удручающей засухи, несколько патеров выдумали такую церемонию для умилостивления неба, не источавшего ни капли влаги. Привели к церкви осла и отслужили над ним отпевание, как над покойником. После того в рот осла вложили освященную гостию, потом еще долго пели над ним и, наконец, зарыли его живьем в землю под вратами церкви. Как только церемония окончилась, небо омрачилось, море взволновалось, засверкали молнии, загремел гром, поднялся ураган, выворачивавший деревья, вздымавший на воздух крупные камни. Потом начался такой ливень, что все водоемы были переполнены и с гор лились бурные потоки. Это происходило в одном городе, как раз во время осады его неаполитанским королем. Он и надеялся взять город, когда жители начнут умирать от недостатка воды; а когда прошел этот ливень, король снял осаду. Гулар заимствует эту историю из книги некоего Иовианус Понтануса.

Однажды, когда выдавали какую-то датскую принцессу замуж за шотландского короля, местные, т.е. датские колдуны. почему-то ни за что не хотели, чтобы их принцесса ехала к своему жениху в Шотландию, и когда она двинулась в путь, разумеется, морем, они подняли страшную бурю, так что флотилия с принцессой была куда-то загнана ветром совсем в сторону и едва не погибла. Однако, потом дознались, что эта буря была напущена колдунами; добрались и до них самих; на допросе колдуны показали, что дело было ими сделано чисто, но что дьяволы, которые им помогали, ничего не могли поделать против пламенного и несокрушимого благочестия самой принцессы и всех, кто ее сопровождал.
В книге капуцинского монаха Дотена, изданной в 1674 году, под многозначительным заглавием: «Ученое неверие и невежественное легковерие», рассказывается об ужасной к удивительной буре, напущенной колдунами в июне 1668 года на Лангедок. Началась она с опустошительного вихря, вырывавшего с корнем деревья и потрясавшего дома. Потом начался дождь, смешанный с чудовищным градом; отдельные градины были величиной с куриное яйцо. Но этот град перепугал народ не столько своей величиной, сколько формой градин; все они были точно нарочно выточены и изваяны. Иные походили на больших улиток, с раковиной, головой в рожками; иные имели фигуру лягушек и жаб, но были так тщательно выделаны, что люди боялись взять их в руки; иные приняли вид змей, длиной полфута. «Наверное, — говорит благочестивый автор, — тот град, который опустошал Египет и который святой Августин прямо считает делом дьявола, не был столь ужасен». Местами град доходил до такого размера, что пораженные им люди и животные падали мертвые. Эта буря и град были без обиняков приписаны колдовству, потому что в каждой градине, которую раскалывали, находили белый волос, и эти волосы были во всех градинах совершенно одинаковой длины. Вероятно, это толкование было основано на том, что, как мы видели в нескольких из приведенных нами историй, колдуны обычно совершают свои злодейства с помощью волоса или шерсти.

Колдуны мастера изобличать воров, но способы этого изобличенья, описываемые в колдовских руководствах, ужасно странны; они основаны и на явно суеверных обрядах, и в то же время на молитвах и призваниях имени Божьего. Предпочитаем не описывать их в подробности.

Наконец, что касается до мора, напускаемого колдунами на людей, то такие случаи в Средние века считались самыми обыкновенными их подвигами. Так, у Бодена рассказыва-

ется о том, как в 1536 году в пьемонтском городе Казале колдунья ходила из дома в дом, и куда ни войдет, там после ее визита навивается мор людей. Ее, конечно, схватили, судили. На допросе она показала, что орудовала не одна, а целой компанией в сорок ведьм. Они гуртом сварили какую-то мазь, которой натирали дверные скобы; и кто брался за них, тот вскоре умирал.

Нечто подобное было в Женеве в 1563 году. Там ведьмы напустили на народ чуму, продолжавшуюся семь лет. В Риме еще во времена консулов однажды казнили 170 ведьм; их казнили, как отравительниц, но средневековые писатели утверждали, что римляне просто-напросто не умели еще отличать ведьм, не изощрились в этой тонкости и по своему невежеству привяли ведьм за обыкновенных уголовных преступниц.

Нам остается еще рассказать об оборотнях, являющих собой в большинстве случаев несомненный продукт колдовства в потому подлежащих нашему рассмотрению.
Чаще всего человек превращается почему-то в волка; этим странным существам придано даже особое название почти у всех народов, причем в самое название входить слово «волк» или явный его корень. У славян они называются волкулаками, вилколаками, вовкунами, врикодлаками и т.д. По объяснению Афанасьева, все эти слова происходят от «волк» и «длака», т.е. руно, шерсть. Немцы их называют Verwolf, англичане — Warevolf (Wolf — «волк»), французы — loup-garou (loup — «волк»), греки — ликантропами («волко-человек»).

Старые писатели не все верили в волков-оборотней, иные пытаются доказать, что есть, дескать, такая особая болезнь, нечто вроде черной меланхолии, при которой больные сами глубоко убеждены в том, что они превращены в волков, а это их побуждает во всем подражать волкам. Так, по ночам они рыщут на кладбищах и в пустых местах. Гулар приводит свидетельство какого-то ученого врача, который уверял, что у него были такие больные и что ему удавалось их вылечить. Тот же Гулар сообщил еще рассказ о другом, тоже больном, полусумасшедшем. Иное время этот человек отличается здравым умом, а потом вдруг впадает в экстаз и объявляет себя волком. Таких рассказов существует немало, но тут мы имеем дело, очевидно, с тронувшимися.

Оговариваясь, что такие недужные существуют, Гулар, однако, утверждает, что есть и такие люди, которые кознями лукавого превращены в настоящих волков и в таком виде являются людям. Дьявол обладает достаточной силой, чтобы осуществить такое превращение. Благочестивые демонологи старого времени верили в оборотней и в доказательство их непреложности приводили библейские примеры: Навуходоносора, жену Лота.

В старину полагали, что Ливония кишит волками-оборотнями. Это были люди, и они делались волками только на святках, а остальное время года оставались людьми. Вот как совершалось это превращение. На второй день Рождества по стране ходил хромой мальчик, очевидно, слуга в рассыльный сатаны; он кликал и сзывал всех оборотней, и они толпами сбегались на его зов и шли за ним. Кто из них медлил и отставал, тех подгонял кнутом особый посланец дьявола, огромный человек; кнут его был сплетен из железных звеньев. Кто отведал этого кнута, у того надолго оставались знаки от него. И вот по дороге все эти люди, которых гонят в поля и леса, один за. другим оборачивались в волков. Выйдя в поля, они кидались на стада скота (зимой, в Литве?..) и, как подобает волкам, резали и пожирали скотину; однако, им строжайше было возбранено нападать на людей. Когда это стадо оборотней подходило в реке, вожатый своим страшным кнутом ударял по воде (в те времена европейским писателям было очень простительно не знать о том, что наши реки зимой скованы льдом), вода расступалась а оборотни проходили носуху. Так бродили оборотни двенадцать дней, а потом их снова оборачивали в людей и распускали всю команду по домам до следующего Рождества.

Боден в своей «Демономании» приводит несколько случаев подлинного превращения людей в волков. Он указывает авторов, свидетельства которых, для него, без сомнения, весьма внушительны; все они ручаются, что люди-волки существуют, что их ловили, изобличали, судили, как вошедших в сношения с нечистой силой, и сжигали. Иные авторы утверждают, что видали оборотней самолично. Один, какой-то Ульрих Мельник (может быть, Мюлер?), ручается, что один из величайших королей христианского мира (хотя и не называет его) был знатным волшебником и часто превращался в волка. Какой-то прокурор рассказывал Бодену, что он судил человека, которого поймали в виде волка. За этим волком охотились и ранили его стрелой в ногу. Он после того перекинулся в человека, но стрела так и осталась у него в ноге, он с ней лежал больной в постели. Стрелу эту признал тот охотник,

который стрелял в волка, да и сам ликантроп принес повинную, так что прокурор считал случай несомненным.

В Доле, в местном парламенте, судили некоего Гарнье (сообщает тот же Боден). Он в образе волка напал на двенадцатилетнюю девочку, умертвил ее, загрыз зубами, съел у ней бедро и руку и часть ее мяса принес своей жене. Еще до того он, в том же волчьем образе, напал на другую девочку, но тогда ее от него отбили подоспевшие люди; он сам в этом признался. После того он еще убил и съел третьего ребенка, а попался уже на четвертом. Его судили и сожгли.

В Безансоне предстали перед парламентом двое оборотней — Бюрго и Верден. Оба они прежде всего повинились в том, что отреклись от Бога и предались сатане. Оба они ходили в какое-то таинственное место, куда то на берег, и там, держа в руках зажженные свечи из зеленого воска, горевшие бледно-синим огнем, совершали служение дьяволу. Потом чем-то натирались и обращались в волков, причем приобретали неимоверную быстроту ног; в этом естестве они предавались амурам с волчицами. Бюрго покаялся, что убил мальчика, будучи в волчьем образе, и намеревался его съесть, да помешали подоспевшие люди; зато оба благополучно загрызли и съели четырех девочек.

Однажды объявился оборотень в Падуе. Он рыскал в виде волка; его изловили и обрезали ему лапы, а он перекинулся в человека, и у этого человека оказались отрезанными руки и ноги.

В Верноне в 1556 году судили целую толпу колдунов-оборотней, но они превращались не в волков, а в котов; в таком виде они обычно собирались в каком-то старом покинутом замке. Однажды четверо или пятеро смельчаков задумали переночевать в этом замке. Ночью на них напала несметная толпа кошек. Началась отчаянная битва. Все люди были жестоко перецарапаны, а один даже загрызен до смерти. Но и люди поранили много кошек. И вот после того среди окрестных жителей вдруг обозначилось множество раненых людей. Эго, конечно, и были колдуны. и молва прямо на них указывала. Но — странное и почти необычайное по тому времени дело — местные судьи почему-то сочли все это происшествие, т.е. главным образом превращение людей в кошек, невероятным и не нашли оснований возбуждать дело. Можно утверждать, что эта черта и была самой замечательной и удивительной во всем происшествии.

Вот отцы инквизиторы, те были куда внимательнее и проникновеннее, нежели светские судьи. Под Страсбургом был такой случай. На крестьянина, пахавшего в поле, напали три кошки. Обороняясь от них, пахарь всех их избил и обратил в бегство. И вдруг после того в деревне оказались три жестоко избитые бабы. Надо заметить, что эти бабы первые и подали жалобу на того крестьянина, утверждая, что он их избил. Обжалованный же утверждал, что они напали на него в виде кошек. И отцы инквизиторы, к которым попало в руки это дело, поняли, что прав крестьянин, и дошлые ведьмы не отвертелись от законного возмездия.

Однажды императору Фердинанду I донесли, что в числе его подданных есть некий поляк, великий колдун, который может, в числе разных других чудес, превращать себя в разных животных. Он был призван к императору и показал все свои фокусы. Между прочим, он, натершись какой-то мазью, внезапно превратился в лошадь на глазах многочисленной толпы придворных; из лошади он перекинулся в быка, потом во льва. Император был так испуган этими чудесами, что велел немедленно выгнать кудесника.

Святой Августин в своей известнейшей книге «Град Господень» говорит, что в Альпийской области встречалась колдуны, которые давали людям, особенно прохожим и проезжим, какой-то особенный сыр. Кто ел этот сыр, тот вдруг превращался в осла или в какое-нибудь другое вьючное животное; ведьмы грузили на него свою кладь, и оборотень послушно вез ее на себе, куда им было надо; после того ведьмы снова обращали оборотней в людей.

Совершенно такая участь постигла одного молодого английского матроса или солдата на острове Кипре. Английский корабль остановился в одной из гаваней острова; человек этот сошел на берег, и как раз злая судьба нанесла его на колдунью; та и превратила его в осла. Он в такой перелицовке сунулся было на свой корабль, но его, конечно, отогнали дубинами. Волей-неволей сему британскому подданному довелось поступить вьючной скотиной к кипрской колдунье. Так бы ему и век свековать в ослах, да во счастью добрые люди

обратили внимание на то, что этот удивительный осел затесался в церковь и там начал усердно бить земные поклоны. Дали знать об этом чуде властям предержащим, те умненько расследовали дело, добрались до ведьмы, вынудили у ней признание, и бедный солдатик вернул свое человечье обличье после трехлетнего пребывания в образе осла. Ведьму, конечно, предали сожжению. К сожалению, история эта случилась в очень уж глубокой древности, около 1220 года, что несколько смягчает ее права на достоверность.

Удивительное происшествие рассказывает Кальмэ. Однажды к святому Макарию (Александрийскому?..) привели кобылицу. Приведшие поведали святителю, что эта кобылица — хорошая и честная женщина, ставшая жертвой злого колдуна. Бедная женщина трое суток оставалась без пищи: она не принимала ни людского, ни конского продовольствия. Предъявляли ее раньше к другим духовным лицам, но они не в силах были ничего полезного для нее совершить. Когда ее привели к Макарию, его ученики хотели было сначала удалить пришедших, будучи уверены, что они привели не оборотня, а настоящую лошадь, но Макарий сказал им: «Вы сами звери, если не в силах различить того, что видите. Эта женщина вовсе ни во что не превращена, она только околдована, и всем кажется кобылицей; это дьявольский отвод глаз». И он спрыснул голову женщины святой водой, и все сейчас же увидели, что это не кобылица, а человек. Святитель дал ей поесть и отпустил с миром к мужу.

ДОПОЛНЕНИЕ К I И II ОТДЕЛАМ

Русская чертовщина

Все, что изложено в первых двух отделах, заимствовано нами из области народных преданий, верований и сказаний Запада. Почти все эти верования в том же виде существуют у всех славян, а в том числе и среди нашего народа. Все это мы и сведем в этой большой дополнительной главе. Пользуемся для этого, главным образом, классической книгой А.Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу» и интереснейшим сборником, изданным Императорским русским географическим обществом под заглавием «Труды этнографическо-статистической экспедиции в западно-русский край», экспедиции, снаряженной этим обществом. Материал, собранный в этой книге, особенно интересен по своей свежести. Экспедиция работала в самом конце 60-х годов и собрала, значит, те особенно крепкие и прочные верования, которые существовали в народе почти до последнего времени. Разумеется, начнем с самого черта и посмотрим, какой вид он принимает в народных представлениях.

В тех случаях, когда он материализируется, как выражаются спириты, черт предстает перед глазами смертных в виде черного человека с когтями, хвостом и рогами, а на задних лапах с копытами. Иногда он является в натуре, т.е. без всякого костюма; но южане, например, малороссы, охотно представляют его во фраке, в виде франтоватого барина, «паныча». Хохлы, как кажется, охотно придают черту внешность немца; фрак, по народным представлениям, костюм немецкий. Народ вообще очень неохотно разговаривает о чертях. По-видимому, существует какая-то смутная боязнь, что всякое упоминание в разговоре о нечистой силе как бы равносильно призванию ее. Помяни черта, он, гляди, и явится, а от этого борони Боже всякого крещеного. Однако из сопоставлений многочисленных сказаний удается вызнать еще кое-какие черты, относящиеся до внешности черта. Так, иные сказания дополняют его костюм; он является франтом не только во фраке, но и в шляпе, сапожках и даже в перчатках. Иные сказания придают ему собачьи или куриные ноги; иные подробно описывают его физиономию: морда широкая, нос длинный, глаза, как раскаленные угли, волосы длинные, черные, жесткие.

Местные и областные названия черта бесчисленны. В словаре Даля мы находим следующий ряд синонимов: нечистый, некошный, черная сила, сатана, дьявол, лукавый, луканька, шайтан, шут, шиликун, шиш, шишга, отяпа, хохлик. Затем у Даля же при слове «бес»: змий, кромешный, враг, ворог, вражья сила, недруг, неистовый, лукавый, нечистый, луканька, не-наш, недобрый, нелегкий, нелегкая, нечистая сила, неладный, соблазнитель, блазнитель, морока, мара, лихой, игрец, шут, шайтан, черная, неключимая сила, некошный, ненавистник рода человеческого, наше место свято. Сверх того, каждый особый тип нечистой силы, например, домовой, водяной, леший, тоже имеет многочисленные местные названия. Наконец, отдельные русские племена, например, малороссы, разработали свою особую синонимику. У них черт называется: кадук, дидько, болотянык, морок, мара, дыво, лыхо, бида, бис, черт, дыявол, недолий и облуд.

О происхождении чертей рассказывается много легенд. Наиболее распространенным из воззрений следует, как кажется, считать то, по которому нечистый дух представляется существующим от вечности, как и Сам Бог. Об этом мы должны заключить по ходячим сказаниям о сотворении мира. Древнейшим из этих сказаний Афанасьев считает следующее, которое мы передаем здесь в его основной сути. В начале не было ничего, кроме воды и воздуха. Приняв решение создать землю, Господь призывает нечистого и повелевает ему нырнуть в воду, опуститься до самого дна и захватить оттуда горсть песку во имя Его, т.е. Божие. Лукавый черт, конечно, не слушает повеления Божия и берет песок во имя свое. Но пока он поднимается со дна первобытной водяной бездны на ее поверхность, песок у него из лапы весь выскальзывает до последнего зернышка. Черт вновь ныряет, и снова та же история. Тогда он, наконец, забирает песок во имя Божие и благополучно выносит его на поверхность.

Совместность существования от вечности нечистой силы с Богом подтверждается еще другими сказаниями. У хохлов, например, существует такая легенда о происхождении телеги. Первоначально люди не знали колесных экипажей и потому ездили лето и зиму на санях. Вот черт и пожелал подслужиться им и построил первую телегу. Но ему надо было вести дело так, чтобы Бог ничего не знал и не лишил его плодов его изобретательности. Поэтому он мастерил телегу в величайшей тайне, где-то в глухой избе. Но при этом он жесто-

ко оплошал. Делая телегу, он не рассчитал, что она в готовом виде не пролезет ни в двери, ни в окна. И вот он стоял над своей телегой и думал, как с ней быть. Телега готова, а выкатить ее из избы нельзя. А Бог и тут как тут. Приходит Он к черту, расспросил его про его затруднения, обозвал за недогадливость дурнем и велел разобрать телегу, вывести ее по частям, а потом вновь собрать. Черт послушался, но из разобранных частей, как ни бился и ни потел, не в силах был вновь собрать телегу. Бог, стоя рядом с ним, все время над ним насмехался. Черт, выведенный из всякого терпения, наконец бросил свою телегу и ушел, а Бог призвал архангела Михаила и повелел ему собрать телегу как следует быть.

Итак, по вопросу о первоначальном происхождении черта народ склонен был держаться того мнения. что черт вечен. В ином виде представляется вопрос о размножении чертей. На этот счет существует много сказаний. Чаще всего рассказывается происхождение чертей из воды. Так, например, в Ушицком уезде записано такое сказание. Бог сотворил небо, но земли еще не было, а была только вода. Эта вода приняла вид какой-то мутной пены. И вот в этой-то пене Господь увидал «сатану люцыпера». Черт сидел в этой пене и пищал. Бог сжалился над ним, вытащил его из пены, взял с собой на небо. В то время, когда Бог сеял землю, он разрешил черту сеять камни, и тот насеял их столько, что выросшие из них горы доставали вершинами до неба. Для того чтобы его племя размножилось, черт придумал такой прием. Он умывал себе лапы и, заведя их за спину, отряхивал их. С лап, конечно, во все стороны летели брызги, и каждая капелька воды превращалась в чертенка. И вот почему в народе до сих пор существует поверие, что умывшись не следует отряхивать руки, потому что от брызг родятся черти.

Местами народ остается уверенным, что в настоящее время черти размножаются так же, как и люди. Они родятся, женятся, только не умирают. Известны народные сказания о людях, которым доводилось присутствовать у чертей на свадьбе. Так, в Литинском уезде рассказывают про двух мужичков-музыкантов, как они попали на свадьбу к чертям. Музыканты шли ночью по большой дороге и повстречали много богатых экипажей, в которых сидели какие-то важные господа. Эти господа остановили музыкантов в пригласили их к себе на свадьбу играть. Договорились о плате, и музыканты согласились ехать. Во время свадебного вира одному музыканту случилось выйти на двор и тут он разговорился с кучером, начал его расспрашивать, что это за господа и кто на ком женится. Кучер ему и объяснил, что это не господа, а черти, а сам он попал к ним в кучера потону, что он утопленник; утопленники обречены на то, чтобы служить чертям. Тот же кучер посоветовал музыканту, когда он вернется назад в комнату, подойти к посудине, стоящей на окошке, обмакнуть в нее палец и этим пальцем потереть себе глаз. Только, говорит, не удивляйся тому, что увидишь, и не пугайся. Когда музыкант все это сделал, он увидал, что нет никакого дома и никаких господ, а что сидит он посреди болота и кругом него прыгают черти. По окончании пира музыкантам дали условленную плату. И в тот же миг все исчезло, а у музыкантов в руках вместо денег оказались черепки. Но у музыканта осталось волшебное свойство видеть чертей тем глазом, который он смочил волшебной водой. И вот однажды на базаре он увидал этим глазом того самого черта, у которого он играл на свадьбе. Музыкант сейчас же приступил к нему и стал требовать свою плату. Черт его завел в какой-то дом и там отдал деньги, но при этом нечистый полюбопытствовал узнать, каким манером музыкант признал его. Наивный мужик ему все и рассказал. Тогда черт ткнул его пальцем в тот глаз, и музыкант мгновенно окривел, а черт сгинул.

Люди могут видеть черта и часто видят. Покойный Г.И.Успенский в одном из своих деревенских очерков замечает, что каждый порядочный мужик видел черта своими глазами по меньшей мере раза два или три в жизни. И каких-то видов не принимает нечистый! Один мужик, рассказывают в Литивском уезде, возвращался зимой под вечер домой с базара, где он продал барашка. И вдруг этот самый барашек попадается ему на дороге. Мужик подумал, что барашек ушел от своего покупателя. Он слез с саней, поймал барашка и начал оглаживать, приговаривая. «О бидна моя овечка, бидна овечка!». Вдруг овечка вырвалась у него из рук, оскалила зубы, с хохотом крикнула: «Бидна овечка!» и исчезла из глаз.

По другому рассказу, хмельной мужик шел себе со свадьбы домой и, проходя по мельничной плотине, увидал возле мельницы попа. Мужик пошел было к нему, чтоб благословиться, но едва ступил шаг, как поп расхохотался и пропал из вида. Очевидно, в обоих случаях людям являлся нечистый.

Пробегая русские народные сказания о чертях, мы видим те же проделки и выходки лукавого, какие видели и в иноземных сказаниях. Приводим примеры:

Вот, например, история, записанная в Грубешовском уезде. Мужик с бабой возвращались домой с базара и по дороге нашли черного петуха со спутанными ногами. Подобрали они этого петуха, принесли домой, посадили на печь. И вот стали они дивиться ночью — отчего это петух в урочные часы не поет? Это их обеспокоило, они встали, зажгли огонь. Взглянув на петуха, они увидели, что перед ним появились целые груды разного хлебного зерна и денег, серебряных и золотых. Мужик сейчас же догадался, что это за петух; он немедленно его взял с молитвой, отнес на речку и бросил с моста в воду. Вода мгновенно забушевала и поднялся такой ветер, что мужика едва не сшибло с ног. Когда же он вернулся домой, то на печке, там, где лежали груды золота и серебра, он ничего не нашел, кроме смолы.

В Винницком уезде записано сказание о том, как черти собираются иногда на совет и какую пользу может извлечь из их совещаний человек, которому случайно удается их подслушать. У одного мужика было два сына, и одному из них Бог дал счастье, а другому нег.

Когда отец умер, сыновья поженились, и один из них, счастливый, стал очень скоро богат, а другой был страшно беден. Вдобавок у бедняка народилась куча детей, а у богатого их вовсе не было. Случилось однажды, что у бедняка вышел весь хлеб, и чтобы накормить голодных детей, он пошел к богатому брату занять хлеба. Брат дал ему хлеба, но с условием, чтобы тот за это позволил выткнуть у себя один глаз. Бедняку нельзя было колебаться: нужда так его притиснула, что ему пришлось согласиться окриветь, лишь бы добыть хлеба для голодных ребятишек. Прошло несколько времени; бедняку понадобились деньги и он снова пришел к богачу-брату и стал просить у него пять рублей. «Давай я тебе выткну другой глаз, тогда дам пять рублей», отвечал богатый брат. Бедняк вновь согласился и стал совсем слепой. Взял он пять рублей и просит богатого брата: «Коли ты меня ослепил, то будь добр, выведи меня к часовне, а сяду там и буду просить милостыню». Вывел его брат под часовню, оставил там, а сам ушел. А как настала ночь, в то место и слетелись со всех сторон черти держать совет. Слепой и слышал все, что они между собой говорили: «Ты слышал, — спрашивает один черт у другого, — что брат брату глаза повыковырял?». А другой черт на это ему говорит, что слышал и что надо бы ослепленному посоветовать, чтобы он умылся росой до восхода солнца. Слепой это запомнил. Дальше он слышит, как другой черт говорит: «А ты знаешь, брат, что в таком-то селе людям приходится носить воду за три версты?». На это другой черт ответил, что кабы люди в той деревне знали, то они давно бы добыли себе воду, что у них по самой середине села лежит большой камень, и если его сдвинуть с места, то из под него забьет родник. Слепой все это слышал и принял к сведению.

Прежде всего перед восходом солнца он промыл себе глаза росой и тотчас прозрел. Потом он пошел в то село, где не было воды, нашел камень, своротил его с места и из под него забила вода. Обрадованные жители дали ему за это сто рублей. Он сейчас же пошел к брату-богачу и отдал ему долг. Брат, видя его зрячим, спросил его — кто, дескать, тебя вылечил и где ты денег достал? Тот рассказал ему все, — как в часовне собрались черти, что они между собой говорили и т.д. Богач соблазнился « попросил брата, чтобы тот ему выткнул оба глаза. Ослепленный богач отправился к той же часовне и засел там на ночь. А чертям только того и надо было; они слетелись со всех сторон, кинулись на него всей гурьбой и разорвали его в клочья.

В Юго-Западном крае деревенское население очень недружелюбно смотрит на своего брата-мужика, внезапно разбогатевшего. По общему убеждению, такое богатство появляется в руках человека не иначе, как при содействии нечистой силы. Замечательно, что таких темных богачей народ зовет фармазонами, т.е. франкмасонами.

Любимым развлечением нечистого является поселение раздоров среди людей, в особенности же среди дружно живущих семейств. Вот, например, какая история записана в Винницком уезде. В одном селе жила примерная семья, в которой никогда не случалось не только ни малейшей ссоры, но даже не раздавалось аи одного грубого слова. Вот и захотелось нечистому во что бы то ни стало помутить эту семью. Одна из женщин этого дома повесила на стенку свои кораллы как раз над ушатом, в который сливались помои. Кораллы нечаянно чем-то задали, они сорвались е колышка и упали в помои, и никто этого не заметил. Помои же потом дали корове и она вместе с ними проглотила кораллы. Через несколько времени хватились пропажи, решили, что вещь украли, и по обычаю отправились к ворожее. Баба-ворожея сказала свекру и его сыну-хлопцу, которые к ней пришли для ворожбы, что им обоим придется у ней заночевать, потому что ворожить она должна по звездам. Мужики остались ночевать. Поужинавши, свекор ушел спать на двор, а хлопец забрался спать на печь, и при том так, что ворожея не заметила этого и не знала, что он на печи. И

вот ночью вдруг из-под полу выскакивает черт. Он встал на задние лапы, а передними опер-ся ворожее на грудь и смотрит ей прямо в глаза своими раскаленными, как угли, глазами.

Баба спросила его, — что следует сказать приезжим об их кораллах? Черт сначала рассказал ей все, как оно в действительности произошло, т.е., что кораллы свалились в помои и что их проглотила корова; но он тут же строго-настрого запретил ворожее, чтобы она не смела это-го говорить старику-свекру, а сказала бы ему, что невестка сама продала свои кораллы, а деньги пропила. Черт рассчитывал на то, что через это в семействе поселится раздор: свекор и все семейные возненавидят воровку, будут постоянно ее попрекать, и та с горя удавится. А т.к. она в то время была беременна, то, значит, черту достанутся сразу две души. Хлопец во все время этой беседы не спал и все слышал Между тем, утром ворожея объявила свекру, что она ночью смотрела на звезды, и ей было открыто, что кораллы проданы невесткой и деньги пропиты. Черт достиг своей цели: свекор всю дорогу сердился на невестку и уже го-тов был, вернувшись домой. поднять ругань и ссору; но, по счастью, хлопец все знал, обо всем рассказал семейным. Было решено зарезать корову, и в ней на самом деле нашли про-павшие кораллы.

В Винницком уезде рассказывают, что однажды главный черт вздумал сравниться с Богом и для этого повелел своим чертям выстроить высочайшую башню. Черти потом за-лезли на эту башню и стали оттуда смотреть на весь мир, и при этом хвастались, какие они мастера и какие они могучие. Но Бог во мгновение ока разрушил эту башню, и черти все кувырком полетели с нее на землю. Летели они оттуда сорок дней и сорок ночей, и кто куда упал на землю. тот там с тех пор остался и по тому месту получил название. Черти, упавшие с башни в воду, сделались водяными, упавшие в лес — лешими, упавшие в болото — бо-лотниками, «болотяныками», как их зовут хохлы, упавшие в камыш — «очеретяныками» и т.д. Можно было бы думать, что при этом великом крушении чертовой башни были и такие черти, которые попали в жилые дома и сделались домовыми. Но о таком происхождении домового, сколько можем припомнить, в народных сказаниях не упоминается.

По настоящему, если вникнуть в происхождение домового, то он наверное оказался бы существом весьма невинного свойства. Домовой или, другими словами, домашний дух, покровитель дома, есть не что иное, как дух отдаленного предка тех, кто живет в этом доме. Это благодетельное второстепенное божество. Так, вероятно, домовой понимался вашими предками-язычниками. Но христианство, явившееся на смену древней веры, живо привело к одному знаменателю всех членов прародительского Олимпа и перечислило их в чертей. Та-ким образом наш милый старенький домовой и сделался чертом, и с течением времени сам народ стал его так понимать. Г.И.Успенский, передавая одну из своих бесед с мужиком-новгородцем по поводу домового, приводит очень решительные и характеристические сло-ва своего собеседника. На вопрос о том, что такое, в сущности, представляет собой домо-вой, мужик без всякого колебания отвечал: «Да уж обыкновенно мы домового подразумева-ем под чертом.

В Переяславском уезде записана такая легенда о происхождении домовых. Шли вме-сте Бог, святой Петр и черт. Черт и говорит Богу: «Господи, у Тебя слуга есть, а у меня не-ту». «А разве ты хочешь, чтобы и у тебя был слуга?», — спросил Бог. «Хочу», — отвечает дьявол. «Так ступай же к речке, — повелел ему Господь, — обмакни пальцы в воду и трях-ни ими». Черт так и сделал, и как только отряхнул мокрые пальцы и оглянулся назад, то и увидел, что за ним стоит такой же «куцый», как и он сам. Начал черт с великим усердием «трепать» своими мокрыми лапами, и от брызг народилось такое множество чертей, «що лышечко». Оглянулся и Господь, и когда увидел это несметное стадо чертей, то воскликнул: «А будьте вы все прокляты!». Тут все черти и разбрелись по хатам да по горницам.

Но кто пожелает, тот, по народному поветрию, может сам для себя сделать домового, и делается это следующим способом. Случается, что во время ветра у курицы хвост подни-мается веером. Вероятно, в народе сохранилось смутное представление о том, что черт, ко-торый обычно присутствует в вихрях, налетая на курицу, оплодотворяет ее. У курицы от этого зарождается особое яичко, отличающееся своими крошечными размерами. В народи. оно называется «сносок». Заметим мимоходом, что очень старые курицы нередко несут та-кие недоразвитые яйца. Так вот такой именно сносок хозяин дома укладывает себе под мышку и носит его девять дней. Тогда из этого яичка вылупляется маленький чертик. Как существо, высиженное человеком, этот чертик, само собой разумеется, становится покор-ным рабом и слугой своего хозяина, он поселяется в доме и служит его гением-охранителем. В Винницком уезде в народе есть поверие, что такой самодельный домовой имеется доме каждого богатого мужика, который самим своим богатством обязан тому, что

обзавелся таким домовым.

В нашем народе вера в домового держится совершенно неистребимо. Едва ли какая-нибудь хозяйка в глухих деревнях, еще свято хранящих древние предания, не совершает известного обряда перевода домового в новое жилье. Обычно при этом хозяйка большуха затопляет печь в старом жилье, и когда дрова сгорят, она тщательно выгребает весь жар, т.е. все оставшиеся в печи угли в вымытый горшок, торжественно поднимает этот горшок и со словами: «Милости просим, дедушка, на новое жилье!», переносит горшок с углями в новую избу и здесь выпрастывает их в печь. Афанасьев полагает, что из этого обряда явствует огненная натура домового, т.е., другими словами, что домовой был бог огня. Но не правильнее ли было бы заключить, что домовой был божеством домашнего очага, т.е., другими словами, дома вообще, в обширном смысле, потому что выражения «дом» и «домашний очаг» совершенно равнозначны. Упомянем кстати еще и о другом обряде, который описан в известной книге Сахарова: «Сказания русского народа». Обряд этот приурочен к 28-му января, и Сахаров относит его к Тульской губернии. Там существует поверие, что в этот день, т.е. 28-го января. домовой испытывает какой-то странный кризис, его одолевает стремление из духа покровителя превратиться в злого духа. Такая перемена в его настроении и поведении не предвещала бы ничего доброго, потому что тогда в доме и во всем хозяйстве пойдет все навыворот: скотина захиреет, люди расхвораются, припасы испортятся и вообще со всех сторон на двор нахлынут разные напасти. Но такую беду легко предотвратить особым обрядом. В роковой день после ужина хозяйка берет заранее приготовленный горшок каши, ставит его в печь, в загнетку, и обкладывают вокруг горячими углями. Это и есть угощение для домового. Ровно в полночь он выходит из-за печки, достает горшок и ужинает. Эта жертва приводит его в мирное настроение и он по-прежнему целый год, до следующего 28-го января, остается другом дома. Впрочем, в экстренных случаях имеется и более существенные средства для укрощения строптивого домового. Но тут уже приходится прибегать к колдуну. Он приходит во двор ровно в полночь, зарезает петуха, обрызгивает его кровью веник-голик, и им старательно выметает все углы в избе и на дворе. Во все время этой операции он бормочет какие-то заклинания, а главное, старается не упустить времени, потому что обметание должно быть закончено до третьих петухов.

Обыкновенное местопребывание домового — запечный угол или подпечье. Туда и кладут хозяйки маленькие хлебцы, которые выпекают нарочно для домового. Т.к. эти хлебцы, без сомнения, поедаются мышами, крысами и другими вольными жильцами избы, то это угощение и принимает вид жертвоприношения. Положенный под печь хлебец исчез — значит, жертва была принята домовым. В Харьковской губернии это жертвоприношение, по сообщению Афанасьева, приняло еще более внушительный вид. Там некоторые хозяева ставят за вечерей особый прибор для домового и откладывают туда куски и доли всякой еды. Посудина с этой едой оставляется на столе. Потом, когда все в доме уснут, домовой вылезает из своего гнезда, садится за стол и ужинает. Если его аккуратно угощают, то он ведет себя смирно, а если случится, что позабудут оставить ему угощение, то он гневается, поднимает шум, опрокидывает лавки и столы.

В Польше существует поверие, довольно наглядно характеризующее домового, как прародителя той семьи, в которой он живет. Его дух неразрывно связан с родовым жильем, которое он ни в каком случае не покидает. Если случается, что сгорит вся изба дотла, то домовой все же продолжает жить на том месте в уцелевшей от пожара печи. По-видимому, на это же намекается и в русской пословице: «В пустой хоромине либо сыч, либо сова, либо сам сатана».

Тип домового распался на множество разновидностей. Домовой в собственном смысле слова — это жилец самой избы, жилой постройки. Но кроме него есть еще духи банные, гуменные, хлевные, сарайные, конюшенные, табунные и т.д. Домовой банник живет тоже около печки, за ней или под ней, иногда появляется на полке или под ним. В банях его иногда видят, а чаще слышат его голос — хохот, вой, свист. Ввиду наличности в банях такого хозяина, народ избегает мыться в банях по вечерам и особенно по ночам. Банник — существо весьма угрюмое и злобное, гораздо более склонное к тому, чтобы людям пакостить, нежели им благодетельствовать. Днем он еще держится спокойно и не трогает моющихся, но вечером и ночью он желает быть полным хозяином в бане и решительно не терпит никаких посетителей. Люди, посещающие бани по ночам, должны тщательно ограждать свою безопасность крестом и молитвой, в противном случае банник их задавит. Иные хозяева, выходя из бани, оставляют в вей ведро с водой и веник: это тоже своего рода жертвоприношение банному духу; ему предоставляются средства вымыться и выпариться. Гуменные духи, кажется, не так непокладисты, как банные. С ними можно жить в

дружбе и они за доброе обращение хозяина отплачивают обильным урожаем и обмолотом хлеба. Гуменнику приносятся жертвы в виде еды; чаше всего для него готовится яичница, которая в известные дни и ставится на гумне. Если же этого угощения своевременно не преподносят, то гуменник может от злости разбуяниться не хуже банника и тогда спалит весь хлеб на гумне, а пожалуй, и весь двор.

Домовые духи редко показываются людям; если же показываются, то уж ни в каком случае не к добру, а всегда предвещая этим какое-нибудь несчастье. Своим явлением он как бы предостерегает хозяев. В книге Афанасьева передается такое сказание. Встала баба поутру и хотела идти по воду, но ведер, в которых носили воду, она не нашла на обычном месте — они куда-то исчезли. Подумав, что их взял кто-нибудь другой и пошел с ними по воду, баба побежала к речке и там увидела домового в виде маленького старичка в красной рубахе. Стоит он на берегу и ведрами, взятыми у бабы, черпает воду. Увидев бабу, он уставился на нее глазами, которые горели, как раскаленные угли. Баба в ужасе кинулась бежать домой и увидала, что вся их изба уже объята огнем.

Конюшенный домовой — один из самых популярных типов домашнего духа. Его представляют себе старым косматым человечком с конскими копытами и ушами. Конюшенный дух — покровитель лошадей; он о них заботится, оберегает их от болезней. К сожалению, у него среди лошадей бывают, свои любимцы и нелюбимцы. Первых он всячески выхоливает, и они всегда держатся в прекрасном теле, зато вторых ужасно мучит, истязает и доводит до полного истощения. Вера в конюшенного духа часто доходит в народе до такой осязательности, что для него приготовляют даже особое помещение. Так, белорусы в конюшнях и скотских сараях устраивают особенные маленькие ясли и набивают их сеном. Тут, в этом ворохе сена, как предполагается, конюшенник и устраивает свое гнездо. Сено из его яслей считается целебным; его дают, например, отелившимся коровам. В Ярославской губернии существует такая обрядность при лечении заболевшей скотины: приглашают во двор колдуна и то, что он делает, называется отводом на дворе места домовому. С этой целью в углу двора огораживается колышками некоторый участочек и на огороженное место кладут либо пирог, либо хлеб с солью. При этом знахарь произносит особое заклинание, в котором величает конюшенника «родимым батюшкой и кормильцем». Продекламировав это заклинание, он берет жертвенный пирог себе и уносит.

Очень интересны существующие в народе поверия о том, какими способами можно увидеть домового. В Переяславском уезде было записано следующее сказание по этой части. Кто желает видеть домового, тот должен пойти в церковь в страстной четверг, когда читают двенадцать евангелий. Стоя в церкви, не следует ни оглядываться и ни с кем не разговаривать; равным образом, и выйдя из церкви, надо спешить домой тоже ни с кем не говоря и не оглядываясь. Само собой разумеется, что в руках у человека должна быть та самая зажженная свеча, с которой он стоял в церкви; в этой свечке и вся сила. Надо с этой свечкой подняться на хату. Домовой будет лежать на крыше хаты, и тут при свете святой свечки его легко рассмотреть. Кто все это проделал и увидал своего домового, тот прежде всего старается разглядеть его внешний вид, какой он — голый ли или густо покрыт шерстью; в первом случае и хозяин будет голый, т.е. ему предстоит бедность и всякие несчастья, а во втором случае, конечно, наоборот.

После домового самые популярные типы нечастой силы — леший и водяной.

Лешего в разных губерниях вызывают: лесовик, лесовой, лешак, лесник, лесун, а местами даже просто лес. Местожительство лешего — самая глухая лесная трущоба, но иногда также пустырь. Впрочем, этот дух обитает в лесу только в теплое время года. В начале октября он проваливается сквозь землю и зимует где-то в преисподней, а весной снова выскакивает из земли и поселяется в своем старом логове. Перед зимовкой леший обыкновенно беснуется, поднимает бурю, ломает деревья, разгоняет зверей по норам и логовищам. По польскому поверию, леший любит старые сухие деревья, особенно вербы; он часто сидит на этих, деревьях, приняв вид совы. Поляки-селяне избегают рубить такие деревья, чтобы не накликать на себя, рассердив лешего, какой-нибудь беды. По русскому поверию, леший тоже любит старые деревья, но предпочитает седеть в их дуплах. У нас есть поговорка: «Из пустого дупла либо сыч, либо сова, либо сам сатана». Весной леший вылетает из ада в виде птицы и летит к своему лесу, производя по пути вихрь. Вообще шествие лешего сопровождается вихрем; от этого никто никогда не видит следов его ног, потому что он вихрем заметает свои следы. Осенью, когда хлеб сложат в скирды, леший забавляется тем, что раскидывает эти скирды. Такая чертова забава предупреждается особым волшебным обрядом. Хозяин выходит ночью к своим скирдам в вывороченной одежде, е кочергой в руке; он

обводить ей замкнутый круг около всего скирда. Весьма надежным средством против лешего считается также головешка, т.е. обгорелое полено. Находясь в лесу, люди, помня лешего и зная, что его появление всегда сопровождается бурей, старательно избегают всего, что напоминает бурю, например, не решаются свистать. На свист леший того и гляди отзовется и явится в сопровождении вихря.

Лешего чаще всего представляют себе в виде великана, голова которого доходит до вершин самых высоких деревьев. Но с другой стороны, утверждают, что леший всегда приспособляется к местности, т.е., например, идя в лесу, он вытягивается в рост высоких деревьев, а идя по полю, съеживается до высоты травы. Он редко является людям в вещественном образе, он больше пугает только своим свистом и хохотом. Тем не менее, в любой лесистой местности найдется бывалый мужик, который своими глазами видал лешего. Он предстает перед людьми в человечьем образе и в одежде, но зипун на нем никогда не подпоясан в запахивается обязательно левой полой на правую. Иные описывают его, как мохнатое и косматое чудище с козлиными ногами, рогами и бородой.

В иных местах лешего, очевидно, путают с иными демоническими существами. Так, среди белорусов существует вера в разных змиев, которых они называют «цмоками». В числе их есть и лесной цмок, избравший своей специальностью напуск мора на скот, высасывание молока у коров, обеспложивание хлебных полей. Впрочем, до скота леший вообще охотник. У нас на дальнем севере, например, в Олонецкой губернии, народ, благодаря тамошним дремучим лесам, усердно разработал сказания о лешем. Там полагают, что каждый пастух должен принести в жертву лешему какую-нибудь скотину, чтобы он оставил в покое все остальное стадо. В Архангельской губернии верят даже, что если пастух задобрит лешего, тогда тот сам тщательно будет оберегать деревенское стадо.

Часто в одном и том же лесу поселяется несколько леших, и тогда между ними начинается жестокая потасовка за право владения. Лешие ломают столетние деревья, хватают стопудовые камни и швыряются этими метательными орудиями с такой страшной силой, что они летят за пятьдесят верст. Всякий сильный бурелом в лесу народ без обиняков приписывает драке леших. В Архангельской губернии по этой части записано такое сказание. Трое леших поспорили при дележе лесных участков и вступили в драку. При этом двое из них одолели третьего, повалили его, связали да так и бросили в лесу и сами ушли. И вот на связанного лешего случайно набрел какой-то человек. Леший взмолился к нему о помощи, и добрый прохожий распутал его. Леший в благодарность за освобождение подхватил своего освободителя и мгновенно перенес его из лесу прямо в ту деревню, где он жил. Но этого мало. Тому человеку приходилось идти в солдаты. Благодарный леший пошел за него в службу и добросовестно выслужил весь срок верой и правдой.

Разумеется, никому другому в такой мере не существенна дружба с лешим, как охотнику, и пойму повсюду в лесных местностях в народе разработаны приемы умилостивления лешего. Лесной зверь находится в такой же полной власти и собственности у лешего, как домашний скот у людей. При массовых переселениях животных, например, белок па севере, народ всегда толкует эго явление в том смысле, что передвижения зверя совершаются по воле лешего. Так, например, в 1843 году в лесах Ветлужского уезда появилось громадное количество белок, которые, видимо, куда-то двигались всем стадом. В то время местные жители утверждали, что этих белок леший перегоняет из Вятской губернии в Вологодскую. Зачем и с какой целью перегоняет — это тоже объяснялось самыми удовлетворительным образом. Лешие — великие охотники до азартной игры, и ставкой в игре для них служат звери, обитающие в их лесах. Выходило, значит, что вятский леший проиграл вологодскому всю свою белку и перегонял ее из своих владений во владения выигравшего. Кто намерен охотиться на лесного зверя, тот должен прежде всего задобрить местного лешего, ибо если он этого не сделает, то, во-первых, он ровно ничего не добудет, а во-вторых, леший и его самого замотает в лесных дебрях так, что он оттуда и не выберется. Охотники приносят в жертву лешему краюшку хлеба, либо блин, крепко посолив эту снедь; жертва кладется куда-нибудь на пень. Пермяки угощают лешего табаком, который подносят ему в виде пачки листов махорки. Местами вся первая добыча охотника оставляется им в лесу, как умилостивительная жертва местному хозяину. Иной раз прибегают к заговорам перед началом охоты. «Леший обошел» — это ходячее выражение очень характеристично обрисовывает обычную проделку лешего, от которой чаще всего терпят люди. Леший путает идущих через лес, сбивает их с пути и заводит куда-нибудь в самые неожиданные и неприятные места. Для того, чтобы произвести этот морок у путника, леший прибегает к разнообразным штукам. Он, например, переставляет с места на место путевые знаки. Жители лесных местностей обыкновенно направляют свой путь по какому-нибудь приметному дереву. Леший

принимает вид этого дерева и становится где-нибудь совсем в другом месте. В другой раз леший превращается сам в путника или принимает внешность кого-нибудь из знакомых одурачиваемого им человека, заводит с ним разговор и отбивает в сторону от дороги. Едет, например, мужик по совершенно знакомой ему дороге и встречает прохожего. Тот просит его подвезти. Мужик соглашается, прохожий усаживается к нему в телегу и начинает какой-нибудь занимательнейший разговор. И вдруг среди этого разговора незнакомец внезапно исчезает, а простофиля-мужик оказывается увязшим в каком-нибудь болоте. И только по дьявольскому свисту и хохоту, который раздается в то время, мужик заключает, что стал жертвой проделки лешего.

Жизнь лешего народ представляет себе разно. Чаще всего, как кажется, лешего считают существом одиноким и диким, свирепо чуждающимся компании себе подобных. В других местах утверждают, что лешие живут целыми деревнями, строят себе отличные избы и живут в них с женами и детьми. Таким образом, на сцену выступают и лесные демоны женского пола — лесунки, т.е. девицы, и лешачихи, т.е. дамы леших. Главная примета этих существ прекрасного пола заключается в неимоверно огромных и длинных грудях, которые лешачихи должны закидывать за плечи, чтобы свободно ходить и бегать. Как кажется, вера в леших женского пола особенно распространена в Галиции и Польше. В тех местах народ представляет их себе донельзя дикими и злобными существами. Все тело их покрыто волосами. Длинные копны волос развеваются по ветру, когда они бегут. Груди у них такие громадные и длинные, что когда они стирают белье, то вместо вальков выколачивают его собственными грудями.

Известно, что существуют способы для вызывания всякого рода нечистых духов. Можно вызвать и лешего, буде кто пожелает. Для этого следует нарубить молодых березок и разложить их по земле большим кругом, так, чтобы вершины были в середине круга. Затем, войдя в середину этого круга, надлежит с себя сиять крест и громко крикнуть: «Дедушка!», леший сейчас же и явится. Можно поступить еще так. В ночь накануне Ивана Купала (23 го июня) надо пойти в лес и срубить осину так, чтоб она упала вершиной на восток. Потом надо стать на срубленном пне лицом на восток и перегнуться, склонившись так, чтобы можно было смотреть между собственных ног позади себя. В такой неустойчивой позиции жаждущий увидеть лешего должен проговорить: «Дядя леший, покажись не серым волком, не черным вороном, не елью жаровой, покажись таким, каков я!». Леший немедленно является, и тут с ним, если угодно, можно заключить договор, как и с обыкновенным чертом, жильцом адовым. Но о договорах с чертом мы еще скажем пару слов ниже.

Водяной в зароде часто называется дедушкой; положим, так же называют и домового, но к водяному этот эпитет как-то особенно плотно пристал. Водяной называется еще водяник, водяной дедушка, нёжить. Водяной появляется обыкновенно в полной натуре, без всякого туалета. Его представляют себе косматым и бородатым существом, облепленным тиной; борода чаще всего у него бывает зеленая. Из других типов нечистой силы он ладит с лешим, но не ладит с домовым. Многие считают его злее всех других нечистых духов, и его сродство с сатаной признается ближайшим. Обычно водяной, как и леший, в зимнюю пору подвергается спячке, зимуя где-нибудь в глубочайшем омуте. Пробуждается же он 3-го апреля, в Никитин день. В этот день обыкновенно рыболовы угощают своего «дедушку», чтобы задобрить его на предстоящий рыболовный сезон. Местами соблюдается весьма сложный обряд жертвоприношения. Ровно за три дня до Никиты присматривают у цыган-барышников какую-нибудь старую клячу и покупают ее, отнюдь не торгуясь, т.е. беспрекословно давая ту цену, какую запросят. Лошадь ставят в стойло и до отвала кормят самой изысканной пищей, хлебом, конопляными жмыхами. В ночь под Никитин день голова лошади густо намазывается медом с солью, а в ее гриву вплетают множество красных ленточек. Затем ноги несчастной жертвы спутываются веревками, а на шею ей навешивают два старых жернова. Ровно в полночь лошадь приволакивают к реке, и если лед уже тронулся, то вывозят жертву на лодке на самую середину реки и там топят, а если лед еще крепок, то топят ее через прорубь. Старшина рыболовной артели остается на берегу и напряженно прислушивается к шуму воды. По нему он, очевидно, заключает о том, что водяной подплыл, чтобы принять добычу, а те, кто топит лошадь, ждут от старшого особого знака, по которому и бросают лошадь в воду. Бывает и так, что присутствие водяного опытный староста не может уловить ни по каким приметам. Тогда заключают, что водяной не желает принимать жертву или что он перешел на жительство в другое место. И то, и другое, конечно, считается предвестником грядущих неудач промысла. Необходимость же принесения жертвы основывается на том веровании, что водяной просыпается от зимней спячки страшно голодный и злой. Голод и злость побуждают его ломать лед и давить мелкую рыбешку; крупная же рыба сама от него разбегается в разные стороны. И вот, значит, если его в то

время угостить лошадкой, то он, плотно покушав, успокоится и в благодарность за угощение будет стеречь рыбу, не даст ей разбредаться по соседним плесам, а, наоборот, будет ее переманивать в свой плес из соседних. Кроме того, он будет наблюдать и за водой, будет выручать рыбаков в случае бурь и несчастий на воде, будет оберегать невода и другие рыболовные снасти. Голодный водяной дожидается угощения три дня, и именно как раз до Никитина дня. О том же, что он просит угощения, заключают по колыханию воды и по глухому шуму, идущему из-под земли. Если в эти три дня его не угостят, то он обычно переходит в соседний плес, но предварительно на прежнем месте истребляет всю мелкую рыбу и разгоняет всю крупную. После того как лошадь утоплена, староста еще льет в воду масло и при этом приговаривает: «Вот тебе, дедушка, гостинцу на новоселье; люби да жалуй нашу семью». Угостив дедушку, и сами рыбаки после того щедро угощаются, т.е. всю ту ночь напролет пьянствуют.

Когда водяной желает показаться смертным, то он обычно всплывает над водой в виде колеса или в виде бороны. Любимое его местопребывание — это мельница, а на ней водяное колесо. Чаше всего на мельнице живет один водяной, но если мельница многопоставная, то случается, что на каждом поставе живет свой водяной, и тогда, как выражаются белорусы, «всякой чорт на свое коло воду цягнеть». Когда колесо работает, водяной обязательно сидит сверху брызгает водой. Из всего этого, разумеется, неизбежно и логически следует, что каждый мельник должен быть колдуном, иначе невозможно себе представить, каким родом он мог бы орудовать на мельнице, где настоящим хозяином является нечистая сила. И потому он должен ладить с водяным и уметь его задабривать; иначе никакого порядка на мельнице не будет; водяной будет просасывать плотину, напускать паводок, ломать шестерни и кулаки у колес и т.д. Рассказывают про мужиков, которые затевали строить мельницы, не спросись водяного; за такое самоуправство водяной устраивал целый потоп, которым разрушалась вся мельница до основания. При закладке мельницы водяной берет подать, т.е. топит какого-нибудь человека. Но можно предупредить это несчастье, положив зарок на какое-нибудь животное, например, на корову, на свинью. Водяной рано или поздно доберется до обреченного животного и утопит его. Но злые мельники иногда кладут зарок на кого-нибудь из своих недругов-людей, и тогда водяной впоследствии утопит этого человека. Число обреченных жертв сообразуется с размерами мельницы, с числом поставов. Иной раз приходится, значит, положить зарок на несколько голов скота.

Водяной считается и лакомкой, и в то же время пьяницей. В Олонецкой губернии записано сказание, что нечистые духи вообще, а водяные в особенности, любят собираться в кабаках и там бражничают и играют в кости и карты. На этом верование, вероятно, основалось признание водяного покровителем, пчеловодства. Таким образом водяной дедушка разделяет культ пасечников с известными святыми Зосимой и Савватием, считающимися патронами пчеловодства. Иные старозаветные пчеляки собирают первый рой на своей пасеке в мешок и, привязав к нему камень, топят в реке. Водяной за это угощение отплачивает обильным роением и взятком. В самый день святых Зосимы и Савватия, 27-го сентября, пасечники вынимают из улья соты и ровно в полночь отправляются к мельнице и там, произнеся известное заклинание, бросают его в воду. У соседних славян, например, у лужичан, существует еще поверие о каком-то влиянии водяного на урожай хлеба. Утверждают, что водяной является на рынок, причем его можно распознать по мокрому подолу одежды. Он ходит и применяется к ценам на рожь, и если им будет предложена высокая цена, то, значит, урожай того года будет плох и хлеб будет стоить дорого.

Само собой разумеется, что все несчастья на воде приписываются водяному; это он перевертывает лодки, размывает плотины, пугает скотину во время водопоя, завлекает купающихся в опасные места и т.д. В народе передаются тысячи рассказов о злобных проделках водяного. Случается, что он нечаянно попадается в невод, и тогда его вытаскивают вместе с рыбой. Но он при этом разрывает в клочья всю сеть, уходит сам и выпускает всю пойманную рыбу. Иногда водяной строит штуки, чтобы испугать людей и позабавиться их страхом. Видит, например, рыбак, что по воде плывет тело утопленника; рыбак забирает его к себе в лодку, но утопленник мгновенно оживает, вскакивает, разражается дьявольским хохотом и с размаху кидается в воду.

Предполагается, что водяной превосходный пловец и нырок, потому что вода его родная стихия. Но иногда он для передвижения в воде пользуется сомом, на которого садится верхом. Поэтому, где сом водится, как, например, в низовьях Волги, его называют чертовым конем и избегают употреблять в пищу. Однако, пойманного сома не следует бранить, а то водяной услышит, обидится за своего коня и свирепо отомстит обидчику. Случается, что водяной оседлает скотину, зашедшую в воду, например, лошадь или корову; жи-

вотное обыкновенно под нам подламывается и тонет. Чтобы избежать такого несчастья, крестьяне, перегоняя скот через воду, предварительно делают по воде крест ножом или косой. Утопленников водяной страшно давит и тискает, и поэтому-то, как думают в народе, трупы утопленников так раздуты и сини. Иногда среди простолюдинов высказывается твердое убеждение, что если бы не злая воля водяного, то люди бы вовсе не тонули и утопленников бы не было. Рассказывают, что однажды охотник полез в воду за убитой им уткой, а водяной ухватил его за шею и уволок вглубь. Охотнику кое-как удалось отбиться от него топором, но на шее у него остались ясные следы от перстов водяного. В Малороссии ребятишки, собираясь купаться, поют обрядовую песенку: «Чорток, чорток, не ломай кисток! Ты з воды, а я в воду». Задавив человека, водяной вынимает из него душу, которая и поступает в его полную собственность, тело же бросает, и оно потом всплывает наверх. Мы уже видели выше, что по народному поверью души утопленников, вероятно, потому, что они скончались без покаяния и причастия, обрекаются на рабство у чертей; черти делают из них своих батраков, кучеров и т.д.

В юго-западном крае экспедицией географического общества, о которой мы выше упомянули, записаны сказания о разных типах нечистой силы, которые признаются в той местности. Так, например, там народ верует в особого черта скарбныка. Это домашний дух, нечто вроде домового, хотя с известным особым оттенком. Человек заключает союз с чертом, и этот черт поселяется у него во дворе и помогает своему хозяину во всех его делах, а прежде всего, разумеется, в деле приобретения богатства. Присутствие скарбныка в доме обычно обнаруживается при первой попытке что-либо украсть из этого дома. При этом на вора нападает настоящий столбняк. Он не может двинуть ни рукой, ни ногой, ни крикнуть, и стоит так, с украденной вещью в руках, до тех пор, пока не придет хозяин. Значит, скарбныка надо понимать, как сторожевого духа. Утверждают, что люди, которые обзавелись скарбныком, всегда погибают ужаснейшей смертью. Сатана налетает на хату, сопровождаемый целым роем чертей, которые принимают вид черных галок. Сатана торжественно предъявляет умирающему запродажную запись на его душу, написанную кровью, и тотчас вслед за тём выхватывает эту душу. В тот же момент все окна в хате и ее кровля с треском разлетаются во все стороны, словно в хате произошел взрыв.

В том же юго-западном крае веруют еще в лизуна. Этот демон живет в лесу в образе громадного зверя, нападает на людей, проходящих через лес, и пожирает их. Черти, живущие в болотах, болотяныки, заманивают к себе в болото по ночам проезжих и прохожих. Есть еще разновидность болотного демона, называемая «очеретяныком». Один человек (рассказывали в Переяславском уезде) ехал мимо заросли камыша и увидел белого барана. Человек тот взял его к себе на телегу и хотел ехать дальше, но лошади не могли тронуться е места. Чуя тут что-то недоброе, мужик хотел сбросить барана с телеги, но и это ему не удалось. Он бился до самых петухов, а как только раздался петушиный крив, баран сам соскочил с телеги, громко загоготал и ушел.

Среди малороссов распространены еще сватания о так называемых одминках (т.е. — подменышах), вера в которых, впрочем, широко распространена. Подменышем называется чертенок, подложенный чертями бабе вместо ее ребенка, которого у ней крадут. В Ушицком уезде рассказывают, что таким образом у одной бабы черти подменили дитя, она этого не заметила и кормила подменыша, как свое собственное дитя. Чертовское дитя, к удивлению бабы, несмотря на свою страшную прожорливость, совсем не росло. Через несколько времени у ребенка начали на голове расти рога. Баба, все еще ничего не подозревавшая, начала усердно молиться, но это нисколько не помогало. И вот раз, возвращаясь откуда-то с богомолья, она проходила мимо большой заросли камыша. В это время из камыша вдруг раздался голое, говоривший: «Имберес, где ты был?». Чертово дитя, бывшее на руках у бабы, отозвалось на этот голос и отвечало: «У бабы». — «А что ты там делал?». — «Ел и пил». Тогда женщина, шедшая вместе с той бабой, тотчас поняла все и объяснила матери, что это не ее дитя, а одминок, т.е. чертенок, и что его надо бросить в болото. Баба послушалась этого совета, бросила чертеныша, и тот со свистом и гиканьем помчался через камыш, словно вихрь. Рассказывают еще такую историю. Одна баба-повитуха принимала у какой-то женщины и поздно вечером возвращалась к себе домой. Вдруг по дороге ей повстречалась огромнейшая лягушка: «А, провались ты! — вскричала в испуге повитуха. — Должно быть, и тебе скоро понадобится повитуха». И вот в полночь к повитухе явился черт и стал требовать, чтобы она шла с ним к его жене, которая собирается разрешиться. Повитуха начала было отказываться, но нечистый живо сгреб ее в охапку и поволок в лес. И вот в то время, когда повитуха делала свое дело, она вдруг рассмотрела, что чертовкино дитя вовсе ее чертенок, а что это дитя той самой бабы, у которой она принимала в тот день. Черти, значит, уже успели совершить подмен. Повитуха взяла да и воткнула в голову ребенка булавку. Ди-

тя принялось кричать, кричало день, кричало другой, не унимаясь. Чертовка, видя, что с ним нет никакого сладу, велела, наконец, своему черту, чтобы он это дитя отнес к той бабе, а ей бы вернул ее чертенка. Тот так и сделал. Когда черт отпускал повитуху домой, то чертовка сказала ей, чтобы она за труды не брала денег, а брала бы кирпич и угли. Бабка послушалась и черт отсыпал ей целый мешок углей, а затем опять сам отнес ее домой. Когда повитуха дома развязала этот мешок, то он оказался весь полон чистым серебром. Затем повитуха побежала к той бабе, у которой черт подменили ребенка, и выдернула у него из головы булавку. Ребенок немедленно успокоился и его окрестили.

В Проскуровском уезде роженица в колыбель ребенка непременно кладет вместе с ним роговой нож; при том в комнате, где лежит ребенок, следует поддерживать огонь. Если же не принять этих предосторожностей, то явится чертовка и подменит ребенка, положив вместо него своего чертеныша. В той же местности удалось собрать приметы подменыша. У него обычно бывают маленькая голова, длинные уши, тонкие ноги, огромный живот Он страшно обжорлив, так что нет возможности накормить его досыта, а между тем, он то и дело хворает и до семи лет не может ходить. Заметивши подмену, стараются, конечно, сбыть подменыша с рук и вернуть собственное дитя. С этой целью подменыша нещадно порют и выбрасывают куда-нибудь в хлев, вообще в грязное место. Тогда настоящая мать подменыша, т.е. чертовка, увидавши, что с ее чадом обращаются так нехорошо, приносит обратно похищенного ребенка и говорит матери: «На тоби твою дитину; ты над моей збыткуешься, а я твоий ниц не кажу, дывись, яка вона гарна да чиста!».

Есть еще нечистый дух, называемый в южной России перелестником, т.е. прелестником, прельстителем. Обыкновенно он является человеку в образе умершего, которого этот человек любил. Разумеется, чаще всего прелестник является влюбленным молодым людям обоего пола, которые тоскуют о своих возлюбленных. Ему часто удается до такой степени затмить разум человека, что тот вполне поддается обману, видит в прелестнике своего друга, дело доходит до того, что несчастный обольщенный вступает с духом-соблазнителем в любовную беседу, обнимается и целуется с ним и т.д. Такому обольщенному, конечно, в конце концов приходится плохо. Он быстро чахнет и сохнет, а потом и умирает.

Южное сказание о прелестниках сходится с нашим общерусским сказанием об огненном змее, посещающем девиц и женщин. Огненный змей обыкновенно летает по воздуху, и в это время его люди видят. Подлетев к дому своей возлюбленной, он рассыпается искрами и влетает в печную трубу. Но, очутившись в горнице, он мгновенно превращается в доброго молодца красоты несказанной. Девушка, которая удостоилась такого посетителя, влюбляется в него без ума и памяти и весьма быстро чахнет и умирает. Однако, против этого посетителя имеется свое верное средство. Стоит только перед самым посещением змея насыпать в печку, на загнетку, кучку снега, собранного в крещенский вечер. Как только змей начнет спускаться в трубу, то он тут же и сгинет. Такие огненные змеи летают, однако, не к одним только девицам и не с одними только любовными целями. У лужичан, например, существует верование в так называемого «пенежного», т.е. денежного змея. Он точно также летает к своим любимцам в огненном образе, вскакивает в избу через дымовую трубу и приносит золото. Разумеется, такие люди становятся страшными богачами. Но змею надо приносить жертвы; для него ставят в печах молочную кашу, говядину и другую пищу. Все это он и пожирает, спускаясь через трубу ночью, когда в доме все спят. Об этих жертвах отнюдь не следует забывать. Так, в Белоруссии рассказывают, что одному мужику «цмок», т.е. змей, долгое время носил деньги, а тот за это обязан был каждую ночь угощать его яичницей. Скоро мужик разбогател я возгордился и однажды ночью не захотел поставить змею яичницу. Змей, не найдя обычного угощения, возгорелся злобой и на другой же день спалил весь двор мужика дотла, так что тот стал опять таким же нищим, как был раньше.

Теперь перейдем от самих чертей к их верным союзникам: ведьмам и колдунам. По этой части довольно обширный материал мы находим в сборнике географического общества. Это и понятно. Верование в ведьм на юге России удержалось несравненно крепче, чем на севере. Недаром же возникло наше летучее слово: ведьма киевская.

Определить понятие о ведьме очень легко. Ведьма — это баба, связавшаяся с дьяволом и посему устремляющая всю свою деятельность во вред людям. Ведьмы бывают либо естественные, либо искусственные, т.е., ведьма может появиться на свет или же родившись на свет совершенно нормальной женщиной, может стать ведьмой впоследствии. У врожденных ведьм есть примета, вполне их изобличающая, — хвост. Сначала этот придаток бывает величиной не больше пальца, но впоследствии, особенно если ведьма усердно занимается ведьмовством, хвост у нее отрастает и делается такой, как у собаки. Надо еще разъяс-

нить, что прирожденные ведьмы, «родимые», как их называют хохлы, считаются существами далеко не столь вредными, как ведьмы «ученые»; при том же родимые ведьмы, в сущности, ни в чем неповинны сами по себе, ибо родятся они такими на свет потому, что были либо прокляты, либо заколдованы в то время, когда были еще в утробе матери. Иное дело ведьма ученая. Эта сделалась ведьмой по собственной злой воле с очевидной целью делать зло людям. Родимая же ведьма иногда и вовсе пользуется своими врожденными талантами или если и пользуются, то несравненно умереннее, нежели ученая.

Обычный талант ведьм, — это прежде всего способность превращаться, перекидываться во что угодно — в собаку, кошку, птицу. Главным же образом их деятельность сводится к доению чужих коров, задержанию дождя, управлению бурями и ветрами. Иные сосут кровь у людей, и в этом отношении сходятся, следовательно, с упырями. Какими способами ведьмы проделывают все эти свои штуки, о том доподлинно никому неизвестно. Подсматривать же за ними в высшей степени опасно, потому что у того, кто хоть чуть-чуть проникнет в их тайны, они высасывают кровь, и любопытный человек быстро погибает.

Однако, по общему убеждению, ведьмы, отправляясь из дому по делам, поступают таким манером. Раздевшись, они намазывают все тело какой-то мазью, потом ставят в печку горшок с какой-то жидкостью. Когда эта жидкость разогреется, от нее начнет валить густой пар, поднимающийся через трубу. В эту минуту ведьма схватывает кочергу или помело, садится на него верхом; пары, идущие из горшка, подхватывают ее и выносят через трубу. С этого момента ведьма может перекидываться во что хочет, может носиться под облаками, переменять ветер, задерживать тучи и т.д. Для того, чтобы в их деятельности был известный порядок, они время от времени собираются на совещание под председательством ведьмака, о котором мы еще скажем ниже несколько слов. Эти собрания, очевидно, и есть не что иное, как шабаши; по крайней мере времяпрепровождение на них совершенно то же самое, которое мы описали, когда шла речь о шабашах заграничных ведьм. В Литинском уезде рассказывают, что ведьмы на своих собраниях предаются игрищу, напоминающему бой мечами, и потому, отправляясь на шабаш, они захватывают с собой конопляные мялки. Этими мялками они и дерутся между собой.

В том же Литинском уезде записан рассказ, содержание которого очень напоминает случай, описанный в известной балладе Пушкина, отрывок из которой мы привели выше. В этом сказании героем является тоже солдат, квартировавший у ведьмы. Солдат замечал, что его хозяйка по ночам куда-то исчезает, а к утру возвращается совсем усталая. Однажды он, подстрекаемый любопытством, подсмотрел, что она делает, и увидал, как она намазывалась мазью, кипятила жижу в горшке и как улетела в парах этой жижи через трубу. Солдат проделал над собой то же самое и помчался на шабаш. Сначала, испугавшись, он спрятался за камень, но когда ведьмы начали между собой обычную битву мялками, это зрелище его подзадорило, и он, выхватив свой тесак, сам кинулся в битву. И случилось так, что в пылу драки отрубил палец у своей хозяйки. Но та, конечно, узнала его и в наказание за любопытство высосала из него кровь, так что солдат умер.

Доение чужих коров, как известно, одно из главнейших злодейств ведьмы. Мы видели, что ведьмы иноземных сказаний тоже этим по преимуществу занимаются. У нас на юге полагают, что для того, чтоб овладеть чужой коровой, ведьма ее доит либо на Благовещенье (25-го марта), либо на Юрьев день (23-го апреля), либо в первый день Пасхи. Если ей это удастся — дело кончено: корова после того хозяевам уже не дает молока. Волшебный же способ доения, по воззрениям нашего народа, очень похож на описанный нами в иноземных сказаниях. Ведьма у себя дома пробуравливает где-нибудь в столбе, косяке или в стене дырочку в держит ее заткнутой; а когда ей надо молока, она вынимает из дырочки затычку, произносит заклинательное слово, и молоко струей течет из дырочки в подставленную посудину. Но туго приходится ведьме, если ее при первом доении застанет хозяин коровы, особенно если у него есть собака первак. Под таким названием известны те верные псы, кавалеры, появляющиеся на свет от первородящей суки, которая в свою очередь была первым потомком также первородившей матки. Перваков иначе называют ярчуками. Так вот эти-то псы и обладают способностью видеть ведьм, безошибочно чутьем различать их от обыкновенных баб. Ярчуков, если генеалогия их добросовестно прослежена, берегут пуще зеницы ока, хотя трудно бывает их уберечь. Черти в свою очередь отлично знают их талант в распознавании ведьм, и потому в собственных интересах жильцы адовы стараются удавить ярчука; а он вполне в их власти до годового возраста. Правда, зато потом, когда ярчуку уже минул год, с ним черти ничего не могут поделать, он вне их власти. Так вот, если такая собака застанет ведьму в то время, когда она явится во двор доить корову в первый раз, то непременно ее загрызет, если только ведьма не успеет оборотиться вовремя в птицу и улететь.

Ведьмы, говорят, часто появляются на перекрестках дорог, там, где ставятся кресты и часовни;1 ёё с этих мест ведьмы скрадывают звезды; для этого им надо залезть на крест, но непременно вверх ногами.

Существует прием для того, чтобы видеть ведьм. Кому придет такое желание, тот должен отправиться в церковь в великий четверг, когда читают страсти. Но еще задолго до того, именно в заговенье перед великим постом, надо взять кусочек творога, положить его себе под язык и продержать его так целую ночь. На другой день этот сыр завязывается в пояс и носится на себе весь пост; вот, повязавшись этим поясом, и идут в церковь на четверговые евангелия. Войдя в церковь, человек, так подготовленный, сразу же и увидит всех ведьм не хуже ярчука. И они, в свою очередь, мгновенно его распознают, подойдут к нему, будут его умолять, чтобы он выкинул из пояса тот сыр, будут грозить, но он, конечно, не должен уступать.

В Литинском уезде записан любопытный обряд посвящения ведьмы. Старая ведьма дает своей ученице кусок творога и сама берет кусок и ведет ее к колодцу. Она велит ученице раскрошить творог, бросить его в воду и смотреть. Ученица смотрит и ничего не видит особенного. Тогда ведьма крошит свой кусок и бросает крошки в воду колодца. И тотчас же на творог со всех сторон набегают гады и чудища, хватают его. Тогда ведьма, указывая на это своей ученице, говорит ей, что коли она хочет быть ведьмой, то должна знать, что ее душу точно также черти разорвут на том свете. Если ученица этого не испугается, тогда ведьма начинает ее обучать всем тонкостям искусства.

Иные хозяева, заметив пропажу молока у своих коров, начинают сторожить их по ночам, и им удается укараулить ведьму, поймать ее с поличным. Но заметив, что ее открыли, ведьма сейчас же пропадает из глаз. Один из таких хозяев (рассказывают в Ковельском уезде) видел, как ведьма ночью доила его корову, и хотел на нее кинуться, чтоб ее поймать, но она мгновенно обратилась в лягушку. Мужик бросился на гада с топором и ему удалось обрубить у него лапы. На другой день у бабы, которую все считали ведьмой, оказались руки отрубленными.

Ведьму можно поймать, но для этого надо на нее накинуть шнур из новых, еще не надеванных шаровар. Этот «очкур», как его называют хохлы, надо освятить вместе с пасхой во время светлой заутрени и с ним караулить ведьму в скотном хлеву. Как только она войдет, надо ей накинуть очкур на шею и держать крепко, не обращая внимания на то, что она будет перекидываться и в кошку, и в собаку, и в птицу, и т.д. А потом уже можно с ней и расправиться по-свойски.

Есть особые люди, так называемые «видьмаки», которые обладают способностью видеть и содного взгляда различать ведьм. Сами по себе видьмаки безвредны и не злобны; напротив, они стараются оберегать людей от ведьм. Но видьмак все же не выдает ведьм, он только как бы командует над ними, председательствует на их собраниях и направляет их деятельность так, чтобы от нее было людям наименее нехорошо. По-видимому, после своей смерти видьмак обращается во что-то вроде упыря, т.е. вампира.

Кстати, в сборники географического общества о вампирах записано очень немного сведений, хотя наш юго-западный край непосредственно соприкасается с тем поясом, где сказания о вампирах хранятся во всей силе. Но Афанасьев в своей книге относится к этому верованию с большим вниманием. По его словам вера, в упырей у нас распространена в Малороссии и у белорусов. Хохлы утверждают, что упырь, родится от связи оборотня (вовкулака) или просто самого черта с ведьмой. Делают они то же, что и заграничные упыри, т.е. встают по ночам из могил и высасывают кровь у живых, охотнее всего у детей. В Харьковской губернии народ утверждает, что упыри по ночам летают по воздуху и скачут на конях, причем кричат и шумят и пугают путников. Если упырь уже долго лежит в могиле и начинает коченеть, так что не в силах владеть руками, то у него еще остаются зубы, крепкие, острые, как стальные клинья и упырь орудует ими, потому что они сокрушают всякие преграды. Если упыря во время его пиршества, т.е. сосания крови, застигнет последний петушиный крик и он не успеет вовремя скрыться, то он тут же падает замертво, весь залитый кровью.

В Тамбовской губернии было записано такое сказание. Ехал мужик ночью домой и повстречал человека в красной рубахе и новом полушубке. Путник попросил подвезти его и приехал вместе с мужиком в деревню. Начали они подъезжать к воротам разных дворов.

Мужик видит, что ворота открыты, а путник говорит, что заперты. Это потому, что на тех воротах были кресты. а путник был упырь и не мог пройти в ворота с крестом. Но вот подходят они к одной избе. Ворота у ней на запоре и на них висит огромный замок, но креста нет. И ворота вдруг сами собой отворились. Вошли в избу, где спали старик и молодой парень. Спутник мужика взял ведро, поставил его около парня на полу и ударил парня в спину. Тотчас из спины полилась прямо в ведро алая кровь. Упырь нацедил полное ведро и выпил его одним духом. Потом также «подоил» старика, а утолив аппетит, позвал мужика, который его вез: пойдем, дескать, ко мне. И в тот же миг оба очутились на кладбище. Упырь уже облапил мужика и хотел его втащить в могилу, да по счастью как раз в это время запел петух, и мертвец сгинул. А на утро те люди, старик и парень, оба умерли.

Как люди делаются упырями? Болгары полагают, что в трупы людей, худо живших, вселяется дьявол, и они становятся упырями. В России верят, что труп становится упырем, если через него перепрыгнет кошка. Поэтому в народе покойников зорко оберегают и не впускают туда, где они лежат, кошек. Местами, если разносится молва, что в дом начал ходить упырь, то в тот дом на ночь собирается вся родия, и двое мужиков по очереди, не смыкая глаз, караулят вампира до петухов. Если кто-нибудь из спящих ночью начинает беспокойно метаться и храпеть, то заключают. что его давит вампир. Тогда караульные всёх поднимают на ноги, и люди принимаются ловить упыря. Опытные люди знают какой-то заговор, силой которого упырь, пойманный на месте злодеяния, приглашается влезть в узкогорлую посудину. Как только он туда влез, посудину затыкают и несут упыря на пустырь, где зажигают огромный костер из дров и дерна. Когда посудина с упырем, ввержeнная в это огнище, с треском лопнет, то публика и успокаивается, что вампир сгорел.

Упырей путают с оборотнями, людьми-волками. Говорят, что в таком виде, т.е. в виде волка, упыри часто бродят по ночам; в таком же виде они нападают на женщин и вступают с ними в связь; от этой связи родятся дети, обладающие характеристической особенностью — отсутствием хряща в носу. Тем же отличаются и вукодлаки. Такое чадо, конечно, само потом обязательно будет вукодлаком или упырем. Люди, рождающиеся на свет в сорочке и с зубами, возбуждают у простонародья сильное подозрение. Утверждают, что такие люди после смерти остаются румяными и лежат с открытым левым глазом.

Все прочее, что на Руси рассказывают об упырях, почти вполне совпадает с приведенными у нас выше иноземными сказаниями.

Колдуна очень трудно. отграничить от ведьмы, если откинуть между ними только половую разницу. Оба — слуги нечистого. вступившие с ниш в договор, получившие от него в дар волшебную силу и за это уступившие ему свою душу. Колдун, ведун, чародей, кудесник, волхв, колдунья, ведьма, вещая женка, волхитка, кудесница — все это в сущности, одно и то же. Южане пытаются, однако, установить различие в типах колдунов. У них знахарем называют специалиста, отгадывающего будущее по картам и звездам; чаривником — того, кто дьявольской силой творит всяческие пакости людям; ворожбитом — того, кто лечит волшебными средствами. Есть еще у них характерники — это колдуны, знающие заговоры решительно на все случайности и опасности, так что такой человек ничего на свете не боится. Такого человека можно убить лишь серебряной пулей, над которой отслужено двенадцать обеден. К злодействам и козням колдунов нам еще придется возвратиться в главе о процессах против ведьм и колдунов, обзор которых мы сделаем в конце следующего отдела. Теперь скажем еще кратко о разных второстепенных духах, имеющих общие черты с нечистой силой. На севере и в Сибири распространено верование в кикимор. Это шаловливые домашние духи-карлики. По происхождению своему — это дети, проклятые родителями еще во время утробного существования. Кикимора живет за печкой и днем сидит тихо, а по ночам носится по дому, роняет мебель, шумит, стучит, воет, в проходящих мимо кидает, что попадет под руку. Кикиморы считаются еще добрыми пряхами. Это что-то вроде наших доморощенных эльфов. Колдуны умеют их заговаривать и изгонять из жилищ.

Подобное же происхождение, т.е. проклятие в утробе матери, приписывается русалкам, о которых находим лишним распространяться, в виду их широчайшей популярности. Хохлы веруют еще в особых морских русалок, которых называют мемозинами (сказание записано в Проскуровском уезде). Это полу-рыбы, полу-девы, отличнейшие певуньи, по каковому признаку и надлежит заключить, что хохлы переделали в мемозин классических сирен.

Вихованцем хохлы называют духа, выношенного из яйца «зноска» в продолжение девяти дней под мышкой. Мы уже упоминали, что таким путем добывается хозяином свой

собственный домовой.

Малороссы очень недолюбливают повесившихся и считают их детьми дьявола. В доме, где человек повесился, неохотно живут, бросают такие жилья, предоставляя им разрушаться от времени. Висельники способны превращаться в упырей, и потому их хоронят, предосторожности ради, пронзив осиновым колом.

Не можем пропустить без внимания и нашу знаменитую сказочную героиню, бабу-ягу, костяную ногу. Это существо, несомненно, демоническое. Баба-яга, громадная старуха, страшная, грязная, черная, растрепанная, длинноносая. По нашим сказаниям, она ездит в ступе, погоняя ее пестом и заметая след помелом; белорусы же представляют себе бабу-ягу ездящей по поднебесью в огненной ступе с огненной метлой в руке. Эти огненные черты в изображении и дают повод Афанасьеву видеть в бабе яге грозового духа; это, впрочем, его любимая мысль, которой он нещадно злоупотребляет. Любопытно то, что во всех греческих сказаниях, по содержанию одинаковых е нашими сказками, то, что в этих последних приписано бабе-яге, в греческих отнесено к ламии либо к дракону, т.е. к баснословному змей. Баба-яга артистически распознает «русский» дух, т.е. запах человеческого мяса, что и неудивительно, т.к. она людоедка. Еще любит она женское молоко и эта черта сближает ее с ведьмой. В одной сказке она сосет белые груди красавицы, которая от этого едва не погибает; братья этой красавицы, богатыри, заставляют бабу-ягу указать им колодец с живой водой, и этой водой исцеляют сестру. Баба-яга — существо по преимуществу злобное, но, однако, в некоторых сказках она выступает как покровительница героя, предупреждает его об опасностях, снабжает волшебными предметами, оружием, конем, дает ему ковер-самолет, указывает путь и т.д.

Можно думать, что все болезни народ связывает с нечистой силой, считая ее вообще подательницей всяческих зол. Заразные и во-вальные болезни народом непосредственно олицетворяются. Особенно пышна поэзия лихорадок. Обычно их представляют в виде девяти или двенадцати дев. Старшая из них только командует, повелевая своим сестрам, нападая на людей, «тело жечь и знобить, белы кости крушить». Они настоящие жилицы адовы, там обычно и живут, но 2-го января зима гонит их из ада, и, очутившись на морозе, они забираются в теплые избы и там нападают на «виноватых», т.е. людей, нехорошо себя ведущих. В названный опасный день старухи обмывают двери жилых изб с особыми заклинаньями, препятствующими лихорадкам переступить через порог. Старшая сестра неимоверно зла и сильна; она прикована к железному стулу железными цепями; если она сорвется с цепей и нападет на человека, то его смерть неминуема.

Лихорадка ночью кличет человека по имени. Если он отзовется, она сейчас же в него и вселяется. Иногда, что, без сомнения, особенно коварно с ее стороны, она превращается в какую-нибудь соринку и примешивается к пище; человек, ничего не подозревая, глотает ее и становится ее жертвой. Любопытно, что если эту соринку различат, распознают, что это лихорадка, то ее можно погубить, бросить в огонь, и она сгорит. В Тульской губернии записано поверье, что из девяти сестер-лихорадок шесть уже таким путем сгублены, значит, их остается на свете всего три. Чехи тоже веруют, что прежде было сто лихорадок, но одна из них сгибла, потому что заползла в кусочек хлеба, намоченный в молоке. Тут люди ее распознали и заточили в свиной пузырь; она в нем металась, металась и задохлась.

У нас в народе ходит по рукам список заговора против лихорадок, в котором все двенадцать сестер-лихорадок перечислены поименно и характеризованы по роду причиняемых ими болезненных явлений: 1) трясея, 2) огнея, 3) ледея или озноба, 4) гнетея (гнетет, лишает аппетита, ослабляет), 5) грынуша (причиняет хрипоту, кашель), 6) глухея или глохня, 7) ломея, костоломка, 8) пухнея (причиняет отеки), 9) желтея, желтуха, 10) коркуша или корчея (причиняет судороги), 11) глядея (не дает спать), 12) огнеястра или невея самая старшая, злая и губительная. Это та самая плясавица, т.е. Иродиада, ради которой была отрублена глава Иоанна Крестителя.

У южан лихорадка олицетворяется в образе молодой красавицы, которая обладает способностью претворяться в воздух. Человек, который вдохнет этот воздух, и заболевает лихорадкой. В Литинском узде записано такое сказание. Ехал мужик по дороге и увидал двух девиц-лихорадок, которые, не замечая его, вели разговор, подслушанный мужиком. Одна говорила, что пойдет к богатому барину, который очень любит пить дорогое вино, с этим вином он, дескать, меня и проглотит. А другая сказала, что пойдет к бедняку, и при этом назвала того самого мужика, который с ними встретился. Этот мужик, как только войдет в хату, сейчас и крикнет жинке, чтоб она варила ему галушки; с первой же галушкой

лихорадка и намеревалась внедриться в его утробу. И вот, приехал мужик домой, и ему в самом деле крепко захотелось поесть галушек. Но когда жена, изготовив их, подала, он первую галушку есть не стал, а быстро кинул ее в кошель, да и завязал, а потом мешок повесил в трубе, чтобы лихорадка задохлась от дыму. Долго висела лихорадка в дыму и коптилась и все эго время люди не болели лихорадкой. Но мужика мучило любопытство: что делается с его пленницей, жива ли она или задохлась? И вот он, чтобы взглянуть на нее, развязал кошель, а лихорадка и выпорхнула, в опять начала ходить по людям и мучить их.

Чума, которая местами называется черной смертью и вообще мором, представляется обычно в виде огромной женщины с растрепанными волосами; одежда на ней то вся черная, то вся белая. Южане же ее представляют себе в образе богатой барыни, которая ездит в дорогой карете, запряженной шестеркой белых коней. Говорят, что, подъехав к хате, она спрашивает: «А чи е чума у доми?». И если жильцы, по оплошности, ответят, что нет, то сейчас же и заболевают чумой. Чтобы обмануть чуму, надо вынуть оконные рамы, будто хата брошена, никто в вей не живет. Чума страшно богата. Посетив местность, она нарочно разбрасывает по дороге и по улицам разные дорогие вещи; люди, конечно, соблазняются находкой, поднимают ее, а она уже заражена чумой, и кто поднимет ее, тот заболеет и умрет.

Холера, та, наоборот, по воззрению хохлов, совсем нищая баба, ходящая из деревни в деревню в одной рубахе с распущенными волосами. Она все плачет и воет, и где ее голос услышат, там и начинается эпидемия.

Вернейшим средством против всяких повальных болезней, людских и скотских, считается любопытный обряд опахивания. Задача состоит в том, чтобы вокруг всего жилого места, например, деревни, провести плугом борозду с сомкнутыми концами. Таким манером все место окружается волшебным кругом, через который невозможно переступить вражьей силе. Обряд совершается с общего согласия жителей и обычно обсуждается и решается на мирской сходке. Заведует церемонией пожилая баба, богатая опытностью во всяких свычаях и обычаях. Вообще в деле участвуют только одни женщины, мужчины исключаются совершенно, и во все время опахивания должны сидеть по домам, наглухо запершись. Точно также запирают и всех домашних животных.

Ровно в полночь баба, заправила обряда, выходит в одной рубахе на околицу и с диким воплем стучит в сковороду. Это призывной сигнал. По нему все взрослые женщины деревни, девушки и замужние, выбегают из дворов, вооруженные всевозможными хозяйственными снастями — ухватами, кочергами, косами, серпами, метлами иди просто дубинками. В ту же минуту повсюду затворяют ворота, запирают наглухо скотину в хлевах, привязывают собак, и сами остающиеся дома мужики запираются в избах.

Между тем, все женское население деревни собирается на околице. Приволакивают и плуг или соху, которыми совершается опахивание. Лишь в немногих местностях, например, в Волынской губернии, в плуг впрягают волов, повсюду же в других местах плуг волокут сами же бабы. Обряд начинается с того, что заправила произносит, сняв с себя рубаху, грозное проклятие смерти. Затем бабы подтаскивают соху, надевают на заправилу хомут и впрягают ее в соху. Другие пособляют ей, и таким образом совершается троекратное обхождение сохой всей деревни. Вся толпа женщин, сопровождающая соху, вооружается пучками зажженной соломы; вся эта публика во все горло кричит, пляшет, кривляется, размахивает по воздуху теми снастями, какие кто захватил, хлопает кнутами. Иногда всем хором войт особую заклинательную песнь; в ней говорится о каких-то котлах, в которых «горит огнем негасимым всяк живот поднебесный», о старцах, которые стоят около тех котлов и судят всему миру «животы долгие», причем «на злую смерть кладут старцы старые проклятьице великое».

Существуют любопытные местные особенности обряда опахивания. Носят, например, иконы Богоматери, святого Власия, покровителя скота (если опахивание ведется против скотского падежа), святых Флора и Лавра (патроны коней). Тут видно стремление устроить из опахивания что-то вроде молитвенного обряда; но с этим стремлением самым странным образом не вяжется раздеванье чуть не до нага, неистовый рев и пляс и вся вообще языческая обстановка обряда.

В Курской губернии в соху при опахивании впрягают бабу-неродиху, т.е. бесплодную. Правит сохой девица, порешившая не выходить замуж; а сзади сохи идут вдовы и сыплют, как бы сеют во вспаханную борозду песок. «Когда песок взойдет, тогда и смерть к

наи зайдет», поют при этом участницы обряда.

В Воронежской губернии для опахивания избирают девять девушек заведомо безупречного поведения, трех вдов самого дородного телосложения и одну беременную бабу. Девиц запрягают в соху, правят вдовы, а баба идет впереди с образом. Все поют обрядовую песню: «Выйди вон из села, мы идем девять девок, три вдовы с ладаном, со свечами, с Божьей Матерью!».

Все живое, попадающее на пути процессии, нещадно предается смерти, будь то зверь, птица, человек. Коли попалось животное, то это, очевидно, оборотень; болезнь превратилась в зверя, птицу, чтобы спастись от преследователей, или с такой же целью приняла вид своего деревенского мужика. По этому-то мужики во время опахивания сидят дома. Сошник при опахивании располагается так, чтобы отваливал землю в сторону, противоположную селению.

В заключение передадим еще русские сказания об оборотнях, которые у нас, судя по массе россказней, гораздо популярнее, нежели заграницей.

Колдуны, чертовы слуги, равно как и ведьмы, прежде всего запасаются от нечистого талантом превращения во что угодно, смотря по обстоятельствам и по надобности. Колдуны чаще всего превращаются в волков, ведьмы — в сорок. Вообще сказания о волках-оборотнях как-то путаются с сказаниями о самих волках и их вожаке. У волков есть пастырь, и в народе таковым считают то Егория Храброго, то лешего; очевидно, эту путаницу произвело столкновение старого язычества с христианством; народ не очень-то охотно разлучается с старыми богами. Белорусы считают волчьим пастырем Полисуна, т.е. лешего. Такие сказания есть у других славян. Волчий пастырь либо принимает вид старого деда, либо сам обращается в волка и тогда рыщет по лесам, нападает на скот. Пастырь собирает волков и распределяет между ними добычу, указывает каждому волку, какую скотину он может зарезать; и животное, обреченное в жертву, уже не избегнет своей участи. Белорусы стараются задобрить волчьего старосту Полисуна, принося ему в жертву молоко.

Злые люди превращаются в оборотней самим чертом. Он, например, является ночью к нечестивой бабе, подает ей волчью шкуру и велит надеть; как только она ее надела, она превращается в волчицу, и с тех пор ей овладевает волчий нрав; с той поры она по ночам рыщет волчихой, а к утру снова обращается в бабу. Шкура, принесенная чертом, и служит ей для этого превращения; поэтому она ее тщательно прячет и бережет, и всегда, где бы ни была, чует, если к шкуре прикоснется кто-нибудь другой. Так, у хорватов есть сказание, что один человек нашел в пещере, на которую случайно набрел, волчью шкуру; он развел огонь и бросил в него шкуру. И вдруг откуда-то с отчаянными воплями прибежала баба, кинулась прямо на огонь и хотела выхватить из него шкуру. Но та уже сгорела, а вслед за ней и баба была подхвачена огнем и расплылась в дыму.

В большом подозрении у народа находятся кошки, и особенно черные. Чехи, например, полагают, что кошки этого цвета — просто-напросто черти; из каждой черной кошки через семь лет делается ведьма, а из черного кота — дьявол. Этим и объясняется, почему колдуны и ведьмы всегда держат у себя черных кошек. Это — черти-оборотни, которые им пособляют во всех делах. По русскому поверью черт входит в кошек и собак во время грозы.

Ведьма всего охотнее превращается в сороку. У нас в западной Сибири всякая сорока, стрекочущая, сидя на крыше, и особенно на трубе, после заката солнца, считается «вещицей», т.е. ведьмой. Как известно, Марина Мнишек была ведьма, и потому в ту ночь, когда в Москве началась смута во времена самозванца, она оборотилась сорокой и улетела из царского терема Олонецкой губернии рассказывают, что однажды мужик поймал сороку за хвост; она вырвалась и улетела, а в руках у мужика осталась женская рубаха. Афанасьев приводит любопытный отрывок из записок нашего историка Татищева: «В 1714 году, — пишет он, — заехал я в Лубны к фельдмаршалу графу Шереметеву и слышал, что одна баба за чародейство осуждена на смерть, которая о себе сказывала, что в сороку и дым превращалась, и оная с пытки в том винилася. Я хотя много представлял, что то неправда и баба на себя лжет, но фельдмаршал нимало мне не внимал». У нас в народе говорят, что в прежнее время в Москву налетало множество ведьм в виде сорок. И вот, когда однажды какая-то из этих сорок утащила частицу причастья, митрополит Алексей проклял сорок, запретил им приближаться к первопрестольной, и с тех пор в Москве сорок нет.

Любопытны южные наши сказания об оборотнях, занесенные в упомянутый выше сборник географического общества. В Ушицком уезде существует поверье, что колдуны производят превращение посредством какой-то заколдованной веревки. Они ее накидывают человеку на шею, он немедленно обращается в волка иди иное животное и остается оборотнем, пока веревка как-нибудь сама не порвется иди кто-нибудь ее с околдованного не снимет. Рассказывают, что какой-то паныч влюбился в девицу, но не мог на ней жениться, а женился на другой. А мать той девицы, первой, была колдунья; она, улучив удобную минуту, и накинула ему на шею околдованную веревку, и он сейчас же обратился в волка и убежал в лес, и жил там полтора года. И вот однажды, по указанию волчьего пастыря, он забрался в хлев, но не хотел резать ту овцу, которую ему назначил пастырь, а начал выбирать другую, пожирнее. Испуганные овцы подняли крик и стук; прибежали хозяева взглянуть, отчего овцы беспокоятся. Оборотень бросился было бежать, да как раз и зацепился веревкой за что-то и порвал ее, и тотчас стал человеком.

В Луцком уезде рассказывают, что колдун, желая перекинуться во что-нибудь, несколько раз кувыркается через голову. Там же верят, что есть люди, которые оборотня могут превратить вновь в человека. У таких людей имеется особая скатерть, которая должна три года подряд покрывать стол в Пасху. Эту скатерть расстилают на земле и гоняют подозреваемого оборотня, например, волка, так, чтобы он три раза перескочил через эту скатерть, и после третьего скачка он превратится в человека.

В той же местности рассказывают, что какая-то баба бросила в воду родное дитя, приговаривая при этом: «Будь же ты три года раком». Через три года после того пошла девчина за водой и вытащила этого рака, и тот сказал ей человечьим голосом, что он превращен в рака своей матерью.

ОТДЕЛ ТРЕТИЙ
Расправа с ведьмами и колдунами в Средние века

I. ОТНОШЕНИЯ К ЧАРОДЕЙСТВУ В ДРЕВНЕМ МИРЕ

Чародейство, т.е. обладание сверхъестественной силой, как бы и чем бы она ни проявлялась, существовало в самые отдаленные времена, и, кажется, решительно у всех без исключения народов. Чародею всегда и всюду приписывалась способность повелевать какими-то бесплотными силами, и с их помощью угадывать и предсказывать будущее и вообще действовать «рассудку вопреки и наперекор стихиям». Если такие противоестественные вещи совершались при пособии и посредстве господствовавшей религии, то в них, конечно, не усматривалось ничего зазорного. Таковы были деяния авгуров в Риме, Пифии в Дельфах, и т.д. Равным образом такие вещи как изгнание демонов посредством экзорцизмов в христианской Европе, чудесные исцеления, заклинания вредных животных, тоже никак не могли идти вровень с колдовством, а напротив, противополагались ему. Колдовство принимало свое злодейское обличие лишь в том случае, когда кудесник прибегал к помощи сил, прямо враждебных царящим в данное время божествам. Мы уже раньше отмечали эту черту: боги старой веры делались демонами новой веры. Колдовство можно бы определять как отступничество от новых богов в пользу старых. И эту черту во взглядах на колдовство можно проследить с древнейших времен. Так, когда в Индии водворилась браминская вера, в народе еще жили верования в прежде царивших богов, ракшей. В Ведах мы находим упоминания о злых волшебниках, ятудхана; и что же им вменялось в злодейство? А не иное что, как содействие ракшей, к которым они прибегали в своих чарах. Что же совершали ятудхана?

Да то же самое, в чем обвиняли и за что сжигали живьем средневековых европейских колдунов и ведьм: вредили своим недругам, истребляли жатву, губили домашний скот; выделывали особые амулеты, т.е. заколдованные снасти, посредством которых все эти злодейства и совершались, ни дать ни взять как наши колдуны с своими наузами, приворотными зельями в т.п. И, как и в Европе, в Индии были свои противучары, разрушавшие колдовство. Та же история у древних евреев. По их учению, чудеса можно было творить не только силой Иеговы, но и силой элоим ашерим, т.е. буквально «других богов». Об этих лжечудесах, между прочим, идет речь при описании известных казней египетских. Из этого свидетельства и из других мест Библии и древних еврейских писателей видно, что магия особенно процветала в древнем Египте. Чарльз Лие, по знаменитой книге которого («История инквизиции в Средние века») мы составляем этот отдел, приводит свидетельства европейских авторов, утверждавших, что на десять долей магического искусства, каким обладают народы земли, девать долей отдано Египту и его знаменитым в древности хакамамам. И как раз в том же Египте, сколько известно, отмечен первый во всемирной истории судебный процесс по поводу колдовства. Это было за 1 300 лет до Р.Х. Этот процесс весьма наглядно характеризует взгляды на колдовство в древнем Египте. Надо заключить, что колдовство само по себе в преступление не вменялось; кто желал им заниматься, тому закон этого прямо не запрещал; преследовалась только цель колдовства, если она клонилась кому-нибудь во вред. Колдовство было орудием преступления, но не преступлением. Подобно тому, как оружейному мастеру, совершившему убийство им самим выделанным мечом или копьем, не было бы поставлено в вину, что он занимается выделкой оружия, так и колдуну никто не ставил в вину занятия волшебством, а судить его можно было лишь за совершенное им преступление, все равно каким бы способом оно ни было совершено. Дело же, разбиравшееся в египетском судилище, состояло в том, что некий Пенхайбен, пастух, задумал проникнуть в архив фараонского дворца, чтобы похитить оттуда какие-то важные документы — рукописи, содержавшие описание каких-то мистических тайн; эти рукописи ему нужны были для усовершенствования в магическом искусстве, которому он предавался. И ему удалось проникнуть в хранилище, при содействии каменщика по имени Атирма, и выкрасть нужные ему рукописи времен фараона Рамзеса III. Таким путем он овладел какими-то неимоверными волшебными тайнами. Это дало ему возможность учинить целый ряд злодеяний: посеять великую распущенность нравов среди фараоновых наложниц, перессорить между собой всех придворных и вообще, как сказано в отчете о суде, «привести в исполнение всяческие гнусности и злодеяния, каковые внушило ему его сердце, и он их исполнил, равно как и иные великие преступления, внушающие ужас всем богам и богиням». Злодей был казнен, но, очевидно, вовсе не за колдовство, а за свои злодейства, «ужасавшие богов и богинь». Древние евреи оценили по достоинству магические познания египтян и, кажется, многому от них позаимствовались еще во времена своего плена. В еврейских книгах мы находим чрезвычайно обильную терминологию специальностей и отраслей колдовства. Так, слову колдун соответствуют еврейские названия: Raten, Jiddoni, Asshaph, Kasshaph,

Mekasshaph. Все эти названия, надо думать, обозначали какие-нибудь оттенки ремесла. В книге Лие приведено до 25 таких еврейских слов, которыми мы не будем утомлять читателей. У них были особые мастера по части вызывания демонов, вызывания умерших, предсказатели по текстам Священного Писания, очарователи, заговариватели, звездочеты, изготовители науз, и т.д., и т.д.

В древней Греции по одному уже пестрому составу ее Олимпа, казалось бы, исключалась всякая надобность в колдовстве преступном, в черной магии. У греков были боги на все руки, и, значит, к чему же еще было обращаться к каким-то темным силам? Почти каждая человеческая страсть и страстишка имела своего небесного покровителя, вполне признанного господствующею религиею; и каждый, кому была нужна сверхъестественная помощь в каком бы то ни было деле, как бы оно зазорно ни было, прямо и мог обращаться к божеству, а не к демонам. Но такова несокрушимая власть над человеческим духом этого вечного стремления покорить себе какие-то неведомые силы, что даже при такой удобной и покладистой религии, какая была у греков, среди них все же возникло и угнездилось чародейство, и существовало слово для его обозначения — goyteia. И были и прославились среди них свои, отечественные, знаменитые чародеи — Зет, Амфион, Орфей, Эпименид, Эмпедокл, Аполлоний Тианский. Новоплатоникам прямо приписывалась сила творить чудеса, а так как в Средние века в Европе все это читалось, изучалось, толковалось, признавалось авторитетным, то можно себе вообразить, в какие дебри забредал ум тогдашних христианских богословов.

Надо еще помнить, что у греков к славе этих полу-мудрецов, полу-колдунов, вроде Аполлония Тианского или Пифагора, примешивались слава Медей и Цирцей, слава вполне мифическая. Немудрено, что у них разработалась магия в форме особой науки. Существует предание, что особый вкус к тайным наукам внес к грекам великий персидский или мидийский маг Осфан, сопровождавший Ксеркса в его поход на Грецию. Платон тщетно громил колдовство, виды которого он, кстати, перечисляет. Мы видим, что у греков применялось почти все то же, что потом появилось и в Европе, и у нас в России. Они, например, выделывали фигурки из воска, долженствовавшие изображать известную личность, и, делая разные истязания этой фигурке, переносили их в тоже время на изображаемого ею человека. Делали еще наузы, т.е. околдовывала всевозможные вещи, и, приколачивая их к дверям или оставляя на перекрестках, могли ими причинять болезни, моры, увечья и вообще всякие несчастья. Знали также любовные зелья. Учиняли и явные злодейства; так, Аполлония Тианского обвиняли в том, что он при своих чародействах умертвлял младенцев.

В Риме, при тамошнем развитом культе богов преисподней, этот культ являлся связующим звеном между деятельностью жреца и деятельностью колдуна. Знаменитая колдунья Эрихто бродила между могилами и вызывала из них тени усопших; она колдовала посредством костей мертвецов; она призывала в своих заклинаниях адскую реку Стикс. Канидия и Сагана, о которых говорит Гораций, тоже орудовали при пособии адских сил, и все, что им приписывали древние римляне, то же самое творили потом средневековые ведьмы, которые гибли на кострах инквизиции; сходство сплошь и рядом простирается даже на мельчайшие подробности. Римские ведьмы, как и европейские, посредством заклинаний иссушали роскошные нивы и сады. Те и другие выделывали восковые фигурки, представлявшие тех, кому надо было нанести вражеский удар; иногда на этих фигурках награвировывалось даже имя жертвы. Желая напустить на жертву хворь, протыкали булавкой то место в фигурке, куда намеревались угнездить болезнь. И римские, и средневековые ведьмы были мастерицы в превращениях, делали людей оборотнями. Наузы, напуски, приворотные зелья — все это было коротко известно римским колдуньям и широко ими применялось. Безумие, овладевшее Калигулой, приписывали какому-то снадобью, которое Цезония дала ему в приворотном зелье. В этом были так твердо убеждены, что когда Калигула был убит, вслед затем немедленно умертвили и Цезонию, и именно в наказание за то, что она навлекла на государство беды своими чарами. А до какой степени легко верили в колдовство, об этом свидетельствует история, которую рассказывали насчет Марка Аврелия: утверждали, что он выкупал свою жену Фаустину в крови гладиатора, в которого она была влюблена. Апулея обвиняли в том, что он склоны к браку с собой почтенную Пудентиллу посредством колдовства; его даже притянули за это к суду, и если бы тогдашние римские судьи располагали таким убедительным средством, какое было в распоряжении отцов инквизиторов, т.е. пыткой, то, без сомнения, Апулей должен был бы признаться в своем злодействе; но, увы, классический Рим еще не дозрел до этого усовершенствованного следственного приема, и Апулей вышел жив и здоров из судебной волокиты.

В Риме с первых лет республики общественное мнение побудило правительство из-

дать строжайшие законы против колдовства. Впоследствии, когда в Рим проникла утонченная греческая культура, вместе с нею туда проникли и тайные науки с Востока, гораздо лучше разработанные, нежели грубое колдовство древней Италии. Общественное мнение и правительство были этим очень обеспокоены. В 184 году до Р.Х. расправа с колдунами и вообще всякого рода практикантами тайных наук была поручена претору Невиусу. Он поднял множество дел о колдовстве, арестовал целую кучу колдунов и колдуний и учинил над ними суд и расправу. Судя по оставшимся сведениям, проворный претор проявил чрезвычайно усердную деятельность в исполнении своей задачи. Месяца в четыре с небольшим он осудил до двух тысяч колдунов и колдуний.

Во времена империи продолжались суровые гонения всякого рода кудесников, против которых то и дело издавались новые постановления и законы. Преследование их шло с возраставшим ожесточением. Очень часто обвинению в колдовстве подвергались высокопоставленные лица, а в особенности люди богатые. Это последнее обстоятельство напоминает нам времена средневековой инквизиции. И тогда точно также инквизиторы особенно охотно брались за богатых и знатных, просто-напросто потому, что от них было чем поживиться. Можно заключить, что в эти две столь отдаленные друг от друга эпохи побуждения у ревнителей порядка и благочестия были одинаковы, или, по крайней мере, очень сходны. Особенным усердием в преследовании колдунов отличился незабвенный Нерон.

Этому, можно сказать, везде чудились колдуны, так что у него в число их попало несколько известных философов. Вообще внешность в определении признаков волшебного звания приобрела тогда большое значение. Так, например, в то время мудрецы любили драпироваться в греческие плащи, по которым их и различали, как военного по мундиру. И вот, при Нероне нередко случалось, что один злополучный греческий плащ приводил того, кто надел его, в судилище, по обвинению в колдовстве. Таким путем попал в тюрьму известный Музониус; без сомнения, он и погиб бы в тюрьме, если бы природа не оделила его исключительно крепким здоровьем.

Каракалла оказался еще свирепее и придирчивее Нерона. При нем хватали и сажали в тюрьмы людей, носивших на шее ладанки, предохранявшие от разных болезней. Что же касается до изобличенных в колдовстве, то с ними обходились без всякой пощады. Тех, кого изобличали в разных ночных волхованиях, имевших целью кого-нибудь околдовать, приговаривали к самым свирепым казням того времени — распятию на кресте или отдаче диким зверям в цирке. Лица, изобличенные в пособничестве колдунам или в пользовании их услугами, подвергались той же участи. Изобличенные колдуны, давно занимающиеся практикой, сжигались на кострах.

Мы видели расправу с кудесниками в древнем Египте и отметили ту особенность египетского законодательства, что оно самое занятие волшебством вовсе не считалось преступным, а преследовало только преступление, совершаемое колдунами, как обыкновенное преступление, причем колдовство не вменялось даже в обстоятельство, усиливавшее вину. В императорском Риме мы видим совеем другое отношение. Там само занятие магиею считалось преступлением. Было запрещено изучать магию, и у кого находили книги, по которым она изучалась, их немедленно отбирали и предавали сожжению, а тех, у кого их нашли, смотря по степени вины и общественному положению виновного, либо подвергали изгнанию, либо предавали смерти. Очень долгое время еще при язычестве колдунов распивали на кресте, но затем, когда распространилось христианство, крест, разумеется, сделался священной эмблемой, и распятия прекратились; равным образом вышли из употребления и цирковые зрелища с дикими зверями, терзавшими жертвы на глазах у публики. Но зато постепенно все более и более распространялись костры, на которых грешники искупали свои прегрешения. Это свирепое наследие классического мира так и перешло потом в христианскую Европу.

Между тем христианство мало-помалу распространялось в Риме и Византии. Горячие и умные проповедники новой религии сумели привлекать к ней лиц, стоявших во главе государственного правления. Христианские проповедники сразу устремили все свое внимание на магию во всех ее разветвлениях и признали ее одним из вреднейших устоев язычества, который надлежало искоренять с неослабным усердием. Были составлены длинные списки всякого рода мельчайших суеверий и обрядностей, чрезвычайно прочно укоренившихся в обиходе языческой жизни. Христианство все это рассматривало как факты служения демону. Тогда мало-помалу началась отчаянная схватка между представителями старого язычества, его жрецами, и провозвестниками новой веры. Народ не без волнения присутствовал при этой схватке и мучительно колебался, не зная, к которой стороне пристать, какие боги

сильнее — старые ли дедовские Юпитеры, Минервы, Аполлоны и т.д., или же новый неведомый Бог, проповедь Которого принесли христиане. В это время разыгрывались, как можно себе представить, чрезвычайно бурные сцены. Случалось, например, что в какой-нибудь местности начиналась засуха, с ее обычными печальными последствиями. Тогда народ обращался к небу с молениями о ниспослании влаги. Языческие жрецы обращались с этими мольбами к Юпитеру, а христианское духовенство к своему Богу. И вот небеса разверзались и посылали на землю благодатный дождь. Спрашивается: кто умолил небо об этой милости, кто услышал мольбы, кто пришел на помощь людям, Юпитер или Бог христиан? Жрецы Юпитера приписывали всю заслугу себе, а христианское духовенство — себе. И народу в его мучительном колебании надо было решить, кто же из них прав, кто был услышан божеством, на чьей стороне сила, за кем следовать, кому и чему веровать. Между представителями духовенства начались своего рода состязания. Сохранилось, например, предание (в числе бесчисленного множества других подобных) об одном карфагенском священнике-христианине, который бросил языческим жрецам такого рода вызов: он привел к ним одержимого бесом и тот в их присутствии призвал себя одержимым, т.е. сидящий в нем бее его устами объявил и подтвердил, что он действительно овладел этим человеком. Напомним еще известную борьбу между святым Петром и Симоном Волхвом; этот последний кудесник поднялся на воздух и летал, орудуя при этом, разумеется, силой нечистого духа. И вот молитвами Петра кудесник был остановлен в своем воздушном полете и повержен на землю, причем переломал себе кости. При виде таких чудес естественно совершался переворот в общественном мнении в пользу новой веры, и христианство стало неудержимо распространяться среди древнего языческого мира. Чудеса, подобные упомянутому, производили чрезвычайное впечатление даже и на самих кудесников. Так, в «Деяниях апостольских» (XIX, 19) упоминается о том, как иудейские волшебники были поражены смущением при виде чудес, совершаемых христианскими проповедниками, и собрали все свои волшебные книги, сложили их в кучу и публично сожгли; при этом упоминается, что ценность сожженных книг доходила до 50-ти тысяч серебряников.

Одно из самых громких чудес, оказавших огромное действие на население, случилось во время войны Марка Аврелия против маркоманов. Одно время обе армии очутились в совершенно безводной местности и страшно страдали от жажды. Марк Аврелий вовсе не был другом христиан, но в этой крайности ему кто-то посоветовал обратиться к содействию христианских жрецов. И вот по молитвам, которые они совершили в присутствии императора, вдруг поднялась страшная гроза, которая доставила армии императора обильное количество воды, а армию его врагов начала разить громами и молниями и привела в такое замешательство, что Марк Аврелий без труда одержал над врагом победу. Затем не менее блестящее торжество христианству доставила известная победа Константина над Лицинием. Константин в то время держал при своей армии, как святыню, крестообразный символ, так называемый Labarum. Лициний в свою очередь совершал усердное жертвоприношение языческим божествам, а египетские маги, сопровождавшие его в походе, усердно колдовали, хлопоча изо всех сил о привлечении победы воинству Лициния. Но крест победил. Во время решительного боя Константин приказал носить его по полю битвы, и всюду, где он являлся, язычники бежали перед ним. Тогда вера в могущество христианского Бога быстро утвердилась в народе, и, как известно, уже при Константине христианство сделалось почти государственной религией.

Как и следовало ожидать, торжествующая новая вера в лице своих представителей немедленно принялась за искоренение всяких следов старой языческой веры, на смену которой она приходила. Но, как мы уже выше заметили, преследование касалось не только главных основ языческого культа, но и всех его повседневных мелочей, крепко внедрившихся в жизнь народа. Таким образом, предметом особенно упорного преследования со стороны последователей христианской веры явились сотни мелких обрядностей и суеверий, применявшихся язычниками. Можно думать, что проповедники христианства и главари новой веры сами были убеждены в том, что все эти мелкие языческие обрядности вовсе не лишены всякого значения, что народ за них держится потому, что веками убедился в их действительности. Но это-то и казалось особенно ужасным христианским священникам. Если какие-нибудь ворожбы, амулеты, ладанки, заговоры от болезней и несчастий оказываются в самом деле действительными, приносят ту пользу, на которую люди рассчитывают, то тем с большей энергией и надлежит против них бороться. Ибо что такое, например, заговаривание болезней и на чем может быть основан его успех? Очевидно, на содействии дьявола, который придает этим волшебным действиям внешний вид успеха для того, чтобы завлечь людей в свои сети. Таким образом, борьба против этих суеверий, в сущности, сводилась к борьбе против лукавого врага Божьего и козней его. Раз такая задача, и в таком именно виде, была поставлена перед усердными слугами Божьими, они очень легко пришли

к заключению, что в этой борьбе дозволены всякие средства. Так было в те времена и также повторилось и впоследствии в Средние века, когда католическая церковь ополчилась на еретиков, Много помог укреплению этого убеждения и тот дух, которым были пропитаны авторитетные книги еврейских духовных писателей. Еврейские законоучители распространили этот дух преследования колдовства, придали ему широкое толкование, и в этом толковании уже прямо предписывалось не щадить колдунов и колдуний, истреблять их. По учению талмудистов колдуны и ведьмы приговаривались к избиению камнями. В Талмуде, по свидетельству Чарльза Лие, говорится даже, что каждый, кто заимствует от колдуна хоть какой-нибудь один заговор или заклинание, и тот достоин смерти. Таким образом, первобытное христианство, возникшее из иудейства и невольно находившееся под его влиянием, несомненно позаимствовалось и убеждением, что борьба с колдовством, как делом дьявольским, является угодным Богу, а потому и допускающим весьма широкий выбор средств и способов.

С водворением христианства не только его высшие представители, т.е. духовенство, но и все обращенные в новую веру принялись за священную борьбу против остатков язычества. На советах епископов вырабатывались меры и приемы этой борьбы. Само собой разумеется, что как только христианство завладело некоторой силой, т.е. заручилось влиянием на правящие классы, оно немедленно добилось издания особых указов и законов, направленных против колдунов и всяких вообще адептов тайных наук. При этом нельзя не заметить, что эти законы отличались чрезвычайной жестокостью. Так, например, при Константине издан был закон, угрожавший костром каждому колдуну, если будет доказано, что он входил в дом к какому бы то ни было частному лицу, хотя бы этот визит совершался в силу родственных отношений или доброго знакомства. Кто призывал к себе колдуна, тех лишали имущества и ссылали, доносчики же во всех этих случаях щедро вознаграждались. Языческим жрецам было строго воспрещено совершать богослужения публично. В судах были введены пытки, которые щедро применялись к лицам, подозреваемым в колдовстве. А надо заметить, что к таковым относили тогда людей, в сущности, более жалких, чем вредных. Так, например, к колдунам причисляли простых ворожей и снотолкователей. Можно себе представить, какой террор царствовал тогда среди населения, которое знало, что простой разговор о виденном сне мог повлечь за собой обвинение в колдовстве, от которого было рукой подать до пыток и даже до костра.

При следующих императорах, например, при Констанции, строгости по отношению к колдунам еще более усилились. Преследования велись массами, и бесчисленное множество несчастных погибло в тюрьмах и на кострах под самым пустым предлогом. Случалось, например, что какой-нибудь бездомный нищий за неимением другого убежища проводит ночь на кладбище. Его хватали и обвиняли в том, что он некромант, т.е. специалист по части гадания с помощью мертвецов; за этим он, дескать, и шатается по кладбищам. Какая-нибудь ладанка на шее, которую человек носил в качестве защиты от лихорадки, могла повлечь человека на востер. Просматривая записи о таких процессах, невольно сравниваешь их с самыми свирепыми годами средневековых преследований, когда люди искупали на кострах разные прегрешения, по своей важности недалеко ушедшие от упомянутых выше. Юлиан Отступник, а за ним Валентиниан несколько смягчили эти свирепости законодательства, предоставили некоторую свободу совести. Разные сравнительно невинные снотолкователи и ворожеи были оставлены в покое, и суровые наказания угрожали только настоящим колдунам. Но это смягчение законодательства держалось недолго, и около 374 года свирепости еще более усилились. В это время людям ученым, державшим у себя книги, просто, как говорится, не стало житья. Иные из них, в заботах о собственной безопасности, решались махнуть рукой на свою науку и гуртом сжигали свои иногда драгоценные библиотеки. Дошло до того, что тюрьмы не в состоянии были вмещать арестованных по обвинению в колдовстве. Остались даже свидетельства о том, что в некоторых городах больше половины населения попадало в тюрьмы. В виду такого страшного обилия преступников, само собой разумеется, расправа с ними была короткая и жестокая. Огромное большинство лишалось имущества и подвергалось изгнанию. Казнили людей без счета.

Западная часть империи, т.е. Римская, не так свирепствовала, как восточная, но, однако же, и в Риме приналегли на колдунов с таким усердием, что о них, наконец, стало что-то не слыхать. Очевидно, большую часть их истребили, а остальные припрятались. Гонорий усердно призывал христианское духовенство к борьбе с колдовством. Но, судя по дошедшим до нас трудам тогдашнего духовенства, можно заключить, что и среди самой их паствы попадалось немало лиц, которые, приняв христианство, все же никак не могли отделаться от глубоко вкоренившихся языческих суеверий. Да, несомненно, так оно и должно было быть, потому что никогда старая вера не исчезает из сознания людей без всякого следа и остатка,

о чем самым ярким образом свидетельствуют наши простонародные праздники и обычаи, от которых народ и до сих пор не отстал за все тысячелетие своего христианства. (См., например, обряд опахивания, описанный нами выше).

Нашествие на Римскую империю варваров мало повлияло на положение дел. Так, например, остготы, занимавшие Италию при Теодорике, так быстро прониклись духом римской гражданственности, что оставили у себя все римские законы, а в том числе и засовы против колдовства. Около 500 года в Риме переловили всех колдунов, настоящих и подозреваемых, и выгнали их из города, а когда один из них туда вернулся, то его сожгли. Вестготы, овладевшие Испанией и Аквитанией, были хоть и не так податливы к европейской культуре, как их братья-остготы, однако, все же пропитались духом римского закона. Их цари издали немало указов против тайных наук. И все же, однако, у варваров, какими эти дикие завоеватели представлялись римлянам, оказалось больше уважения к человеческой жизни, и это видно уже по наказаниям, какие они устанавливали за колдовство. Они чаще всего ограничивались тем, что людей, изобличенных в колдовстве, подвергали только ограничению гражданских прав, например, права свидетельства на суде, что, конечно, по сравнению с римскими кострами было уж сущим пустяком. Более серьезные кары полагались лишь за колдовство, бывшее или, по тогдашнему невежеству, представлявшееся настоящим преступлением. Например, изобличенные в том, что посредством чар напустили град на сады или нивы или иными колдовскими средствами нанесли, или намеревались нанести вред людям, либо домашнему скоту, наказывались телесно, а потом заточались в тюрьму; значит, все же не казнились. И замечательно, что на Пиренейском полуострове эти вестготские законы держались почти до половины Средних веков.

Вообще «варвары», как, впрочем, и следовало ожидать, оказывали деятельный отпор натиску усердствующей новой религии на свою старую дедовскую веру; а т.к. в ее состав входило то, что рассматривалось христианскими, проповедниками как колдовство и служение дьяволу, то и это ненавистное христианам переживание старины держалось против них прочно. Впрочем, разумные проповедники новой веры сами это хорошо понимали. Они не имели над варварами непосредственной грубой власти, не могли ни к чему принуждать их и потому действовали с мягкой настойчивостью, которая, конечно, приносила гораздо более зрелые и прочные плоды, нежели пытки и костры. Такое отношение внушалось отцами церкви миссионерам, отправлявшимся в отдаленные страны, на дальний и дикий тогдашний север, в Британию, Скандинавию. Григорий Великий, снаряжая Августина к бриттам, наставлял его быть кротким, не разрушать языческих храмов, а лишь святить их, кропя святой водой, и отправлять в них христианское богослужение, чтобы варвары охотно шли в эти храмы и постепенно осваивались с новой верой. Выходило даже как будто какое-то смешение язычества с христианством, и это совместительство сказывалось иногда в довольно странной форме. Так, один из бриттских вождей, Редвальд, обратившись в христианство, ознаменовал свое усердие постройкой храма, но доставил в нем два алтаря: на одном совершались христианские богослужения, а на другом приносились «жертвы демону», как выражается летописец-монах, т.е. языческое богослужение. В Англии в те времена даже появились в обращении особые религиозные песнопения, в которых христианство самым наивным образом путалось с язычеством.

Варвары в этом отношении были народ неосмотрительный. У них накопилось множество суеверий из всевозможных источников. Часть их они унаследовали от прапредков, на месте своей первоначальной родины; часть позаимствовали во время своих странствий ото всех народов, с которыми судьба скитаний их сталкивала. Приняв христианство, они не особенно беспокоились о том, совместимо ли это отчее наследие с новой принятой ими верой. Понятие о добром божестве и злом духе у них было очень шаткое; они различали, конечно, доброго бога от недоброго, но горе в том, что оба были все же боги, и вот этого-то из них и не удавалось искоренить христианским проповедникам. У северян, например, к идее демона, сатаны, вообще духа мрака, ближе всего подходил Локи; были у них еще злые драконы, вроде Фафнира, был страшный волк Фенрир, точивший свои зубы, чтобы поглотить весь земной мир в момент светопреставления. Но все эти чины их Олимпа никак не могли сопоставляться не только с христианским сатаной, но даже с зендским Ариманом. И когда северяне приняли христианство, то они, сближая сатану со своими старыми богами, склонны были в нем видеть скорее неповоротливого увальня Йотуна, обжору-великана.

В сфере тайных наук, т.е. всяческого волхвования и колдовства, германские племена нисколько не уступали побежденным ими культурным народам юга Европы. Напротив, у них тайное, волшебное, сверхъестественное входило в обиход жизни и слилось с нею еще

теснее. Всякого рода гадания у них были распространены, как нигде на свете. Их menn forspair (кудесники) предсказывали будущее всякими путями и способами: и ясновидением, и колдовством, и заклинаниями, и снотолкованием. Еще большим почетом пользовались vala (колдуньи, пророчицы). Тацит упоминает о прорицательницах Велледе и Ауринии, которых народ почитал чуть не за богинь. В одной из скандинавских саг vala беседует с самим Одином, почти как равная с равным. Да и простые смертные, не владевшие секретами высшей магии, могли в лучшем виде удовлетворять свое любопытство по части угадывания будущего весьма немудрыми и подручными средствами: кидали жребий, ворожили на палочках, либо приносили жертвы богам, прося их открыть будущее. А о северных колдунах и говорить нечего. Власть их была безграничная. По крайней мере, народ твердо верил, что они могут творить, что хотят. Снор Стурласон и Саксон Грамматик приводят любопытнейшее сказание о происхождении скандинавских асов, т.е. богов, — всех этих Одинов, Торов, Локи, Бальдуров и т.д. Все они были просто-напросто колдуны, которые устроили землю Скандинавскую, завели в ней человеческое общежитие, населили ее, и за все эти благодеяния благородным потомством чтились, как боги.

Интересно, однако, что у германских народов существовало известное как будто бы разделение магического искусства на два сорта, признавалось нечто вроде белой и черной магии. У скандинавских племен, например, отличали galder от seid. Первым словом обозначалось колдовство терпимое и законное, вторым — колдовство злостное, как бы противозаконное. К первому типу причислялись магические письмена, руны, которые гравировались на всякого рода талисманах и ладанках; этими же письменами писались заговоры и заклинания. Руны считались столь важной статьей сверхъестественной силы, что самое верховенство Одина приписывалось глубочайшему знанию им всех таинств рунического письма. Выходило как-то так, что эти знаменитые руны даже управляют движением солнца и вообще ими держатся весь строй и порядок природы. За рунами в дозволенной магии следовали всякие приворотные зелья, талисманы, волшебные предметы вроде мечей, ножей. С помощью этих всех средств можно было творить истинные чудеса, например, обменять внешность взаимно между двумя людьми, нагонять бесконечно долгий сон и т.д., и т.д.

Колдовство черное (seid) основывалось на использовании зловредных тайн природы или на пользовании силами злых божеств, особенно обжор-великанов, Йотунов. Колдуны этого типа варили свои зелья из разных адских составных частей. Обычно мужчины такими вещами даже и не занимались; seid считался не то чтобы преступным, а как бы зазорным, скверным, подлым; им занимались исключительно злые бабы, которых и называли seidkonur, т.е. сейдовские бабы. Самое слово seid, как полагают, происходит от sjoda — варить.

Но хотя ремесло этих страшных дам и было зазорное, тем не менее, могущество их все же признавалось безграничным. Они вздымали и укрощали бури, придавали стаду баранов вид грозного войска; когда они злились, то сама земля трепетала под ними. Этим злым колдуньям народ приписывал лютые людоедские нравы; в этом они сходились, значит, с нашею бабой-ягой. У них бывали собрания, своего рода шабаши, на которых они пели, плясали, варили свои адские зелья; собирались чаше всего в ночь под 1-е мая (Вальпургиева ночь). Может быть, отсюда и пошло так повсюду укоренившееся сказание о шабашах ведьм, хотя крайне трудно было бы утверждать, откуда, от какого народа это верование пошло ходить по всему христианскому миру. Но, повторяем, занятие этой зазорной отраслью колдовства, этой черной магией в преступление не вменялось. Занятие считалось не преступным, а позорным, и даже законом признавалось за позорное; по крайней мере, закон устанавливал штраф за отозвание женщины сейдовской бабой, если обозвавший не мог доказать своего оговора.

Таковы были верования народов греко-римского юга и германского севера Западной Европы, с которыми сразу встретилось восторжествовавшее христианство. Посмотрим, как оно бралось за борьбу с ними, когда его торжество упрочилось, когда язычество было окончательно подавлено и вся Европа стала номинально христианской.

II. БОРЬБА С КОЛДОВСТВОМ ДО ИНКВИЗИЦИИ

Гражданское законодательство в «варварских» государствах неохотно принимало римские законы о колдунах. Так, по салическому закону магия в преступление не вменялась и никаких кар закон против нее не заключал. В позднейших списках этого закона упоминаются лишь денежные пени, налагаемые на тех, кто изобличался в околдовании людей; правда, если последствием колдовства являлась смерть его жертвы, то виновный сжигался живь-

ем. В законах времен Карла Великого убийство посредством колдовства приравнивается ко всякому другому душегубству и наказуется в тех же мерах. Прочие своды законов того времени о колдовстве совсем умалчивают.

В галло-римских областях первое время по распространении христианства колдуны, очевидно, не преследовались, хотя римское право там и водворилось. Об этом надо завьючить по настойчивому упоминанию, которое находится в летописи Григория Турского, о том, что христианские мощи, священные предметы и молитвы много действеннее и могущественнее, нежели языческое колдовство, чему он и приводит многократные примеры; из этого надо заключить, что местное население в малейших затруднительных случаях жизни, например, в болезнях, нимало не медля прибегало к помощи ближайшего ariolus'a, т.е. колдуна, знахаря. И, вероятно, многие кудесники справляли свое ремесло безо всяких церемоний и стеснений, потому, очевидно, что стеснять их никто и не думал, или, по крайней мере, они не боялись возмездия, вопреки громам, с которыми обрушивались на них тогдашние частные поместные соборы. Сохранилась история одной женщины, жительницы Верлена, которая предсказывала будущее и хвалилась своим мастерством отыскивать краденое. Ее услугами публика пользовалась нарасхват, и кудесница быстро богатела, выкупилась на волю. Кончилось тем, что ее схватили и привели к епископу Агерику; но владыко мог только трактовать ее как одержимую бесом, и чтобы ее из этого состояния вызволить, прочитал над ней бесогонные молитвы (экзорцизмы) и отпустил с миром.

Меровинги, народ жестокого и самодурного нрава, по временам обрушивались на колдунов всею тяжестью тогдашней деспотической власти, но это были отдельные вспышки, которые нельзя считать последовательным и закономерным государственным актом. Так, когда у Фредегунды погибли от чумы ее двое детей, она обвинила своего пасынка Хлодвига в тои, что он их околдовал. Нашли какую-то несчастную бабу, якобы сообщницу принца, и подвергли ее жестокой пытке, под которой она повинилась, что смерть детей королевы — ее рук дело. Потом она отперлась от этого вымученного признания, но было уже поздно, ее все-таки сожгли; а потом женолюбивый Хильперик выдал Фредегунде и Хлодвига, и она приказала умертвить его. Впоследствии, когда умер у той же Фредегунды третий сын, Тьери, она снова обвинила в колдовстве королевского любимца Муммолюса, которого терпеть не могла. У ней была какая-то страсть обвинять людей в колдовстве. Опять похватали в Париже каких-то несчастных баб, мучили их пытками, и, конечно, добились признания в колдовстве, которым они причинили смерть множеству людей, в том числе и принцу Тьери, и в том, что душой их шайки был Муммолюс, а они орудовали по его приказам. Несчастного Муммолюса тоже подвергли пытке, и он сделал признания. После пытки он просил передать королю, что он забыл пытку, которой его подвергли, конечно, имея в виду этим выразить свою глубокую преданность, которая побуждает его забыть причиненное ему зло. Но Хильперик понял его иначе, Коли, дескать, он забыл пытку, значит он ее не чувствовал, а коли не чувствовал, то не подлежит сомнению, что он и в самом деле колдун. И он распорядился вновь растянуть своего любимца на колесе и стегать его кожаными ремнями. Быть может, эти ремни были первообразом тех кожаных кончуков, о которых незабвенный Гоголевский Хома Брут говорил сотнику: «Кто ж не знает кожаных кончуков? В большом количестве вещь нестерпимая!». Такие дикие происшествия очень ярко рисуют перед нами верования и нравы эпохи, но не выясняют юридической стороны дела. Стегание человека ремнями было, очевидно, самодурской фантазией Хильперика и Фредегунды, а вовсе не законным судебным процессом.

В Северней Италии влияние римского законодательства сказалось нагляднее. Лонгобарды, давшие свое имя Ломбардии, привяли римские законы против колдовства, как самостоятельного преступления, независимо от вреда, им наносимого. У них колдуна обращали как бы в государственного раба и продавали куда-нибудь в чужую страну, а полученные за него деньги делали между его судьями, пропорционально доле участия каждого из них в его изобличении. У лонгобардов закон чувствительно карал и самих судей, если они, смущенные подкупом, оказывали явному колдуну снисхождение. Однако, те же лонгобарды проявили в отношении других статей колдовства очень благоразумную снисходительность; так, римские нравы и законы принимали, что колдуньи пожирают трупы; лонгобарды совсем отвергли такое преступление, исключили его из своего свода законов.

Во Франции за падением Меровингов последовала анархия, в которой все смешалось и спуталось. Духовенство и церковь оказались в явном загоне, никто о них не думал, никто их звать не хотел; церкви не посещалась, проповедей никто не слушал. Люди, сбитые с толку, ошеломленные воцарившеюся неурядицей, ни о чем и думать не могли, кроме собственной безопасности. Но когда власть укрепилась в руках Каролингов, значение церкви мало-

помалу восстановилось. В это время в религиозной истории страны самым крупным фактом выступает дело епископа Адальберта.

Этот странный пастырь церкви был, очевидно, сам весьма не крепок в вере, что, впрочем, нимало и не удивительно, если вспомним, что он жил и действовал в VII столетии. Он учил свою паству во всех мелких случаях жизни: при болезнях, при покражах, при желании вызнать будущее, обращаться к ангелам Уриилу, Рагуилу, Тубуилу, Сабаоку, Симиелю и многим другим. Надо полагать, что этим он удивительно удачно попал в тон и угодил общему настроению публики, потому что после его смерти даже его волосы и ногти хранились, как мощи. С его легкой руки началось ожесточенное служение ангелам, притом носившим самые удивительные имена. После смерти Адальберта духовенство обратило внимание на этот новый культ и самым решительным образом боролось с ним, но без всякого успеха. В 745 году папа Захария собрал синод в Риме и уже без всяких обиняков объявил это поклонение ангелам дьявольским служением; синод установил тогда, что единственные ангелы, которых церковь признает, — это Михаил, Гавриил и Рафаил. Но и после синодского решения духовенству пришлось немало потрудиться, пока зловредный культ был окончательно искоренен; и о нем встречаются упоминания даже еще у писателей X века.

При воцарении Каролингов папа назначил во Францию своим представителем святого Бонифация (Вонифатий наших святцев). Ему была дана папой пространная инструкция, по которой он должен был действовать в интересах восстановления и укрепления церкви и религии, вконец расшатанных царившей перед тем усобицею. В числе видных пунктов этой инструкции стояло и наставление к искоренению всяческих остатков язычества в народе, а главным образом колдовства, ворожбы и других проявлений демонского культа. Когда церковь во Франции, наконец, ожила и окрепла (около середины VIII столетия), духовенство начало собираться на совещания, и каждый раз на этих соборах речь шла по преимуществу о колдовстве и чародействе. Впрочем, духовенство в те времена было еще чрезвычайно снисходительно к провинностям по этой части; чаще всего за них присуждали к пеням или к сравнительно легкому покаянию. Но уже в те времена установилось нечто вроде духовных судилищ. Это были местные учреждения, на обязанности которых лежал розыск всяких следов язычества в населении. Но тут обнаружился интересный факт. Оказалось, что в самом Риме остались такие веши, как, например, чисто языческое празднование Нового года, с дикими песнями и плясом, да, вдобавок, было широчайше распространено пользование всякого рода ладанками, наузами и в особенности приворотными зельями. Святой Бонифаций горько жаловался на это папе Захарию. Он ставил ему на вид, что эти римские обычаи очень хорошо известны во Франции и в Германии и служат там великим соблазном для населения, которое рассуждало, что если в Риме, на глазах папы, творятся такие вещи, то, значит, ничего в них нет нечестивого. Папа отвечал ему на это, что он много раз издавал запрещения, да ничего не мог поделать.

Между тем, духовенство во Франции стремилось подействовать в этом направлении и на правительство, и его старания не остались безуспешными. Каролинги вняли ходатайствам духовенства и стали относиться к чародейству все строже и строже, хотя первое время все еще не выходя из границ благоразумнейшей снисходительности. Первым серьезным и твердым законом против чародейства является указ Карла Великого, изданный в 805 году, по которому расследование дел о чародействе предоставлялось духовенству. Можно догадываться, что духовным судилищам предоставлялось при своем следственном производстве прибегать в случае надобности и к пыткам, тюремному заключению и штрафованию обвиняемых и изобличенных. Как известно, Карл Великий много хлопотал над обращением в христианство саксов. У них было чрезвычайно распространено верование, что ведьмы пожирают людей, и изобличенных в этом они сжигали живьем. Карл сурово преследовал эту расправу с ведьмами, и изобличенных в ней предавал казни. Но сам он все же деятельно разыскивал колдунов и ведьм и предавал их в руки духовенства, предоставляя ему пользоваться ими, как рабами.

Все это время духовенство проявляло поразительную снисходительность к чародеям, трактовало их не как преступников, а как заблудших чад церкви, и действовало против них почти исключительно мерами духовными. Изобличенный колдун подвергался 40-дневному покаянию, если он был мирянин, а если духовный (значит, и то было), то гораздо более продолжительному, 2–3-годовому. Впрочем, поместные соборы устанавливали самые разнообразные кары чародеям, и сходство между ними состояло только в том, что всякое грубое насилие, наказание в собственном смысле слова, из числа этих кар устранялось. Самым полным сводом мер против колдунов считался в то время изданный лиежским епископом Гаербальдом в 800 году. Он установил в своей епархии следующие взыскания за чародейст-

во. Виновные в смерти человека, причиненной колдовством, несли семилетнее покаяние, соединенное со щедрой раздачей милостыни; за обращение к содействию колдунов полагалось пять лет покаяния; за занятие тайными науками без зловредного ими пользования — один год покаяния, и т.д. В 829 году был собор духовенства в Париже. На нем было постановлено, что все беды и напасти, удручавшие в то время государство, зависели от роста преступности среди людей, а пуще всего от распространившегося колдовства. В протоколах собора перечисляются все злодейства колдунов: напуск на людей безумия посредством разных зелий, любовные преступления, вызванные такими же средствами, вызывание колдовством бурь, гроз для уничтожения посевов, садов, виноградников, мор, напускаемый на домашний скот, складывание ведьмами молока, наконец, страшно распространенная вера в ворожбу, в гадание о будущем и о всяких житейских случаях. Однако, собор сам не установил никаких наказаний за эти злодейства, а только обращался к мирским властям с увещанием принять меры к их искоренению.

Вообще в первое время, еще до учреждения инквизиции, которая, надо отдать ей справедливость, много способствовала сплочению католической церкви, упорядочению ее догматики, духовенство не проявляло да и не могло проявлять большой последовательности в своих действиях. Иной раз оно, например, выступало против магии и тайных наук во всеоружии здравого смысла, и тогда объявляло все эти вещи простым суеверием. Так, папа Григорий VII в своем послании, писанном в 1080 году датскому королю Гарольду Простодушному, строго порицает общераспространенное на Севере суеверие, по которому бури, болезни и другие несчастия приписывались колдовству, причем колдунов и ведьм народ нередко подвергал своему самосуду; папа твердо заявлял, что бури и болезни посылаются людям волей Божьей за их грехи, а преследование за них ни в чем неповинных людей только вызывает ожесточение гнева Божьего.

Но такое разумное отношение к колдовству со стороны представителей церкви можно считать скорее исключением, чем правилом. Чаще всего пастыри простодушно сами верили в колдовство, считали его делом сатаны и обрушивались на него с церковными карами. Это шатание мысли, между прочим, наглядно проявляется в канонах вормского епископа Бургарта, изданных в XI веке. В них предписывается духовенству налагать епитемьи то за веру в колдовство, то за самое колдовство. Вдобавок, епископ предписывал зачем-то подробнейшим образом расспрашивать кающихся о способах и приемах колдовства. Рядом с этим тот же Бургарт делал обширные извлечения из соборных постановлений и отцов церкви, подбирая из этих источников доказательства тому, что волшебство и колдовство действительно существуют, что они не суеверие, и что посему церковь обязана с ними бороться. По некоторым церковным делам видно, что духовенство верило в чародейство, было само убеждено, например, в том, что посредством колдовства можно было обессилить человека, вступившего в брак, и воспрепятствовать тому, что французы деликатно называют consommation du mariage. Доходило до того, что духовенство отчитывало таких неблагополучных мужей иной раз года 2–3 после заключения брака, и если ничего не помогало, т.е., другими словами, если духовенство признавало свое бессилие перед кознями лукавого, то дозволялось расторгать бесполезный брак. Иногда в подобных случаях духовенство даже знало, кто виноват, кто околдовал супругов.

И, однако, несмотря на то, что адское происхождение колдовства казалось несомненным и светским, и духовным властям, к нему как-то не решались отнестись со всей строгостью законов. Колдовство часто оставалось почти безнаказанным, несмотря на то, что по тогдашним юридическим и бытовым понятиям бывало вполне доказано. Вот, например, очень характеристический случай в этом роде. В 1030 году трирский архиепископ Поппо послал одной монахине кусок ткани с просьбой сшить из него обувь, в которой архиепископ намеревался совершать богослужение. Монахиня же была колдунья; она очаровала какими-то способами сшитые ею туфли, и как только пастырь надел их, он тотчас же влюбился в нее без ума, без памяти. Но архиепископ твердо устоял против соблазна; туфли же подарил кому-то из епископов. И вот новый их хозяин подвергся той же участи — влюбился в монашку. Опыт повторили с многими лицами из самого высшего духовенства, и всегда с одинаковым результатом; все и каждый, кто надевал эти роковые амурные туфли, нимало не медля влюблялись в коварную монахиню. Таким образом, доказательства колдовства были, так сказать, подавляющие, принимая, конечно, в соображение нравы и уровень умственного развития того времени (начало XI в.). И все же злодейка-монашка могла быть только архиепископской властью удалена из монастыря, и больше ничего. Гораздо больше пострадал сам Поппо, потому что ему, во искупление греха, хотя и невольного и (кажется) только мысленного, а не осуществленного, пришлось совершить странствование в Палестину. Обратили также внимание и на монастырь, где спасалась монашка, и нашли, что в нем дисцип-

лина слабовата. Предложили монашкам либо принять новый устав, построже, либо удалиться из монастыря. Все монашки до единой предпочли последнее, и монастырь был обращен в мужской.

В 1074 году в Кельне вспыхнул бунт, причем все начальство, а в том числе и высшее духовное, бежало из города. Чернь принялась свирепо неистовствовать и, между прочим, умертвила какую-то женщину за то, что она якобы околдовала несколько человек, сошедших от того с ума. И когда, по усмирении бунта, подняли и это дело, оно было вменено толпе в преступление.

Можно отметить за ту эпоху очень интересные факты, когда мирское законодательство явно и прямо отрицало колдовство и именно по этой причине не вменяло его в преступление. Так, в Венгрии, по законам короля Владислава колдуний просто-напросто приравнивали к проституткам и карали наравне с ними; преемник же Владислава, Коломан, в своем своде законов прямо говорит, что закон не может карать колдунов и ведьм, потому что никакого колдовства и чародейства не существует. Это в высшей степени любопытное проявление духа свободомыслия по тому полному суеверий и предрассудков времени.

Таким образом, во Франции и в Германии старые свирепые римские и греческие законы против колдовства постепенно смягчались и даже почти вовсе исчезали. Не так было в Англии. Там колдовство видимо озабочивало власти. Около 900 года были изданы законы Эдуарда и Гутрумы. В них колдовство приравнено, смотря по степени вины, к клятвопреступничеству, проституции и даже убийству. Всех колдунов и ведьм изгоняли из пределов государства, либо налагали на них крупные пени. Последующие короли усиливали меру наказания; так, при Адельстане было постановлено, что если колдовством причинена человеку смерть, и колдун в этом изобличен, то подвергается смертной казни. В случаях провинности меньшего размера колдун все же попадал в тюрьму, но по прошествии известного срока мог быть из нее выкуплен. Колдуны подвергались также вечному отлучению от церкви. Так шли дела до Вильгельма Завоевателя. Но этот новый властелин Британии оказался весьма снисходительным к волшебникам, и на это у него были свои резоны. Он сам верил в колдовство и пользовался им. Его в походе на Британию сопровождала колдунья, чарам которой он и приписывал свою победу. Его вера, как кажется, не особенно охладилась даже и тем обстоятельством, что в одной из стычек колдунья погибла вместе со всем отрядом войска, над которым начальство Вильгельм ей непосредственно и доверил.

На Скандинавском полуострове жестоко свирепствовал в XI столетии Олаф Трюггвессон, задумавший распространить там христианство. Он был беспощаден к чародеям. Он однажды собрал всех колдунов в одной местности под предлогом роскошного пира, которым обещал их угостить. Пир и действительно состоялся и был обилен яствами и питиями; но в разгар пира Олаф приказал запереть все выходы из дома и зажег его, так что все собранные в нем волхвы сгорели живьем, за исключением молодого Эйвинда Келльда, сына Гаральда Красивоволосого. Это был как раз самый опасный колдун. Он как-то во время распознал ловушку, выбрался через трубу на кровлю дома и бежал. И вот весной он явился к берегам острова Кормта, где Олаф праздновал тогда Пасху. Он приплыл на большом судне, в сопровождении большого числа самых лютых колдунов. Они потихоньку высадились, надев на себя шапки-невидимки и окутав себя туманом. Но они не приняли в расчет, что Олафа и его людей хранил крест. На колдунов вдруг на самих напала слепота и их всех переловили люди Олафа. Их привязали к скале, которая обнажалась во время отлива моря и вся покрывалась водой во время прилива; тут они все и погибли, а скала та после того стала называться Скалой Воплей.

Олаф, однако, исключил из этой толпы самую дорогую добычу — юного красавца Эйвинда, сына Гаральдова. Он во что бы то ни стало хотел обратить его в христианство. Только он взялся за это благочестивое дело немножко круто, а именно, для пущей убедительности своих увещаний, он разложил юношу на земле, привязав его к кольям за руки и за ноги, а на его обнаженный живот поставил жаровню с пылающими углями. Казалось бы Эйвинду, под влиянием такого красноречивого довода, оставалось только покориться, но он упорно безмолвствовал до тех пор, пока его тело не пережглось пополам. «Эйвинд, — в последний раз воззвал к нему Олаф, — хочешь ли ты уверовать во Христа?» «Нет, — отвечал раздвоенный волшебник, — я не могу принять крещение, потому что я злой дух, заключенный в человеческом теле силой чар колдуна-лопаря; мои родители должны были прибегнуть к его услугам, потому что иначе они не могли иметь детей». Мы весь этот ужасный эпизод затем и привели, чтоб показать, какая в скандинавском народе таилась вера в безграничное могущество этих колдунов-лопарей, о которых мы уже упоминали во втором отделе нашей

книги. Характеристичен также и этот проповедник Христовой веры, пережигающий живых людей пополам; впрочем, христианство в те дикие времена в Западной Европе нередко распространялось подобными путями.

В других странах Европы строгости по отношению к магии все более и более смягчались; мирское законодательство оставило колдунов в покое, и лишь духовные власти изредка выступали на ратоборство с ними. Так, в 1119 году в Корвейском аббатстве монахи обвинили своего настоятеля в том, что он прибегал к «дьявольским чарам». В 1181 году папа Александр III издал постановление, в силу которого канонизация (причисление к лику святых) становилась исключительно привилегией пап. Это распоряжение было вызвано тем, что в одном аббатстве в Нормандии все монахи попродавали души свои дьяволу и с его помощью творили чудеса, и народ, конечно, валил к ним в монастырь толпами и считал их всех за святых. Случилось однажды, что монахи перепились за обедом и один из них убил в драке своего приятеля и был в свою очередь жестоко избит; от побоев он умер без покаяния и причастия. И, не взирая на это, монахи, с помощью дьявола, устроили так, что умерший буян начал творить посмертные чудеса, и народ признал его за новоявленного святого. Все эти безобразия были, наконец, доведены до сведения папы, и вот он поэтому и порешил, чтобы никакие святые нигде не появлялись без верховного решения папы. Но замечательно, что тот же Александр не подверг этого монастыря никакому особенному наказанию. Вообще этого рода проступки как-то слишком уж легко прощались духовным. Так, при том же папе Александре один патер, чтобы отыскать вора, похитившего какую-то вещь из церкви, прибег к содействию колдуна; папа лишил его сана на один год, и этот случай послужил потом образцом, принятым последующими папами, которые за то же преступление налагали то же взыскание. Иоанн Салисберийский в своей автобиографии рассказывает, что в детстве он отдан был в обучение грамоте одному патеру, который открыто занимался катоптромантией, т.е. гаданием посредством зеркала. Это гадание состояло в том, что кудесник заставлял мальчика смотреть в зеркало, предварительно прошептав над ним какое-то заклинание, а мальчугану после того в зеркале что-то виделось, и из этого видения выводились гадателем заключения по предмету ворожбы.

Мы уже говорили, что народ не разделял снисходительного отношения светских и духовных властей к колдунам; и иногда, по требованию толпы, властям приходилось волей-неволей сжигать на костре людей, осужденных толпой за колдовство. Но тут случались происшествия, колебавшие уверенность толы в справедливости ее суда и сильно влиявшие на власти. Так, в XII столетии какой-то молодой клирик в Париже был оговорен в колдовстве публичной женщиной, с которой он отказался вступить в связь. По настоянию толпы, он был предан сожжению. Но, стоя на костре, благочестивый юноша до последнего вздоха пел молитвы, а потом на его могиле стали совершаться чудеса, и над ней построили часовню. Писатели того времени, как, например, Цезарь Гейстербах, часто высказывали уверенность в том, что люди могут входить и входят в сношение с демоном и извлекают из этих сношений пользу, но что их злодейства в большинстве случаев остаются неоткрытыми и безнаказанными. Он, например, рассказывает о каком-то монахе Филиппе, который незадолго перед тем умер, никем и ничем не обеспокоенный, невзирая на то, что он был самый злейший колдун, связавшийся с нечистой силой. В доказательство же его чародейства Гейстербах приводит случай, в подлинности которого, видимо, не сомневается. Рыцарь Фалькенштейн однажды усомнился в могуществе и чуть ли не в самом существовании демонов и, чтобы разрешить свои сомнения, обратился к этому монаху Филиппу. Тот охотно согласился показать ему черта, начертил шпагой волшебный круг и пробормотал какие-то заклинания. И сейчас же поднялся шум и грохот, словно хлынули бурные волны, и налетел вихрь, и вслед затем появился громадного роста и ужасного вида черный дьявол. Рыцарь все время благоразумно держался внутри волшебного круга и потому не испытал никакого вреда, только все его лицо побледнело и оставалось такни до конца жизни, Этот же самый фокус был показан Филиппом какому-то патеру, но тот так испугался явившегося дьявола, что бросился бежать, т.е. выступил за волшебный круг, и дьявол его изувечил так, что он через три дня умер.

Договоры с дьяволом нередко выступают в летописях того времени, но выступают они не в делах о колдовстве, а в делах об ереси. Начинается с нее, и тут при следствии обозначается, что обвиняемый вступил в союз с нечистым, что и приемлется как доказательство его еретичества, отступничества от веры. Так, в 1180 г. в Безансоне сожгли несколько еретиков, и у всех у них нашли под мышками куски пергамента, на которых были написаны договоры с чертом. Не лишена поучительности история современника Гейстербаха, Эвербаха. Он служил управляющим у Теодорика, епископа Утрехтского. Случилось, что у него пропало несколько весьма важных записей и документов, относящихся до управления име-

нием, и это могло его сгубить. В сей крайности он и обратился к дьяволу, обещая, если поможет и выручит, служить ему верой и правдой. Дьявол немедленно отозвался на призыв. Конечно, была написана, как надлежит, по всей фирне, т.е. кровью продавца, запродажная запись на его душу. Эвербах обязался, по контракту, отринуться Христа и Девы Марии и воздавать поклонение дьяволу. Вслед за тем ему удалось блистательно свести и оправдать документально все свои отчеты по имению епископа. После того Эвербах взял подозрительную привычку заводить речь о том, что, дескать, все те, кто служит Богу, живут нищими, а те, кто служит дьяволу, пользуются всяческими благами. Окончательно развращенный, он впал, наконец, в соблазн изучения магии. Нечестие его дошло до таких пределов, что когда в Утрехт явился знаменитый тогдашний оратор Оливье проповедовать крестовый поход, то Эвербах выступил против него и стал его опровергать, а когда Оливье смутил его своими доводами, то он покусился на его жизнь, но посреди этих злых козней сам захворал и умер. Но его история на этом не кончается, а продолжается еще после его сверти. Сделалось известным, что он по кончине был ввергнут в ад и там претерпел муки несказанные. Но Господь умилосердился над ним. В самый день погребения, в ту минуту, когда его уже несли к могиле, он внезапно воскрес и поднялся в гробу. Разумеется, после этого чудесного воскресения он стал новым человеком. Он совершил путешествие ко Гробу Господню, наложил сам на себя всяческие епитемьи, а потом отдал свое имущество в монастырь и сам пошел в монахи.

Рассказывает еще тот же Гейстербах историю какого-то раскутившегося рыцаря, растратившего все свое имущество. Когда он впал в нищету, кто-то, сердобольный человек, посоветовал ему обратиться к содействию дьявола. Разорившийся рыцарь внял совету. Во время состоявшихся переговоров между ним и дьяволом рыцарь отрекся от Бога, но когда дьявол потребовал, чтобы он отрекся также и от Богоматери, рыцарь это требование ни за что не соглашался исполнить. Это-то его и спасло; предстательством Божьей Матери он был спасен.

Эти примеры, которых можно было бы множество привести из книг того времени, достаточно характеризуют состояние народных верований. Очень наглядным образцом отмеченного нами шатания мысли, нерешительных взглядов на тайные науки, вообще на сношения человека с нечистым духом может служить знаменитый Роджер Бекон (1214–1294). Он, по-видимому, глубоко сомневается в ходячих рассказах о колдунах и колдовстве, о возмущениях ими сил и явлений природы, вызывании бурь, напуске болезней, безумия и т.п. Невозможно, дескать, чтобы простой смертный мог призывать к себе на службу могучих духов, когда они ему нужны, а потом отпускать их, когда надобность в них минет, словно каких-нибудь наемных поденщиков. Но вслед за тем сам же Бекон пускается в туманные рассуждения о том, что бывает-де такое состояние неба и такое сочетание светил, при котором магические операции удаются. Значит, его скептицизм на поверку был довольно относителен. Несмотря на свой сильный, независимый критический ум, и он не мог выбиться из под гнета суеверий своего времени.

Наступил XIII век. Около этого времени по всей христианской Европе началось упорядочение судопроизводства и законодательства. Местные своды законов повсюду пересматривались, пополнялись; в них вводились многие, раньше упускавшиеся из вида группы преступлений. Казалось бы, этот момент был особенно благоприятен для того, чтобы законодатели обратили внимание на тайные науки, колдовство, знахарство, ворожбу и т.д. Но, однако, ничего подобного нельзя усмотреть в тогдашних сводах законов. Чарльз Лие перебирает их все один за другим в своей книге и выводит только заключение, что мирские власти, видимо, стараются снять с себя всякую возню с чародеями и передать их в ведение духовных властей. Бывали, впрочем, и любопытные схватки между духовной и светской властями за юридическую компетентность в делах о колдовстве. Так, в 1282 году во Франции, в Санли, схватили несколько женщин, обвиняемых в колдовстве. Их привлекли в своему суду мирские власти. Но тут вступился местный епископ и потребовал, чтобы обвиняемых передали ему, так как их дело входит в круг ведения духовного суда. Тогда в свою очередь в свалку вступился парижский парламент, который по зрелом обсуждении постановил, чтобы спорное дело было передано на суд духовный. Да и в самом деле, все эти дела о колдовстве были так темны и запутаны, что светским судьям, воспитанным в идее точности и наглядности доказательств и улик, было затруднительно постановлять по ним удовлетворительные решения, они и рады были избавляться от таких дел. Свитские суды стали несколько охотнее браться за эти дела только тогда, когда в арсенал орудий судопроизводства вошли пытки. Этим милым средством, за неимением улик, можно было в огромнейшем большинстве случаев добиться от подсудимого призвания в какой угодно вине. А собственное признание — статья весьма почтенная, на которой уже возможно обосновать правильный приго-

вор.

По отношению к колдовству в несколько особых условиях оказалась Испания. Там большое влияние оказало нашествие мавров-магометан. Мусульмане — фаталисты, а потому среди них эта глубокая вера в судьбу, в предназначение, породила веру в гадания. Они и распространили гадание и ворожбу во всевозможных их видах среди испанского населения. Арабские библиографы насчитывают около семи тысяч авторов, писавших только об одном снотолковании; не меньшее число писателей-специалистов насчитано ими в области других тайных наук. Поэтому, когда на полуострове распространилось христианство, то схватка между ним и многочисленными поклонниками тайных наук, т.е. слугами демона, как их должны были понимать христиане, вышла горячая и жестокая. В IX веке правительство на полуострове свирепствовало над колдунами не хуже, чем в Византии и Риме. Так, в 845 го-ду король астурийский Рамиро сжег целую армию всяких кудесников и чародеев, и в том числе немало евреев-астрологов. Но эта энергия борьбы с дьявольскими науками зависела непосредственно от личного характера и настроения королей. А между ними бывали и такие, которые сами увлекались тайными науками; таков был, например, Альфонс 1 Кастильский, «Воитель» (el batallador), как называли его испанцы. Он с величайшей страстью предавался ворожбе, особенно по полету птиц. Отличались по этой части и духовные власти. Архиепископ города Сантьяго, Педро Муньос, приобрел такую громкую славу некроманта, что папа Гонорий III был вынужден сослать его в отдаленный монастырь (1220 г.). Мы уже упоминали о том, что когда Испанией овладели вестготы, они ввели там несколько смягченные римские законы о колдовстве, и эти законы держались потом, уже при христианстве, почти до XV столетия.

III. ГЛАВНЕЙШИЕ ТАЙНЫЕ НАУКИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЭПОХИ

В предшествовавших главах мы лишь мимоходом указывали на те пункты, которые сосредоточивали на себе внимание светских и духовных властей и в которых возникало подозрение насчет вмешательства в дело адских сил. Теперь, порядка ради, находим полезным кратко характеризовать главные отрасли тайных наук, которые возбуждали подозрительность властей.

Этих наук было великое множество, и их называли то науками, то искусствами, кому как больше нравилось. Существовало особое искусство толковая сновидений — онирокрития; искусство гадания по руке — хиромантия; искусство предсказания характера и судьбы по лицу и голове — физиогномония. Искусство магии очень трудно определить в точности. Волшебство, чародейство, вызывание духов, знание волшебных слов, заговоров, заклинаний — вот обширная область магии. Ее разделение на черную и белую очень неясно. Под черной надо подразумевать ту, которая требовала содействия адских сил; под белой — что-то вроде простого фокусничества, хотя иные кудесники по этой части, как кажется, не прочь были утверждать, что они в своих волхованиях пользуются добрым советом и содействием высших небесных сил, ангелов в святых. Иные подразумевали под белой магией алхимию, имевшую своим предметом столько же искание способов изготовления золота, как и способов изготовления напитка молодости и бессмертия — жизненного эликсира. Алхимия была важнейшей из тайных наук, наряду с астрологией, т.е. искусством читать будущее вообще, а главным образом судьбу человека по расположению небесных светил. Затем существовал еще целый ряд мелких волшебных специальностей: искусство указания источников посредством магического прута, искусство открытия воров, гадания на картах, изготовления ладанок, любовных зелий и т.д.

Римская церковь очень долгое время не могла установить точного определения тайных наук, и, например, на вопрос, что такое магия, по каким признакам можно с точностью заключить, что человек в ней виновен, редко кто из духовных казуистов до времен инквизиции смог бы дать точный ответ. Инквизиция все это привела в порядок, хотя, правда, не сразу, а лишь с течением времени, по мере накопления в ее бездонных архивах массы данных и фактов, почерпнутых из бесчисленных процессов.

Можно думать, что ни одна из отраслей тайных наук не причинила столько хлопот духовенству и светским властям, как астрология. Она была чрезвычайно распространена, держалась чуть не до XIX столетия, а главное, что особенно затрудняло, она пользовалась большим вниманием владетельных особ — императоров, королей, герцогов. Многие из них держали придворных астрологов и этим признавали открыто и науку, и ее жрецов. Таким образом реквизиции предстояло разрешить относительно астрологии два труднейшие во-

проса, а именно: рассмотреть ее по существу и со стороны увлечения ей высших светских лиц. Надо было, значит, во-первых, распознать, что это за наука — просто ли она наука или дьявольская наука? Во-вторых, умненько обсудить, как браться за ее жрецов в тех случаях, кода они состоять под явным покровительством таких лиц, с которыми не было возможности обойтись без стеснений. Положение было трудное.

Астрология — наука, несомненно, восточного происхождения. Она народилась на свет на раввинах Халдеи, начало ей положили тамошние маги-звездочеты; потом она оттуда перешла в Египет, а из Египта уже передвинулась в Европу через Рим. Здесь она одно время должна была выдержать борьбу с местными гадателями, авгурами и аруспициями и одолела их довольно быстро. Она сделалась даже предметом преподавания, была введена в круг образования молодых патрициев. Но в том же Риме в императорскую эпоху астрология вдруг впала в немилость. Причина этой немилости состояла в том, что астрология располагала, между прочим, средствами в точности определять час смерти людей, а значит в том числе и императоров. А знание часа смерти главы государства могло повлечь за собой крупнейшие государственные непорядки. Вот ради этого соображения астрология и была внезапно прихлопнута и ее искусники преследовались с неслыханным ожесточением. Но этим преследованием их извести не удалось, потому что римское население слишком привыкло к астрологии и решительно не могло без нее обходиться. Тацит остроумно замечает, что астрологи были постоянно гонимы и в то же время постоянно терпимы. Наука была притом же в высшей степени сложная, требовавшая многолетнего усерднейшего изучения, так что лицами, предавшимися этому изучению, надо было дорожить. Правда, опытные астрологи сумели ее упростить, чтобы сделать ее более доступной большому кругу любителей и почитателей: они придумали особые таблицы, по которым астрологические операции упрощались и облегчались.

В христианскую эпоху, в первые ее времена, отношение к астрологии было совершенно неопределенное. Духовенство смотрело на нее косо, но, очевидно, не по существу, а потому, что она была наследием языческих времен. Святой Августин очень горячо против нее ратовал, доказывал нелепость веры в то, что по звездам можно определять всю судьбу человека. Но светские властители астрологии покровительствовали, и вообще в Средние века она была распространена повсюду и прежде всего среди духовенства, которое тогда, как известно, было почти единственным ученым сословием. Альфонс Кастильский включил ее в число свободных искусств; Фридрих II держал при себе целый штат астрологов и очень их жаловал. Архиепископа Равенского в его походе против Эццелина сопровождал астролог, да и сам Эццелин держал при себе целую толпу звездочетов. В 1805 году кардиналы вызывали папу Климента V в Рим и, желая его убедить поторопиться, писали ему, что звезды и планеты пришли в сочетания, указующие на самый благоприятный момент для его возвращения. Савонарола упоминает о том, что в его время (XV столетие) все, кто только имел средства, держали у себя на дому астролога, и он должен был давать им указания даже в мельчайших случаях жизни, дожжен был отвечать на вопросы: идти или не ходить в гости; идти пешком или ехать на коне, или ехать на лодке; надевать ли тот или другой костюм? Суровый проповедник, впрочем, утверждал, что и сама римская церковь «управляется астрологией», потому что у каждого прелата есть свой астролог, которого он во всем слушается.

Интересно еще, что в инквизиционных наставлениях к ведению следствия и допроса, в числе всяких подвохов, которыми истязали обвиняемого, ничего не упоминается об астрологии, по крайней мере в наставлениях, изданных в XIII и XIV столетиях. В 1290 году парижский университет, вкупе с местным великим инквизитором, издал список запретных книг, трактующих о некромантии, магии и прочих тайных науках; в нем вовсе не упоминается об астрологических сочинениях, которые в то время обращались в публике во множестве. Да и нельзя их было запретить потому что в числе их, например, книга Гермеса-мага была получена кем-то из древних мудрецов прямо от архангела Гавриила; таково было о ней общее мнение. А между тем, по словам Лие, в этой книге можно найти немало таких вещей, которые относятся прямо к области колдовства.

Первым авторитетным духовным писателем, восставшим на астрологию с некоторым жаром, был Иоанн Салисберийский (XII в.). Он говорит, что влияние звездных сочетаний на судьбу человека грубо преувеличено, что астрология должна быть запрещаема церковью, а занимающиеся ею — подвергнуты каре; что астрология нечестива по существу, потому что лишает человека разумной и свободной воли, внушает ему веру в предопределение; что она клонится к язычеству, потому что переносит всемогущество создателя с Его Самого на его творения. Он прибавляет, что знал лично многих астрологов, но не звал из них ни одного,

на которого бы в конце концов, так или иначе, не обрушился гнев небесный. Впоследствии эти взгляды приняты были знаменитым столпом католического богословия Фомой Аквинатом. Он, однако, установил разницу между разными видами астрологии, разделил ее на дозволенную и недозволенную. Если она занимается предсказанием обычных явлений природы, например, бурь, засухи, то в ней нет ничего дурного; но если она вторгается в область свободного произвола, тщится угадать будущую судьбу человека, то она становится невозможной без содействия демонических сил, и тогда она превращается в злодейство.

Итальянский казуист, инквизитор Цангино, говорит, что хотя эта наука входит в круг семи свободных искусств и законом не воспрещена, тем не менее, имеет явную склонность к идолопоклонству и осуждается знатоками церковного права. И он тоже главным образом опирается на тот довод, что астрология порождает веру в предопределение, фатализм, подрывает догмат свободной воли, принятый церковью; она подкапывается даже под всемогущество Божие, раз она осмеливается утверждать, что предсказываемая светилами судьба человека неизбежна и неизменна.

Замечательно, что холодный и легко впадающий в сомнение Бекон в астрологию свято верил. Он говорит, что светила в их движении и взаимном положении суть настоящие источники судьбы человека, что весь характер и склад жизни человека определяется положением их на небе в момент его рождения, и что нет ничего легче, как познать и прошедшее, и будущее с помощью астрологических таблиц, которые, кстати сказать, самим же Беконом и были изготовлены. Но он впадает в странное противоречие, утверждая в то же время, что воля человека вполне свободна, что он, следовательно, может распоряжаться собственной особой, как хочет.

Таким образом, в сущности, положение астрологов было довольно щекотливое. Духовное начальство, и особенно инквизиция, когда она явилась и установилась, могли их побеспокоить каждую минуту и потребовать от них разъяснений по поводу отправления ими своей специальности. Надо было распознать, какой именно астрологией человек увлекается: дозволенной или недозволенной, а сверх того, не присоединяется ли к астрологии еще что-нибудь. Ведь раз человек получил вкус к тайным наукам, то, пожалуй, я не ограничивается одним созерцанием позиций светил небесных. При колоссальном искусстве инквизиторов раздвигать пределы виновности очень невинный на самом деле звездочет-любитель мог оказаться и колдуном, и некромантом, да вдобавок еще еретиком. И если такие происшествия случались не часто, то, как мы сказали, это зависело лишь от чрезвычайного почтения, каким астрология пользовалась у сильных мира сего, светских и духовных. Но, однако, все же с астрологами бывали пренеприятные приключения. Об этом свидетельствует дело очень известного в свое время ученого врача Петра Апонского. Его многие считали величайшим магом своего времени; но собственно магией он не занимался, а занимался медициной и астрологией; славу же мага приобрел за свои необычайно удачные исцеления. За что собственно он был притянут к инквизиционному судилищу, об этом трудно судить. Но что его было за что притянуть, это вне сомнения. В одном из своих сочинений он рассыпается в пышных восхвалениях астрологии и неосторожно заявляет, что медицина немыслима без содействия астрологии, причем приписывает звездам такое влияние на судьбу человека, что у него перед светилами как бы вовсе стушевываются божественная воля и всемогущество.

Таковы по крайней мере общий смысл и характер его гимнов могучему влиянию светил. Самые крупные события мировой истории у него прямо подчинены влиянию светил; так, например, всемирный потоп, по его толкованию, случился потому, что в то время земля была под влиянием планеты Марса, и как раз в это время случилось соединение Марса с какими-то другими планетами в созвездии Рыб; от этого и произошел потоп; кабы не это сочетание светил, то потопа бы и не было. Так рассуждать под носом у инквизиции было очень легкомысленно. В той же книге ученый толкует о влиянии луны на нравы жителей Содома и Гоморры, на исход евреев из Египта, доказывает, что соединение Сатурна и Юпитера в созвездии Тельца, случающееся однажды в 960 лет, всегда сопровождается величайшими событиями, что ко времени такого соединения относятся болезнь Навуходоносора, рождение Моисея, Александра Македонского, Магомета и т.д. Кончилось тем, что инквизиция вчиталась « эти зазорные места книги Петра Апонского и взялась за ученого автора. Притом он был человек очень богатый, врачебная практика принесла ему огромный доход, значит, он представлял собой очень ценную добычу. В первый раз ему как-то удалось вырваться на свободу из цепких когтей священного судилища. Но скоро его опять схватили. и на этот раз он, значит, оказался уже еретиком нераскаянным, вновь впавшим в прежнее прегрешение, а в этих случаях инквизиция пощады не знала. Его, наверное, сожгли бы на костре, но он уп-

редил это событие естественной смертью.

Почти такую же, но много более поучительную участь испытал Чекко из Асколи. Он еще в ранней молодости предался свободным искусствам и, между прочим, имел обширные сведения по астрологии. Скоро он приобрел славу первого астролога своего времени. Он был молод, тщеславен, ему было мало приобретенной славы, и он хотел, чтобы его считали первым астрологом в мире, начиная со времен Птолемея. Он был очень остроумен и едок, и невоздержан на язык, и, конечно, как водится, нажил себе ожесточенных врагов. Конечно, на астрологию он смотрел, как на науку из наук, и создал себе из нее что-то вроде особой, своей собственной веры, т.е. ереси. Чекко до того вник в звезды, что даже хвалился, что по звездам можно узнать, о чем человек в данную минуту думает или что держит в зажатой руке. И у него все это истолковывалось в смысле отчаянного фатализма; человек-де должен неотразимо и фатально думать в данную минуту о том-то, если он родился под такими-то сочетаниями светил, а в данный момент (т.е. когда предстоит определить его мысли) состоялось такое-то их сочетание. В глазах инквизиции все это составляло уже не только отрицание свободной воли, но и явную ересь. А между тем Чекко то и дело делал предсказания разным самым выдающимся лицам насчет их судьбы; так, он предсказал, что предстояло Людвигу Баварскому, Карлу Калабрийскому, сыну короля неаполитанского Роберта, и многим другим. И все его предсказания сбывались, что, конечно, доставило ему колоссальную славу по всей Италии и даже далеко за ее пределами. Но опять-таки эти предсказания ведь не были плодом откровения свыше, а добыты путями совсем иными, и это инквизицией тоже было взято в соображение. Тем временем Чекко сделался придворным астрологом Карла Калабрийского. Это почетное положение, конечно, создавало вокруг него весьма надежный оплот против натиска инквизиции, но Чекко не сумел удержать за собой эту позицию; он был и молод, и надменен, и самонадеян, и страшно высоко ценил свою ученость; придворный из него вышел самый неудачный. У Карла родилась дочь, и Чекко, конечно, должен был составить ее гороскоп (предсказание судьбы по звездам). И вот он объявил, что принцесса не только склонна от рождения, но даже прямо вынуждена будет, когда вырастет, продать свою честь! Это скандальное предсказание было равносильно прошению об отставке от придворного звания. Почему в этот момент инквизиция не овладела своей добычей, не умеем сказать. Чекко до поры до времени оставили на воле. Он перебрался в Болонью, начал там профессорствовать. В это время ему пришла охота напасать толкования на знаменитую книгу Сакробоско «Sphaera». (В этой книге ученый автор делает свод всех современным ему воззрений о небе и земле и строении вселенной). Книга была написана ловко, не заключала в себе ничего такого, что могло бы причинить цензурные неприятности автору. Злополучный Чекко. нападая на какие-то положения Сакробоско, вздумал доказывать, что с помощью известных чар и при известном сочетании светил вполне возможно принудить злых духов совершать чудеса. Надо полагать, что сам Чекко едва ли в это верил и во всяком случае не делал этого, а отразил в этих своих словах ходячие народные верования, быть может, в погоне за популярностью. Эта его книга произвела нехорошее впечатление на благочестивых читателей. Вдобавок, он пустился в ней в исторические соображения самого рискованного свойства. Это были неосторожные слова: в них все увидели прямой вызов духовенству. Болонский инквизитор фра Ламберто поднял брошенную перчатку. Чекко притянули к суду инквизиции и на первый раз обошлись с ним чрезвычайно милостиво: заставили только публично отречься от заблуждений и выдать инквизиции все астрологические книги, какие у него были; сверх того, ему запретили преподавать и наложили, конечно, епитемью и денежную пеню. После этого процесса его положение сделалось в высшей степени щекотливым. Он оказался изобличенным и покаявшимся еретиком и, следовательно, в случае новой провинности, становился уже нераскаянным еретиком, рецидивистом, которому на пощаду нечего было и рассчитывать. Значит, ему теперь следовало быть, что называется, тише воды, ниже травы. Но он был не такого склада. После суда он переселился во Флоренцию, где тогда властвовал его прежний патрон, Карл Калабрийский. Здесь Чекко снова принялся за старое. Он начал продавать свои сочинения, уверяя публику, что в них введены все поправки, потребованные болонским инквизитором; но это была неправда: книги продавались без всяких поправок. Начались опять и предсказания. В мае 1327 года в Италию вступил во главе своих полчищ Людвиг Баварский; Чекко предсказал, что этот немецкий принц займет Рим к будет там коронован. Всем этим воспользовались его враг и ненавистник канцлер Карла Калабрийского и знаменитый доктор философии Дино дель Гарбо. В 1327 г. Чекко был арестован флорентийским инквизитором Аккузио. Инквизиция, ни на минуту не выпускавшая его из вида, пересчитала по пальцам все его провинности. Но ей хотелось добиться от него полного покаяния и она щедрой рукой применила к нему пыточный метод. После того его торжественно судили в присутствии флорентийской духовной и светской знати и приговорили к сожжению.

После этих случаев астрология продолжала некоторое время занимать еще твердое положение незапрещенного свободного искусства, но на нее стали смотреть все более и более косо. Многие в то время разделяли очень разумное мнение гениального Петрарки, который говорил, что астрологи народ очень полезный, пока они занимаются предсказанием затмений, гроз, бурь, дождей, но когда они принимаются предсказывать судьбы людей, то становятся лжецами. Инквизитор Эймерих говорил, что если человек подозревается в некромантии и в то же время окажется астрологом, то можно быть уверенным, что он некромант, потому что эти две науки тесно соприкасаются и почти всегда изучаются вместе. Герард Гроот обвивял астрологию в нечестии, ереси, попрании божеских законов. В Испании Петр Жестокий Кастильский и Петр IV Арогонский держали при своих дворах толпы астрологов (около середины XIV столетия), а в конце столетия Иоанн I Кастильский причислил астрологию к запретным видам ворожбы. Но гонимая наука все еще находила страстных приверженцев даже среди высшего духовенства. Так, между прочим, славой великого астролога пользовался кардинал Петр д'Альи. Он любил делать предсказания на далекое будущее время, и одно из них странным образом сбылось; именно, он предрек, что в 1789 году, если до тех пор мир еще будет существовать, то человечеству угрожает великий переворот; он, значит, невзначай предсказал французскую революцию. Однако для астрологии рано или поздно должен был пробить час крушения. К этому неизбежно шло дело. Чаще и чаще стали раздаваться против нее грозные, обличительные и в то же время авторитетные голоса. Так, знаменитый демонолог Шпренгер высказал мнение, что занятие астрологией необходимо предполагает безмолвный договор с дьяволом. Притом много других тайных наук уже было признано делом бесовским, и эта же участь неизбежно ждала астрологию. Первый решительный удар был ей нанесен во Франции приговором по делу Симона Фарееса. Это было в 1494 году. Фареес был астролог. Его притянули к епископскому суду в Лионе, изобличили и приговорили к сравнительно пустяковому наказанию: годовому посту по пятницам; но при этом ему пригрозили, что в случае повторительного грехопадения ему будет худо. Книги его, конечно, отобрали. Фареес, человек строптивый, не покорился епископскому приговору и подал на него апелляционную жалобу в парламент; этот последний передал его книги на цензуру в университет. Ученое учреждение пришло к заключению, что астрология паука ложная, суеверная и потому вредная, «искусство, изобретенное сатаной», и потому подлежит строгому преследованию духовных и светских властей. Посему парламент объявил во всеобщее сведение, что занятие астрологией впредь воспрещается, как равным образом запрещается и публике прибегать к услугам астрологов. Типографам запрещено было печатать астрологические книги, а книгопродавцы обязывались все имеющиеся у них книги по этой части представить местным епископам. Правда, это запрещение в значительной мере оправдывалось тем, что около того времени к астрологии постепенно пристроились и припутались совсем другие отрасли волшебных искусств. Так, многие астрологи изготовляли кольца, ладанки, зелья, сообщая ин силу в влияние известных планет и созвездий зодиака; эти вещи обладали, значит. волшебными, сверхъестественными свойствами и являлись, в сущности, предметами колдовства; особый прибор, якобы астрологический, так называемая астролябия, служил для ворожбы о пропажах, для предсказания будущего. И все это подробно описывалось в астрологических сочинениях, иногда занимая в них далеко не второстепенное место. Эта примесь к астрологии простого колдовства и сгубила ее.
Из других тайных наук немало мучений духовенству доставила онироскопия или онирокрития — искусство снотолкования, т.е. та самая галиматья, которая наполняет наши нынешние «сонники» московского изделия. С ней тоже долгое время не знали, что делать, как и с астрологией. Ссылались на книгу «Второзакония» (гл. XVIII), где снотолкование объявлялось запретным делом. С другой стороны ссылались на сны библейских патриархов, на Иосифа, на Даниила, знаменитых библейских снотолкователей. Приводили также текст из книги Иова (кн. Иова, XXXIII, ст. 14–17), Выходило как будто бы, что снотолкование не заключает в себе ничего подозрительного, недозволенного, соблазнительного, такого, в чем можно было бы видеть след участия адских сил. Богословы не решались высказываться вполне определенно. Так, Фома Аквинат говорил, что есть сны от Бога и есть сны от дьявола, но не объясняет, как их различать. Порешили молча на том, что если искусник по этой части толкует сны просто, по собственному разумению, не прибегая ни к каким приемам, которые наводили бы на догадку, что он пользуется при этом содействием лукавого, то и оставить его в покое, пускай толкует.

Затем богословам-казуистам пришлось немало подумать над заупокойными обедня-
ми. Случалось, что люди заказывали такие обедни по живому человеку и притом с тайной целью его погубить. У нас в простонародии, кажется, до сих пор держится суеверие, что если поминать живого человека за упокой души, то этим можно его извести. Духовные соборы строго запрещали такие обедни и грозили за них наказаниями и тому, кто такую обедню заказывает, и тому, кто ее служит, если, конечно, ему известно, что служится она о живом

человеке. Надо полагать, что такие обедни нередко заказывались, потому что в правилах исповедания патерам предписывалось, в числе прочих прегрешений, спрашивать исповедующихся и о том, не служили ли они таких обедней.

IV. ТАЙНЫЕ НАУКИ ПЕРЕД СУДОМ ИНКВИЗИЦИЙ

Инквизиция обладала всем, что нужно для организации борьбы, да притом она с этой задачей и появилась на свет. Главной ее целью была борьба с ересью, и она так устроилась, чтобы ни один еретик у нее не выскользнул из рук, не прокрался мимо. Рядом с этим она быстро разработала способы разведки и распознавания ереси во всех ее мельчайших оттенках, дабы безошибочно отличать «волка в овечьей коже» и уметь изобличить грешника, как бы он ни прикидывался невинным и за какие бы ширмы ни прятался. Конечно, тут были со стороны инквизиции и беспрестанные увлечения через край, на практике выражавшиеся в том, что в число еретиков попадали люди, ровно ни в чем неповинные; это был просто-напросто избыток усердия старательных людей. Было и кое-что другое: преследование еретиков приносило, кроме чисто духовных плодов, еще и плоды мирские, житейские. Имущество богатого еретика обязательно конфисковалось и шло в известной доле в карман усердствующего инквизитора. Значит, ему было из-за чего стараться во всяком смысле
Вникая в сущность ереси, в ее ухищрения и уловки, во все ходы и переходы, в которых она пряталась от преследования, инквизиция попутно и мимоходом глубоко вникла и в тайные науки. Они подвернулись под руку самым естественным манером, так сказать, сами собой. Ересь и тайные науки — две формы отступничества от господствующей религии. Ересь — это отступничество от догмата, а тайные науки — служение дьяволу, переживание остатков старого язычества. Значит, то и другое, с той точки, на которой стояла инквизиция, одинаково подлежало искоренению.

Инквизиция довольно быстро огляделась и освоилась в темной сфере тайных наук и выработала точные правила для преследования всяких кудесников и чародеев. Уже в 1280 году вышел подробный свод таких правил, представлявший собой как бы наказ для следователей по всем делам о колдовстве и чародействе; впоследствии этот наказ все тоньше и тоньше разрабатывался и в конце концов представлял собой своего рода образцовое произведение по обдуманности, точности и дальновидности следственных приемов.

Просматривая последовательные, исправленные и дополненные издания этих наказов, можно проследить постепенный ход проникновения инквизиции во все закоулки и мельчайшие разветвления тайных наук. Так, в первых изданиях мы еще не находим и упоминания о ведьмах и их шабашах, а в последующих изданиях эта статья образовала собой одну из существеннейших глав наказа. Инквизиция не проморгала самой пышной добычи и вовремя ее заметила.

Само собой разумеется, что инквизиция вполне приравняла тайные науки к ереси и преследовала за оба преступления в одинаковой мере. У нее на первом плане стояли вопросы религии, догматы; какие бы от них ни делались отступления, выражались ли они в метафизических умствованиях о существе Божьем, о непорочном зачатии и т.п. или в суеверных обрядах призвания демонов, — все равно, в обоях случаях было отступничество, т.е. ересь. Таким образом, колдуну было иногда даже выгоднее попасть в руки инквизиции, потому что полным покаянием он мог спасти свою жизнь, тогда как попав в руки мирского суда, если его колдовство влекло за собой какое-нибудь обычное уголовное преступление, он рисковал кончить жизнь на виселице или костре. Притом, если он был только колдун и к вопросам веры был равнодушен, то покаяние, т.е. отрешение от своих убеждений, не должно было и беспокоить его душу. Конечно, можно бы спросить, много ли человек выгадывал, попав вместо костра в ужасную тюрьму инквизиции, на хлеб и на воду, иногда на всю жизнь, без малейшего просвета надежды. Но что для человека дороже жизни, и многие ли предпочтут смерть чему бы то ни было? Впрочем, эта относительная снисходительность держалась лишь первое время, а потом, когда колдовство и ведьмовство обратились чуть не в эпидемию, инквизиция не только отменила эту снисходительность, а наоборот, даже в случае полнейшего раскаяния всегда старалась подыскать достаточный предлог для того, чтобы отправить колдуна или ведьму на костер.

В начале XIV столетия явился один из деятельнейших и усерднейших старателей инквизиции, итальянский монах Цангино, после которого остались благочестивые литературные труды, дающие возможность судить о существовавших в его время народных суевериях, отвозящихся в области тайных наук. Цангино очень пространно описывает разные от-

расли и разновидности магии, причем, кстати сказать, не упоминает о колдовстве в обыкновенном смысле слова, из чего можно заключить, что около того времени, т.е. в начале XIV века, ни в Италии, ни во Франции колдуны и ведьмы еще не были явлением обычным. Можно полагать, что преступления колдунов и ведьм еще не рассматривались, как ересь, и подлежали не инквизиционному суду, а мирскому. Но предсказание будущего какими бы то ни было средствами являлось уже ересью, ибо будущее во власти Божьей; ересью являлись также: вопрошание демонов о будущем или о чем бы то ни было неведомом, поклонение солнцу, луне, звездам, планетам, элементам (все эти «поклонения», надо думать, метили в астрологию), вообще верование в то, что какая бы то ни было благодать может быть получена помимо Бога, из какого бы то ни было иного источника; обобщая все это, можно было постановить, что ересью должно считаться всякое деяние, противоречащее постановлениям церкви, или ею запрещаемое. И все такие преступления подлежать суду инквизиции, которая в конце концов сплела такую сеть, через клетки которой не могла проскочить благополучно самая мелкая добыча. Если же магия не была отмечена явной печатью ереси, то она подлежала суду епископскому; тут дело чаще всего кончалось тем, что виновный признавался впавшим в смертный грех, и его не допускали к причастию. Такой же участи подвергались и те, кто хотя сам и не колдовал, но пользовался добрыми услугами колдуна. Однако, в то же время и светские власти не отказывались от своего права судить колдунов, так что преступления этого рода направлялись то в епископские, то в светские суды.

Но вот что достойно замечания. Как только инквизиция взялась за магию вплотную и приняла твердое решение ее истребить начисто, так тотчас же к ней, как к запрещенному плоду, публика начала льнуть с ожесточением, достойным лучшей участи. И тут вдруг и неожиданно магами и колдунами, да притом еще злейшими, т.е. прямо связавшимися с чертом, оказались самые высшие представители знати светской и духовной и даже сами папы! Да, как бы это ни казалось неимоверным, был случай обвинения в сношениях с дьяволов самого папы, и именно Бонифация VIII. Этот пастырь католической церкви был человек очень надменный и сварливый. Он вечно враждовал то с тем, то с другим королем, но особенно не ладил с французским королем Филиппом Красавцем. Распря у них шла за преобладание власти; папа стремятся к тому, чтобы духовная власть вообще везде и всюду была превыше власти мирской, Филипп же стоял за преобладание мирской власти над духовной. Вражда между ними дошла до того, что папа по приказу короля был схвачен (в 1303 г.) и предан суду особого собора, торжественно заседавшего в Лувре. И в чем же между прочим обвинялся папа? Да ни более ни менее как в том, что он держал при своей особе домашнего демона, который осведомлял его о всех текущих и грядущих событиях, затем прямо в том, что он и сам был колдун и, кроме того, имел совещания с колдунами, ворожеями и предсказателями.

Около того же времени казначей английского короля Эдуарда I, епископ ковентрийский, был обвинен во взяточничестве, любодеянии и других некрасивых вещах и предан суду. И вот на суде вдруг всплыли еще какие-то обстоятельства, доказывавшие, что епископ знался с дьяволом, пользовался его услугами и воздавал ему поклонение, целовал его... только не в лицо.

Чрезвычайного скандала натворило также дело труайского епископа Гишара (1302 г.). Его обвиняли в том, что он извел ядом королеву Бланку Наварскую. Ему удалось откупиться от обвинения, уплатив дочери отравленной королевы, Жанне, супруге Филиппа Красавца, громадную по тому времени сумму — 80.000 турнских ливров (т.е. франков). Но королева Жанна через три года умерла, и тогда Гишара снова схватили и обвинили в ее отравлении. Утверждали, что епископ был в нее влюблен и добивался ее взаимности, а так как она доброй волей на его ухаживания не поддавалась, то он и прибег к демонскому содействию. Дьявол научил его соорудить восковую фигурку и окрестить ее. Епископ это сделал, но его дело от того не подвинулось вперед; терзаемый досадой, он бросил восковую фигурку в огонь. А т.к. она представляла собой королеву, то и эта последняя, когда ее волшебное изваяние погибло, тоже умерла внезапно от какой-то непостижимой скоротечной болезни. Утверждали также что и дети королевы тоже намеченные жертвы Гишара, который на них выместит свое озлобление против неподатливой их матери. Гишар был под судом до 1313 года и только тогда его отпустили, но все же конфисковав его огромное имущество, что, кажется, и было главной целью предпринятого против него юридического похода.

Эта же черта выступила в деле Энгерана Мариньи, любимца Филиппа Красавца. Мариньи был страшно богат, а главное, возбуждал зависть именно тем, что король осыпал его своими милостями. Пока Филипп был жив, к его любимцу не было, что называется, приступа, но как только Филипп умер, граф Валуа, брат покойного короля, стоявший во главе за-

вистников Мариньи, немедленно обвинил Мариньи перед новым королем Людовиком в том, что он растратил государственную и королевскую казну. Мариньи был осужден на смерть и повешен (1315 г.). Но интересно, что в числе взведенных на него провинностей стояло обвинение в том, что он заставил свою жену и ее сестру войти в сношение с какими-то колдунами и колдуньями, которые по их заказу изготовили восковые фигурки, с помощью которых (истребляя их, например: сжигая, протыкая, разрезая) Мариньи намеревался сгубить короля, его родственников и многих лиц из придворной знати. Колдунов и колдуний, конечно, тоже отыскали и сожгли на костре, и вообще приговор, кажется, главным образом и опирался не на грабеже казны, а именно на колдовстве и душегубстве.

В начале XIV столетия мученически погиб фравцисканец Бернар Делисье, один из благороднейших и гуманнейших людей своего времени, истинный выродок среди тогдашнего католического духовенства, черного и белого. Его постоянные нападки на духовенство, изобличение его дурной жизни, конечно, создали ему ожесточенных врагов, которым при тогдашних порядках не стоило большого труда обвинить его в ереси. И вот между другими пунктами обвинения в его деле стояло и обвинение, что оп покушался на жизнь папы Бенедикта XI с помощью магических операций. Этого умысла, положим, доказать не могли, но мимоходом, при содействии пытки, дознались, что книга о некромантии, которую у него нашли, была им читана и что он собственноручно делал найденные на ее полях заметки. И надо заметить, что не он один из своего ордена (он был францисканец) обвинялся в обладании запретными книгами. В 1812 году общий совет ордена постановил, чтобы ни у одного монаха не было никаких книг из области магии, алхимии и других тайных наук, которыми было запрещено заниматься.

Папа Иоанн XXII своим примером свидетельствует о живучести среди тогдашнего общества глубокой веры в волшебные науки. Иоанн был человек чрезвычайно образованный, но в колдовство, в возможность творить всякие чудеса силой дьявола, он верил непоколебимо, и это прежде всего выражалось в его чрезвычайном страхе перед колдовством. Такому его настроению, впрочем, немало способствовали слухи о большом заговоре, который составился при его избрании в папы именно с целью помешать этому избранию. С этого времени он и был настороже и повсюду подозревал врагов, покушающихся на его жизнь, и притом по преимуществу посредством колдовства. Так, в 1317 году он поручил епископу реджианскому судить некоего брадобрея, Жана Дамана, которого обвиняли тоже в покушении на жизнь папы; вместе с ним схватили каких-то несчастных клириков, якобы его сообщников. Под убедительным давлением пытки эти люди сознались, что на папу они точно задумали покушение. Сначала думали извести его ядом; но к этому им не представлялось удобного случая, и тогда они прибегли к фигуркам из воска. Изготовляя эти фигурки, они сделали надлежащие, какие положены по правилам магии, воззвания к сатане. Побуждаемые пытками к дальнейшей откровенности, брадобрей и его компаньоны-клирики признались, что они умеют загонять чертей в перстни (мы раньше приводили рассказы о таких волшебных перстнях с дьяволами), умеют напускать болезни, даже накликать смерть, равно как и наоборот, волшебными средствами продолжать жизнь. И все это они будто бы совершали исключительно с помощью магических слов, т.е. заговоров и заклинаний. Такого обширного искусства было больше чем достаточно, чтобы отправить их на костер.

Папа Иоанн почерпнул в этом деле все то рвение, с которым он после этого обрушился на ненавистную ему магию, которую считал для самого себя постоянной смертной угрозой. Он никого не щадил. По его почину судили, например, Роберта, епископа экского, который слыл магом. Порешив, что магия пришла в Европу с Востока и что ее корень и источник там, папа в ту сторону и обратил свои усилия. Там в те времена уже утвердилось католичество. папа предписал левантским доминиканцам (в 1318 г.) назначить особых инквизиторов во всех местностях, где были католические церкви, и вместе с тем просил венецианского дожа и константинопольского патриарха оказать все их влияние и содействие к преследованию магии. Через два года он командировал на Восток кардинала Сабину, которого снабдил особыми полномочиями и наказами инквизиторам, избранным для ратоборства с колдовством. В последующих его буллах видно, как растет его недовольство по поводу распространения колдовства в христианском мире. Он предписывал предавать колдунов анафеме, поступать с ними, как с еретиками, а отобранные у них книги обязательно сжигать. Но все это рвение, конечно, принесло чисто отрицательные плоды. Публика, слушая папские анафемы и логически из них заключая, что сам папа верит в магическое искусство, открыто признает, что, например, дьявол может быть заточен в кольцо, и что с этим кольцом можно творить чудеса, конечно, накинулась на запретный плод, и потому никогда, может быть, разные кудесники не были в таком спросе, как при этом папе. Ремесло колдунов сделалось одним из самых выгоднейших, потому что потребители должны были оплачивать

весь его громадный риск. И по спискам инквизиционных дел видно, что, например, во Франции, до 1320 года вовсе не было случаев осуждения за колдовство, а в последующие годы этих дел разбиралось множество. Между прочим и в протоколы отречения этих еретиков был введен пунктик насчет колдовства, так что если такой раскаявшийся грешник впоследствии изобличался в колдовстве, то, хотя бы при этом и оказался неповинен в ереси, его все же можно было считать рецидивистом и, следовательно, сжечь.

Процветание магии под влиянием упомянутой папской «рекламы» этого искусства скоро принесло свои плоды. Об этом можно судить по очень громкому скандалу, разразившемуся в 1325 году в Париже. Началось с того, что в одной пригородной местности у перекрестка стали останавливаться собаки и с ожесточением рыли землю. Их пробовали отгонять, но они возвращались; их, очевидно, что-то зарытое в земле неотразимо привлекало. Дали знать властям, взрыли в том месте землю и откопали ящик, в котором был заточен живой черный кот, а рядом с ним хлеб, пропитанный миром и святой водой. По каким признакам заключили, что тут не просто масло и вода, не священные, это вам неизвестно. От ящика к поверхности земли шла трубка, очевидно, долженствовавшая снабжать арестованного кота воздухом. Созвали всех столяров из окрестных мест, и вот один из них призвал ящик за произведение рук своих; он делал ящик по заказу некоего Жана Прево. Взялись за Прево и живо привели его в откровенное настроение пыткой. Он оговорил целую толпу цистерианских монахов Сарцельского монастыря, начиная с их настоятеля. Главными виновниками оказались монахи Жан Персан, маг и чародей, и еще другой монах, его ученик. По расследовании оказалось, что почтенный аббат был обокраден; кто-то увел у него значительную сумму денег. Желая разузнать вора, он и обратился к добрым услугам монаха-колдуна.

Штука с черным котом и была устроена этим чародеем. Кот должен был оставаться в своей подземной тюрьме три дня. После того его надлежало убить, кожу с него содрать и разрезать на узкие ремни, а из ремней этих соорудить круг на полу. В круг должен был вступить человек, которому надо было ворожить, предварительно вложив себе... кусок мяса того же кота. В такой оснастке человек этот должен был воззвать к демону Бирику, и тот немедленно явился бы и ответил на предложенные вопросы. Во время суда Прево благоразумно упредил неизбежную развязку и скончался своею смертью; но его труп все же сожгли; прочих виновных сожгли живьем. Замечательно, что монахи того монастыря были наказаны гораздо строже, чем надлежало бы по их уставу. Значит, настала полоса более жестокого отношения к колдовству, очевидно под влиянием стараний папы Иоанна.

Притом зараза колдовства дала весьма значительную ветвь в сторону духовного сословия. И это не удивительно: в Средние века монашество было самым образованным сословием. Если кого в то время можно было назвать людьми «книжными», так это именно монахов. А магия изучалась по книгам, и эти книги добыть и изучить было всего легче монаху. Инквизиции поэтому приходилось делать ловитву по монастырям и она обретала там иногда богатейшую добычу. Так, в 1329 году судили кармелитского монаха Петра Рекорди. Процесс его, кстати заметить, очень хорошо характеризует нравы и обычаи священного судилища. Дело тянулось несколько лет; инквизиция не торопилась, зная, что попавший в ее руки не уйдет, а мимоходом, если умненько протянуть время, можно зацепить и пришить к его делу еще несколько человек. Рекорди много раз признавался, потом отпирался, потом снова каялся. Но в конце концов раскаялся окончательно. Протокол его признаний сохранился в деле. Кроме разных волшебных штук, вроде восковых фигурок, о которых мы уже много раз упоминали, Рекорди было поставлено в вину открытое служение сатане, выражавшееся в том, что в свои снадобья вместе с жабьей кровью он клал свои собственные кровь и слюну; это и была его жертва сатане. Изготовленные восковые фигурки он долго натирал разными способами, колол булавками, резал, и все эти операции отзывалась тем же на жертвах, которые изображались фигурками. По миновании надобности фигурки бросались в воду, а сатане приносилась благодарственная жертва очень странного свойства, а именно: бабочка, мотылек. Как совершалось это жертвоприношение — не знаем. Удивительно тоже, что Рекорди не был сожжен, как, судя по всему, надлежало бы по его злодействам, а только присужден к пожизненному тюремному заключению в отдаленном монастыре. Замечательно еще, что в приговоре включены какие-то оговорки, по которым можно заключить, что существовало опасение — как бы монахи того монастыря, куда колдуна заточили, не вздумала поспособствовать его побегу. Опасение очень характеристическое, показывающее, какое настроение царило тогда среда католического духовенства.

Со своей стороны светские властители тоже немало постаралась над рекламированием колдовства. Вот, например, какая история случилась с Фридрихом Красавцем, наследником германского императора Генриха VII. Как известно, у него при избрании явился сопер-

ник на императорский трон, Людвиг Баварский. Началась между ними, как водится, война. Фридрих был побежден, взят в плен и заточен в крепости Траузнице. Тогда его брат Леопольд, горя желанием освободить брата из плена, прибег к услугам одного знаменитого некроманта, который взялся выручить Фридриха с помощью дьявола, Сатана, как гласит предание, живо явился на вызов кудесника в одежде пилигрима и вызвался провести Фридриха, если только тот последует за ним. Фридрих спросил, каким образом должен он следовать за таинственным пилигримом. Тот предложил ему сесть в его дорожную сумку. «Но кто же ты?», спросил Фридрих, обуреваемый мрачными сомнениями. «Не все ли тебе равно, кто я? — возразил пилигрим. — Вопрос в том, хочешь ты или не хочешь выйти из тюрьмы?». Испуганный Фридрих сотворил крестное знамение, и пилигрим, разумеется, мгновенно сгинул из виду.

Подобные истории тогда жадно подхватывались, передавались в публике не хуже нынешних телеграмм и, разумеется, укрепляли и без того уже почти незыблемую веру в колдовство и в могущество сатаны и в полную возможность располагать его услугами. Немудрено, что в последующие столетия и разразилась в Европе настоящая эпидемия колдовства.

И везде повторялась одна и та же история. Так, в 1325 году в Ирландии поднял свирепое гонение на колдунов оссорийский епископ Ричард Ледред. Случилось, что одна дама Алиса Кайтлер, вдова после четырех мужей, затеяла тяжбу со своими многочисленными чадами от четырех браков, восставшими на нее за неправильный дележ наследства. Вдова, однако же, предъявила четыре законные завещания, по которым ее бывшие мужья отказывали свои имущества в большей доле ей самой и ее любимому сыну Уильяму, первенцу. Тогда все другие сонаследники обвинили ее в том, что она силой колдовства заставила своих мужей сделать такие выгодные ей и ее любимцу завещания, а потом теми же колдовскими способами избавлялась от своих мужей, отправляя их на тот свет. Епископ Ледред взялся за это дело с громадным рвением, но оно тормозилось тем, что у интересной вдовы была родня среди высшей ирландской аристократия. Вся эта знать приняла сторону родственницы, ополчилась на епископа и даже добилась того, что он же сам первый попал в тюрьму. Тем временем Алиса Кайтлер все же из предосторожности перебралась в Англию, а епископ, выпущенный на свободу, принялся за ее сообщников. Пытка в то время по местным законам не допускалась, но епископ, как-то ловко обходя закон, нашел возможным прибегнуть к кнуту. Одна из служивших у вдовы женщин, Петронилла, после шестой отделки кнутом не вытерпела и призналась во всем, что было желательно от нее услышать судьям праведным. Таким путем и «узнали», что эта Петронилла, по приказу своей госпожи Алисы Кайтлер, принесла в жертву демону, которого звали Робертом Эртиссоном, двух петухов, зарезанных на перекрестке. Этот Эртиссон был инкуб, т.е. демон-кавалер, с которым дама Алиса состояла в плотской связи. По поручению той же данным Петронилла варила страшное зелье, в состав которого входил мозг некрещеного ребенка, разные травы и черви; варение производилось в черепе казненного вора. Сверх того Петронилла изготовляла зелья и порошки для возбуждения любви и ненависти, для выращивания рогов на голове и на лбу у мужчин и женщин, — словом, служила верной посредницей между своей госпожой и демоном, тем самым, с которым Алиса была в связи. Между прочим, этот демон однажды при ней, Петронилле, вошел в комнату Алисы в сопровождении двух других демонов, черных, как эфиопы; Петронилла с ужасающими подробностями описывала все безобразия, какие Алиса творила с этими своими кавалерами. И вся эта галиматья, весь этот бред человека, одуревшего от мучительных истязаний, принимались в те времена за непреложные факты; вера в демона и его связь с людьми признавалась правящими классами, светскими и духовными, и, само собой разумеется, укоренялась в народе.

Интересно сопоставить с этим процессом, бывшим в Ирландии и веденным духовным судилищем, почти такой же по содержанию процесс, бывший в Англии и рассмотренный светским судом. Оба процесса возникли в одном и том же году, 1325. В Лондоне привлекли к суду 28 человек за покушение сгубить волшебными средствами короля Эдуарда II и еще несколько человек из высшей духовной и светской знати, любимцев короля, жестоко грабивших народ. Кроме упомянутых 28 человек, обвинялись два колдуна: Иоанн Нотингемский и его помощник Ричард Маршалл. По поручению тех 28 лиц, эти волшебники приготовляли восковые фигурки обреченных на смерть короля и его ближних. На суде было (т.е. считалось) доказанным, что фигурки были действительно изготовлены, что за услуги колдунам были уплачены известные суммы, что им был доставлен воск и все другие нужные материалы. Установили, что фигурки оказали свое действие при первой пробе: когда в лоб одной из них вдавили кусочек свинца, то лицо, которое она изображала, мгновенно сошло с ума и терзалось нестерпимой головной болью до тех пор, пока свинец не вынули изо

лба восковой фигурки. Когда же после того свинец вдавили в грудь фигурки, злополучный человек, которого она изображала, скончался. Казалось бы, улики были налицо, а между тем присяжные оправдали обвиненных. Почему оправдали? По неубедительности улик или потому, что не верили в колдовство? Этого мы не знаем, а можно только утверждать, что в руках духовного судилища дело взяло бы совсем другой оборот.

Народ до того уверовал в колдовство, что начал ему приписывать уже почти огулом все свои беды. Так, чума XIV столетия, такими животрепещущими чертами описанная в «Декамероне», народом приписывалась колдовскому «напуску». А духовенство не только против этого не спорило, а, наоборот, предписало каждую неделю во время обедни торжественно предавать анафеме магов и колдунов. Местами специалисты по волшебной части даже почти и не скрывались, и их слава гремела в публике. Так, Михаил де Урреа, высокий духовный сановник, бывший епископ, так и слыл среди своих современников под кличкой «el negromantico» (некромант). В одном из испанских монастырей хранится до сих пор его портрет, надпись под которым гласит, что он своим высоким магическим искусством мог даже проводить самого дьявола. Эта надпись очень характеристична. Она наводит на догадку, что деление магии на черную и белую, вероятно, признавалось духовенством. Белая магия, очевидно, основывалась не на сношении с дьяволом, а опиралась на какие-то иные таинственные силы, сатане враждебные; и следовательно, такую магию католическая церковь не решалась отрицать, как дело нечестивое. Один случай с ученым Гроотом, основателем ордена общежительных братьев, показывает, что эта сортировка магии действительно существовала и принималась в расчет, и имела важное практическое значение. Сам Гроот славился, как тончайший знаток тайных наук, и уже одно то, что его не беспокоили, показывает, что в известных условиях их легко терпели. Впрочем сам Гроот во время одной тяжкой болезни торжественно перед исповедником отрекся от этих своих познаний и все свои волшебные книги сжег. Но ему эти познания пригодились впоследствии и именно вот при каком случае. В Амстердаме и его окрестностях одно время прославился некто Иоганн Хейден, маг и волшебник, широко использовавший всеобщее суеверие и пожинавший с него обильнейшую жатву. Гроот притянул этого чудодея к своему суду и из продолжительной беседы с ним убедился, что в настоящей магии он ничего не смыслит; но так как слава о его чудесах все же гремела, то Гроот, очевидно, не имевший возможности отрицать яти чудеса и сам в них наивно уверовавший, пришел к заключению, что Хейден орудует с помощью дьявола, которому продал душу. Гроот был человек смирный, кровопролития не любил; и потому ограничился тем. что выгнал Хейдена из Амстердама.

Вера в волшебство, как мы уже не раз упоминали, держалась не только среди простонародья, но и среди самых верховных слоев народа, которые, впрочем, по своему духовному развитию в то время очень мало отличались от простонародья. Так, у императора Венцеслава († 1419) был любимый маг, по происхождению чех, а по имени Жито. Об этом человеке рассказывают настоящие чудеса, и рассказывают не только местные богемские летописцы, но и самые почтенные, ученейшие историки того времени, как, например, автор истории пап, Райнальд. Этот Жито много раз был в руках духовных судилищ Богемии, но все выходил из них цел и невредим. Надо полагать, что этим он был обязан высокому покровительству Венцеслава (носившего, кстати сказать, выразительные прозвища «пьяницы» и «бездельника»), который, в числе своих других неприглядных особенностей, обладал страстью к чудесному. В 1389 году Венцеслав женился на дочери баварского курфюрста Софии. Зная страсть своего зятя к кудесничеству, тесть прислал ему в виде свадебного дара целую толпу разных чародеев. Обрадованный Венцеслав устроил торжественное празднество, на котором должны были выступить все эти чародеи перед многочисленной и блестящей придворной публикой. Жито очень скромно стоял в толпе гостей. И вот в то время, когда приезжие чародеи изумляли публику своими штуками, Жито вдруг подошел к одному из них, спокойно разинул рот и на глазах у всех моментально проглотил живого кудесника; тот исчез у него во рту, и Жито потом только выплюнул его грязные башмаки. Потом он подошел к большому водоему и выплюнул туда заглоченного кудесника; тот плюхнул в воду и, весь мокрый и ошеломленный своим приключением, вылез из водоема, Во время пиршеств, устраивавшихся Венцеславом (который только и делал, что пировал), Жито, для забавы гостей, показывал штуки неимоверные и сверхъестественные, например, превращал руки гостей в конские копыта, так что у людей мгновенно выпадали из рук ножи, вилки и ложки. Когда кто-нибудь из гостей вставал из-за стола, подходил к окну и высовывался в него, Жито мгновенно приставлял к его голове громадные оленьи рога, так что несчастный человек не мог выпростать голову из окна, а Жито в это время пристраивался на его место за столом и ел из его тарелки. Однажды он взял горсть пшеницы и превратил ее в стадо свиней, и продал их, посоветовав при этом покупателю не подпускать их к реке; покупщик не послушался этого совета, но как только свиньи вошли в воду, они вновь обратились в зерно, и его

унесло водой. Жито, как водится, имел обычный печальный конец колдунов: его унесли черти при вое бури, громе и молнии. Повторяем опять, что штуки этого кудесника сделались достоянием серьезнейшей исторической науки его времени, что и показывает нам наглядно, на каком уровне в то время стояло умственное развитие ученейших людей.

Нам не приходится удивляться такому легковерию людей XV столетия, потому что у нас, в XX столетии, всего лишь на днях разыгралась история во Владикавказе с двенадцатилетней девочкой Любой, которая творила чудеса, только тем отличающиеся от штук Жито, что их пока еще никто не приписал дьяволу. Полиция, врачи, учитель физики напечатали опровержения. Но тут же рядом, в той же газете («Новое Время»), очевидно, движимой желанием оставаться беспристрастной, напечатано письмо частного лица, распинающегося за подлинность явлений, вызываемых Любой. Значит, ученым XV столетия конфузиться нет оснований.

Во второй половине XIV века парижский парламент делал попытки изъять судопроизводство по делам о колдовстве из ведения духовных судилищ. Среди него нашлись тогда люди, не твердо уверенные в том, чтобы человек путем договора с нечистым мог творить чудеса. Благочестивый Боден, автор «Демономании», которую мы так часто цитировали в первых отделах нашей книги, сурово восстает на парламент, приписывая его мнение прямому внушению дьявола: это, дескать, сам сатана старается внушить людям, что все россказни о колдовстве — пустые басни; врагу рода человеческого очень выгодно такое мнение, Надо, однако, заметить, что от передачи их дел в светские суды колдуны не особенного много выгадывали. В этих судах их дела как-то так оборачивались, что нм приходилось солоно. Вот, например, как велось дело девицы Марион Десталэ и колдуньи Марго Делабарр. Дело это вспыхнуло в 1390 году. Началось оно с того, что Марион Десталэ, «девица непутевой жизни» (fille de la folle vie, как сказано в деле), без памяти влюбилась в некоего господина Энселена Планиша. Кавалер некоторое время путался с ней, а потом, в пароксизме благонравия, отстал от нее и женился. Огорченная Марион обратилась к содействию старушки Марго Делабарр, промысел которой состоял, собственно, в посредничестве между кавалерами и дамами, жаждущими любви, но которая попутно занималась также изготовлением и продажей приворотных зелий, науз и т.п. волшебными делами. Марго снабдила Марион приворотным зельем, но оно не оказало действия на ее возлюбленного. Тогда Марго изготовила два венка или жгута из каких-то трав. Эти вещи надо было подбросить на пути, по которому пройдут новобрачные в день свадьбы. Перейдя через них, молодые будут поставлены в полную невозможность consommer leur mariage. И эта цель не была достигнута, но зато молодые супруги оба разом как-то таинственно захворали. Должно полагать, что все-таки вкусили какого-нибудь зелья, подвернутого им ревнивой рукой оставшейся за флагом прежней возлюбленной.

Болезнь показалась подозрительной. Заявили подозрение на Марион и ее старушку, и обеих их арестовали. Прежде всего взялись за старую колдунью. Она отперлась начисто. Ее обработали сначала на малых, а потом на больших козлах (le petit et le grand trestean). Что это были за истязания, наверное неизвестно. Лие, из книги которого мы заимствуем это дело, полагает (но не уверен), что под малыми козлами надо разуметь пытку водой. В горло жертвы правосудия вставляли воронку и через нее лили воду, покуда человек весь не раздувался; тогда его начинали энергично давить, чтобы вода из него вышла. Большие козлы — это, вероятно, колесование, распяливание на круге, колесе. Однако старуха и на пытку оказалась неподатлива и продолжала отпираться. Пришлось на время оставить ее в покое и взяться за Марион. Но и с этой вышла та же история: ее пытали без всякого успеха. Ей дали отдохнуть недели две, потом опять за нее взялись. Она апеллировала в парламент; тот быстро рассмотрел ее апелляцию и отверг ее. Несчастную пытали во второй раз, довели до полусмерти, так что потом пришлось ее отхаживать, чтобы она не умерла. Пытала потом в третий раз, но она все-таки ни в чем не призналась. Конечно, это упорство могло держаться некоторое время, но судьи праведные очень хорошо понимали, что оно будет сломлено, и были спокойны. В деле осталась отметка о том, что после трех пыток Марион была едва жива. Поэтому нет ничего мудреного, что когда ее растянули в четвертый раз, она объявила, что признается во всем. Ее отвязали от козел и тотчас принялись писать протокол признания, который, как водится, начинался тщательной оговоркой о том, что признание делается по доброй воле и без малейшего принуждения. После того, как Марион покаялась в употреблении приворотного зелья и заколдованных венков и оговорила свою сообщницу Марго, старуху поставили с ней на очную ставку. Та, отпираясь, заявила между прочим, что в день изготовления венков, обозначенный Марион, она, Марго, в Париже не была, и указала на свидетелей. Но эта свидетели на допросе дали показания совсем неблагоприятные для злополучной старухи. Ее растянули на козлах вторично, и опять ничего от нее не добились. Но

третьей пытки старуха не выдержала. Ее повинная в общих чертах совпадала с повинной Марион, т.к. очная ставка дала ей возможность ознакомиться с ее показанием. Но она делала еще разные другие призвания, которые явно показывают, что измученный человек готов говорить на себя все, что желательно его мучителям. Так, например, Марго поведала, что когда сплетала венки, то призвала дьявола, и он явился перед ней в таком самом виде, как она его видала раньше во время мистерий, которыми тогда развлекали народ; она, значит, и дьявола-то не могла придумать своего особенного, а может быть, и боялась отступать от обычного представления, из опасения, что заподозрят во лжи и вновь растянут. Когда она сказала дьяволу, чего хочет от него, то он с громом и воем вылетел в окно, наполнив ее душу смертным страхом.

Таким образом, признание подсудимым было сделано, надлежаще записано и подписано. Казалось бы, оставалось только постановить приговор. Но светские суды установили известный церемониал. Признание Марион выслушано было на суде еще три раза, три дня подряд. Марго повторила свое признание дважды. Ее первую осудили и сожгли; относительно же Марион суд долго совещался. Часть судей, хотя и меньшинство, стояла за снисходительный приговор: выставку к позорному столбу и изгнание. Но строгое большинство одолело. Несчастную Марион тоже сожгли. На всем этом деле лежит отпечаток глубокой веры всех судей до единого в то, что сношения человека с дьяволом вещь совершенно возможная и что с помощью нечистой силы можно производить самые сверхъестественные вещи; это судом было установлено и принято, как непреложный факт; на этом обоснован и приговор.

Вера в полную возможность и действительность колдовства росла и крепла, и проникла в самые передовые, высоко просвещенные слои общества. Об этом первым заявил во всеуслышание и всеобщее сведение парижский университет, учреждение, в те времена стоявшее на самой вершине европейского просвещения. В сентябре 1398 года им была издана в высшей степени важная декларация, исходившая от имени богословского факультета. Она состояла из 28 статей, которые потом раз навсегда и были приняты и судами, и учеными демонологами, почти как символ веры. Декларация, очевидно, имела в виду скептиков (вероятно, весьма немногочисленных), которые не верили в колдовство, считали его выдумкой, басней легковерных людей. Во вступительных словах парижские богословы указывают на неотложную необходимость принять серьезные меры против «старых заблуждений, угрожающих заразить общество». Надлежало научить и наставить верных, чтобы они были настороже против козней лукавого. Далее, богословы постанавливали, что всякие суеверные обрядности, при которых нельзя ожидать успеха в силу природы вещей или божественной полощи, должны быть рассматриваемы, как сношения человека с дьяволом. Затем начинается самая любопытная часть декларации. Она содержит ряд пунктов, в которых систематически осуждаются ходячие ложные верования, т.е. шаг за шагом устанавливается, во что не должно веровать. Народ верил, что обращение к нечистому, вступление с ним в союз, в договор, заключение его в перстни и другие талисманы, пользование магиею с якобы благими намерениями, что все это вещи законные и дозволенные. Факультет объявлял их незаконными, недозволенными, преступными. Народ верил, что можно магическими средствами сделать так, что Бог повелит демонам исполнить то, о чем человек их просит. Это объявлено ересью. Народ считал, что церковные молитвы и богослужения дозволительно употреблять в качестве магических операций или подсобных к ним средств. Разъяснялось, что это вовсе не дозволительно. Народ верил, что все чудеса, некогда совершенные пророками и святыми, исполнялись с помощью приемов, сообщенных самим Богом Своим избранникам. Это было объявлено заблуждением. Наконец, осуждалось еще мнение, что человек с помощью известных магических приемов может в видении возвыситься до постижения божественного существа. Такого рода маги тоже существовали и упорно утверждали, что их «наука» чиста и возвышенна и ничего противного вере в себе не заключает.

Местами в декларации замечается некоторая нетвердость мысли. Так, университетские богословы осуждают ходячее верование в много раз нами упомянутые восковые фигурки; люди думали, что если эти фигурки изготовить в известный день, с известными обрядностями, а потом окрестить по церковному обряду, то они приобретут волшебную силу. Факультет объявляет, что это вздор. Но это нисколько ему не препятствует жестоко осуждать тех маловерных, которые думают, что магия — вздор, что невозможно вызывать демонов, пользоваться их услугами, что заговоры и заклинания не имеют никакой силы и т.д. Само собой разумеется, что, подобно всем другим мероприятиям против колдовства, эта декларация нимало его не уничтожила и даже не ослабила, а усилила, ибо признавала сама его силу.

Слов нет, и после всех этих деклараций изредка находились люди, достаточно одаренные простым здравым смыслом, чтобы понимать тщету всех этих усилий; но влияние их было мимолетное и ничтожное. Таким разумным пастырем проявил себя, между прочими, кардинал Людовик Бурбон. Он созвал поместный собор у себя в епархии в 1404 году; на соборе состоялось постановление, которым магия и колдовство всякого рода запрещались под страхом суровых наказаний и в то же время народ увещевался не верить колдунам, не прибегать к их услугам, потому что они просто-напросто обманщики, обирающие народ, пользуясь его легковерием. Благоразумнее этого по тому времени трудно было что-нибудь и придумать. Если бы в самом деле переловили всех кудесников и обошлись с ними, как с простыми мошенниками, сколько народу впоследствии было бы спасено от костров! Но это благоразумное постановление было лишь ничтожной искрой, которую никто не подумал поддержать, и она потухла.

Самым знаменитым средневековым процессом о волшебстве надо считать дело маршала Рэ, осужденного в 1440 году. Подлинные протоколы суда над ним были опубликованы лишь в недавнее время, и по ним впервые стало возможно судить об этом замечательнейшем деле. Раньше же было лишь известно, что Жиль Рэ, «Синяя Борода» французских народных сказаний, резал беременных женщин да детей, чтобы их кровью чертить какие-то магические фигуры с помощью которых Рэ хотел добиться сверхъестественного могущества и богатства.

Жиль Рэ происходил из стариннейшего и знатнейшего французского дворянства, из фамилий Монморанси и Краон. Он приходился внучатным племянником знаменитому воителю, коннетаблю Франции, Бертрану Дюгесклену. Он получил блестящее по тому времени образование, которое широко раздвинул еще сам, благодаря своей ненасытной любознательности, страсти к чтению, к знанию. Он владел богатейшей библиотекой и тратил почти безумные деньги на приобретение книг и на роскошные переплеты их. Ему было всего 11 лет, когда умер его отец, и он попал под опеку своего дедушки, человека старого и слабого, который был совсем не в силах сдерживать ярые и кипучие страсти своего внука. Жиль скоро отбился от рук деда и вел в высшей степени беспорядочную жизнь; эти нелепо прожитые годы детства и юношества положили печать на всю его жизнь, и он сам потом говорил, что эта безобразная жизнь довела его впоследствии до преступления и казни.

Некоторое время Рэ блистал в придворных сферах (при Карле VII, 1422–1431), но в 1433 году удалился от двора в свои владения и здесь жил большим барином, совершенно безумно расточая свои богатства и продавая одно за другим свои имения. В это время у него проявились противоестественные страсти: оп всюду крал и похищал мальчиков, творил над ними разные скверности, а потом убивал их. Народная молва приписывала ему от 700 до 800 таких жертв, но в обвинительном акте его процесса поставлена другая цифра, более скромная, конечно, говоря лишь в чисто количественном, арифметическом смысле — 140. Но это было преступление чисто уголовное, без всякого волшебного опенка. По колдовской же части ему ставилось в вину за эту пору его преступной карьеры лишь искание философского камня, сопряженное уже с магическими операциями. Под философским камнем в то время (да и впоследствии) подразумевалось нечто очень неясное — какое-то универсальное средство к достижению высших степеней личного благополучия: вот как всего лучше было бы определить это таинственное вещество. Впрочем, быть может, еще правильнее было бы сказать, что искатели философского камня и сами не знали, что они ищут и чего, в сущности, им желательно. Большинство искателей этих зелий, алхимиков, очевидно, жили надеждой на что-то внезапное, что мгновенно их осчастливит.

Здесь кстати, ради характеристики всякого родя тайных наук, свирепствовавших в Средние века и даже в последующие столетия (чуть ли не до наших дней), приведем кое-какие отрывки из алхимических книг. Заметим при этом, что заимствования наши делаются из книг XVI и XVII столетий, которые, казалось бы, должны быть потолковее тех рукописных произведений XIV и начала XV столетий, какими мог пользоваться Жиль Рэ.

Как понимали свое искусство или науку сами алхимики или, лучше сказать, сколь неудобопонятно выражали они это понимание, о том может свидетельствовать, например, нижеследующий отрывок из «Похвального слова великому деянию или философскому камню», книги, написанной в 1659 году аббатом Пари. Великим деянием, произведением, трудом («Opus Magnus» латинских текстов, «Grand Oeuvre» — французских) алхимики и называли философский камень: «Великое произведение мудрецов, — говорит Пари, — занимает первое место в ряду всего, что есть прекрасного. Оно дает здоровье, обеспечивает богатство, просвещает разум. Многие философы призвали в этом труде восполненный символ важ-

нейшего религиозного таинства. Он пресуществует в совершенной слитности трех чистых начал, вполне отличных и в то же время составляющих одну природу, и это является прекрасным символом Троицы. По происхождению он — всеобщее духовное начало мира, воплощенное в девственной почве, первое произведение или первая смесь элементов в первый момент рождения, дабы указать нам Слово, вочеловечившееся в недрах Девы и приявшее телесную природу», и т.д. Все алхимики в своих литературных трудах выражаются именно вот таким языком. Время на все кладет свой отпечаток. В наше время от писателя требуют прежде всего ясности изложения. Алхимики же прилагали все старания, наоборот, к неясности изложения. Видно, что человек пишет и словно все трусит, как бы его невзначай не поняли, не постигли, что, собственно, он желает сказать; это для него всего менее желательно. Ему надо, чтобы его не понимали; тогда только он и будет утешен, что написал нечто высшее, обычному пошлому пониманию и рассудку недоступное.

Само собой разумеется, что эта тяжкая забота о невразумительности изложения особенно усердно прилагалась к описанию самой процедуры изготовления философского камня. Вот, например, отрывок из книги «Всемирное Сокровище», приписываемой знаменитейшему алхимику Раймонду Люллю:

«Вы возьмите чрево коня, которое переварено (я хочу сказать, человек Божий, очень хорошего лошадиного навоза) и заключите его в какой-нибудь сосуд или в яму, вырытую в земле, которую со всех сторон огородите тестом, сделанным из золы, и в плотно замкнутую массу навоза вы поместите сосуд для перегонки и круговращения, до половины и более, ибо необходимо, чтобы вершина сосуда была помещена в холодном воздухе, дабы она (квинтэссенция) поднималась силой огня из навоза, а силой холода обращалась в воду и опускалась, чтобы снова подняться. Итак, вы будете иметь, без издержек затрат, огонь без огня и вечное круговращение квинтэссенции без труда и усилий». Что, собственно, хотел сказать человек? Что навоз преет и дает жар и этим жаром можно пользоваться для так называемой дефлегмационной перегонки летучих жидкостей. Но он изъясняет эту очень простую вещь так, чтобы ее, по возможности, никто не понял, или истолковал вкривь и вкось.

И чего только не предлагали алхимики в качестве материала для добывания философского камня! Фламель считает «первичными деятелями» каких-то «двух змей, которые взаимно убивают одна другую и задыхаются в собственном яде, который после смерти превращает их в живую неизменную воду». Понимай, как знаешь! Арнольд Вильнев называет «философским огнем» соединение или камень, «содержащий влагу, которая высиживается в огне». Тут во французском тексте именно поставлено слово «couver», насиживать, высиживать (яйца).

Иные алхимики давали рецепты краткие и решительные, но от этой краткости нимало не выигрывавшие в ясности. Так, алхимик XVI века, Ленто (француз), предписывает: «Растворите тело (?), возьми серу, очисти ее и видоизмени, возгони дух (или спирт, espirt), соедини дух с серой, и ты будешь иметь все философское Искусство» (с большой буквы). Но что же сей сон означает?

Жиль Рэ разделял со свойственной ему страстностью алхимические мечтания своего времени. Он решил во что бы то ни стало и не останавливаясь буквально ни перед чем овладеть этим волшебным средством, которое должно было повергнуть к его ногам чуть не весь мир, по меньшей мере дать ему безграничное богатство и вечную юность. Само собой разумеется, что как только это желание в нем обозначилось, его осадила целая свора бессовестнейших шарлатанов. В замке его, Тиффож, запылали печи и в них начали всевозможную бурду варить, кипятить, возгонять, перегонять и калить. Но как раз в разгар этой стряпни к нему прибыл дорогой гость, дофин Людовик, и печки пришлось на время погасить, а снаряды, припасы и всех шарлатанов припрятать. Алхимия, положим, не была положительно под запретом, но все же могла показаться дофину вещью подозрительной, и доверяться юноше принцу Жиль не пожелал. Мотал он и транжирил в это время больше, чем прежде; еще бы, теперь он был спокоен: рано или поздно у него будет столько золота, что он купит хоть всю Францию, буде пожелает.

Однако, алхимия лишь в редких случаях оставалась безгрешным искусством. Редкий алхимик не был некромантом, а некромантия была уже чистое колдовство. Первоначально под некромантией подразумевалось (у древних греков) гадание при посредстве мертвецов. От трупа брали какие-нибудь части и совершали с ними волшебные операции, по ходу которых узнавали будущее. Но уже, например, в Средние века слову некромантия было придано гораздо более обширное значение. Так, в «Декамероне» Боккаччо мессер Ансальдо с

помощью nigromante (т.е. некроманта), делает по желанию своей дамы Дианоры в январе цветущий сад (X день, 5-ая новелла); султан Саладин повелевает своему некроманту перенести своего друга Торелло из Египта в Италию, и тот мгновенно переносит его вместе с роскошным ложем и несметными богатствами пожалованными ему калифом (X день, 9-ая новелла). Значит, под некромантами стали разуметь могучих волшебников, владевших способностью творить настоящие чудеса и, разумеется, при пособии весьма сомнительных сил. Нет ничего мудреного, что каждый страстный алхимик, убедившись горьким опытом в тщете всех своих варений, печений и перегонок, обращался в конце концов к солидной и всегда столь охотно приходящей на помощь смертному силе, т.е. к дьяволу. Лие говорит, что во всей истории магического шарлатанства трудно указать более интересную главу, как признания самого Жиля Рэ и его главного пособника, итальянского мага Франческо Прелати. У этого кудесника, по его словам, был домашний демон (об этих демонах см. в первом отделе), по имени Баррон. Прелати вызывал его к себе, когда был наедине, и тот немедленно явился, но только одному Прелати; Жилю он почему-то ни за что не желал показаться. У демонов есть свои капризы, и почему же им не быть у них? Оба сотрудника рассказывали потом, при следствии на суде, о своих алхимических и волшебных работах, и показания их чрезвычайно интересны. Не знаешь, чему больше удивляться — наглости ли итальянского шарлатана или умилительному легковерию французского маршала. И чего только ни выделывал с ним итальянец. Однажды, например, он объявил Жилю, что на его настойчивые мольбы его домашний демон Баррон, наконец, смилостивился и приволок ему целую груду золота, огромные слитки которого покрыли весь пол в его комнате. Но демон почему-то распорядился, чтоб Прелати не смел прикасаться к этому золоту, пока ему сам Баррон не скажет, что можно. Само собой разумеется, что восхищенный Жиль пожелал видеть это золото, хоть издали на него полюбоваться. Прелати и повел его в свою комнату, но, отворив ведущую в нее дверь, мгновенно отшатнулся, захлопнул дверь и с трепетом сообщил Жалю, что в комнате сидит громадный зеленый змей (доволхвовались до зеленого змия!..) Разумеется, оба в испуге, один в совершенно натуральном, другой в поддельном, обратились вспять. Жилю, однако, не хотелось отказать себе в удовольствии либо полюбоваться на груды золота, либо посмотреть хоть, за неимением лучшего, на зеленого змия. Он вооружился Распятием, в котором, по преданию, была вделана частица настоящего Креста Господня, и настаивал на тон, чтобы опять идти в ту комнату. Но Прелати ему доказал, что если они будут сражаться с демоном силой Креста, то тогда им нечего и рассчитывать на его помощь. Это было вполне последовательно и разумно и Жиль покорился. Между тем, дошлый демон, очевидно, осведомился, что против него хотели строить козни, и в наказание за это превратил золото в мишуру, которую Прелати превратил в красный порошок. Жиль изо всех сил хлопотал о том, чтобы войти в дружбу с этим дьяволом. Он написал собственной кровью форменный договор, по которому уступал Баррону свою душу за три дара: всеведения , богатства и могущества. Ио Баррон был демон удивительно несговорчивый и неподатливый. Прелати объяснил, что демон сердит на Жиля, сердит за то, что тот все еще не принес ему никакой жертвы. Жертва, угодная демону, как Прелати выяснил на следствии, была вещь совсем невинная; дьявол удовольствовался бы курицей, голубем, по принципу «мне не дорог твой подарок, дорога твоя любовь». Дьяволу надо было только убедиться этой жертвой, что он заручился новым усердным поклонником. К сожалению, эта первая жертва ничего собой и не знаменовала, кроме, так сказать, первого знакомства, и ни к чему дьявола не обязывала. А кому угодно от него заполучить что-либо посущественнее, тот должен был и жертву принести покрупнее, например, преподнести дьяволу какую-нибудь часть, взятую из тела невинного младенца. Жиль раздобыл, что требовалось. Народная молва потом приписывала Жилю сотни убийств невинных младенцев, но во время его процесса речь шла только об одном этом случае, т.е. было установлено, по-видимому, что только на этот раз Жиль истребил младенца с целью принести его в жертву дьяволу. И хотя всего им (по данным процесса) было загублено сотни полторы детей, но то было раньше; тогда он неистовствовал в припадках болезненного извращенного эротизма, т.е. творил скверности над детьми и потом их умерщвлял из утонченного распутства, а не с магическими целями. Те, прежние злодейства, как мы уже сказали, вовсе и не разбирались духовным судом, ибо представляли собой простую уголовщину и за нее и были сочтены.

Конечно, будь у Жиля побольше времени, он, быть может, и раскутился бы, и прибавил бы к жертвам своего сладострастия еще несколько десятков новых жертв, уже специально предназначенных демону. Но ему не дали времени. Мы уже упоминали о том, что он продавал свои имения одно за другим. Продавал он их своим соседям: герцогу бретанскому Иоанну и его канцеру, епископу нантскому Малеструа; продажа совершалась с оставлением за Жилем права на обратный выкуп запроданных владений, так что это была, пожалуй, не продажа, а скорее заклад. Но покупатели сообразили, что если бы, например, Жиль умер, то его владения, как невыкупленные, за ними бы и остались. Эта мысль показалась им доста-

точно соблазнительной, чтобы погубить Жиля. Они умненько за ним последили и в точности осведомились о том, во-первых, что он истребил в своих пароксизмах полового извращения целую уйму детей, а во-вторых, что он занимается магией и тщится войти в тесные сношения с демоном, и приносит ему в жертву детей. Этого было вполне достаточно, чтобы осудить его на смерть обоими судилищами: и духовным, и светским. Но напасть прямо и открыто на могучего барона было небезопасно, надо было выжидать благоприятного случая, и он как раз не замедлил представиться.

Жиль продал одно ин своих владений казначею бретанского герцога, Жофруа Феррону, который, быть может, был только подставным покупщиком, действовавшим по тайному поручению герцога. Наследником же этого Жофруа был его брат Жан Феррон, к которому, в случае смерти Жофруа, перешло бы право владения этим проданным имением. Жан Феррон был принят в духовное звание, носил рясу, имел тонзуру и хотя еще не имел никакого места, но уже пользовался всеми правами духовного лица, между прочим, личной неприкосновенностью. И вот вдруг у него вышла какая-то ссора с Жилем. Крутой на расправу барон захватил с собой с полсотни вооруженных людей и окружил ими замок (свой же, проданный Феррону, в нем после продажи и поселился Жан Феррон), сам же вошел в замок и стал искать Жана Феррона. А тот как раз в это время служил в замковой церкви обедню. Жиль с толпой своих людей, потрясая оружием, ворвался в церковь, оскорбил Жана, заставил его сделать, что ему было надо (Жан чем-то обидел его людей и Жиль требовал удовлетворения), потом захватил самого Жана, увел к себе в замок, заковал по рукам и по ногам и заточил куда-то в подвал.

Вышло прескверное дело. Конечно, не в одном самоуправстве была суть, да и кого бы в то время вольный барон мог изумить каким угодно самоуправством! Суть состояла в оскорблении духовного лица, а духовенство необычайно ревниво оберегало свои привилегии. Но за дело взялся прежде всего сам герцог бретанский. Он послал к Жилю с требованием немедленно освободить пленных и очистить проданный замок, грозя за непослушание крупным денежным штрафом, Оскорбленный угрозами Жиль избил посланного герцога и его свиту, а герцог в ответ на это немедленно осадил замок Жиля Тиффож и взял его приступом. Жилю пришлось покориться. Прошло несколько времени, и Жиль, терзаемый беспокойством, порешил сделать визит своему герцогу, имея в виду помириться с ним. Однако его взяло раздумье — как-то его примет герцог? Попросил он Прелати, чтобы он по этой части осведомился у своего черта, и тот дал самый ободряющий ответ. Жиль побывал у герцога, принят был хорошо, и это, надо думать, немало способствовало его гибели. В самом деле, он после этого случая много крепче уверовал в Прелатьевского демона, ибо тот дал самое верное предсказание, и ободрен был сердечным приемом герцога. Все, казалось ему, было забыто, и у него в замке вновь запылали печи и заклокотали разные алхимические зелья; окрестный народ знал об этом и кстати распустил слух, что Жиль снова зарезал несколько детей для своих дьявольских работ.

Все это, конечно, было немедленно доведено до сведения властей светских и духовных. Светские колебались, не решаясь наложить руку на могучего барона, но зато духовные самым деятельным образом подготовляли его гибель. Да за ним ведь уже немало и числилось весьма существенных пунктиков обвинения. Он с вооруженной толпой ворвался в церковь, учинил в ней бесчинство, наложил руку на духовное лицо. Первую атаку на него открыл вышеупомянутой епископ Малеструа. Он сделал заявление о всех известных ему злодействах Жиля, об умерщвлении им детей при его эротических неистовствах, о служении дьяволу, занятиях колдовством. На первый случай епископ указал поименно только восемь свидетелей, упомянув, впрочем, о том, что свидетелей много. В числе же этих восьми было семь женщин, у которых дети таинственно исчезли неведомо куда и которые это исчезновение приписывали Жилю. Епископ, по-видимому, рассчитывал, что на его заявление отзовется сейчас же множество свидетелей, которые раньше наверное трепетали перед могучим бароном и которым епископское заявление могло придать смелости. Однако, свидетелей нашлось только двое, кроме восьми упомянутых, да и их показания были так же неопределенны, как и тех семи матерей, приписывавших пропажу своих детей Жилю, очевидно лишь опираясь на его репутацию душегуба, установленную народной молвой. Значит, все ужасные тайны замков Жиля ревниво охранялись внутри их и наружу не выступали.

Надо было решиться на что-нибудь отважное, подобное громовому удару, т.е. лучше всего схватить Жиля и ею людей, а раз они будут в руках правосудия, тогдашние юридические приемы и средства, хотя бы, например, пытки, развяжут у арестованных языки. 13-го сентября епископ Малеструа вызвал Жиля перед духовное судилище. В вызове перечислялись его злодейства, с присовокуплением в конце: «...и другие преступления, отзывающиеся

ересью»... Жиль, получив эту повестку, явился на суд нимало не колеблясь и без всякого сопротивления. Его двое главных приспешников, Силье и Бриквиль, заблагорассудили, однако, удариться в бегство; об этом сейчас же узнали, и это произвело неблагоприятное для Жиля впечатление. Все же остальные близкие люди Жиля, его слуги и Прелати были арестованы и отправлены в Нант. 19-го числа состоялось первое появление Жиля перед судьями. Прокурор Гильом Капельон очень ловко и ярко выставил пункты обвинения. Жиль неосторожно попался в ловушку и изъявил согласие предстать перед лицом епископа или какого угодно другого духовного судилища и представить свои оправдания. А его недругам только этого и надо было: взять его под суд. Его, конечно, в поймали на слове, и т.к. он добровольно отдавался под суд, то его пригласили предстать через 10 дней перш епископом и нантским вице-инквизитором, которого звали Жаном Блоненом.

Из дела не видно, что в эти 10 дней поделывали слуги Жиля. Не подлежит, однако, сомнению, что за них взялись вплотную, чтобы добиться от них возможно полных сведений о житье-бытье их барина в своем таинственном заике, в компании с кудесником Прелати и его ручным чертом. Можно также догадываться, что все полученные от них признания поспешили распубликовать пошире, чтобы подготовить общественное мнение и расположить к откровенности свидетелей-добровольцев. Об этом можно заключить потому, что в скором времени в следственную комиссию стали являться многие удрученные родители, жаловавшиеся на таинственную пропажу своих детей. Схватили женщину по имени Меффрэ, которая считалась главной поставщицей Жилю живого товара, и прошел слух, что она призналась и указывала на многих детей, безвестно пропавших, как на своих жертв.

В назначенный день, однако, Жиля на суд не вызвали, а отложили вызов еще на десять дней; вероятно, допрос его слуг еще не дал желанных результатов. Судьи обнаружили явное стремление устранить из дела всякую тайну; в их интересы входило как можно шире распубликовать дело, чтобы о нем все знали и все говорили; надо было всеми мерами укрепить в общественном мнении убеждение в злодействах Жиля, убедить публику, что он безопасен, что он не отвертится, что его бояться нечего, и что, поэтому, каждый может показывать на него, что знает, не опасаясь его мщения. Все эти ловкие ходы принесли свои полезные плоды. Публика живо попала в тон, который от нее требовался.

Когда 8-го октября 1440 г. состоялось первое открытое заседание суда над Жилем, громадный зад суда был переполнен народом, среди которого громко раздавались неистовые вопли родителей, дети которых были сгублены Жилем. Люди выкрикивали все его злодейства и благословляли суд, который взялся за разоблачение злодея. Эта же сцена повторилась еще и в следующее заседание, а затем обличители в зал суда больше уже не допускались; надобность в них миновала, потому что ожидаемый эффект ими уже был произведен, даже с избытком.

В заседании 8-го октября прокурор громко перечислил все обвинения против Жиля. Обвиняемый протестовал, ссылаясь на свою неподсудность епископу, но его протест тут же обсудили и отвергли; кроме того, протест был сделан словесно самим Жилем, ему не дали адвоката и не допустили в суд его нотариуса, так что протест не вошел даже в дело, как письменный документ.

Без сомнения, Жаль тысячу раз заслуживал виселицы уже за одни свои походы в область эротических безобразий. Но его беззащитность перед судом, задавшимся целью просто-напросто сбыть с рук личного врага, все же производит возмущающее впечатление. Читая его процесс, испытываешь впечатление, схожее с тем, какое оставляет известный роман Ф.М.Достоевского «Братья Карамазовы». И тут, и там перед глазами проходит человек, нравственно безобразный, которого трудно жалеть; но нельзя не возмущаться гибелью Карамазова за преступление, которого он не совершал. Положим, судьба Жиля Рэ способна трогать чувствительную душу, лишь взятая как единичный случай. Если же его дело сопоставить с десятками тысяч других дел той же мрачной эпохи, где гибли на костре люди, уже ровно ни в чем неповинные, гибли за фантастические преступления, то впечатление от его возмутительности совсем смягчается. Ужасно в его деле было это фатальное тождество между да и нет, между плюсом и минусом. Он был виновен несомненно, это так; но страшно то, что если б он был чист, как агнец, то все равно при данной процедуре суда и предвзятом настроении судей его постигла бы та же участь.

Жиль, надо отдать ему справедливость, первое время держался твердо. Его, например, заставляли произвести так называемую juramentum de calumnia, клятву показывать одну только истину и воздерживаться от всякой неправды; так требовала форма судопроиз-

водства. Жиль отказался и вообще в судебных дебатах ограничился отрицанием всех взводимых на него обвинений. Когда все следствие закончилось, составили окончательный обвинительный акт, в котором обвинения были распределены по 49 пунктам. Жиль гордо ответил на обращенные к нему вопросы, что он не признает над собой власти суда в том составе, какой взялся за его дело. Но он уже раньше, 8-го числа, протестовал в этом смысле, и, как мы видели, его протест был отвергнут. Все его надменные крики о том, что он считает позором являться вереД таким судом, что его судьи злодеи и симониаки (т.е. торговцы местами и должностями), что он лучше согласится идти на виселицу, чем на такой суд, и т.д., конечно, никто не слушал, и суд продолжал свое дело. Когда же после чтения обвинительного акта Жиль коротко ответил на обычный вопрос, что весь этот документ — сплошная ложь и клевета, епископ торжественно произнес его отлучение от церкви. Жиль вновь с настойчивостью требовал над собой другого суда, указывая в особенности на то, что преступления, в которых его обвиняют, — уголовные, а потому подлежат ведению светского, а не духового суда. Но его еще раз не стали слушать, объявляя его протест произвольным и неосновательным. После того ему дали 48 часов времени, чтобы приготовиться к заушите. Судя по обвинительному акту, видно, что слуги Жиля были очень тщательно «обработаны» в застенках судилища, потому что обвинения были подавляющие. Не забыли, конечно, и поругания святыни, т.е. бесчинства в церкви, о котором выше упомянуто, и самоуправства с духовным лицом. О детоубийствах упомянуто совсем мимоходом, как о вещи второстепенной, подсобной при других злодействах, и это очень характеристическая черта.

Очевидно, главная вина, за которую его хотели судить, состояла в магии, в сношениях с дьяволом. И это было необходимо: только в качестве преступника такого характера Жиль и подлежал духовному суду, а детоубийство — простая уголовщина, и дьявол в нем лицо постороннее. Это была отличительная черта духовного и особенно инквизиционного суда. Самые возмутительные злодейства в мерзости, даже учиненные служителями алтаря, инквизиция вовсе даже и не рассматривала по существу; она только тщательно выколупывала из них все, что могло быть свидетельством и изобличением ереси. Так было и с Жилем Рэ. О загубленных им детях упомянули, но лишь наравне с его пьянством, кутежами, которые годились, как основание для заключений общего характера о его преступности и злодействе. Очень ловко было упомянуто о том, что Жиль иногда, в скучные минуты жизни, сам приносил покаяние перед духовником в своей дурной жизни. Коли каялся, значит, сам в своих винах сознавался; а коли потом впадал в те же прегрешения, значит, грешник нераскаянный, рецидивист. А рецидивы в ереси судились без малейшей пощады: упорный еретик, нераскаянный, был законной добычею костра.

Прокурор, разобрав пункты обвинения, дал свое заключение о распределении подсудности. Противоестественные страсти и дебош в церкви, оскорбление святыни суду инквизиционному не подлежали, но подлежали суду епископскому. Все же остальное, как-то: служение дьяволу, его вызывание, следовательно, богоотступничество, явная и злая ересь, отходило в ведение инквизиции.

Что после того происходило, трудно с точностью судить. С Жилем что-то «сделалось» или, вернее, «сделали». Когда он 15-ого октября вновь появился перед судом, это был совсем не тот надменный барон, который так заносчиво форсил в заседании, происходившем всего лишь неделю перед тем. Надо полагать, его поставили на очную ставку с служителями, и когда он услыхал, какие признания у них вынудили, он понял, что его дело стало совсем пропащее и что о спасении ему нечего и думать. Оставалось предаться благочестивым размышлениям насчет дальнейшей участи своей грешной души на том свете, куда пред ним открывалась широкая и совершенно неизбежная дорога. Он кротко покорился суду, против которого так пылко протестовал, преклонил колено перед епископом и инквизитором, даже стонал и рыдал, принося искреннее раскаяние в своей прежней заносчивости и умоляя, чтобы с него сняли отлучение. Juramentum de calumnia тут же было им передано прокурору. В своих злодействах вообще и уголовных в частности он тут же принес повившую, Но когда его пригласили давать объяснения по отдельным пунктам обвинительного акта, он тотчас формально отрекся от сношений с дьяволом, от служения ему. Он, по его словам, занимался лишь алхимией (о ней, кстати сказать, в обвинительном акте вовсе не упоминалось). «Но пусть, — говорит он, — меня сожгут живым, если кто-нибудь докажет, что я призывал дьявола или заключил с ним договор, или приносил ему жертвы».

Начался допрос свидетелей, из которых двое служителей Жиля, Андриэ и Пуату, взвели на него целую груду ужасов. Но по тону их изветов, как они занесены в протоколы суда, можно, по словам Лие, заключить, что либо сами свидетели, либо записи их показаний были тщательно «обработаны»; притом, допрос их производился особо, не в заседании и не

в присутствии обвиняемого. Особенно ценны были показания Прелати, который дал удивительно обстоятельную и пространную картину магии и некромантии, которым при его участии предавался Жиль Рэ. Но тут опять всплывает удивительное обстоятельство. Этот Прелати, явный некромант, человек, обладавший прирученным чертом, вышел сух из воды. Его выпустили на свободу живым и здоровым, равно как и зловещую Мефрэ, поставщицу живого товара. Очевидно, судьи праведные были им слишком признательны за их показания и считали неблагородным карать столь полезных свидетелей.

Когда Жилю, по его просьбе, прочитали все показания свидетелей, он ничего против них не возразил. Он вообще день за днем видимо падал духом и прямо готовился к смерти. Казалось бы, суд мог вполне удовлетвориться тем, чего добился от подсудимого, потому что для постановления приговора уж решительно нечего было больше и требовать. Но тут выступила на сцену жестокая и бесчеловечная характеристическая черта тогдашних духовных судилищ, в особенности инквизиционных. Эти судилища были не только проникнуты стремлением к сыску истины, но и как бы каким-то ненасытным и вместе с тем подозрительным любопытством. Им все казалось, что преступник не все открыл, все еще что-то скрывает. Поэтому они и стремились добиться от него полного и торжественного покаяния и отречения. Так было и в деле Жиля. Прокурор подал мысль, что, мол, желательно в «интересах истины» добиться от подсудимого полного признания, а с этой целью необходимо подвергнуть его пытке. Но Жаль уже так упал духом, что изъявил полную готовность на всякое покаяние и без пытки. Он признал все, что на него взводили. Но и этого показалось мало. К несчастному человеку пристали, чтобы он объяснил мотивы своих злодейств, например, истребления детей, и когда он сказал, что к этим ужасам его побуждали его разнузданные и извращенные страсти, судьи почти огорчились такой «отговоркой» и настаивали, что Жиль что-то скрывает. Бог весть, что им еще чудилось и чего они хотели! Но тут уже и сам измотавшийся и изнывший от душевных терзаний Жиль раздражился и крикнул своим истязателям, что, дескать, вам еще от меня надо. «Разве я не взвел на себя таких преступлений, которых хватило бы, чтобы осудить на смерть две тысячи человек!».

В своем постепенном принижении гордый барон дошел, наконец, до того, что потребовал, чтобы его исповедь была прочитана всенародно. Он рыдал и стонал перед народом, просил прощения у родителей загубленных им детей, молил примирить его с церковью, оросил своих судей молиться за него. И надо полагать, что эта картина раскаяния великого грешника произвела глубокое впечатление, потому что после его казни немедленно была устроена торжественнейшая процессия. Духовенство и целая толпа народа, только что перед тем его проклинавшая, с молитвенным пением шла по улицам, моля небо за упокой его души.

Жиль был приговорен к повешению и сожжению трупа. С ним осудили только двух его верных служителей, быть может, тех, которые туже всех других давали показания против своего барина. Прелати и другие слуги, как мы уже сказали, были отпущены.
Чарльз Лие, оговариваясь, что он не знаток по части народных преданий, все же крепко удивляется, каким путем этот Жиль Рэ превратился в «Синюю Бороду» народных сказаний. Начать с того, что у Жиля была чудесная русая борода, которой он очень гордился. Затем, у него было не семь жен, как у Синей Бороды, а всего лишь одна, Екатерина Туар, с которой он жил хорошо. Между тем, в одной бретонской балладе имя Синей Бороды и Жиля Рэ так чередуется в куплетах, что оба лица, очевидно, считались за одно.
Героем другой истории из области сношений человека с демоном выступает тоже крупнейший аристократ, испанский гранд, в жилах которого текла кровь кастильских и арагонских королей. Это был дон Энрике Арагонский, известный более под именем маркиза Вильены. Он родился в 1384 году и был предназначен родителями в военную службу, так что и все его воспитание ограничилось насаждением в нем воинских доблестей. Но мальчик был одарен ярой страстью к знаниям и скоро начал изумлять своей ученостью всех окружающих. Он говорил на разных языках, не лишен был поэтического дарования и впоследствии стал известным и плодовитым историческим писателем. А т.к. тайные науки в те времена составляли важную отрасль званий, то молодой Энрике, конечно, занялся и ими. Скоро он прославился своим уменьем толковать сны и всякого рода явления, из которых извлекаются предсказания, вроде звона в ушах, икания, чихания и т.п. Все это, однако же, по мнению окружавших его лиц, не приличествовало ему, ни как потомку королевских домов, ни даже как доброму католику. Вследствие этого злополучный юноша не пользовался уважением, подобающим его высокому роду, среди людей своего круга. Вдобавок, он при всех своих знаниях был человек вялый, нерешительный, непрактичный; он даже со своим имуществом и домом не умел управиться Это был коротенький и тучный человечек, большой охотник до застольных удовольствий и женщин. Между прочими тайными науками он вник

и в астрологию, и тогда про него начали говорить, что он в делах небесных понимает много больше, нежели в земных, и особенно в своих собственных. Он разошелся с женой, потом распрощался с своим графством только ради того, чтобы стать во главе ордена Калатравы; во король скоро лишил его этого звания, так что он утратил и графство, и главенство в ордене. При жизни простонародье считало его колдуном, а власти духовные и светские — каким-то шутом, чуть не позорящим свое высшее звание; во при жизни его все же не обеспокоили. Однако, после его смерти король Иоанн II поручил саламанкскому профессору Лопе пересмотреть все его книги, и этот ученый богослов нашел в них кучу дьявольщины. Все это и было торжественно сожжено на могиле покойного. Часть книг, однако, Лопе взял себе: они потом очень ему пригодились. Король Иоанн был большой любитель тайных наук и поручал Лопе писать сочинения по разным отраслям этого мракобесия, и без книг Вильены Лопе был бы как без рук. Вильена был человек редкого образования, но пристрастие к тайным наукам придало всей его учености удивительно легкомысленный оттенок. Писал он много, но из его магических книг сохранилось только исследование о дурном глазе, в котором он трактует об этой галиматье с неподражаемой серьезностью. Чрезвычайно комичен его еще более серьезный трактат о способах разделки всякого рода мясных туш — скотских, птичьих, рыбьих; книга эта в свое время славилась, и еще в 1766 году появилось ее французское издание. Из этих примеров видно, что Вильена был человек с большим умом, растраченным на вздор. Народ же окружил его память сказочными фантазиями о его волшебных талантах, и после его смерти его кудесническая слава все росла и росла и, наконец, превратила его во что-то сверхъестественное. Рассказывали, например, что он однажды приказал разрезать себя на мелкие куски и сложить это крошево в бутылку; перед операцией он произнес, конечно, особые заклинания, и вследствие этого, когда куски его тела потом вновь воссоединились, то он возродился уже бессмертным. При этом люди, изумлявшиеся этому необычайному подвигу, очевидно, ничуть не смущались тем, что «бессмертный» в лучшем виде скончался, когда пришел его час, как и самый обыкновенный смертный. Уверяли еще, что он владел особой травой Андромедой, при помощи которой мог делаться невидимкой; далее, у него был камень Гелиотроп, от которого солнце становилось кроваво-красным; владел он также особым медным тазом, посредством которого вызывать дождь и бурю; владел камнем Хелонитом, при помощи которого угадывал будущее. Полагали, что он продал дьяволу не душу свою, а свою тень, и указывали ту пещеру, где состоялась эта продажа. Кстати, эта легенда о продаже тени дьяволу была очень распространена в Испании, и преимущественно приписывалась студентам. Они будто бы пользовались дьяволом, как источником учености, а он за это брал их тень. Зачем она ему была нужна — это уж его дело. Вероятно, тут верование основывалось на смешении понятий тени и души. И у нас на Руси есть, например, поверье, что если во время Рождественского сочельника, когда все сидят за столом и едят кутью, от кого-нибудь из застольников не будет видно тени, тот скоро умрет; утратить тень — все равно, что сделаться бестелесным. У колдунов практикуется заклятие на тень. Если пригвоздить к земле осиновым колом тень, падающую от колдуна, ведьмы иди оборотня, то они сейчас же взмолятся о пощаде, потому что утрачивают от этого всю свою силу. Не даром же иные суеверные люди не дают делать свой теневой портрет (силуэт); завешивают зеркала, когда есть покойник в доме; раскольники, так те так и считают, что зеркало — изобретение дьяволово. Самое страшное в этих рассказах (мы возвращаемся к испанским сказаниям), что человек, продавший свою тень дьяволу, и на самом деле ее лишался; идет он, например, по улице днем, при солнце, а тени от него нет; согласитесь, что это очень страшно.

V. СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ КОЛДУНОВ И ВЕДЬМ

Теперь мы подошли к интереснейшей странице в истории сношений человека с нечистой силой.

Как мы уже видели, тайные науки долгое время служили предметом увлечения или развлечения для многих сильных мира сего. Мы нарочно много раз указали на то, как неумелая борьба с колдовством, например, со стороны папы Иоанна XXII, логически вела только к тому, что народ все больше и все крепче проникался убеждением в полной реальности и возможности сношений с дьяволом, в наконец, уверовал в них уже окончательно и почти неистребимо, и верует даже и до днесь.

А пока короли и папы, принцы и епископы либо увлекались тайными науками, либо преследовали их с неразумной свирепостью, народ помаленьку да потихоньку разрабатывал свою собственную магию, которая скоро и расцвела пышным цветом, явив собою одно из удивительнейших блужданий человеческого духа.

Колдовство и ведьмовство — явление не очень старое. Собственно говоря, о ведьмах до XV столетия было как будто бы и вовсе не слыхать. Притом колдунами и ведьмами являлись не книжные ученые, прошедшие школу своей выучки по древним фолиантам, а простейшие, совершенно невежественные и часто, даже в большинстве, совсем неграмотные мужики и бабы, и преимущественно бабы; ведьм было гораздо больше, чем колдунов, и костры инквизиции обагрены были главным образом женской кровью.

Откуда взялось ведьмовство, как оно народилось? На это нет, да, пожалуй, и быть не может точного ответа. Можно представить себе его происхождение в таком виде и порядке. Везде и всюду в народе были бабы, которые знали кое-какие целебные травы и другие снадобья, лечили людей и скотину; знали заодно и разные нашептывания и заклинания, употребительные в домашнем обиходе простолюдина, при болезнях, при уходе за скотиной, птицею, пчелами, садом, огородом, при постройке новой избы, при родах, смерти, при ссорах и тяжбах и т.д. Когда появились декларации духовенства, правительства и ученых, вроде приведенной в предыдущей главе декларации парижского университета, тогда духовные судилища и особенно инквизиция тотчас же и обратили внимание на эти невинные народные волшебные обычаи, начали их преследовать, как ересь и дьявольское служение, и этим им сделали такую же рекламу, какую папа Иоанн сделал книжной и ученой магии своими преследованиями. Как только такая мысль укоренилась в судьях, они с помощью пыток добились от несчастных баб каких им было угодно подробностей насчет служения дьяволу. Каждый новый процесс этого рода давал новую жатву этих драгоценных подробностей, и в конце концов образовался обширнейший и до тонкости разработанный свод сведений о ведьмах и их шабашах.

Первое упоминание о шабашах относится к IX веку. Оно входило будто бы в постановление собора, состоявшегося в Анквире; но дело в том, что об этом соборе ничего неизвестно, не осталось никаких сведений, и потому автор упомянутого постановления так и остался анонимом. Но само оно очень характеристично. В нем говорится, что некоторые извращенные женщины, предавшиеся .сатане, обманутые фантасмагориями, которые перед ними совершал демон, верили, что они по ночам летают с Дианой, сидя на разных зверях, и пролетают так громадные расстояния, следуя по пути, по какому ведет их Диана. II если б они одни верили в такие ночные путешествия, то это бы еще не беда, они лишь одни и погубили бы свои души; но они всем рассказывают об этом, и народ тоже верит в эти поездки. А посему, говорится в увещании, надо, чтобы все духовенство обратило на это внимание и проповедовало бы людям, что все это вздор, что нечистый дух нарочно напускает такие видения на нечестивых женщин, что никто и никогда на самом деле таких поездок не совершал, а лишь видел их как бы во сне.

Таким образом это драгоценное постановление показывает нам, что в народе верование в ведьм и их шабаши существовало много раньше XV века, и только быть может, не было так распространено как потом; не распространялось же именно, вероятно, потому, что духовенство и правящие классы, как мы видели из сейчас приведенного постановления, не верили этим бредням, не преследовали их, как нечто реальное, а потому и не придавали им в глазах народа привлекательности запрещенного плода. Такое благоразумное отношение к ведьмовству мы встречаем даже и у писателей XV века, но тут уж это было не правилом, а исключением, потому что, благодаря многочисленным процессам ведьм, их ночные поездки и дебоши с дьяволом стали известны с такими подробностями, что самые упорные скептики перестали сомневаться. Теория «иллюзии», т.е. дьявольского наваждения, по которой выходило, что реальных поездок на помелах не существует, хотя еще и имела немногочисленных сторонников, но она все же резко видоизменилась. Теперь уже стали толковать так. Тело ведьмы, точно, на шабаш не летает, но дьявол, после того, как ведьма натрется особой волшебной мазью, выхватывает из нее душу и препровождает ее на шабаш. Значит, ведьма хоть и не вся, а все же участвует на шабаше самолично и непосредственно; тело же ее в это время лежит в бесчувственном состоянии, и дьявол устраивает так, что никто его не видит. По окончании же шабаша дьявол приносит душу назад, соединяет ее с телом, и ведьма остается в уверенности, что она была на шабаше, и запоминает все подробности своего путешествия. Но так думало ученое и относительно более скептическое меньшинство, которое не хотело верить, чтобы живое тело могло вылететь в трубу и мчаться на помеле, хотя бы и могучею силой дьявола. Большинство же верило в настоящее телесное путешествие на шабаш и принимало все россказни ведьм из-под пытки за чистую монету. Были также попытки примирить оба воззрения. В прежнее время, дескать, дьявол точно устраивал ведьме только иллюзии путешествия, нагонял на нее такой сон, а теперь другое дело, теперь он на самом. деле возить ведьму всю целиком — душу и тело. Эти споры между учеными тянулись очень

долго и породили целую литературу; но мы не будем утомлять читателей этой скучной диалектической распрей.

Картина шабаша нами уже была описана по отрывкам из авторов XVI и XVII столетий. Но в книге Лие «История инквизиции в Средние века» она вся восстановлена по процессам ведьм, и мы ее здесь воспроизводим полностью. Шабаш, по показаниям ведьм всей Европы, справлялся повсюду довольно однообразно. Да так и должно быть. Откуда взялись подробности? Очень просто. Отцы-инквизиторы, поймав ведьму, ее пытали и задавали одни и те же вопросы и, конечно, из-под пытки получали одинаковые ответы. Ведь ответы могли быть только утвердительные; пытаемая ведьма отвечала так, как желательно было инквизитору. Он ей диктовал ответы. Он знал, по прежнему опыту, что делают ведьмы на шабашах, и новую ведьму спрашивал, делала ли она то же самое; она, конечно, отвечала, что делала. Путем таких вопросов и ответов из-под пытки и строилась картина шабаша.

Ведьма прежде всего должна была запастись освященной гостией, под предлогов причастия. Принеся ее домой, она ее скармливала жабе; потом, когда жаба съедала гостию, ведьма убивала и сжигала саму жабу. Золу от нее она месила с кровью новорожденного младенца, по возможности некрещеного, далее прибавляла в эту смесь порошок из костей повешенного и разные травы. Получалась волшебная мазь. Рецепты ее были, впрочем, различны, как мы уже и видели в первом отделе (глава VI). Этой мазью ведьма натирала себе ладони (по другим вариантам — раздевалась и натиралась вся), ею же натирала своего «коня», т.е. палку, помело, метлу или просто какой-нибудь стул, скамью, сидя на которых верхом и пускалась в путь. «Конь» немедленно, как только она на него садилась, взвивался на воздух и во мгновение ока доставлял ведьму на шабаш. Случалось (это опять вариант), что ведьма садилась и ехала на самом дьяволе, который тогда принимал вид козла, пса, а иногда даже и коня. Шабаш мог происходить где угодно — в лесу, в болоте, на любом пустыре, но все же были для этого предназначены и особые излюбленные народным сказанием места: в Германии — знаменитая гора Брокен, в Италии — дуб около Беневента. Было еще какое-то особое таинственное место шабашных сборищ, где-то у реки Иордана. И на каждое собрание ведьмы-гостьи являлись тысячами, несметными толпами. Любимым временем шабаша была ночь с четверга на пятницу. Ведьмы усаживались за столом, уставленным кушаньями и винами, которые появлялись внезапно из под земли, по знаку демона, командовавшего пиршеством. Потом они воздавали поклонение демону, который присутствовал на шабаше в виде козла, пса или обезьяны. Они отдавались ему и телом, и душой и лобзали его, конечно.

самым гнусным лобзанием, держа в руке зажженную свечу. Для разнообразия развлечений они делали надругательства над священными эмблемами или поворачивались спиной к небу. Дьявол иногда служил нечто вроде пародии на мессу, а потом произносил проповедь. Он обычно внушал своим слушательницам, что души никакой у человека нет, что россказни духовных о будущей жизни — один обман, что не надо ходить ни в церковь, ни на исповедь, ни употреблять святую воду; если же для видимости приходится справлять эти обрядности, то при этом надо про себя говорить: «С позволения нашего владыки». Обязанность же ведьм, по словам чертовой проповеди, состояла в том, чтобы приводить к нему как можно больше других женщин, обращая их в ведьм, и, главное, делать людям как можно больше зла, пакостить кому попало и при всяком случае.

После проповеди предавались нечестивым и непристойным танцам. Инквизиторы в Италии, именно в Комо и Бреши, когда случалось им уловлять очень малолетних ведьм, обыкновенно великодушно прощали им их прегрешения и отдавали их под надежный духовный надзор, во, однако, ври том лишь условии, если дети каялись искренно и рассказывали все, что делается на шабашах. Вот эти-то малютки, между прочим, воспроизводили перед отцами-инквизиторами шабашные танцы и плясали с большим мастерством. Танцевали обычно держась друг к другу спиной. Каждая пара, проносясь мимо дьявола-председателя, отдавала ему поклон, запрокидываясь назад и поднимая ногу кверху, как бы в поругание небу. Пир заканчивался неистовой свалкой, в которой черти служили чем угодно: и инкубами, и суккубами (о них см. в первом отделе).

В первом отделе мы сообщали краткое сказание о том, как однажды двое или трое инквизиторов, желая проверить рассказы ведьм, уговорили одну из них, чтобы она их сводила на шабаш, чтобы все там происходящее видеть самим. Лие утверждает, что эта история считалась в Средние века совершенно достоверной. Называют даже имена этих инквизиторов. Один из них был Бартоломео из Комо, другой — подеста Лоренцо из Конкореццо, а третий — нотариус Джованни Фоссато.

Все эти рассказы, конечно, наполняли души правоверных ужасом, а у инквизиторов распаляли религиозную ревность. Но дело в том, что шабаш для ведьмы служил лишь временным развлечением, которым ее баловал ее владыка-демон. Ее настоящее дело было вне шабашей, на миру, на людях, среди которых она жила. Она должна была сеять зло вокруг себя. Она принадлежала дьяволу душой и телом, а так как главное занятие и задача дьявола — творение зла людям, то ведьмы, конечно, и были должны разделять с ним эту его главную заботу. Замечательно, что многие демонологи считали черта и ведьму парой неразъемлемой, необходимой, т.е. черт не мог обойтись без ведьмы столь же, как и она без него; они дополняли друг друга. Затем, те же ученые знатоки чертовщины резко отличали колдуна и ведьму от мага, волшебника. Маг жил своим ремеслом, зарабатывал им деньги; ведьма же своим искусством не торговала. Маг мог служить столь же благим целям, как и преступным, ведьма же никаких благих целей знать не знала, а только пакостила.

Могущества ведьм было вполне достаточно для того, чтобы внушать к ним ужас и трепет в народе. Но опять же ведьма ведьме была рознь. Ученый демонолог Шпренгер насчитывает три группы ведьм: во-первых, были среди них такие, которые могли наносить зло, но не могли уже его исправить; во-вторых, такие, которые могли только устранить зло, но не могли сами его причинить, и в-третьих, такие, которые могли и причинить зло, и устранить его. И само собой разумеется, что всех опаснее были ведьмы третьей группы, потому (говорит Шпренгер), что чем больше они гневят Бога, тем больше силы и могущества дает им дьявол. Они убывают и едят детей, если они уже окрещены, а если попадется еще некрещеный новорожденный, то приносят его в жертву дьяволу. Кровь таких детей, как мы видели, служит цементом для мази, с помощью которой ведьмы совершают поездки на шабаш. Такой ведьме достаточно только прикоснуться, например, к беременной женщине, чтобы произвести у ней выкидыш или лишить молока грудь кормящей матери. Ведьма может вызывать бури. Для этого существуют разные средства. Ведьма, например, берет палочку (эти палочки им иногда дает дьявол на шабаше), мочит ее в воде, машет ею, и начинается ураган; или берет горсть камешков и бросает их через плечо назад; или варит в котле щепоть свиной щетины; или болтает пальцем воду в какой-нибудь луже. Всеми этими приемами вызываются бури, грозы, опустошительный град, от которого гибнут посевы, сады, огороды в целой области. Напуск червей, жуков и т.п. вредных тварей на посевы и сады тоже всегда считался делом ведьм. Они же разрушали в мужчинах и женщинах воспроизводительную силу и делали браки бесплодными. Затем, в круг обычной деятельности ведьм входили: напуск и погашение любви, напуски смертельных болезней, поражение людей молнией, а иногда и просто взглядом, превращение людей в животных, предсказание будущего. Обладая секретом изготовления разных волшебных порошков, они употребляют эти порошки для посыпки пастбищ, на которых от этого гибнет скот. По ночам они, невидимые и неподозреваемые, входят в дома и сыплют тот же порошок на подушки спящих людей, которые от этого впадают в непробудный сон; потом они прикасаются пальцем к телу спящих детей, которые от этого погибают в несколько дней, потому что палец намазывается особой отравой. При случае они ловко и незаметно делают иглой укол под ногтем новорожденного ребенка, потом высасывают из укола кровь, часть этой крови они глотают, а другая служит им для колдовства; они примешивают ее в свои адские зелья. Для тех же целей им нужен жир невинных младенцев, и чтобы добыть его, они кладут детей на горячие угли и собирают вытопившийся из их тела жир. Вдобавок, ведьмы обладают талантом превращения во всевозможных животных и вообще во что угодно. Все это было тщательно записано и перечислено в многочисленных руководствах для производства следствий по делам о ведьмовстве. Инквизитор, заполучив в свое распоряжение ведьму, угощал ее «пыточкой», как любил выражаться наш незабвенный Шешковский, а затем и задавал ей вопросы, руководясь одним из таких наказов: не проникала ли ночью в дома? Не сыпала ли порошок на подушку спящим? Что это был за порошок? Входила ли в него кровь младенца? Еще что в него было примешано? и т.д. Ведьма, достодолжно обработанная на каких-нибудь козлах или дыбах, с полной готовностью отвечала в тон вопрошавшему: сыпала, примешивала кровь, душила младенцев, топила из них жир и т.д. Вот таким путем и накоплялись факты, характеризовавшие деятельность злодеек-ведьм во всем ее разнообразии. Любая из этих подробностей ведьмовских злодейств вызывает теперь у вас улыбку, но, расточая эти улыбки, мы не должны забывать, что из-за такой галиматьи погибло на кострах не поддающееся точному исчислению число жертв.

К числу особенных талантов ведьм опытные демонологи причисляли их способность питаться плотью и кровью животных, которых они после того обновляли и восстановляли в целом и нерушимом виде. Этот пункт был особенно подробно разобран и выяснен ученым немецким демонологов Бурхартом. Он утверждает, что на шабашах иногда убивали людей или животных, не нанося им никакой раны; потом их мертвое тело разрезалось, варилось,

жарилось, поедалось шабашными гостями; а после пиршества эти изувеченные трупы восстановлялись и оживлялись, причем израсходованные части тела заменялись иногда чем попало, т.е., например, вместо сердца вставляли в грудь деревянный чурбан или пук соломы. Бурхарт этому не верит, а тех из своих прихожан, которые этому верили, подвергал даже покаянию, именно за то, что верят в такой нечестивый вздор. Иоанн Салисберийский тоже отрицает народное верование о том, что какие-то мрачные адские духи, ламии, как их называли, грызут младенцев, а потом их снова оживляют. Но инквизиторы, взявшиеся за ведьм, помнили, что такое народное верование существует, и, конечно, предусмотрительно осведомлялись у своих жертв — не ела ли, дескать, младенцев или вообще мертвецов, которых потом оживляла? И ведьмы, конечно, давали утвердительный ответ. Так, мало-помалу в числе других «качеств» за ведьмами утвердилось и это изысканное злодейство. Особенно много таких россказней выступило в многочисленных процессах ведьм в Тироле в начале XV века. Здесь тогда вспыхнула настоящая эпидемия ведьмовства, и местные отцы-инквизиторы измаялись в своем благочестивом рвении, едва успевая снаряжать одну за другой бесчисленных жертв костровых огнищ. Тут и выяснилось, что действительно ведьмы на шабашах угощаются плотью живых существ, которые потом остаются целы и невредимы, хотя, конечно, не надолго, потону что все же такая переделка не может не иметь своих законных физиологических последствий. Ведьмы из местечка Канавезе в северной Италии признались, что они часто выбирали в стаде у богатых соседей лучших быков, которых убивали и ели, а потом собирали в кучу кости и прочие остатки в произносили только слова: «Sogre, Ranzola!» (встань бычок), и мертвая скотина тотчас оживала. Однажды фермер той местности, Пасквале, убил больного быка, ободрал его, но тотчас вслед за тем сам захворал и умер через неделю; издохла также и собака, которая лизала кровь зарезанного быка. Все это, как водится, народом было истолковано, как злая штука ведьмы. Виновницу нашли (их тогда удивительно как скоро и безошибочно находили), и она объяснила, что бык этот как раз был из числа убитых, съеденных, а потом воскресших по слову ведьмы; оживляя же быка, ведьма наложила на него заклятье, по которому тот, кто его убьет и будет есть его мясо, должен погибнуть; так и произошло с хозяином и его собакой.

Этот пункт возбуждал опять-таки массу пререканий среди ученых богословов. Выходило так, что если это сказание справедливо, то из него явствует, что дьявол может воскрешать мертвых; между тем такая сила считалась исключительно Божьей. И вот опять пустились в утонченные толкования и старались разъяснить, что дьявол, разумеется, не может произвести реального воскресения, а только его подобие, нечто вроде отвода глаз. Но возможность такого полного отвода глаз все же свидетельствовала о могуществе дьявола над чувствами и умами смертных.

Что же касается до истребления неокрещенных детей, то это было уже обязательное дело ведьм; дьявол ставил им это злодейство в существенные условия союза с ним. Он из этих убийств извлекал прямую выгоду, потому что душа младенца некрещеного, следовательно не омытого крещением от первородного греха, становилась его законной добычей. Тогда существовало у католиков нечто вроде догмата, гласившего, что второе пришествие и общее воскресение мертвых наступит лишь тогда, когда число избранных дойдет до известной, из вечности определенной цифры. Значит, и с этой стороны дьяволу было выгодно губить души, чтобы они не попали в число избранных.

Среди ведьм были повитухи, и они-то, конечно, главным образом и старались по этой части. Одна из таких ведьм-акушерок, изловленная в Базеле и, разумеется, сожженная, призвалась, что она погубила сорок новорожденных, втыкая ин иглу в родничок головки. Другая такая же искусница была сожжена в Страсбурге; эта и счет потеряла сгубленным жертвам; выдал же эту злодейку один непредвиденный случай. Шла она как-то по улице и что-то уронила, не заметив, а оброненный предмет, к ужасу тех, кто его поднял, оказался ручкой новорожденного младенца. Если же повитухи-ведьмы и не умерщвляли детей, то все же были по договору с дьяволом обязаны посвящать этих детей ему. Отцы инквизиторы из кожи лезли, добиваясь вызнать, как совершался обряд этого посвящения дитяти демону, во так ничего определенного и не добились. Но зато было выяснено, что влекло за собой это посвящение. Ребенок, посвященный дьяволу, всегда обладал какой-нибудь чудесной способностью, и, выросши, редкий из таких посвященных не делался колдуном или ведьмой. Матери-ведьмы уже, конечно, обязательно посвящали своих детей демону, особенно девочек; эти девчурки, во всеобщему удивлению, могли вызывать и прекращать бури и дожди, околдовывать людей и вообще «проделывали много номеров из обычного репертуара ведьм. Рассказ об одной из таких малолетних кудесниц мы сообщали во втором отделе. Ведьмы-повитухи в XV-XVI веках были так многочисленны, что редкая деревенька не обладала такой опасной дамой.

Благодаря этому полчищу верных слуг и союзниц, дьявол мог почти без удержи и границ предаваться своему излюбленному занятию — нанесению зла смертным. Шпренгер рассказывает, что один из его друзей-инквизиторов однажды заехал в один город, оказавшийся почти опустошенным чумой. Ему рассказали оставшиеся в небольшом числе уцелевшие жители, что эпидемия производится мертвой ведьмой. Это было, должно полагать, очень страшное и могучее существо, нечто вроде сочетания ведьмы с вампиром, потому что продолжало свои злодейства даже за гробом. Утверждали, что ведьма все грызет свой саван и все не может его сгрызть, а пока не сгрызет всего, эпидемия не прекратится. Инквизитор приказал разрыть могилу ведьмы; и тут оказалось, что саван уже наполовину съеден ведьмой. Городской голова, при этом присутствовавший, вынул свой меч, отсек у трупа голову и выбросил ее из могилы; и чума сейчас же прекратилась. Следствие выяснило, что эта покойница была несомненная ведьма. Шпренгер горько оплакивал ту небрежность, то невнимание, с какими власти его времени относились к подобного рода злодействам.

Почему вся эта чепуха принималась не за плод народной творческой фантазии, а за непреложные факты? На этот вопрос ответ вытекает прямо из сказанного нами выше. Эти «факты» были добыты из уст самих ведьм и из показаний свидетелей; по тогдашним понятиям, признание, вынужденное пыткой, считалось уликой и твердо установлено обстоятельства, как бы они ни были невероятны. Как же было не верить тому, что твердили и повторяли десятки и сотни тысяч людей? При таком единодушном и единогласном подтверждении какая угодно фантазия превращалась в факт. Давно ли у нас свирепствовала холера, которую народ с глубокой уверенностью приписывал «подсыпанию» чего-то в реки и колодцы, и жертвами этой уверенности были не призраки, а живые люди, доктора вроде покойного Молчанова, которого толпа растерзала в Хвалынске. Положим, как мы уже сказали, скептики были даже в самый разгар эпидемии ведьмовства, в XV и XVI столетиях. Но инквизиция значительно охладила их строптивость, объявив, что каждый, кто выкажет сомнение в том, что все, совершающееся на шабашах, равно как и все вообще злодейства ведьм, лишь заблуждение, суеверие и обман, будет считаться «учиняющим препятствие и помеху» правильному отправлению инквизиционного правосудия. А навлекать на себя такое нарекание было в высокой степени опасно.

Что особенно ужасало в злодействах ведьм, так это то, что против них почти не существовало защитных средств. Церковь могла бороться против них обрядами, молитвами, крестом, святой водой и т.д. Но все это были средства предохранительные и предупредительные, а не средства против уже причиненного зла. Одна ведьма на допросе призналась, что кто-то обратился с ее содействию, чтобы погубить врага, но демон, призванный ею к себе на помощь, объявил ей, что с тем человеком ничего не поделать, потому что он ничего не совершает, не осенив себя предварительно крестным знамением; все, что можно было ему сделать худого, это уничтожить одиннадцатую долю его жатвы. Другая ведьма показала, что их в семье несколько сестер и все они ведьмы, и почти каждую ночь ходят по деревне, проникая в дома, где есть маленькие дети, чтобы сосать их кровь; но в те дома, где держат освященные вербы или просфоры, или кресты из оливкового дерева, они не могут проникнуть; они также не могли ничего сделать с теми, кто при всяком сомнительном случае осенял себя крестным знамением. Но, повторяем, все это имело силу и действовало лишь до нанесения ведьмой удара, а после уже ничего нельзя было поделать. В случае одержимости демоном можно еще было человека отчитать и дьявола изгнать бесогонными молитвами (экзорцизмами). Но что же можно было поделать, например, в том случае, когда ведьма напускала на человека или на скотину хворь, от которой они гибли, прежде чем ближние успевали сообразить, что тут что-то неладно? Одно время возлагали надежду на магию, которая, как полагали, могла бороться с злодеяниями ведьм. Но сама магия в конце концов была осуждена церковью, ибо оказалась орудием обоюдоострым. Пустили даже такое толкование, что дьявол, побуждая ведьму творить зло, на то, между прочим, и рассчитывает, что жертва ведьмина злодейства прибегнет к магии, чтобы обороняться, а дьяволу того и надо, потому что и маг, и ведьма — оба его верные слуги. Вот в чем состояло затруднение! и главное, это новое коварство дьявола было доказано фактами, очевидность которых била в глаза. Вот, например, один из этих фактов, приводимый демонологами и очень ими ценимый в качестве решительного аргумента. Один немецкий епископ, пребывая в Риме, без памяти влюбился в девицу и убедил ее ехать с ним в Германию. Во время путешествия туда девушка порешила убить своего возлюбленного, который был человек богатый и вез с собой множество драгоценностей. Она прибегла с этой целью к магии. Что именно она сделала над почтенным патером, об этом история умалчивает, но только однажды ночью у него внезапно началась сильнейшая боль во чреве; позвали врачей, во все их старания успеха не имели. Епископ, пожалуй бы, и умер, если бы случайно не подвернулась какая-то старушка,

которая живо распознала причину болезни и указала прямо на ее виновницу — римскую девицу. По словам старухи, существовало только одно средство вылечить епископа — это убить его злодейку-любовницу. Но сам епископ не мог взять на себя такого ответственного и крутого мероприятия и обратился со свом затруднением к папе Николаю V. (Отсюда можем заключить о времени этого происшествия; папа Николай V вступил на престол в 1449 году). Папа дал ему разрешение, и тогда епископ поручил старушке распорядиться. И в тот же вечер епископ выздоровел. Но тут ему доложили, что его девица умирает. Он пошел к ней преподать ей свое пастырское утешение (ну, нравы!), но она встретила его проклятиями и, умирая, вручила себя сатане. Значит, в этом случае, как догадывались демонологи, дьявол был так хитер и искусен, что провел даже самого папу, да мимоходом надул епископа и ведьму, и всех заставил плясать под свою дудку.

Эти ведьмы-целительницы, т.е. снимавшие чары другой ведьмы, расплодились одно время в Германии во множестве и имели обширную и доходную практику. Но она была не безопасна, ибо сами-то они были все же ведьмы и орудовать могли не иначе, как с помощью дьявола; притом, например, при болезни, они не могли просто вылечить человека или скотину, а должны были непременно снять болезнь с одного человека или животного и передать ее другому живому существу. Мы говорили уже о таком переносе и привели примеры. Эти лекарки и лекаря, как мы сейчас сказали, пользовались хорошим доходом. В Рейхсгофене такой лекарь жил в имении одного помещика, который, сообразив величину его дохода, порешил обложить его особой пошлиной с каждого обращавшегося к нему. В Этингене был некто Хенгст, к которому за врачебно-волшебной помощью ходило гораздо больше народа, нежели в самые знаменитые тогдашние места богомолья. Сохранилось предание, что зимой, когда везде лежали сугробы снега, дорога к дому этого Хенгста была вся плотно утоптана и выровнена стопами его посетителей.

Эта громадная практика контрведьм показывает нам с наглядностью, до какой степени вера в ведьм укоренилась в народе. И в самом деле, в XV и XVI веках малейшее, даже самое обыкновенное происшествие, болезнь, какой-нибудь случай со скотиной, пропажа, какой-нибудь червь на капусте, не говоря уже о крупных градобитиях, пожарах, эпидемиях, падежах скота — все это без обиняков и рассуждений приписывалось ведьмам. Подозрение падало обычно на какую-нибудь сварливую старуху. Само собой разумеется, что злобный нрав старушки побуждал ее многократно обращаться к людям с угрозами, вроде: «Я тебе покажу!», «Ты меня будешь помнить!» и. т.п. И этих изречений было вполне достаточно, чтобы старуху заподозрить и на нее донести местному инквизитору. Старуху немедленно хватали и начинали судить по свидетельским показаниям и ходячим слухам. Если инквизитору эти слухи казались убедительными, он без церемонии растягивал старушонку на козлах и убеждал во всем «признаться» и, конечно, добивался признания. Случалось, что после того, как старушонку сжигали, несчастья не только не прекращались, а еще больше ожесточались. Тогда наставала настоящая паника. Усугубление зла приписывали, конечно, мести других колдунов, и надо было, значит, их разыскать и истребить. И бывали случаи, когда при подобных обстоятельствах около половины населения какой-нибудь глухой деревеньки шло на костер, и чем больше людей истребляли на костре, тем больше обезумевали остальные. Это было повсеместное эпидемическое безумие, причинившее тогда европейскому населению столько страданий, сколько не причиняли ему ни тогдашние дикие войны, ни чума. Созерцая это чудище, это детище умственного блуждания, невольно поражаешься одним нелепым противоречием, которое сразу бросается в глаза. Коли ведьмы были так могучи и имели за собой помощь самого сатаны, то как же могло быть, что их хватали, мучили, жгли, и вся их собственная и демонская сила оказывалась недостаточной для такой пустяковой вещи — самозащиты? В самом деле, положим, пришли арестовать ведьму. Почему же она не сделается невидимой и не выскользнет из рук своих конвойных, не ослепит их, вообще ничего не делает ни она сама, ни дьявол, ее союзник и покровитель, — чтобы ее спасти? Взяли ее в тюрьму; почему же она не превратится в муху или в таракана, клопа, мышь и не уйдет из камеры? Все это было загадочно до невероятности. Средневековые казуисты это сознавали и старались эту нелепость объяснить, превратить ее в кажущуюся бессмыслицу. Впрочем, объяснение это было чрезвычайно произвольное, блещущее более решительностью, нежели логикой. Была именно принята гипотеза, что как только лица, облеченные правосудием, налагали на ведьму руку, она немедленно лишалась всей своей волшебной силы. Предполагалось, что таково непременно должно было быть божественное произволение. И это, конечно, необходимо было установить ради устранения огромных затруднений чисто практического свойства. В самом деле, сохраняй ведьма всю свою силу, где же бы тогда инквизиция набралась таких смельчаков, которые решились бы идти к вей в ее берлогу, брать ее, вести, садить в тюрьму, сторожить, рискуя тысячами смертей и опасностей, совершенно внезапных и неожиданных, на каждом шагу? Только будучи спокойны,

что сила ведьмы ослабевает перед лицом правосудия и его слуг, люди в могла решиться хватать ее.

Несколько сбивало с толку то обстоятельство, что иные ведьмы поразительной стойкостью выносили пытку. Кто подкреплял их силы в эти мучительные мгновенья? Очевидно, дьявол. Но ведь с арестом ведьмы его власть потухала? Казус был опять-таки затруднительный; но чего ни объяснит, коли захочет, свободный в своем полете человеческий разум. Ясное дело, что в иных случаях дьявол сохранял часть своей власти и пользовался ею, чтобы облегчить страдания своей верной союзницы; или давал ей, как тогда выражались, «дар безмолвия»; ее мучили и допрашивали, а она молчала. Во всяком случае это был тревожный прецедент. Невольно напрашивалось соображение, что если дьявол сохраняет часть своей силы после ареста, то ведь это вопрос — как, когда и в какой момент он ее употребит. Надо было держать ухо остро. Агентам инквизиционного судилища (так называемым familiares) было строго внушено при арестовании ведьмы отнюдь не дозволять ей входить под каким бы то ни было предлогом в свою комнату и вообще ни на миг не спускать с нее глаз, чтобы она не захватила с собой какой-нибудь заколдованной вещи. С этой же целью ведьму немедленно после ареста подвергали самому строжайшему и мелочному досмотру, отложив в сторону всякие вопросы скромности и приличия.

Несмотря на всяческие меры и предосторожности, все-таки демону удавалось выкидывать штуки потрясающие. Так, однажды в Регенсбурге присудили к сожжению несколько еретиков. Возвели их на востры и зажгли их; востры горят, а еретики не горят; пламя бушует кругом их, они скрываются в нем, а стоят целы и невредимы. Охваченные ужасом власти сняли их с костров, окунули в реку, потом опять начали жечь, а они все целы! Оставалось предположить, что такая напасть послана на город самим небом в возмездие за грехи, а посему было постановлено всему населению три дня провести в посте и молитве. И тогда только, по искупления грехов, удалось открыть, что еретики все были снабжены крошечными талисманами, которые были спрятаны у них под кожей; и как только вынули эти талисманы, злодеи немедленно были испепелены огнем. Но всего ужаснее было то, что подобные талисманы могли действовать на расстоянии. Так, например, в Инсбруке, в Тироле, одна ведьма хвасталась, что может так сделать, что человек совсем не будет чувствовать пытки, и хотя бы его замучили до смерти, не скажет ни слова. Для этого она требовала только, чтобы из ткани одежды того человека ей дали одну нитку. Бывали вообще разные случаи с ведьмами, иногда совсем особенные, зависевшие от совпадения экстренных обстоятельств. Так, например, однажды бились с какой-то ведьмой два дня подряд, подвергая ее самым изысканным и разнообразным пыткам, и она не вымолвила ни слова; дьявол подбодрял ее. Но на третий день как раз случился какой-то праздник Богоматери, и вот во время торжественной службы демон был лишен своей силы, отступился от ведьмы, и она немедленно принесла повинную.

Иногда, чтобы развязать язык ведьме, которой демон сообщил дар безмолвия, прибегали к разным магическим приемам, в которых религиозные обряды самым наивным образом сочетались с разными глупостями; так, например, брала полосу бумаги длиной в тело человека, писали на ней семь слов Спасителя, произнесенных им на кресте, потом в ближайший праздничный день во время обедни обертывали эту полосу бумаги, вложив в нее частицу мощей, вокруг тела ведьмы, поили ее святой водой, и в таком снаряжении уже растягивали на козлах и начинали пытать.

Однако, случалось, что ведьму невозможно было донять, по русской поговорке, ни крестом, ни пестом. Что тогда было делать? Некоторые инквизиторы ставили вопрос: не позволительно ли (ибо что же могло считаться непозволительным, когда дело шло о торжестве истинной веры?) в этих особо упорных случаях прибегать даже и к содействию дьявола, т.е. попытаться разрушить чары дьявола чарами опытного колдуна или ведьмы? Были казуисты, которые решали этот вопрос в положительном смысле. Но, кажется, к этому средству не прибегали; Лие не мог найти и не приводит ни одного факта, свидетельствующего о его применении.

Иные инквизиторы сами так боялись ведьм, что предписывали своим familiares немедленно, после того, как ведьма будет схвачена, садить ее в корзину и нести, а не вести в тюрьму. Предполагалось, что если дать ей ступить на землю, то она может еще на мгновение овладеть своею силой, разметать в стороны стражу и убежать.

Существовала, впрочем, очень ободряющая теория. Считалось, что все власть имеющие лица, обязанные, по своему служебному положению, принимать участие в рас-

праве с ведьмами, были совершенно. обеспечены от всяких козней как самих ведьм, так и дьявола. Так, например, Шпренгер, бывший инквизитором, рассказывает, что он сам и многие из его собратьев-инквизиторов не раз подвергались нападению чертей; нечистые духи принимали образ обезьян, псов, козлов; но никогда сии чудовища никому из них не нанесли никакого вреда. Это означает, что отцы-инквизиторы до того вникали в россказни ведьм о шабашных безобразиях, так вошли в эту атмосферу ада и его обитателей, что им, наконец, начали чудиться черти наяву.

Однако, эту невредимость инквизиторов нельзя было считать вполне и во всех случаях обеспеченной, как и показывает случай с итальянскими инквизиторами, посетителями шабаша, о которых мы сообщили выше в этой главе.

Это вечное пребывание настороже против козней дьявола довольно чувствительно отзывалось, между прочим, и на участи ведьм, попадавшихся в руки инквизиторов. Некоторые из этих несчастных баб были так жалки, так явно ни в чем неповинны, что иногда самые суровые и черствые инквизиторы невольно поддавались чувству жалости и относились к своим жертвам с некоторым снисхождением. Эти послабления сурово осуждались серьезными инквизиторами, строго относившимися к своему делу. Они рекомендовали своим товарищам не забывать, что дьявольские ухищрения бесконечно разнообразны и что жалость к ведьме влагается в сердце судьи тем же дьяволом, и потому надо с этим чувством бороться и уметь одолевать его. Тут соблюдались некоторые мелкие предосторожности. Так, например, считалось, что если в ту минуту, когда ведьма входит в комнату, где сидит инквизитор, она первая взглянет на него, то через это она приобретает над ним некоторое влияние, может, например, его тронуть, разжалобить. А потому было принято за правило — вводить ведьму в ту комнату задом. Значит, инквизитор первый видел ее, встречал ее взглядом. Сам инквизитор и все, кто приходил с ведьмой в соприкосновение, принимали некоторые меры личной безопасности; так, они не позволяли ведьме прикасаться к себе, особенно в сочленениях, а на шею надевали платок, в котором была завернута соль, освященная в вербное воскресенье; в том же платке или в кармане держали частицы разных освященных трав, замятые в воске; во время допроса они часто осеняли себя крестом.

Ведьмы, за которыми недостаточно зорко наблюдали, могли наносить тем, кто был близ них, большой вред. Так, однажды в Шварцвальде палач, возводя ведьму на костер, не поостерегся, и она имела возможность дунуть ему в лицо. Несчастный человек сейчас же весь был усыпан проказой, от которой через несколько дней погиб. Случилось однажды, что демон, друг осужденной ведьмы, сопровождал ее в виде ворона на костер и мешал дровам загораться.

Дела ведьм имели разный исход, смотря по тому, в какие руки попадали. Так, во Франции во второй половине XV столетия инквизиция фактически была уже уничтожена и потому дела ведьм судились светскими судами. И были случаи очень разумного отношения судей к делу, тщательная вдумчивость, беспристрастие. Вот, например, случай из практики парижского парламента.

Один патер в Суассоне, по имени Ив Фавен, затеял дело с одним фермером, по имени Жан Рожье, который находился в зависимости от монахов-госпиталитов. Этот фермер отказался платить какую-то установленную дань. Госпиталиты, как и храмовники, были освобождены от десятинной повинности, и поэтому Рожье, как человек, пользовавшийся привилегиями госпиталитов, выиграл тяжбу, что, разумеется, страшно озлило Фавена. Вдобавок, его присудили к уплате судебных издержек. Терзаемый жаждой мщения, он, конечно, высматривал только случай, чтобы насолить своему врагу. Скоро случай представился. Жена Рожье рассорилась с какой-то бедной крестьянкой, которая к ней нанялась на работу. Рожье не доплатила ей за работу, что следовало. Фавен сейчас же вошел в сношения с обиженной бабой, и та легко поддалась на его увещания. Решили совместно напакостить ненавистной чете Рожье. Обиженная баба была колдунья. Она дала Фавену большую жабу, которую хранила у себя в горшке, и велела ему прежде всего окрестить ее по католическому обряду, а затем некоторое время кормить освященной гостией. Фавен окрестил жабу дал ей при этом христианское имя Иоанн. После того баба убила эту жабу и с ее помощью смастерила так называемый sorceron. Слово это, очевидно, происходит от sorcier, колдун, и должно было означать какую-нибудь заколдованную снасть, вроде ладанки, наузы и т.п. Дочь этой бабы отправилась с этим снадобьем к Рожье, под предлогом переговоров об уплате долга. И вот во время этих бурных прений она подбросила чертовское зелье под обеденный стол Рожье, за который только что собрались садиться сам Рожье, его жена и сын. Они все трое после того внезапно захворали в на третий день умерли. Эта внезапная болезнь и гибель совер-

шенно здоровых людей, конечно, возбудили толки, подозрения, и народная молва мало-помалу добралась до бабы и ее дочери. Их обеих арестовали, и как только за них принялись, как следует, т.е. растянули на классических козлах и начали пытать; они тотчас же обе признались и принесли полную и подробную повинную. Мать немедленно сожгли, дочь же сослалась на свою беременность и получила отсрочку. Она воспользовалась этой отсрочкой. чтобы убежать, но ее поймали и снова доставили в Париж. А тем временем из показаний баб узнали об участии в деле и Фавена. Он тоже был арестован, но ему позволили иметь адвоката. Он апеллировал в парламент, его дело было рассмотрено здраво и беспристрастно, и он был оправдав. Этот случай показывает, как и множество других подобных, что светские суды относились в делам о колдовстве иногда с большим благоразумием, чем и отличались от судов духовных, которые, судя по всему, вполне разделяли ходячие предрассудки и в делах о колдовстве были всегда беспощадны.

Здесь будет кстати сделать одно замечание. Из дела видно, что его волшебная суть опиралась на операцию с жабой. Очевидно, в Средние века разделялись мрачные взгляды глубокой древности на это отверженное животное. Как известно, по учению Зенд-Авесты, жаба была специально создана Ариманом, как слуга злого духа, которому она с тех пор и была посвящена. Это древнее воззрение проникло в дух арийских пародов, и когда началась группировка всего того, что ютится вокруг зла, т.е. вокруг дьявола, то, само собой разумеется, жаба как раз и угодила в его свиту.

Однако, и в светских судах обвиваемым в колдовстве приходилось солоно. Но все же в светских судах по крайней мере применялись известные формы производства, дававшие хоть какие-нибудь гарантии подсудимым. Вот, например, какой процесс был в Костнице. Какой-то человек встретил мужика, ехавшего верхом на волке. Это необычайное зрелище так его потрясло, что он немедленно был поражен параличом. Но у кого было лечиться от этого недуга? Очевидно, надо было обратиться к тому самому мужику, который гарцевал на волке. И тот вылечил паралитика. Сначала, в благодарность за это излечение, он молчал, не доносил на волчьего всадника, но узнавши, что тот навредил еще, кроме него, многим другим, он счел себя не в праве молчать и донес на злого колдуна. В этом процессе следует отметить, как особенно замечательную черту, во-первых, что обвиняемый вовсе не был подвержен пытке, во-вторых, у него был адвокат. И тем не менее обвиняемого осудили и сожгли, потому что показания свидетелей были подавляющие и оказали чрезвычайное действие на судей.

В инквизиционном суде дела принимали совершенно другой оборот. Да оно и понятно. Инквизиция боролась с сатаной. Зная бесконечную изворотливость врага рода человеческого, инквизиция раз навсегда стала на ту точку зрения, что невинных обвиняемых нет и не существует. Могут быть случаи, что вину нельзя пряно доказать. Но тогда приговор так и постановлялся: обвинение не доказано; но это вовсе не означало, что обвиняемый невинен. Невинности не полагалось. Инквизитор, если можно так выразиться, состоял на совершенно особом положении по отношению к своей жертве. Он не был судья в строгом смысле слова, он просто-напросто вступал в личную схватку с сатаной. Перед ним был подсудимый, все равно еретик, колдун или ведьма. Все эти люди были для него союзники сатаны, которых он опутал своей злобой, и вся возня с ними сводилась для него, в сущности, к борьбе с сатаной. Если данные предварительного следствия, т.е. все эти жалобы людей, например, потерпевших разные беды от ведьмы, казались ему достаточно убедительными, то он считал со своей стороны уже слабостью и попустительством всякое сомнение в виновности попавшей в его руки ведьмы. Все, что по ходу дела являлось как бы свидетельством ее невинности, он должен был рассматривать, как коварное ухищрение сатаны, и был настороже, чтобы не сделаться жертвой этих ухищрений. К чему это на практике повлекло — нетрудно угадать Пытка, например, широко применялась в тогдашних судах, но все же было принято за правило, что если человек с пытки не признается в том, в чем его обвиняют, то этим уничтожаются доказательства и улики; непризнание под пыткой принималось как доказательство невинности. Судьи иногда, может быть, скрепя сердце, во все же должны были в конце концов отступиться от человека за неимением в наличности такой капитальной, уличающей статьи, как призвание. Взгляд инквизиции на этот предмет отправлялся от совершенно иной точки зрения. Если обвиняемый не признавался под прыткой, то это вовсе не служило доказательством его невинности, а доказывало лишь, что дьявол как-то-таки ухитрился придти на помощь своему верному другу и союзнику и оказать ему поддержку в тяжкие минуты испытания. Он, например, делал его совершенно нечувствительным к боли. Терзайте его, как угодно, он ничего не чувствует, и пытка оказывается для него совершенно недействительной. Надо было сломить это упорство дьявола. И благочестивый инквизитор старался изо всех сил, обрабатывая какую-нибудь несчастную старуху на всевозможных козлах и

дыбах. И все-таки нередко, несмотря на все его старания, жертва молчала, «даже будучи иногда почти вся разорвана в клочья», как выражается благочестивый Шпренгер.

Ради этого инквизиторам пришлось даже видоизменить постановления о пытке. По тогдашним судебным уставам полагалось, что в иных случаях пытка не могла быть повторяема, если подсудимый сразу не признался. Отцы-инквизиторы, истязая человека в свое удовольствие, сколько им было угодно, приводили в свое оправдание тот резон, что они пытку вовсе не повторяют, а продолжают. Закон же вовсе не указывал в точности, сколько времени должна продолжаться пытка т.е., так сказать, один ее сеанс, а потому можно было продолжать ее неделями, месяцами. Если же по временам пытаемому давался «отдых», то это служило лишь доказательством милосердия судей. Кстати, эти промежутки отдыха несчастный проводил в таких ужасных подземных норах, что содержание в них служило не отдыхом, а прямым продолжением пытки и, в сущности, имело целью окончательно подорвать и нравственные, и физические силы заключенного. Надо еще заметить, что, по правилам инквизиционного производства, можно было обойтись и без собственного признания подсудимого, приговор же постановить на основании свидетельских показаний. Так что пытка являлась в руках инквизиторов как бы уступкой, которую они должны были делать обычной юриспруденции. Она требовала признания подсудимого, и коли его нельзя было добиться никакими другими средствами, то приходилось прибегать к пытке. Из инквизиторов же некоторые неохотно к ней прибегали; только, конечно, вовсе не под влиянием жалости к подсудимому, а под влиянием страха и трепета перед могуществом сатаны.

Мы уже упоминали о том, что дьявол иной раз наделял своих приверженцев страшным даром безмолвия, при котором истязуемый молчал, как мертвый, так что пыткой от него ровно ничего нельзя было добиться. Поэтому-то иным инквизиторам пытка и представлялась средством далеко не вполне надежным. Они и прибегали к другому средству, приносившему гораздо более благие плоды. Средство это заключалось во лжи, в обещаниях полного помилования, если обвиняемый принесет повинную. Давая такое обещание, инквизитор сознавал свою совесть в высшей степени свободной. В самом деле, к чему могло его, служителя Божия, обязывать какое бы то ни было обещание, данное ведьме, т.е. рабе сатаны, т.е., в сущности, самому сатане? Тут весь вопрос мог состоять только в том, поймается ли враг рода человеческого в расставленные ему сети, поверит ли он? Если эта уловка удавалась, т.е. если ведьма, обольщенная обещаниями полного помилования, приносила повинную, перед инквизитором вставала довольно щекотливая задача — нарушить торжественно данное слово и, не смущаясь им, повлечь ведьму на костер. Казалось бы, совесть самого обыкновенного смертного должна была испытывать некоторые угрызения при таком слишком бесцеремонном, чтобы не сказать наглом, обмане. И отцы-инквизиторы это, повидимому, чувствовали, потому что в этих щекотливых случаях прибегали к разным уловкам. Так, например, добившись от ведьмы призвания под обещанием полного помилования, инквизитор прекращал дело и передавал его другому судье. Этот другой постановлял свой приговор на основании сообщенных ему документов. Видя, что в деле имеется акт собственного признания ведьмы, он и приговаривал ее к сожжению на костре без малейшего колебания. Что же касается до первого инквизитора, то он благополучно убаюкивал свою совесть тем, что не он отправил ведьму на костер и что в смерти ее он нимало неповинен. Иные менее щепетильные инквизиторы поступали несколько проще. Добившись признания, они оставляли жертву отсиживать в тюрьме достаточный промежуток времени для того, чтобы все эти разговоры о помиловании понемножку стерлись из памяти, и тогда сами отправляли ведьму на костер.

Кроме этого прямого и бессовестного обмана подсудимых, применялись всякого рода косвенные способы. Так, например, иногда вдруг резко переменяли все обращение с подсудимым, переводили его из смрадной каморки в хорошую, светлую комнату, начинали хорошо кормить и в то же время через подосланных своих агентов кротко убеждали покаяться, уверяя, что хлопочут исключительно о спасении его души.

Совершенно надежным и верным признаком виновности ведьмы, т е. ее дружбы с дьяволом, считалась ее неспособность плакать. Если подсудимая во время допроса и пытки оставалась с совершенно сухими глазами, тогда как в другое время могла свободно и обильно плакать, то уже одна эта странная особенность принималась, как почти неоспоримый признак одержимости демоном. Толковалось это обстоятельство таким образом, что дьявол, друг и пособник ведьмы, снабжал ее этим даром выносливости, нечувствительности перед пыткой. В подобных случаях инквизитору рекомендовалось всеми возможными средствами разжалобить ведьму. Он принимался сам плакать и рыдать и в это время говорил ведьме о тех слезах умиления, которые Христос пролил на кресте за род человеческий. Но

если инквизитор имел дело с настоящей ведьмой, то обычно случалось так, что чем больше источал он слез, тем бесчувственнее оставалась сама ведьма и тем суше были ее глаза. Вместе с тем усиливалась и уверенность в виновности подсудимой. Отсюда, казалось бы, должно было логически следовать, что если ведьма умилилась от слез инквизитора и сама заплакала, то это надлежало бы принять за признак ее невинности. Но не тут-то было. Логика инквизиторов и тут очень ловко изворачивалась. Эти слезы ведьмы надлежало рассматривать, как новое доказательство ухищрений демона, поспешившего на выручку своей союзнице. Тут, очевидно, шла чрезвычайно тонкая и безгранично жестовая игра, которой мог в свое удовольствие предаваться фанатизированный ум человека, имеющего в руках право неограниченного насилия над личностью себе подобных.

Любопытен также установившийся взгляд инквизиции на применение смертной казни к ведьмам. Инквизиция не любила смертной казни. Однако это надо понимать, как следует, с большими оговорками. Выражаясь точнее, инквизиция не желала, чтобы ответственность за смерть подсудимого падала на нее, а для того, чтобы снять с себя эту ответственность, она прибегала к очень простому средству. Осудив, например, еретика, она постановляла приговор очень глухо: обвиняемый признавался еретиком нераскаянным и в качестве такового предавался в руки светской власти, «дабы с ним было поступлено по закону». Вот и все. Как видите, в этом приговоре насчет казни не делалось и отдаленного намека. Но светские власти, приняв в свои руки из рук инквизиции такого нераскаянного еретика, очень хорошо знали, что надо с ним делать, и немедленно предавала его сожжению на костре. А о том, что таково в действительности всегда было желание инквизиции, свидетельствуют многочисленные случаи, когда светские власти по каким бы то ни было причинам не хотели сжигать еретика или даже просто только проявляли некоторую медлительность. Инквизиция в таких случаях сейчас же начинала торопить их, побуждая их «исполнить закон». Случалось, что дело доходило до открытой распри между инквизиторами и светскими властями. Тогда это недоразумение восходило до пап, и святейший отец уже прямо настаивал на том, чтобы еретика сожгли.

Во всяком случае относительно простых еретиков инквизиция строго держалась этой манеры: осуждаем человека на смерть не мы и сжигаем его тоже не мы, наше дело чисто, и наши руки кровью не обагрены. Относительно же ведьмы этот основной взгляд инквизиции подвергся некоторому изменению. Тут инквизиция последовала за светскими судами. Те приговаривали ведьму, в достаточной мере изобличенную, к сожжению на костре, и с течением времени инквизиция без обиняков приняла туже систему, т.е. сама постановляла такие же приговоры. Всякие церемонии были отложены в сторону. Ведьма по приговору инквизиции не проговаривалась к передаче в руки светских властей, а приговаривалась прямо и непосредственно к костру. Такая перемена во взглядах отразилась, конечно, и в сочинениях ученых инквизиторов того времени. Так, в 1458 году инквизитор Жакериус в длинном, пространном и полном учености рассуждении доказывает, что ведьма не заслуживает того снисхождения, которое иногда давалось еретикам, и что к ней всегда надлежит относиться с беспощадной строгостью. После него Шпренгер, о котором мы уже много раз упоминали, в свою очередь настаивает на том, что ведьма должна быть осуждаема на смерть даже в том случае, когда она изъявит полное и искреннее раскаяние.

Обыкновенно инквизиторы ссылались на то, что ведьмы несравненно виновнее еретиков, так как, кроме отступничества от Бога и союза с дьяволом, они еще виновны во множестве злодейств, которые причиняют людям. Но сами инквизиторы не очень строго держались этого довода. Об этом можно судить, между прочим, по аррасскому процессу, который мы в скором времени опишем. Там было присуждено к сожжению несколько человек, причем вся обнаруженная за ними вина состояла в том, что они посещали шабаш; никакого злодейства, причиненного людям, за ними не числилось. И тем не менее их не поколебались отправить на костер. В 1474 году в местечке Левоне, в Пьемонте, местный инквизитор Киабауди судил двух ведьм — Франческу Волони и Антонию Дальберто. По приговору обе ведьмы присуждались к передаче их в руки светских властей, причем инквизитор делал оговорку, что осужденные не должны быть подвергаемы никакому телесному наказанию, а только имущество их должно быть конфисковано. Тем не менее, спустя дня два после передачи обе ведьмы были сожжены. Из этого можно заключить, что светские власти смотрели на все эти смягчающие оговорки в приговорах инквизиторов, как на простую формальность, проформу. Раз состоялась передача осужденного в руки светской власти — это означало, что он подлежит сожжению.

Но для того, чтобы инквизитор был совершенно свободен в своих действиях, надо было устроить так, чтобы в его действия уже решительно никто не вмешивался, а в особен-

ности светские адвокаты. Кстати, с этими адвокатами-ловкачами у того же инквизитора Киабауди вышло такое дело, что он сам чуть-чуть не угодил под суд. Дело было в том же Пьемонте, в местечке Ривара, в 1474 году. Тогда схватили там большое число ведьм, судили их и сожгли. Заведовал всем делом Киабауди. Но это был человек очень неопытный в инквизиционном производстве. Он поручил своему помощнику после сожжения первой партии ведьм арестовать еще пять женщин. Свидетельские показания против них были подавляющие. Инквизитор предоставил им десять льготных дней, в течение которых они должны были либо представить оправдание, либо принести полную повинную, в противном случае им угрожала пытка. Но тут неопытный Киабауди совершил огромную оплошность, Две из арестованных, Гульельмина Феррери и Маргарита Кортина, были богатые женщины, с большими связями. Их родственники потребовали, чтобы в деле привяли участие приглашенные ими адвокаты. И как только эти адвокаты появились на судилище, они почти во мгновение ока разрушили все обвинение. Но всего ужаснее было то, что юристы держались на суде с необыкновенной дерзостью. Киабауди, как это ни странно, очевидно, не имел никакого понятия о размере прав и привилегий инквизитора. Адвокаты совершенно сбили его с толку своим натиском. Он не умел ничего им возразить, потону что каждое их требование основывалось на точной букве закона, Киабауди же в законах ровно ничего не понимал. И он делал промах за промахом, уступку за уступкой. Они, например, протестовали против предварительного следствия, указывая на его неправильности; далее потребовали вызова свидетелей со стороны защиты, чего никогда не допускалось в инквизиционном судопроизводстве. И Киабауди всему этому подчинялся. Путем показаний вызванных ими свидетелей им удалось установить, что обвиняемые с чрезвычайным усердием посещали церковь и выполняли все внешние обрядности католической веры; что они были не только благочестивы, но и широко благотворительны, что совершенно противоречило их обвинению в ведьмовстве. Киабауди скоро понял, что ему с этими ловкими людьми не сладить, и он призвал себе на помощь знаменитого местного юриста Вало. Но адвокаты и своего коллегу быстро сшибли с позиции. И кончилось тем, что они обрушились на самого Киабауди. Они доказали ему. Как дважды два, что он в такого рода делах вовсе даже и не имеет права выступать судьей, и потому все, что он до сих пор творил по этой части, — сущее беззаконие. Киабауди должен был пойти на все уступки, и дело было перенесено куда-то совсем в другой суд. Чем оно окончилось для подсудимых, мы не можем сказать, да я не в этом суть. Главное состоит в том, что вмешательство адвокатов в инквизиционное судопроизводство всегда вносило в него страшную сумятицу, в потому инквизиция строго установила, что люди, попавшие к ней в переделку, не имеют никакого права на содействие защитников-адвокатов. Расскажем теперь подробно о выше упомянутом аррасском деле, знаменитом в летописях средневековой уголовщины. Оно чрезвычайно ярко характеризует то всеобщее шатание разума, в которое, тогдашняя публика была повергнута ведьмовством и колдовством. Кстати оно ознакомит нас и с тогдашними судебными порядками.

Аррасское дело известно было также под названием «дела вальденсов». Под вальденсами, как, вероятно, припомнят читатели, подразумевались особые сектанты, нечто вроде альбигойцев, когда-то процветавших на юге Франции и, в качестве еретиков, вызвавших против себя яростные гонения. Вальденсов почти всех успели истребить в течение XIII и XIV столетий. Но само слово осталось в употреблении, только начали придавать ему совсем другой смысл, а именно под вальденсами стали подразумевать просто-напросто колдунов. Дело это началось в 1459 году. Инквизиционный суд, заседавший в Лангре, судил и присудил к сожжению некоего Робина Дево. Этот человек обвинялся в колдовстве. Во время следствия и суда он, как водится, был подвергнут пытке и в эго время оговорил множество лиц, которых он будто бы встречал на шабашах. В числе этих оговоренных была одна уроженка городка Дуэ, по имени Денизелль, femme de folle vie, т.е. дама вольного поведения. Был еще оговорен некто Жан Лавитт, житель города Арраса. Лавитт был человек видный по своему общественному положению. Он был живописец и поэт и прославился. как автор многочисленных баллад, написанных в честь Мадонны. Надо полагать, что публика была невысокого мнения о его уме, судя по данному ему прозвищу «Abbé-de-pen-de-sens», т.е. аббат недальнего разума. Разумеется, обоих этих лиц арестовали. Прежде всего захватили злополучную даму Денизелль и заточили ее в тюрьму. Местный епископ Иоанн в это время был в Риме и его место временно заступал бывший исповедник папы, доминиканец, по имени тоже Иоанн. Помощниками его были Тибо, Пошон и два брата Гамель: Петр и Матвей. Все эти лица с жаром принялись за дело, найдя себе деятельного и усердного помощника в лице очень опытного и ученого юриста Жака Дюбуа. На этом последнем я лежала вся юридическая тягота дела. Денизелль, конечно, была, подвергнута пытке и от нее нетрудно было добиться признания, что она посещала шабаши. Ее попросили указать, кого из знакомых она там встречала, и она в числе других назвала упомянутого поэта Лавитта. А на него еще раньше указал сожженный Робин Дево, который тоже встречал его на шабашах.

Лавитт очень хорошо знал, что на него сделано такое показание, и как ни был он недалек разумом, все же у него хватило сметки на то, чтобы задать тягу и скрыться в укромном месте. Однако инквизиция в самом скором времени открыла его убежище в Аббевилле, и здесь он был арестован. Его немедленно доставили в Аррас. Заточенный здесь в тюрьму, Лавитт проявил замечательную силу духа, которой трудно было ожидать от его уничижительного прозвища. Опасаясь, что под влиянием пытки он наговорит чего-нибудь лишнего, он порешил отрезать себе язык перочинным ножом. Его вовремя остановили, но все-таки ему удалось настолько повредить язык, что он сделался не в состоянии говорить. Это нисколько, впрочем, не помешало растянуть его на козлах по всем правилам искусства. Говорить он не мог, но он был поэт, человек грамотный и, следовательно, умеющий писать; руки же у него повреждены не были и перо в руках он мог держать. Его и заставили давать письменные показания, что было даже гораздо удобнее: «что написано пером, того не вырубишь топором». Таким образом, ему и пришлось составить весьма полный список всех тех лиц, которых он встречал на шабашах; в числе их оказались личности, представлявшие собой знатную добычу для инквизиции: местные дворяне, а главное, богачи-горожане; много он оговорил и простолюдинов. По этим показаниям сейчас же вновь начались аресты; схватили еще шестерых.

Таким образом круг заподозренных расширялся, дело принимало чересчур уже обширные размеры, и судьи испугались. Заместители отсутствующего епископа решили было даже выпустить всех арестованных. Но энергичный Жак Дюбуа сейчас же вошел в сношение с местным (бургундским) герцогом Филиппом Добрым и добился от него указа о том, чтобы делу был дан законный ход.

Тогда принялись снова за всех оговоренных Лавиттом. Прежде всего обратились к упомянутым шести арестованным в Аррасе. В числе их было четыре женщины из простонародья. Они под пыткой сейчас же признались в том, что они ведьмы и посещали шабаши. На приглашение указать других посетителей шабашей они в свою очередь оговорили несколько человек. Упомянутые заместители и помощники епископа: Тибо, Пошон и братья Гамель, оказались людьми совершенно неопытными в судопроизводстве и, вдобавок, робкими и нерешительными. Они растерялись. Не смея взять на себя ответственность, они передали дело на заключение двум знатокам канонического права: Карлье и Николаи. Те дали отзыв в том смысле, что если обвиняемые попадались в первый раз и притом от своих заблуждений отрекались и в то же время не учинили никакого злодейства и не изобличаются ни надругательстве над святыми таинствами, то нет основания осуждать их на смерть. Но это были взгляды старой инквизиционной школы. Что же касается до Дюбуа, то он был представитель новой школы, по которой ведьмовство рассматривалось как преступление гораздо более тяжкое, чем ересь, и потому во всяком случае должно было влечь за собой осуждение на смерть. Так и на этот раз он настаивал на том, чтобы всех осужденных сожгли. Но он шел еще дальше. Он кричал, что все, кто заступается за колдунов и ведьм и хлопочет о смягчении их участи, должны рассматриваться, как их пособники. Словом, он ставил вопрос чрезвычайно широко. Он утверждал, что дело идет ни более, ни менее, как об участи всего христианства; что в числе людей, номинально считающихся христианами, найдется добрая треть таких, которые преданы колдовству, и что в числе этих тайных колдунов нетрудно отыскать даже самых высших лиц: епископов, кардиналов, герцогов; что, наконец, если все эти лица вступят между собой в дружный союз, и во главе этого союза встанет умелый руководитель, то миру христианскому грозят неисчислимые бедствия. Надо думать, что эти мрачные взгляды Дюбуа разделялись в то время и другими духовными лицами, потому что в Брюссельской библиотеке Чарльз Лие нашел любопытную книгу неизвестного автора, священника, написанную как раз в те годы, когда разразилось аррасское дело, и в которой высказаны как раз такие самые взгляды, какие высказывал Дюбуа. Таким образом, выходило, что из вынужденных пыткой показаний несчастной проститутки и «аббата недальнего разума» возник целый общественный вопрос колоссальной важности; ставилась на карту судьба всего христианства.

В XV столетии в Германии свирепствовал знаменитый Конрад Марбургский, один из самых деятельных истребителей еретиков. У него был подручный и помощник, по имени тоже Конрад, а по фамилии Торс. Этот Торс обладал чудовищной внешностью, к которой присоединялся еще один удивительный талант: Торс хвастал, что он обладает способностью с одного взгляда отличать еретика. Нечего и говорить о том, до какой степени ценны была услуги такого помощника. Заметим здесь мимоходом, ради характеристики деятельности инквизиторов, что талант Торса в распознавании еретиков обрушивался исключительно на людей богатых. При этом не надо забывать, что имущество осужденного еретика конфисковалось и что щедрая доля его шла в карман тех, усердию кого высшее правосудие было обя-

зано изобличением грешника. Значит, Торсу было из-за чего постараться. И вот совершенно таким же талантом распознавания ведьмы с первого взгляда отличался и упомянутый выше доминиканец Иоанн, заместитель отсутствующего епископа аррасского. Он, как мы видели, вместе с Дюбуа был главным воротилой в аррасском деле. По его настоянию, граф Дестамп, приближенное лицо Филиппа Доброго, созвал на совет всех высших аррасских духовных сановников (в мае 1460 года). Этот совет и составил собой судилище для разбора дела. Разбор произошел самый энергичный и быстрый, и все арестованные были присуждены к смертной казни. Все дело закончилось в один день, а на другой же день всех осужденных привели на площадь перед епископским дворцом. Предстоящее зрелище привлекло громадную массу зрителей; сохранилось предание, что в этот день в Аррасе собралось все население местности, лежащей на пятьдесят верст вокруг города. В числе осужденных один предстал на место казни, если можно так выразиться, упредив события; ему удалось повеситься у себя в тюрьме, так что к месту казни приволокли его труп. Всем осужденным на голову одели какие-то колпаки, на которых они были изображены воздающими поклонение дьяволу. Инквизитор громким голосом прочел речь. В ней, между прочим, он сделал очень картинное описание шабаша. При этом он тщательно перечислил все визиты на шабаши, сделанные каждым из осужденных, упомянул о том, что каждый делал на шабаше, и при этом каждого опрашивал, так ли это, признает ли он все сказанное о нем, и осужденные один за другим подтверждали взведенные на них обвинения. После того все они были переданы в руки светских властей. Тогда среди осужденных поднялись ужасающие крики. Все в один голос они завопили о том, что их бессовестно обманули, что им обещали полное помилование, если они покаются, и грозили смертной казнью, если не покаются. А теперь, когда они покаялись, их хотят предать смерти. В то же время они кричали, что ни в каком колдовстве и ведьмовстве они неповинны, что ни в каких шабашах они не участвовали, и что признание у них было вынуждено угрозой смерти, пыткой и обманными обещаниями помилования. Но все их вопли были напрасны. Их взвели на костры и костры зажгли. Скоро их отчаянные, протестующие голоса были задушены огнем и дымом. В своих последних воплях они умоляли родных и друзей молиться за спасение их душ. Их проклятия больше всего обрушивались на юриста Жиля Фламана, который рядом с Дюбуа выступал добровольцем в этом деле и подал мысль сломить упорство обвиняемых при посредстве этого подлого обещания помилования.

Это был первый успех старателей-добровольцев, который разжег их зверские аппетиты. Едва успели сжечь первую партию осужденных, как вновь уже было арестовано тринадцать ведьм, и в том числе опять добрая полудюжина проституток, а все остальные были тоже люди из простонародья. Это однообразие добычи, ее тщедушность и ничтожность скоро наскучили старателям. От сжигания несчастных мещанок и деревенских баб нажива была совершено ничтожная. Инквизиторы же, очевидно, желали, подобно упомянутому Торсу, вознаградить себя за свое усердие чем-нибудь посущественнее отвратительного зрелища сжигания живых существ. И вот вдруг в один прекрасный день среди пораженных несказанным изумлением граждан Арраса разнеслась весть о тои, что по обвинению в колдовстве арестовали одного из богатейших обывателей города — Жана Такэ. Этот человек был не только богат, но и знатен; он был одним из самых влиятельных членов городской управы. Не успели жители очувствоваться от этого первого удара, как над ними разразился новый — арестовали Пьера Карие, тоже богача. Не прошло и суток, как схватили знатного дворянина Пайен де Бофора. Это был почтеннейший семидесятилетний старец, глава одной из богатейших аррасских дворянских фамилий, человек, доказавший свое глубокое благочестие тем, что на собственные средства основал три новых монастыря. Говорят, что когда старик узнал о том, что он попал в число подозрительных лиц, то он будто бы воскликнул, что если бы он в ту минуту находился за несколько тысяч верст от Арраса, то и в таком бы случае немедленно поспешил предстать перед своими обвинителями, чтобы опровергнуть их обвинения. Он и в самом деле немедленно приехал в город из своего отдаленного имения. Испуганные водворившимся в городе террором его дети, родственники и друзья настойчиво советовали ему немедленно бежать, если он за собой знает что-нибудь такое, что могло бы подать хоть малейший повод к обвинению. Но старец давал самые торжественные клятвы, что он ни в чем невиновен и что боятся ему нечего. Инквизиторы опасались арестовать его собственной властью, но сумели добиться указа о его аресте, исходившего от имени Филиппа Доброго. Для ареста явился в Аррас самолично герцог Дестамп. Старик Бофор просил позволения повидаться с герцогом, но тот от этого свидания уклонился. Старик былтаки арестован и заточен в тюрьму.

Тем временем из тринадцати упомянутых арестованных уже успели осудить и сжечь на костре семерых. Все они, как и первые сожженные, кричали на кострах о том, что их обманули ложными обещаниями. Эго дело стало сильно возбуждать публику и поднимало не-

годование против бессовестных палачей. Сам Филипп Добрый тоже беспокоился. До него доходили слухи, будто его обвиняют в том, что он нарочно истребляет богатых людей, своих подданных, для того, чтобы конфисковать их имущество в свою пользу. Она понял, что эти слухи возникли на почве свирепостей, которые учинялись в Аррасе инквизиторами от его имени. Надо было, значит, наблюдать за этими ревностными борцами против дьявола и козней его. С этой целью он командировал в Аррас своего исповедника-доминиканца и дворянина Балдуина де Нуайель. Вместе с тем послал в Аррас депутатов и герцог Дестамп. Он избрал со своей стороны своего секретаря Форма, а затем еще Савёза, Кревкёра и Берри. Но у всех этих господ, очевидно, была на уме одна лишь забота: поделиться добычей с отцами-инквизиторами, а если можно, то наловить новых жертв, уже прямо собственным иждивением, а воспользоваться от них добычей уже без всякого дележа. Так, Балдуин де Нуайель арестовал некоего Антуана Сакестэ. Это был один из богатейших членов городской управы. Друзья этого последнего, как и друзья упомянутого выше Бофора, давно уже чуяли беду, висевшую над головой их друга, и умоляли его бежать; но он, как и Бофор, легкомысленно надеялся на свою невинность. Вслед за ним арестовали другого богача — Жоссэ, за ним третьего — Руавиля. Предстоял арест еще трех тузов городской управы, но те в спасительном припадке предусмотрительности пустились в бегство. За ними было погнались, но, по счастью, не успели их настигнуть.

Между тем, все эти новые аресты вызвали в городе уже настоящую панику, потому что никому из жителей, особенно богатых, невозможно было оставаться спокойным за свою безопасность. Притом никто не смел отлучиться из города из опасения, что его отлучка будет сочтена за бегство. Если бежать, то надо было бежать уже подальше, так как в пределах Бургундии обыватели боялись принимать к себе кого бы то ни было, прибывшего из Арраса. В то же время и никто из иногородних не решался приезжать в Аррас. Все это повлекло за собой полное расстройство не только общественной, но и экономической жизни города, который в те времена был одним из важнейших торгово-промышленных центров на севере Франции. Дела остановились, купцы прекратили платежи, богатые люди старались скрыть свое имущество, ибо очень хорошо понимали, что вся ересь, в которой могли их обвинить, в сущности, только в том и состояла, что их богатство служило жирной приманкой для инквизиторов. Наконец, и сами инквизиторы спохватились и начали успокаивать публику, что ни один невинный человек не может быть арестован, что будут арестовывать только тех, кого видели на шабашах не менее восьми или десяти свидетелей. А между тем, было известно, что многих осудили на основании показаний одного или много двух доносчиков. Однако, ввиду того, что герцог интересовался процессом, протоколы признаний подсудимых были отправлены к нему на рассмотрение. Герцог собрал целую комиссию ученейших докторов и поручил ей рассмотреть эти протоколы. Но доктора подняли между собой бесконечные споры и не пришли ни к какому единогласному решению. Главным пунктом раздора между ними стад вопрос о шабашах. Вся суть показаний подсудимых состояла в том, что они участвовали в шабашах. Вот и Возняк вопрос: что такое шабаш? Представляет ли он собой нечто реальное, т.е. путешествуют ли в самом деле люди верхом на метлах к месту дьявольского сборища, или же это только один отвод глаз, галлюцинация, наконец, просто сновидение, напускаемое на человека дьяволом? Вопрос остался открытым. Герцог распустил комиссию, а протоколы отправил обратно в Аррас и приказал дать делу дальнейший ход.

Дело было рассмотрено, и главные обвиняемые, т.е. самая жирная добыча, были приговорены к следующим возмездиям.

Старец Бофор, который так торжественно заявлял о своей невинности, внезапно оказался, якобы по его собственному призванию, усердным посетителем шабашей. Он был на них три раза: два раза ходил туда пешком, а в третий раз путешествовал на палке, намазанной каким-то волшебным составом. Дьявол, как водится, требовал от него продажи души, но старик на это не согласился. Тогда дьявол пошел на уступки и в конце концов удовольствовался четырьмя волосами с головы Бофора. Инквизитор его тщательно выспрашивал, правда ли все то, что он показывает, и Бофор подтвердил, что правда, и молил судей о снисхождении. Было решено, ввиду добровольного признания, освободить его от пытки. Равным образом он не был подвергнут унизительному надеванию колпака с надписями. Инквизитор был так милостив, что приговорил его только к бичеванию, да и то через одежду. Однако все-таки его присудили к семи годам тюремного заключения, а главное, к денежному взысканию. Официально, т.е. по приговору, он должен был уплатить 8 200 ливров (т.е. франков); из этой суммы 1 500 ливров обращались непосредственно в карман инквизиторов. Но этим дело не ограничилось. Эти 8 000 представляли собой гласный штраф, а кроме их Бофору пришлось уплатить еще 4.000 герцогу Бургундскому, 2 000 графу Дестампу, 1 000 —

депутату герцога Кревкёру и еще разные мелкие суммы разным лицам, а всего, следовательно, более 15 000 ливров. На наши деньги и по нашим современным понятиям эта сумма может вмазаться совершенно ничтожной, но по тогдашнему времени сумма была громадной. Бофор считался богачом, а между тем весь его ежегодный доход, как видно из дела, не превышал 500 ливров. Вообще первейшие богачи Арраса исчисляли свои ежегодные доходы в пределах сумм от 400 до 500 франков.

Затем судили Жана Такэ. Этот тоже признался в своих путешествиях на шабаши, которые он посещал не менее десяти раз. Он, по его словам, всеми силами сопротивлялся сатане, но тот хлестал его воловьими жилами и принуждал повиноваться. Такэ тоже присудили к бичеванию и десятилетнему тюремному заключению. Деньгами с него взяли 1 400 ливров, из которых 200 приходилось на долю инквизиции. И опять-таки кроме этого гласного штрафа с него получили еще изрядную негласную добавку.

Третий осужденный был Пьер Карие. Этот участвовал в шабашных пиршествах несчетное число раз. На шабашах он, держа в руке зажженную свечу, воздавал лобзание дьяволу тем особенным способом, о котором мы уже не раз упоминали. Душу свою он продал дьяволу по всей форме, т.е. по договору, написанному его собственной кровью. Несколько раз он скрывал во рту причастную облатку и употреблял ее потом на разные волшебные операции. Он готовил какое-то адское снадобье, в состав которого должны были входить: причастная облатка, кость повешенного и кровь невинного младенца. Младенцев он лично убивал и истребил таким путем четырех. Однако когда его потом на суде приглашали подтвердить эти показания, то он начисто от них отперся, потому что они были у него исторгнуты пыткой. Тогда его, по инквизиционному обычаю, передали в руки светских властей, и он был в тот же день сожжен на костре.

Четвертый осужденный, Гюго Обри, был настоящий богатырь, человек железной воли и крепости духа. Пытали его бесконечно и бесчеловечно, но он, что называется, даже и не пикнул. От него не удалось добиться никакого признания ни в чем. Пробовали его пронять обещаниями полного помилования, если признается, но он твердо отвечал, что ни о каком колдовстве и ни о каких шабашах не имеет понятия. Его приговорили к 20 годам тюремного заключения, на хлебе и воде, и такой приговор, с тогдашней точки зрения, был даже неправилен, ибо упрямый Обри решительно подлежал сожжению. Надо полагать, что у него нашлись очень сильные заступники.

На этом аррасское дело и покончилось. Всех арестованных по этому делу было более 80 человек, но из них судили только 12, а остальных постепенно и понемногу одного за другим выпустили на свободу. Однако, с каждого из них, под видом судебных издержек, вытягивали штрафы в таком размере, в каком только было возможно. Иным так прямо и объявляли, что их до тех пор не выпустят, пока родственники не внесут за них такой-то суммы. Все это дело, если на него бросить общий взгляд, представляется простым заговором весьма небольшой кучки совершенно бессовестных мошенников, принявших решение поживиться за счет своих богатых сограждан. Пользуясь той громадной властью, какая в го время сосредоточилась в руках инквизиции, можно было кого угодно хватать и в чем угодно обвинять. Как бы ни было чудовищно нелепо обвинение, инквизитор мог быть вполне спокоен, что обвиняемый, если его подвергнуть пытке, непременно признается во всем, что угодно инквизитору. Так было, очевидно, и в настоящем деле. Возьмем, например, старика Бофора. Этот человек клялся всеми святыми перед своими родственниками, перед самыми близкими ему людьми, что он ни в чем неповинен. Его предыдущая жизнь, например, хотя бы тот факт, что он основал три монастыря, прямо указывала на его благочестие и набожность. Не было никакого сомнения в том, что человек в самом деле ни в чем неповинен, и вот вдруг, после того, как он побывал в руках инквизиции, является на сцену его собственное признание в том, что он бывал на шабашах. Ясное дело, что его к этому призванию вынудили. Перед ним поставили безвыходную альтернативу: либо признавайся в том, что на тебя возводят, либо мы тебя отправим на костер.

Эта догадка почти вполне подтверждается последующим ходом дела. Сыновья несчастного старика Бофора путем чрезвычайных усилий добились того, что его дело было перенесено в парижский парламент. И, как только этот перенос состоялся, вся шайка его истязателей выказала самый подлый страх. Главный воротило Дюбуа даже помешался со страха. В парламенте это дело тянулось очень долго. Большинство осужденных, бывших уже пожилыми людьми, успели за это время умереть, и в живых остался один неукротимый Обри. Ему одному и удалось воспользоваться оправданием по решению парламента. Теперь мы рассмотрим несколько случаев, когда колдовство и ведьмовство принима-

ли размеры настоящих эпидемий. Такие случаи были в самом исходе Средних веков, во второй половине XV столетия. Первой из таких эпидемий можно считать ту, которая возникла в Нормандии в 1453 году. Здесь ведьмы назывались «скобасами» (scobaces). Это слово происходит от латинского scoba, т.е. метла; тут очевидный намек на обычный способ путешествия ведьм на шабаши. В упомянутом году возникло дело Вильгельма Эделина, возбудившее великое изумление в публике, потому что этот Эделин пользовался славой великого ученого в, вдобавок, занимал должность настоятеля в большом монастыре Клерво, в Франш-Контэ. Эделин сделал очень интересное призвание. У него вышла ссора с одним могучим и влиятельным соседом, который мог причинить ему много зла. Это сознание, что он живет под вечной угрозой мести со стороны могучего врага, не давало ему покоя и довело несчастного человека почти до умоисступления. Терзаемый своим страхом, он и обратился к дьяволу, а тот пригласил его к участию в шабаше, буде он желает войти в дальнейшее знакомство и имеет в виду пользоваться добрыми услугами адовых сил. Несчастный Эделин сразу пошел на все уступки, согласился на все требования. Надо было отречься от Бога и христианской веры — он отрекся. Дьявол внял его усердию и явился к нему самолично в человеческом образе; он принял вид человека очень высокого роста. В другой раз он, впрочем, явился уже в образе козла, и Эделин был вынужден воздать ему обычное нецензурное лобзание. Как лицо духовное, Эделин представлял очень ценную добычу для дьявола. Он должен был доказывать свое отступническое усердие тем, чтобы во время проповедей церковных уверять паству, что все рассказы о колдунах и ведьмах — одни праздные выдумки. Такая проповедь, конечно, должна была содействовать страшному возрастанию числа колдунов и ведьм, и этим, в свою очередь, затруднялась борьба с ними духовенства. Эделина схватили, и он предстал перед судом епископа Эврескoго Гильома Дефлока и инквизитора Ролана Лекози. Эделин прибег к защите университета в Ване, но епископ, со своей стороны, прибег к содействию Парижского университета, и Эделин был осужден; его, однако, не сожгли, а приговорили лишь к вечному тюремному заключению на хлебе и воде. Он четыре года выжил в каком-то смрадном подземелье и найден был в нем в один прекрасный день мертвым, в молитвенном положении тела.

С легкой руки этого грешника колдовство и ведьмовство, за которые он так горячо и талантливо заступался в своих проповедях, быстро разрослись и приняли вид настоящей эпидемии, которая распространилась по Франции, а потом проникла и в Германию. В Гейдельберге в 1446 г. сожгли несколько ведьм; в следующем году ревностный инквизитор, спаливший этих ведьм, к своему несказанному удовлетворению захватил и ту старую ведьму, которая была совратительницей и учительницей тех ведьм. Однако, все это были лишь первые шаги; преследование ведьм еще не было введено в правильную систему, потому что, например, в том же 1447 г. изловили колдунью, злодейства которой были блистательно изобличены, а между тем, вместо того, чтобы ее сжечь, ее только выслали из пределов области, где она злодействовала.

Во Франции около того же времени шла оживленная травля ведьм в Тулузе. Здесь инквизиторы осудили и сожгли множество ведьм, изловленных в Дофинэ и Гаскони. Когда именно произошли эти процессы и сколько в них попало жертв фанатического недоумения, об этом записи не осталось; но остался другой след от этих процессов, о котором упоминает испанский историограф инквизиции, Алонсо де Спина. Он посетил Тулузу и видел на стенах местной инквизиции множество картин, написанных по рассказам ведьм, т.е. по показаниям, данным ими на суде. Картины эти изображают сцены шабашей, поклонения дьяволу, представленному в виде козла, и т.п. Есть указания, что в то же самое время, когда неистовствовали тулузские отцы-инквизиторы, их южно-французские и северно-итальянские братья тоже не коснели в праздности; так, в Комо шли многочисленные процессы ведьм. Светские властители старались не отстать от духовенства; бретанский герцог Артур III после своей смерти († 1457) удостоился известности, как ревнитель веры, спаливший наибольшее число ведьм и колдунов в Бретани, Франции и Пуато, — своего рода рекорд, как выражаются нынешние спортсмены.

Таким образом можно считать, что во второй половине XV столетия ведьмовство по всей Западной Европе приняло эпидемический характер. Появились целые поколения ведьм, ведьмовские роды и семьи. Так, из одного процесса, веденного в Нормандии в 1455 году, явствует, что в одной из тамошних общин, Торси, обнаружена была семья, давшая в течение 40 лет подряд несколько поколений ведьм и колдунов. Родоначальником этой дьявольской семьи был некто Югенен; он сам, его жена и потомки — все были колдуны и ведьмы. Очень долгое время о подвигах этой семьи местное население не доводило до сведения инквизиции, предпочитая расправляться с ведьмами самосудом. Дело обычно шло таким порядком. Какой-нибудь мужичек высказывает подозрение, что в гибели павшей у

него скотины виноват упомянутый Югенен или его жена. Эта баба, жена, Югенена, Жанна, встретив жену мужика, у которого пал скот, говорит ей: «Напрасно твой муж на меня клеплет, что я извела вашу скотину; скажи ему, что это ему так не пройдет». И в ту же ночь эта баба вдруг внезапно заболевает так, что возникает опасение за ее жизнь. Тогда ее муж идет к Югенену и объявляет ему и его жене, что если его баба умрет, то он вздует их обоих так, что они свету не взвидят. И на другой же день его жена выздоравливает. Понятно, что, владея таким прекрасным средством к обузданию злодейства ведьм, крестьяне не спешили доносить на них инквизиции.

Мы уже не раз упоминали о том, что служило главным толчком для распространения ведьмовства. Его блестящий успех и эпидемические размеры зависели, главным образом, от широкой его популяризации самим духовенством. Инквизиция, истребляя ведьм, тем самым открыто и публично, во всеуслышание, признавала их, т.е. утверждала, что человек, буде на то явилась его добрая воля, может без всякого затруднения войти в сношения с дьяволом я получать от него сверхъестественную мощь, власть, силу, и средства творить чудеса. Что же удивительного, что такая перспектива соблазняла множество народа. Иному нищему мужику, бабе, поденщику было и лестно, и в то же время выгодно сделаться, т.е. прослыть колдуном или ведьмой; он становился предметом боязни, его старались задобрить, с его услугам прибегали в болезнях, пропажах, при разделке с недругами, при затруднениях по любовной части, а все это хорошо оплачивалось. А народ обращался к колдунам с величайшей охотой во всяком таком случае, где, по его представлению, пахло чертовщиной, зная, что духовенство в этих случаях далеко не располагает всегда и во всех случаях действительными средствами для борьбы со злом.

В этом смысле мощным толчком с развитию эпидемии ведьмовства можно считать, например, папские буллы против ведьм, вроде опубликованной папой Иннокентием VIII в декабре 1484 г. В этой булле («Summis desiderantis»; папские буллы, по принятому обычаю озаглавливаются и обозначаются первыми словами их текста) папа сокрушается о том, что колдовство и ведьмовство распространились повсюду, а особенно в Германии, и, главное, подробнейше перечислены все злодейства ведьм: шабаши, поклонение дьяволу, напуск ведьмами бурь, засух и т.д. По этой одной булле народ мог всесторонне ознакомиться со всей областью ведьмовства, а главное, убеждался в том, что сам наместник Христов нисколько не сомневается во всем этом, открыто признает полную возможность и реальность всего этого. После подобного папского послания уже становилось невозможно даже и голос поднимать в опровержение ведьмовства. Вооружившись этой буллой, ревнители благочестия, инквизиторы Шпренгер и Институрис начали без стеснения хозяйничать по всей Германии, возводя на костры тысячи жертв. В одном лишь крошечном городке Равенсбурге Шпренгер, по его собственным словам, сжег сорок восемь ведьм.

Под крылом могучей защиты папы инквизиторы орудовали без удержу. Надо было обладать величайшим гражданским мужеством, чтобы выступать против них, становясь на защиту их жертв. В числе таких борцов надо, между прочим, отметить «муниципального оратора» (существовала такая должность), адвоката и врача, славившегося своей ученостью, Корнелия Агриппы. Он пытался было вырвать из когтей инквизитора Николая Савена, орудовавшего в Меце, одну несчастную женщину, обвинявшуюся в колдовстве. Но инквизиция живо осадила его усердие. В то время уже было установлено твердым правилом, что каждый, так или иначе вступавшийся за еретика, колдуна, ведьму, вообще за подсудимого инквизиции, считался сообщником и пособником и рисковал даже вполне разделить участь подсудимого. Этого отчасти не миновал и Агриппа; его, положим, на костре не сожгли, но он все же лишился должности и даже должен был покинуть Мец.

Едва ли не единственный случай заступничества за ведьм со стороны светских властей представляет пример Венеции. Около того времени, к которому относится наш рассказ, т.е. в XV-XVI вв., в Венеции уже утвердилась ее олигархическая республика, с советом Десяти во главе. В это время римская курия усердно хлопотала о насаждении ведьмовства в северной Италии. Позволяем себе так выразиться, потому что папы своими вечными натравливаниями на ведьм самых ярых старателей-инквизиторов, которых она снабжала почти безграничными полномочиями, успели, наконец, убедить ломбардское население в полнейшей реальности ведьмовства, так что, благодаря этим благочестивым стараниям, Ломбардия сделалась настоящей областью ведьм. Инквизиция работала, что называется, не покладая рук, отправляя на костры сотни жертв. В Бретани в 1510 г. сожгли 140 колдунов и ведьм, в Комо, в 1514 году, — 300. И вот, в 1518 году правительство республики было извещено о том, что в Валькамонике инквизитор уже сжег 70 ведьм, да столько же у него их сидит в тюрьме, в ожидании суда, да сверх того уже заподозрено еще 5 000 человек, т, е.

почти четверть всего населения той местности Сенат и совет были прямо-таки встревожены этой компанией истребления граждан республики и вступились за жертвы. Инквизитор сейчас же нажаловался папе, и тот сделал совету Десяти строгое внушение — не соваться, куда не спрашивают. А т.к. совет не очень испугался этой острастки, то папа (Лев X) в феврале 1521 г. дал инквизиторам полномочие отлучать от церкви, гуртом и поодиночке, смотря но ходу дел, всех и каждого, кто будет заступаться за ведьм и вообще «мешать» инквизиции. Но и булла папская не проняла совета Десяти. В марте он преспокойно издал особый наказ для судопроизводства по делам о колдовстве, причем мимоходом отменил все уже состоявшиеся решения по этим делам. На угрозы же папского легата совет твердо и спокойно отвечал, что население Валькамоники так бедно и невежественно, так не твердо в истинной вере, что ему гораздо нужнее хорошие проповедники, нежели преследователи, судьи и палачи.

ДОПОЛНЕНИЕ К III ОТДЕЛУ

Преследование колдунов и ведьм в древней Руси

«Богомил, высший над жрецы словян, вельми претя люду покоритися», говорится в Иоакимовской летояиси. Эти слова относятся ко времени святого Владимира, когда жрецы старой веры яростно боролись за свое господство над духом народа и возбуждали его против новой веры. А она ревниво хранилась в недрах старозаветных семей, передавалась еще долгое время детям и внукам, да и теперь еще сколько можно насчитать от нее хотя и не ясных остатков!

Волхвы, колдуны, ведуньи в нашей старой вере, надо полагать, играли едва ли не более выдающуюся роль, чем жрецы Перуна, Волоса, Хорса и прочих чинов нашего прародительского Олимпа. К каким богам обращались эти кудесники, какими силами они орудовали, это покрыто мраком неизвестности. Но народ веровал в эти силы мало-помалу с течением времени, держась за старых богов и не желая с ними расстаться, он перепутал свои представления о них с представлениями христианскими, и отсюда пошло то характеристическое название двоеверов, которое было приложено к нашим предкам старинными ревнителями благочестия. Духовенство хорошо сознавало ложность положения и в своих проповедях, посланиях, как видно по дошедшим до вас письменным свидетельствам, боролось против старого суеверия, а особенно против волхвов, кудесников и ведуний. Митрополит Иоанн, живший в XII веке, Кирилл Туровский, митрополиты Фотий и Даниил, «Кормчая Книга», «Домострой», «Стоглав», громят волхвов и веру в них народа, грозят за обращение к ним церковными карами, настаивают на том, чтобы все прибегающие к кудесникам не допускались к причастию. В «Кормчей Книге» прямо упоминается о том, что люди обращаются к волхвам («следуют поганым обычаям») в чаянии «увидеть от них некая неизреченная». Надо полагать, что волхвы, чуя в духовенстве врагов и преследователей, обращались к попам со взятками, и, быть может, иных и соблазняли, потому что в одном из тогдашних поучений духовенству говорится о том, чтобы священнослужители не принимали приношений от волхва, потворника, жреца. В указе, изданном в 1552 году, повелевается «кликать по торгам, чтоб к волхвам, чародеям и звездочетам не ходили», и ослушникам угрожали опалой и духовным запрещением... «А если бы, — говорится в одной патриаршей грамоте XVI века, — в котором месте или селе будет чаровница или ворожка, сосуды диавольские, или волшебница, да истребится от церкви, и тех, которые диаволом прельстившися до чаровниц и до ворожок ходят, отлучайтеся». В одном из рукописных сборников XVI века Афанасьев нашел в перечислении разных грехов следующие пункты: «грех есть стрячи веровавши (т.е. верить в злые встречи) — опитемьи 6 недель, поклонов по 100 на день; грех есть в чох веровати или в полаз — опитемья 15 дней, по 100 поклонов на день; грех есть к волхвам ходити, вопрошать или в дом проводити, или чары деявше — опетимья 40 дней; грех есть чары деявше каковы-либо в питии... грех есть носивше наузы какие-либо» и т.д. За все эти грехи, как видно, была назначена определенная епитемия: по стольку-то поклонов в день, столькото дней подряд. К великой чести нашего духовенства надо сказать, что у него колдуны отделывались куда дешевле, чем у западноевропейского, В том самом XVI веке, когда в Европе пылали костры, на которых горели живьем сотни ведьм, наши смирные пастыри заставляли только своих грешников бить покаянные поклоны.

Конечно, как и всякая благая проповедь, все эти увещания действовали на народ туго, слабо и медленно; такова участь добра и истины на сем свете. Народ шел к своим колдунам, не взирая ни на какие громы духовенства и епитемьи. Главное, чем привлекал ведун — это было его высокое целительное искусство. Духовенство твердило. что волхвы служат сатане и исцеляют его силой; народ же, с его непосредственным пониманием вещей, очевидно, шел к цели прямолинейно; ему надо было добиться исцеления, а откуда оно исходило — это представлялось ему как бы излишним умствованием. «Сатана исцеляет тело, но губит душу», твердило духовенство. Но народ о душе и о ее загробных судьбах имел понятие смутное и неопределенное, тело же грешное предъявляло свои требования со всей ясностью действительности.

Афанасьев приводит интересные выписки из «Слова о злых дусех», приписываемого святому Кириллу. Святитель громит тех, кто при болезнях обращается к ведунам: «О, горе нам, прельщонным бесом и скверными бабами (т.е. колдуньями), идем во дно адово с проклятыми бабами!» В послании к новгородцам митрополита Фотия, писанном в 1410 году, он предписывает духовенству: «також учите их дабы... лихих баб не приимали, ни узлов, ни примолвленья, ни зелья, ни вороженья и елика тавова... и где такия бабы находятся, учите их, чтобы перестали и каялись бы, а не имут слушати — не благословляйте их». Приводим

эти поучения русского пастыря XV века, чтобы опять-таки отметить глубокую разницу между нашим духовенством с его удивительной для того времени терпимостью, и духовенством Западной Европы проповедовавшим беспощадное истребление. Для наших патриархов, митрополитов и прочих представителей высшего духовенства ведун, ведьма — были люди заблуждающиеся, суеверы, которых надлежало вразумить и склонить к покаянию, а для западноевропейского папы, прелата, епископа они были прямо адовым исчадием, которое подлежало истреблению.

В Сильвестровском «Домострое» мы находим довольно полное перечисление всех ходячих суеверий его времени из области демонизма, Почтенный автор. этого в своем роде знаменитого трактата к дамскому полу, как известно, очень не благоволит, что, разумеется, и отзывается на сделанной им характеристике русской женщины, его современницы. «Издетска начнет она, — говорит Сильвестрг, — у проклятых баб обавничества (чародейство, от «обавать», — нынешнее обаять, обаяние) навыкать и еретичества искать, и вопрошать будет многих, како б ей замуж выйтить, и как бы ей мужа обавити на первом ложе и в первой бане; и взыщет (будет искать) обавников и обавниц, и волшебств сатанинских, и над ествою будет шепты ухитщряти и под нозе подсыпати, и в возглавие и в постелю вшивати, и в порты резающи, и над челом втыкаючи и всякия прилучившияся к тому промышляти, и корением и травами примешати, и всем над мужем чарует».

Троицко-Сергиевский монастырь из своей области старался изгнать всяких кудесников. Входившие с ними в сношения штрафовать денежными взысками, а кудесников предписывалось «бив да ограбив, выбити из волости вон».

В то время в народе распространилось немало списков так называемых отреченных книг; все это были переводы с греческого, частью с латинского. Читатели, вероятно, слыхали о некоторых из этих книг, но едва ли многие знакомы с их содержанием. Поэтому мы приведем здесь характеристики некоторых из этих книг, сделанные тогдашними ревнителями благочестия, которые видели в них что-то дьявольское и увещевали публику «бегать этих книг, аки Содома и Гоморры», а если попадутся в руки, то не медля сжигать. К любимейшим из этих книг относились те, в которых трактовалась наука о звездах; к таким книгам относятся «Зодий» (иначе «Мартолой», «Остролог»), «Рафли», «Аристотелевы врата». Зодиев два: «Звездочетец — 12 звезд» и «Шестидневец». Это сборники чисто астрологические, в которых повествуется о знаках Зодиака, о прохождении через них солнца и о влиянии всех этих обстоятельств на новорожденных младенцев и вообще на судьбу людей; по этой книге составлялись всякого рода предсказания, между прочим, и об общественных делах и событиях — войне и мире, голоде, урожае, и т.п. Мы уже видели, как относилось к астрологии европейское духовенство; что касается нашего русского, то оно тоже считало пользование такими книгами безумием: «в них же безумнии люди верующе волхвуют, ишуще дний рождения своего, санов получения и урока житию». В «Рафлях» тоже трактуется о влиянии светил на жизнь и судьбу людей. В «Стоглаве» упоминается о том, что люди, затевавшие судебные дела, часто обращались к ведунам и «чародейники от бесовских научений пособие им творят, кудесы бьют (очень темное выражение; кажется, намек на ворожбу с бубном, на подобие сибирских шаманов; слово куд, по-видимому, значило «черт») и в „Аристотелевы Врата" и „Рафли" смотрят и по планетам гадают, и на те чарования надеятся поклепца и ябедник, не мирятся и крест целуют и на поли бьются». Аристотелевы врата — это просто перевод очень знаменитой древней латинской книги «Secreta Secretorum», по преданию будто бы написанной Аристотелем; вратами в ней называются ее подразделения, главы или части. Она трактует о разных тайных науках, между прочим, в об астрологии, медицине, физиогномике, а также содержит разные нравственные правила и рассуждения, В книгах «Громовник» и «Молниянник» заключаются рассуждения и предсказания о погоде, урожае, повальных болезнях, войне и мире, бурях и землетрясениях. Были еще книги: «Мысленник» (трактат о создании мира), «Коледник» (сборник примет о погоде), «Волхвовник» (тоже сборник примет), «Сновидец», «Путник» (трактат о добрых и злых встречах), «Зелейник» (описание целебных трав) и разные другие.

Как мы уже заметили, все эти книги духовенство объявило «еретическими писаниями» и предавало пользующихся ими проклятию. Любопытно, между прочим, что книги эти иногда назывались «болгарскими баснями», из чего следует заключить, что эти книги проникли к нам через Болгарию, и видно, что русский народ крепко их полюбил, вероятно, потому, что то, что в них содержалось, совпадало с его старыми верованиями, или потому, что в них дело шло о таких вещах, которые народ издревле считал важными и нужными. Страстная приверженность народа к старой вере во всех этих ее проявлениях, вроде колдовства и магических книг, само собой разумеется, раздражала духовенство. Сначала

оно метало в еретиков только словесные громы и молнии, а потом понемногу стало требовать и суровых мер. Дела о колдовстве вообще были предоставлены ведению духовенства с самого начала, т.е. с момента обращения Руси в христианство. В церковном уставе, писанном еще при Владимире, сказано, что духовный суд ведает — «ветьство, зелейничество, потворы, чародеяние, волхвования»; и за все эти преступления, как и в Западной Европе, полагалось сожжение на костре. У нас никогда не было, положим, такого ужасающе торжественного аутодафе, как в Испании, но об отдельных случаях костровой расправы в летописях упоминается. Так, в 1227 году в Новгороде «изжгоша волхвов четыре». В Никоновской летописи, где описан этот случай, упоминается, между прочим, о том, что бояре заступались за волхвов, но, к сожалению, не разъясняются причины этого заступничества.

В 1411 голу во Пскове началась моровая язва, чума, обходившая тогда всю Европу. Надо думать, что обезумевший народ, как это неизменно случается при эпидемиях даже и в наши дни, видел в море злую проделку колдунов или ведьм. Раз такая мысль явилась, виноватых найти не затруднились, и вот искусительницами общественного бедствия явились двенадцать «вещих жонок», т.е. ведьм, которых псковичи сожгли живьем. При Иоанне Грозном было подтверждено узаконение о сжигании чародеев; царь, как известно, ужасно их боялся. По делам XVII века видно, однако, что сжигание применялось в то вредя уже редко: колдунов и колдуний ссылали в отдаленные места, в монастырь, но не жгли, хотя сожжение признавалось все-таки законной карой чародеев; так в грамоте царя Феодора об учреждении в Москве славяно-греко-латинской академии говорится, что если в академии окажутся учителя, ведающие магию, то вместе с их учениками они «яко чародеи без всякого милосердия да сожгутся». В тоже время начальству академии строго предписывалось смотреть за тем, чтоб никто из духовных или мирян не держал у себя отреченных книг «волшебных, чародейных, гадательных и всяких от церкви возбраняемых книг и писаний. и по оным не действовал и иных тому не учил». А у кого такие книги найдутся, тем угрожало сожжение вместе с этими книгами и притом «без всякого милосердия». Надо думать, что эта манера казни чародеев у вас, и вероятно, на западе, совпадала с народным прочно укоренившимся воззрением, что для них, этих слуг сатаны, только такая казнь и действительна, подобно тому, как упыря только и можно было, по тому же народному верованию, унять, пронзив его сердце осиновым колом. Народные сказки и поэмы воспевают именно всегда такую казнь колдунов. У Сахарова приведена одна древняя песня, в которой описывается девица-чародейка и расправа с ней. Эта девица наловила змей и сварила из них зелье, чтоб сгубить своего брата. Добрый молодец, однако, вовремя распознал ее умысел и затем распорядился с ней таким манером:

Снимал он с сестры буйну голову.
И он брал со костра дрова,
Он клал дрова середи двора.
Как сжег ея тело белое
Что до самого до пепела.
Он рассеял прах по чисту полю,
Заказал всем тужить плакати.

Разница во взглядах народа и духовенства на колдунов состояла в том, что духовенство видело в них слуг дьяволовых, и потому его вражда к ним была, так сказать, постоявшая, тогда как народ в обычное мирное время относился к колдунам либо с почтительным страхом, либо с явным уважением, озлоблялся же на них лишь в годины лютых бедствий, если самые эти бедствия решался приписывать им. Народ был беспощаден к колдуну или ведьме, как похитителям дождя, напускателям бурь, града, болезней, но ценил их, как целителей, ворожей и т.п. Духовенству же было безразлично, что творил чародей.

Суеверие одинаково царило в те времена и в убогой курной избе мужика, и во дворце царя. Множество дел возникало из-за порчи, напущенной на самого царя или кого-нибудь из семьи его и ближних. Так, когда в 1467 году скончалась супруга Иоанна III, то ее тело «разошлося», т.е. вспухло, вздулось; этого довольно обычного явления посмертного отека было достаточно для того, чтобы мгновенно начались толки о том, что царица скончалась не доброй смертно, что ее отравили. И немедленно начался строгий розыск, которым и было обнаружено, что одна из придворных дам, Наталья Полуектова, брала пояс великой княгини и посылала его к какой-то бабе. И надо полагать, порешили на том, что пояс был околдован, потому что Иоанн «восполеся» (распалился гневом) на Полуектовых и шесть лет не допускал их на «свои пресветлые очи». Впоследствии он женился на греческой царевне Софии; у него и с ней тоже вышло нехорошо. Она вошла в сношения с какими-то бабами, приносившими к ней зелья. Баб этих, по приказу великого князя, нашли, обыскали и затем утопили и

после того великий князь «нача жити с нею (т.е. женой) в брежении» (т.е. с недоверием). София так потом и укрепила за собой прозвище чародейки греческой. Жена Василия Ивановича Соломония, бывшая бесплодной, прибегала к колдовству, чтобы одолеть свое бесплодие. Она тщательно разузнавала о московских колдунах и колдуньях и поручила своему ближнему человеку Ивану Сабурову разыскивать их и приводить. Так, между прочим, была к вей доставлена некая рязанка Степанида, которая, осмотрев ее, объявила, что детей у нее не будет. Но за всем тем вещая баба дала княгине разные наставления, как сделать, чтобы муж ее любил. Подробности этих наставлений мы упускаем, хотя они старательно перечислены в следственном деле по поводу развода князя с бесплодной женой, которую он в конце концов заточил в монастырь. Ему хотелось иметь наследника, а между тем, он прожил с Соломонией двадцать лет, так что когда с ней развелся и женился вновь, уже будучи не молодым, то кончил тем, что и сам прибег к колдовству. Об этом упоминает в своих записках знаменитый князь Курбский. «Сам стари будучи, — пишет он про Василия, — он искал чаровников презлых отовсюду да помогут ему к плодотворению. О чаровниках оных так печешася, посылающе по ним тамо и овамо, аж до Корелы и оттуда провожаху их к нему, советников сатанинских, и за помощью их от прескверных семян, во произволению презлому, а не по естеству, от Бога вложенному, уродилися ему два сына: един таковой прелютый и кровопийца (Иван Грозный), а другой без ума и без памяти и бессловесен». И далее Курбский обращается с поучительными увещаниями к «христианским родам», предостерегая их против «презлых чаровников и баб, смывателей и шептуней... общующе с диаволом и призывающе его на помощь». Курбский горячился не только из вражды к царю Ивану, которого он этими словами, видимо, хочет больно уязвить, приписывая ему чуть не дьявольское происхождение a la Роберт Дьявол; он горячится частью и за собственный счет. Дело в том, что, убежав в Литву, он там женился на пожилой вдове Марии Козинской; она, чтобы упрочить за собой расположение мужа, прибегала к колдовству; у нее в сундуке были найдены разные волшебные снадобья: песок, волосы и прочее, данные ей какой-то старухой-ведуньей. Громадный московский пожар 1547 года при Иване Грозном, при котором погибло в пламени до 2 000 человек, был народом немедленно приписан чародейству. Обвинили тогда бояр Глинских, родственников Ивана по матери. Обвинение это, вероятно, главным образом обосновалось на той ненависти, какую народ питал к злым Глинским за их грабежи и всякого рода насилия и беззакония. Когда, по поручению царя, бояре в Кремле спросили народ: кто спалил Москву, громадная толпа закричала, что пожар произвели Глинские, и именно княгиня Анна с детьми, что с этой целью княгиня вынимала сердца человеческие, клала их в воду, и той водой, разъезжая по городу, кропила во все стороны, оттого город весь и выгорел. Один из Глинских князь Юрий был тогда же схвачен народом в церкви, убит и выволочен на торговую площадь, где тогда совершались казни.

При кончине царицы Анастасии, жены Грозного, обвинили в ее смерти ближних людей царя, Сильвестра и Адашева, которые будто бы очаровали царицу. Бояре тогда советовали Ивану не допускать к себе Сильвестра и Адашева, убеждая его, что «аще припустишь их к себе на очи, очаруют тебя и детей твоих, обвяжут тя паки и покорят аки в неволю себе». Эти изветы произвели свое действие, потому что Иван был страшно суеверен и в колдовство верил едва ли не в той же мере, как и любой изувер из той толпы, которая расправлялась с Глинскими. Когда славный воитель князь Воротынский был обвинен в сношениях с ведьмами, Иван нимало не задумался предать его жесточайшим истязаниям. Князя связанного привели к царю, и тот говорил ему:

— Се на тя свидетельствует слуга твой, иже мя еси хотел очаровать и добывал еси на меня баб шепчущих.

— Не научихся, о царю, — отвечал знаменитый воин, — и не навыкох от прародителей своих чаровать и в бесовство верить, но Бога единого хвалити. А сей клеветник мой есть раб и утече от меня, окравши мя; не подобает ти сему верить и ни свидетельства от такового прииимати, яко от злодея и от предателя моего, лжеклеветущаго на мя.
Но этим оправданиям лютый царь не внял. Воротынского положили привязанного на бревно и начали с обеих сторон палить огнем, причем сам Иван подгребал к его телу угли своим историческим костылем. Князя замучили до смерти; он скончался по дороге в Белозерск, куда его сослали.

О безграничном суеверии Грозного особенно в последние годы жизни свидетельствуют и жившие при нем в Москве иноземцы. Так, Горсей рассказывает, что когда в 1584 году явилась комета, то царь, в то время сильно хворавший, вышел на крыльцо дворца, долго смотрел на комету, потом сильно побледнел и сказал: «Вот знамение моей смерти». Мучимый этой мыслью, что комета явилась как знамение его смерти, он прибег к колдовству. То-

гда колдунами славился север России, Архангельская губерния и особенно ее части, прилегающие к Лапландии. Мы уже упоминали, что лопари и в Западной Европе считались могучими колдунами. Царь и распорядился, чтобы ему доставили из этой местности самых дошлых ведунов. По его приказу местные власти принялись деятельно разыскивать и хватать нужных царю специалистов, отдавая предпочтение женскому полу; колдуньи лопарские, очевидно, ценились много выше колдунов. Насбирали таким манером шестьдесят баб, набивших руку в волшебном деле, и всех их представили в Москву. Здесь их, конечно, засадили в надежное место и держали под крепким караулом. Один из ближних людей царя, Бельский, ежедневно посещал их и опрашивал, а потом их предвещания сообщал Ивану Васильевичу. И вот колдуньи все в один голос объявили, что небесные светила неблагоприятны царю и что 18-го марта надлежит ожидать его смерти. Лютый царь был приведен в ярость этим предсказанием и повелел, дождавшись 18–го марта, в самый этот день всех колдуний сжечь живьем. Утром в этот день Бельский было уже и заявился в ним, чтобы распорядиться, во ведьмы весьма резонно представили ему (как авгуры Цезарю), что день еще только начался, а не кончился. И в самом деле царь, собираясь играть в шахматы, вдруг почувствовал себя нехорошо, упал в обморок и скоро скончался.

Тот же Грозный приблизил к себе голландского врача Бомелия, который в летописи назван «лютым волхвом»; его ненавидели все окружающие царя, были уверены, что своими чарами злой немец внушил царю «свирепство» ко всему русскому и любовь в немцам; объяснялось это тем, что немцы путем гаданий и волхвований дознались, что им предстоит быть разоренными дотла русским царем, и вот, чтобы отклонить от себя такую участь, и прислали на Русь своего волхва.

Самая формула присяги царю в древней Руси является превосходной и яркой картиной тогдашних воззрений на колдовство. У Афанасьева приведена следующая выписка из наказа, рассылавшегося при отобрании присяги по всем городам. Подданные обязывались этой присягой: «...лиха государю, царице и их детям не хотети, не мыслити и не делати ни которой хитростью ни в евстве, ни в питье, ни в платье, ни в ином в чем никакого лиха не учинити, и зелья лихого и коренья не давати и не испортити; да и людей своих с ведомством да со всяким лихим зельем и с кореньем не посылати, а ведунов и ведуний не добывати на государево лихо, и их, государей, на следу всяким ведомским мечтанием не испортити, ни ведомством по ветру никакого лиха не посылати и следу не выимати».
Борис Годунов отовсюду созывал ведунов и их «волшебством и прелестью» добился того, что царь Федор привязался в нему всем сердцем. Те же ведуны ему предсказали, по известию, записанному в Морозовской летописи, что он будет царем, только недолго — семь лет.

После убиения царевича Дмитрия дознались, что у Битяговского была какая-то юродивая баба, которая иногда ходила к царице и забавляла ее своими идиотскими штуками; царица потом велела эту бабу отыскать, в полном убеждении, что она «портила» царевича, и убить. Битяговский тоже погиб, в главным образом под тем предлогом, что «добывал на государя и государыню ведунов, чтобы их испортить».

Очень громкое колдовское дело времен царя Федора — это отравление крымского царевича Мурат-Гирея. Летопись передает все это происшествие, очевидно, по ходячим слухам и разговорам, потому что весь рассказ о нем дышит народной верой в колдовство и вампиризм. Началось дело с того, что в 1591 году «басурмане», враги царевича, прислали из Крыма в Астрахань, где тогда жил Мурат-Гирей, ведунов, которые и испортили его. Царевич захворал и встревоженные приближенные призвали к нему лекаря-арапа. Осмотрев больного, лекарь прямо объявил, что болезнь царевича напускная, т.е. происшедшая от порчи, а потому и вылечить ее никакими лекарствами нет возможности, а надо сыскать тех колдунов, которыми порча напущена и заставить их снять порчу. За поимку колдунов взялся сам же лекарь-арап. Он просто-напросто отправился по юртам, (т.е. по калмыцким становищам), наловил там каких-то людей, которых считал колдунами, правел их в город и принялся пытать. Колдуны с пытки сказали ему, что «буде кровь их не замерзла», то им можно пособить. «Кровь не замерзла», — значит еще не свернулась. Арапский эскулап проявил себя человеком сведущим и опытным. Он устроил всеобщее кровопускание, то есть и колдунам, и всем порченным — самому царевичу и тем из его приближенных, которых постигла та же немочь, что его. Кровопускание у больных нам понятно; имелось в виду определить, у кого из них кровь замерзла, у кого не замерзла. Так, у царевича Мурат-Гирея и его жены кровь уже оказалась замерзшею и их спасти было невозможно; у других же больных она еще не замерзла и их спасли тем, что «той кровью помажут которого татарина или татарку и он жив станет». Но какой «той кровью»? Кровью колдунов? Должно быть, так, но в тексте

летописи это выражено неясно. Конечно, обо всем этом дали знать в Москву и оттуда вышел приказ: ведунов пытать накрепко, по чьему умышлению царевича и царицу и татар испортили, а потом всех. их пережечь. В Астрахань командировали для производства суда и расправы боярина Пушкина. Это был очень распорядительный муж, но как он ни старался, он не добился от колдунов полезных разоблачений. На выручку ему пришел все тот же лекарь-арап. Он посоветовал вложить колдунам в зубы конские удила, подвесить их за руки и хлестать кнутьями не по телу, а по стене против них. И колдуны сейчас же стали делать признания. Потом их сожгли, притом и сжиганием заведовал опять-таки тот же арап, который, вероятно, уверил начальство, что колдунов надо сжигать с соблюдением особой сноровки. Предосторожности, им принятые, были, очевидно, не лишни, потому что сожжение сопровождалось особыми странными явлениями; так, когда костры запылали, к месту пожарища слетелось несметное множество сорок и ворон, которые тотчас исчезли, как только костры сгорели.

В этом деле немало поучительного. Прежде всего видно, что колдуны морочили начальство. Оно распорядилось хлестать их прямо по телу, а колдуны совершали отвод глаз, и удары падали мимо; по этому колдуны никакой боли не чувствовали, а потому и признаний не делали, молчали. Арап же, проникнув в их ухищрение, велел бить по стене, и тогда удары падали прямо на них, у них и развязались языки. И под пыткой колдуны признались, что портили царевича, царицу и татар и пили из них, из сонных, кровь. Таким образом эти колдуны зарекомендовали себя отчасти и вампирами.

В XV-XVII столетиях на Руси легко было обвинить кого требовалось в измене, а главное заставить поверить своему извету; для этого надо было только донести на него, что он покушается волшебными средствами навести вред государеву здоровью. При Борисе Годунове такой извет был сделан на одного из бояр Романовых, Александра Никитича. На него был зол его дворовый человек Бартенев. Он повидался с ближним человеком Бориса, его дворецким, и вызвался совершить над своими господами, «что царь повелит сделать». Дворецкий донес об этом Годунову, а тот, весьма обрадованный (он не любил Романовых), обещал Бартеневу щедрую награду — «многое жалованье». Тогда Бартенев насбирал каких-то кореньев и спрятал их в кладовой у своего боярина. Потом к нему, конечно, нагрянули с обыском. Коренья нашли, Романова и его братьев арестовали, пытали и сослали.

Иногда возникало подозрение в колдовском злоумышлении соседних государств, стремившихся якобы ввести в Россию порчу посредством товаров, которые обычно шли из этого государства. Так, при Михаиле Федоровиче одно время было запрещено покупать хмель от литовцев, и притом под страхов смертной казни; распоряжение это было вызвано сообщением русских лазутчиков, которые выведали, что на Литве есть баба-ведунья, которая околдовывает какими-то наговорами хмель, вывозимый в Россию, чтобы нагнать туда мор. Это происшествие, очевидно, произвело впечатление, потому что в том же году последовало еще другое распоряжение в том же смысле; в Верхотурье изловили попа, у которого нашли несколько коробов какого-то таинственного коренья. На допросе поп показал, что эти коренья ему передал казак Степанко Козьи-Ноги. Почему эти коренья призваны были «воровскими», об этом история умалчивает; очевидно, на бедного попа кто-то донес по злобе и доносу ваяли по привычке, по принятому обыкновению.

Духовенство таки частенько попадалось в то время в подобных «воровских» делах. Еще в XIV веке поймали попа, пробиравшегося с колдовским кореньем из орды; у этого был целый мешок «злых я лютых зелий». В 1628 году судили дьячка Семейку, схваченного в Нижнем, он держал у себя отреченные книги, а именно «Рафли» и еще какой-то заговор «к борьбе», т.е. для защиты от ран и смерти в бою. Дьячка сослали в монастырь, заковали и лишили причастья впредь до особого разрешения патриарха. В 1660 г. был сделан донос на дьячка Харитонова. Этот ходил по полям, собирал травы и коренья, совершал какие-то волхвования на свадьбах, принимал у себя «жены с младенцами», сочинял или списывал откуда-то заговоры от ран и на «умиление сердца сердитых людей». Правительство видимо не очень-то было уверено в нашем духовенстве, потому что, например, в записке об отреченных книгах прямо говорится: «Судь же между божественными писаньями ложная писания, насеяно от еретик на пакость невежам-попам в диаконам: льстивые зборникы сельские и худые номаканонцы по молитвенником у сельских у нерассудных попов, лживые молитвы, врачевальные, о трасяницах (лихорадках), о нежитех (нечистых) и о недузех, и грамоты трясанския пишут на просфирах и на яблоцех, болести ради; все убо то невежди деют и держут у себя от отец и прадед и в том безумии гинут». Выше мы видели подобное же предостережение в наказе об учреждении славяно-греко-российской академии.

Бунт Стеньки Разина очень приподнял дух суеверия; в то время колдунов усердно искали и, конечно, находили. Жители взбунтовавшегося г. Темникова вышли навстречу царскому войску с крестным ходом, ваялись, просили прощения, и в качестве искупительных жертв, якобы заводчиков смуты, выдали воеводе Долгорукому двух попов да какую-то старуху, которая, по показанию жителей, собрала отряд и, командуя им, чинила бесчинства в городе и окрестностях; вместе с самой воинственной старицею преподнесли начальству «воровские заговорные письма и коренья». Воевода, как водится, сейчас же и попов, и старицу подверг жесточайшей пытке. Старица, подпаленная на огне, показала, что она арзамасская уроженка, зовут ее Аленой, была замужем, овдовела. По смерти мужа она постриглась, а затем странствовала, занимаясь «воровством» (это слово, щедро пестрящее столбцы старинных дел, имело широкий смысл в обозначало не исключительно кражу, а всякого рода преступную деятельность) и душегубством. Попав в Темников, она, но ее словам, действительно насбирала шайку воровских людей, стояла на воеводском дворе вместе с атаманом Сидоровым и его обучала ведовству. Попы были повешены, а старицу сожгли, признав колдуньей.

Затем, в ту же эпоху Стенькина бунта, совершена расправа в Астрахани с Кормушкой Семеновым, у которого нашли тетрадку с заговорами; его тоже сожгли, как явного и обличенного колдуна.

В те жестокие времена уголовное следствие обычно сопровождалось зверскими истязаниями обвиняемых, причем, несомненно, много злополучных попало в колдуны и колдуньи просто-напросто потому, что истязали, выпытывали у них признание. Так, в 1674 году в Тотьме сожгли бабу Федосью, обвиненную в напуске порчи; она призналась на пытке во всем, в чем ее обвиняли и в чем заставляли признаться; но перед самой казнью она твердо заявила, что никого никогда не портила, а поклепала на себя, не стерпя пытки. Неудивительно также, что при царившем тогда суеверии несчастные жертвы правосудия не задумываясь прибегали к чарам, чтобы обеспечить за собой нечувствительность к истязаниям. В 1648 году попался в какой-то уголовщине некий устюжанин Ивашко-солдат; во время следствия у него в обуви под пяткой нашли камешек, и когда его спросили о назначении этого предмета, он повинился, что сидевший с ним в остроге разбойник учил его ведовству, а именно способам «оттерпеться» от пытки; для этого надлежало взять какой-нибудь предмет и наговорить на него слова: «Небо лубяно и земля лубяна, и как в земле мертвые не слышат ничего, так бы и такой-то (имя) не слыхал жесточи и пытки». Этот волшебный предмет надо было скрыть на себе и держать во время пытки.

Волшебные узлы или наузы играли большую роль в делах о колдовстве. Так, в 1680 году иноземец Зинка Ларионов донес на нескольких человек, обвиняя их в том, что они пользуются «лихими кореньями»; в качестве вещественного доказательства он представил нательный медный крест, на котором был навязан узелок, а в том узелке заключались какие-то кусочки, как будто бы корешки и травы. Один из оговоренных, Васильев, признал крест за свой; его пригласили объяснить, что и с какой целью вложено было в узелок при кресте, и он показал, что в узелке завязан корень «девясильной» и трава, растущая на огородах, название которой ему было неизвестно; держал же он эти снадобья в качестве средства против лихорадки; «лихого» же в этом, по его словам, ничего не было. То же самое показал и другой оговоренный Зинкой, Паутов: корень помогает против «сердешныя скорби», трава — от лихорадки, а «лихого в том ничего нет». Однако, всю эту публику подвергли пытке, да потом еще вздули батогами, дабы «впредь было неповадно» пьянствовать (эта черта, значит, тоже выступила в деле) и носить на себе коренья.

Очень курьезное дело вышло в Ошмянах в 1636 году. Жид-арендатор Гошко Ескевич позвал в гости некоего Юрку Войтюлевича, про которого ходил слух, что он колдун и «чарами своими шкодит». Юрка вздумал и с Гошком сыграть штуку: взял чарку водки, примешал туда какого-то зелья и подал ее Гошку, приглашая его выпить. Жидок, зная опасную репутацию Юрки, затрясся по всем суставам и пролил вино. Тогда Юрка погрозил ему, что, мол, это тебе даром не пройдет. Гошко перед всеми присутствующими завопил, что Юрка колдун, что вот он теперь грозится, и чтобы все знали и помнили, что если после того что-нибудь случится с ним или его женой, или детьми, то произойдет это от колдовства Юрки; а тот смеялся и издевался над жидом. В эту минуту в хату вошел сын Юрки, маленький мальчик. Жида осенило внезапное вдохновение; он вспомнил ходячее верование, что если колдуна в то время, как он что-либо злоумышляет, хорошенько поколотить в присутствии его детей, то чары будут разрушены. Вспомнив это, Гошко налетел на Юрку и начал его бить. Их кое-как разняли, и Юрка ушел домой. Но случилось, что как раз в тот же день вечером сын Гошка захворал, и хворь так его иссушила, что от него остались кожа да кости. Гошко,

нимало не сомневаясь, подал жалобу на Юрку, обвиняя его в напуске болезни на его сына. Чем кончилось дело — неизвестно, потому что от него только и осталась одна эта жалоба Гошка, записанная в городскую книгу Ошмян.

В городе Полоцке в 1643 году был процесс о волшебстве, о котором осталась подробная запись. Здесь главным героем выступил некто Василий Брыкун, великий маг и волшебник. Обвиняли его несколько человек полоцких мещан, которым он наговорил разных бед своим волшебством. К одному из них Янушу, Брыкун пришел на Пасхе и начал делать какие-то насечки на стенах; при этом он грозил жене хозяина, что она сгинет, и та в самом деле скоро умерла, «нарекаючи на Брыкуна», т.е. обвиняя его в своей смерти. Другой обыватель, Павлович, поссорился с Брыкуном, и тот ему сказал, что он сгинет со всем своим имуществом и впадет в нищету, и все это сбылось в том же году. Затем, тоже, вероятно, поссорившись, Брыкун крепко насолил Ивану Быку; у этого, по предсказанию Брыкуна, двое сыновей скрылись неведомо куда, а жена разлюбила и его, и детей, и все бегала из дому в лес. Однажды Бык, встретив Брыкуна около своих ворот, где были сложены дрова, начал его укорять в своих несчастиях. Тогда Брыкун сказал ему, что не только жену и детей он от него отбил, но, коли захочет, то вот и эти самые дрова тоже полетят прочь. И дрова в ту же минуту взлетели с земли вверх на три сажени. Такое же семейное несчастье и разоренье Брыкун предсказал Кондратовичу; и в тот же день вечером у Кондратовича пала корова, а потом в течение года пало десятка три коней, коров и свиней, и сам он угодил в тюрьму. А колдун при каждой беде издевался над ним: «Знай-де меня!» Кожемяка Аникей прохворал от неведомой болезни целый год и, умирая, твердил, что «ни от кого другого идет на тот свет, как от Брыкуна». Тот, кто об этом передал Брыкуну, внезапно захворал и едва не умер, так что к Брыкуну же ходили кланяться и просить, чтобы «отходил» погибающего.

Когда началось но жалобам этих потерпевших следствие над Брыкуном, то обнаружилась еще, кроме этих, целая толпа потерпевших от злого колдуна. Он напускал болезни и смерть; погибшие от его колдовства «пухли» после смерти, их раздувало. Он портил пищевые продукты, напитки; в одном доме скислось пиво, заготовленное к свадьбе, и виновником тому был Брыкун; пиво вылили свиньям, они от него подохли. Один предприимчивый полоцкий донжуан где-то на пирушке обнял жену Брыкуна. Тот крикнул ему: «Облапь ты лучше печку!», и бедный ухаживатель за чужими женами сейчас же полез в печку и просидел в ней около трубы три часа. Иные от чар Брыкуна впадали в припадок вроде падучей, их бросало оземь; другие блуждали по лесу и едва не погибли. Некий пан Саковский прислал на Брыкуна письменный донос. Брыкун просил у него денег взаймы, пан отказал, я тогда озлобленный колдун пригрозил ему: «Раздашь, мол, свои деньги людям, назад не вернешь!». И так оно и случилось: ни один должник не отдал пану долга.

Процесс Брыкуна но внешней обстановке резко отличался от инквизиционных процессов ведьм и колдунов. У Брыкуна был адвокат, которому было предоставлено свободно говорить все, что он найдет нужным, в защиту своего клиента. И он сказал очень дельную и разумную речь. Он перебрал все показания потерпевших и довязывал, что в их бедствиях нет никакого разумного основания винить Брыкуна. Так, один из них, что повсюду нахватал денег в долг и не заплатил, и был засажен кредиторами в тюрьму; что же в этом необычайного и причем тут волшебство Брыкуна? Бык, жаловавшийся на ссоры и несогласия в своей семье приписывавший их Брыкуну, по-настоящему, сам в них виноват, потому что обладает несносным характером и таковым же обладает его жена. Павлович обвиняет Брыкуна в своей нищете, он вовсе никогда и не был богат, а каким был пять лет тому назад, когда прибыл в Полоцк, таким остался и до процесса. Все это было хорошо, верно и убедительно сказано, но скверно было то, что при обыске у Брыкуна нашли узелки с песком и перцем; и сам Брыкун, когда у него эта злодейская вещь была обнаружена, не сдержал своего волнения в весь задрожал. Его пытали огнем и дыбой, но он ни в чем не признался. Но доказательство было налицо. Песок и перец — пытка и костер. Таковы были нравы и понятия. Брыкун не захотел дожить до костра; ему удалось перерезать себе горло. Его труп вывезли в поле и сожгли.
В 1606 году двое пермских обывателей подали жалобы — один на крестьянина Талева, другой — на горожанина Ведерника; обоих их жалобщики обвиняли в том, что они напустили икоту на разных людей. Напуск икоты считается чисто волшебным злодейством. Народ крепко в это верует и поднесь. Нам хорошо помнится, что несколько лет тому назад один из врачей юго-западного края наблюдал эпидемию икоты в одной деревне и описал этот случай во «Враче»; тогда народ тоже говорил о порче. Та же самая история, очевидно, была и в Персии, с той, однако же, непременной разницей, что тогда и разговоры о порче были много убедительнее, да и на властей предержащих эти разговоры производили совсем не столь слабое впечатление, как на нынешних.

Поэтому, как только поступили доносы, обоих ведунов, наславших порчу, Талева и Ведерника, нимало не сомневаясь, арестовали и подвергни пытке. Несчастные кудесники подали жалобу в Москву на поклеп и незаслуженное истязание. Разумеется, было валено произвести на месте повальный обыск. Местные жители должны были засвидетельствовать, действительно ли эти люди, т.е. Талев и Ведерник, напускают порчу. Было оговорено, что если-де никакого поклепа на них не будет, то они должны быть отпущены на свободу. Такого рода дела много раз возникали и впоследствии, и даже не дальше как в минувшем столетии. Так, в городе Пинеге дело о напускной икоте разбиралось с 1815 году. Именно некто Михайло Чукарев обвинялся в порче икотой своей двоюродной сестры Афимьи Лобановой. В прошении, поданном пострадавшей, Чукарев форменно обвинялся, как напуститель порчи, и потерпевшая заявляла, что он вселил в нее злого духа, который непрестанно ее мучит. Интересно, что на допросе Чукарев признался в своем злодействе, откровенно заявив, что действительно порча им напущена на Афимью, но что сам он этого делать не умел, а научил его крестьянин Федор Крапивин. Самое волшебство совершается так. Надо взять соль и, снявши с себя шейный крест, нашептывать на соль следующую заклинательную формулу: «Пристаньте к человеку (имя) скорби-икоты, трясите и мучьте его до скончания века; как будет сохнуть соль сия, так сохни и тот человек. Отступите от меня, дьяволы, а приступите к нему». Снаряженную таким манером соль надо высыпать куда-нибудь в такое место, где тот человек будет проходить, и наступив на эту соль, обреченный непременно заполучит икоту. Пинежский суд взглянул на это дело серьезно. Чукарев был приговорен к 35 ударам кнутом и к публичному церковному покаянию. На севере существует предание, что есть особые девки-икотницы, в которых вселяются 100 бесов, и все эти бесы у них гложут живот.

Как мы уже говорили раньше, многие болезни приписываются нечистой силе и разным демоническим существам самой фантастической натуры. Такое происхождение приписывается и кликушеству, т.е. разновидностям падучей и истерики. Как известно, кликуши во время припадка называют по имени (выкликают) тех, кто напустил на них злого духа, их истязающего. Появление кликуш в значительном числе и в настоящее время производит большое впечатление на народ, а в старину это являлось настоящим общественным бедствием, потому что их выкрикивания принимались за чистую монету и сопровождались свирепым судебным преследованием тех, кого они обвиняли. Вследствие этого завелся обычай фальшивого кликушества, т.е. такого, при котором совершенно здоровая баба выкликала на кого-нибудь из мести, зная, что этому человеку несдобровать, что его схватят, будут судить, подвергнут страшным истязаниям и даже казнят. Из кликушества извлекалась еще и другая выгода. Разные корыстолюбивые лица из тогдашней администрации, воеводы, дьяки и т.п., нарочно подичали разных баб притворяться порченными и при этом выкликать разных местных богатеев, которых можно было после того обобрать. В 1669 г. в г. Шуе разыгралось очень громкое дело в этом роде. Там объявился некто Григорий Трофимов, на которого поступили жалобы, что он портит людей и что его надо за это «в срубе сжечь». В ответ на запрос, присланный из Москвы, от шуян поступило подробное донесение о злодействах этого Трофимова и других лиц: «В прошлых и нынешних годах, — говорилось в этом челобитье, — приезжают в Шую, к чудотворному образу Пресвятой Богородицы Смоленския, со многих городов и уездов всяких чинов люди молитися — мужеский и женский пол и девич, а привозят с собой всяких чинов людей, различными скорбьми одержимых и которые приезжие люди и шуян посадских людей жены и дети одержимы от нечистых духов, страждущие, в божественную литургию мечтаются всякими различными кознодействы и кличут в порче своей стороны на уездных людей, что-де их портят тот и тот человек. И в прошлом году страдало от нечистого духа шуянина, посадского человека Ивашкова, жена Маурина, Иринка Федорова, а кликала в порче своей на Федьку Якимова, и по твоему, великого государя, указу, то тое Ивашкова жены выкличке, Федька Якимов взят в Суздаль и кончился злою смертью (т.е. был замучен пыткой), а ныне та Иринка и уездные люди, страждущие от нечистых духов, кличут в корчах на иных шуян — на Ивашку Телегина с товарищи». В заключение злополучные шуяне выражают в своей челобитной опасение, «чтобы нам всем шуянам, посадским людишкам, в том не погибнуть и в опале не быть, а кто тех страждущих, скорбных людей портит, про то мы не ведаем».

Вслед за тем из той же Шуи раздались другие жалобы, и так дело тянулось около 16 лет подряд. Дело происходило при Петре Великим, которому, наконец, надоели эти жалобы. В 1715 году он велел хватать всех кликуш и производить следствие, действительно ли они больны или нарочно напускают на себя порчу. В объяснение такого распоряжения в указе царя был приведен любопытный случай, бывший в Петербурге в 1714 г. Некая Варвара Логинова, жена плотника, начала выкликать, что ее испортили. Но когда ее схватили и подвергли допросу, то она сейчас же и призналась, что кричала нарочно. Была она где-то в гос-

тях вместе со своим деверем. Публика, как водится, перепилась, поднялась ссора и деверя жестоко избили. Варвара была добрая родственница, горячо приняла к сердцу обиду, нанесенную деверю, и решила отмстить за него. С этой целью она и начала выкликать на тех, кто его бил, обвиняя их в том, что они ее испортили.

Такими случаями ложного обвинения пестреют старые судебные дела. Так в 1770 г. в Вологодской губернии, в Яренском уезде, несколько баб и девок притворились кликушами и обвинили в своей порче разных людей, с которыми им надо было свести разные личные счеты. Само собой разумеется, что всех оговоренных немедленно похватали и подвергли пытке. Все они под плетьми признались, повинились и объявили себя чародеями и чародейками. Показания их были тщательно записаны. Одна из них обстоятельно рассказала, как именно она напускала порчу. Она вошла в сношения с дьяволом и получила от него каких-то червей, которых и пускала по ветру в тех, кого надлежало испортить. Судьи праведные пожелали в качестве поличного и для приобщения к делу иметь этих червей, и баба их доставила. Судьи препроводили червей в сенат; когда этих червей рассмотрели ученые, то они оказались личинками обыкновенных мух. Огорченный таким невежеством судей сенат всех их отрешил от должности, а кликуш за ложные обвинения приговорил к наказанию плетьми, причем кстати предписал, чтобы и впредь таким изветам веры не давать, а кликуш наказывать.

В старые времена, особенно же в промежуток с XIV по XVII столетие, редкая царская свадьба обходилась без того, чтобы кого-нибудь не подозревали в чародействе и в покушении испортить новобрачных. Когда в 1345 г. скончалась первая супруга великого князя Симеона Гордого, то он вступил во второй брак с дочерью Смоленского князя — Евпраксией. Но прожил он с нею всего несколько месяцев, а потом отослал обратно к отцу, под тем предлогом, что она была испорчена. Самый характер порчи на картинном старинно-русском языке обозначен в родословной книге словами: «Ляжет с великим князем, и она ему покажется мертвец». История третьей жены Ивана Грозного, Марфы Собакиной, хорошо известна. Она захворала какой-то таинственной болезнью еще будучи невестой, начала чахнуть и сохнуть и через две недели после свадьбы умерла. Разумеется, это было приписано порче. Очень неблагополучен был первый брак Михаила Феодоровича. Его первая невеста, Мария Хлопова, обкушалась сладким и так себя расстроила, что царь от нее отказался и женился на Марии Долгоруковой. Она очень скоро после свадьбы умерла и в летописи тщательно отмечено, что она была испорчена. Точно также была, по общему мнению, испорчена и первая невеста царя Алексея Михайловича, Всеволожская. По одним сказаниям ее испортили еще в родительском доме из зависти, что она попала в царские невесты; по другому сказанию, ей перед самым венчанием так крепко скрутили волосы, что она упала в обморок. Тогда порешили что она страдает падучей болезнью. Дело, значит, приняло такой оборот, что ее отец, который не мог не знать о болезни дочери, скрыл это и не предуведомил даря. За это его отдули кнутом и вместе с дочерью сослали в Сибирь. Впоследствии царь узнал всю правду и постарался вознаградить свою бывшую невесту, назначив ей щедрое содержание.

Немудрено, что во время царских свадеб всегда принимались строжайшие меры, чтобы уберечь новобрачных от колдовства; да, впрочем, и вся последующая жизнь царской семьи тоже зорко оберегалась, о чем лучше всего свидетельствуют возникшие дела о чародействе. Из отчетов об этих делах видно, что в XVII столетии в Москве жило немало баб-ворожеек и колдуний, имевших весьма обширную практику; к ним обращались жены бояр и служилых людей с просьбой снабдить каким-нибудь средством для устранения разных семейных неурядиц. Бабы и давали средства, отвечавшие всякой личной потребности: для смягчения свирепой ревности супруга, для укрощения его гнева, для изведения недругов, для обеспечения доброго успеха в любовных интригах и т.д. Однажды в 1635 г. какая-то мастерица, призванная во дворец, обронила платок, а в платке том оказался завернутым какой-то корешок. Началось старательнейшее следствие. Мастерицу нашли. На вопрос, откуда она взяла корень и к чему он служит, и, главное, зачем она с этим корнем ходит во дворец, баба показала, что корень этот не лихой, а лечебный, и что носит она его при себе от сердечной боли. Мастерица была женщина замужняя к весьма страдала от холодности мужа. Она жаловалась на это одной бабе-ведунье, и та дала ей этот корешок и велела, положив его на зеркальное стекло и глядясь в зеркало, приговаривать: «Как люди в зеркало смотрятся, так бы муж смотрел на жену, да не насмотрелся бы». Этим объяснениям, однако, не вняли; и мастерицу, и ту художницу, которая ее снабдила корешком, обеих крепко пытали и затем отправили в ссылку.

Другая баба, тоже мастерица, которую обвиняли в том, что она сыпала порошок на

след царицы, на допросе показывала, что ходила она к бабе-ворожейке, искуснице, которая умеет людей привораживать и у мужей к женам ревность отымает. Эта баба дала ей соль и мыло, на которых что-то нашептывала. Соль она велела давать мужу с едой, а мылом самой умываться, и уверяла, что от этого муж станет совершенно равнодушен к ее поведению и не будет ее ревновать, хотя бы она явно ему изменяла. Формула наговора на соль была следующая: «Как соль в естве любят, так бы муж жену любил»; а на мыло «Сколь мыло борзо моется, столь бы скоро муж полюбил, а какова рубашка на теле бела, столь бы муж был светел».

Однажды по поводу одного из подобных дел собрали со всей Москвы целую кучу чародеек и веем им учинили строжайший допрос, касавшийся главным образом техники их мастерства. Из показаний волшебниц явствовало, что они умели готовить снадобья и лечебные, и на всякого рода житейские случаи.

Собственно говоря, все их волшебство ограничивалось тем, что они нашептывали на разные предметы, которые и служили потом волшебными снадобьями. Так, например, против лихорадки и сердечной тоски они давали вино, уксус, чеснок; от грыжи — громовую стрелку и медвежий ноготь; на эти предметы наливали воду и заставляли больных пить ее, причем приговаривали: «Как старой жене детей не раживать, так бы у раба (имя) грыжи не было». При пропаже ворожеи гадали по сердцу, т.е. выслушивали сердцебиение у потерпевшего. Помогали они также купцам, если у них залежался товар; им давали мед, на который нашептывалась формула: «Как пчелы ярые роятся да слетаются, так бы к торговым людям покупатели сходились».

В этих делах, между прочим, мы находим любопытные известия о том, каким способами расправлялись с изобличенными чародеями. Самой снисходительной карой была, как кажется, ссылка в Якутск и Енисейск. Местным властям предписывалось, в случае поимки волшебников, содержать их в местах заключения с особенной строгостью, сажать их в отдельные камеры, приковывать к стене на цепь и, главное, ни в каком случае не впускать к ним ни одного постороннего. Любопытно еще, что к чародеям иногда применялась особая исключительная казнь: их истомляли жаждой, т.е. не давали им пить. По-видимому, эта казнь имела какую-то связь с поверьем о том, что колдуны обладают способностью уходить в воду и в ней скрываться. В приговоре, постановленном по делу некоего Максима Мельника, предписывалось не давать ему воды, потому «что он, Максим, многажды уходил в воду».

При царе Феодоре Алексеевиче разбиралось довольно громкое дело Артамона Матвеева, любимца покойного царя Алексея Михайловича. Врагов у всемогущего боярина, конечно, было множество, и чтобы его одолеть, они не придумали ничего лучшего, как обвинить его в колдовстве. Это было нетрудно сделать, так как боярин очень охотно сближался с иностранцами, а к иностранцам в древней Руси относились всегда подозрительно. Вдобавок Матвеев был большой любитель просвещения. У него были книги, и своего сына-мальчика он обучал греческому и латинскому языкам; учителем мальчика был переводчик посольского приказа Спафарий. У Матвеева были книги, да вдобавок еще иностранные, были разные врачебные снадобья, инструменты, снаряды. По одной уже этой внешней обстановке он имел вид заправского волшебника. При Михаиле Феодоровиче был случай, когда у одного немца-живописца нашли человеческий череп и за одно это едва не сожгли его, сочтя за колдуна. У другого немца-доктора нашли сушеных змей, и т.к., по несчастию, это случилось во время народной смуты, то толпа без церемонии и расправилась с несчастным немцем. Таким образом и с Матвеевым было очень легко сладить на этой почве. Бояре, его враги, вошли в сношения с его домашними; в числе их нашлось двое сговорчивых людей: лекарь Давыдко Берлов и карло (т.е. карлик) Захарка. Подкупленные добровольцы и донесли на Матвеева, что он с доктором Стефаном и учителем своего сына Спафарием, запершись в отдельной комнате читали «черную книгу», и в это время им явилась делая толпа чертей. Донос возымел свое действие. Матвеев был лишен боярского звания и сослан в Пустозерский острог, а его имения были отобраны в казну. Опальный боярин несколько раз писал в Москву к царю, к патриарху и к разным знатным лицам. Но его оправданиям никто не верил. В книге Афанасьева приводится отрывок, взятый из его челобитной к царю, по которому можно судить, что эти доносы с обвинением в колдовстве были самым обыденным явлением на Руси в XVI и XVII столетиях. «При великом государе Михаиле Феодоровиче, — пишет Матвеев, — такожде ненависти ради подкинули письмо воровское на боярина Милославского, будто он имеет у себя перстень волшебный думного дьяка Грамотина, и по тому воровскому письму немного не пришел в конечное разорение; был за приставом многое время, животы пересмотреваны и запечатаны были и ничего не найдено и за свою невин-

ность освобожден. А при великом государе Алексее Михайловиче такожде завистию и ненавистию извет был составной же и наученой о волшестве на боярина Стрешнева и за тот извет страдал невинно, честь была отнята и сослан был на Вологду. Да и на многих, великий государь, таких воровских писем было, а на иных и в смертном страху были. А и я, холоп твой, от ненавидящих и завидяших при отце же твоем государеве, великом государе, не много не пострадал: такожде воры, составя письмо воровское, подметное кинули в грановитых сенях и хотели учинить Божией воле и отца твоего государева намерению и к супружеству — второму браку препону, а написали в письме коренья».

Известный наперсник царевны Софьи, князь Василий Голицын. хотя и считался просвещеннейшим человеком в свое время, однако же, но словам князя Щербатова: «гадателей призывал и на месяц смотрел о познании судьбы своей». В одном из своих писем к Шакловитому Голицын, говоря о малороссах, между прочим, роняет такого рода слова: «И то, чаю, ведали они по чарованию некоему». Тот же Голицын в 1679 г. подал жалобу на Бунакова за то, что он «вынимал княжой след». Голицын совещался с колдунами по поводу своих отношений к Софье. Он, конечно, опасался ее охлаждения к нему и, чтобы удержать ее любовь, прибегал к чарам. Какой-то знахарь давал ему травы, которые надо было примешивать к пище царевны «для прилюбления». Но интереснее всего то, что предусмотрительный боярин, заполучив от кудесника эти травы, самого кудесника поспешил сжечь на костре, чтобы тот впоследствии на него не донес. Сама царевна Софья тоже обращалась и: колдунам. У нее был по этой части особый ближний человек Медведев, который сам занимался астрологией, гадал по звездам и считался великим знатоком по волшебной части. Разыскав какого-нибудь колдуна, Софья прежде всего отсылала его к Медведеву, а тот уже давал свой отзыв, заслуживает ли колдун доверия или нет. Софья больше всего доверялась некоему Дмитрию Силину. Это был лекарь, которого вызвали из Польши лечить царя Ивана Алексеевича. Он и жил вместе с Медведевым, и тот убедился в его солидных познаниях в астрологии и медицине. Силин лечил многих в Москве, между прочим, и Голицына. Диагноз, поставленный князю, был очень любопытен: ощупав у пациента живот, Силин объявил ему, что князь «любит чужбину, а жены своей не любит». Медведев осторожно осведомил Силина о том, что Софья хочет выйти замуж за Голицына, а его, Медведева, сделать патриархом; он просил Силина посмотреть по солнцу, сбудется ли это? Для исследования солнца Силин поднимался на Ивана Великого и вывел из своих наблюдений, что «у государей венцы на главах, а у Голицына венец мотается на груди и на спине, как он стоял темен и ходил колесом, царевна была печальна и смутна, Медведев был темен, а Шакловитый повесил голову». После торжества Петра Медведев советовался с колдуном Васькой Иконником, который уверял, что в его власти состоит сам сатана, и что если царевна даст ему 5 тысяч рублей, то все останется по-прежнему. Однако, ему не поверили.

В это же время, т.е. в период вражды Петра с Софьей, обвинение в колдовстве пало па престарелого стольника Безобразова. На старика донесли его же собственные люди, предварительно его обворовавшие и затем бежавшие от него. Они показали на Безобразова, что он был в сношениях с опальным Шакловитым и со всех сторон созывал к себе колдунов и ворожеек. Эти ведуны ворожили на костях, на деньгах и на воде, стараясь вызнать относительно царя Петра и его матери, можно ли поднять против них бунт и будет ли он успешен. Один из волхвов, Дорошко, «накупился у Безобразова напустить по ветру тоску на царя и царицу, чтобы они сделались к нему добры и поворотили бы его к.Москве». Безобразов будто бы снабдил Дорошку вином и разными другими припасами и отправил его в Москву, а в провожатые дал ему человека, который мог указать ему царя и царицу, ибо Дорошко не знал их в лицо. Жена Безобразова взяла семь старых полотняных лоскутков и велела написать на них имена царя и царицы. Она вставила эти лоскутки в восковые свечи вместо светилен и разослала по церквам, приказав зажечь их перед иконами и наблюдать, чтобы они сгорели до конца. Разумеется, всю эту компанию, т.е. самого Безобразова, его жену, Дорошку и всех других колдунов схватили и представили в Москву, и учинили им строжайший допрос, конечно, с пыткой, при содействии которой все они признались во всем, в чем было угодно их обвинять судьям. Из протоколов допроса видно, что все преступление этих злополучных людей состояло в том, что они с помощью разных вздорных обрядностей старались вернуть Безобразову расположение царя и царицы. Расправа со всей этой толпой была жестокая. Безобразову отрубили голову, жену его сослали в монастырь, все их имущество отобрали в казну, двух колдунов сожгли живьем, а остальных нещадно отодрали кнутьями и сослали в Сибирь с женами и детьми.

Петр Великий весьма круто принялся за реформы, во искоренить суеверия, касающиеся колдовства, ему не удалось. Правда и что, что в XVII столетии даже в самых просвещенных странах Западной Европы ведьм и колдунов целыми толпами жгли на кострах, и

это продолжалось до самого конца XVIII столетия. Да и сам Петр едва ли был вполне свободен от суеверий своего времени. Эго отчасти отразилось и на законодательстве. Так, в воинском уставе, изданном в 1716 г., между прочим, предписывается: «Если кто из воинов будет чернокнижник, ружья заговорщик и богохульный чародей, такого наказывать шпицрутенами и заключением в оковы, или сожжением». В примечании к этой статье сказано, что сожжение определяется чернокнижником, входящим б связь с дьяволом. Тех, у кого находили волшебные заговоры или гадательные тетрадки, или кого изобличали в переписке этих тетрадок, подвергали жестокому телесному наказанию, а самые тетрадки посылались на просмотр к ректору славяно-греко-латинской академии. В 1626 г. ректору этой академии, Гедеону, было поручено увещать и вразумлять иеродьякона Аверкия и дворового человека Данилова; у первого были найдены какие-то волшебные письма, второй же обвинялся прямо и непосредственно в сношениях с дьяволом, который будто бы внушил ему похитить золотую ризу с образа Богоматери. В упомянутой академии читался чуть ли не отдельный курс демонологии, в котором подробно объяснялись всевозможные виды волшебства. В дошедших до нас рукописных лекциях академии 1706 г. имеется особый отдел, озаглавленный «De contractibus diabolicis», т.е. о договоре с дьяволом. По словам неизвестного автора записок, колдуны могут с корнем вырывать могучие деревья, переносить с места на место целые нивы, превращаться во что угодно, делаться невидимыми и т.д. Еще долгое время спустя после Петра Великого то и дело поднимались дела, которые наглядно свидетельствуют о том, до какой степени живуче в народе ходячее представление о колдунах и о чародействе. Так, например, в 1750 г. в Тобольске, в местной консистории, разбиралось дело сержанта Тулубьева, которого обвиняли в любовном колдовстве. Сущность дела заключалась в следующем. Тулубьев жил в Тюмени и стоял на квартире у некоей Екатерины Тверитиной. У Тверитиной была дочь Ирина, с которой Тулубьев вступил в связь. Прожив с ней некоторое время, Тулубьев насильно выдал ее замуж за своего дворового человека Дунаева. Но жить с мужем он ей не дозволил, а требовал, чтобы она продолжала сожительствовать с ним, а для того, чтобы закрепить за собой любовь Ирины, он совершил такого рода волшебную обрядность. На третий день после венчания он позвал любовницу в баню. Там он взял два ломтя хлеба и этим хлебом обтирал испарину с себя и с Ирины. Потом он смял этот хлеб с воском, золой, солью и волосами, сделал из этого месива два колобка и что-то над ними шептал, причем формулу нашептывания вычитывал из книги. После того Тулубьев совершал еще и другие обряды. Так, например, он срезывал стружки с углов дома и собирал грязь с тележного колеса. То и другое, т.е. стружки и грязь, он размешивал с теплой банной водой и, дав смеси постоять, поил этой водой свою любовницу. Затем он настаивал на вине порох и росной ладан и этим снадобьем тоже доил Ирину. Шептал что-то над воском и серой и велел Ирине налепить эту серу воском на шейный крест и носить. Сам он всегда носил при себе волосы Ирины и на них тоже нашептывал что-то.

Какими энергичными средствами Тулубьев так приворожил к себе любовницу, что она без него жить не могла. И когда он уходил со двора, то она бегала за ним и часто с тоски рвала на себе волосы и платье. Консистория, рассмотрев это дело, порешила: «Тулубьева лишить сержантского звания и сослать на покаяние в монастырь, Ирину же освободить от всякой ответственности, понеже она навращена к тому по злодеянию Тулубьева, чародейством его и присушкой, а не по свободной воле».

Сколько можем припомнить, последняя крупная расправа с колдуньей произошла в Тихвинском уезде, Новгородской губернии, в первой половине семидесятых годов прошлого столетия. Дело происходило в одной из глухих деревенев уезда. Одинокая старухабобылка, Аграфена Тихонова, возбудила против себя мрачные подозрения своих однодеревенцев. В деревне обнаружились порченые бабы-кликуши, порча которых приписывалась нелюдимке Аграфене. Возбуждение против нее все более и более росло и назревало, а в один прекрасный день разразилось страшной катастрофой. Толпа мужиков окружила хибарку несчастной старушонки, наглухо заперла дверь и окна а сожгла дом вместе с колдуньей.

ОТДЕЛ IV
Демонизм в последние столетия

I. «ОДЕРЖИМЫЕ» XVI И XVII СТОЛЕТИЙ

Средним векам, само собой разумеется, не удалось разделаться с ведьмами и колдунами, сколько их ни жгли на кострах, ни с одержимыми, сколько их ни отчитывали. Таким образом колдовство и всякого рода дьявольщина и были переданы по наследству Средними веками последующим столетиям и с полным благополучием дошли до наших дней. Прежде чем перейти к демонизму новейших времен, т.е. процветавшему в минувшем XIX веке, мы ради исторической связи рассказа сообщим в этой вступительной главе о самых выдающихся делах XVI и последующих столетий. Наибольший интерес за это время возбуждали дела не о колдовстве и ведьмовстве, а об одержимости нечистым духом. Интересно еще заметить, что такой одержимости подвергались чаще всего лица духовные, а в особенности — монашки. Самые громкие происшествия этого рода разыгрывались в монастырях, и здесь иногда принимали форму настоящей заразы — эпидемии.

В 1599 г. в местности нынешнего Юрского департамента проживала некая Антида Колас. Эта была замужняя женщина, про которую все время ходили какие-то скверные толки, которые мало-помалу усиливались и оформлялись и, наконец, народной молвой были сведены к тому, что Антида завела себе друга из пекла, т.е. инкуба. Взялись за ее мужа, и тот с полной откровенностью подтвердил, что ему этот секрет супруги был давно известен и что если он до сих пор молчал, то лишь разделяя общий обычай всех рогоносцев, которые, разумеется, молчат о своих семейных злоключениях. Топа решили подвернуть подозрительную даму тщательному освидетельствованию, которое и было произведено хирургом Мильером. Осмотр Антиды дал обстоятельства подавляющие, с тогдашней точки зрения: у нее по самой середине живота оказалась глубокая впадина, которая ей не причиняла никакого страдания, ни затруднения. Сделана же была эта впадина ее возлюбленным Лизаботом. В виду такого собственного признания участь злополучной жертвы лукавого коротко и ясно определялась: ее сожгли живьем.

В восьмидесятых годах XVI столетия в Куломье (департамент Сены и Марны) жил один башмачник — Абель Деларю. Он чем-то возбудил против себя подозрение, и мало-помалу за ним утвердилась репутация колдуна. В 1582 г. состоялся брак между двумя местными обывателями, Жаном Мо и Фарой Флерио. Брачная жизнь молодых что-то не заладилась, и народная молва, не задумываясь, приписала их порчу Абелю Деларю. Молва окрепла и, разумеется, дошла до местных властей, которые к этим вещам в те времена прислушивались чрезвычайно внимательно. Деларю был схвачен и подвёргнут допросу, который видимо его смутил. Ответы он давал уклончивые, сбивчивые и этим усиливал подозрения. Его засадили в тюрьму, и, посидев в ней некоторое время, Деларю получил вкус к откровенности и начал давать показания из области своего прошлого и настоящего. Оказалось, что в молодости его отдали в монастырь. Там с ним однажды очень сурово обошелся заведовавший послушниками монах Калье. Обиженный им мальчуган затаил страшную ненависть в душе, которая осталась у него до самого выхода из монастыря. Покидая его, Деларю дал себе клятву отмстить ненавистному Калье. Но прежде всего, по выходе из монастыря, он очутился в чрезвычайно затруднительном положении, не звал, куда идти, где преклонить голову. В сей крайности он рассудил, что ему не остается иного покровительства и прибежища, кроме дьявола, к которому он и обратился, прося его как-нибудь устроить его судьбу. Дьявол не заставил себя ждать. Он предстал перед своим молельщиком, приняв вид высочайшего мужчины с чрезвычайно страшным лицом, грязным телом и мерзким запахом. Прежде всего он объявил Абелю свое имя — Ригу. Всмотревшись в него, Абель заметил, что у него вместо живота и коленей были человеческие лица. самого страшного вида; ноги же у него были коровьи. Он в первое же свидание дал слово Абелю, что устроит его участь, и назначил ему свидание на другой же день в одном пустынном месте. На другой день дьявол Ригу аккуратно явился на условное место и отвел Абеля к одному пастуху по имени Пьер. Этот пастух был колдун, и дьявол поручил ему обучение Абеля. Несколько времени спустя дьявол позвал Абеля с собой на шабаш, который должен был состояться накануне Рождества. Сборы на чертовские игрища, по показанию Деларю, происходили в таком порядке. В тот день пастух Пьер устроил так, чтобы жены его всю ночь не было дома. Своего ученика Абеля он уложил спать в 7 ч., но Абелю не спалось, и он видел все, что делал старый пастух; тот возился с какой-то старой метлой; это был громадный пук прутьев, объемистый и длинный, без палки. Около 11 ч. ночи Абель услыхал какой-то сильный шум. Пастух-колдун подошел к нему и сказал, что сейчас надо отправляться. При этом старик помазал

себе под мышками какой-то мазью и велел Абелю сделать так же. После того пастух сел верхом на приготовленную метлу, а Абель поместился сзади него. В этот момент вдруг появился демон Ригу, подхватил метлу с седоками и в мгновение ока вынес ее через печь и трубу на воздух. Ночь была очень темная, но дьявол, который мчался впереди метлы, освещал путь, держа в руке зажженный факел. Куда они мчались Абель не мог распознать и только видел под собой на мгновение промелькнувший знакомый монастырь. Чертовский поезд опустился где-то на поле, среди густой травы. Тут уже было многочисленное сборище, среди которого у Абеля оказались знакомые. Ригу потребовал, чтобы очистили место для вновь прибывших, и после того сам превратился в большого черного козла и принялся, испуская рев, кружиться по свободному месту, очищенному гостями шабаша. Все гости тоже принялись танцевать, держась задом к козлу. Проплясав некоторое время, козел остановился, оперся на согнутые передние лапы, и вдруг из его тела вылетело множество зернышек, величиной в булавочную головку. Падая на землю, эти зернышки превращались в порошок, сильно пахнувший серой и жженым порохом. После того самый старый человек в собрании опустился на колени, подполз на коленях к козлу и воздал ему обрядовое лобзание тем особенным странным манером, о котором мы уже много раз упоминали. Все присутствовавшие на шабаше колдуны и ведьмы имели в руках флаги; в них они собирали и завершали упомянутый волшебный порошок. К козлу один за другим подходили все гости. Когда дошла очередь до Абеля, козел спросил его человеческим голосом, чего Абель от него хочет. Мальчик отвечал, что он хочет научиться делать наузы на погибель своих недругов. Дьявольское козлище сказало ему, что он этому искусству может научаться от пастуха Пьера. Абель у этого пастуха и обучился колдовству. В своих показаниях он между прочим упомянул, что однажды его взяло раскаяние, он захотел вновь обратиться к Богу и с этой целью совершил богомольное странствование в монастырь, причем дьявол по дороге едва его не утопил. Этим упоминанием о своем покаянии Абель, очевидно, имел в виду облегчить свою участь; но мудрые судьи проникли в его уловку и не поверили ему. 23-го июля 1582 г. Абель Деларю был торжественно сожжен живьем на рыночной площади Куломье.

В июне 1586 г. в Пикардии была повешена некая Мария Мартен. Это была девица, занимавшаяся колдовством. Свои злодейства она вела в величайшем секрете, так что очень долгое время на нее никто ничего не мог и подумать; а между тем впоследствии оказалось, что целый ряд очень крупных общественных и семейных бедствий, которыми была удручена та несчастная община, где она жила, проистекли от ее волшебных злодейств. Она напускала болезни на людей и на скот; иногда по ее милости заболевала целая семья. На скот она напускала совершенно непостижимые болезни, от которых животные валились десятками. Мало-помалу, однако же, народная молва добралась до нее. Людям удалось себя убедить в том, что все бедствия происходят от нее. На нее донесли и ее арестовали. При осмотре ее тела, который в этом случае всегда производился тщательнейшим образом, на ней был найден оттиск огромной кошачьей лапы. Этот оттиск, конечно, и был принят за несомненную печать дьявола. Марию судили, и она без особой настойчивости со стороны судей признала себя колдуньей. Главной составной частью ее волшебных снадобий служил порошок из костей мертвецов. Само собой разумеется, что она состояла в интимной связи с дьяволом, которому имя было Цербер. Кстати сказать, благодаря показаниям ведьм и колдунов, еще средневековые демонологи составили длинный список чертей, обычно являвшихся людям. И т.к. ведьмы обыкновенно подробно описывали наружность своих чертей, то во многих старинных книгах можно найти изображение этих демонов. Нам удалось видеть изображение, например, этого самого Цербера, который пристроился к Марии Мартен. Это была фигурка, не лишенная комизма. Он изображался в виде птицы, одетой в старинный дворянский костюм: панталоны в обтяжку, жилет, жабо, кафтан с большими отворотами рукавов и клапанами карманов. Из панталон выставляются тощие курьи ноги с длинными пальцами и когтями; сзади, из-под фалд кафтана, торчит широкий хвост, вроде воробьиного; сбоку шпага. Но голова у этой птичьей фигуры не птичья, а собачья, похожая на пуделиную; на голове длинный остроконечный колпак с изображением какой-то морды. Этот чертик, по показаниям Марии Мартен, часто являлся ей и беседовал с ней. Движимая желанием угодить своему адскому другу, Мария перестала ходить в церковь и совершала надругательства над причастием. Она усердно посещала шабаши. На одном из них председательствовал ее сердечный друг Цербер, в том самом виде и туалете, как мы его описали. Он держал в лапах список всех друживших с ним ведьм и делал им перекличку.

В Австрии в замке Штаремберг в 1574 году дьявол внезапно овладел никоей Вероникой Штейнер. Тотчас же вызвали из Вены опытного отчитывателя одержимых, иезуита Бребантина. Прежде всего этот специалист установил несомненную наличность одержимости (о ее признаках мы подробно говорили в первом отделе в V главе). После того иезуит начал ее отчитывать, и его экзорцизмы оказали быстрое действие. Из Вероники вышли четыре бе-

са, ознаменовавшие свой выход самыми несомненными признаками, а именно адски неприличным запахом, от которого присутствовавшим сделалось дурно. Опытный бесогон, однако, по каким-то хорошо ему известным признакам заключил, что одержимая еще не вполне очистилась, что в ней застряла еще целая куча чертей. Он дал демонам приказ, чтобы каждый из них, выходя из тела Вероники, тушил свечу, которых было зажжено множество на время церемонии. Внутри тела одержимой вдруг поднялся страшный шум; ее тело и грудь чудовищно вспучились, руки и ноги окоченели. Потом ее всю свернуло в клубок и она перестала видеть и слышать. Демоны туго поддавались заклинаниям, выходили из одержимой по одному через большие промежутки времени, так что все заклинание длилось шесть часов подряд, и каждый демон, выступая из тела одержимой, тушил свечу, как ему было приказано.

Всех упорнее оказался последний демон. Он выделывал с телом одержимой удивительные вещи. например, подкидывал ее вверх на несколько футов с такой силой, что пятеро здоровых мужчин не могли ее удержать, Перед своим выходом из тела Вероники демон швырнул два камня, из которых один упал во двор замка, а другой в часовню. По его выходе Вероника мгновенно погрузилась в глубокий обморок, от которого потом очнулась вполне здоровой и освободившеюся от своих чертей.

Около того же времени, когда было происшествие с Штейнер, на другом конце Европы, во Фландрии, разразилось дело о колдовстве, прошумевшее на всю Европу. Здесь обнаружили целую банду колдуний, во главе которых стояли Мария Стайнс, Симона Дурлэ и Дидим. Самые важные существенные показания дала последняя из них. Она оказалась особой настолько откровенной, что для исторжения из нее признаний не пришлось даже прибегать к пытке, Эго была усердная посетительница шабашей, во время которых она вступала в связь с мужчинами, с женщинами, с чертями и со зверями. По ее словам, на шабаш часто доставлялись причастные облатки, и ведьмы топтали их ногами. Сверх того, по ее показанию, ведьмы на шабашах поедали мясо невинных младенцев. Подробности ее любовных утех с дьяволом добросовестно записаны в протоколе суда, но не могут быть достоянием печати. О похищении младенцев она рассказывала, как о самой обыкновенной вещи, причем мимоходом упоминала о том, что часть этих младенцев поедалась на шабашах, а часть поступала в распоряжение жидов, которые употребляли их кровь да совершения своих обрядностей. Сама Дидим уворовала и продала жидам восемь младенцев. Во время одного из шабашей она видела самого Вельзевула. Обычно этот демон изображается голым. Тело у него человеческое, сильно волосатое, но вместо ног утиные лапы с перепонками. У него длинный, толстый хвост с большой кистью на конце; физиономия человечья с большим ртом и страшными выпученными глазами. На голове тонкие длинные рога, как у венгерского быка. За спиной крылья, напоминающие сложенные крылья летучей мыши, с резко выдающимися ребрами и острыми когтями на сгибах. Но по показанию Дидим, на шабаш он явился в костюме доминиканского монаха. Один из присутствовавших старых колдунов принес ему жертву: зарезал перед ним младенца, а прочие гости в это время носились вокруг в бешеном танце. После того Вельзевул снял с себя свой доминиканский плащ и передал его своим гостям, которые его поочередно ненадолго накидывали себе на плечи, причем строили разные смешные и неприличные гримасы, в виде надругательства над духовным облачением. Монахов на шабашах обычно ругали самыми последними словами. В конце концов, однако, Дидим увидела, что все эти откровенности ведут ее прямехонько на костер. Она ужаснулась и начала отпираться от сделанных показаний; сама, дескать, не могу понять, что побудило меня взводить на себя такие ужасы; пробовала она также уверить своих судей, что ей просто захотелось поиздеваться над ними. Но, разумеется, эти уловки уже не могли ее спасти от костра.

История одержимой Николь из Вервена, которую мы теперь расскажем, в свое время пользовалась такой известностью, что о ней писали даже особые книги; одна из них, между прочим, написана Бульвезом, а другая позже — его аббатом Леканю.

Эта Николь, носившая девическую фамилию Обри, была выдана замуж за портного, вервенского жителя. В ноябре 1563 года, в то время, когда она молилась на могиле своего дедушки, человека, который умер без покаяния, ей показалось, что тень ее дедушки выступила яз могилы. Привидение имело вид человека, окутанного саваном. Оно заговорило человеческим голосом и просило Николь отслужить несколько обеден за упокой его души, пребывающей в чистилище. Это ее так ужаснуло, что она даже расхворалась с испуга. Призвали врачей, и те, осмотрев ее, убедились, что в ее болезни есть что-то сомнительное. Можно было допустить, что болезнь началась вполне натурально, но затем, видимо, осложнилась вмешательством нечистого. Посему врачи посоветовали обратиться к сведущим,

опытным духовным лицам. Духовные в свою очередь были призваны к больной, и один из них сейчас же распознал, что больная одержима дьяволом. Засевший в ней дьявол, когда духовенство вступило с ним в переговоры путем экзорцизмов, объявил себя душой того самого дедушки, на могиле которого Николь молилась. Однако опытные заклинатели по особым признакам различили, что это ложь и что в Николь вселился подлинный бес; потом распознали, что в ней сидит даже не один бес, а, по всей вероятности, несколько.

Изгнание бесов было поручено монаху-якобинцу Петру Деламотту. Он живо узнал имя главного беса, засевшего в Николь; это был сам Вельзевул.

— Как тебя зовут? — спрашивал бесогон.
— Вельзевул, царь демонов после Люцифера, — отвечал дух.
— Ты один?
— Нет.
— Сколько же с тобой других?
— Сегодня нас двадцать, но завтра будет больше, ибо я вижу, что нам нужно собраться в большом числе, чтобы бороться с вами.

Николь и ее окружающим были предписаны пост и всяческие умерщвления плоти. Один ревностный монах во время закаливания распорядился даже подвергнуть себя бичеванию в виде умилостивительной жертвы. Между тем, одержимая корчилась и делала прыжки вверх, превыше сил самого отчаянного гимнаста. Но когда ей дали причастие, она успокоилась.

Какой-то простоватый патер при виде такого благодетельного эффекта причастия возликовал от восторга и вскричал:

— О, maitre Gonin (простонародное уничижительное прозвище дьявола), ты побежден!

Но как только гостия была переварена, черти снова принялись за несчастную Николь и начали с того, что привели ее в состояние полной неподвижности. Один из демонов, по имени Бальтазо, подхватил ее и едва не уволок ее неведомо куда. Вскоре явилось двадцать девять демонов, которых, как надо заключить, воочию видели окружающие одержимую, потому что в книгах, посвященных этой истории, описывается внешний вид демонов. Они были черные, величиной с барана, с когтями, как у кошки. Началась эпическая борьба монахов-бесогонов с этой толпой адских чудищ. И борьба эта была далеко не легкая. Одержимость Николь началась в 1563 г., а окончательно изгнать из вея всех бесов удалось лишь в 1566 г., да и то не сразу, потому что сначала вышло только 26 дьяволов, остальные же объявили, что они выйдут только в том случае, если против них выступит епископ лаонский Жан Дюбур. Пришлось везти Николь в Лаон, и там епископ самолично изгонял из нее остальных бесов. Церемония происходила публично в местном кафедральном соборе, на эстраде, специально для этого выстроенной. Аббат Леканю, вышеупомянутый автор одной из книг, посвященных этому делу, пишет, что при изгнании бесов присутствовало много протестантов, которые были так потрясены совершившимся на их глазах чудом, что обратились в католическую веру.

Чудо это состояло в том, что епископ изгнал трех последних бесов: Астарота, Цербера и Вельзевула. Астарот вышел изо рта одержимой в виде свиньи, Цербвр в виде собаки, а Вельзевул в виде громадного вола. Вельзевул исчез из глаз в клубах густого дама при громовых ударах. Злополучная Николь долго оставалась полумертвой, но епископ отчитал ее, сотворив над нею молитву святого Бернарда.

В 1662 г. распространился слух о том, что в женском монастыре урсулинок, находящемся в Огзонне, близ Дижоны, с монахинями творятся чрезвычайно страдные вещи, явно свидетельствующие об их одержимости, и что эта история продолжается в монастыре уже добрых 10 лет. Когда об этом было доведено до сведения парижского правительства, оно командировало для расследования дела на месте архиепископа тулузского, трех епископов и пять докторов медицины.

По прибытии на место эта комиссия навела справки об одержимых монахинях, и их оказалось восемнадцать, разного возраста. различного общественного положения. Изгнание из них бесов продолжалось целых две недели. Епископ шалонский, как делопроизводитель этой комиссии, составил и послал подробный отчет в Париж. В этом отчете, между прочим,

перечислены те сверхъестественные дары, которыми демоны оделили одержимых ими монашек.

Все эти девицы оказались понимающими иностранные языки, так что заклинатели могли совершенно свободно объясняться с ними по-латыни.
Все они свободно читали мысли и в точности выполняли отданные им мысленно приказания.

Они могли предсказывать будущие события и обнаруживали знание самых секретных вещей, в особенности касавшихся других монахинь; равным образом и епископам-заклинателям они тоже сообщали самые сокровенные их тайны.

Ко всякого рода священным предметам они проявляли явный ужас и при виде их впадали в страшнейшие корчи. В виду причастия они кричали, выли, катались по полу. Когда им клали на язык гостию, то они неестественно высовывали язык изо рта. Когда к ним приближали мощи, они впадали в ярость.

Демонов, которые ими овладели, можно было заставлять делать разные сверхъестественные вещи, как, например, останавливать пульс попеременно то на правой, то на левой руке, по желанию заклинателя. У одной из одержимых, сестры Жамен, по команде заклинателя шея вздувалась самым чудовищным образом. Другая монашка Лазара Аривэ держала в руке горячий уголь и на коже у ней не обнаруживалось ожога.

У многих одержимых обнаруживалась нечувствительность, граничащая с чудесным. Монахине Денизе затыкали под ноготь булавку, и она не проявляла никаких признаков боли; при этом по команде заклинателя кровь начинала либо обильно течь из-под ногтя, либо мгновенно останавливалась.

У Огзонских монахинь, как и у многих других одержимых, обнаруживалось извержение со рвотой разных необычайных предметов: кусков воска, камешков, костей, волос и т.д. Монахиня Девиза после трехчасового отсчитывания извергла живую жабу, величиной в ладонь.

Демоны, оставляя тело одержимых, должны были по приказанию заклинателей обозначать свой выход каким-нибудь заметным знаком; так, демон, выходивший из Денизы, в самый момент выхода разбил стекло. Другие одержимые в минуту освобождения от демона извергали со рвотой куски сукна и других материй, на которых оказывались написанными красными буквами имена Богоматери и святых, которых призывали во время экзорцизмов. Одна из монахинь, отчитанная в день святого Григория, извергла кусок сукна, оправленный в медный кружок, на котором было награвировано имя Gregorius.

По временам, при исхождении чертей, такие надписи появлялись на стенах, на облачениях и т.д.

Одна из одержимых, сестра Борту, по повелению заклинателя, должна была совершить поклонение Святому Причастию, т.е. по католическому обряду, распростереться ниц по полу, раскинув крестообразно руки. Но сидевший в ней дьявол устроил так, что она прикасалась к полу только одной маковкой живота, а голова, руки и ноги были подняты на воздух. Другая монахиня при таком же требовании согнулась в кольцо, так что у ней подошвы прикоснулись ко лбу. Иные упирались в пол теменем и подошвами и в таком изогнутом виде передвигались по полу. Иные не имели сил сотворить крестное знамение рукой и, припав ртом к полу, делали попытки совершить крестные знамения языком.
Некоторые из одержимых во время бешеных корчей, которые ими овладевали, со всего размаха ударялись головой в стены, но у них на голове от этого удара не оставалось никакого следа.

Все эти явления были тщательно записаны и торжественно подтверждены членами комиссии, епископами и учеными врачами. Да мы и не имеем никакой возможности не верить этим явлениям и отрицать их, потому что любой современный опытный психиатр или невропат видывал еще и не такие вещи.

Другая известная монастырская эпидемия одержимости разразилась в 1564 г. в Кельне, в Назаретском монастыре. Здесь черти бесчинствовали, как и в Огзоне, несколько лет подряд, жестоко истязая несчастных монахинь. Всего прискорбнее в этих истязаниях было

то, что дьявол не щадил приличий и подвергал своих несчастных жертв таким корчам, подробности которых невозможно описать. В числе лиц, исследовавших кельнских одержимых, участвовал, между прочим, известнейший тогдашний ученый Иоганн Вир. Он первый тогда объявил, по исследовании одержимых, что нет никаких сомнений в участии дьявола во всех этих ужасах. К сожалению, повторяем еще раз, мы не имеем возможности входить в подробности кельнских происшествий, потому что они выходят из предела всякой цензурной терпимости.

Около 1620 г. в Нанси был довольно громкий случай одержимости, жертвой которого сделалась вдова местного дворянина Елизавета Рамфен. После смерти мужа эта благочестивая дама решила поступить в монастырь, но как раз в это время с ней началась какая-то таинственная болезнь. Врачи, тщетно пробившись с вей некоторое время, увидели, что они имеют дело не с больной, а с одержимой, и уступили свое место опытным заклинателям. Но и эти очень долго не могли добиться ни малейшего успеха; очевидно, засевший в нее дьявол был опытный ратоборец. Первый монах, который за нее взялся, прибег к извержению рвоты, По опыту было известно, что если принудить одержимого к рвоте, то он очень часто извергает такие предметы, в которых и кроется самая суть; это те колдовские вещи, проглотив которые, одержимый вместе с ними проглатывает беса, который после того в нем и располагается. Елизавета Рамфен по приказу заклинателя извергала немало разных вещей, но это ее не спасло; очевидно, суть была не в том, что было извергнуто, а в том, что еще оставалось в ней. Первого заклинателя сменил второй. Этот добился только, что демон, овладевший Елизаветой, объявил свое имя. Его звали Персен или Персин (Persin). Видя неспешность первых старателей, епископ тульский призвал новых мастеров.

Экзорцизмы произносились на разных языках: латинском, греческом и даже еврейском. Дело выходило очень громкое и привлекло к себе всеобщее внимание. На экзорцизмах присутствовали герцоги лотарингские Эрик и Карл, епископы, знаменитейшие ученые, богословы и доктора парижской Сорбонны. Подробное описание всего этого дела составил Пишар, придворный медик герцогов лотарингских. «Эта дама, — говорит он в своих записках, — с трудом разбирала и понимала латынь в своем молитвеннике, а между тем, во время экзорцизмов свободно давала ответы на латинском, греческом и еврейском языках, а сверх того сама еще от себя говорила фразы по-немецки, по-итальянски и по-английски. Когда однажды кто-то из бесогонов, обращаясь к ней с вопросом на латинском языке, поставил слово вместо родительного в винительном падеже, то ученый дьявол Персен, сидевший в одержимой, сейчас же поставил монаху на вид его ошибку». По словам того же Пишара, Елизавета Рамфен иногда пускалась в рассуждения, обличавшие глубочайшую ученость и начитанность, так что ставила в тупик окружавших ее ученых мужей.

С точки зрения физиологической Елизавета Рамфен ничем не отличалась от других одержимых, проявляя сверхъестественные силу, проворство и ловкость. Она, например, порхала до деревьям, как белка. Иногда ее подкидывало на значительную высоту, так что весьма сальные люди не могли ее удерживать и она их увлекала за собой. Ученый медик очень подробно опоясывает внешний вид одержимой, черты ее лица, все ее движения, корчи членов, волосы, поднимавшиеся дыбом. Ее горло приобрело поразительное фонетическое совершенство, благодаря которому она могла до неотличимости верно подражать крикам всевозможных животных. По временам ее всю вдруг раздувало с такой силой, что, казалось, она лопнет; однако, вслед за тем, по команде заклинателя, она быстро приходила в нормальное состояние. По временам она становилась вся черная, и в это время ее глаза так страшно горели, что на нее нельзя было смотреть без ужаса. При некоторых бурных движениях не хватало силы восьми здоровых людей, чтобы сдержать ее. Иногда дьявол побуждал ее наносить побои окружающим. Однажды, например, она схватила за бороду одного из герцогов лотарингских и заставила его сделать несколько шагов. Будучи от природы особой очень стыдливой и богобоязненной, она в состоянии одержимости произносила страшные ругательства и самые неприличные слова.

Произведя тщательное расследование этого случая, хитроумные судьи того времени отыскали даже и причину бесноватости злополучной Елизаветы Рамфен. Дело в том, что когда она овдовела, то за нее сватался один врач, по имени Пуаро. Елизавета ему отказала, и он, желая ей отомстить, прибег к помощи дьявола. Он и напустил на нее порчу. Разумеется, когда это было дознано и надлежащим образом доказано, Пуаро, как явный колдун, был сожжен на костре.

Упомянем еще о знаменитом деле Магдалины Баван. Эта Баван была привратницей в монастыре Лувье. Однажды заметили, что в монастыре с некоторого времени с монахинями

начало делаться что-то неладное. По некоторым догадкам заключили, что корнем зла является упомянутая привратница Магдалина. Сочтя Магдалину за одержимую, начали ее отчитывать, но тут мимоходом дознались, что на Магдалину порча была напущена монастырским духовником Матюреном Пикаром. Но когда всплыла эта история, Матюрен был уже покойник. Труп его, как подобало, вырыли, совершили над ним отлучение от церкви, а затем выбросили на съедение диким зверям. Между тем, Магдалина на допросе показала, что ее соблазнил и водил на шабаши один колдун, с которым она познакомилась в Руане. Некоторые подробности ее показаний у нас уже были описаны в первой главе о шабашах. Она до такой степени освоилась с дьявольщиной, что демоны постоянно являлись к ней по ночам в ее келью, под видом больших черных кошек. Магдалина Баван принесла на суде искреннее раскаяние в своих злодействах, и это спасло ее от костра. Ее приговорили к вечному заключению в каком-то подземелье на хлебе и воде.

Теперь переходим к наиболее интересному делу, разыгравшемуся на почве демонизма в XVII столетии, именно к процессу Урбана Грандье.

Урбан Грандье родился в Ровере около Саблэ (в департаменте Сарты) в 1590 г. В 1617 г. он был уже священником в городе Лудене. Это был очень ученый и талантливый человек, получивший прекрасное образование в иезуитской коллегии в Бордо. Один из его современников характеризует его в своих записках как человека с важной и величественной осанкой, придававшею ему надменный вид. Он принадлежал к числу выдающихся ораторов своего времени. Эти два таланта: ученость и дар проповедничества, быстро выдвинули его вперед и вместе с тем сообщили его характеру значительную дозу самонадеянности. Он был молод, и, как это часто бывает, успех вскружил ему голову. Во время своих проповедей он без малейшего стеснения позволял себе самые ядовитые выходки против монахов некоторых ему ненавистных орденов: капуцинов, кармелитов и др. Очень ловко вставлял он в свои ядовитые обличения множество намеков на разные темные дела и грешки высших духовных лиц. Благодаря таким приемам, жители Лудена мало-помалу отбивались от других городских приходов и устремлялись на проведи к Урбану Грандье. Но само собой разумеется, что этим же способом он нажил себе и множество врагов. Однако, как ни привлекал Грандье сердца и души своим словом, его дела и поступки были далеко небезупречны. Так, например, он оказался большим охотником ухаживать за девочками-подростками. У него был близкий друг — королевский прокурор Тренкан. Урбан соблазнил его дочь, совсем молоденькую девочку, и имел от нее ребенка. Злополучный прокурор, потерпевший такое бесчестие, разумеется, сделался смертельным врагом Урбана. Кроме того, весь город знал, что Грандье состоит в связи с одной из дочерей королевского советника Рене де Бру. В этом последнем случае всего хуже было то, что мать этой девочки, Магдалины де Бру, перед своей смертью вверила лицемеру-духовнику свою юную дочку, прося его быть духовным руководителем девочки. Грандье без труда увлек свою духовную дочь, и она влюбилась в него. Но девочку брало сомнение, что, вступая в связь с духовным липом, она совершит смертный грех. Чтобы сломить ее сопротивление, Урбан прибег к великой скверности, а именно обвенчался со своей юной возлюбленной, причем одновременно сыграл двойственную роль жениха и священника; разумеется, церемонию эту он устроил ночью и в большом секрете. Но т.к. и после того Магдалина продолжала терзаться угрызениями совести, то он очень ловко убедил ее в том, что безбрачие духовенства не есть церковный догмат, а простой обычай, нарушение которого отнюдь не составляет смертного греха. А чтобы еще больше укрепить ее в этом убеждении и, главное, доказать ей, что он говорит все это не для нее лишь одной, чтобы только ее успокоить, а готов то же самое повторить перед всем светом, он написал особую книгу против безбрачия духовенства. Рукопись этого интересного трактата и сейчас хранится в одной из парижских библиотек.

В 1626 г. в Лудене был основан женский урсулииский монастырь. Первоначально в нем было всего 8 монахинь. Они явились в Луден из Пуатье без всяких средств и первое время жили подаяниями. Но потом над ними сжалились благочестивые люди и кое-как понемножку их устроили. Тогда они наняли себе небольшой дом и стали принимать девочек на воспитание. Скоро их настоятельница, во внимание к ее усердию, была переведена куда-то в другой монастырь игуменьей, а ее место заняла сестра Анна Дезанж. Это была женщина хорошего происхождения. Она еще девочкой поступила послушницей в урсулинский монастырь в Пуатье, затем постриглась, а потом перебралась в Луден в компании с семью другими монашками. Под ее настоятельством луденский монастырек начал процветать. Число монахинь с восьми поднялось до семнадцати. Все монашки, за исключением одной, Серафимы Аршэ, были девушки знатного происхождения.

До 1631 г. священником в монастыре был аббат Муссо. Но в указанном году он умер

и монахиням опять надо было отыскать себе нового священника. И вот тут-то, в числе кандидатов на это вакантное место, и выступил Урбан Грандье. В его деле упоминается о том, что им руководили самые черные намерения; его, очевидно, соблазняла перспектива духовного сближения с этой толпой молодых девушек и женщин знатного происхождения. Но как мы уже сказали, его репутация была очень подсалена, а потому неудивительно, что он был забракован и ему предпочли патера Миньона. А у него как раз с этим Миньоном были какие-то бесконечные личные счеты и ссоры. Скоро эта неприязнь перешла в открытую схватку между Миньоном и Грандье. Дело дошло до епископского суда. Епископ оказался на стороне Миньона, но Грандье апеллировал к архиепископскому суду, и местный (бордосский) архиепископ решил дело в его пользу. Главным источником их вражды между собой являлось беспутное поведение Грандье, на которое сурово-нравственный Миньон жестоко нападал. Вражда страшно обострилась во время кандидатуры в священники к урсулинкам. Когда представился Грандье, ни одна из монахинь не пожелала даже и говорить с ним, тогда как аббата Миньона они приняли очень охотно. И вот, чтобы отомстить торжествующему недругу, Грандье, по общему убеждению его судей и современников, и решился прибегнуть к колдовству, которому его обучил один из его родственников. Он намеревался с помощью колдовства соблазнить нескольких монахинь и вступить с ними в преступную связь, в том расчете, что когда скандал обнаружится, то, разумеется, грех будет приписан аббату Миньону, как единственному мужчине, состоявшему в постоянных и близких сношениях с монахинями.

Волшебный прием, к которому прибегнул Грандье, принадлежал к числу самых обычных: он подкинул монахиням наузу, т.е. заговоренную вещь. По всей вероятности, подойдя к ограде их обители, он перекинул эту вещь через ограду в сад и спокойно ушел. Предмет же, им подкинутый, была в высшей степени невинная вещь, не могшая внушить никаких подозрений: небольшая розовая ветка, с несколькими цветами. Монахини, гуляя по саду, подняли ветку и, конечно, нюхали благовонные цветы; но в цветах этих уже сидели бесы, надо полагать, целым стадом. Эти бесы и вселились во всех, кто нюхал розы. Прежде других восчувствовала в себе присутствие злого духа сама мать-игуменья, упомянутая Анна Дезанж. Вслед за ней порча обнаружилась у двух сестер Ногаре, потом нехорошо почувствовала себя г-жа Сазильи, весьма важная дама, родственница самого кардинала Ришелье; потом та же участь постигла сестру Сент-Аньес, дочь маркиза Делямотт-Бораеэ, и ее двух послушниц. В конце концов во всем монастыре не осталось и пяти монашек, свободных от чар.

Но что, собственно, делалось с околдованными монашками, — об этом мы можем осведомиться из дела. Все одержимые вдруг прониклись пламенной любовной страстью к Урбану Грандье и всем им он стал являться, нашептывая самые коварные речи и совращая в смертный грех. Разумеется, монашки, как и подобает, изо всех сил боролись против одолевавшего их соблазна, и, как это было тщательно засвидетельствовано, ни одна из них не дошла до фактического грехопадения. Это было самым несомненным образом установлено вовремя экзорцизмов, когда сами демоны, сидевшие в монашках, на вопросы заклинателей так прямо и отвечали, что ни одному из них не удалось ввести свою жертву в действительный грех, не взирая ни на какие ухищрения. Следует еще заметить, что кроме монахинь роковая розовая ветка побывала в руках у девиц, случайно бывших в это время в монастыре. В числе их особенно жестоко поплатилась Елизавета Бланшар.

Луденское дело было много раз описано с величайшими подробностями, и мы не имеем никакой возможности все это передать в нашей книге. Нам придется взять только наиболее выдающиеся факты, которые потом сделались достоянием демонологии. На основании показаний одержимых, т.е., другими словами, самих бесов, которые в них сидели (потому что во время одержимости за человека отвечает на вопросы овладевший им бес), удалось установить имена этих бесов, их происхождение, их внешность, их местонахождение внутри человека и т.д.

Так, например, игуменья монастыря Анна Дезанж была одержима семьо дьяволами: Асмодеем, Амоном, Грезилем, Левиафаном, Бегемотом, Баламом и Изакароном. Уделим некоторое внимание этим любопытным жильцам адовым. Заметим прежде всего, что по учению церкви дьяволы суть не кто иной, как. павшие ангелы. Но, быв раньше ангелами, они должны были принадлежать к одному из девяти чинов ангелов. Во время экзорцизмов бесы на вопросы заклинателей а объявляли не только свои имена, но также и те ангельские чины, к которым он принадлежали до своего падения. Так, Асмодей оказался происходящим из чина Престолов. Мы имеем возможность описать его наружность по изображениям в старых демонологиях. Он являлся в виде голого человека с тремя головами: человеческой

посередине, бараньею слева, и бычачьею справа; на человеческой голове у него была корона; ноги у него были утиные или гусиные, обыкновенного демонского фасона. Он являлся верхом на каком-то чудовище, вроде медведя, но с гривой и с очень длинным, толстым хвостом, как у крокодила. Асмодея удалось заклинаниями выгнать из игуменьи раньше других бесов. Мы уже не раз упоминали о том, что заклинатели заставляли демонов в тот момент, когда они выходили из тела одержимого, обозначать свой выход какими-нибудь внешними знаками. Так Асмодей, при выходе из своей жертвы-игуменьи, должен был оставить отверстие у ней в боку. что и было им исполнено.

Вслед за Асмодеем вышел Амон. Этот бес являлся в виде чудовища с мордой, похожей на тюленью, и с телом, тоже напоминающим тюленье, и с извитым кольцами, не то змеиным, не то крокодильим, хвостом. Глаза у него были громадные, как у филина. К передней половине тела у него были две лапы вроде собачьих, но с длинными когтями; это было двуногое чудовище. Он объявил себя принадлежащим к чину Властей. Знаком исхождения из тела Амона было также отверстие на боку у игуменьи.

Третий вышедший из игуменьи демон был Грезиль, из чина Престолов. О его внешности не можем сообщить сведений. Вышел же он из игуменьи тоже через бок, оставив на нем отверстие.

Четвертый демон был Левиафан, происходивший из чина Серафимов. Он изображался стоящим на большой морской раковине посреди воды. У него была громадная голова какой-то чудовищной рыбы, с широко раскрытой пастью, большими рыбьими глазами, вся утыканная острыми рыбьими остями; по бокам головы высились два тонких бычачьих рога. Одет он был в какой-то странный костюм, напоминающий старинный адмиральский мундир. С левого бока у него болталась шпага, а в левой руке он держал Нептунов трезубец. Левиафан обозначил свою квартиру в теле одержимой: он сидел у ней во лбу и, выступая из нее, оставил на самой середине лба след своего выхода в виде кровавого креста.
Пятый бес был Бегемот, происходивший из чина Престолов. Пребывание его было во чреве игуменьи, а в знак своего выхода из нее он должен был подбросить ее на аршин вверх. Этот бес изображался в виде чудовища со слоновой головой, с хоботом и клыками. Руки у него были человеческого фасона, а громаднейший живот, коротенький хвостик и толстые задние лапы, как у бегемота, напоминали о носимом им имени.

Шестой демон Балам приписал себя к чину Властей. Внешность его нам неизвестна.
У игуменьи он имел пребывание под вторым ребром с правого бока. Его выход из тела обозначился тем, что на левой руке у игуменьи появилось начертание его имени, которое, по предсказанию демона, должно было остаться у нее неизгладимым на всю жизнь.
Последний демон Изакарон, происходивший из чина Властей, сидел в правом боку под последним ребром и при выходе оставил свой знак в виде глубокой царапины на большом пальце левой руки игуменьи.

У сестры Луизы Барбезьер были обнаружены два демона: Эазас и Карон. Первый из них приписал себя к чину Господств; поселился он у монахини под сердцем. При оставлении тела ее, он должен был поднять ее на 3 фута кверху. Карон причислил себя к чину Сил. Пребывал он в середине лба. Выходя из одержимой, он должен был принять вид двух снопов пламени, исходящих из уст одержимой, и, кроме того, разбить одно из стекол в церковном окне.

Родной сестрой вышеупомянутой монахини, Жанной, завладел один только демон, именно Цербер, о котором мы уже раньше упоминали. Он объявил себя принадлежащим к чину Властей, поселился под сердцем; знаком его выхода было поднятие монашки на аршин вверх.

В злополучной сестре Кларе Сазильи вселилось восемь демонов: Забулон, Нефтали, Бесконечный, Элими, Враг Девы, Поллютион, Веррин и Похоть. Первый из них был из чина Престолов, вселился во лбу и при выходе из одержимой должен был начертать на ее лбу имя, которое должно было остаться неизгладимым на всю жизнь. Нефтали, из чина Престолов, избрал своею резиденциею правую руку одержимой, а в знак выхода из ее тела должен был перенести кафедру из церкви на вершину башни луденского замка. Дьявол, назвавший себя Бесконечным, в то же время назвался Урбаном Грандье, — откровение, вероятно, немало способствовавшее погибели злополучного героя нашего повествования. Он вселился в правом боку монахини под вторым ребром и в знак своего исхождения из тела должен был подбросить монашку на пять футов кверху. Элими, из чина Сил, вселился возле желудка;

исходя из своей жертвы, он должен был прободать тело жертвы против места своего пребывания и высунуться оттуда в виде летучего змия. Враг Девы отнес себя к чину Херувимов и вселился под шеей, а в знак выхода должен был прободать правую руку жертвы так, как будто бы она была проткнута насквозь пальцем. Шестой демон Полдлютион, принадлежавший, как и предыдущий, к чину Херувимов, поселился в левом плече и при выходе должен был пронзить ногу одержимой. Седьмой демон Веррин, из чина Престолов, поселился в левом виске и должен был там оставаться всю ее жизнь так, что отчитать от него жертву не было никакой возможности. Последний демон Похоть, из чина Херувимов, поселился в правом виске; этот на выходе должен был пронзить левую ногу монашки.

Изабелла Бланшар подверглась нападению шести демонов. Один из них — Астарот — поселился у девицы под правой мышкой. Изображение этого демона очень напоминает изображение Асмодея, которого мы выше описали, только голова у него одна, человечья, и ноги также человечьи. Под левой мышкой у Изабеллы поместился сам Вельзевул. Третий демон, назвавший себя Углем Нечисти, поселился на левом бедре, четвертый, Лев Ада, под пупом. Пятый, Перу, под сердцем. Шестой, Мару, — под левой грудью. Полагаем, что дальнейшее систематическое перечисление было бы утомительно для читателей, и потому заимствуем лишь самые курьезные вещи из добросовестного списка одержимых и их демонов, составленного лицами, производившими следствие. Магдалина Белиар объявила, что у нее в желудке находится три листка розы, а Марта Тибо, что у ней в желудке капля воды; у той и у другой эти вещи стереглись демонами. У некоторых одержимых черти не избирали определенного местожительства, а странствовали по всему телу. Знаком исхождения некоторых демонов заклинатели избрали очень курьезные признаки. Так, например, один из демонов, изгнанных из сестры Агнессы, должен был сдернуть камилавку с головы королевского комиссара Лобардемона, присутствовавшего при экзорцизмах, и держать ее над головой этого сановника все время, пока будут петь Miserere, и т.д. Такова была армия демонов, напавшая на луденских урсулинок, которые все в один голос обвиняли Урбана Грандье в том, что это он напустил на них порчу.

С весны 1632 г. в городе уже ходили слухи о том, что с монашками творится нечто неладное. Они, например, вскакивали по ночам с постели и, как лунатики, бродили по дому и даже лазали по крышам. По ночам им являлись также разные привидения. Один из этих призраков говорил молодой монашенке самые неприличные вещи. Иных в ночное время кто-то жестоко бил, и от этих побоев оставались у них на теле явные знаки. Некоторые монашки чуяли, что к ним и днем, и ночью все кто-то прикасается, и эти прикосновения причиняли им величайший ужас.

Аббат Миньон, узнав об этих таинственных явлениях, был очень встревожен или, что, пожалуй, будет вернее, очень обрадован, потому что все это происшествие давало ему в руки могучее оружие для поражения своего смертельного врага и ненавистника Урбана Грандье. Сам он немедленно стал, конечно, на ту точку зрения, что на его монашек напущена порча, что они одержимы дьяволом; на это указывали все внешние признаки. Он, однако, сделал вид, что не решается подозревать своего лютого врага в таком злодействе. В то же время, не желая брать единолично на себя всю ответственность в таком щекотливом деле, он прибег в содействию некоего патера Барре, который славился своей ученостью и высочайшими добродетелями. По общему совету они решили приступить к экзорцизмам, и открыли свою благочестивую компанию, начав с матери-игуменьи. Однако, их первые попытки не увенчались ни малейшим успехом. Они начали ее отчитывать 2-то октября, но лишь 5-го октября, во время третьего сеанса, обнаружилось некоторое действие: одержимая впала в судороги и дьявол ответил на вопрос, назвав свое имя. Когда же ему повелели оставить ее в покое, то он вместо послушания подверг несчастную страшной встряске, во время которой она выла и скрежетала зубами.

6-го октября взялись за Клару Сазильи. Дьявол, засевший в ней, недолго поломавшись, объявил свое имя — Забулон. Продолжая отсчитывание, патеры спросили у дьявола: по какому договору, т.е. с кем заключенному, демон вошел в монастырь? Одержимая отвечала, что 1–го октября, когда она легла в постель, около нее было пять монашек и одна из них читала какую-то духовную книгу. Одержимая лежала вся укрывшись одеялом и вдруг почувствовала, что ее правую руку, бывшую под одеялом, кто-то схватил, разогнул на ней пальцы, что-то положил на ладонь и зажал руку. Испуганная монахиня вскричала и протянула руку сестрам. Те раскрыли ей руку и нашли в ней три колючки боярышника. Монашки, которые видели эти колючки, сказывали, что они были деляной в обыкновенную булавку и толщиной в чулочную спицу. Колючки эти не были брошены, сохранились и были переданы аббату Миньову. Он не знал, что с ними и делать, и собрал целый совет из духовных

лиц, чтобы решить этот важный вопрос. Долго совещались и порешили, что колючки эти должны быть ввержены в огонь самой игуменьей. По-видимому, монашки полагали, что с сожжением этих дьявольских колючек и сама нечистая сила удалится из монастыря, но вышло как раз наоборот. С этого момента все монашки буквально перебесились и целыми днями кричали, изрыгая хулы на всякую святыню и площадную брань.

Между тем, слухи обо всем, что происходит в монастыре, уже успели распространиться по всему городу, и аббат Миньон счел необходимым известить об этом гражданские власти. Местный судья и так называемый гражданский лейтенант (lieutenant civil) явились в монастырь, дабы быть личными свидетелями тех странных явлений, которые совершались с монашками. Свой визит начальство сделало 11-го октября. Аббат Миньон ввел их в одну из монастырских келий, где на койках лежали две одержимые: настоятельница и еще другая монашка. Вокруг их одров стояли монахи-кармелиты и монашенки; тут же был хирург Маннури. При входе властей, сестрой Жанной тотчас овладел припадок. Она заметалась по-простели и начала с неподражаемым совершенством хрюкать по-поросячьи. Потом она вся скорчилась на кровати, сжала зубы и впала в онемелое состояние. Тогда аббат Миньон вложил ей в рот большой и указательный пальцы и начал читать экзорцизмы. Затем по просьбе судьи аббат стал ей задавать вопросы на латинском языке, на которые одержимая отвечала также по латыни. Само собой разумеется, что эти вопросы обращались прямо к дьяволу и он же давал ответы устами одержимой. Приводим здесь эту курьезную беседу между аббатом и чертом.

— Зачем вошел ты в тело этой девицы? — спрашивал аббат.
— По злобе, — отвечал демон.
— Каким путем?
— Через цветы.
— Какие?
— Розы.
— Кто их прислал?
— Урбан.
— Скажи его фамилию?
— Грандье.
— Скажи, кто он?
— Священник.
— Какой церкви?
— Святого Петра.
— Кто дал ему цветы?
— Дьявол.

В следующие дни судья и другие городские чины неизменно присутствовали при всех экзорцизмах. 31–го октября игуменья впала в особенно сильный припадок судорог и бешенства. Изо рта у ней била клубами пена. Экзорцизмы читал вышеупомянутый патер Барре. Заклинатель спросил демона, когда он выйдет из одержимой, и тот отвечал: «Завтра утром». На вопрос же заклинателя, почему он упрямится и не хочет выйти тотчас, дьявол отвечал бессвязными латинскими словами: «Pactum, sacerdos, finis»... После того одержимую вновь ужасно встрясло, а затем она успокоилась и с улыбкой сказала патеру Барре: «Теперь во мне больше нет сатаны».

Тем временем Урбан Грандье. видя, что он выдвинут на сцену в качестве главного зачинщика во всем этом деле, повял, под какую страшную угрозу он попал, и постарался отвести от своей головы нависшую над нею грозу. Он поспешил подать жалобу, что его оклеветали. У него были сильные друзья, и с их помощью ему удалось на время потушить дело. Его главным заступником оказался митрополит, монсеньор де Сурди. Он оправдал Грандье и запретил патеру Миньону производить дальнейшие экзорцизмы в монастыре, поручив их впредь патеру Барре, в помощники которому он командировал двух опытных заклинателей, монахов Леске и Го. Сверх того последовало запрещение кому бы то ни было другому вмешиваться в это дело.

А между тем, демоны, вселившиеся в монашек, продолжали свое дело; главное, на вопрос о том, кто именно их послал на одержимых, они продолжали упорно указывать на Урбана Грандье. Может, конечно, показаться диковинным, с какой сами черти изобличали своего верного слугу, подводя его под костер. Но таково уже было общее тогдашнее убеждение; силой заклинаний дьявола можно было принудить ко всему, сломить всякое его упорство. Благочестивые экзорцисты ужасались чудовищному греху, в который впал Урбан,

служитель алтаря, но, припоминая его грешную и полную соблазнов жизнь, только покачивали главами; все, дескать, может статься, коли человек так дурно ведет себя. Надо полагать, что духовенство, производившее экзорцизмы, под влиянием недружившего с Грандье патера Миньона постепенно распространяло в народе слухи о том, что творится в монастыре и о чем поговаривают дьяволы, засевшие в монашках. Городское начальство дружило с Грандье и готово было затушить дело, но народная молва все росла и росла и стала громко требовать возмездия служителю алтаря, предавшемуся дьяволам. Вести о луденских происшествиях дошли, наконец, и до Парижа, а затем и до короля.

Король Людовик XIII, быть может, отнесся бы к делу осторожно, но на него, очевидно, оказал давление всемогущий кардинал Ришелье. Временщик имел свои причины недолюбливать Грандье. Молодой, самонадеянный и дерзкий патер написал на него ядовитый пасквиль. Из переписки, захваченной у Грандье, его авторство, раньше только подозревавшееся, окончательно было установлено. Не трудно догадаться, что раздраженный Ришелье отнесся к своему обидчику без всякой пощады. Вероятно, воздействию кардинала и должно быть приписано то внимание, с которым король отнесся к этому делу. Он командировал в Луден тамошнего провинциального интенданта Лобардемона и снабдил его широчайшими полномочиями на расследование и ведение дела. Лобардемон взялся за свое поручение тем с большим усердием, что одна из наиболее пострадавших урсулинок, а именно сама игуменья, доводилась ему родственницей. Притом же он был горячим и преданным почитателем Ришелье и, зная кое-что насчет вышеупомянутого памфлета, решил хорошенечко взяться за Урбана, чтобы основательно разведать, между прочим, и об этом, т.е. об его авторстве. Тем временем проявления одержимости сначала немного утихли, а потом, среди лета 1633 года, вновь бурно возобновились, а главное, на этот раз не уместились в одном монастыре урсулинок, а распространились и в городе. Зараза понемногу проникла даже в окрестности города, и всюду появились девицы, проявлявшие более или менее внушительные признаки одержимости. Две из этих одержимых были отчитаны патером Барре в присутствии Лобардемона, который таким образом запасся добрым фактическим материалом, очень ему пригодившимся. Он нарочно после того съездил в Париж, представился королю, доложил ему о веем и получил новые неограниченные полномочия на расследование и ведение дела.

В декабре 1633 г. Лобардемон вернулся с этими полномочиями в Луден, Первым делом он арестовал Грандье, отправив его сначала в Анжер, а потом приспособил для его содержания особое помещение в Лудене. Были, конечно, относительно такого особенного арестанта приняты и особые меры охраны; окна в его тюрьме заклали кирпичами, а дверь заделали прочнейшею железной решеткой; делалось это, разумеется, из опасения, что дьяволы могут явиться к нему на выручку и вызволить его из тюрьмы; в этом отношении тогдашние власти проявляли высокую наивность.

Пока Грандье отсиживал в своей тюрьме, взялись за одержимых и начали их отчитывать. Как мы уже сказали, число этих невинных жертв лукавого значительно умножилось, и их порешили рассадить отдельно по разным домам в городе под надзором надежных лиц. Созвали целую комиссию врачей, чтобы изучать явления, обнаруживаемые одержимыми во время острых припадков беснования; к ним прикомандировали аптекаря и хирурга. Чертогонов-монахов сначала назначили двух, но потом скоро увидали, что им двум не справиться, и присоединили к ним четырех помощников.

Демоны каждый день все подбавляли да подбавляли разные новые интересные показания. Все это надо было проверить путем очных ставок одержимых с Урбаном. Тот сначала отказался отвечать на какие бы то ни было обвинения, но потом постепенно разговорился. Чрезвычайно важной обличительной статьей колдуна, как мы уже упоминали еще в первом отделе, служили «печати дьявола», т.е. особые знаки на теле колдуна, чаще всего анестезированные места, т.е. такие, где не ощущалось боли. И вот дьяволы устами своих жертв показали, что на теле Урбана они наложили несколько таких печатей; консилиум врачей проверял эти дьявольские изветы, и, увы, они оправдались; у Урбана нашлось четыре нечувствительных участка на теле. «In diabus natibus circa anum et duobus testiculis», сказано в протоколе освидетельствования. Этим устранялись все сомнения в колдовской профессии Грандье.

Приступили к дьяволу Асмодею (сидевшему в игуменье Анне Дезанж) и настаивали, чтобы он сказал, как и когда был им заключен договор с Урбаном Грандье. Добросовестный бес, не желавший выдавать своего верного слугу, сначала начисто отказывался отвечать на эти вопросы; но на него поприналегли с экзорцизмами и принудили его доставить копию с

договора, заключенного им с Грандье. Копия была передана одержимой следственной комиссии. Любопытно бы знать, чье изделие представлял собой этот документ, но, конечно, протоколы судилища об этом умалчивают. Приводим курьеза ради дословный перевод этого документа:

«Господин и владыко, признаю вас за своего бога и обещаю служить вам покуда живу, и от сей поры отрицаюся от всех других и от Иисуса Христа, и Марии, и от всех святых небесных, и от апостолической римско-католической церкви, и от всех деяний и молитв ее, которые могут быть совершаемы ради меня, и обещаю поклоняться вам и служить вам не менее трех раз ежедневно, и причинять сколь возможно более зла, и привлекать к совершению зла всех, кого мне будет возможно, и от чистого сердца отрицаюся от миропомазания и крещения, и от всей благодати Иисуса Христа, и в случае, если восхочу обратиться, даю вам власть над моим телом и душой, и жизнью, как будто я получил ее от вас, и навек вам ее уступаю, не имея намерения в том раскаиваться.

Подписано кровью: «Урбан Грандье».

Через несколько времени тот же Асмодей передал судьям через одержимую новый документ. Он указывает, какими знаками на теле одержимых будет отмечен выход из их тела его самого и других демонов. Документ был подписан его именем.
Проверка этого документа на деле представляла большой интерес и была произведена в одной из городских церквей с особой торжественностью, в присутствии целой толпы горожан, с трепетным любопытством следивших за происходившим на их глазах чудом. Асмодей в своем документе точно указал, какие знаки появятся на теле у одержимой (Анны Дезанж), — мы выше уже упоминали об этих знаках. Церемония началась с предварительной экспертизы. Врачи осмотрели одержимую и удостоверились, что у нее на теле, в указанных Асмодеем местах, нет никаких знаков. После того заклинатель, отец Лактанций, начал экзорцизмы. Одержимая сделала какой-то неимоверный и сверхъестественный изгиб тела, потом распрямилась, и тогда на ее руке, на одежде и на теле оказалась кровь. Врачи вновь ее осмотрели и нашли на ее теле такие самые надрезы, какие были обозначены в бумаге Асмодея. Каким путем убедились в том, что не она сама оцарапала себя во время своих корчей — об этом история умалчивает.

После всех этих предварительных испытаний было решено поставить Урбана публично на очную ставку со всеми одержимыми. Эта ставка состоялась 23-го июня, в церкви, в присутствии местного епископа Лобардемона и многочисленной публики.

Урбану прочитали показания, сделанные на него одержимыми, т.е. их демонами.

Главным пунктом явились указания на те снадобья, которые служили средствами волшебства. Одно из них, по показанию демона Левиафана, было составлено: из частиц мяса, взятого из сердца невинного младенца, зарезанного во время шабаша, происходившего в Орлеане в 1631 году; из золы сожженной причастной облатки и из крови и еще некоего вещества, взятых от Урбана Грандье. С помощью этого снадобья Левиафан, по его показанию, и внедрился в тело одержимой; но как именно это снадобье было употреблено в дело? Вероятно, предполагалось, что Урбан натер этой смесью свою предательскую розовую ветку. Наверное не можем сказать. Другое снадобье было выделано из зерен апельсинных и гранатных, и с его помощью в одержимую внедрился Асмодей.

Все это было прочитано Урбану, и от него потребовали объяснений. Он спокойно отвечал, что не имеет понятия о таких снадобьях, никогда их не делал, не знает, как и зачем, они делаются и употребляются, что с дьяволом он не входил никогда ни в какое общение и вообще не может уразуметь, о чем, собственно, ему говорят и чего от него хотят. Ответ его записали, а Грандье его подписал. После этого ввели одержимых.

Увидя Урбана, все его предполагаемые жертвы изъявили свою радость веселыми восклицаниями, делали ему дружеские знаки и называли своим «господином». Очевидно, это делали за одержимых демоны. Значит, они так прямо и выдавали своего слугу и друга верного его лютым врагам?.. Но не будем комментировать, а будем просто излагать дело по протоколам суда.

Настал самый торжественный момент очной ставки. Один из заклинателей обратился к народу с увещанием «вознести сердца со всеусердием ко Господу и принять благословение владыки епископа», Епископ благословил предстоявших. Тогда тот же заклинатель воз-

вестил, что церковь обязана придти на помощь к несчастным одержимым и помощью установленных молитв изгнать из них бесов. Вслед за тем, обращаясь к Урбану Грандье, оратор сказал, что так как он, Урбан, сам облечен священным саном, то и должен с своей стороны, буде на то последует изволение епископа, прочитать над одержимыми эти молитвы, если он в их одержимости, как он уверяет, нимало не повинен и к ней не причастен. Это был ловкий маневр; Урбану предписывали изгонять им же самим напущенных бесов. Епископ немедленно изъявил свое изволение, а оратор-заклинатель передал Урбану столу (епитрахиль). Но как только он возложил на себя священное облачение, демоны, устами одержимых, все в один голос возопили: «Ты отрекся от этого!». Не смущаясь этими воплями, Грандье принял из рук монаха требник и, поклонившись земно епископу, просил его благословения начать экзорцизмы. Когда епископ дал свое благословение и хор провел обычное в этих случаях песнопение («Veni Creator»), Грандье спросил у епископа, кого он должен отчитывать? Епископ указал ему на толпу одержимых дев. Грандье на это заметил, что коль скоро церковь верит в одержимость, то и он должен в нее верить; но что он сомневается, можно ли человека сделать одержимым насильно, помимо его воли, без его на то желания. Тогда со всех сторон поднялись крики о том, что Урбан еретик, потому что отрицает положения неоспоримые, принятые церковью, одобренные Сорбонной. Грандье возразил, что он не выдает своего мнения за окончательное, что он только сомневается и что сомнение не есть ересь, ибо ересь есть упорство в своем мнении, противном церковному учению. Если же он теперь и решился высказать это сомнение то только затем, чтоб из уст епископа услышать, что он неправ, что его опасения напрасны и что он, совершая экзорцизмы, не совершит ничего противного учению церкви.

По окончании этих переговоров к Урбану подвели одержимую сестру Екатерину.
Это была женщина или девица простого звания, совсем необразованная; избрали ее именно потому, что она несомненно не звала не только латинского языка, но и вообще ничего не ведала. Грандье начал читать заклинание, но на первых же словах слукавил.

Текст требника: «Praecipio aut impero», т.е. «повелеваю и приказываю», а он произнес: «Cogor vos», т.е. я вынужден повелеть вам. Епископ, разумеется, немедленно его остановил, сказав, что церковь не должна говорить в таком тоне с демонами. Грандье, впрочем, и без того не мог дальше говорить, потому что все одержимые подняли ужасающий крик самого возмутительного содержания. Одна из них, сестра Клара, бросилась с бранью на Грандье; он оставил первую одержимую, Екатерину и стал отчитывать Клару. При этом он просил позволения говорить с ней по-гречески, т.к. считалось, что настоящие одержимые говорят на всех языках. Ему это разрешили, но демон устами игуменьи крикнул ему, что он обманщик и изменник, что по договору, заключенному с ним, он не имел права задавать вопросы по-гречески. Но сестра Клара перебила настоятельницу и крикнула Урбану, что он может говорить на каком угодно языке и ему ответят. Урбана этот окрик смутил чрезвычайно, и он замолчал. А между тем одержимые продолжали в один голос вопить, стараясь вырваться из рук своих стражников и броситься на Урбана; они кричали ему, что напрасно он отпирается, что это он их всех испортил, он единственная причина их страданий; они умоляли, чтобы их пустили к нему, отдали его им на расправу, чтоб они могли свернуть ему шею.

Урбан в великом (и понятном) смущении смотрел на эту беснующуюся толпу молодых женщин. Ничего другого он сделать не мог, как только свидетельствовать о своей невинности и призывать имя Божие в свою защиту. Потом, обращаясь к епископу, он просил, чтоб было разрешено демонам, если он действительно виноват, сделать с ним что-нибудь, положить на нем какой-нибудь знак, не дозволяя только одержимым непосредственно к нему прикасаться; этим путем, дескать, и авторитет церкви будет возвеличен, и он, если виновен, будет изобличен и посрамлен. Но на это не согласились, ссылаясь на то, что демоны могут причинить ему, за его отступничество от них, жестокие страдания, увечья, смерть, и ответственность за это падет на духовенство, позволившее им распорядиться с колдуном; опасались также, чтобы вместо возвеличения не вышло посрамления церкви, потому что демоны злы и коварны, и мало ли что они могут выдумать.

Распорядились унять демонов, т.е. одержимых, чтобы они не шумели. Потом принесли жаровню с углями и кинули в огонь все наузы, которые были отобраны у одержимых. При этом беснования одержимых возобновились с удвоенной силой; их корчило, сводило, вспучивало, они неистово вопили и выкрикивали невозможные слова, приводя в неописуемый ужас всех присутствовавших в храме. Все демоны наперебой, устами одержимых, изобличали Урбана, напоминали ему, где и когда он с ними впервые встречался, о чем шла речь между ними, на чем поладили, какой договор заключали, какие зелья ему были вруче-

ны и т.д., и т.д. Грандье повторял только, что он нечего не понимает и ничего не знает. Курьезно было то, что, осыпая Грандье неистовой бранью, одержимые в то же время называли его своим владыкой, господином. Грандье по этому поводу заметил, что он им не господин и не слуга и что невозможно понять, почему они, величая его владыкой, в то же время собираются его уязвить. Многие монашки, сорвав с себя башмаки, кидали их в голову Урбану. При этой глупой выходке он не мог сдержать своего врожденного едкого юмора и сказал: «Ну, черти сами себя начали расковывать!». Вся эта безобразная сцена кончилась тем, что Урбана увели обратно в его тюрьму.

Суд, вооружившись всеми данными, добытыми следствием, извлеченными из показаний демонов во время заклинаний и при очной ставке, рассмотрел дело Грандье и признал его вполне изобличенным в колдовстве, сношениях с дьяволом и в ереси. Дело рассматривалось сорок дней, и, по словам одного из его историографов, судьи убедились, что дьяволы «не сказали против него (т.е. Грандье) ничего такого, что не было правдой». 18–го октября 1634 года состоялся приговор, по которому Урбан Грандье был приговорен к сожжению на костре.

Грандье принял свою ужасную участь с замечательной твердостью. Человек, несмотря на его весьма скверные нравы и поведение, был, очевидно, сильный духом, мужественный и, по-видимому, стоявший духовно много выше своих современников. Он спокойно рассудил, что дело его пропащее, что отстоять себя, т.е. доказать всем этим людям, судившим его, что они нелепо и слепо заблуждаются, он не в силах и что ему надо без разговоров покориться. Сохранилось предание, что за два часа до смерти он спокойно напевал какую-то песенку.

После приговора Грандье увещали выдать сообщников, обещая за это смягчение кары. Он отвечал, что у него никаких сообщников нет. Кто-то из заклинателей произнес ему в назидание чувствительнейшую речь, которая исторгла слезы у всех присутствовавших; один только Урбан нимало не был тронут этой речью. На месте казни духовник-капуцин протянул ему крест, Грандье отвернулся от него. Его уговаривали исповедаться, он сказал, что недавно исповедовался. Палач, накинув ему на шею веревку, хотел его задушить, прежде чем его опалит огнем костра, но веревка перегорела, и Урбан упал в огонь. Как раз в эту минуту заклинатель читал экзорцизмы над одной из одержимых, сестрой Кларой. Демон, сидевший в ней, когда Урбан упал в огонь, вскричал: «Мой бедный владыка Грандье горит!». В ту минуту, когда Урбан готовился испустить дух, демоны забеспокоилась; их потом спрашивали о причине этого волнения, и они сказали, что в ту минуту очень боялись, как бы добыча не ускользнула из их рук, потому что Мадонна просила Бога помиловать Урбана.

На другой день кто-то из демонов в обычной беседе с отчитывателем сказал, что вчера они огромной толпой, демонов двести, волокли Урбана в ад. Видано, что они очень ценили свою добычу.

— Ты лжешь, — сказал ему заклинатель, — Урбан обратился ко Господу.
— Ты сам лжешь, — возразил демон, — он вовсе не покаялся, из гордости, и притом не признался, что он колдун.
— Но в минуту смерти он призывал Создателя.
— Скажи лучше, что он призывал сатану; а доказательством, что он не покаялся, служит то, что он вовсе не призывал имени Божьего и не пожелал принять святой воды. — И при этих словах демон, очевидно, обращаясь ко всем присутствовавшим при заклинании, воскликнул:
— Милостивые государи, убедительно вас прошу будьте гордецами; вы увидите, как мы с ними обращаемся в аду.

Смерть Грандье не прервала эпидемии, и с одержимыми было много еще возни. Первое время демоны сообщали заклинателям любопытные вести о загробной судьбе Урбана Грандье. Заклинатели заметили, что в то время многие демоны, раньше являвшиеся и заседавшие в одержимых, после казни героя этой истории куда-то запропастились. Заклинатель Сюрен, автор большой книги о луденском мракобесии, полюбопытствовал узнать, что поделывают эти черти, исчезнувшие со сцены, и спросил об этом у «дежурного» демона, оказавшегося налицо во время экзорцизма.

— Они все ушли в ад поздравить с прибытием нашего бывшего владыку, а теперь слугу Грандье, — ответил демон.

Другой демон, на вопрос о том, что делают черти в аду и почему так долго не появляются, отвечал:

— Они воздают Урбану награду за добрые его услуги. Упомянутый Сюрен, как важный участник этого дела, передает множество подробностей. Они касаются по большей части физиологических явлений, наблюдавшихся у одержимых; но мы уже много раз указывали на эти явления и говорили, в чем они заключались. Поэтому заимствуем из повествования Сюрена лишь выдающиеся по своей курьезности вещи.

Его чрезвычайно поражал дар языковедения, появлявшийся у одержимых, а в особенности другой, еще более удивительный дар, именно глубокое понимание тончайших богословских вопросов; на эти темы демоны беседовали с Сюреном целые часы. Однажды, например, девон Изакарон очень толково объяснял Сюрену, какими путями и способами он совращает людей. С этой целью демон ловко вводит людей в блуд; по этой части он, Изакарон, и еще Асмодей, числятся первыми виртуозами и специалистами. Изакарон, например, чрезвычайно ловко соблазнил какого-то святейшего пустынножителя, который всю свою долгую жизнь незапятнанно практиковал благочестие; а между тем, стоило только ловкому дьяволу подкинуть ему на дороге женский башмак да надушенный платок, праведник не устоял; он неотступно вдыхал в себя аромат этого платка три дня подряд, а дьявол тем временем вливал в его сердце яд греха. Через три дня дьявол явился к праведнику, приняв вид обольстительной женщины, и слабый человек пал. Правда, павший праведник сумел обуздать себя и покаяться; он выкопал глубокую яму и зарылся в все по самую шею, и все время смотрел на небо и молил о прощении, и был прощен.

— Как же ты попал в особые мастера по части соблазна, — спросил его заклинатель, — коли тебе не удалось окончательно погубить душу этого праведника?
— Но я показал, на что я способен, — возразил дьявол. — И сатана привял это в уважение.

Благочестивому Сюрену удалось выяснить личные черты и специальности нескольких демонов. Так, Бегемот оказался демоном страшно упорным. Сюрен бился с ним три года подряд. Бегемот — демон сквернословия, побуждающий людей ругаться и божиться. Он сам рассказывал Сюрену, что, возвращаясь в себе домой, т.е. в ад, он обычно еще издали начинает трубить и что, когда злополучные грешники слышат его трубу, они приходят в трепет, потому что во всем аду нет более жестокого палача. «Однажды, — повествует Сюрен, — когда я имел дело во время заклинания с этим демоном, он вдруг вошел в чрезмерную ярость, какой мне не случалось видеть. Я подумал было, что он сдается и хочет покинуть тело одержимой. Я повелел ему объяснить мне причину его ярости. Он мне призвался, что ему другой демон только что передал самую раздражающую новость. Дело в том, что в одном городе, в Лангедоке, жил-был некий человек (демон сообщил Сюрену название города и имя того человека, но Сюрен их не опубликовал), которого демон похоти ввел в соблазн и довел до падения. Грешник настолько созрел, что надо было нимало не медля предоставить ему даму; и вот роль такой особы принял на себя Бегемот. Грешник, как водится, пал, и Бегемот во образе соблазнительницы уже сожительствовал с ним восемнадцать годов, считая, что душа грешника давным-давно уже сделалась его законной добычею. И вдруг Господь сжалился над грешником и послал ему опасную болезнь; страх близкой смерти побудил грешника принести покаяние; оно было принято, и грешник скончался осененный благодатью и ускользнул из когтей дьявола. Вот эта-то неудача и повергла Бегемота в ярость». Как умилительно эта наивная история совпадает с наивных благочестием автора-монаха!

Сюрен подробно рассказывает, как об особо поразительном чуде, об «обращении», т.е. о переходе из гугенотства в католичество, некоего Кериолэ под влиянием луденских событий.

Кериолэ был советник британского парламента. Это был не только гугенот, но сверх того муж весьма непотребных нравов; он и в Луден-то явился, чтобы соблазнить какую-то даму, тоже гугенотку. И вот по прибытии в город он совсем случайно, из простого любопытства, попал в одну из церквей, где шли в то время экзорцизмы; ему просто хотелось позабавиться над католическими монахами-бесогонами. Экзорцизмы ему понравились и он после того еще два раза зашел посмотреть на них. Но на третий визит демон обратил на него внимание. Он очень хорошо звал, что небо заинтересовано в том, чтоб Кериолэ обратился, т.е. переменил свое гугенотство на католичество. Здесь ясно выступает на сцену католиче-

ский фанатизм нашего автора, Сюрена, который, само собой разумеется, должен был полагать, что гугенотство есть злая ересь, в которую совращает людей дьявол. В этот момент заклинатель как раз повелевал демону оставить одержимую. Дьявол, т.е. одержимая, говорившая его слова, указывая пальцем на Кериолэ, сказал заклинателю:

— А почем ты знаешь, что я остаюсь здесь не затем, чтобы обратить этого человека?

Тогда пригласили Кериолэ подойти поближе, и он сам обратился демону с тремя вопросами. Сначала он спросил: кто охранил его от удара молнии, которая полтора года тому назад упала около самой его кровати? Дьявол на это отвечал: «Без заступничества Святой Девы и херувима, твоего ангела-хранителя, я в то время унес бы тебя»

На второй вопрос: кто хранил его от выстрела, который был в него направлен и пробил его одежду, дьявол отвечал опять-таки, что и на этот раз Кериолэ был охранен своим херувимом. Третий вопрос Кериолэ был о том, из-за каких причин он должен был оставить Картезианский монастырь, в который он поступил? Демон почему-то долго колебался отвечать на этот вопрос и, наконец, сказал, что в то время Кериолэ был одержим разными греховными нечистотами, а Господь не хотел, чтобы человек столь нечистый пребывал в святом месте.

Все эти разоблачения дьявола произвели на Кериолэ такое потрясающее впечатление, что он тут же и нимало не медля обратился в истинную веру, т.е. в католичество, и с тех пор жил, как святой.

Мы, кажется, уже имели случай заметить, что Сюрену пришлось особенно иного похлопотать над изгнанием бесов из настоятельницы монастыря Дезанж. В ней было несколько демонов, и некоторые из них оказались чрезвычайно упорными.
Тотчас по прибытии Сюрена в Луден прежние заклинатели уведомили его о том, что каждый демон, покидая тело одержимой, должен был подавать тот или иной знак в тот самый момент, когда он оставлял тело. Мы об этом уже говорили. Эти чудеса, кстати сказать, служили едва ли не главной приманкой, которая собирала на экзорцизмы целые толпы народа.

Перед изгнанием демона Забулона, происходившим в первый день Рождества, была совершена торжественная процессия в церковь Луденского замка, в сопровождении большой толпы народа. По прибытии в храм толпа монахов некоторое время возносила молитвы и пела гимны. Потом начались экзорцизмы и тянулись с полудня до пяти часов вечера, но без всякого результата. Выходило, что демон, раньше давший обещание в тот день оставить одержимую, бессовестно надул монахов.

Тут еще кстати явилось неожиданное осложнение дела. Демоны, сидевшие в настоятельнице, еще задолго перед тем утверждали, что она находится в интересном положении. Это, конечно, была лишь дьявольская ложь, с явной целью осрамить невинную девицу. Однако, чтобы придать этой лжи внешность правды, демоны так распорядились с особой настоятельницы, привели ее в такой вид, что можно было и в саном деле кое-что заподозрить. Но в Новый год демон торжественно объявил, что Богоматерь повелела ему удалить из утробы настоятельницы го, что причиняло ей ложное положение. И в самом деле, во время экзорцизмов одержимая в течение двух часов извергала рвотой какую-то жидкость, с удалением которой устранились и двусмысленные признаки ее подозрительной полноты.

Сюрен указывает на то, что одержимая первое время относилась к нему, как к человеку новому и незнакомому, с недоверием; но постепенно убедившись в его святости, открыла перед ним свое сердце. Сидевший в ней девон Изакарон пришел от этого в большую ярость, и с этого момента между ним и заклинателем началась отчаянная борьба. «Мы говорили друг другу сотни вещей, — пишет наивный Сюрен, — и бросили друг другу вызов, и объявили бой без всякой пощады». Само собой разумеется, что демон говорил устами одержимой. Чаще всего эти бурные разговоры происходили по вечерам и притом, когда заклинатель с одержимой были одни, с глазу на глаз. Часто говорили они в одно время наперебой. «Я не щадил его, — говорит Сюрен, — но и он тоже не щадил меня».При этом Сюрен откровенно сознается, что он сам на себе испытывал некоторые признаки одержимости, а впоследствии с ним начались даже настоящие припадки, вроде тех, какие бывали у одержимых.

Дьяволы не всегда бывали все вместе; напротив, чаще всего в одержимой сидел кто-

нибудь один из них, «дежурил», как выражается Сюрен, и с этим дежурным, которым чаще других бывал Изакарон, Сюрену и приходилось беседовать.

Изакарон был демон весьма упорный. Во время экзорцизмов он бурно корчил тело одержимой. Видно было, что по временам демоны могут приобретать чрезвычайную власть над одержимыми, а отсюда Сюрен заключал, что и те чары, посредством которых колдуны напускают демонов на людей, в свою очередь должны обладать огромной силой. Сюрену захотелось поближе ознакомиться с этим предметом и он спросил у демона, откуда берется этот прилив власти нечистого над одержимыми. Демон ему объяснил, в чем заключалась штука. Трое колдунов — один в Париже и двое в Лудене — за неделю перед тем во время причащения скрыли во рту облатки и унесли их с собой с целью передать их демонам. Но черти не смели к ним притрагиваться и передавали их то одному, то другому из этих колдунов. В ту минуту, когда шел этот разговор, облатки хранились у парижского колдуна. К этому демон добавил, что в скором времени всех трех колдунов изловят и сожгут. Тогда Сюрен распалился ревностью во что бы то ни стало добыть эти облатки, чтобы вырвать их из рук нечестивцев. Он повелел Нзакарову немедленно отправиться в Париж и принять на себя все заботы» о том, чтобы эти облатки остались в полной сохранности. «Трудно поверить, — говорит по этому случаю благочестивый Сюрен, — до каких пределов простирается власть заклинателя, действующего во имя церкви на дьявола». Так, например, в описываемом случае Изакарон никак не мог уклониться от данного ему поручения и должен был волей-неволей мчаться в Париж выручать облатки. Но Сюрену показалось этого мало. Он послал вслед за Изакароном еще другого демона, Балама, и повелел ему во что бы т» ни стало добыть эти облатки в нимало не медля доставить в Луден. Хотя Сюрен только что перед тем уверил своих почитателей, что власть заклинателей над демонами безгранична, однако, на этот раз демон Балам самым решительным образом отказался повиноваться, и что ему не говорил Сюрен, дьявол не поддался на его увещания и не исполнил его приказаний. Между тем Сюрен, все более и более распалявшийся религиозной ревностью, решился хотя бы пожертвовать своей жизнью, только бы выручить от нечестивцев эти причастные облатки. После полудня он снова приступил к экзорцизмам и был удивлен тем, что все демоны отсутствовали и дежурил один только Бегемот. Через несколько времени возвратились сначала Изакарон, бывший в страшном бешенстве, которое по обыкновению выразилось в том, что он подверг тело одержимой ужасной встряске, а вслед за ним пожаловал и Балам. Этот последний «появился на лице одержимой», как выражается Сюрен. Но чем именно обозначилось это появление, не умеем сказать. Сюрен сейчас же спросил его, исполнил ли он, что ему было приказано. Демон отвечал утвердительно и сказал, что принес с собой облатки, и при этом прибавил, что ему никогда еще не случалось носить столь тяжкого груза. Нашел же он их где-то под тюфяком, куда их спрятала какая-то ведьма. Сюрен его спросил, куда он девал облатки. Демон почему-то долго упрямился и не говорил, но, наконец, быль вынужден сказать, что положил их на алтарь. Сюрен приказал ему в точности обозначить место, где были положены облатки. Тогда рука одержимой поднялась и протянулась к дарохранительнице (надо думать, что алтарь стоял около одержимой), затем опустилась к ее нижней части и здесь взяла свернутую бумажку, которую с трепетом подала заклинателю. Сюрен в свою очередь преклонил колени и с благоговением принял из ее рук этот сверточек. Развернув бумажку, он нашел в ней все три облатки, о которых говорил демон. Не довольствуясь этим, Сюрен приказал демону преклониться перед причастием, и тот был вынужден это исполнить. Само собой разумеется, что за него это исполнила одерживая и сделала это с таким благоговейным видом, что все присутствовавшие были тронуты до слез.

Успехи, одержанные Сюреном над демонами, привели их главного владыку и царя Левиафана в страшное раздражение. Он видел, что его власть рушится, и объявил Сюрену открытую войну. Тогда все демоны гурьбой накинулись на злополучного монаха и подвергли его страшным истязаниям. Прежде всего они одолели его плотскими желаниями, которые достигли такой страшной силы, что без заступничества Провидения он не мог бы устоять против соблазна и наверное бы впал в грех. Так он сам откровенно признается в своей книге, добавляя при этом, что бунт его грешной плоти продолжался целый год. Случалось в это время, что, произнося экзорцизмы, он вдруг останавливался, совершенно забывая, что хотел сказать; дьяволы в эти минуты отшибали у него соображение и память. Так иногда стоял он над одержимыми по нескольку минут в полном беспамятстве, мучаясь в то же время головокружением, тошнотой и болями в сердце.

Сюрен сам говорит, что то, что случилось с ним, представляло очень редкое явление, так как заклинатели никогда не подвергаются одержимости. Объясняет же он свой особенный случай именно своим особенным усердием, тем, что он уже чересчур донял демонов. И

вот тогда-то, по его мнению, Левиафану и было разрешено свыше подвергнуть Сюрена публичному беснованию. Началось это на Святой неделе в 1635 году. Однажды, в присутствии множества монахов и светских сановников во главе с самим Лобардемоном, у Сюрена приключился сильный припадок. Начались сперва судороги сердца, после которых он повалился на пол, и его начало корчить, как настоящего одержимого. При этом он, как подобает одержимому, выкрикивал неистовые словеса, приводя в ужас всех присутствующих. Его схватили и крепко держали, а он все вырывал свои руки и старался укусить их. Он то бросался на колени, то вновь вскакивал и иногда делал чудовищные прыжки вверх. Само собой разумеется, что при такой удивительной оказии его самого пришлось отчитывать, в, по счастью, овладевший им демон оказался уступчивым. Для всех присутствующих было ясно, что Сюрена мучил тот самый демон, который сидел в одержимой, в то время отчитываемой. Об этом надо было заключать из того, что одержимая вдруг успокоилась и в тот же момент Сюрен стал бесноваться.

Герцог Гастон Орлеанский, брат короля Людовика XIII, из любопытства совершил путешествие в Луден, чтобы посмотреть, что там творится. Как раз в это время одна из одержимых, сестра Агнесса, была истязаема демоном Асмодеем. Экзорцизмы производил иезуит Котеро. Демон был в раздраженном настроении. Он со страшной силой качал голову одержимой взад и вперед, причем ее зубы стучали, как молотки по наковальне, а из горла вырывались дикие, прерывистые звуки. Лицо ее сделалось неузнаваемым, взгляд выражал дикое бешенство. Язык страшно распух и высунулся изо рта. Все это время в ней орудовал демон Асмодей, но вслед за ним выступил на сцену другой демон, Берит, и мгновенно переделал всю физиономию одержимой. Она сделалась веселой, смеющейся, совершенно утратила свое ужасное выражение и стала, наоборот, привлекательной. Вслед за Беритом ее физиономией завладели два новых демона: Ахаф и Ахаос, и каждый из них опять-таки переделал физиономию одержимой по-своему. Но заклинатель прекратил всю эту игру демонов, приказав оставаться в ней одному Асмодею. Физиономия одержимой вновь переделалась на первый лад, — признак, что демоны беспрекословно повиновались заклинателю. На тот этим не удовольствовался и принудил еще Асмодея совершить поклонение Святым Таинствам. Демон, разумеется, не сразу повиновался такому жестокому требованию: но сила солому ломит, и тело одержимой через несколько времени распростерлось на полу. Однако же, в знак своего крайнего неудовольствия, демон подверг жестоким корчам это злополучное тело, которым он овладел. Одержимая испускала ужасные крики, стоны, скрежет, принимала самые невероятные позы, повергавшие в ужас всех присутствовавших. Когда, наконец, одержимая успокоилась, присутствовавший при этом принц Гастон спросил ее, помнит ли она все, что с ней сейчас произошло; она отвечала, что помнит кое-что, но не все. Что касается до ответов, которые она давала, то она их слышала так, как будто бы их проговорил кто-то другой.

Но всего интереснее, по напряженности проявлений, было изгнание демонов из Елизаветы Бланшар. Мы выше уже упоминали об этой здополучной девице. Она не была монашка; она случайно была в монастыре в то время, когда на него были напущены чары, и заразилась ими попутно с монашками. Ей овладело шесть демонов, которые ее истязали больше, чем всех других одержимых. Особенно доставалось ей от Астарота. Заклинания над ней совершал не Сюрен, а другой монах Пьер-Тома. Один из экзорцизмов совершался в присутствии принца Гастона. Заклинатель повелел демону приблизиться к себе. Одержимая тотчас пала на пол в судорогах, охвативших все ее тело; ее лицо мгновенно изменило свой вид, вздулось и побледнело; язык привял необычайные размеры. В таком состоянии она подползла в ногам заклинателя. Монах склонился и приложил ей к губам причастную облатку, причем повелел демону охранять гостию от всякого нечистого соприкосновения. Немедленно вслед за этим демон бросил одержимую на пол, вновь начал ее корчить, выражая ее неистовыми движениями всю свою ярость по поводу присутствия причастной облатки на устах у одержимой. При этом, между прочим, Елизавета выделывала движение, о котором мы не раз упоминали раньше, а именно изгибалась так, что упиралась в пол только носками ног и носом. В это время за ней глядели в оба, опасаясь, что демон прикоснется гостией к полу или даже сбросит ее на пол. И, однако же, «того не случалось. Гостия опускалась так, что между нею и полом оставался промежуток не более, как в лист бумаги толщиной (так сказано в протоколе), но все-таки гостия к полу не прикоснулась. Тогда демон начал, конечно, устами одержимой, изо всех сил дуть, чтобы этим дуновением сшибить гостию, но и это ему не удавалось. Между тем, как можно судить и надо заключить из записей очевидцев этого происшествия, правда, довольно сбивчивых, гостия держалась только одним прикосновением к губам одержимой. Можно было думать, что она прилипла к ним. Ее сняли и осмотрели, и оказалось, что на ней не было ни малейших следов прилипания. Следовательно, надо заключить, что гостия держалась на устах одержимой каким-то чудесным способом.

Принц пожелал видеть всех демонов, бывших в одержимой, т.е. узнать, какими признаками каждый из них проявляется. Заклинатель сейчас же распорядился, и на физиономии одержимой поочередно появились все ее демоны, причем каждый из них изменял ее черты по-своему. Астарот проявился еще иначе. Когда его вызвали по очереди, то у одержимой с правой стороны под мышкой мгновенно вздулся огромный волдырь, в котором ясно прощупывалось биение пульса. Но Астароту приказали удалиться из этого места, и он спустился по правой руке, всю ее подергивая судорогой, до оконечностей пальцев. После того одержимую заставили принять причастную облатку и дали запить ее водой. Затем тщательно удостоверились в том, что облатка была действительно проглочена. Сомнения же по этой части возникли из-за того, что демон употреблял все усилия, чтобы воспротивиться принятию причастия, т.е. его проглатыванию, сжимая судорогой горло одержимой. Пригласили присутствовавшего при экзорцизме врача произвести осмотр рта одержимой; врач осмотрел рот, даже ощупал его пальцем и затем доложил, что гостия, несомненно, проглочена, а не скрыта во рту. Тогда заклинатель повелел демону чтобы он вернул проглоченную гостию. И вслед за этой командой гостия вновь появилась на языке у одержимой. Ее заставили проделать это движение три раза подряд. Зачем это требовалось и почему это проглатывание а отрывание считалось каким-то чудом, невозможно понять.

Принц Гастон был донельзя поражен всем, что совершилось в его присутствии. Но он пожелал еще больших чудес. Он знал, что одержимые способны читать мысли и исполнять мысленно данные им приказания, и пожелал сделать такой опыт с Елизаветой Бланшар. Он задумал про себя, что должна была сделать одержимая, а заклинатель только сказал демону: «Obedias admentem principis», т.е.: «Повинуйся мысли принца», отнюдь, конечно, не обозначая, в чем заключалась сама мысль. Демон, т.е. одержимая, бросил страшный взгляд на принца, выражавший раздражение на то, что он должен повиноваться, затем одержимая поверглась на колени, подползла к одному из монахов и поцеловала у него правую руку. Восхищенный принц сейчас же во всеуслышание засвидетельствовал, что таково именно и было его желание.

Затем в Луденском деле еще особенно ясно выступила любопытная черта одержимости, именно стигматизация, т.е. проявление знаков на теле. Как мы много раз упоминали, заклинатели приказывали демонам, чтобы каждый из них, выходя из тела одержимой, обозначал свой выход особым признаком, который ему заранее предписывали. В числе этих признаков были и печати, т.е. особые знаки на теле. Так, демон Левиафан должен был, оставляя тело игуменьи, которая была им одержима, наложить у вей на лбу кровавый крест. Этот крест и появился немедленно по выходе демона. Первоначально он имел такой вид, как будто бы на лбу игуменьи были сделаны два надреза или две глубокие царапины, из которых вытекала свежая алая кровь. В одном из отчетов о Луденском деле этот крест был начертан, чтобы показать его фигуру и величину; его две ветви были почти одной величавы, около 1,5 дюймов в длину. У той же игуменьи другие демоны, исходя из тела, оставили другие видимые знаки. Так, на левой руке у нее остались сделанные демоном надписи крупными латинскими буквами: «Iesus», «Marie», «Joseph» и «Francois de Salles». Все эти знаки оставались на теле у настоятельницы иного лет подряд.

II. ДЕМОНИЗМ В ИНДИИ

Теперь мы приступаем к характеристике демонизма, который свирепствовал в последние столетия, т.е. в XVIII и XIX. Здесь нам руководителем будет французский врач Батайль, накисавший громадную книгу в двух томах под заглавием «Le Diable au XIX siècle» («Дьявол в XIX столетии»). Прежде всего считаем не лишним сказать несколько слов о происхождении этой книги, пользуясь для этого пространным предисловием Батайля. Дело в том, что Батайль служил врачом на судне, совершавшем рейсы между Марселем и азиатским востоком. Во время своих беспрестанных плаваний он часто встречал одного итальянца по имени Карбучча. Этот итальянец был купец, производивший торговлю с восточной Азией, которую он часто посещал по своим делам. Часто встречаясь с ним, Батайль крепко с ним подружился.

В одно из своих плаваний Батайль встретил своего друга в чрезвычайно подавленном состоянии. Гак как перед тем он очень долго не видал его, то и заключил, что почтенный коммерсант, по всей вероятности, потерпел какую-нибудь крупную неудачу в своих делах, вследствие чего и повесил нос, что, конечно, было вполне естественно. Он немедленно приступил к Карбучча с расспросами, приготовляясь услыхать от него повесть о его торговых

злоключениях. Карбучча не заставил себя долго упрашивать и, по-видимому, сам рад был излить свое наболевшее сердце перед другом. Но только его злоключения, вопреки ожиданиям Батайля, оказались совсем не коммерческого свойства.

Во время своих многочисленных странствований по торговым делам Карбучча не раз встречался с людьми, интересовавшимися оккультизмом, т.е. тайными науками. Беседы с этими людьми всегда казались итальянцу очень интересными, и он мало-помалу увлекся тайными науками; а тут как раз случай свел его у себя на родине, в Неаполе, с неким Пейзиной, который носил очень громкий титул «владыки, великого командора и генерала, великого Гиерофанта верховного святилища древнего и первоначального восточного учения Мемфиса и Мизраима». В более удобопонятных выражениях это долговязое величание обозначало, что Пейзина был облечен каким-то важным саном в той отрасли масонства, которая себя именует древнеегипетской. Разговорившись с этим Пейзиной, Карбучча изъявил желание поближе ознакомиться с масонством. Пейзина сейчас же предупредительно выступил навстречу его желаниям. Но он ему объяснил, что если прямо и просто поступить в масоны, то придется проходить по всей лестнице масонского чиноначалия. Высших чинов он добьется во всяком случае не скоро, а пока он будет в низших чинах, масоны будут с ним не очень-то откровенны. И, следовательно, этим путем он будет подвигаться вперед очень медленно.

«Но есть другой путь», — продолжал Пейзина, и на вопрос Карбучча, какой это путь, неаполитанец откровенно спросил его:

— Есть у вас металл?
— Что такое? — переспросил в недоумении Карбучча.
— Я спрашиваю, есть ли у вас металл? — повторил Пейзина, и т.к. недоумение Карбучча не прекращались, то он уже без всяких иносказаний разъяснил:
— Эго будет вам стоить двести франков... Вы понимаете?

На этот раз Карбучча, конечно, понял. Они живо сторговались, вот Карбучча во мгновение ока седлался «великим командором храма». Таким образом, им непосредственно был получен один из высших масонских чинов. Разумеется, Пейзина выдал ему и диплом на этот чин. Сей документ открывал перед ним двери всех масонских святилищ, и впечатлительный, жадный до всего таинственного итальянец начал с жаром пользоваться своим правом проникновения во всякие святилища для изучения всяких тайностей.

Сперва все виденное им у масонов не возбуждало в нем никаких подозрений. Но он был прежде всего добрый католик, и мало-помалу в его сознание проскользнул вопрос: согласуется ли все это с учением католической церкви? Очень долгое время он находил успокоение своим сомнениям, но скоро с ним вышел один случай, который, так сказать, перевернул его всего вверх дном. Вот как он сам рассказывал об этом случае Батайлю, дословно записавшему его рассказ.

Во время последнего путешествия в Калькутту Карбучча посетил тамошнее масонское общество так называемых Ре-Теургистов-Оптиматов. Он и раньше посещал это общество, но на этот раз сам Великий Мастер и все подвластные ему чипы встретили гостя с особой торжественностью. За несколько дней перед тем был получен от Альберта Пайка, знаменитого основателя американского палладизма (о нем речь еще впереди), особый чин служения при магических церемониях. По этому случаю калькуттские масоны как раз во время прибытия Карбучча приготовлялись к особому торжественному заседанию, во время которого присланное Пайком заклинание предполагалось впервые испытать. Дело, однако, останавливалось за неприбытием каких-то чрезвычайно существенных принадлежностей, которые с минуты на минуту ожидались из Китая. Что это были за вещи, Карбучча не знал. Он мог только понять, что ожидаемая посылка могла быть добыта только в Китае и что туда за ней был командирован один из калькуттских насовав Шекльтон.

Скоро прибыл и давно ожидаемый Шекльтон со своею драгоценной кладью. Ящик был вскрыт, и Карбучча не без содрогания увидел внутри его три человеческих черепа. Ему сейчас же объяснили, что это черепа трех католических миссионеров, недавно убитых в Китае. Извлекши из ящика черепа, Великий Мастер обратился к братии с такими словами:
— Братья! Наш брат Шекльтон вполне и в точности выполнил почетное поручение, которое мы ему дали. Он виделся с вашими братьями, китайскими приверженцами кабалистического масонства, и при их содействии добыл эти три черепа, которые вы видите. Это черепа монахов из миссии Куан-Си, которых ваши китайские братья самолично казнили,

предварительно предав их ужаснейшим истязаниям, хотя, в сожалению, эти истязания и были недостаточны для этих гнусных проповедников римского суеверия. После того эти черепа были посланы к местному тао-таю (губернатору) для того, чтобы подвергнуть их известному вам поруганию. Ваш брат тао-тай любезно уступил нам их. И вот тут его печать, которая устраняет всякие сомнения в подлинности этих черепов.

Весь этот спич Великий Мастер произнес самым веселым голосом и при этом предъявил присутствующим листок рисовой бумаги, на котором была оттиснута печать — императорский дракон с пятью когтями, печать, которую в Китае могут употреблять одни только высшие сановники.

Видя эти ужасные предметы и слушая эти не менее ужасные речи, Карбучча готов был провалиться сквозь землю, но отступать было уже поздно; тут он впервые понял, какое тяжкое бремя взвалил он на свою благочестивую католическую душу, ввязавшись в это масонство. Но делать было нечего и на этот раз надо было испить чашу до дна
Между тем, черепа торжественно возложили на стол. Церемониймейстер ложи разместил присутствующих около этого стола в виде треугольника, острый угол которого был обращен к восточной стороне зала. Тогда Великий Мастер взял в руки кинжал, вышел из рядов, подошел к столу и, ударяя кинжалом каждый череп, произносил: «Да будет проклят Адонаи! Да будет благословенно имя Люцифера!»

После этих восклицаний для злополучного Карбучча исчезли последние искры сомнений в том, что он находится среди поклонников дьявола. И ему под угрозой лютой смерти предстояло принимать участие во всем, что они собирались делать.

Вслед за Великим Мастером удары кинжалом по черепам и те же восклицания проделали и издали один за другим все присутствующие, а в том числе, разумеется, и Карбуччa. Черепа превратились в груду осколков. Их собрали и бросили в пламя жаровни, которая была поставлена перед статуей Бафомета, украшавшей восточный угол зала. Об этом Бафомете речь впереди.

После сожжения черепов все огни в зале были потушены, и только в руках особого чина, так называемого Великого Эксперта, остался светоч, с которым он поместился около Великого Мастера, приготовившегося читать заклинание, присланное Пайком. О содержании этого заклинания Карбучча ничего не говорит. Он замечает только, что оно заканчивалось какими-то непостижимыми словами Бог весть какого языка, но кажется, что еврейского.

Когда Великий Мастер дочитал до конца заклинания, он, согласно принятому церемониалу, распростер руки в направлении статуи Бафомета, и его примеру последовали все другие. В этот момент в зале, в котором все двери и окна были наглухо заперты, вдруг пронесся бурный ветер. Глубоко под землею раздался ужасающий рев. Факел, единственный, какой оставался горящим, сам собой потух, и в зале воцарилась полная тьма. Раздались страшный треск и грохот. Пол под ногами присутствующих явственно встряхивался, словно весь дом готов был развалиться. Карбучча и ожидал какой-нибудь катастрофы в этом роде каждую секунду. Но ничего такого не случилось. Раздался оглушительный удар грома, и в тот же момент весь зал был залит ослепительно ярким светом, словно в нем зажгли миллион свечей. Но этот свет нисколько не походил на электрический, да и вообще не походил ни на что раньше виденное вашим итальянцем. Было что-то особенное и неописуемое в этом внезапно вспыхнувшем свете.

Как только появился этот свет, взгляды всех присутствующих обратились к востоку.
Там, перед статуей Бафомета, стояло кресло Великого Мастера. Сам Великий Мастер стоял слева от своего сиденья, спиной к присутствовавшим.

И вот через пять или шесть секунд после того, как зал осветился, на кресле Великого Мастера мгновенно появился некто. Карбучча с особенной настойчивостью утверждает что появление было вполне мгновенное. Это не был призрак, который сначала появляется в виде туманного сияния и затем лишь мало-помалу постепенно принимает формы. Нет, Карбучча ясно видел, как на кресле вдруг и без всякой предварительной подготовки явилась человеческая фигура. Ее появление было в полном смысле слова моментальное.
Великий Мастер тотчас опустился на колени перед этой фигурой, а за ним и все другие. Карбучча уверяет, что он все время смотрел вниз, не осмеливаясь поднять глаза и направить взгляд в сторону востока.

Прошло несколько секунд, показавшихся нашему герой веками. После того Карбучча услыхал голос, говоривший:

— Встаньте, дети мои; садитесь и не бойтесь ничего.

Все повиновались и расселись по своим местам. Тут только Карбучча решился, наконец, рассмотреть внимательно явленную фигуру. Он и раньше видал на собраниях масонов и всяких оккультистов, на которые ему открывал широкий доступ его диплом, явления всевозможных духов и привидений. Но то и были лишь призраки, туманные, неясные, неосязаемые, которые легко можно было истолковать, как фокусы, проделанные посредством волшебного фонаря.

Тут же перед ним было совсем иное. Он видел перед собой ясную, законченную, вполне реальную форму. Это была фигура человека совершенно обнаженного и облитого ярким сиянием. Он подумал было, что это живой человек, на которого направлен сноп электрического или друмондова света. Но такое толкование не выдерживало критики. Искусственный свет исходит из одной точки и оставляет чрезвычайно яркий след в воздухе. Видно, что свет выходить из малого светоча и от него веерообразно расходится в том направлении, по которому его пустили. Тут же было совсем не то. Не видно было никакого постороннего света, падавшего на появившуюся фигуру. Напротив, ясно было видно, что свет исходил из самой фигуры и от нее распространялся во все стороны в виде сияния. В этом не осталось никакого сомнения, когда фигура поднялась на ноги и пошла. Эта был сам сатана Люцифер. Всегда ли он появляется в таком виде — этого Карбучча не звал. На этот раз он видел перед собой совершенно обнаженного мужчину, которому на вид можно было дать 35–38 лет. Это был человек высокого роста, без усов и без бороды; он был худощав, хотя вовсе не тощ. Лицо у него было красивое, с тонкими чертами, с выражением достоинства. Во взгляде просвечивала какая-то грусть. Углы губ были слегка сморщены меланхолической улыбкой. Как уже сказано, он был совершенно обнажен, и его тело, стройное, как у Аполлона, было ослепительно белое с легким розовым оттенком.

Он заговорил на чистейшем английском языке, и чарующий звук его голоса, по словам Карбучча, навсегда остался у него в памяти.

Он говорил:

— Дети мои! Тяжела борьба против моего вечного врага. Но мужайтесь и никогда не поддавайтесь отчаянию. Окончательная победа за нами. Я счастлив, сознавая, что меня любят в этом убежище куда проникают только люди, достойные меня. И я тоже люблю вас. Я буду защищать вас против ваших недругов. Я пошлю вам успех во всех ваших делах. Я приуготовляю вам безграничные и бесчисленные радости в тот день, когда вы исполните ваше дело на сей земле и воссоединитесь со мной. Избранники мои бесчисленны. Звезды, блещущие на тверди небесной, светила, которые вы видите и которых не видите, не так многочисленны, как те фаланги, которые меня окружают во славе моего вечного господства. Итак, трудитесь, трудитесь беспрестанно ради освобождения рода человеческого от суеверия. Благословляю труды ваши. Никогда не забывайте награды, которая вам обещана. Особенно же не бойтесь смерти, которая будет для вас только вступлением в непреходящее блаженство царства моего. Размножайтесь в сем мире и любите меня всегда, как я люблю вас, о дети мои возлюбленные!

Произнеся этот патетический спич, сатана подошел к Великому Мастеру, некоторое время смотрел ему прямо в глаза, потом от него перешел к другим высшим чинам ложи, их тоже осчастливил своим пристальным взглядом, а затеи начал обход всех остальных присутствовавших в зале. Сначала все было полаялись с мест, но он сделал знак рукой, приглашая публику оставаться на местах. Он внимательно смотрел в глаза каждому из присутствовавших, как бы изучая каждого из своих новых избранников.

Подойдя к Карбучча, он остановился перед ним и, быть может, признав в нем совсем нового и даже постороннего человека, стал смотреть ему в глаза с особенным вниманием, как бы стремясь проникнуть своим взглядом в самую глубь его души. Карбучча подумал даже, что во взгляде сатаны при его исследовании мелькнуло некоторое недоверие. Карбучча помнил, что, остановясь около его соседа, сидевшего рядом с ним и раньше его удостоенного внимания, сатана улыбнулся ему. Рассматривая же Карбучча, он уже не только не улыбнулся, а наоборот, слегка нахмурил брови. «Я отдал бы десять лет своей жизни, — говорил Карбучча, — за то, чтобы в эту минуту быть от Калькутты за пять тысяч верст». Но

сатана недолго протомил его и перешел к его соседу.

Обойдя все собрание, он выступил на середину зала, быстро обвел глазами всю публику и затем приблизился к соседу Карбучча сидевшему слева от него, к тому соседу, которому он раньше приветливо улыбнулся. Это был тог самый Шекльтон, который привез черепа миссионеров из Китая. Подойдя вновь к Шекльтону, Люцифер сказал ему:

— Дай мне руки!

Шевльтон протянул ему руки, и Люцифер взял их в свои. Шекльтон весь вздрогнул от этого прикосновения, словно его ударило электрическим разрядом, и испустил нечеловеческий крик. В то же мгновение Люцифер исчез и весь зал вновь погрузился в полный мрак. Зажгли огни и осветили зал. Все взоры обратились на Шекльтона. Он сидел неподвижно на своем кресле, с откинутой назад головой и чрезмерно выпученными глазами. Он был мертв. Тогда Великий Мастер, в виде надгробного напутствия умершему произнес:

— Слава бессмертная брату нашему Шекльтону, избраннику нашего всемогущего божества!

Карбучча лишился чувств и не помнил, чем окончилось заседание. Он очнулся где-то уже в другой комнате, куда его вынесли и привели в чувство.

С этой поры Карбучча впал в мрачное отчаяние, опасаясь за участь своей грешной души. Ему оставался единственный шанс спасения — полное покаяние в искупление своего греха. И вот в этом-то состоянии его и повстречал доктор Батайль.

Он в свою очередь был глубочайше потрясен чудесными приключениями Карбучча, рассказ которого не дал ему спать всю ночь. Он обдумывал все слышанное на тысячу ладов, и его душа доброго католика была глубоко потрясена этой властью сатаны над грешным миром. Ему непременно хотелось сделать с своей стороны что-нибудь, совершить какой-нибудь подвиг благочестия, который бы засвидетельствовал о его усердии. Долго и упорно размышляя над этим, он, наконец, в привял решение самолично исследовать демонизм на всем свете и во всех его проявлениях, затем все это подробно описать и издать в виде поучения всему христианскому миру. Таким образом лежащая перед нами книга его и является результатом и памятником его благочестивого подвига.

Карбучча своими рассказами и воспоминаниями оказал Батайлю чрезвычайно существенное содействие. Благодаря ему, Батайль знал, куда, как и к кому надо обращаться для того, чтобы проникнуть во всякие святилища оккультизма и изучить на деле и на месте всякого рода демонопоклонство. Всего драгоценнее был, конечно, адрес того самого Пейзины, неаполитанского масона, который оказался таким покладистым поставщиком дипломов на высшие масонские чины и звания. Батайль, разумеется, прежде всего и направился в Неаполь. Он без труда отыскал Пейзину и живо свел с ним дружбу. При своих беседах с неаполитанцем он не преминул блеснуть своими познаниями по части оккультизма, добытыми от Карбучча. Пейзина видел в нем, что называется, своего человека, что, конечно, еще более способствовало их сближению. Коротко говоря, истратив всего лишь пятьсот франков, Батайль был произведен в чин масонского «верховного великого мастера» ad Vitam, т.е. пожизненно.

Предприняв свое исследование, Батайль прежде всего отправился в Индию, и его первая встреча с демонопоклонниками произошла на острове Цейлоне. Вот как он описывает эту встречу.

Он сидел на веранде гостиницы, когда перед ним появилась толпа туземных фокусников, обычно промышляющих вокруг приезжих европейцев. Всех их было семеро. В середине их группы держался их главарь, который и показывал разные штуки; другие же, видимо, только помогали и прислуживали ему. Этот главный маг сразу обратил на себя внимание Батайля своей замечательной внешностью. Это был старец, отличавшийся почти неимоверной худобой. Одет он был в какие-то лохмотья, сквозь которые виднелась его черная, грязная, туго обтягивавшая кости кожа. Кидались в глаза его чрезвычайно длинные руки и ноги, походившие на лапы зверя и оканчивавшиеся тоже как у зверя, скорее когтями, чем ногтями. Видно было, что к его густым всклокоченным седым волосам ни разу в жизни не прикасались ножницы. Глаза его горели, как раскаленные угли. Он обладал громадным ртом, чуть не до ушей. Сквозь постоянно раскрытые губы виднелись зубы, совершенно це-

лые, исправные и белые, как снег, что особенно изумляло в этом чудном старце. Он обладал особенным магнетическим взглядом, который невольно притягивал к себе глаза тех, на кого он смотрел.

Батайль заметил, что старик, проделывая свои штуки, то и дело посматривает на него и при этом как-то особенно играет глазами, как бы усиливаясь привлечь на себя внимание Батайля. Пока Батайль старался разъяснить себе значение этой игры, он вдруг услыхал позади себя какой-то шорох. Обернувшись назад, он увидал около себя одного из служителей гостиницы, который в ту же минуту наклонился к нему и произнес:

— Сата хочет с вами говорить. Он знает, кто вы. Его воля сестра вашей волн. Он вас поведет.

Батайль был ошеломлен. Он первый раз в жизни видел этого Сату, очень хорошо помнил, что старый фокусник ее двигался с места и никак не мог вступить в сношения с тем служителем, который говорил с Батайлем. Значить, между ними были какие-то таинственные условные пути сношений.

Между тем, бродячая труппа кончила свое представление и собиралась уходить. Батайль смотрел на старого фокусника не отводя глаз. И вот он видит, что старик, уже уходивший с веранды, вдруг обернулся, взглянул на Батайля, положил левую руку на сердце, а правую руку опустил книзу, причем все пальцы на этой руке были загнуты, кроме указательного, который был вытянут книзу и как бы указывал на землю. Старик осторожно, но явственно подмигнул глазом, очевидно, делая этим приглашение Батайлю следовать за ним. Вспомним, что Батайль имел доброго наставника в деле оккультизма, Карбучча передал ему до мелочей все, что касается обычной обрядности всевозможных тайных обществ. Потому и жесты старого фокусника были для него совершенно ясны. Это положение рук — одна на сердце, а другая указательным пальцем в землю — указывало, что старик принадлежит к секте демонопоклонников. Одного этого знака было бы достаточно для того, чтобы Батайль за ним последовал, если бы он сам тоже был демонопоклонник. Но старик не был в этом уверен, и потому на всякий случай подмигнул еще глазом, т.е. употребил знак, каждому понятный. Батайль тотчас решил следовать за ним и ответил ему утвердительным кивком. Старик со своими спутниками спокойно спустился с веранды и отправился по улице. Батайль пошел вслед за ними. Когда он приблизился к старику, тот приветствовал его по обычной манере индусов, положив левую руку на голову и склонившись чуть не до земли. Затем он обратился в Батайлю с вопросом на ломаном французском языке:
— Ты доктор корабля?

— Да, — ответил Батайль.
— Тогда ты идешь смотреть больную Махмах, умрет или нет?

Батайль ответил согласием. Старик предупредил его, что идти надо далеко. Батайль отвечал, что это ему все равно. Старик вновь предупредил, что платы за визит он не получит. Т.к. Батайль и перед этим не отступил, то старик подозвал носилки, Батайль уселся в них, в все двинулись в путь. Путешествовали они весьма продолжительное время, часа два, очутились за городом, продрались сквозь чашу первобытного леса и, наконец, прошли на какую-то лужайку, посреди которой стояла одинокая хижинка. Здесь шествие остановилось. На пороге хижины сидела обезьяна, на земле, около нее, лежала и спала, свернувшись, очковая змея, а вверху, на перекладине двери, висела, по обыкновению вниз головой, громадная летучая мышь. Сата издал какой-то особенный гортанный звук, и эти три странных стража хижины сейчас посторонились и пропустив пришедших. При этом обезьяна раскрыла рот и довольно отчетливо произнесла приветствие на туземном языке. Очевидно, Батайль принял за обезьяну туземца, который, вероятно, по внешности мало отличался от обезьяны. Батайль признается откровенно, что он был не очень-то спокоен духом. Все это таинственное путешествие, вкупе с обезьяной, разговаривавшею на человеческом языке, изрядно расстроило ему нервы. Сата заметил это и на своем ломаном французском языке сказал Батайлю несколько успокоительных слов.

Когда все вошли в хижину, Батайль увидал, что эта постройка вовсе не представляла собой жилого места, а нечто вроде сруба над колодцем, который зиял под ногами. Очевидно, в бездну этого кладезя теперь в предстояло спуститься. Он вновь заколебался и спросил старика, куда он ведет его.

— Недалеко, недалеко, — проговорил старик. — Там, там, внизу. Там большой по-

кой мертвых. Там Махмах. Ты будешь смотреть, умрет или не умрет.

Но Батайль все не мог успокоиться и стал задавать старику вопросы: кто он такой, зачем его привел, почему не пригласил английского врача, и т.д. Сата объяснил ему, что англичане «проклятые», и что настанет день, когда «дух» прогонит их из Индии. При этом он объяснил, на вопрос Батайля, что верит в «духа», что «дух» является в нему, говорит с ним; далее, что ему, Сате, известно, что Батайль тоже друг «духа», а следовательно, и друг ему, Сате. На дальнейшие вопросы Батайля он ничего не отвечал, а только приглашал его идти вперед. Иди, дескать, и сам все увидишь. Батайль, наконец, решился. Старик первый спустился в отверстие таинственного колодца. Батайль последовал за ним. Спускались по ступеням, которых Батайль насчитал около шестидесяти. Лестница эта вела в обширное подземелье, освещенное лампой с кокосовым маслом, которое сейчас же дало о себе знать своим удручающим запахом.

На большой куче кокосовых листьев, составлявших что-то вроде возвышенного ложа, лежала скорчившись старая женщина. Батайль подошел в ней и внимательно рассмотрел ее. Это было что-то, чему он и имени не мог придумать. Перед ним лежал иссохший скелет, обтянутый кожей. Старуха едва дышала, с трудом и со свистом. Ее глаза потухли. Батайль, как врач, не имел даже надобности исследовать больную. Для него было сразу видно, что не только дни но и часы ее сочтены. Этот приговор врача, вероятно, был написан на его лице, потому что Сата сейчас же спокойно спросил его:

— Кончено?.. Умрет?.. — И не дождавшись ответа Батайля, он с тем же спокойствием скрестил руки, покачал головой и прибавил:

— Сто пятьдесят два!.. Вот сколько ей годов!

На вопросы Батайля старик разъяснил ему, что Махмах прожила ровно сто лет в этом подземелье, ни на минуту не оставляя его, и что окрестные жители, очень ее почитавшие, постоянно ее навещали. По объяснению Саты, Махмах была факир и служила хранительницей этого подземелья, которое считалось священным местом. «Дух», которого беспрестанно поминал Сата, постоянно посещал старуху. На вопрос, как зовут этого духа, Сата отвечал: Люциф. Батайль теперь знал наверное, что он попал к настоящим поклонникам дьявола, у которых сатана обычно носит название Люцифер и Люциф. Батайль находился, значит, в святилище этих странных сектантов. Эго побудило его с величайшим любопытством осмотреться вокруг.

Подземелье, в которое его привели, имело сажени три в длину и ширину. В стенах виднелись отверстия, которые, очевидно, вели в другие отделения подземелья. С низкого потолка свешивалась лампа; она была медная, с одиннадцатью светильниками. Одиннадцать — число священное у демонопоклонников. При мутном свете этой лампы Батайль различил в стенах несколько ниш, служивших, по-видимому, алтарями; но внутри их ничего не было видно.

Между тем, Сата и другие, кто были подземелье, окружили ложе Махмах и опустились на колени. Во входное отверстие подземелья один за другим проскальзывали новые пришельцы, которых, очевидно, успели известить о смерти старухи. Все они вступал в подземелье, как тени, и, беззвучно подойдя к ложу, становились на колени. Все хранили мертвое молчание.

Старуха хрипло дышала. При малейшем движении слышен был глухой стук ее костей. По временам она совсем затихала и оставалась неподвижной, но потом опять ее дыхание возобновлялось, сопровождаемое все тем же страшным присвистом. Батайль с любопытством врача следил за ее агонией, потому что за всю свою практику он никогда ничего подобного не видал. Это была, как он выражается, сухая агония, без малейшей испарины. Он знал, что душа этой женщины давно принадлежит сатане, и спрашивал себя, остался ли в этом угасающем существе хоть какой-нибудь след божественного духа.

Между тем, старуха вновь затихла. Батайль было решил, что на этот раз дело кончено, но, в его изумлению и ужасу, старуха вдруг медленно приподнялась, села, а затем, словно в ней распрямилась какая-то пружина, она встала на ноги и широко открыла глаза. Батайль невольно отпрянул назад. Перед ним словно призрак появился, потому что в этой страшной фигуре не оставалось ничего человеческого.

Старуха протянула руку по направлению вглубь подземелья, в его дальний угол, остававшийся во мраке. При этом жесте старик, Сата и все присутствующие поднялись и стали зажигать кто лампы, а кто куски смолистого дерева, груды которого лежали в подземелье. Все двигались тихо, на цыпочках, словно тени. В подземелье оказалось всего одиннадцать ламп, каждая с одиннадцатью светильниками. Когда все их зажгли, подземелье ярко осветилось, и тогда Батайль увидел, наконец, его главную святыню.

В отдаленном углу подземелья было устроено нечто вроде большого алтаря, и на нем была поставлена чудовищная статуя. Это и был тот самый Бафомет, о котором Батайлю говорил Карбучча, как о необходимой принадлежности каждого святилища демонопоклонников. Батайль рассмотрел статую во всех подробностях.

Бафомет изображается в виде козла, только оконечность морды, а в особенности ноздри, скорее имеют такую форму, как у быка, а не как у козла. На голове два громадных рога, а посредине, между ними, помещается нечто вроде факела, пламя которого сделано из какого-то красного самосветящегося вещества. На лбу идола помещена звезда из посеребренного металла, с пятью лучами. Верхняя часть тела имеет человеческую форму, с женской грудью. Правая рука согнута так, что умазывает на белый рог луны, изображенный на соседней стене, левой же опущенной рукой Бафомет указывает на другой рог доны, черный. Живот идола покрыт чем-то подобным щиту, состоящим из зеленых чешуй. В атом щите укреплен крест, а на перекресте его — распустившаяся роза. Затем нижняя часть тела закрыта драпировкой, как бы юбкой, из ярко-красной материи. Из-под нее выглядывают козлиные ноги идола. Позади у него приделаны большие крылья, с белыми и черными перьями. Ноги идола опираются на большой шар, на котором спереди что-то начертано. Тут виден и трезубец Нептуна, и что-то вроде китайского иероглифа, и еще какие-то линии вроде молний или стрел. Эта сфера, по словам Батайля. обозначающая земной шар, снизу вся обвита телом громадной змеи, голова которой, с разверстой пастью, приподнята спереди шара и обращена к статуе. Справа от этой центральной фигуры стоит колонна, увенчанная на вершине треугольником, в котором находится изображение глаза. Колонна обвита змеей. Треугольник окружен сиянием из широких лучей. Слева от средней фигуры изображен змей, поставленный на согнутом хвосте. Тело его выгнуто в виде буквы «З»; голова обращена к статуе. Позади головы, по-видимому, изображение солнца — большой круг с таким же сиянием, как около треугольника, поставленного справа. Таково это изображение божества оккультистов, по словам Батайля, повсюду одинаковое, т.к. он созерцал его в таком же точно виде по всей Индии, в Китае, в Париже, в Риме, в Южной Америке и т.д.

Батайль не отрываясь рассматривал это странное божество, а тем временем индусы, бывшие в подземелье, снова опустились на колени, образовав круг. Старуха кое-как дотащилась по земле до середины этого круга. В то же время на сцену выступили новые странные действующие лица. Прежде всего явилась черная кошка с обрубленным хвостом, которая вошла в круг публики. Потом откуда-то выползла очковая змея; она направилась к статуе Бафомета и обвилась вокруг его козлиных ног. За ней явилась обезьяна, усевшаяся слева от алтаря. Наконец, появилась и большая летучая мышь, висевшая раньше дверях хижинки; теперь она повисла на потолке подземелья.

Батайль стоял в стороне, поодаль, чтобы окидывать взором всю сцену. Он видел, что один из индусов, сопровождавших Сату в гостиницу, подал Сате масонскую перевязь, совершенно такую, какая была получена самим Батайлем от Пейзины. Сата передал перевязь Батайлю, приглашая его ею препоясаться. Взяв перевязь в руки, Батайль, к несказанному своему изумлению, увидел, что это его собственная перевязь, полученная от Пейзины. Но как она попала в руки фокусникам? Она лежала в его номере, спрятанная в чемодане. Кто ухитрился ее оттуда выкрасть? Очевидно, либо сами фокусники, либо кто-нибудь из служителей гостиницы, состоявших с ними в тесных сношениях. Сата, хорошо ловимая его изумление, поспешил его успокоить на своем ломаном языке:

— Ты хороший. Ты друг, мы никогда у тебя не будем воровать. Дух хранит тебя! Ты друг, ты никому не скажешь.

Узнав по этой перевязи, что Батайль масон, Сата был совершенно спокоен на его счет, был уверен, что Батайль не выдаст их тайны. Ему нужен был врач для исследования умиравшей Махмах. В числе местных врачей-англичан не было ни одного оккультиста, и потому он, узнав по украденной его людьми перевязи, что Батайль масон, и решил обратиться к нему, как к своему человеку. Батайль тут же имел случай убедиться в том, что верховные сановники всяких тайных обществ находятся между собой в постоянном общении.

Сам Сата был, очевидно, важным чином среди демонопоклонников. Как только Батайль возложил на себя масонскую перевязь, Сата шепнул ему условный пароль масонов: «Изида». Батайль ответил ему словом: «Озирис». Этот обмен условными словами немедленно сделал их братьями.

Теперь Батайль задавал себе вопрос: что будет дальше со старухой Махмах? Ясное дело, что она сейчас умрет, и тогда все эти люди, ее поклонники, приступят к ее погребению. Как оно будет происходить? Это было очень любопытно.

Сата еще раз обратился к Батайлю с вопросом:

— Махмах кончена, выздороветь нельзя?

Батайль отвечал, что на выздоровление старухи нет никакой надежды, что она умрет до вечера. Тогда Сата молча отошел от него, приблизился к индусам и что-то говорил им. Выслушав его, люди вложили вокруг старухи груду смолистого дерева и зажгли его. Двери подземелья были открыты, и образовалась довольно сильная тяга воздуха, но все-таки от огня и дыма сделалось жарко и душно. А индусы все подбрасывали в костер кусни дерева, между которыми были, очевидно, дорогие благовонные породы, потому что дым имел приятный запах и понемногу заглушал тяжелый смрад кокосового масла, который раньше царил в подземелье.

Костер был сложен так, что в первое время пламя не касалось старухи, а только окружало ее со всех сторон. Умирающая сделала, нечеловеческое усилие, поднялась на ноги и стояла, окруженная пламенем костра. Потом она вытянула руки и стала медленно и плавно. кружиться. Тогда все присутствующие запели гимн демонопоклонников. Сата продиктовал Батайлю этот гимн на туземном языке, и Батайль его записал и приводит в своей книге. Вот точный перевод этого гимна:

«Став людьми с добродетельным духом, мы перенесемся через гористую область удручающего истребления; мы переедем через пустыню сгруженного гнева на колеснице терпения, располагающего к покаянию; мы будем держать путь через лес любви и через плодородную почву хищения; и на минуту остановившись на опустошенном берегу забвения, мы достигнем океана верховной цели — Люцифера».

Нельзя сказать, чтобы это песнопение блистало смыслом, но в нем, конечно, есть своего рода дикая поэзия. Батайль и сам сначала ничего не понимал в туманных и даже как бы бессмысленных выражениях этого гимна, но уверяет, что впоследствии вполне уразумел их.

По окончании пения гимна Сата взял в руки горящее полено и очертил им в воздухе круг перед статуей Бафомета. Старуха продолжала медленно кружиться среди огня. Публика опять что-то запела тихими гнусливыми голосами. Темп пения постепенно учащался, а вместе с тем и старуха кружилась все быстрее и быстрее. После каждого пропетого куплета пение на минуту приостанавливалось, и публика во время этих перерывов подгребала огонь все ближе и ближе к центру круга, т.е. к старухе. Батайль с ужасом смотрел на это медленное поджаривание полумертвой старой грешницы.

Вдруг Махмах испустила дикий и резкий крик и остановилась, повернувшись лицом к Бафомету. В то же время присутствующие грянули во весь голос свой чертовский гимн, вооружились железными вилами и начали со всех сторон подгребать к старухе раскаленные угли и пылающие головни. Она все еще стояла совершенно неподвижно среди этого круга огня. Бывшие на ней клочки одежды быстро сгорали один за другим. Ее кожа вея почернела от огня и дыма, а ужасная седая голова отсвечивала ярким красным светом от пламени костра. Батайль понять не мог, какими силами она все еще продолжала держаться на ногах среди этих снопов пламени. Но она держалась стоя до последнего издыхания. Она вдруг вся опустилась книзу и исчезла в огне.

Пение сейчас же прекратилось, и вся публика, собравшаяся в подземелье, в один голос испустила торжественный и радостный клич. Все принялись сгребать жар в одну кучу и подкидывать топливо. Костер быстро разгорелся, пламя смолистого дерева приняло громадные размеры, в подземелье настала ужасающая духота. Через несколько минут сожжение кончилось; от старухи остался лишь белый порошок ее костей. Батайль, раньше присутствовавший при сжигании трупов, был поражен этой артистической быстротой сжигания.

Когда все было кончено, Сата подошел к статуе Бафомета и громким голосом трижды воскликнул:

— Inri! Inri! Inri!..

И в ответ ему из догорающего костра раздался глухой голос, проговоривший четыре латинских слова: «Igne Natura Renovatur Integra.

Эта дьявольская фраза, как можно судить по начальным буквам слов (I.N.R.I.) представляет собой явную пародию на надкрестную надпись. Приведенные же латинские слова означают: «Огнем вся природа обновляется».

Когда все было кончено и Батайль выбрался из подземелья, к нему подошел Сата, горячо поблагодарил его и затем, отведя в сторону, сказал ему:

— Ты великий масон, великий... Но ты не знаешь Люцифа. Ты не факир. — И затем, подавая Батайлю какую-то вещицу из зеленоватой бронзы, он прибавил: — Возьми, ты, друг, возьми лангам Люцифа. Тебя с ним пустят везде: Индия, факиры, Китай, везде, везде... Ты друг хороший, хороший...

Амулет, врученный Сатой Батайлю, в самом деле представлял собой лингам, но особенный, крылатый. Что такое лингам, этого мы объяснять читателям не решаемся. Это священный предмет, носимый почитателями бога Шивы. Но о внешнем виде этого предмета рекомендуем осведомиться у любого знатока индусской религии. Батайль был чрезвычайно доволен этим подарком. Теперь у него, кроме масонского диплома, был еще и священный талисман демонопоклонников.

Следующее приключение Батайля, т.е. его новая встреча с демонопоклонниками, произошло в Пондишери. Читатели, без сомнения, помнят, что у французов в Индостане есть небольшая колония, с городком, носящим вышеприведенное название. Батайль слыхал, что около Пондишери существует храм каких-то сектантов, вероучение которых заключает в себе черты поклонения демону. Ему хотелось видеть этот храм, но не хотелось узнавать о нем от европейцев. Поэтому он обратился к одному из местных жителей-французов с просьбой указать ему кого-нибудь из туземцев, кто мог бы руководить ям при осмотре местных древностей. Батайль прикинулся простым археологом, интересующимся постройками, храмами, памятниками, нравами и обычаями и вообще всякой стариной. Француз сейчас же любезно познакомил его с великим знатоком местных древностей, старым индусом, носившим необычайно долговязое имя: Раммасамипунотамбипаледобачи. Батайль в своем рассказе постоянно сокращает это имя на первых трех-четырех слогах.

Этот Рамасса... (и т.д.) был почтенного вида старец, черный, как вакса, с густейшими седыми волосами и окладистой седой бородой. Батайля поразила в нем одна черта сходства с вышеописанным Сатой. У него, как и у того старца, рук напоминали птичьи лапы с когтями, так что Батайлю невольно пришла в голову догадка: не является ли эта черта общею приметой демонопоклонников-индусов?

Батайль переговорил со стариком и живо с ним поладил. Они наняли носилки, уселись в них и оправились. Старик было начал что-то рассказывать, но Батайль перебил его и постарался сразу установить на надлежащей точке, т.е. объяснил, что его интересует только то, что прямо в непосредственно относится до местных туземных религиозных сект: что он желает видеть храмы, святилища, святые, и проклятые небом места, и т.д.
Рамасса устремил на него испытующий взгляд, тряхнул головой и сказал:

— Я знаю, повял, сейчас отправимся.

Он отдал какое-то краткое приказание носильщикам, и те прибавили шагу. Скоро они выбрались из города, и тогда Рамасса... вдруг спросил Батайля:

— Сколько вам лет?
— Одиннадцать, — отвечал Батайль.

Мы уже упоминали о тои, что одиннадцать — священное число у демонопоклонников. Давая такой ответ, Батайль соображал, что если его проводник демонопоклонник, то он поймет, что Батайль его собрат, и тогда оставить всякие церемонии и покажет Батайлю все,

что тому было желательно видеть. Однако старик оказался не особенно доверчивым и, предосторожности ради, сделал Батайлю подробный допрос. Т.к. дело было секретное, то он сошел со своих носилок, подошел к носилкам Батайля и говорил тихо.

— Откуда вы пришли? — спросил он.
— Из вечного пламени, — отвечал Батайль, припоминая наставления своего учителя по части демонизма, Карбучча.
— Куда вы идете? — продолжал Рамасса...
— В вечное пламя.
Рамасса был, очевидно, в значительной мере успокоен такими ответами, потону что вслед за ними перешел с Батайлем «на ты».
— Стало быть, ты его знаешь, отца?
— Знаю и горжусь этим.
— Кто ты?
— Мой отец тот, кто все может. Я ничего не могу без него. Я лишь приемный сын его.
Тогда старик протянул ему руку, согнув пальцы в крючок. Батайль сделал то же самое, и они соединили свои руки этими крючками.
— Какой час труда твоего? — продолжал спрашивать старик.
— Три часа после полудня.
— Как откроются перед тобой двери святилища?
— Когда я произнесу священное слово.
— Скажи его.
— Баал-Зебуб.

В то же время Батайль вынул из кармана крылатый лингам, врученный ему Сатой, и показал его старику. Тот низко поклонился и пробормотал:

— Сын господина моего, ты мой господин.

Старик снова уселся на носилки, и на этот раз уже сам Батайль распорядился, чтобы он проводил его в храм пондишерийских демонопоклонников. Туда они и направились. По дороге старик сообщил Батайлю, что в то время в Пондишери гостил один из влиятельнейших американских масонов и демонопоклонников Джон Кембелль. Рамасса послал к этому Кембеллю встречного индуса предупредить его о прибытии гостя.

Мы не будем подробно описывать все те церемонии, с которыми Батайль был допущен в таинственный храм демонопоклонников Церемония состояла все в тех же вопросах и ответах, в обмене условными словами. Будем продолжать рассказ Батайля с того момента, когда он уже проник в самое святилище. Это было подземелье какого-то обширного, давно уже заброшенного индусского храма. Оглядевшись вокруг, Батайль увидел ужасы неимоверные. Оказалось, что это святилище служило, между прочим, местом заключения факиров-самоистязателей. С потолка свешивались фигуры, возбуждавшие невольное содрогание. Это были живые люди, подвешенные к потолку за руки. Разумеется, все они пришли в состояние скелетов, обтянутых кожей. Висели они с полной неподвижностью, не издавая ни стона, ни звука. Иные из них лишь по временам тихо, тихо поворачивались, быть может, от скручивания и раскручивания веревок, на которых были повешены.

Но еще ужаснее было зрелище замурованных факиров. Дело в том, что в стенах святилища были сделаны 33 ниши: одиннадцать на западной стороне, одиннадцать на южной и одиннадцать на северной. Эти ниши имели самую разнообразную форму. Двадцать ниш были пусты, остальные же тринадцать были заняты. В первое мгновение могло показаться, что в них были вставлены статуи каких-нибудь туземных божеств. Но Батайль скоро убедился, что это были не статуи, а живые люди. Т.к. фигуры ниш были разные, то и позы этих людей были тоже различны. Они были вставлены, втиснуты в эти ниши, совершенно подобно тому, как ювелиры вставляют в футляры браслеты, брошки, кубки и т.д. Только разница в том, что у ювелиров футляр делается по вещи, а тут было наоборот: человеческое тело приспособлялось к нише и принимало ее форму.

Само собой разумеется, что в святилище, как и у всех других демонопоклонников, находилась статуя Бафомета. Великим Мастером этой адской масонской ложи был престарелый факир, который отнесся к Батайлю с большим вниманием, как к почетному гостю. Видя, что Батайль заинтересован, если можно так выразиться, до ужаса зрелищем факиров-самоистязателей, он счел нужным дать ему кое-какие объяснения. Оказалось, что многие из

них далеко не новички в этом святилище. Так, например, один из них висел тут будто бы уже десять лет, а другой оставался замурованным двадцать пять лет. Отнюдь не ручаясь за достоверность этих цифр, мы можем, однако, сказать, что такие самоистязания — самая обыкновенная вещь в Индии Всем этим добровольным мученикам каждый день давали есть и пить, разумеется, лишь в таком количестве, чтобы они не умерли с голода. Что же касается до продуктов их пищеварения, то невыносимый смрад, царивший в святилище, явно свидетельствовал о том, что этот вопрос никого и ни малейшим образом не занимал.

Дальнейшая церемония открылась речью Кембелля, который заклинал публику оставаться верной своей древней прародительской вере, а главное, не слушать католических миссионеров.

Когда был окончен этот спич, Великий Мастер объявил, что сейчас будет приступлено к вызыванию духа.

В качестве вежливого хозяина, он обратился к своему гостю Батайлю с вопросом: какого духа желает он видеть? Батайль отвечал, что ему все равно. Тогда Кембелль предложил вызвать Баал-Зебуба.

Потушили все огни, кроме одного. Церемониймейстеры раздали присутствовавшим бронзовые пентаграммы, которые у всех оккультистов носят название «Соломоновой Печати», и еще другой формы металлические знаки, тоже звездообразные, носящие название «микрокосм». Пентаграмма надевается на шею, а микрокосм держат на правой руке. Затем и последний факел был потушен, а для освещения принесли особую лампу причудливой формы, с девятью огнями, расположенными группами, по три в каждой. Это была особая волшебная лампа, употребляемая при заклинаниях. Ее поставили на предназначенный для этого столик с пятью углами. Принесли также другие инструменты и принадлежности для вызывания духов. Явилась на сцену какая-то палочка, похожая на шпагу; ее принял в руки Великий Мастер. Принесли шпагу, которую предложили Батайлю, но он скромно отклонил от себя эту честь, и шпага была передана Кембеллю. Принесли еще треножник и поставили его по середине святилища. На «том треножнике и должен был появиться вызываемый дух. Затем начались заклинания.

Прежде всего Великий Мастер сделал воззвание к четырем элементам: воздуху, огню, воде и земле. Он дунул на все четыре стороны, и это обозначало воззвание к воздуху. Воззвание к воде состояло в том, что он простер руки над сосудом с водой, который держал Кембелль, при этом в воду были брошены щепоть соли и щепоть золы. Потом он поднес Кембеллю жаровню с углями, на которые Кембелль бросил щепоть соли, ладана, белой смолы и камфары: это была жертва огню. А в виде жертвы земле Великий Мастер побрызгал водой вокруг жертвенника.

Во время этих церемоний присутствовавшие стояли неподвижно, вытянув руки, в которых держали микрокосмы, направляя их острый угол к треножнику, на котором ожидалось появление духа. Великий Мастер начал читать заклинания на латинском языке, и Батайль был поражен его правильным и твердым произношением. Этот индус владел латынью, как европейский доктор.

После заклинаний начали читать какие-то особые воззвания, причем Великий Мастер и Кембелль чередовались между собой. Они читались на местном языке. Батайль потом попросил продиктовать ему эти заиливания и перевести их на французский язык. Впоследствии он убедился в том, что текст этих воззваний остается слово в слово один и тот же, в какой бы местности и на каком бы языке их ни произносили. Очевидно, текст этот принят всеми демонопоклонниками. Мы не будем приводить здесь полного перевода, а приведем только начало первого воззвания. Вот оно:

«Дух света, дух премудрости, дыхание которого дает и воспроизводит образ всего сущего; ты, перед лицом которого жизнь существ лишь преходящая тень; ты, воздымающий облака и шествующий на крыле ветров; ты, дыханием которого населяются бесконечные пространства; ты, дыхание которого возвращает в тебя все, что от тебя исходит; ты, бесконечное движение в вечной нерушимости, будь благословен!»

В таком роде были все четыре воззвания или молитвы, как их называет Батайль. Поочередно читая их, Великий Мастер и Кембелль все время стояли около самого треножника; их окружали со всех сторон остальные нрисутствовавшие, образуя цепь.

Великий Мастер, державший в руках волшебный жезл, сделал им 33 удара о треножник, приостанавливаясь на некоторое время после каждых одиннадцати ударов, т.е. после одиннадцатого и двадцать второго. Потом тем же жезлом он начертил на полу волшебную пентаграмму, «Печать Соломона». Покончив с этим, он громким голосом произнес те слова, которые оккультистами называются «Общим Заклинанием» или «Заклинанием Четырех». Это заклинание и представляет собой главную формулу вызывания духов. Первая половина этой формулы произносится обязательно на латинском языке, где бы и кем бы ни произносилось заклинание; вторая же половина произносится на местном языке. Курьеза ради, приводим полный текст этого заклинания. Вот его первая латинская половина:

«Caput mortuum, imperet tibi Dominus per vivum et devotum serpentem!.. Cherub, imperet tibi Dominus per Adam Jot-Chavah!.. Aquila errans, imperet tibi Dominas per alas tauri!.. Serpens, imperet tibi Dominus Tetragrammaton per angelum et leonem!..
Raphael! Gabriel! Mikael! Adonai!
Lucifer! Baal-Zebub! Moloch! Astaroth!
Fluat udor per spiritum Eloim! Manet terra per Adam Jot-Chavah! Fiat firmamentum per Jahuvehu Zebaoth! Fiat indicium per ignem in virtute Mikael!».

Далее идет текст на местном языке:

«Ангел с мертвыми очами, слушай и повинуйся сей святой воде (при этих словах Великий Мастер опрокидывает тот сосуд с кодой, в который перед тем бросали соль и воду). Крылатый вол, работай или возвратись в землю, если не хочешь, чтобы я приколол тебя этой шпагой (при этом Великий Мастер хватает шпагу и машет ею по воздуху). Скованный цепью орел, повинуйся этому знаку или обратись вспять перед сим дуновением (Великий Мастер очерчивает своим жезлом знак пентаграммы в воздухе и дует перед собой). Змея ползучая, приблизься к моим стопам или подвергнись пытке священным огнем и испарись в благовониях, которые мы на нем сжигаем (Великий Мастер бросает в жаровню несколько зерен ладана и мешает угли концом шпаги). Да возвратится вода в воду! Да палит огонь! Да движется воздух! Да падет земля на землю! Силой пентаграммы, утренней звезды, Люцифер! И во имя тетраграммы, которая вписана в середине светлого креста! Аминь».

В то время, как Великий Мастер выкликивает имена Рафаила, Гавриила, Михаила и Адонаи (в латинской половине текста), он делает жест, выражающий отвращение, как бы отталкивая от себя тех, кого он называл. Наоборот, при именах Люцифера, Баал-Зебуба, Молоха и Астарота он проделывал кабалистический жест любви, прижимая к своей груди ладони с разведенными пальцами.

Заметим здесь кстати, мимоходом, что Баал-Зебуб то же, что Вельзевул. Произнеся последнее слово «аминь», Великий Мастер до последней возможности возвысил голос и три раза выкликнул имя вызываемого духа:

— Баал-Зебуб!.. Баал-Зебуб!.. Баал-Зебуб!..

Это был самый патетический момент церемонии. Вся публика, с донельзя приподнятыми нервами, стояла вокруг, храня полное безмолвие. Все взоры были обращены, само собой разумеется, к треножнику, на котором должен был мгновенно появиться вызываемый дух. Но, увы, треножник оставался пуст, на нем ровно ничего не появилось.

Великий Мастер вновь проговорил заклинание сначала до конца и на этот раз выкрикнул имя Вельзевула уже не трижды, а девять раз. Треножник по-прежнему блистал своей пустотой.

Великий Мастер и Кембелль, видимо, крепко обескураженные, обменялись многозначительным взглядом. Тогда Великий Мастер, обращаясь к присутствовавшим, возопил:

— Ко мне, братья! Прибегнем к великому заклинанию! Присутствовавшие схватили факелы я зажгли их от огня волшебной лампы. Потом все они выстроились и совершили ход вокруг святилища, причем каждый из них медленно кружился. Разумеется, и Батайлю пришлось принять участие в этом кружении. Проходя перед нишами замурованных факиров, Великий Мастер приостанавливался, кланялся добровольцам-мученикам и просил их молиться об успехе вызывания. В ответ на эту просьбу факиры немедленно начали бормотать заклинания своими замогильными голосами. Совершив ход вокруг святилища, все вновь встали около треножника и ждали. Но треножник все оставался пустым.

— Призыв духа должен быть сделан самым святым из наших факиров! — воскликнул Великий Мастер.

По этой команде несколько человек направились к двери, находившейся в стене, слева от алтаря Бафомета. Эта дверь была в глубокой тени, и Батайль раньше ее не заметил. Дверь была открыта. Она вела в крошечную мрачную каморку, из которой так и хлынул невыносимый смрад гнили. На полу этой каморки лежала человеческая фигура. Когда отворили дверь, узник приподнялся и сел.

— Мак-Бенак! — громко воскликнул Великий Мастер. Вероятно, таково было имя существа, жившего в каморке. На туземном языке эти слова «Мак-Бенак» означают буквально: «Плоть, покинь кости». Этими же словами называется и само святилище. Среди масонов оно известно под названием «Храма тления».

Между тем, Батайль всмотрелся в человека, теперь сидевшего на поду каморки, и, не взирая на свой врачебный навык, был решительно до полусмерти испуган его видом. Все тело этого человека было изъедено крысами; ноги его представляли одну сплошную язву; они гноились, их, видимо, уже начал пожирать процесс омертвения тканей, они были в полном разложении и от них несло трупным смрадом. Но всего ужаснее было лицо этого человека. Окружность одного из глаз была объедена крысами. Глазное яблоко выпало из своей впадины и, держась на какой-то жилке, висело около самого рта. Но лицо было не только спокойно, а хранило даже выражение какого-то блаженства.

Великий Мастер выступил вперед, поклонился этому полутрупу и сказал ему на местном языке:

— Трижды святой факир, мы тщетно призываем Баал-Зебуба. Он не является. Приди к нам на помощь со своим святым словом!

Факир понял, чего от него хотят. Он открыл рот, чтобы заговорить, но вывалившийся глаз всовывался ему в рот и не давал говорить. Он отодвинул его рукой и своим неописуемым голосом прохрипел:

— Баал-Зебуб!.. Баал-Зебуб!.. Баал-Зебуб!..

На его голос отозвались такими же замогильными голосами все замурованные и повешенные факиры, и в святилище несколько секунд раздавались эти страшные призывные крики:

— Баал-Зебуб!.. Баал-Зебуб!.. Баал-Зебуб!..

А призываемый дух все не появлялся.

Между тем, еще в ту минуту, когда Великий Мастер объявил, что вызывание будет совершаться по обряду великого заклинания, два церемониймейстера спустились вниз в подземелье. Один из них скоро вернулся, неся жаровню, наполненную пылающими углями. За ним шла женщина. Жаровню поставили неподалеку от треножника.

Тогда Великий Мастер обратился к пришедшей женщине со словами:

— Женщина, делай свое дело!

Женщина с полным спокойствием, с выражением покорного равнодушия на лице, подвинулась к жаровне и опустила руку в груду пылающих углей. Она, не моргнув глазом, смотрела на свою горящую руку и вдыхала дым и смрад горящего тела, которые поднимались от жаровни.

Тем временем вернулся другой церемониймейстер, спускавшийся в подземелье. Он влек белого козла. Он подвел животное к самой статуе Бафомета, Вокруг него поставили четыре черных свечи. Несколько человек вооружились ножами и прежде всего зверски исполосовали несчастное животное, видимо стараясь причинить ему как можно больше страданий. После того козлу вскрыли живот. Великий Мастер погрузил руку в разрез, вырвал из животного внутренности и, изрыгая самые энергичные хулы против Адонаи, возложил эти

окровавленные куски тела на ступени алтаря Бафомета.

Но и эта жертва имела одинаковую участь со всеми прежними попытками: Баал-Зебуб не являлся.

Тогда, по словам Батайля, разыгралась последняя неимоверная сцена заклинаний.

Двое здоровых индусов выделились из толпы, наклонились над полом святилища, ухватились за что-то, и вдруг оказалось, что в этом месте пола была громадная, тяжелая подъемная плита, прикрывавшая ход в подземелье. Когда плита эта была приподнята, снизу хлынула вонь, от которой Батайль едва не лишился чувств. Там внизу, в этой смрадной норе, валялось восемь человек, буквально заживо сгнивших. Эти восемь еще проявляли некоторые признаки жизни. Но рядом с ними лежали другие, уже мертвые, окончательно сгнившие. Были и такие, от которых оставались одни только скелеты. Вся эта полуживая, полумертвая масса была перемешана с грудами червей, которые копошись в ней, как они обычно копошатся в падали.

— Мак-Бенак, Мак-Бенак! — кричал Великий Мастер в каком-то экстазе, наводившем ужас.

Из ямы выволокли нескольких факиров, которые оставались еще живы, их отнесли к подножию статуи Бафомета и там посадили. Взглянув на них поближе, Батайль, как врач, только подивился, каким чудом они все еще оставались живы. Их тело находилось в полном разложении; у многих вся кожа и мускулы были изъедены насквозь, до самых костей, белые поверхности которых страшно зияли сквозь прогнившие места. К этим полусгнившим останкам не было возможности даже применить имени человеческого существа.

В святилище оказались еще другие подземелья, внутри которых тоже валялись такие же полумертвецы, пожираемые червями. Потому-то это святилище и называлось «Храмом тления». В сущности, весь храм представлял собой сплошное адское кладбище.

Один из церемониймейстеров взял в руки туземную флейту и начал в нее насвистывать, со странными переходами звуков. Эти звуки были призывным сигналом. Как только они раздались, сейчас же из невидимых щелей святилища стали выползать змеи, громадные пауки с волосатыми лапами и гнусного вида жабы.

— Танкам! Танкам! — вдруг возопил Великий Мастер.

«Танкам» на туземном языке означает «человеческое жертвоприношение». Когда раздалось это слово, трое индусов схватили одного из полусгнивших факиров и взвалили его на алтарь Бафомета. Великий мастер вооружился особенным серповидным ножом и, вновь разразившись неистовой хулой против Адонаи, перерезал горло у жертвы. Хлынула кровь; Великий Мастер погрузил в нее руку и обрызгал ею статую Бафомета.

Гады, выползшие из своих нор, все приблизились к алтарю. Змеи вытянулись торчмя на своих хвостах и, надув щеки, издавали свист; жабы в свою очередь издавали какие-то противные звуки. Великий Мастер что-то бормотал на туземном языке, вероятно, молитвы сатане, как полагает Батайль. Голоса замурованных и повешенных факиров тоже примешивались к этому адскому хору. Зарезанный козел все еще изредка вздрагивал ногами. А около треножника все еще стояла та женщина, равнодушно глядя на свою совсем обуглившуюся руку, которую она так и не снимала с углей все время.

Тогда под мрачными сводами святилища еще раз раздался громкий голос Великого Мастера:

— Баал-Зебуб!.. Баал-Зебуб!.. Баал-Зебуб!..

Но и после всех совершенных ужасов, которые, казалось бы, должны были умилить лютое сердце демона, он все также упрямился и не хотел явиться перед своими верными слугами.

Сеанс окончательно не удался.

Кембелль нагнулся к уху Батайля и объяснил ему, отчего, по его мнению, могла за-

висеть неудача. Дело в том, что лишь сам сатана Люцифер обладает даром вездесущности, т.е. может появляться одновременно в разных местах. Другие же, второстепенные демоны, к числу которых принадлежит и Баал-Зебуб, лишены этого дара. Надо было заключить, что в то время, когда его вызывали, он был занят, т.е. присутствовал где-нибудь в другом месте, а потому и не мог явиться на призыв, несмотря на все усердие верующих.

Все рассказанное, без сомнения, весьма страшно и, пожалуй, возможно в этой удивительной стране Индии, где живые люди кидаются толпами под колеса Джагернаутского божества. Но тем не менее, всю эту историю, со всеми ее драматическими подробностями, нам приходится оставить на ответственности почтеннейшего г-на Батайля.

В истории, которую мы сейчас расскажем, самому Батайлю пришлось принять несколько более деятельное участие, чем в предыдущих случаях. Он сам эту историю называет своим «Змеиным крещением».

Около Калькутты простирается равнина, носящая туземное название Даппах. Это нечто вроде открытого кладбища. Сюда, на это пустынное поле, свозят и сваливают всякие трупы и людей, и животных. Среди индусов существует верование, что души людей, которых оставляют сгнивать после смерти на открытом воздухе, осуждены на вечное блуждание, потому что они не могут попасть ни в рай, ни в ад. Эти души часто являются в виде блуждающих огней. Но их можно спасти из этого неприятного состояния. Души таких умерших, т.е. таким способом погребенных, разумеется, в несметном количестве носятся над равниной Даппах в виде блуждающих огоньков. Таким образом, эта равнина в глазах местного населения сделалась местом таинственным и страшным. Среди этой-то равнины и расположены святилища, в которых произошло приключение, называемое Батайлем «Змеиным крещением».

В Калькутте Батайль познакомился с итальянским масоном Креспони. С ним вместе он и посетил эту местность.

Среди голой равнины туг возвышается громадная скала, которая, если на все посмотреть с высоты птичьего полета, напомнила бы пень гигантского дерева, срубленного, как говорится, под корень. Высота этой скалы около 500 футов, а длина около 2 000 футов. Вершина скалы ровная, плоская, и на ней в свою очередь возвышаются три громадные камня, вероятно, обтесанные с боков и с вершины. На верхних площадях этих камней выстроено семь храмов. Это и есть знаменитые храмы демонопоклонников в Махаталава.

Когда Батайль и Креспони приблизились к громадной скале, им навстречу вышел индус, очевидно, стоявший тут в виде часового. Наши путешественники протянули ему руки со скрюченными пальцам (мы выше описали это приветствие), и индус сейчас же признал их за своих и предоставил себя в их распоряжение. Оказалось, что этот индус недурно изъясняется по-французски. Он дал Батайлю кое-какие сведения о храмах. По его словам, на месте их расположения в древности находился большой цветущий город, жители которого поклонялись «истинному» богу, т.е. сатане. Воспылав к ним злобой за это, «злой» Бог (т.е. настоящий Бог) разрушил город причем погибло все его население, более миллиона душ.

Все они и были погребены на этом месте, и многие тысячи лет их души бродили по свету, не находя успокоения. И только с тех пор, как на этом месте утвердились храмы Люцифера, его поклонники и жрецы мало-помалу освободили эти души от их томлений и воссоединили их с Люцифером.

Батайль внимательно изучил всю эту замечательную местность с ее храмами. Но прежде всего надо было взобраться на вершину нижней скалы, а это было невозможно без помощи провожатого. Откосы скалы возвышаются над равниной почти вертикально на 70 сажен, и надо быть птицею, чтобы забраться на ее вершину. Для подъема на скалу в одном месте проделана дыра, местоположение которой известно только обитателям скалы. Индус-путеводитель указал нашим путникам этот лаз, и они через него проникли во внутренний ход, длинный, мрачный и тесный. По обеим сторонам его стояли безмолвные и неподвижные стражи, фигуры которых едва можно было различить в потемках. Все они были вооружены, и было очевидно, что всякий случайный пришлец, чужой человек, был бы ими немедленно убит, так что и след его простыл бы. Провожатый протянул руку Батайлю и просил его в свою очередь протянуть руку Креспони; так и подвигались они вперед по мрачному коридору. Батайль невольно подумал о том, что если бы эти два человека, его спутники, убежденные демонопоклонники, знали, что он только прикидывается их собратом, чтобы

выведать их тайны с самой предательской задней мыслью, его дело было бы плохо.

Все семь храмов сообщаются между собой коридорами, прорубленными в скале. Но темен один только входной коридор, остальные освещены лампами, нещадно заражающими воздух вонью кокосового масла.

Наконец добрались до просторного и освещенного зала, служащего притвором первого храма. Здесь было иного народа — туземцев, колонистов, европейцев; они стояли и ходили группами, разговаривали. Народ был самый разнокалиберный; был среди них даже протестантский пастор!

Креспони, встречаясь тут с своими знакомыми, мимоходом сообщал им о Батайле, что он высший чин масонского египетского ордена, что он уже побывал у факиров на Цейлоне и в Пондишери и что, стремясь достигнуть совершенства, он теперь желает посвятиться в люцифериты. Публика любезно приветствовала Батайля, жала ему руки, поздравляя с благими намерениями.

Подошедший в нему церемониймейстер спросил его, явился ли он только как любопытствующий гость, желающий осмотреть храмы, иди же намеревается принять участие во всех торжествах, какие на тот день были назначены? Батайль пожелал принять участие в церемониях. Тогда церемониймейстер сказал ему:

— Любезнейший брат, я должен вас предупредить, что мы принимаем на ваши церемонии только лиц посвященных. Если же случается, что мы допускаем на них лиц, облеченных высшими званиями иных тайных обществ, то делается это только с соизволения высшего главы нашего общества, как, например, допускам вас, и ее иначе как по испытании мужества гостя.
— Мое мужество не отступит перед испытаниями, — храбро ответил Батайль.
— Вы не боитесь смерти?
— Я сотни раз смотрел ей в глаза.
— Но если смерть держит вас в своих объятиях и вы не в силах оказать ей сопротивление?..
— Испытайте меня, я готов!

Сотворив про себя молитву, Батайль твердо решился на всякие искусы. В эту минуту к нему подошел индус, державший в руке ореховую ветвь с прицепленными к ней бубенчиками; он потрясал веткой, и бубенчики звонко гремели. При этой трескотне дверь храма отверзлась. Индус с погремушками первый прошел в нее, усиленно гремя своими бубенчиками. Один из высших сановников дьявольской ложи Гоббз подошел к Батайлю и просил его войти в храм, поручая себя милости «нашего» бога.

Внутренность этого первого из семи храмов напоминала цирк. Посредине была устроена подковообразная арена, огороженная барьером, как в цирках, а за барьером шли амфитеатром места для публики. На них и расположились присутствовавшие. Батайль же и индус с погремушками были проведены на средину арены. Толстые стены храма заключали в себе ниши, и в них Батайль видел черные фигуры индусов, у которых в руках были какие-то дудки, вделанные в тыквы. Эго, очевидно, были флейты, но не те обычные флейты, какие в Индии употребляются заклинателями змей. Храм был освещен не очень щедро.

Когда публика разместилась по скамьям амфитеатра, на арену привнесли живую змею. Гоббз очень ловко, одним проколом, направленным в голову, мгновенно ее убил. После того он велел Батайлю раздеться совсем, донага; когда Батайль снял одежду, Гоббз подал ему масонский передник, который и составлял весь туалет во время церемонии. Индус с погремушками держался в нескольких шагах от Батайля.

По совершении туалета Гоббз ухватил убитую змею и проволок ее по полу арены вплоть до самого Батайля, как бы оставляя на полу след, ведший прямо к испытуемому. Потом он разрезал змею на куски и ее кровью натер тело Батайля, который все еще не понимал, зачем с ним делают все эти пакости. Остатки змеи сложили в корзину и унесли, а Гоббз отошел и сел на свое место.

Теперь наступило само искушение.

Индус с погремушками вдруг умолк, и в тот же момент индусы-флейтисты в нишах

засвистели в свои дудочки. Сначала их музыка была тихая, медленная, но постепенно она крепла и ее темп учащался. Прошло несколько секунд. Публика хранила гробовую тишину, и в храме раздавался только нежный свист флейточек. И вот к этому свисту присоединился какой-то шипящий шорох внизу, у пола. Взглянув на пол, Батайль увидел, что из щелей на полу, близ барьера, начали выгладывать змеиные морды с сверкающими глазами. Одна за другой змеи начали выползать на арену и двигались из стороны в сторону, пока не нападали на след убитой змеи, который, как сказано, тянулся прямо к Батайлю. Попав на этот след, каждая змея сейчас же устремлялась на нашего неустрашимого исследователя чертовщины. Через несколько секунд он с содроганием почуял на своих ногах холодное тело гадив. Они всползли на его ноги, поднимались выше, обвивали все его тело, и, наконец, их страшные пасти, с яркими глазами, появились на уровне его лица; вся эта куча пресмыкающихся яростно шипела. Батайль был буквально весь покрыт змеями. Сильный мускусный запах, который они издавали, ошеломлял его, вызывал тошноту. Ему невозможно было пошевелиться, потому что тогда он был бы неминуемо укушен. В Индии, стране, удрученной ядовитыми змеями, люди знают, что если змея случайно всползла на человека, то единственный шанс спасения для него — это полная неподвижность; тогда змея, так надо полагать, принимает его за неодушевленный предмет и сползет с него, не тронув его своими страшными зубами; движение же ее встревожит, и она укусит. Если Батайль рассказывает сущую правду, истинное происшествие, а не «не любо, не слушай», то положение его в описываемый момент действительно требовало каменного самообладания.

Ему грозила еще и другая опасность, против которой он был уже вполне бессилен; именно, змеи были очарованы привычной им музыкой, писком флейт, на которых играли индусы в нишах. Случись, — пришло ему в голову, — что эта музыка, по мановению хотя бы того же Гоббза (который мог усомниться в Батайле), прекратилась бы хоть на секунду, змеи, освободившись от чар, немедленно вонзили бы в него свои ядовитые зубы. А почем он знал, какого о нем мнения Гоббз, и почему ему было не предположить, что вся эта церемония искуса не придумана чертопоклонниками просто развлечения ради, чтобы полюбоваться, как нечестивый поклонник ненавистного Адонаи протянет ноги, искусанный змеями? Можно себе представить, как себя чувствовал наш герой.

Батайль говорил, что о зрителях его пытки, сидевших в амфитеатре, он в эти минуты забыл и думать. Он думал лишь об индусах-музыкантах, с трепетом воображая себе то, что произойдет, если они вдруг превратят свою музыку.

Прошло несколько мучительных мгновений. Вдруг раздался голос кого-то из высших чинов:

— Брат, передай!

Слова эти относились к индусу с ореховой веткой. Тот сейчас же осторожно, чтобы не заставить Батайля сделать ни малейшего движения, всунул ему в руку свою ветку с погремушками. Тогда тог же командующий голос произнес:

— Брат Батайль, если ваше мужество слабеет, тряхните этой веткой, и змеи вас оставят.

Но это был обидный вызов: «Если мужество слабеет!»... Батайль тотчас решил показать чертопоклонникам, что его мужество далеко еще не исчерпано. Он оставался по-прежнему неподвижен.

Прошло еще две или три минуты.

— Брат Батайль, — снова крикнули ему, — мы видим вашу энергию, убедились в ней. Можете звонить!

Батайль упрямо безмолвствовал. Ему хотелось проявить себя во всем блеске несокрушимой силы воли. Когда кто-то другой еще раз крикнул ему:

— Будет, довольно, брат! Испытание продолжалось слишком достаточное время. Не играйте с опасностью, просим вас! Освободитесь от змей!

Батайль дошел до полного изнеможения, и дольше мужествовать у него не было сил. Он тряхнул волшебным прутом; раздался сильный звон бубенчиков, и змеи сейчас же

сползли с него. Но, спустившись на пол, они увидали индуса, раньше державшего ветку орешника, и подползли к нему. И в ту же минуту, очевидно, по знаку кого-либо из начальствующих, музыка мгновенно прекратилась.

Что потом произошло, нетрудно угадать. Змеи немедленно кинулись на беззащитного индуса и начали его кусать. Он взревел, как раненый бык, и повалился на пол. Человек пять индусов с факелами в руках, державшихся наготове, сейчас же выбежали на арену и огнями факелов распугали змей, которые немедленно скрылись в свои норы. Между тем, укушенный индус в корчах валялся по полу арены. Его вынесли, чтобы попытаться спасти.

Батайль невольно ощупал себя со всех сторон; не верилось ему, что он остался цел и невредим. Потом он быстро оделся и немедленно был окружен начальством чертовской ложи и гостями. Все наперерыв его поздравляли. Главное, все восхищались тем, что он перетерпел пытку несколько минут после того, как спасительная ореховая палочка с погремушками была ему вручена. Обычно подвергаемые испытанию пользуются ею немедленно. Тем временем на арену вынесли зажженные факелы и поставили около нор змей, чтобы они не вздумали снова выползти. Начальство вышло в соседнюю комнату осведомиться насчет укушенного индуса. Около него возились туземные врачи, с незапамятных времен ознакомившиеся со змеиным ядом и способами борьбы с его поразительно быстрым действием. Змеи были очковые, а от их удушения человек гибнет не более как в четверть часа. Тело укушенного чем-то натирали и в рот ему что-то вливали. Что именно, Батайль не знал; тут орудовала народная медицина, а не та, научная, которую знал Батайль.

— Он не умрет, если наш бог поможет ему, — сказал один из этих эскулапов.

Все вернулись в храм, и секретарь начал читать какой-то отчет, а в это время сосед Батайля, Гоббз, потихоньку объяснял ему происшествие с индусом. Оказалось, что все это произошло далеко не невзначай, а было заранее так подстроено и рассчитано. Каждый раз при таком испытании проделывается одно и то же. Испытуемому хотят представить очевидные доказательства, что с ним не простую комедию разыгрывают с какими-нибудь ручными, дрессированными или обезвреженными, посредством вырывания ядовитых зубов, змеями, а что змеи эти самые настоящие, гибель от них грозит тоже подлинная. Батайль по этому случаю замечает, что у европейских, например, парижских люциферитов соблюдается подобная же обрядность, т.е. испытание новопосвящаемых змеей; только змея у них — одна декорация, бутафорская принадлежность, игрушка на пружине; да и испытуемому во время этого глупого фокуса завязывают глаза, чтобы он не очень испугался. В Индии же все это совершается с соблюдением полной реальности, начистоту и без всякого обмана По окончании чтения отчета ввезли на особой, изукрашенной вышивками ткани укушенного индуса. Ему было видимо лучше, но он все еще был в ненадежном состоянии. Его положили в восточном углу храма, у алтаря Бафомета.

— Братья, — произнес Великий Мастер ложи, — будем просить нашего всемогущего бога о спасении самоотверженного брата нашего, принесшего себя в жертву, чтобы засвидетельствовать, что наши таинства поистине недоступны для робких душ и сердец.

Тогда по знаку Великого Мастера все присутствовавшие опустились на колени. У ног Бафомета лежала большая книга. Это была одна из индусских вед, так называемая Атхарва-Веда. (Батайль по ошибке называет ее Атхарвана-Веда). Это сборник разных заклинаний, заговоров и т.п. Великий Мастер прочел из нее молитву Браме-Люцифу. (Сожалеем, что не имеем под руками этой книги, но сомневаемся, чтобы в ней была такая молитва, т.е. обращенная именно к Люциферу). Потом Великий Мастер семь раз громко свистнул в серебряный свисток. Дверь храма открылась, и в него вошла молоденькая девадаси. Так называются в Индии девушки, состоящие при храмах, посвященные божеству. Самое слово «девадаси» значит «богу данная». Вошедшая девушка была молода и очень хороша собой. Она была одета во что-то сверкавшее тысячами блесток. Она шла особенным манером, раскачиваясь своими просторными бедрами. На шее у ней в виде украшения висела змея. Великий Мастер вновь свистнул, и все встали.

— Сестра Саундирун, — заговорил Великий Мастер, — наш бог посылает тебя для исцеления одного из наших братьев, которому угрожает гибель. Ты видишь этого несчастного. (Он указал ей на индуса, укушенного змеями). Делай свое дело, а мы будем делать свое.

Девадаси наклонилась над укушенным, все тело которого было покрыто следами укусов, и к каждому из них она поочередно прикоснулась пальцем. После того она дунула ему в лицо и затем громко вскрикнула:

— Люциф!.. Люциф!.. Люциф!..

Великий Мастер подошел к ней, взял ее за руки, и они поцеловались. После того она сняла со своей шеи висевшую на ней змею и, слегка приподняв ее перед собой обеими руками, протянула ее Великому Мастеру.

Тем временем цереомониймейстеры принесли сосуд с водой, деревянный крест и большое серебряное блюдо с плодами. Крест установили на эстраде, и Саундирун повесила на него свою змею. Сосуд с водой был поставлен около Великого Мастера. Девадаси взяла с серебряного блюда один из плодов и откусила от него кусочек, а затем остальные плоды раздала присутствовавшим, которые в свою очередь каждый вкусили от этих плодов. Великий Мастер обмакнул пальцы в воду, обрызгал ею змею, повешенную на кресте, и затем обратился к ней со словами:

— Змея крещается во имя Брамы-Люцифа. Пусть сыны божественного отца отныне поклоняются тебе, вместо того, чтобы быть твоими врагами. Пусть священный дух ниспошлет тебе все дары неба. Да будет так!

И вслед за Великим Мастером эта же кощунственная чепуха была слово в слово повторена всеми высшими чинами ложи. Это был обряд сатанинского крещения. Каждый, произнеся эти слова, становился на колени перед Саундирун, и она каждого целовала в лоб. После того Саундирун сняла с креста окрещенную змею, очевидно, совершенно ручное животное, и положила ее на укушенного. Змея тихо проползла по его телу и обвилась вокруг его шеи. Тогда Великий Мастер воскликнул:

— Всемогущее божество, ты допустило, чтобы наш друг был поражен насмерть змеями твоего святилища. Благоволи же теперь послать ему спасение через змею, посвященную тебе таинством крещения.

И затем, обращаясь к присутствующим, он пригласил их всех вознести общую молитву. Все опустились на колени и прочитали — туземцы на своем языке, а европейцы на английском — особое воззвание с сатане, текст которого, приведенный Батайлем, мы не станем переводить, не усматривая в нем ничего замечательного. Затем, по свистку Великого Мастера, все поднялись, и тогда Батайль сделался свидетелем очень поразившего его явления. Укушенный индус тихо приподнялся. Он был как в полусне. Он сделал несколько медленных движений и, наконец, встал на ноги. И в тот же момент все змеиные укусы, которыми было покрыто его тело, раскрылись и из них потекли струйки черной крови. Он с благоговением распростерся перед дьявольским алтарем и несколько раз поцеловал пол. Церемония в этом храме окончилась. Саундирун снова взяла свою змею, надела себе на шею и ушла. Великий Мастер пригласил всех проследовать во второй храм
Все вообще семь храмов отличались разной постройкой и разным внутренним убранством. Так, например, первый храм был очень скудно освещен, второй же, наоборот, блистал ослепительным освещением. Он был освещен свечами, расположенными группами по тридцать три. Вдобавок, стены храма были покрыты роскошной зеркальной мозаикой, которая отражала эти тысячи огней по всем направлениям, так что храм был буквально наводнен светом. Видно было, что на его украшение не пожалели средств, потому что по стенам повсюду сверкали драгоценные каменья: бриллианты, изумруды, рубины, сапфиры, очевидно, громадной цены. Из этих драгоценных каменьев были выведены имена тех трех демонов, которым был посвящен этот храм: духа неба Астарота, духа драгоценных каменьев Нитика и духа сокровищ Тогласа. Обычная статуя Бафомета в этом храме была замещена громадной фигурой Феникса, выходящего из пламени. Батайль заметил также в этом храме изящные статуи разных животных, отлитые из массивного серебра. Звери все были изображены на задних лапах.

Здесь церемония началась с того, что Великому Мастеру преподнесли особые облачения, которые он и возложил на себя. На голову он надел что-то вроде древнеегипетской шапки, как она обычно изображается, например, на сфинксах. Сверх головного убора он надел еще золотую корону, украшенную двумя рогами. Снарядившись так он воззвал к присутствующим:

— Мужественные и славные братья! Сейчас только что мы победили смерть, а теперь приступим к прославлению жизни.

Проговорив это, он взошел на возвышение перед алтарем Феникса, приложился к пентаграмме, положенной перед изваянием, потом повернулся лицом к присутствовавшим и произнес какое-то дикое воззвание, в котором предавал проклятию христианство и возвеличивал Люцифера.

Батайль уверяет, что такое воззвание обычно делается демонопоклонниками перед началом их службы, так называемой черной обедни, черной мессы.

К алтарю подвели двух обезьян, самку и самца, очевидно, давно уже выдрессированных для этой церемонии. Они представляли собой жениха и невесту. Их сочетание браком и должно было представлять собой прославление таинства жизни, которое было возвещено Великим Мастером. Началась служба. Великий Мастер, проделав несколько гримас и жестов, призвал благословение Люцифера на бракосочетающихся. После того к алтарю подошла молодая девушка с серебряным сосудом в руках, содержавшим расплавленный свинец. Затем принесли жаровню с пылающими углями и поставили на нее сосуд со свинцом, чтобы он не остывал. Великий Мастер, произнеся новое воззвание к сатане, спокойно погрузил свои руки в этот свинец, как бы омывая их в нем. Два церемониймейстера, исполнявшие роль певчих или причетников, по временам подавали реплики на его воззвания. Самым патетическим местом этого дьявольского служения был тот, когда Великий Мастер произнес довольно длинный спич, в конце которого громко три раза выкликнул имя Люцифера. Как только раздалось это воззвание, все бесчисленные свечи в храме мгновенно потухли. В то же время сверкнула яркая молния, которая описала в воздухе фигуру пентаграммы, что было очень ясно замечено Батайлем. Он уверяет даже, что фигура не сразу исчезла, а продержалась в воздухе несколько секунд. Она висела вверху, над головами присутствовавших, и ее блеск отражался от зеркальной мозаики стен храма. Как только пентаграмма исчезла, все свечи вдруг загорелись, как по волшебству.

После того Великий Мастер прочитал еще пародию на молитву.

Вся эта церемония закончилась отвратительным и жестоким жертвоприношением. Принесли живого, совершенно белого ягненка, привязанного к деревянной доске. Несчастное животное блеяло. Его возложили на особый алтарь, стоявший в стороне. Великий Мастер после разных кривляний и выкрикиваний зарезал ягненка. Потом он подал золотое кольцо одной из обезьян, и та надела его на палец другой обезьяне. Это была церемония обручения. Потом, взяв в руки кропило, Великий Мастер обмакнул его в кровь зарезанного ягненка и окропил ею сочетанных браком обезьян. Этим закончилась шутовская церемония во втором храме.

Публика вся перешла в третий храм. Этот храм был посвящен матери рода человеческого — Еве. Что именно в нем происходило — это Батайль отказывается описывать за несоключимостью сюжета с общепринятыми понятиями о приличиях. Здесь на сцену явилась та же Саундирун, которая лицедействовала в первом храме. И вот между ней и Великим Мастером была разыграна некая мимическая сцена, которую вся публика имела возможность созерцать. В этом храме, впрочем, все окончилось очень быстро.

Перешли в четвертый храм, носивший название святилища Розы Креста. В этом храме Батайлю привелось видеть великие чудеса. Здесь тоже не было статуи Бафомета, а вместо нее был какой-то ковчег, из которого поднималось синеватое пламя. Позади этого ковчега стоял крест, высотой аршина в четыре, украшенный красной распустившеюся розой, стебель которой шел в ковчег и как бы вырастал из него. Над крестом виднелось громадное солнце с лучами, выделанное, очевидно, из массивного золота, а в центре этого солнца было вставлено серебряное изображение головы юноши с длинными волосами. В самом центре храма стоял круглый стол из розового гранита. Верхняя доска этого стола была аршина на полтора от пола.

Когда все разместились, два церемониймейстера поднесли Великому Мастеру огромную книгу и держали ее перед ним раскрытой. Великий Мастер начал читать, и хотя произносил слова громко и отчетливо, но Батайль ничего не понял; книга была написана на совершенно неведомом ему языке. Но что поразило Батайля, так это удивительное акустическое свойство храма. На голос Великого Мастера отзывались, как эхо, монотонные звуки, шедшие и от гранитного стола, и от стен, так что весь воздух храма как-то странно дрожал и

трепетал, отзываясь на голос чтеца. И чем дальше, тем грохот этого эхо становился все громче и громче, и Батайлю, наконец, начало казаться, что содрогается буквально весь храм до самого основания. Каким образом был устроен этот фокус, Батайль не мог понять; хотя, впрочем, а мы с своей стороны не можем понять, что его тут так затрудняло и поражало, потому что мало ли какой причудливый вид может принять эхо.

Дочитав до конца свое заклинание или воззвание, Великий Мастер влил в пламя ковчега дьявольский ладан — раствор асса-фетиды, произнося при этом слова, частью непостижимые, частью совершенно нецензурные. Покончив с этим, он вскричал:

— Люцифер, по обычаю нашей веры, мы сейчас направим к тебе два существа, мужчину и женщину, чтобы они вознесли к твоим божественным стопам ваши мольбы и прошения. Пусть войдут девадаси и исполнят свое дело.

Двери храма открылись, и в него вступили семь молодых девушек, во главе которых шла знакомая нам Саундирун. Они сейчас же взобрались на стол и расположились кругом по краю его, а Саундирун поместилась в середине этого круга.

Тогда Великий Мастер запел какую-то дикую песнь, отбивая такт ногой. Вслед за ним запели многие из присутствующих, а затем пение подхватили все девадаси. Шесть девушек, образовавших круг, медленно ходили по этому кругу, держась за руки, той особенной манерой, которая уже раньше была описана Батайлем, т.е. согнувши пальцы крючком. При каждом круге девадаси все теснее и теснее сближались между собой и вместе с тем приближались к центральной фигуре, т.е. к Саундирун. Движение их делалось все быстрее, так что за ними, наконец, стало трудно следить глазами. Темп пения тоже постепенно учащался, и сами певцы, в особенности Великий Мастер, тоже начали выделывать нечто вроде плясовых движений. Пение сделалось страшно громким и резким; девадаси до такой степени сблизились между собой, что держались уже не за руки, а обхватив одна другую за талии. Голос Саундирун, превратившийся в какой-то жалобный плач, резко выдавался из хора других голосов. И вдруг она испустила крик, словно ей сдавили гордо. Потом она громко застонала, потом вновь испустила пронзительный крик и затем внезапно остановилась. Ее подруги тотчас разорвали свой круг и расступились. Между ними оказалось совершенно пустое пространство, пустая середина стола. Саундирун бесследно исчезла, словно испарилась.

Батайль уверяет, что он все время не спускал глаз со стола и может засвидетельствовать о полной внезапности исчезновения девушки. Если тут было какое-нибудь жонглерство, то, во всяком случае, оно было проделано с неподражаемым искусством. Батайль был так поражен, что даже принялся протирать себе глаза.

Между тем, вслед за исчезновением Саундирун Великий Мастер провозгласил:

— Сестра наша Саундирун удалилась к тому, кому мы поклоняемся. Слава ему!
— Где святой, которого мы ожидаем? — вопросил Великий Мастер.
В тот же момент раздались три громкие удара в двери храма и из-за них послышался голос:
— Я здесь!

Дверь отворилась, и вошел тот, кто возвестил о себе. Это был факир, старик с совершенно лысой головой, чрезвычайно худой, с бородой, спускавшеюся ниже груди. Вступил он в храм особенным церемониальным шагом, подвигался вперед, делая беспрестанные обороты около себя. Так быстро вертясь и сверкая своими мрачными глазами, факир подошел к тому столу, на котором только что совершилось исчезновение Саундирун. Здесь он остановился, и в этот момент все лампы в помещении ярко вспыхнули, словно сразу загорелось все масло, которое было в них налито. Великий Мастер обратился в нему с вопросом:

— Это ты тот святой, которого мы ждем?
— Да, — отвечал факир, — Жизнь, которую я вел, полная лишений, воздержания, поста и молитв, позволяет мне прямо направиться в нашему божеству в его огненное царство. Я готов.

По приглашению Великого Мастера все опустились на колени. Великий Мастер что-то запел. Факир залез на стол, а те девадаси, которые раньше кружились около Саундирун, теперь разместились около стола на коленях, лбами в пол.

Между тем церемониймейстеры затушили все лампы, кроме одной средней, висевшей прямо над столом, так что один стол и был освещен, а все остальное пространство храма тонуло во мраке. Тогда началось второе чудо, виденное Батайлем в этом храме.

В то время как Великий Мастер продолжал петь свои дьявольские псалмы, факир, стоя на столе, все оборачивался вокруг себя. Церемониймейстер подал Великому Мастеру кадило, в которое вместо ладана была всыпана асса-фетида. Мастер обошел весь стол кругом, кадя на него этим смердящим дымом; факир тем временем начал вертеться все быстрее и быстрее и, наконец, его верчение превратилось в какое-то мелькание, при котором было почти невозможно различить его ноги. Стало, наконец, казаться, что он вертится в воздухе, словно и не прикасаясь ногами к столу. Слышен был даже свист воздуха от его безумного движения. Навертевшись вдосталь, факир вдруг остановился и сделался страшно бледен, почти как мертвец. Великий Мастер прервал свое песнопение; настала страшная тишина. В этот момент глаза серебряной головы, помещенной внутри золотого солнца, о которой мы выше упоминали, вдруг превратились в два зеленых изумруда, из которых исходили необычайно яркие лучи зеленого света. Эти лучи ударили прямо в лицо факиру, а потом опустились и вновь поднялись, освещая всю его фигуру. Вслед за тем глаза серебряной головы потухли, но старик-факир остался зеленый, словно пропитанный этим волшебным светом, который прошел по нем. Но этого мало: все тело факира сделалось как бы прозрачным, и сквозь его кожу явственно просвечивали его внутренности. Он низко наклонил голову, будто бы погруженный в глубокое созерцание. Постояв так некоторое время, он поднял голову, и его лицо стало совершенно бесстрастным и спокойным. Его фигура становилась все более и более неподвижной. Он с каждой минутой как будто бы все более и более тощал и вытягивался. Его руки были прижаты к телу, ноги плотно сдвинуты. Он застывал в этой неподвижной позе. Батайлю даже показалось, что его уши прижались к черепу, губы стали тоньше и слиплись, и нос тоже ввалился. Худоба его сделалась почти потрясающей. Это был скелет, плотно обтянутый кожей. Наконец и глаза факира мало-помалу потухли, сделались неподвижными и тусклыми; мигание прекратилось. Факир сделал очень глубокий и продолжительный вздох, и Батайль своим опытным глазом врача-практика ясно видел, что старик перестал дышать. Батайль стоял очень близко к нему. Тишина в храме была мертвая. Но Батайль еще ясно слышал среди этой тишины медленные удары сердца факира. Прошло приблизительно около четверти часа, в течение которого этот человек, перед тем живой и делавший самые усиленные движения, превратился в мумию.

Когда это превращение, при глубочайшем молчании присутствовавших, вполне закончилось, на стол взобрался один из церемониймейстеров и одной рукой поднял тело факира, ставшее словно невесомым, и положил его на столе, обращаясь с ним при этом как со стеклянной вещью, словно опасаясь, как бы он при неосторожном движении не разбился. Потом на стол поднялся сам Великий Мастер. Ему подали ящичек, из которого он вынул что-то, напоминавшее вату, и маленькую серебряную лопаточку. Он стал на колени перед телом факира и произнес:

— Пусть все будет заперто петушиным пометом, из которого состоит эта мастика, и волосами девы, из которых состоит эта вата. Pax, max, fax!..

И, поддев на серебряную лопаточку кусочки тех веществ, которые упомянул, он заделал ими ноздри, уши и все другие отверстия на теле факира, произнося при этом тихим голосом: «На три года, на три года!»... И все присутствовавшие повторяли за ним эти слова. После того Великому Мастеру подали какую-то жидкость, по виду напоминавшую коллодий. Он намазал этой жидкостью все тело факира, и Батайль заметил, что она немедленно обсохла.

В это время два церемониймейстера подошли к стене храма и приподняли покрывавшие ее обои. Под обоями показался камень, на котором были начертаны слова: «Pax, Omen, Nema». Камень этот сняли с места, и под ним открылось что-то вроде ниши; ее отверстие было приблизительно в аршин шириной и длиной, вглубь же оно шло не менее как на сажень. Это и была временная могила, предназначенная для факира. Мумию факира сняли со стола и все с теми же предосторожностями, подобающими стеклянному сосуду, вдвинули его в эту дыру.

После того Великий Мастер оборотился лицом к востоку, в ту сторону, где стояли крест и золотое солнце с серебряной головой. Глаза этой головы снова загорелись своим чудным изумрудным светом, лучи которого направились прямо на отверстие, куда вдвину-

ли факира. Когда эти лучи потухли, камень с надписью поставили на место, заделали его цементом и закрыли обоями.

— Consumatum est! — произнес Великий Мастер.

Церемония была кончена. Все вышли из храма в освежились от перенесенных впечатлений, выпив и закусив.

Теперь оставалось посетить еще три храма. Из них пятый и шестой, по словам Батайля, не заключали в себе ничего замечательного. Первый из них назывался храмом Пеликана, вероятно, по статуе этой птицы, украшавшей его алтарь. Шестой храм назывался храмом Будущего. Церемония в пятом храме была очень короткая. Она ограничилась сбором пожертвований на благотворительные дела. Шестой храм заключал в себе нечто вроде дельфийского оракула. Здесь на железном треножнике сидела молоденькая девадаси, по имени Индра. Ее загипнотизировали, и она давала ответы на обращенные к ней вопросы. Между прочим и Батайль тоже пожелал испытать искусство Индры. Он дал ей притронуться к масонской перевязи, которую получил от Пейзины, и спросил ее, от кого получена эта вещь. Девадаси отвечала, что брат, который вручил Батайлю эту вещь, занимается профессией учителя фехтования. И эта была правда, потому что Пейзина действительно занимался этим делом. Далее Батайль спросил ее, что в ту минуту делал Пейзина. Индра на несколько минут сосредоточилась и затем сказала:

— Я перенеслась через моря. Я в итальянском городе у подошвы вулкана. (Пейзина жил в Неаполе). Я вижу человека, сидящего в своей комнате. Он пишет. На нем надета просторная красная рубашка. Он запечатывает письмо. Он пишет адрес на конверте. Он встает. Часы. которые стоят на камине в его комнате, показывают четыре часа пополудни.

Батайль попросил ясновидящую прочитать адрес на конверте, и она сейчас же проговорила:

— Cavaliere Vincenzo Ingoglia, Castelvetrano, Sicilia.

Впоследствии Батайль имел возможность проверить все сказанное Индрой. Все это оказалось верно и точно: время, адрес, красная рубашка и т.д.

После того все перешли в последний храм, называвшийся храмом Огня. По наружному виду он отличался от первых шести храмов тем, что на его кровле возвышалась громадная труба, из которой в те ночи, когда в храме совершалась служба, поднималось вверх длинное пламя. Внутренние стены храма были выкрашены в кроваво-красный цвет. Вся средняя часть помещения была занята громаднейшею печью конической формы, вершина которой и выставлялась над крышей храма. Печь имела в поперечнике около 2,5 сажен. С одной стороны в ней сделано было отверстие, шириной не менее сажени. Сквозь это отверстие виднелась поставленная посреди печи чудовищная гранитная статуя Бафомета.

Когда вся публика прибыла в этот храм, в печи уже был разведен огонь. Пламя было громадное и его языки со всех сторон охватывали гранитную статую Бафомета. Истопники то и дело подбрасывали в огонь свежее топливо, а по временам для оживления пламени плескали в него горючие жидкости: смолу, скипидар и т.д. Поэтому из жерла печи распространялся адский жар. Не только статуя Бафомета, но даже толстые стены печи были накалены докрасна. Не было никакой возможности приблизиться к ней, и публика поневоле держалась в почтительном расстоянии от ее жерла, около открытых дверей храма, сквозь которые притекала струя свежего ночного воздуха.

По-видимому, существенной частью церемонии в этом храме служил адский шум.
По знаку Великого Мастера все присутствовавшие подняли неистовые крики, словно это была толпа сумасшедших. Многие били в гонги, поставленные на колоннах храма. Пламя высоко поднималось из трубы и, вероятно, было заметно на весьма дальнем расстоянии, если принять в расчет расположение храма на вершине очень высокой скалы. Батайль замечает, что он нашел такое огненное торжество только у индейских демонопоклонников и нигде в другом месте его не встречал.

А между тем, топливо в печь все подбрасывали да подбрасывали, и пламя в ней, вероятно, достигло на меньшей силы, чем в той знаменитой печи, в которую были ввержены известные три библейские отрока. Громадное пламя, вырывавшееся через трубу (дело про-

исходило в темное время, почти ночью), привлекло массу диких животных. Мы уже сказали выше, что вся та равнина, на которой была расположена скала с храмами, служила кладбищем, на котором валялись тысячи трупов. Напомним еще здесь, кстати, что, по поверью индусов, по этой равнине бродили души умерших, которые, вследствие неправильного погребения, не находили себе успокоения и никак могли устроиться подобающим образом в своей загробной жизни. Души эти являлись таким образом как бы вакантными, свободными, которые могли поступить и в рай, и в ад, и к Богу, и к дьяволу. И вот, между прочим, одной из задач демонопоклонников построивших описываемые храмы, и являлось стяжание этих душ, приобретение их во власть сатаны. Как именно совершается обряд этого приобщения душ сатане — этому и был свидетелем Батайль. Вот как это происходило.

Долго ли, коротко ли, люди ревели, вопили и стучали в гонги, но наконец, по знаку Великого Мастера, остановились. Настала полная тишина. В эту минуту вдруг посреди храма появилось какое-то черное существо. Оно ходило, бегало, прыгало кругом печки, потом остановилось, и тогда все рассмотрели, что это была большая черная дикая кошка. Ее, очевидно, привлек огонь и она вошла в храм через открытую дверь. Остановившись среди храма, она принялась жалобно мяукать. И тотчас же в толпе присутствовавших раздались голоса: «Душа!».

Суеверные индусы совершенно искренно и простодушно верили, что в этой кошке воплотилась одна из тех бесчисленных душ, которые, по общему верованию, бродят среди этой равнины.

Великий Мастер сейчас же направился к заблудившемуся коту, который, усмотрев в нем врага, ощетинился и зафыркал. Тогда Великий Мастер обратился к коту с воззванием:

— Во имя Молоха, Астарота, Вельзевула и Люцифера! Если ты кошка, то оставайся кошкой, но если ты воплотившаяся душа, то стань свободной. Священный огонь ожидает тебя и навеки тебя воссоединит с нашим божеством.

Но кот продолжал так грозно фыркать, что Великий Мастер даже отступил от него. Протянув к животному руку, он пробормотал какие-то магические слова, но это заклинание нисколько не изменило настроения кошки. Тогда по знаку Мастера на кошку самоотверженно бросился один из присутствовавших индусов. Кот был здоровенный и сильный. И индусу удалось им овладеть только после того, как руки его сплошь покрылись глубокими кровавыми царапинами. Тогда Великий Мастер схватил страшного зверя за шкуру на затылке и на крупе и, раскачав его, с размаха ввергнул в печь. Несчастное животное успело испустить только задавленный вопль. Адское пламя буквально пожрало его в одно мгновение. После того Великий Мастер некоторое время подождал, осматриваясь вокруг, не явится ли еще какая-нибудь душа, алчущая огненного воссоединения с сатаной. Но в храме не видно было никакого другого животного, и эта часть церемонии окончилась. Началась вторая ее часть, гораздо более нелепая и страшная.

Все вышли из храма, оставив огонь догорать. Вся компания направилась на равнину Даппах, о которой мы выше упоминали. На эту равнину из Калькутты свозят всякую падаль и нечисть, а индусы относят туда в своих покойников. Эта равнина в особенности поражает два чувства — зрение и обоняние. Глаз поражается этим необычайным обилием гниющих трупов и всякой нечисти, а нос в такой же, если не большей степени поражается нестерпимым смрадом издаваемым этой гнилью. И вот на эту-то смрадную равнину направилась вся публика из храма огня. Была ночь и для освещения дороги люди несли в руках зажженные факелы. Шли долго и отошли на довольно значительное расстояние от храмов. Ночь была ветреная и грозовая, и при свете молнии Батайль видел по сторонам белые скелеты людей и животных. Смрад был до такой степени невыносим, что Батайль невольно зажимал себе нос и задыхался. Но ему кинулось в глаза, что задыхался только он один, все же его спутники не обнаруживали ни малейшего отвращения к этому зачумленному воздуху; многие из них оживленно и даже весело разговаривали. очевидно, привыкнув к падали, как к ней привыкают вороны и гиены.

Компания подвигалась посреди груды трупов, которых становилось все больше и больше, так что в конце концов приходилось шагать прямо по ним и через них. Наконец, дошли до места, где обычно совершается таинство приобщения душ сатане. Тут был небольшой холмик, на верхушке которого из осколков камней была сложена груда, представлявшая что-то вроде алтаря, вершина которого увенчивалась большой плоской каменной плитой. Здесь все остановились. Факелы были воткнуты в песок, так что из них образовался

круг около алтаря. Перед началом церемонии между Великим Мастером и его помощником произошел следующий обрядовый обмен речей. Великий Мастер сказал:

— Мы пришли на священное место наших последних таинств. Скажи мне, великий помощник, который теперь час?
— Одиннадцать часов, — отвечал помощник.

На самом деле было уже далеко за полночь, но, как припомнят читатели, одиннадцать — священное число у демонопоклонников.

— Какая ревность одушевляет тебя?
— Я горю священным огнем.
— Откуда ты?
— Из вечного пламени.
— Куда направляешься?
— В вечное пламя.
— Что это за священный огонь, которым горит твоя душа?
— Это божественное пламя, пламя, дающее жизнь живым существам и которое возрождает все существующее.
— Заключая в себе этот священный огонь, можешь ли ты его направлять и распространять?
— Священный огонь нашего божества направляется по воле людей, чистых духом. Посвященный простирает руку, и страдания прекращаются. Живой приверженец веры соединяется с мертвецами, и его душа переходит в трупы и дает им теплоту, и освобождает их от Аданаи и передает их Люциферу.
— Что будем мы делать для спасения душ?
— Мы составим магическую цепь.
— В силу какого закона?
— Звезды говорят между собой. Душа солнц отвечает на вздох цветов, цепи гармонии ставят в сообщение между собой все существа в природе.
— Хараб!
— Кетер-Малхут!

И эти последние слова похожи на еврейские, но что они значат и значат ли что-нибудь, этого мы не беремся сказать. Во всякого рода волшебные заклинания введено множество таких непостижимых слов. Весь предыдущий разговор был закончен следующим возглашением Великого Мастера:

— Так как теперь одиннадцать часов, то мы объявляем начало наших последних таинств. В этот священный час крылья гениев движутся с таинственным жужжанием. Они перелетают из одной сферы в другую и несут из одного мира в другой послания нашего божества. Ко мне; братья! Пусть волшебная цепь восполнит дело спасения душ!

В ответ на это воззвание все ответили возгласом «аминь». И вслед за тем началась сцена, столь же отвратительная сколько и ужасная. Оговоримся еще раз, что все сообщаемые нами подробности остаются на совести Батайля, объявляющего себя единственным очевидцем, решившимся поведать о них миру.

Многочисленные индусы, участвовавшие в процессии, разбрелись по смердящей равнине и скоро начали один за другим возвращаться, волоча за собой что-то. Это ужасное «что-то» были свежие трупы, очевидно только что привезенные на это поле смерти. Некоторые из них, однако, уже носили на себе явные следы зубов крыс и когтей коршунов. Все эти трупы один за другим усаживались у подножия холмика, постепенно образуя около него сплошной круг. Так как трупы, разумеется, не могли держаться в сидячем положении, то их всячески мяли и даже ломали, чтобы как-нибудь привести в это положение. Все они были посажены спиной к центральному алтарю. Индус колоссального роста оделся в длинную белую одежду с широкими рукавами, а на голову надел маску, представлявшую козлиную голову с большими рогами. В руки он взял в каждую по горящему факелу. Так снарядившись, он взобрался на верхний камень жертвенника и стал на нем, раскинув руки с зажженными факелами. По временам он потрясал этими факелами. Что же касается до всей остальной публики, то она расположилась сияя на земле между трупами в таком порядке, что рядом с живым помещался труп, далее опять живой человек, за ним вновь труп и т.д. Живые поддерживали трупы в сидячем положении, так что вся эта сумасшедшая группа образовала непрерывную цепь, звенья которой состояли из живых людей вперемежку с трупами. Эта

неимоверная сцена снизу сзади освещалась кольцом факелов, воткнутых в землю, вокруг алтаря, а сверху вспыхивающими огнями факелов, которые встряхивал индус, стоявший на каменном алтаре в центре круга.

Великий Мастер тем временем громогласно возопил:

— Пусть священный огонь, сосредоточенный в душах ваших избранных братьев, здесь присутствующих, распространится по звеньям вашей цепи и оживит дух умерших! Пусть наши чистые души круговращаются и очищают души непосвященных усопших! Пусть ток божественного магнетизма освятит нечистые трупы! И пусть их души, воззванные к спасению через соприкосновение с нашими душами, воссоединятся с нашим божеством, чтобы славить его вовеки!..

Великий Мастер на минуту смолк, а затем вновь воскликнул:

— Братия, священный огонь расходится божественным током. Круговращение душ установилось. Проговорим же все хором волшебное заклинание вечного спасения!

Тогда полаялся неистовый хор голосов, вопивших нелепое заклинание. Это был набор именно тех самых волшебных слов неизвестного происхождения и значения, о которых мы только что упоминали. Среди них слышались как бы чьи-то имена: Люцифер, Азарадек, Амазарак и т.п. А рядом с ними слова непостажимые: хемен-этан, эль, асти, титейеп, фейк, феакс, вай, ваа, аёль, ахи, райа, недер и т.д. Заклинание заканчивалось латинским восклицанием: «Lucifer in aeternum!». Это заклинание произносилось все же в известном порядке, слова следовали одно за другим не как попало, они составляли известную цепь, которую все присутствовавшие, очевидно. звали наизусть. Об этом надо было заключить и из того, что по временам хор как бы заканчивал свое дикое завывание, а затем начинал его снова, причем опять те же слова повторялись в том же порядке. Заклинание возобновлялось 10 раз. Наконец, Великий Мастер остановил дьявольский хор и объявил, что операция соединения душ совершилась и что живые могут выйти из волшебной цепи.

Торжество закончилось тем, что семь человек из числа высших чинов ложи окружили центральный алтарь, сцепились правыми скрюченными руками, а левые руки с раздвинутыми пальцами подняли к небу и все в один голос воскликнули.

— Gloria tibi, Lucifer!

Этим и закончилось торжество, и все вернулись в Калькутту.

III. ДЕМОНИЗМ В КИТАЕ

Батайль полагает, что весь Китай сплошь исповедует буддийскую веру. Вера же эта, по его мнению, не что иное, как чистое демонопоклонство. Он чрезвычайно настойчиво и очень пространно пытается это доказать в своей книге. Но мы не будем повторять его доводы, частью потому, что это не входит прямо в задачу нашей книги, а частью потому, что эти доводы слишком явно проникнуты фанатическим католицизмом автора.

Однако же, хотя буддисты и чертопоклонники, все-таки Батайль оказался вынужденным отчасти изменить свою основную точку зрения на них и признать, что у них чистота веры в дьявола подверглась некоторому искажению. Доказательство тому он видит в существовании рядом с общенародной верой, исповедуемой населением открыто, еще особой тайной секты, носящей название Сан-Хо-Хой. Секта эта, чрезвычайно распространенная в Китае и насчитывающая миллионы приверженцев, была основана приблизительно в конце XIII столетия и ее основателем был некто Цзи-Ка (или Цзы-Ка).

Легенда об этом Цзи-Ка чрезвычайно напоминает христианскую легенду о происхождении сатаны; только христианское сказание в ней взято навыворот. Дело в том, что владыка вселенной Чен-Юн носит черты не благого существа, а дьявола. У этого главного божества, которого можно приравнять, следовательно, к Люциферу, был подчиненный ему небесный чин, по своему значению соответствующий Вельзевулу. Это и был вышеупомянутый Цзи-Ка. Однажды в пылу гордыни Цзи-Ка, пользуясь отсутствием Чен-Юна, возымел дерзость сесть на его трон и потребовать себе поклонения от сонма бесплотных сил, подвластных Чен-Юну. Само собой разумеется, что такое нахальство не могло остаться без

воздаяния. Цзи-Ка были торжественно свергнут с неба и осужден на скитание по земле в человеческом образе.

Очутившись на земле, Цзи-Ка избрал своим местопребыванием Срединную Империю и поселился в местности около Шанхая. В нем, конечно, затаилась глубокая ненависть к Чен-Юну и назрел план открытого возмущения против божества. Однажды он собрал все окрестное население и держал к нему такую речь:

— Вы поклоняетесь Богу, Которого не видите, а я дам вам такого, которого вы будете видеть. Это будет существо вполне вещественное и осязаемое и в то же время совершенно сверхъестественное.

Следует заметить, что хотя Цзи-Ка и был свергнут с неба и отправлен в ссылку, но, так сказать, не лишен всех прав состояния. При нем была оставлена почти безграничная сила творить какие угодно чудеса. Он этим и воспользовался. Произнеся свое воззвание к народу, он приказал принести большой сосуд с водой и опустил в нее руки. Вода немедленно превратилась в снег, не взирая на то, что действие происходило посреди жаркого лета. Цзи-Ка сдавил снег в большой ком и изо всех сил швырнул этот ком кверху. Ком взлетел на высоту 40–50 сажен и, к неописуемому изумлению всего народа, остановился на этой высоте и не падал обратно на землю, а висел в воздухе. Цзи-Ка немедленно свертел новый ком снега, швырнул его кверху и он прилип к первому кому. Затем, не покладая рук, Цзи-Ка продолжал кидать кверху ком за комом, и все они слетались в одно место и слипались между собой, продолжая неподвижно висеть в воздухе. Скоро из этой массы снега начала на глазах у всех формироваться фигура. Обозначилась сначала голова, потом шея, плечи. Цзи-Ка все посылал вверх ком за комом, и из них выросли руки, туловище, ноги. Наконец, получилось исполинское изваяние человека сажен в 40 ростом, висевшего на воздухе. Ступни его ног висели над землей на высоте нескольких сажен. Когда фигура вся была закончена, она преобразилась: из снеговой стала ледяной.

Тогда Цзи-Ка объявил народу, что эта фигура и будет отныне истинным богом, которому надлежит поклоняться. И затем он повелел тотчас же приступил к сооружению храма вокруг этой ледяной статуи. Громадное здание надлежало воздвигнуть на том самом месте, где эта божественная ледяная глыба висела в воздухе. Здание должно было заключить ее внутри себя и, следовательно, иметь в вышину не менее 50–60 сажен. Материалом для его постройки служил лед. Цзи-Ка заморозил реку, так что вся вода в ней обратилась в лед. Народ ломал этот лед, обтесывал его и доставлял обтесанные глыбы на место постройки. Цзи-Ка только помахивал своей волшебной палочкой, и по ее мановению глыбы льда лезли одна на другую и соединялись. Через три года храм был готов. Тогда Цзи-Ка в присутствии всего народа стал перед ледяной статуей, три раза обернулся вокруг себя и пробормотал какие-то волшебные слова. Мгновенно лед, из которого был сложен храм, превратился в чистое серебро, а ледяное изваяние бога — в чистое золото. Народ пал ниц перед своим новым богом. Но в этот момент раздался ужасающий удар грома и вслед за тем во мгновение ока вся эта масса серебра и золота растопилась и снова превратилась в ту воду, из которой была сделана.

Разумеется, масса народа погибла в этом ужасном наводнении. Цзи-Ка, получивший такую грозную острастку, был глубоко унижен и, насколько раньше пользовался почтением народа, настолько же теперь был вынужден нести на себе презрение. Он смирился и покаялся. Он прожил в этом унизительном состоянии 99 лет и за это время надумал основать новую секту усердных почитателей истинного бога Чен-Юна. Вот таким-то путем, по китайской легенде, и основалось тайное общество Сан-Хо-Хой, имеющее задачей служение истинному божеству, т.е. самому сатане.

Проникнуть в святилище секты Сан-Хо-Хой не так-то легко. Китайцы, положим, вошли в сношения со всеми демонопоклоннническими тайными обществами и знают, что эти общества по своему учению и задачам очень сходны с сектой Сан-Хо-Хой. Посему высшие чины всех европейских сект допускаются к таинствам китайской секты. Батайль теперь уже запасся достаточным числом дипломов и знаков отличия, открывавших ему доступ во всякие демонские капища. Но все-таки никогда ни один посторонний человек, какими бы дипломами он не обладал (за весьма редкими исключениями), не может попасть в храм секты Сан-Хо-Хой прямо и непосредственно. Он может попасть туда только весьма оригинально придуманным косвенным путем. Делается это вот каким образом.

Желающий попасть в святилище китайских демонистов захватывает с собой свои

дипломы и знаки, а главное свой дождевой зонтик, в котором, как это ни кажется неожиданным, и состоит вся суть дела.

Снарядившись таким манером, любопытствующий направляется в один из тех бесчисленных притонов, где производится раскурочная продажа опиума. Там он, как водится, располагается на лежанке и кладет около себя свой зонтик в особенное условное положение. Зонтик кладется с левой стороны тела ручкой вниз, так, чтобы она прикасалась к ногам, а концом вверх. В таком положении человек, накурившись опиума, и засыпает. Сектанты Сан-Хо-Хой, постоянно швыряющие по опиумным лавочкам, непременно и обязательно обратят внимание на этот условно-положенный зонтик. Заметив его, они немедленно обшарят его владельца, и как только найдут на нем дипломы и знаки, доказывающие его принадлежность к тайному обществу, чины которого могут быть допускаемы в святилище Сан-Хо-Хой, они тотчас подхватывают спящего и переносят его в этом бесчувственном виде в свой храм. Делается же так с той целью чтобы никакой чужой человек, какими бы дипломами он ни обладал, не знал дороги в святилище.

Так поступил и Батайль, которому, как мы уже говорили, все эти подробности был сообщены злополучным Карбучча. Дело происходило в Шанхае. Батайль без труда нашел курильню. Это была очень просторная постройка вроде сарая. Вдоль всего помещения тянулись нары с постеленными на них циновками. Имея в кармане свои дипломы и знаки и дождевой зонтик, Батайль растянулся на одной из этих циновок и принялся курить.

Расскажем здесь кстати в коротких словах, как происходит курение опиума в этих китайских учреждениях для его розничной продажи. На нарах около каждого курильщика стоит горшочек, в котором наложена тестообразная смесь опиума с камедью и разными другими примесями. В эту смесь воткнута длинная проволока, похожая на булавку. Рядом с горшечном стоит спиртовая лампочка. Курильщик, расположившись на циновке, зажигает лампочку, потом поддевает концом проволоки комочек опийного теста, величиной с горошину, и кладет его в трубочку, из которой курят. Эта трубочка очень походят на флейту. С одного конца она наглухо закрыта, а с другого открыта. Около глухого конца сделана дырочка, покрытая металлической бляшкой, величиной в пятак. Середина бляшки проверчена и в нее вставлена маленькая металлическая вороночка. Курильщик кладет в эту вороночку комочек теста с опиумом и, поднеся трубочку к пламени лампы, закуривает ее, т.е. втягивает в себя через трубочку воздух. Опийное тесто дает густое облачко белого дыма, который курильщик втягивает в легкие. Обычно эта первая порция не производит никакого особенного действия даже на начинающего курильщика: иной разве только закашляется от едкого дыма. За первой трубочкой следует вторая, третья, четвертая и т.д.; начинающему достаточно, быть может, 3–4 трубочек, привычному мало и десятка. Но в конце концов наркотический яд берет свое, и курильщик засыпает мертвым сном. Так поступил и Батайль. Он принялся курить, постепенно испытал всю гамму ощущений, вызываемых опиумом, которой мы не описываем, считая это общеизвестной вещью, и наконец погрузился в глубокий сон. Проснулся он уже не в курильне, а в каком-то совершенно ему неведомом месте. Он лежал на длинном стуле, который при ближайшем осмотре оказался носилками, несомненно, теми самыми, на которых его принесли. Продолжая осматриваться, он увидел, что находится в самой середине обширного четырехугольного зала. В стенах не было окон, но вверху, в потолке или в кровле, были вставлены поразительно прозрачные пластины из хрусталя, и зал получал сверху очень обильное освещение. Вокруг него стояла толпа китайцев, среди которых виднелись и англичане. Все эти люди с любопытством смотрели на Батайля. Когда он очнулся, одна из китайцев обратился к нему на чистейшем английском языке, прося его оставить всякие опасения, потому что его уже признали за брата и были готовы принять, как брата. Последовал обычный обмен разными кабалистическими словами и фразами, примеры которых мы уже не раз приводили. Результаты опроса были вполне удовлетворительны, и Батайля допустили присутствовать при церемониях.

Батайль вновь принялся осматривать зал. У его восточной стены был устроен приподнятый помост, на который веля три ступени. Здесь под роскошным балдахином стояла на троне статуя Бафомета, но несколько особенная — китайская, хотя сам же Батайль раньше настойчиво утверждал, что Бафомета у всех демонопоклонников изображается совершенно одинаково. Китайский Бафомет изображается в виде дракона с отверстой пастью и раскинутыми лапами, которыми он как бы благословляет предстоящих. Китайцы питают ненависть в козлу, поэтому и не могли взять его голову для изображения своего божества. Козлами и свиньями они обыкновенно ругают католических миссионеров. Посреди зала стояла огромная купель, покрытая толстой деревянной крышкой. Но особенно привлекла Батайля стенная живопись. Это были образцы настоящего китайского искусства, как из-

вестно, не стесняющегося перспективой и вообще живой действительностью. В книге Батайля приведены образцы этой живописи. Содержание картин довольно однообразное. Все это сцены жестоких истязаний и издевательств над католическими миссионерами и надругательств над христианскими святынями.

Пока Батайль все это рассматривал, китаец, очевидно, председательствовавший в этом собрании, произнес коротенький спич, и вслед затем было немедленно приступлено к таинству.

По знаку председателя внесли гроб и поставили его посреди зала, неподалеку от алтаря Бафомета. Гроб был снаружи расписан в китайском вкусе красными, черными и зелеными рисунками, представлявшими различные орудия пытки. Было на нем также что-то написано по-китайски, чего Батайль, не знавший китайского языка, не мог прочесть.

Председатель (он у китайцев называется «великим мудрецом Средины») обратился к gприсутствующим с речью, которая, впрочем, главным образом относилась к Батайлю и еще к двум-трем таким же, как он, посторонним гостям. Он разъяснил, что в принесенном гробу лежит скелет великого изменника, т.е. одного из членов секты, выдавшего ее тайны ее врагам, т.е. католическим миссионерам. Но его измена была открыта, он был изобличен и предан самым ужасным истязаниям. «Душа этого великого преступника ускользнула от нас, — говорил председатель. — Мы не имеем возможности действовать на нее. Она ушла ко враждебному нам божеству. Но у нас в руках осталось тело гнусного предателя». Все это тело было разрезано на мелкие куски и раскидано на все четыре стороны. Оно давно уже сделалось добычей смрадного тления, давно сгнило, высохло и развеялось, потому что происшествие это случилось 80 лет тому назад. Но что осталось у нас и что никто не может от нас отнять — это костяк нашего лжебрата. Никакая сила в мире не может вырвать его из наших рук. На этом скелете мы мстим предателю за его измену; он служит на» при наших волшебных таинствах. Живой, он отказался служить нам, зато его бренные останки должны и вынуждены нам повиноваться и служить нам».

Вся эта речь была произнесена председателем со злобным одушевлением, перешедшим к концу в настоящее бешенство.

По окончании речи гроб открыли. В нем лежал скелет, на вид самый обыкновенный, такой, какой Батайль, в качестве врача, сотни раз разбирал и собирал. К гробу подошло 11 китайцев; все это были китайские медиумы. Они уселись кругом гроба, вытянули руки и сблизили их, соприкасаясь большими пальцами и мизинцами, так что образовалась непрерывная цепь. Эта цепь рук повисла в воздухе над скелетом.

Тогда председатель пригласил собрание сотворить молитву. Не знаем почему, Батайль называет эту молитву «спиритической». Приводим курьеза ради ее текст: «О ты, Хуан-Чин-Фу, дух костей и позвонков, дух сочленений, ты, принадлежащий к небу Люцифера, где ты пребываешь! Ни Адонаи, ни сын его не властны над тобой! Призываем тебя во имя величайшего и совершеннейшего божества: ты услышишь ваш призыв. Приди, о, приди оживить этот череп и эти позвонки. Заставь этот скелет говорить с нами и отвечать нам. О, приди, дух костей! Хуан-Чин-Фу! Хуан-Чин-Фу!».

Полагаем, что очень многие из наших любителей-спиритов, усердствующих за ходячими столами, даже и не подозревают, что у них существует такая молитва.

По окончании воззвания настала на несколько мгновений полная тишина. Потом в воздухе послышался какой-то шорох и в то же время из гроба явственно раздался голос, произносивший: «Хуан-Чин-Фу! Хуан-Чин-Фу!». После того в гробу послышалась какая-то возня, похожая на стук костей. Батайль подвинулся к гробу и увидал, что скелет движется. Тут он рассмотрел, что скелет сохранился вполне в исправном состоянии. Одиннадцать медиумов ближе сдвинули свои руки, спиритическая молитва была прочитана еще раз. Затем все медиумы быстро убрали руки и сами отодвинулись в стороны, но с таким видом, как будто их кто-нибудь оттолкнул. Скелет еще громче застучал своими костями и задвигал головой, словно осматриваясь вокруг. Потом он поднял левую ногу, перекинул ее за край гроба, потом вдруг приподнялся весь и, щелкнув костями, встал на ноги, покачнулся из стороны в сторону и, наконец, опустился на стул, который ему был ловко подставлен сзади одним из высших чинов секты. Усевшись на стуле, скелет оставался неподвижным. Председатель встал сзади и начал делать над ним магнетические пассы. Одиннадцать медиумов тоже уселись вокруг скелета и на этот раз прикасались друг к другу не только руками, но и нога-

ми. Председатель протянул руку и прикоснулся указательным пальцем к левой лопатке скелета. Но тот сидел по-прежнему не шевелясь. Тогда все присутствующие члены секты начали быстро бормотать какие-то заклинания на китайском языке, в которых то и дело слышалось имя Хуан-Чин-Фу. Но скелет все оставался неподвижным. Тогда председатель громким голосом произнес:

— Ясейчас велю принести мощи Баал-Зебуба!

Очевидно, угроза была сильная, потому что скелет весь встрепенулся. Батайль при этом случае замечает, что во всех более или менее значительных обществах демонопоклонников имеются и хранятся выданные самим демоном разные части его воплощенного тела — чешуя, обрывки хвоста, зубы, волосы, куски рогов и даже когти. У сектантов Сан-Хо-Хой хранится пук волос с воплощения Вельзевула, который он вручил сектантам в знак своего благоволения и покровительства.

После того, как была проговорена эта угроза, председатель снова обратился к скелету с вопросом, намерен ли он давать ответы, и на этот раз скелет ответил быстрым утвердительным кивком головы. Тогда председатель потребовал, чтобы скелет сказал ему, не готовится ли к выезду из Франции новая партия католических миссионеров, направляющаяся в Китай на проповедь? Скелет должен был сказать, когда эта партия прибудет в Китай для того, чтобы вовремя предупредить братьев, т.е. членов секты Сан-Хо-Хой, живущих во внутренних областях Китая, куда направятся миссионеры. Тогда братия может заранее заготовить все для встречи этих пришельцев, чтобы вовремя на них напасть, захватить их, подвергнуть истязаниям и умертвить. На задаваемые вопросы скелет должен был отвечать стуками ноги: при утвердительным ответе — три стука, при отрицательном — два.

— Теперь скажи нам, о, дух костей и позвонков, отправилась ли партия миссионеров в путь или еще не отправилась?

Скелет, по словам Батайля, некоторое время оставался неподвижным, «как бы пожираемый внутренним страданием» (недурное выражение в устах врача); но т.к. неодолимая сила заставляла его повиноваться, то он все-таки в конце концов поднял ногу и трижды стукнул ею об пол.

Затем на вопрос председателя, сколько миссионеров едет в этой партии, скелет после нового, еще более продолжительного колебания одиннадцать раз ударил попеременно той и другой ногой.

На вопрос о том, давно ли они отправились в путь, сколько именно дней находятся в пути, скелет 24 раза ударил рука об руку. «Значит, они сделали уже около половины пути», — заключил председатель и начал спрашивать, к какому ордену принадлежат эти миссионеры. На вопросы — францисканцы, лазариты? — последовали отрицательные ответы; на вопрос же — иезуиты? — скелет ответил утвердительным кивком головы.

Председатель объявил сеанс законченным. На этот раз, дескать, нам пока больше ничего не нужно знать. Хотели было убрать скелет, но в это время один из посторонних гостей, англичанин, пожелал в свою очередь сделать скелету какие-то вопросы. Председатель дал ему разрешение. Англичанин стал около скелета и начал делать над ним магнетические пассы. К сожалению, он выбрал для этого весьма неблагоприятный момент. Что тут такое было, Батайль не берется в точности объяснить. Вернее всего, что демон, одухотворявший скелет, находился в дурном расположении духа. Черти — народ капризный и своенравный и очень часто даже с самыми своими усерднейшими поклонниками выкидывают скверные и злые штуки, в чем ваши читатели могли много раз убедиться по фактам приводимым в нашей книге. Так и на этот раз, англичанин, пожелавший попытать свою медиумическую силу над скелетом, вызвал неожиданную сцену, которая поразила всех присутствующих недоумением и ужасом. Как только англичанин начал делать пассы, скелет вдруг вскочил с места, размахнулся рукой и нанес англичанину ошеломляющую пощечину. Медиум отскочил назад с ужасным воплем. Скелет в свою очередь испустил страшный храп своими ноздрями, как взбесившаяся лошадь, и двинулся с кулаками на своего врага. Все невольно отпрянули в стороны. Англичанин ударился в бегство; скелет, стуча всеми своими костями, гнался за ним попятам. Англичанин, хватая по дороге стулья, швырял их под ноги преследователю, но тот очень ловко через них перепрыгивал. Англичанин, наконец, запнувшись за что-то, растянулся на полу, в скелет тотчас же на него насел.

— Помогите, помогите! — вопил англичанин. — Ко мне, Баал-Зебуб! Ко мне, Люцифер... Я умираю, я задыхаюсь!..

Он наконец захрипел, а из присутствовавших никто не решался подступиться, чтобы оказать ему помощь. Но скелет уже видимо выпустил всю энергию, которая им двигала, и вдруг опрокинулся и растянулся на полу в полной неподвижности. Дух Хуан-Чин-Фу, очевидно, оставил его. Присутствующие, однако, только мало-помалу овладели собой и. наконец, решились поднять англичанина, который валялся на полу, как труп. Батайль, в качестве медика, оказал ему первую врачебную помощь. Англичанин был жив, а только испуган до полусмерти. Однако, на подбородке у него оказалась очень глубокая и болезненная рана, нанесенная зубами скелета.

Мало-помалу все оправились от потрясения, и тогда начался новый акт таинств, именно заклинание воды океана и бурь, чтобы они погубили партию миссионеров, о прибытии которой возвестил скелет. Мы уже упомянули о том, что посреди дьявольского капища стояло нечто вроде купели — большой сосуд, наполненный водой. Вода эта была не пресная, а морская. Присутствующие встали вокруг этого бассейна, и председатель произнес над водой какие-то заклинания на китайском языке. В то же время он махал над водой палочкой, которую держал в руке. Вода в сосуде оставалась спокойной и гладкой, как зеркало. Батайль в числе других стал у самого края бассейна и смотрел на воду. Она была совершенно чиста и прозрачна. Но вдруг он увидел, что в одном месте на поверхности этой зеркальной воды внезапно появился какой-то крошечный черный комочек. Батайль немедленно сосредоточил на нем всю силу своего зрения. Он ясно видел, как этот комочек мало-помалу принял определенную форму. Это был миниатюрнейший пароход. Батайль рассмотрел его корпус, его трубу, видел даже едва заметную струйку дыма, поднимавшуюся из этой трубы. Очевидное дело, что это и был тот самый пароход, на котором одиннадцать иезуитов плыли из Франции в Китай. Суденышко чрезвычайно тихо, как минутная стрелка карманных часов, двигалось по поверхности воды.

Председатель, увидав «то суденышко, усилил свои заклинания. Он призывал Баал-Зебуба и молил его послать разрушительный ураган, чтобы погубить это судно. И вот в храме, все двери и окна которого были заперты, вдруг со свистом поднялся ветер. Его все слышали, ощущали; он рвал на присутствовавших одежду и они принуждены были придерживать на головах свои шляпы; но на поверхности воды в бассейне от этого ветра не поднялось ни малейшей морщиночки. Председатель все возвышал голос, изрыгая свои заклинания. Он приказал стоявшим около бассейна образовать волшебную цепь, взявшись за руки со скрюченными пальцами. Ветер выл в капище уже как настоящая буря. Он почти валил с ног присутствовавших, в они цеплялись друг за друга и за края водоема, чтобы удержаться на месте, а вода по-прежнему оставалась, как зеркало, и суденышко все также спокойно двигалось вперед.

И вдруг посреди капища раздался громкий крик: «Элаи, цербаель!». Откуда шел этот крик, не было возможности разобрать, но могучий возглас сотряс весь воздух капища и на мгновение заглушил страшный вой урагана. И вслед за этим возгласом ураган прекратился, и суденышко исчезло с поверхности воды.

Председатель грустными голосом засвидетельствовал о полной неудаче заклинания. На этот раз, дескать, враждебные духи отстояли миссионеров. Но не будем терять мужества и вооружимся терпением. Поклонники Ие-Су (т.е. Иисуса) нас еще не минуют. Мы до них доберемся, когда они прибудут в Китай.

Настала третья церемония, по своему существу довольно бессмысленная. и мы о ней вовсе не упоминали бы, если бы в ней не было одной подробности, похожей на чудо. Церемония заключалась в издевательстве над миссионером. Но т.к. настоящего миссионера в распоряжении публики не было, то все лицедейство производилось с чучелом. Оно было очень недурно сделано, так что в первые минуты, увидев его еще в том ящике, в котором его принесли, Батайль даже было перепугался не на шутку. Ему показалось, что на пытку изуверов приволокли живого человека. Всего больше вводила в обман голова этой фигуры, превосходно вылепленная из воска. Тело же представляло довольно грубый ком, кое-как сляпанный из разных материалов, но под одеждой обладавший формами, очень схожими с живыми человеческими. Это чучело во время церемонии подвергается всяким пыточным истязаниям: его жгут, режут, даже перепиливают пополам и потом бросают. Голову во время этих истязаний стараются не повредить; к ней потом прилаживают новое туловище для следующего представления.

Перед началом церемонии из среды присутствующих было избрано особое судилище, которое и уселось на эстраде. Тело, провязанное к доске, было положено перед судьями. Председатель стал задавать вопросы этому странному подсудимому и делал вид, что очень радуется тому, что он ничего не отвечает; не отвечает, следовательно, ему нечего отвечать, потому что его провинности слишком очевидны. Результатом этого допроса было постановление о том, чтобы подвергнуть подсудимого истязаниям, и вот тут-то и разыгралось то странное явление, о котором мы выше упомянули.

Для того, чтобы сделать пытку этого чучела чувствительной для миссионеров, против которых вся эта сцена была направлена, надо было привлечь к нему, т.е. к этому чучелу, дух миссионеров и внедрить этот дух в чучело. Но откуда достать этот дух? Очевидно, его можно добыть из воздуха. В воздухе, во-первых, реют души всех умерших миссионеров, в особенности же замученных и убитых в Китае; во-вторых, в нем же, несомненно, существуют истечения из душ живых миссионеров. Значит их из воздуха можно, так сказать, вычерпать. Сатана, Люцифер, Вельзевул, одним словом, демонская сила должна согнать эти души и эти истечения во внутренность капища, в его воздух. Тут, значит, их и надо ловить. Так и поступил председатель в буквальном, механическом смысле слова. Он стал около чучела и начал быстро и усиленно махать по воздуху руками, как бы ловя и хватал что-то носившееся в воздухе. То, что он якобы поймал, он бросал на чучело. То, что он делал, имело такой вид, что он ловил в воздухе дух миссионеров и напитывал им чучело. Все это, разумеется, было бы только глупо, если бы при этой церемонии Батайль не отметил одной любопытной подробности. Дело в том, что пока председатель махал руками по воздуху, сосед Батайля — англичанин — вдруг наклонился к нему и спросил его.

— Вы видите души? Видите, как руки великого мудреца (т.е. председателя) отделяются от его тела и хватают души проклятых?

Батайль с удивление взглянул сначала на председателя, махавшего руками, потом на вопрошавшего англичанина. Он не видел ничего, кроме того, что человек, как сумасшедший, машет руками. Он так и ответил англичанину и в свою очередь спросил его, что такое он видит? Англичанин объяснил ему, что руки председателя при каждом взмахе отделяются от его плеч и взлетают высоко вверх к самому потолку капища или отлетают в стороны к стенам, и видно каждый раз, как эти руки хватают реющие в воздухе души, зажимают их в кулак, потом возвращаются к телу, приклеиваются к своему месту — к плечу, а при следующем взмахе вновь отлетают и т.д. Батайль с удивлением выслушал это объяснение. Он обратился к другому своему соседу-китайцу, члену секты Сан-Хо-Хой, и спросил его, видит ли он, как руки председателя отскакивают от тела; но китаец, как и Батайль, ничего подобного не видел. В эту минуту сосед, сидевший сзади и слышавший их разговор, подтвердил видение англичанина. Впоследствии Батайль убедился, что приблизительно половина всех присутствовавших ничего особенного не видела, как и Батайль, другая же половина видела все то же самое, о чем ему рассказывал англичанин. Батайль так и остался при полной невозможности объяснить эту странную галлюцинацию.

Последний акт демонопоклоннических безобразий, разыгравшихся в капище Сан-Хо-Хой, состоял в человеческом жертвоприношении. Батайль уверяет, что в этой секте такие жертвоприношения производят часто. Просто-напросто кидают жребий, и на кого из присутствующих он падет, того тут же и приносят в жертву. Такой обычай заведен, по уверению Батайля, ради укрепления в братии чувства солидарности, верности союзу. Каждый знает, что жребий может пасть на него и что, следовательно, он каждую минуту должен быть готовым к смерти. А это поддерживает в членах союза на надлежащей высоте полное презрение к жизни. Презрение же к жизни необходимо членам союза на тот случай, если бы на них обрушилось преследование начальства. Но китайское правительство вообще терпимо к сектам чисто религиозным, и с этой стороны опасность грозила бы только в том случае, если бы деятельность секты Сан-Хо-Хой приняла политическое направление.

Церемония жертвоприношения началась с того, что все присутствовавшие, во главе с председателем, встали перед алтарем дракона Бафомета. Девять членов общества, очевидно, очередных кандидатов, написали свои имена на бумажках и опустили их в мешок. Председатель вынул из этого мешка три бумажки и громко прочитал три имени: А-Фу, Ши-Тун, Ие-Сина. Это не были жертвы, а, наоборот, были палачи, которых жребий обозначал, как исполнителей. После того приступили к жеребьевке жертвы. Имена всех присутствовавших были написаны на бумажках и опущены в тот же мешок. Прежде чем приступить к вынимании жребия, председатель обратился к публике с торжественным увещанием. Мы, дескать,

давали клятву оставаться верными нашему обществу, быть всегда готовыми за него умереть, что бы ни требовало нашей смерти, козни ли наших врагов или воля нашего божества.

— Братия, — заключил свое увещание председатель, — все мы, присутствующие в этом храме, храним ли мы в сердцах наших верность нашей клятве? Все мы, громко изъявляющие готовность умереть, готовы ли мы на самом деле к тому, чтобы без страха встретить смерть?

И когда все присутствующие в один голос подтвердили о своем неизменном решении по требованию божества расстаться с жизнью, председатель вынул из мешка билетик, развернул его и во всеуслышание прочел имя избранника: Иео-Хуа-Цзы!..
Один из китайцев тотчас выделился из толпы. Это и был Иео-Хуа-Цзы, избранная жертва сатаны. Он восторженно вскричал:

— Да будет благословен Чен-Юн! Да будет моя жертва угодна Цзы-Ка!

После того он медленными шагами направился к статуе дракона, поднялся по ступеням к алтарю, стал около самой статуи, опустился на колени, снял с себя все знаки принадлежности к секте, положил их на колени идола и, скинув одежду, обнажил левое плечо. Все присутствовавшие в храме тоже опустились на колени и что-то бормотали, без сомнения, молитву к сатане о том, чтобы он привял жертву.

Так прошло несколько мгновений, и вдруг Батайль почувствовал, что ему прямо в лицо пахнуло нестерпимым жаром, словно перед ним вдруг открыли заслонку пылающей печи. Он невольно откинулся назад я видел, что такое же движение сделали все другие, бывшие в храме. Не более как через секунду после того одна из лап статуи дракона опустилась на плечо Иео-Хуа-Цзы, и острые когти этой лапы вонзились в его тело, из которого брызнула струя крови. И вслед за тем лапа снова поднялась и идол вновь стоял в своей прежней неподвижности. Иео-Хуа-Цзы спустился вниз и с гордостью показывал всем на кровь, струившуюся из его плеча. Громко и в упоении торжества он кричал что-то по-китайски. Батайлю перевел его слова. Они выражали безумную радость изувера о том, что божество приняло его жертву, отметило его, как своего избранника.

Принесли жаровню, потом плаху и особенной формы острое орудие, что-то среднее между саблей и широким ножом. Иео-Хуа-Цзы вышел на середину храма, где поставили принесенные предметы. Он снял с себя всю одежду и все это постепенно бросал в огонь. Все вещи одна за другой пожирались пламенем. Тем временем плаху и меч отнесли на возвышение перед статуей. Когда избранник кончил сжигание своей одежды, он тоже направился на помост к плахе, около которой стояли трое избранных жребием палачей, о которых мы выше упомянули. И тогда произошла сцена, которая привела Батайля в страшное нервное потрясение. Один из палачей взял в руки меч и держал его наготове. Иео-Хуа-Цзы, совершенно спокойный и безмолвный. положил на плаху свою правую руку. А-Фу, державший меч, быстро им взмахнул, и он, как молния, сверкнул в воздухе и опустился на руку Иео-Хуа-Цзы. Послышался сухой стук. Кисть руки мгновенно отлетела в сторону, а из среза хлынула кровь. Иео-Хуа-Цзы не только не испустил звука, но даже не поморщился. А-Фу передал меч Ши-Туну. Иео-Хуа-Цзы, как автомат, убрал правую руку и положил на плаху левую. Раздался новый стук, и кисть левой руки последовала за кистью правой. А истязаемый по-прежнему даже бровью не повел. Меч перешел в руки Ие-Сиа. Иео-Хуа-Цзы на этот раз поставил на плаху правую ногу. И она была во мгновение ока отсечена и отлетела прочь. Изуродованный китаец стоял теперь на одной левой ноге. Он заметно ослабел и побледнел от потерн крови, но лицо его оставалось невозмутимо спокойным.

Батайль при виде этого зрелища дошел до состояния, близкого к полусмерти. Он был так подавлен ужасом, что почти лишился сознания и здравого суждения, из живого человека превратился в какой-то автомат. В этот момент председатель снова возвысил голос.

— Братья! — возгласил он. — Три члена тела брата Иео-Хуа-Цзы уже пали. Формальности выполнены. Теперь остается отсечь голову избраннику божества. Вам известно, братья, что когда кровавая жертва приносится нами в присутствии посторонних посетителей, честь отрубить голову жертве принадлежит тому из них, кто окажется самым старшим по своему положению в своем обществе.

Затем, разобрав звание присутствовавших гостей, председатель пришел к заключению, что самый старший из них по чину никто иной, как ваш любезный автор Батайль, и

что посему честь исполнения казни избранника совершенно неоспоримо принадлежит ему. Как только Иео-Хуа-Цзы услыхал эти слова, он сейчас же, в свою очередь, возопил в Батайлю:

— Чарльстонский брат, отруби мне голову! Чарльстонский брат, не откажи мне в этой чести!

Тем временем Ие-Син сошел с возвышения и передал Батайлю меч, которым он только что отсек ногу Иео-Хуа-Цзы. Один из служителей подал Батайлю сосуд с каким-то напитком, и председатель пригласил Батайля выпить эту чашу, пожелав ему при этом здравия и всякого благополучия. Наш злополучный герой совершенно машинально взял в одну руку меч, в другую руку — чашу. Он выпил то, что в ней было. Напиток был какой-то пресный, безвкусный и, сколько помнится Батайлю, густой. От него слегка отдавало розовым маслом. О его составе Батайль не имел никакого понятия. Но этот таинственный эликсир произвел свое действие. Батайля сразу ошеломило, он ощутил резкий прилив крови к мозгу. Ощущение, очень похожее на обморок, заставило его опуститься на стул, но он тотчас же снова вскочил на ноги. А как только очутился на ногах, то опять-таки почувствовал, что он не может стоять, и он бессознательно оперся на меч. Не прошло и секунды, как в нем настала новая чудесная перемена. Он ощутил необыкновенную легкость, бодрость и силу во всем своем существе; ему казалось, что он одним ударом кулака может прошибить насквозь стену. А Иео-Хуа-Цзы все продолжал вопить к нему:

— Чарльстонский брат, отсеки мне голову! Чарльстонский брат, не откажи мне в этой чести!

У Батайля начиналась уже явная галлюцинация зрения. Вокруг него прыгали и кружились какие-то странные цветные полосы — красные, лиловые, зеленые; сквозь эти полосы мелькали фигуры председателя, трех палачей, китайцев, наполнявших храм. Ему казалось, что все на него уставились и поняли его, т.е. разобрали и убедились, что он вовсе не гость из дружественного тайного общества, а лютый враг, явившийся в качестве шпиона, я что, следовательно, ему пришел конец, потому что, само собой разумеется, его теперь живым не выпустят. Мгновениями в его голове кружилась безумная мысль — взмахнуть мечом и начать им крошить публику направо и налево. И мгновенно вслед за тем мелькала другая мысль — тем же мечом перерезать собственное горло. С величайшими усилиями удалось ему, наконец, сосредоточиться в усердной молитве. Но ненадолго, потому что мысли его вновь помутились, а главное, какая-то неодолимая сила все время влекла его к жертве, и он шаг за шагом подвигался к роковой плахе, около которой стоял Иео-Хуа-Цзы. Наконец, он остановился около самого китайца. Он старался сосредоточить свою мысль на роковом вопросе: что же ему делать?

Судьба над ним, наконец, сжалилась. Он почувствовал, как чья-то рука опустилась к нему на плечо. Он обернулся и увидал перед собой одного из тех важных гостей, которые принимали участие в таинствах, происходивших в храмах индийских демонопоклонников около Калькутты. Его звали Филеас Уэльдер.

— Остановитесь, братья, остановитесь! — вскричал Уэльдер. — Мне принадлежит

честь открыть вход на небо перед избранником нашего божества. Несколько мгновений тому назад я узнал, что моя дочь тяжко захворала. И в то же время я узнал, что в храме светлого божества готовится кровавая жертва, и вот, чтобы воспользоваться божественной милостью, ниспосылаемой тому, чьей рукой совершается жертвоприношение, я тотчас же и перенесся сюда к вам. Мое высшее звание дает мне неоспоримое преимущество над нашим братом доктором Батайлем.

И с этими словами он выхватил у Батайля из рук меч, взмахнул им и мгновенно, одним ударом, отсек голову Иео-Хуа-Цзы. Горячая кровь китайца брызнула на Батайля, и его мертвое тело растянулось у его ног. Уэльдер быстро бросился к отрубленной голове, схватил ее за уши, поднял на уровень со своим лицом и крикнул:

— Ты, который уже соединился с нашим божеством и сделался теперь всеведущим, скажи мне, выздоровеет ли моя возлюбленная дочь София Уэльдер?

Глаза отрубленной головы медленно открылись и сделали явный утвердительный знак своими веками. И вслед за тем лицо побледнело и стало мертвенно-неподвижным.

Что произошло вслед за тем Батайль не помнит, потому что он лишился чувств. Когда он очнулся, он смутно увидел перед собой такого рода сцену. Председатель стоял около Уэльдера, старался вырвать из его рук меч и говорил:

— Коли он упал в обморок, как баба, то он недостоин наших таинств. Они слишком для него ужасны и он их выдаст. И надо его уничтожить, прежде чем он успеет это сделать. Батайль очень хорошо понял, что эти слова относятся к нему. Но у него нашелся очень сильный защитник в лице Уэльдера, который вступил с председателем в настоящую схватку, не давая ему выхватить из своих рук меч. Он кричал:

— Неправда, он ничего не скажет. Я за него отвечаю. Я имею доказательства его мужества. Он принадлежит к Палладиуму, я сам возвел его в сан иерарха. Он просто не привык еще к нашим таинствам. Во всяком случае я не дам причинить ему никакого вреда, потому что он член моего общества!

Батайль был спасен, но он смутно помнит, что произошло дальше. Его, очевидно, вновь ошеломили чем-то наркотическим, потому что окончательно очнулся он опять-таки в той самой курильне опиума, из которой его взяли в храм.

Батайль предвидит зазорное замечание, которое ему могут сделать по поводу этого приключения. В самом деле, все происшествие в храме Сан-Хо-Хой началось после того, как Батайль погрузился в сон от опиума, а окончилось, когда он проснулся; значит, он были его очевидцем и свидетелем во сне. Он с жаром возражает на такой поклеп. Он ссылается, во-первых, на то, что заснул он в опийной лавочке на шестом месте с краю, а проснулся на четырнадцатом: следовательно, его перенесли; во-вторых, на то, что на его одежде оказались пятна свежей крови, брызнувшей из туловища Иео-Хуа-Цзы, когда Уэльдер отрубил ему голову; эти пятна видели и китайские слуги в лавочке, и они же их отмывали. Он свято верит в действительность своего приключения.

IV. ДЕМОНИЗМ В ЕВРОПЕ И АМЕРИКЕ

Взявшись за розыски демонизма, Батайль выполнил сею задачу с чрезвычайной добросовестностью, быть может, даже с излишней добросовестностью. Минутами, читая его обширный труд, приходишь к догадке, не делит ли он все человечество на две половины: католиков, единственных двуногих, познавших истинного Бога, и не католиков, поклоняющихся дьяволу. В числе этой обширной группы человечества, конечно, существует большая сбивчивость верований, и нельзя всю эту смесь верований признать чистым демонизмом; но вся эта публика стоит, так сказать, на наклонной плоскости, скат которой явно обращен в сторону демонопоклонства. Среди этой смутной массы с неявным букетом демонизма выделяются большие острова, где этот букет уже не подлежит никакому сомнению. К числу таких островов, приютивших у себя чистое служение дьяволу, Батайль, прежде всего относит масонство.

Что такое масонство? Если спросить об этом обыкновенного смертного, не изучавшего специально этого древнего и очень распространенного учреждения и в то же время отнюдь к нему непричастного, то он скажет приблизительно следующее. Масоны образуют особое тайное общество, полурелигиозное, полуфилантропическое. У них есть разные чины, образующие особую табель о рангах,. Они собираются своими кружками, которые называются ложами. На собраниях совершают разные обрядности. Все свои дела содержат в величайшем секрете и отнюдь не выдают посторонним лицам никаких своих тайн. Члены, изменившие союзу, т.е. выдавшие что-либо секретное посторонним лицам, подвергаются строгому возмездию, истребляются, исчезают бесследно. По общему мнению, у масонов есть какая-то особая тайна, какое-то «слово», составляющее самую суть того дела, которому они служат, или того вероучения, которое исповедуют. Но это таинственное слово известно лишь членам общества, стоящим на самой вершине чиноначалия. Все это люди вполне надежные, которые, достигнув чести услышать и узнать «слово» уже ни за что в мире его не выдадут. Таким образом, как и во всех людских делах, у масонов главной приманкой и служит эта тайна. Масонская сила опирается на могущественнейшее свойство человеческого духа — любопытство.

В настоящее время масонство организовано, по словам Батайля следующим образом. Все оно разделяется на две группы: масонство низшее, обыкновенное, имеющее множество разветвлений и местных названий, и масонство высшее, или палладизм. Это-то высшее ма-

сонство и представляет собой чистое демонопоклонство. Палладизм, в сущности, управляет масонством всего мира. Во главе его стоит высший чин, которого Батайль называет антипапой. В то время, когда Батайль писал свою книгу, т.е. лет десять- двенадцать тому назад, этим верховным жрецом всемирного масонства был Альберт Пайк, о котором мы еще скажем несколько слов дальше Это высшее масонство имеет очень небольшую лестницу чинов именно три чина для членов мужского пола, «братьев», и два чина для «сестер». Три мужских чина именуются:

1) Кадош Палладиума
2) Иерарх и
3) Избранный Маг.

Дамские чины:

1) Избранная (или избранница) я
2) Мастерица (или храмовница).

Само собой разумеется, что далеко не каждый желающий и не первый встречный может попасть в братья высшего масонства. Батайль например, попал в него благодаря совершенно исключительному стечению благоприятных обстоятельств, о которых мы уже поведали читателям. Вообще же секта палладистов открывает свои негостеприимные двери только для самых высших чинов других масонских лож и притом лишь в таком случае, когда кандидат лично известен кому-нибудь из высших чинов палладизма. Притом относительно таких кандидатов иногда принимаются особые меры предосторожности. Их принимают, но не вполне им доверяют, и это выражается, по словам Батайля, особым знаком. А именно, в минуту посвящения совершающий церемонию вручает посвящаемому особый перстень, говоря при этом, что этот перстень служит знаком единения, знаком полного доверия и вечного союза. Получивший такой особый знак, конечно, ужасно им гордится, полагая, что он поднялся на крайнюю вершину высшего масонства, совершенно недоступную для обыкновенных смертных; а между тем этот перстень как раз доказывает обратное. Он служит предостережением для всех высших чинов палладизма о том, что этот обладатель перстня полного доверия еще не заслуживает и что с ним надо быть осторожным. Собственно говоря, эта предосторожность обозначает, что вновь принятый чин еще не вник в самую суть дела, не повял, что палладиум есть чистая вера в сатану. А это обстоятельство, очевидно, я составляет ту таинственную суть масонства, то последнее «слово», о котором ходят вышеупомянутые нами неясные слухи в публике.

Но мы не объяснили еще, что такое палладизм, т.е., что это за слово и откуда оно происходит. Слово «палладизм», очевидно, этимологическое, производное от слова палладиум. Читатели, без сомнения, помнят, что у древних греков так называлась статуя богини Паллады, покровительницы Афин. Палладиум был, следовательно, высшей народной святыней у афинян. Подобно многим другим классическим словам, и слово палладиум осталось в употреблении для обозначения высшей святыни. Такая святыня, своего рода палладиум, есть и у демонопоклонников. Святыня эта — подлинное изображение Бафомета, врученное самим сатаной еще в Средние века рыцарям-храмовникам. Эта странная святыня долгое время в величайшем секрете хранилась у храмовников, а от них по наследству перешла к масонам. В настоящее же время, по словам Батайля, она хранится в главном храме палладистов, устроенном в Северной Америке, в городе Чарльстоне. Об этом храме мы еще скажем несколько слов.

Теперь обратимся к верховному жрецу палладизма Альберту Пайку. Он родился в 1809 году в Бостоне, подучил довольно солидное образование, очень много путешествовал, совершил, между прочим, подъем на одну из самых недоступных гор Северной Америки, которая с тех пор носит его имя. Он был учителем, адвокатом, журналистом. Его выдающаяся деятельность на этих поприщах очень выдвинула его вперед. В масоны же он посвятился еще в молодых годах и здесь так быстро проложил себе дорогу вперед, к самым высшим чинам, что в 1859 году оказался уже во главе верховного совета самой обширной и влиятельной масонской ложи во всей Америке, именно Чарльстонской. Почитатели Пайка глубоко верят, что он давно уже находится в прямых и непосредственных сношениях с самим сатаной. Плодом этой интимности явилась написанная им книга под заглавием «Книга откровений». Это своего рода Библия демонопоклонников. Она была продиктована Пайку самим сатаной, который, в доказательство ее подлинности, собственной рукой скрепил рукопись, т.е. расписался на каждой ее странице. Книга эта до сих пор хранится в рукописи, в архиве Чарльстонского святилища. Она никогда не была напечатана; существует, однако

же, десятка два копий с нее, снятых собственноручно высшими чинами палладизма. Теперь передадим в кратких словах вероучение палладистов в том виде, в каком оно сделалось известным Батайлю.

По этому учению сын Евы, Каин, был ею рожден не от Адама, а от самого сатаны Люцифера. Всемирный потоп есть не что иное, как проявление высшей злобы Бога христиан, который решился утопить все человечество только для того, чтобы сгубить потомков Каина. Но случилось так, что жена Хама, сына Ноева, вошла в ковчег уже имея во чреве плод своей связи с одним из потомков Каина. Таким образом кровь Каина и перешла в новое человечество, размножившееся после потопа. Далее легенда палладистов усиливается установить земное происхождение Спасителя именно от этой ветви, но тут уже вероучение палладнзиа становится и совершенно фантастическим, нетерпимым в цензурном отношении, так что дальше мы в него углубляться не в состоянии. Добавим, однако же, кое-какие подробности, касающиеся самого сатаны Люцифера и его придворного штата, Люцифер — верховный владыка чертопоклонников. Ему непосредственно подчинены три великих князя тьмы: Баал-Зебуб, Астарот и Молох. У Астарота есть супруга Астарта, которая в древности пользовалась широким поклонением в Азии; так, в Вавилоне ее обожали под именем Мелитты. Таким образом в штате Люцифера имеются высшие чины обоего пола. Упомянутым трем демонам непосредственно подчинены 72 второстепенных чина, и каждый из них командует многими легионами чертей. У каждого из начальствующих демонов имеется свое особое имя, звание и свой определенный круг службы. Очень многие из этих демонов, как мы уже видели, часто выступали в средневековых процессах ведьм и в делах об одержимости. Всех легионов демонских сил считается 6 666, и в каждом .легионе числится 6 666 демонов того или другого пола. Значит, общее число насельников адовых, вместе с их начальством, исчисляется в точнейшей цифре — 44 435 633.

Антихрист христианской веры тоже включен палладистами в свое учение. Это будет земное воплощение Люцифера, который, разумеется, в конце концов, по благочестивой вере чертопоклонников, должен одолеть своего врага и подчинить себе все человечество, т.е. занять престол римского папы. А когда это совершится и осуществится — это известно палладистам тоже с совершенной точностью. Им известно что 29–го сентября 1863 года родилась прабабка антихриста. Эта прабабка опять-таки очень хорошо известна. Это некая София Уэльдер дочь того самого Уэльдера, который так кстати выручил Батайля в святилище Сан-Хо-Хой, когда нашему злополучному повествователю приходилось отрубить голову китайцу, предназначенному в жертву сатане. Пройдут 33 года, и София Уэльдер произведет на свет бабку антихриста. Это должно было случиться 29–го сентября 1896 г. Но случилось ли это на самом деле или нет, к сожалению, не имеем возможности удовлетворить законное любопытство читателей. Пройдут еще 33 года и 29–го сентября 1929 года народится на свет мать антихриста. Новый промежуток в 33 года, и 29–го сентября 1962 г. народится, наконец, и сам антихрист. Как раз в этот самый день, день рождения антихриста, состоится коронование последнего римского папы. Пройдут еще 33 года, и 29–го сентября 1995 г. народившийся и созревший антихрист заявится в мире. Тогда начнется война за его господство сначала на земле, где она закончится победой антихриста 29–го сентября 1996 года. Это и будет день падения папства. Тогда поле битвы перенесется с земли на небо и бой будет продолжаться три года. 29–го сентября 1999 года Люцифер одержит окончательную победу над Адонаи. Адские легионы под командой Баал-Зебуба одолеют небесное воинство под командой архистратига Михаила. Таковы благочестивые мечтания этих почтенных людей, не нашедших лучшего употребления для своих досугов и лучшего сюжета в пищу своей творческой фантазии.

Чарльстонский храм масонов, по словам Батайля, принадлежит к числу замечательнейших святилищ этой секты. Общий план его таков. Храм представляет собой громадный квадрат, вся середина которого занята круглым лабиринтом. Вокруг этого лабиринта идут опять-таки квадратом широкие коридоры, а в них открываются двери, ведущие в разные помещения. Правая сторона здания занята помещениями обыкновенного простого масонства, так называемого шотландского толка; левая же половина здания принадлежит демонопоклонникам-палладистам. Самая главная святыня храма находится в его задней части, противоположной главному входу. Здесь выстроен очень просторный зал правильной треугольной формы, с необычайно толстыми стенами. В святилище это, которое называется Sanctum Regnum («святое царство»), ведет одна только дверь, вея железная, и чрезвычайно массивная и прочная. Вот здесь-то, в заднем восточном углу этого треугольника, и поставлена главная святыня демонопоклонников — та самая статуя Бафомета, которую, по преданию, вручил тамплиерам сам сатана. Доступ в это святилище постоянно охраняется особыми стражами и входить туда в обыкновенное время могут лишь самые высшие чины вер-

ховного совета. Но в особых исключительных случаях они вводят туда и посторонних посетителей, само собой разумеется, из числа достойнейших. В таком качестве почетного посетителя проник туда и Батайль. Он видел эту знаменитую статую Бафомета. По его словам, она сделана чрезвычайно грубо и вообще носит на себе следы несомненной глубокой древности, хотя трудно утверждать или оспаривать, что она явилась на сцену еще во времена тамплиеров, т.е. в XI иди XII столетиях. Особенно поражает козлиная голова статуи, которая сделала очень уродливо и блистает своим зверским выражением. Около идола нет некоторых из украшений, которые Батайль видел в других храмах. На пьедестале он не видал того кабалистического чертежа, который видел, например, в Калькутте и который считается собственноручной подписью Баал-Зебуба. Но изваяние, как и повсюду в других местах, покоится на огромном шаре, служащем эмблемой земли. Только в Чарльстоне этот шар устроен полый внутри, с дверцею. Таким образом, из него сделан ковчег и внутри этого ковчега хранятся великие святыни люциферитов, именно оригинальные рукописи всех творений Альберта Пайка, как мы уже говорили, продиктованных самим сатаной, а частью и писанных его собственной рукой. Здесь покоятся поэма Пайка «Ариель», его сборник гимнов, его же служебник демонопоклонской веры и «Книга Откровений», о которой мы выше упоминали. Наконец, здесь же сохраняется и собственноручно писанная Люцифером книга «Ападно», представляющая собой пророчество о царстве антихриста. Стены Sanctum Regnum оставлены без всяких особых украшений и выкрашены сплошь в зеленую краску, до такой степени яркую, что посетитель, сразу вступая в святилище из полутемного преддверия, на несколько мгновений бывает ослеплен этим ярким светом.

Но самая главная святость этого места в глазах верующих состоит в том, что здесь перед глазами избранных является сам Люцифер в телесном образе. Явление это происходит каждую неделю, и Батайль слышал о нем от очевидцев, которые много раз его созерцали. Сам же Батайль оговаривается, что он этого счастья не удостоился. Вот как обычно происходит это явление. Стены святилища вдруг начинают испускать яркий свет; из них, по словам очевидцев, начинается как бы «выпот света». В то же время в святилище распространяется сильный жар, который присутствующими весьма ощутительно чувствуется, но отнюдь для них не мучителен. После того из самой глубины земли семь раз раздается глухой громовой раскат. В этот момент присутствующие обыкновенно опускаются на колени и прикладываются устами к полу. В это время они ощущают на своих лицах страшно горячее дуновение, идущее снизу. И в то же время перед ними появляется сам сатана, обычно останавливающийся в трех шагах впереди статуи Бафомета. Во время этих явлений он принимает вид прекрасного собой, свежего и здорового мужчины в цвете лет. Иногда он является крылатый, иногда без крыльев. На его физиономии замечается только одна особенность: сильно изогнутые, словно сведенные судорогой брови. Как только Люцифер появляется, он сейчас же возлагает руки на присутствующих, которые в эту минуту чувствуют себя как бы охваченными каким-то таинственным огнем. Ощущение это, по словам очевидцев, совсем особенное, ни с чем несравнимое: какая-то смесь страдания с сладострастием. Затем Люцифер повелевает всем сесть, сам же все время остается стоя. Появление его продолжается разное время, но редко дольше 33 минут. Он говорит с присутствующими, и речь его всегда состоит из коротких и обрывистых фраз. Звук его голоса чарует слух, как музыка. Он редко говорит о фактах и событиях прошлого или настоящего. Он часто приглашает присутствующих одного за другим высказать свое мнение по какому-нибудь отвлеченному вопросу, но никогда не вступает в пререкания, задает вопросы как бы из простого любопытства. Все свои повеления он всегда высказывает кратко, ясно и решительно. Обыкновенно кончает он свою беседу с верующими кратким ободряющим словом, взывает к их мужеству, успокаивает их насчет своей будущей победы. Почти все свои слова он произносит совершенно спокойным голосом, кроме, однако же, тех случаев, когда ему случается заговорить о христианстве и его святынях; при этом он явно раздражается и даже сжимает кулаки; но обыкновенно быстро овладевает собой и немедленно начинает речь о чем-нибудь другом. Исчезает он всегда мгновенно и, как иногда казалось тем, кто много раз присутствовал при его явлениях, исчезает он как бы помимо своей воли, словно его внезапно кто-то отдергивает.

Случалось даже так, что он внезапно пропадал из глаз, не успев договорить фразу и даже на полуслове.

Другая святыня, хранящаяся в Чарльстонском храме, — это золотое кресло, вещь весьма любопытная; о его происхождении существует следующее сказание. Первоначально это кресло было простым дубовым, и Альберт Пайк сидел на нем, председательствуя в верховном совете. Когда Пайк основал палладизм и писал его устав, разумеется, по внушению и под диктовку самого сатаны, то эта работа шла у него совершенно благополучно до известного места. Когда же он приступил к этому роковому месту, то перо в его руке на пер-

вой же строчке сломалось. Пайк взял другое перо, но его постигла та же участь. Он переменил бумагу. Но перья продолжали ломаться одно за другим. Стремясь уразуметь это происшествие, Пайк прибегнул к великому заклинанию. На это заклинание к нему никто не являлся, а только какой-то голос громко крикнул ему прямо в ухо, чтобы он немедленно отправился в Чарльстон. Пайк приехал в Чарльстон в здесь рассказал свои затруднения своему другу, доктору Макею, такому же убежденному демонопоклоннику, как он сам. Оба они немедленно отправились в храм, заперлись там в том самом зале, где стояло вышеупомянутое дубовое кресло, и предались пламенной молитве, прося Люцифера, чтобы он поборол чары врагов, которые, как думал Пайк, мешали ему писать устав. Окончив эту молитву в взглянув на кресло, они увидели, что из деревянного оно вдруг сделалось золотым. На кресле лежала рукопись и в зале распространился сильный запах горящей серы — явный знак адского посетителя. На кресле они рассмотрели очень хорошо им известный иероглиф, представляющий собой подпись Баал-Зебуба. Они развернули рукопись и увидели, что она содержала в себе как раз то самое продолжение устава, которое не давалось Пайку. Его написал за Пайка сам Баал-Зебуб. Рукопись была писана прекрасным почерком, чернилами яркого зеленого цвета. Рукопись была написана на латинском языке и сопровождалась переводами на английский, испанский, французский, немецкий, португальский и голландский языки. В конце рукописи красовалась подпись Баал-Зебуба красными буквами ослепительной яркости. На другой день был созван великий совет избранных, которым надлежало доложить обо всех этих происшествиях и прочитать главу устава, написанную Баал-Зебубом. На собрание явилось семь братьев. Около золотого кресла поставили шесть простых кресел и на них совершенно благополучно расположились шесть членов совета. На седьмое же, т.е. на золотое кресло, должен был воссесть Альберт Пайк. Но едва он на него опустился, как его вдруг, словно пружиной, подбросило на два аршина кверху. Он свалился на пол, но совершенно благополучно, без всякого вреда. Пайк был смертельно сконфужен; очевидно, что сам Люцифер сбросил его с кресла, не желая, чтобы он председательствовал. Порешили, что Люцифер желает другого председателя, и тогда остальные шестеро начали один за другим пробовать усаживаться на кресло, но их всех с него сбросило той же невидимой пружиной. Братья растерялись и недоумевали, кто же будет председательствовать. Но вдруг в зале сверкнула молния, и в то же мгновение на золотом кресле появился сам Баал-Зебуб. Он и председательствовал на этом собрании, и таким путем самолично освятил новообразовавшуюся секту слуг люциферовых. Батайль уверяет, что и в настоящее время повсюду, где только образуется новый кружок демонопоклонников (так называемый Совершенный Треугольник), то каждому вновь поступающему члену опрос совершается самолично особым демоном, назначаемым для этого Люцифером, причем по окончании опроса демон целует кандидата. В Чарльстоне депутатом от Люцифера является Баал-Зебуб, в других местах — другие демоны.

Золотое кресло, как одна из высших святынь, показывается тоже далеко не каждому желающему, а только высшим чинам чужих обществ. Но Батайль его видел и свидетельствует о его необычайно чудесных свойствах. Кресло золотое, массивное. Его можно шевелить, двигать, осматривать. В нем при самом тщательном исследовании не видно никаких механических секретов и приспособлений, но сесть на него решительно невозможно. Батайль попробовал, но его подбросило на два аршина кверху. Рассказывают, что какой-то высший масонский чин, одержимый духом сомнения и уверенный в том, что в кресле имеются электрические приспособления для сбрасывания, надел на себя шелковую изолирующую одежду. Но его, когда он сел в кресло, подбросило к самому потолку и ударило о него головой; книзу он полетел с значительной шишкой на лбу, да сверх того, ударившись об пол, сломал себе ногу. С тех пор смельчаки стали относиться в этому креслу почтительнее. Третья святыня Чарльстонского храма — это череп Якова Молэ. Но надо читателям напомнить вкратце, кто такой был Яков Молэ. Он был последним гроссмейстером ордена храмовников. В это время французский король Филипп Красавец и папа Климент V пришли между собой к соглашению нанести храмовникам решительный удар и совершенно их уничтожить. Филипп, как известно, был весьма тонкий политик и ухитрился заманить Молэ во Францию. Сначала ему был оказан там самый радушный и почетный прием, но через два года (в 1307 г.) Молэ внезапно был схвачен под тем предлогом, что храмовники изобличены в бесчисленном множестве самых гнусных преступлений, Яков Молэ, как их гроссмейстер, разумеется, и должен был понести возмездие за все эти преступления. Его подвергли неслыханным истязаниям и, разумеется, добились от него призвания во всех злодействах, которые на него взводили. Молэ потом отрицал все эти свои показания, как вынужденные пыткой. Но этому, конечно, не вняли, и Молэ был сожжен на костре в Париже 18-го марта 1314 г. Как известно, главное преступление и злодейство храмовников состояло в том, что они в своих непрестанных войнах с Востоком скопили несметные богатства, которыми и завладели папа с королем после того, как прикончили орден. Но это мимоходом. Главная же

суть в том, что череп сожженного Якова Молэ остался целым и невредимым. Но почему этот череп оказался священной вещью, когда попал к современным люциферитам-палладистам? Потому, что рыцари-храмовники были настоящие демонопоклонники, о чем прежде всего свидетельствует статуя Бафомета, хранящаяся в Чарльстонском капище, которая досталась палладистам тоже от храмовников. Масоны полагают или, лучше сказать, свято веруют, что Яков Молэ не весь сгорел на костре. Палач, заведовавший сжиганием, был подкуплен друзьями Молэ и устроил так, что когда Молэ был задушен дымом, то палач уменьшил огонь и в конце концов ему удалось сжечь только тело Молэ, голова же осталась цела, на ней обгорели лишь волосы и борода. Палач ее ловко скрыл и потом передал тем, кто его подкупил. После того череп был очищен и вместе со статуей Бафомета отправлен в Шотландию. Там, т.е. в руках тамошних масонов, обе эти вещи и хранились до 1801 г. В этом году один еврей-масон, Исаак Лонг, переселился в Америку и основал в Чарльстоне ту самую масонскую ложу, которую впоследствии Альберт Пайк перевел в свой палладизм. Этот Лонг и привез с собой в Америку обе святыни, т.е. статую Бафомета в череп Молэ.

Батайлю удалось видеть и «ту святыню. Он говорит, что череп положен на вершине большой гранитной колонны. Батайль тщательно осмотрел и колонну, и череп, и не нашел в них ровно ничего подозрительного, что наводило бы на мысль о том, что чудеса, творящиеся с этим черепом, производятся с помощью каких-нибудь механических ухищрений. А между тем, чудеса эти Батайль в свою очередь видел и дивовался на них. Дело в том, что первоначальное откровение о том, что этот череп находится в особом ларчике, оставшемся после смерти упомянутого еврея Лонга, было сделано доктору Макею, одному из членов верховного совета палладизма. Это совершилось 11-го марта 1849 г. Макей в то время внезапно и без всякой причины погрузился в летаргический сон, который продолжался целый час, а в это время из всех отверстий черепа вырывались снопы пламени. С тех пор ежегодно в тот же самый день, т.е. 11-го марта, то же самое явление регулярно повторяется. Макей впадает в летаргию, а череп изрыгает пламя и говорит. Само собой разумеется, что в этот день всегда происходит торжественнейшее заседание всех высших чинов палладизма, на которое допускаются также и гости, конечно, лишь такие, которые облечены высшими чинами в своих обществах. Таким путем на торжество попал и наш доктор Батайль. Эго было 11-го марта 1881 года. Председательствовал на торжестве сам Альберт Пайк. Всех же гостей собралось 44 человека, в том числе были и дамы. Череп Молэ покоился на своей гранитной колонне. Батайль при этом кстати и мимоходом старается доказать, что этот череп, столь почитаемый палладистами, не мог быть черепом какого бы то ни было европейца, а принадлежал наверное какому-нибудь жителю Дальнего Востока; об этом Батайль заключает по внешности черепа, по его измерениям и пропорциям. Он убежден, что палладисты добросовестно заблуждаются, считая этот череп останками Якова Молэ. Но не в этом дело, заключает он, т.е. не в том, чей это череп, а в том, что сатана действительно избрал его орудием для своих проявлений, для каковых он с таким же удобством мог бы воспользоваться и черепом обезьяны или каким угодно другим.

В описываемый день неподалеку от гранитного пьедестала с черепом было поставлено кресло, и на нем уселся д-р Макей; это очень важное лицо у палладистов; они считают, что в него преемственно перешла душа последнего гроссмейстера храмовников. В 1881 г. он был еще жив, и Батайль видел его на церемонии. Старичок уселся около самой колонны с черепом и в определенный момент внезапно откинулся на спинку кресла и погрузился в мертвый сон. Батайль, как врач, имевший случай наблюдать при этом Макея, замечает, что состояние, в которое он впал, невозможно было в точности характеризовать с точки зрения научной медицины. Старик как бы совсем умер и оставался мертвым около часа, а потом благополучно воскрес.

Как только старый Макей погрузился в свой мертвый сон, череп, лежавший на гранитной колонне, внезапно ярко осветился, словно бы внутри него вспыхнула электрическая лампа. Все огни в зале были тотчас потушены. Свет из черепа исходил сильный, напряженный, распространявшийся т всему помещению. Он с минуты на минуту усиливался, и через несколько времени из глазных впадин хлынули два могучих снопа пламени. По словам Батайля, это был настоящий живой огонь; он вырывался из черепа с громким свистом и воем, подобно пламени, вырывающемуся из трубы раскаленной печи. Пламя беспрестанно меняло свой цвет, становилось то красным, то желтым, то зеленым, то белым. Но череп, который при естественных условиях был бы быстро разрушен таким ужасным огнем, оставался совершенно цел и невредим, словно был сформован из огнеупорной глины. От этого пламени в зале стоял яркий свет и ощущалась удушливая жара. По временам этот фонтан огня опадал, успокаивался, но вслед за тем пламя вырывалось тремя громадными снопами из глазных впадин и носового отверстия. Эти три огненных луча вытягивались на несколько ар-

шин, как три огненные змеи, и медленно колебались в воздухе. Батайль ясно различал, что концы этих огненных лучей по временам собирались в комок и принимали вид змеиных голов с разверстыми пастями, из которых высовывались тонкие огненные языка. Если это был фокус, выполняемый с помощью каких-нибудь механических приспособлений, говорит Батайль, то надо признаться, что он был выполнен с удивительным совершенством. Но, как уже сказано раньше, при тщательном осмотре черепа и колонны Батайль не заметил ничего подозрительного, никаких следов механических приспособлений. Отсюда он заключает, что все явление должно быть приписано участию адских сил. Вдобавок череп не только изрыгал пламя, но и говорил. Среди воя и свиста огненных струй Батайль совершенно отчетливо различал восклицания, слова, выкрикиваемые пронзительным и громким голосом. Слова были исключительно богохульные. Альберт Пайк начал потом задавать черепу разные вопросы, и череп на них отвечал, да при том не отдельными словами, а длинными, совершенно связными фразами, даже целыми речами; и эти речи невидимого оратора, произносимые адским голосом, производили потрясающее впечатление. Явление продолжалось не меньше часа. Потом огонь в черепе мгновенно потух, и в то же время Макей очнулся, словно проснувшись от глубокого сна.

Все достопримечательности Чарльстонского капища мы не будем описывать, потому что у нас остается уже немного места, а рассказать предстоит еще немало. Упомянем, однако же, о лабиринте, о котором сказано было выше. Лабиринт Чарльстонского храма — это громадный круг, около 25 сажен в поперечнике, состоящий из переплетающихся между собой коридоров. Его не было в первоначальном храме, а устроен он по мысли Альберта Пайка и доктора Макея. Внутрь лабиринта ведут семь дверей, из которых каждая снабжена особой надписью: «Ubertas», «Caritas», «Ignis» и т.д. Лабиринт служит средством испытания для кандидатов на высшие чины палладизма. Кандидата впускают внутрь лабиринта, предоставляя ему войти в какую угодно из семи дверей. Его сначала обводят по круглому коридору, идущему вокруг всего лабиринта, и показывают ему эти семь дверей. Кандидат должен угадать, в какую из дверей ему следует войти для того, чтобы попасть в некое таинственное святилище, скрытое в недрах лабиринта. При этом предполагается, что если кандидат достоин желаемого чина, то сам Люцифер вдохновит его и вразумит, в какую из семи дверей надо войти, чтобы добраться до святилища. Если же кандидат недостоин и сатана его не приемлет, то он в эту дверь не попадет, и тогда, проблуждав долгое время по бесконечным коридорам лабиринта, устроенным совершенно однообразно, сделав сотню поворотов направо и налево, он непременно кончит тем, что выйдет опять в наружный коридор, через одну из шести дверей, и, быть может, в ту самую, через которую вошел. В таком случае испытание на этом и кончается; коли кандидат не попал в святилище, то, значит, сам Люцифер противится его избранию. Настоящая же дверь, которая прямо ведет в коридор, упирающийся в дверь святилища, это та, которая носит надпись «Ignis» (Огонь). Через эту дверь кандидат попадает в недлинный коридор, слегка уклоняющийся книзу. Пройдя несколько шагов, счастливый кандидат поворачивает налево, потом, еще через несколько шагов, направо, и затем перед ним обозначается вызолоченная дверь, на которой он читает надпись из серебряных букв: «Quere et invenies» («Ищи и обрящешь»). Едва кандидат поставит ногу на порог этой двери, как она перед ним сама открывается. И вот он проникает в святилище Истинного Света, которое еще иначе называется святилищем избранных «благого божества». Люцифериты всегда так называют сатану. Камера, в которой находится святилище, имеет квадратную форму, ее длина и ширина около 10–11 аршин. У задней стены поставлен роскошный алтарь и на нем статуя. Все это носит следы художественной работы и, по всей вероятности, стоило громадных денег. Центральная фигура алтаря не Бафомет, как в других сатанинских капищах, а сам Люцифер. Он представлен крылатым человеком, как бы спускающимся с неба на своих разверстых крыльях. В правой руке он держит факел, а в левой — рог изобилия, из которого сыплются на землю плоды и цветы. Статуя опирается на одну правую ногу, которой она попирает чудовище с тремя крокодильими головами; на двух из этих головах надеты короны: на одной королевская, как символ светской власти, на другой папская тиара, как символ духовной власти; третья крокодилья голова держит в пасти меч, символ военной тирании. Справа у ног Люцифера сидит орел с распростертыми крыльями и железной короной на голове. Идол Люцифера выделан из массивного золота. Его окружают серебряные облава, а сзади идет в виде треугольника колоннада из семи колонн, выделанных из драгоценного мрамора. Сзади над головой Люцифера виднеется светлый и блестящий треугольник, помещенный на черном фоне и окруженный сверкающими молниями. Внизу у пьедестала статуи поставлены три статуэтки главных демонов, подчиненных Люциферу: Астарота, Вельзевула в Молоха, каждого со своими особыми эмблемами.

Кандидат, который удачно попал в ту дверь, в какую следует, конечно, останавлива-

ется в созерцании перед этой статуей и, поразмыслив, догадывается, в чем состоит суть, т.е. чему именно поклоняются те, в общество которых он вступил. Если он не отступит перед перспективой сделаться обожателем черта, то с этого момента он и признается достойным получить высший палладический чин. Если же он в святилище не попал, то ему дается отсрочка, после которой он подвергается тому же испытанию, т.е. новому блужданию по лабиринту. Сколько раз повторяется это испытание, Батайль этого не говорит.

Других достопримечательностей Чарльстонского капища мы не имеем места описывать, и при том они уже не так значительны по сравнению с описанными. Мы теперь со слов Батайля, из разных мест его обширного сочинения, выберем лишь характеристики замечательнейших личностей, подвизающихся на поприще демонопоклонства, и разные чудеса, которым Батайль в большинстве случаев был личным свидетелем.

Мы уже упоминали о Уэльдере и его дочери Софии, которая у люциферитов считается прабабкой антихриста. Другая замечательная личность, тоже особа женского пола, и притом девица, считающаяся одной из самых выдающихся кудесниц демонизма, это — мисс Диана Воган. Ее волшебные качества и заслуги были, разумеется, оценены по достоинству, и она была избрана гроссмейстершей одного из нью-йоркских «треугольников». Мы, кажется, упоминали, что союзы чертопоклонников обычно называются у них «треугольниками», потому что эта геометрическая фигура по каким-то мистическим соображениям считается священной. В силу этого воззрения, например, главное святилище в Чарльстонском храме, как мы упоминали в своем месте, устроено в виде треугольника. Диана Воган по происхождению полуфранцуженка-полуамериканка. Она получила прекрасное образование и чрезвычайно много путешествовала, гостила, между прочим, и у нас в Москве. В масонство она вошла еще в юном возрасте.

Ей посчастливилось обратить на себя внимание одного из самых влиятельных демонов, именно Асмодея. Об атом он лично засвидетельствовал 28-го февраля 1884 года на собрании масонов-люциферитов в городе Луизвилле в Америке. Заседание это началось, как обычно, т.е. вся публика выстроилась перед статуей Бафомета и начала возносить к нему молитвы. И вдруг, среди этих молений, своды храма разверзлись и перед собравшимися собственной особой появился Асмодей. Он медленно спускался сверху и, наконец, остановился в некотором расстоянии над головами присутствующих. В правой руке он держал особой формы меч, а в левой — какой-то загадочный предмет, похожий на хвост крупного зверя. Став на воздухе в надлежащую позу, Асмодей обратился к публике с речью. Он поведал им, что сейчас только что произошла жестокая баталия на небесах между полчищами Адонаи и Люцифера. Схватка окончилась ничем, но в пылу боя ему, Асмодею, удалось отсечь хвост у того льва, который обычно сопровождает евангелиста Марка. Он и принес этот победный трофей своим верным луизвилльским поклонникам. С тех пор этот хвост хранится у них, как высшая святыня. Разумеется, для его хранения был изготовлен великолепный, роскошный ковчег. В октябре того же года Воган пожелала поступить в луизвилльскую ложу. Ее восприемницей оказалась София Уэльдер. Во время церемонии между восприемницей и посвящаемой вышло крупное недоразумение из-за того, что Диана отказалась выполнить какие-то формальности. Возникли споры и пререкания, и вопрос о том, принимать Диану или не принимать, решили подвергнуть голосованию. Но как раз в этот момент в ковчеге, где хранился принесенный Асмодеем львиный хвост, послышался стук; казалось, заключенный в ковчеге хвост прыгал и бился в нем, словно настаивая на том, чтобы его выпустили. Разумеется, кинулись к ковчегу и поспешили его открыть. Таинственный хвост выпорхнул из своего помещения, взвился на воздух и, быстро мелькая в пространстве, принялся хлестать всех тех, кто был в оппозиции, т.е. противился избранию Дианы. И таким путем вопрос был решен; очевидно, сам Асмодей настаивал на ее избрании. Когда хвост угомонился, его почтительно возложили на стол, и председатель вопросил его, кто в нем. На вопрос: «не Асмодей ли?», хвост произвел условный удар об стол, означавший утвердительный ответ. Значит, на заседание пожаловал опять-таки сам Асмодей. Между тем, хвост вдруг опять сорвался с места, пролетел по воздуху прямо к Диане Воган и грациозно обвился у нее вокруг шеи. Кисть на конце хвоста приподнялась и обратилась в голову демона. Эта голова открыла рот я заговорила:

— Я, Асмодей, командир 14-ти легионов огненных духов, объявляю, что моя возлюбленная Диана находится и всегда будет находиться под моим покровительством и защитой. Каждый раз, когда пожелают ко мне обратиться, она должна будет при этом присутствовать, и я буду отвечать лишь ей одной.

Затем, обращаясь в самой Диане Воган, Асмодей сказал:

— Диана, я буду повиноваться тебе во всем, но при одном непременном условии: ты никогда не должна выходить замуж. И знай, что если ты нарушишь это условие, единственное обязательство, которым я тебя связываю, то я удавлю того, кто станет твоим мужем. И действительно, Асмодей с тех пор крепко держался своего слова я защищал Диану Воган, иногда даже с большой жестокостью. Однажды, например, в Париже (это было в тот же год, когда Асмодей объявил Диану своей избранницей) в одном кружке демонопоклонников некто Бордоне произносил речь, заключавшую в себе какие-то нападки на Диану Воган. В самом патетическом месте этой речи оратор вдруг взревел благим матом, и в тот же миг его голова повернулась на своей оси ровно на 180°, т.е. обернулась лицом на спину, а затылком на грудь, и в такой позиции осталась. София Уэльдер, участвовавшая в этом заседании, вопросила Люцифера, за что такая зазорная вара постигла несчастного Бордоне? Ей было объяснено, что расправа последовала за непочтительную оппозицию, оказанную оратором Диане Воган; у нее он и должен попросить прощения, и если получит его, то его голова будет вывернута в естественное положение. Диана — девица добрая, она простила: и все пришло в порядок.

Весьма замечательное происшествие с той же Дианой Воган было еще в знаменитой Мамонтовой пещере, в Америке. Читатели, без сомнения, знают об этой пещере, одной из величайших в мире, тянущейся на несколько десятков верст. Однажды в конце восьмидесятых годов прошлого века большая компания демонопоклонников, в которой участвовала и Диана, предприняла увеселительную поездку в эту пещеру. В ней есть, между прочим, громаднейший зал, чрезвычайно высокий, дно которого занято глубоким озером, так называемым Мертвым морем. Забравшись сюда, демонопоклонники, пользуясь отсутствием всяких посторонних свидетелей, вздумали совершить при этой исключительной обстановке вызывание своего демона-покровителя Асмодея. Председатель компании взобрался на высокий утес, а остальная публика стала у подножия этого утеса. Но едва председатель выговорил первые слова заклинания, как дух уже обнаружил свое присутствие, не заставив себя долго просить на «тот раз. Вода озера, обычно мертвенно-спокойная, вдруг взволновалась и начала кипеть, словно в котле. Высокие своды пещеры засверкали, подобно небу, покрытому звездами; утес, на котором стоял председатель, опустился до уровня окружающей его почвы и сказать, ссадил с себя президента. Стены зала пришли в движение словно это были глыбы масла, передвигаемые какими-то гигантскими руками. На них во мгновение ока образовались громадные колонны и весь зал принял вид внутренности масонского храма. После того на противоположном берегу озера вдруг появился сам Асмодей во всей своей адской торжественности и славе, т.е. сам сверкающий, как огонь и окруженный пламенем. Он разверз руки и громовым голосом призвал к себе Диану. Взоры присутствующих невольно обратились на избранницу командира 14-ти адских легионов. Она мгновенно вся преобразилась. Она, как автомат, тронулась вперед, прямо к воде, и потом пошла по воде, как посуху. Она шла прямо к своему демону, ждавшему ее с распростертыми объятиями. Перейдя все озеро я приблизившись в Асмодею, она пала к его ногам и приложилась к ним устами. В тот же момент разразился удар грома, Асмодей исчез, и пещера приняла свой натуральный вид; Диана же очутилась лежащей на вершине того самого утеса, на котором перед тек стоял председатель. Ее тело испускало яркий свет. Когда к ней подошли, она приподнялась с видом человека, проснувшегося от сладкого сна. На расспросы товарищей она сказала, что с ней произошло что-то неизъяснимое, что в ее существовании произошел какой-то перелом и она чувствует, что с этой минуты для нее начнется совсем новая жизнь.

Батайль рассказывает о Диане Воган много разных чудес. Вот еще одно из них. В 1893 г. скончался знаменитый Альберт Пайк, верховный жрец чертопоклонников, антипапа, как называет его Батайль. По поводу избрания ему преемника начались раздоры в среде люциферитов. Образовалось две партии; одна выставляла кандидата американца и хотела, чтобы главная святыня и верховный совет оставались в Чарльстоне, другая же партия выставляла кандидатом итальянского кудесника Лемми и требовала перенесения резиденции в Рим. Диана Воган принадлежала к первой партии — американской. Но верх одержала вторая партия. Американцы крепко закручинились; среди них возник вопрос, что должна собой обозначать их неудача и не надлежит ли ее истолковывать в том смысле, что «благое божество» повернулось спиной к своим американским обожателям. Особенно волновались парижские люцифериты, всегда державшие руку американцев. А Диана Воган как раз в это время гостила в Париже. Один из тамошних люциферитов, Паласиос, друживший с Дианой, рассказал ей о кручине парижских собратьев в умолял ее явиться к ним на собрание и успокоить их. Диана охотно на это согласилась, т.к. лично она была глубоко убеждена в том, что владыка ада отнюдь не думал лишать американских поклонников своего благоволения. Диана явилась на собрание неся в руках свой волшебный сундучок. Она открыла его

и вынула из него прелестную красную розу и маленький бубен. Это ее два талисмана, с помощью которых она приходит в экстаз. Ободок бубна сделав из боярышника; он очень тоненький, высотой не более вершка; в нем проделаны дырочки и в них вставлены погремки из какого-то неведомого металла, которые при сотрясении бубна производят громкий кристальный звук. Кожа натянутая на бубне, покрыта какими-то непостижимыми знаками, посредине ее вделана серебряная звезда с семью лучами, окружающая золотую букву А. Это, очевидно, первая буква имени Асмодея.

Вступив в зал собрания, Диана попросила присутствовавших, перед тем хором певших гимны сатане, умолкнуть. Сама она стала посредине зала и опустилась на одно колено, публика же в полном безмолвии обступила ее вокруг. Склонившись на колено, Диана пришпилила свою розу к корсажу. Потом она слегка запрокинулась назад, подняла левой рукой свой бубенчик и побренчала им у себя над головой, а потом потихоньку его опустила и прикоснулась губами в серебряной звезде. Потом взяла бубен в правую руку, снова загремела им и начала медленно и постепенно перегибаться назад, с таким видом, как будто чья-то сильная рука поддерживала ее под талию. Перегнувшись совсем и запрокинувшись назад елико возможно, она тихонько подбросила кверху свой бубен, и он взлетел к самому потолку, словно птица. В тот момент, когда он долетел до потолка и толкнулся в него, зазвенев своими погремушками, раздался сильный удар грома. А бубен после того стал тихо-тихо опускаться вниз, словно кружок папиросной бумаги. Но до полу он не долетел, а остановился на высоте около 3-х футов и принялся кружить около Дианы, звеня своими погремушками. Диана в это время оказалась в совершенно сверхъестественной позе; она лежала почти совершенно параллельно к поверхности пола, во всем было видно, что она висит на воздухе, прикасаясь к полу только пятками. Она медленно повела головой и оглядела всю публику. Выражение ее глаз было какое-то своеобразное, ясно свидетельствовавшее о том, что она пришла в состояние высшего экстаза. Присутствовавшие не сводили с нее глаз. Все видели, как ее пятки отделились от пола. Она вся выпрямилась и теперь уже совсем висела на воздухе, не прикасаясь к полу даже одеждой, которая держалась на ней совершенно неподвижно, как на изваянии. Бубенчик продолжал со звоном порхать вокруг ее тела. Вдруг присутствовавшие заметили, что расстояние между телом Дианы и полом начинает как будто бы увеличиваться. Скоро уже не оставалось сомнения в том, что Диана поднимается на воздух все выше и выше. В то же время в воздухе раздавалось пение каких-то невидимых сирен. Можно было различить даже слова, которые они пели, но слова эти принадлежали какому-то неведомому языку. Возносясь все выше и выше, Диана поднялась, наконец, почти под самый потолок. Тут она остановилась, а ее бубенчик поместился у нее под головой, на манер подушечки. Вокруг тела Дианы изящными складками драпировалась ее одежда и от всей ее фигуры исходил яркий свет. Она оставалась висящей у потолка почти четверть часа, и все то время в зале царило полное безмолвие, лишь изредка прерываемое отдаленными раскатами грома.

Повисев так под потолком, волшебница начала с той же медленностью опускаться вниз. На половине высоты между полом и потолком она снова приостановилась и провисела несколько минут неподвижно. Потом ее тело, начало тихо-тихо поворачиваться и, наконец, очутилось в совершенно отвесном положении, но только головой книзу, причем опять-таки ни одна складочка на ее одежде не тронулась, и она прилегала к ее телу, как на мраморной статуе. В таком странном положении Диана опять начала опускаться книзу, медленно поворачиваясь в воздухе во все стороны. Над самым полом она обернулась ногами книзу, вынула из-за корсажа свою розу, поднесла ее к носу, медленно и глубоко вдохнула в себя аромат и, наконец, встала на пол. Ее глаза приобрели совершенно естественное выражение; она протерла их, как человек, пробудившийся от сладчайшего сна, и проговорила несколько приветственных слов присутствовавшим. Роза и бубен выпорхнули из ее рук, сами перелетели в своему сундучку, который, приняв их в себя, в ту же минуту сам собой захлопнулся. Этим и кончилось представление.

Диана Воган, благодаря своему исключительному дружеству с Асмодеем, может быть вызываема сама, подобно духу; и д-ру Батайлю посчастливилось быть свидетелем-очевидцем ее вызывания. Случилось ему быть в гостях у одного из ближайших друзей мисс Воган. Зашла речь об одном волшебном снаряде, так называемом arcula mystica, который чертопоклонниками и вообще всяческого рода высшими оккультистами применяется при сношениях их между собой на каком угодно расстоянии. Батайль заметил, что у его хозяина этого снаряда нет, и что ему, вероятно, трудно без него обходиться.

— Нисколько, — отвечал ему приятель, — ведь у нас все сношения между собой и с высшим миром производятся через посредство мисс Воган; а ее мы когда угодно можем вы-

звать без всяких особых волшебных снарядов.

Батайль чрезвычайно заинтересовался этим способом вызывания знаменитой волшебницы, и его хозяин тут же ему и показал, как это производится. Он повел Батайля в свой кабинет, старательно запер дверь, потом взял лист обыкновенной, так называемой золотой бумаги, которой обклеивают коробочки и вырезал из ней семь звезд, каждая с семью лучами. У него был заготовлен из картона шаблон совершенно правильной формы; по нему он и вырезал золотые звезды. Затем на золотой стороне каждой звезды он надписал одну за другой все семь букв имени Люцифера. Писал он, конечно, французское или латинское имя «Lucifer», которое состоит из семи букв. На исподней, белой стороне звездочек он написал одну за другой буквы непостижимого на первый взгляд слова «Masanec», но это слово не что иное, как псевдоним мисс Воган. Остатки листа, из которого вырезались звезды, он свертел в комочек и капнул на него ровно семь капель розового масла. Он торопился окончить всю эту операцию, потому что ее надо было закончить к известному часу. Наделав звезд, он взял заранее заготовленный квадрат из белого картона, в 70 сантиметров, т.е. почти ровно в аршин. На этот картон была наклеена большая семилучевая звезда из серебряной бумаги, а в центре серебряной звезды был наклеен кружок из золотой бумаги. Вокруг этого кружка, против острия каждого луча звезды, были написаны буквы имени «Lucifer»; эти буквы были надписаны зелеными чернилами, а повыше их, в промежутках между ними, семь букв слова «Asmodea», другого псевдонима мисс Воган. Этот большой картон с серебряной звездой он положил на круглый стол, около которого поставил кресло, а с другой стороны, прямо против кресла, стул. Сам он сел на этот стул, Батайлю предложил другой, стоявший радом, кресло же оставалось пустым и предназначалось для вызываемой мисс Воган. На стол он поставил, прямо на золотой кружок, наклеенный на звезде, большую спиртовую жаровню. Кресло было так поставлено, что первая буква имени Люцифер приходилась как раз против его середины.

Теперь все было готово для вызывания. Вызыватель попросил Батайля сидеть тихо, а главное не произносить ни слова до самого появления вызываемой. Потом он вынул часы. Это был точнейший хронометр, установленный по географической долготе того места, где производилось вызывание. В тот момент, когда они уселись на места, оставалось две или три минуты до 10 часов вечера. Семь звезд, которые раньше были вырезаны, лежали одна на другой правильной кучкой справа от заклинателя. Он сложил их в порядке букв имени Люцифер, так что сверху лежала звезда с буквой L, под нею звезда с буквой U, и т.д. Слева же от него лежал комочек золотой бумаги, смоченный розовым маслом. Заклинатель зажег спиртовую лампу и попросил Батайля задуть свечи, которые как раз стояли около него. Комната освещалась только бледным спиртовым пламенем.

Когда стрелка хронометра остановилась ровно на 10-ти часах, заклинатель взял в левую руку комочек надушенной бумаги и положил его на букву R, последнюю букву имени Люцифера, а средний палец правой руки, которую он держал широко разверстой, на последнее A имени Asmodea. После того он свою разверстую левую руку прижал себе против сердца и громким голосом очень внятно и медленно проговорил:

— Асмодей, дозволь твоей супруге Диане появиться передо мной.

Потом он некоторое время посидел зажмурив глаза и как бы ожидая чего-то. Потом он объяснил Батайлю, что в эту минуту он сосредоточенно считал секунды до 77. Это число у люциферитов тоже священное, потому что соответствует числу демонов-вождей, командующих легионами адских сил. Совершив этот счет, заклинатель открыл глаза и немедленно устремил их на свой хронометр, тщательно следя, когда стрелка будет показывать три минуты одиннадцатого. Когда наступил этот момент, он левой рукой быстро переложил задушенный комок бумаги на следующую букву имени Люцифера, вторую с конца, т.е. E; в то же время средний палец правой руки он передвинул на следующую букву имени Asmodea — вторую от конца, т.е. E. И опять он произнес то же воззвание к Асмодею. Последовало новое зажмуривание глаз и новый счет до 77. Когда прошло еще три минуты, и было шесть минут одиннадцатого, он переставил бумажный комочек в палец на следующие буквы и продолжал так до последних букв. Но после последнего перемещения он уже не зажмуривался, а взял бумажный комочек левой рукой и бросил его в пламя спиртовой лампы. Правой рукой он в то же время взял золотую звезду, лежавшую сверху (на которой были буквы L и M). Прежде всего он почтительнейше облобызал эту звезду с той и с другой стороны, а затем и ее сжег в пламени спирта; при этом ему, наверное, слегка обожгло пальцы, но он даже и бровью не повел и держал бумажку пальцами, пока она не сгорела вся дочиста. Теперь началось последовательное сжигание всех золотых звезд, но на этот раз с

промежутками ровно в 7 минут, так, чтобы последняя звезда сгорела как раз к одиннадцати часам. Одиннадцать, как мы уже много раз упоминали, самое священное число у демонопоклонников. И в тот момент, когда догорела последняя звезда, он откинулся на спинку стула и закрыл глаза. В соседней комнате часы как раз пробили одиннадцать. Заклинатель в последний раз проговорил свой призыв: «Асмодей, дозволь своей супруге Диане появиться передо мной», и медленно открыл глаза.

Спиртовая лампа вдруг вспыхнула ярким белым пламенем, и в ту же минуту Батайль увидел перед собой на кресле, стоявшем по ту сторону стола, мисс Диану Воган.

— Друг мой, — сказала она, обращаясь к вызывателю, не глядя на Батайля и как бы совсем не видя его, — вот и я. Я была в Москве. Что вы от меня хотите?
— Простите меня, дорогая Диана, за то, что я побеспокоил вас, — ответил ей заклинатель. — Мы долго беседовали о вас вот с ним, с доктором. Это он пожелал видеть вас.

Тут она довернула голову к Батайлю и проговорила со смехом:

— Ах, в самом деле, здесь доктор! Вы человек неисправимый, доктор. Признайтесь откровенно, что вы призвали меня только из одного любопытства и что вам совсем нечего сообщить мне?

Батайль попросил позволения встать с места и подойти в привидению. Это ему было немедленно разрешено. Подойдя к призраку, он сказал:

— Я не знаю, кто вы, здесь появившаяся. Действительно ли вы мисс Диана Воган?
Призрак разразился громким хохотом.
— Надеюсь, — сказал он, — что вы не приникаете мена за злого духа?

Батайль, конечно, ответил, что не принимает, но все же не может постигнуть происходящего перед его глазами удивительного явления. Он взял в руки большую камышовую трость и направил ее прямо на призрак, который не оказал никакого противодействия. Трость прикоснулась к призраку, проткнула его насквозь, уперлась в спинку кресла, и ее конец, прикоснувшийся в креслу, от этого прикосновения мгновенно загорелся. Диана снова закатилась хохотом и вслед за тем мгновенно исчезла, а в руках Батайля трость продолжала гореть.

По окончании всей операции хозяин объяснил Батайлю, что такой способ вызывания Дианы был преподан самим Асмодеем с указанием всех его мельчайших подробностей. Надо только в точности следовать установленному порядку, проделать все, не выпуская ни малейшей мелочи. И тогда вызывание, наверное, будет удачно. Хозяин предлагал самому Батайлю в этом убедиться. Предлагаем и мы со своей стороны то же самое нашим читателям, если бы между ними нашлись ярые любители таинственного, не очень боящиеся чертей. Батайль же, со своей стороны, остался при глубоком убеждении, что перед ним являлся не призрак самой Дианы Воган, а просто-напросто черт, принявший ее внешность.

В ряду множества чудес, виденных Батайлем, можно отметить те таинственные явления, которые он наблюдал в Сингапурском кружке палладистов. Он попал там на одно торжественное собрание, во время которого посвящали в высший чин секты какую-то девицу из высшего общества. Ритуал избрания мы описывать не будем, потому что это вещь довольно скучная. Состоял он в обмене разными волшебными условными словами, а мы уже приводили примеры таких опросов, выдержанных самим Батайлем. Значительную часть этого рукоположения составляла длиннейшая речь председателя собрания, с которой он обращался к новой избраннице. Эта речь представляла собой подробное изложение учения палладистов, о котором мы тоже уже дали понятие. Потому мы, опустив все это, перейдем к заключительным сценам торжества, начавшимся уже после того, как сам акт посвящения был вполне закончен.

Все в торжественном молчании уселись на свои места, и огни в зале были потушены.
И тотчас вслед за тем обнаружилось очень странное явление. В зале, само собой разумеется, находился алтарь Бафомета, как и во всех демонопоклоннических капищах. И вот этот алтарь начал испускать свет, словно он был намазан фосфором. Сходство с фосфорным светом дополнялось еще тем, что от алтаря поднимался ясный дымок, а предметы, намазанные фосфором, всегда дымятся. Движение этого дыма сообщало воздуху некоторые дрожания, колебания, и оттого казалось, что вся статуя идола как бы колеблется. В воздухе распро-

странился явственный чесночный запах, что еще более подтвердило догадку Батайля, что свечение зависело от фосфора. Сквозь эту дымку света идол казался бледным, как бы изваянным из воска. Ближайшие предметы не были освещены этим светом; светился один только алтарь со статуей, в зале же царила кромешная тьма. Сбоку, невдалеке от алтаря, была устроена возвышенная кафедра, с которой обычно говорили ораторы. Батайль еще раньше заметил, что внешняя фигура этой кафедры была какая-то странная; вначале он не разобрал, на что походит эта фигура, но вот теперь, в потемках, после того, как начала светиться статуя Бафомета, засветилась и кафедра, и тогда Батайль ясно увидел, что она имеет форму мертвой головы с разинутым ртом и с рогами. Можно было ясно различить и рога, и глазные впадины, и треугольную носовую впадину, и рот с зубами. Все эти детали теперь ярко светились. Похоже было на то, как будто бы из под пола высунулась страшная дьявольская голова. И вот в центре этой страшной фигуры, т.е. во рту ее, появилась новая светящаяся фигура; это был сам председатель собрания Спенсер. Он взошел на кафедру тихо, никем невидимый в потемках, и его одежды были, по всей вероятности, тоже напитаны фосфором, потому что он тоже светился, как и алтарь, и кафедра. Батайль думал сначала, что Спенсер обратится к собранию с речью, но тот безмолвствовал. Он опустился на колени и положил руки на края кафедры. Потом он опять поднялся на ноги, осенил свою грудь крестообразным движением, только исполнил его в обратном порядке. Потом он вдруг принялся изо всех сил дуть ртом. По этому странному сигналу все присутствующие поднялись со своих мест. Каждый из них обернулся к той стене, которая приходилась против кафедры. Послышался шум больших полотнищ, как бы наматываемых на вал, и в самом деле оказалось, что обои, покрывавшие эту стену, поднялись, раздвинулись, и стена обнажилась. Тогда все присутствующие повторили жест председателя, т.е. сделали крестообразное движение рукой и начали изо всех сил дуть. Потом опять настала тишина, и как раз в этот момент на каких-то невидимых часах глухо пробило двенадцать — ровно полночь. Опять настало мертвое молчание, а вслед за ним по капищу пронесся продолжительный жалобный вой. Можно было различить, что эти унылые звуки сосредоточиваются вверху, под сводами капища. И опять настала минута полного молчания. Потом вдруг на обнаженной стене появился огромный белый круг, который, как понял Батайль, должен был изображать собой католическую причастную облатку. Крут этот начал вращаться сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее и, наконец, разлетелся на тысячи кусков, но без малейшего шума. На месте круга появился силуэт черной курицы, которая со всех ног бежала куда-то, раскрыв клюв и как бы в ужасе подняв перья; за курицей гналась большая очковая змея, которая, наконец, настигла курицу и укусила ее. Курица тотчас повалилась на спину, одиннадцать раз свела и развела лапы и подохла. А змея после того медленно ее проглотила, причем видно было, как от массивного тела курицы вздувается тонкое тело змеи. После того змея, как бы постепенно потухая, пропала из глаз. На месте змеи и курицы появилась летучая мышь, которая пролетела в левый угол стены и исчезла. Дальше появился козел, который то открывал, то закрывал глаза и сам весь то исчезал, то вновь появлялся. Все это время вверху, над своей головой, Батайль слышал какие-то престранные звуки, словно там, в вышине, под сводами капища, передвигались какие-то тяжелые предметы. Но различить ничего было нельзя, потому что кругом стояла непроницаемая тьма. Но вот Батайлю показалось, что стул, на котором он сидел и около которого теперь стоял, как будто бы двинулся с места и при этом даже слегка задел Батайля. Он протянул руку, чтобы ощупать стул, но около него было пусто: стула не было. Батайль протягивал руки во все стороны, стараясь нащупать стулья соседей, но повсюду вокруг его оказывалась пустота. Все стулья куда-то исчезли. Куда они исчезли. Батайль не мог и придумать, а в потемках не было возможности ничего рассмотреть. И на стене ничего больше не появлялось. На ней виднелась теперь только крошечная светлая точка, искра, и вся стена по временам потрескивала. Искорка то исчезала, то снова появлялась. Запах чеснока становился все крепче и крепче. Между тем к искорке присоединилась еще другая, потом третья, четвертая, и, наконец, вся стена покрылась этими искрами; одни из них тухли, другие загорались, и вся эта игра искр как бы клонилась к тому, чтобы из этих светлых точек составились какие-то фигуры. Искорки мало-помалу сочетались, вытягивались в линии и, наконец, из них образовались какие-то фигуры как будто буквы, но совершенно неизвестного языка. Батайль полагал, что это разные демоны пишут свои имена. Эта его догадка сейчас же и подтвердилась. Председатель Спенсер, который стоял на кафедре, вытянув руки вперед по направлению к той стене, выкликал одно за другим имена разных демонов: Сннбук, Догон, Зарек, Фарзуф, Уриель, Астарот и т.д. Как только он произносил имя, искорки на стене сбегались и соединялись в особую фигуру, которая в представляла собой подпись выкликнутого демона. При имени Баал-Зебуба на стене появлялся иероглиф, давно знакомый Батайлю, потому что он видел его начертанным на подножии всех статуй Бафомета. Фигуры подписей были самые причудливые; многие из них напоминали фигуры животных и насекомых, по преимуществу отвратительных. В конце этой переклички на стене появилась громадная голова дьявола, чрезвычайно яркая. Она страшно ворочала глазами и

открыла рот, как бы собираясь говорить, но ничего не сказала, а тотчас же исчезла. После того все лампы в зале сами собой вспыхнули, залив зал светом, который показался нестерпимым после долго стоявшей темноты. А в это время с такой же мгновенностью потух свет Бафометовых алтаря и кафедры. Обои на стене вновь пришли в порядок.

Но когда зал осветился, все присутствовавшие, и в особенности новичок Батайль, были поражены до онемения. Все стояли разинув рот и вперив глаза в потолок. Дело в том, что на полу зала ничего не было; с него исчезли стулья, столы, скамьи, перила, даже орган; все это теперь находилось под самым потолком и висело там в невообразимом беспорядке над головами присутствовавших. Таким адским беспорядком духи засвидетельствовали о своем присутствии. Батайль твердо уверен в том, что эта проделка была произведена чертями, ибо, по его мнению, невозможно было и вообразить, чтобы такое передвижение массы громоздкой мебели было возможно сделать так, чтобы этого никто не заметил.

Спенсер со своей кафедры произнес коротенькую речь, в которой старался разъяснить значение всего того, что произошло, главным образом в том смысле, что все это доказывало совершенно несомненное присутствие и действие бесплотных сил. В конце речи он объявил, что заседание пришло к концу и что остается еще один заключительный чудодейственный феномен. Он сошел с кафедры, подошел к стене и стал вплоть к ней задом. Публика разместилась около него полукругом. Он поднял руки над головой, скрестил их, а пальцы сложил особенным образом, так что на тени кисти его рук дали изображение дьявольских голов. Не штука была сложить пальцы таким образом, чтобы на тени от них вышел черт. Штука же заключалась в том, что эти теневые изображения так и остались на стене, когда Спенсер от нее отошел. Батайль говорит, что он часто видал этот дьявольский фокус, но что никогда он так блистательно не удавался, как в этот раз. Но для того, чтобы он удался, надо громким голосом и безошибочно проговорить особое заклинание. Текст его приведен у Батайля; и т.к. он, по счастью, не длинен, то мы, курьеза ради, выпишем его. Вот он:

«Трулу-крашким-никоэ!.. Верьяматхобен-мулу-истар-непхрис... Паракомулу-игадзушу-экиммугалу-зикака-динджир... Лулу-викос-гарбениум-лотипхрем-манаско-икспакс-гремфик... Зипетах-ашаршиматум-абраксас... Саматипо... Сулатхеки... Боларик... Маларик... Абраксарик... Либбисху-махари-шмасх... Фоэ! Фоэ! Фоэ!.. Рану! Рану! Рану! Белиаг-гог! Фоэ! Фоэ! Фоэ!».

Произнеся это заклинание, Спенсер отошел от стены, и тогда всем стало видно, что тень от его рук чрезвычайно резко выделялась на белом фоне стены, как силуэт, сделанный тушью. Место между изображениями рук тоже не осталось пустым. Тут появилась громадная голова дьявола, черная, с белыми глазами. Рот головы то открывался, то закрывался. Это была живая тень. Вместо рогов на голове было две дьявольских рожицы, только вытянутых и удлиненных на подобие лунного серпа. Спенсер объяснил публике, что большая голова принадлежит Баал-Зебубу, представляющая левый рог — Астароту, а правый — Молоху.

— Скажи нам, Баал-Зебуб, — громким голосом вскричал Спенсер, — ты ли это, предводитель полчищ всеблагого божества, явился здесь перед нами?

Рот большой головы открылся и послышался явственный ответ:

— Да.
— А это ты, Астарот? — продолжал Спенсер.

Левая голова в виде утвердительного ответа сделала кивок, а вслед за ней на такой же вопрос и правая.

Тогда Спенсер спросил, кто их послал сюда, этих демонов, явились ли они по повелению самого Люцифера? Все три головы, одна за другой, ответили: «Да». Спенсер задал еще один вопрос: «Долго ли еще всеблагое божество и духи света будут покровительствовать своим почитателям?». Три головы громким голосом прокричали: «Всегда, всегда, всегда!». Этим и закончилось торжество.

Спиритизм, являющийся для столь многих совершенно невинным развлечением, а часто и увлечением, не ушел от зорких глаз нашего автора. Батайль давно уже косо смотрел на него, и когда принялся за него вплотную, то убедился, что его подозрения были совер-

шенно основательны и что спиритизм, на его первых ступенях, является, так сказать, преддверием демонизма, а при дальнейшем увлечении и прямо в него впадает.

Впервые Батайль убедился в этом, будучи в Берлине. Здесь он увидел воочию «настоящий» спиритизм. Ему удалось попасть в спиритическое общество, носящее имя «Германия», председателем которого был в то время Юстус Гофман. Батайль участвовал сначала в публичном заседании этого общества, на котором присутствовало несколько сот гостей. Так как в числе этой большой публики было, разумеется, иного народа, хотя и подающего надежды, но еще не надежного, то собравшиеся удостоились видеть лишь самые обыкновенные спиритические фокусы, т.е. верчение столов, разговоры посредством стуков, прикосновение невидимых рук в потемках и т.д. Но Батайль очень хорошо знал, что все это только предварительные фокусы, имеющие целью распалить фантазию и подогреть свойственную человечеству страсть к таинственному. Ему захотелось протиснуться подальше вперед, подойти к корню дела и посмотреть, в чем он состоит. Он решился познакомиться с самим Гофманом, и ему это удалось. Они живо поняли друг друга с помощью известных, уже не раз нами упомянутых условных знаков и слов. Батайль тут же объяснил Гофману свое желание видеть настоящее таинство спиритизма, и Гофман ввел его в заседание особого общества, носящего название «Лотос святого Фридриха»; это общество составляет секретный отдел общества «Германия», нечто вроде его тайного комитета. Разумеется, в заседании на этот раз были уже только избранные, в очень ограниченном числе. Гофман встретил гостей в приемном зале, а затем на минуту вышел в соседнюю комнату и оттуда явился уже наряженный для священнодействия. На нем был длинный, до полу, траурный балахон, т.е. белый с черной отделкой, с очень широкими рукавами. На ногах его были туфли из красной кожи, а на голове особая корона. В руках он держал разные снасти. Несколько мгновений он постоял в дверях зала с важным величественным видом, потом семь раз взмахнул волшебным мечем, и после того еще тем же оружием сделал кругообразный взмах. Тотчас вслед за тем громко щелкнули дверные замки; двери зала сами собой замкнулись. Служители, раньше стоявшие у дверей, вдруг куда-то исчезли, а за спиной председателя появилась какая-то фигура, которую Батайлю сразу не удалось рассмотреть. Видно было только, как эта фигура подняла кверху левую руку, и в тот же момент раздались как бы два щелчка громадного бича, и Батайль вполне явственно ощутил на себе два удара. По этому вступлению Батайль, уже давно умудренный опытом, распознал, что он находится в гостях у самых подлинных чертопоклонников.

Председатель обратился к присутствовавшим с коротким воззванием, приглашая их вознести молитву «благому божеству». Все стали на колени, и председатель звучным голосом произнес воззвание. Батайль начал было вслушиваться в формулу этого воззвания, но ему было не до того, потому что он слышал, как на его правое плечо обрушиваются все учащающиеся удары, наносимые какой-то невидимой и бесцеремонной рукой. Кроме боли он ощущал еще какое-то неприятное содрогание во всем теле. Вдобавок на своем лице он ощущал по временам страшно горячее дуновение, а в то же время сверху капали капли горячей воды, громко хлопавшие об пол. Зал был освещен газом; но он вдруг потух, и в то же время Батайль почувствовал зверский мороз. Вдруг в зале раздался раздирающий вой, такой, какого Батайль не только никогда в жизни не слыхивал, но даже и вообразить не мог, вопль, от которого он задрожал всем телом. Такой вой, по его словам, раздается на собраниях люциферитов лишь в тех случаях, когда черти намереваются устроить что-нибудь особенно торжественное. Ужас, возбужденный в нем этим воем, Батайль отказывается описывать, говоря, что никогда в жизни он не ощущал такого страха.

Между тем президент, ставший у мраморного стола, начал на него сыпать какой-то белый порошок, который, как только прикасался к столу, сейчас же сам собой загорался, и его пламя было ярко-изумрудного цвета с красными отблесками. Батайль смотрел на фигуру Гофмана и видел, как она при этом колеблющемся свете сама начала колебаться, дрожать, сжиматься и растягиваться, принимая при этом самые неожиданные и причудливые фирмы; Гофман по временам даже принимал вид разных животных, вроде жабы, козла и т.д. Через несколько времени Гофман опять помахал своей шпагой, и опять раздались удары невидимого бича, отдававшиеся на плечах присутствовавших. А председатель тем временем начал громко читать новое воззвание, в котором перебирал имена бесчисленных демонов. И при каждом имени раздавались щелчки бичей. Воззвание закончилось страшными богохульствами и просто разными нецензурными словами.

Вслед за тем на сцену выступил медиум. Этот человек был без всякого костюма, совершенно голый. Он вышел на середину зала и к нему тотчас подскочили сами собой, неизвестно откуда взявшиеся стол и стул. Медиум сел на стул и прикоснулся рукой к столу, и

стол тотчас же запрыгал и закружился, потом остановился неподвижно. Председатель обратился к этому столу с вопросами на каком-то совершенно непостижимом языке. Стол отвечал ему стуками, которые производил, ударяя ножкой в пол. Вопросы были спешные; видно было, что председатель торопился их закончить, ожидая чего-то с минуты на минуту. И в самом деде, нечто тотчас же началось. Зал вдруг наполнился массой каких-то призраков. Все они были черны и все были в то же время прозрачны, в те минуты, когда становились между глазом наблюдателя и огнем на мраморном столе. Все они двигались, бесшумно пролетая около присутствовавших. По-видимому, главная гуща этих призраков собралась вверху, у потолка зала; там слышались хлопанье и щелканье, и звон каких-то бубенчиков, словно там начался какой-то адский поезд. Скоро к этим звукам присоединились вой и скрежет, и тогда Батайлю показалось, что он попал прямо в ад и слышит вопли грешников, терзаемых демонами. Потом вдруг все прекратилось; стало ничего не видно и ничего не слышно. Председатель Гофман открыл требник демонского служения, книгу, которая была переплетена в кожу казненного человека, и стал по нему читать какую-то дичь на латинском языке, в котором между прочими попадались фразы, представлявшие воззвания к демонам: «Ариель, услыши нас... Астарот, ты отец наш... Баал-Зебуб, поклоняемся тебе...» и т.д. Воззвание не осталось тщетным: посреди зала вдруг появилась огненная фигура какого-то полуконя, полугрифа. Это был демон Адрамелех, которого Гофман тотчас же и назвал по имени. За Адрамелехом появился демон в виде крокодила; за ним какая-то акула с головой льва и еще много других. Все они появлялись на одно мгновение, только мелькали и сейчас же исчезали, уступая место другим. Эта фантасмагория завершилась появлением неизреченно мерзких образов, знаменовавших собой таинство размножения. Но все это было, очевидно, не то, чего добивался Гофман. Он некоторое время молча созерцал все эти призраки и, наконец, громко крикнул:

— Мы хотим тайну жизни, вот что нам нужно! Homunculus!

Гофман желал, значит, гомункула, того самого гомункула, о котором идет речь в «Фаусте». Это одно из самых древних мечтаний блуждающего человеческого ума. Еще в Средние века тогдашние алхимики, герметики и вообще всякие искатели таинственного, тщились сделать человека из неодушевленной материи, сделать, по крайней мере, хоть зачаток его. Пусть эго будет хоть не «homo», а «homunculus», и то торжество. И эта странная мечта не угасла в человечестве, дожила до наших дней. Теперь ей овладели демонопоклонники. Бог создал человека, — рассуждают они, — почему же Люцифер не может создать его? И вот они принялись усердно молить свое «благое божество» о том, чтобы оно в свою очередь понатужилось — создало им «человечка» во утешение.

В зале царили мрак и гробовое безмолвие. Поощренные обилием явлений, которое выпало на долю этого заседания, чертопоклонники, затаив дыхание, ждали появления гомункула. И вот среди полной темноты в воздухе появилась слабо светившаяся форма, что-то беловатое, прозрачное, вроде студня, — очевидно созданная сатаной протоплазма. Сначала она оставалась совершенно неподвижной, потом начала потихоньку колебаться, как амеба под микроскопом. С одной стороны из нее начало что-то вытягиваться, какое-то подобие ноги или руки. Потом вдруг словно что-то помешало акту созидания, словно кто-то задул и угасил созданную форму, и она исчезла. Через несколько мгновений она снова появилась, и снова попытка была безуспешной. И так повторилось раз пять или шесть. Видно было, что усилия сатаны сотворить гомункула разбиваются о какое-то неодолимое препятствие.

Неудача страшно раздражила Гофмана. Он швырнул вверх свою шпагу и пентаграмму и, потрясая кулаком, вскричал:

— Как, и на этот раз ты опять дашь себя одолеть, Люцифер!..

Но едва выговорил он эти слова, как вдруг раздался ужасающий и неимоверный грохот. Стекла, вделанные в потолок зала, были мгновенно разбиты на тысячи кусков и посыпались вниз. В отверстия рам хлынуло целым потоком бесчисленное полчище каких-то гнусного вида призраков, которое с шумом, гамом и воем, как ураган, помчалось по обширному залу, словно отворили двери ада и выпустили из него толпу его жильцов. Призраки кинулись на злополучных люциферитов, толкали их, пинали, кувыркали, били хвостами по щекам и даже кусали до крови. Батайль, ошеломленный в первую минуту, по счастью, скоро овладел собой и быстро прошептал молитву. Никто его не слышал и никто не видел в потемках, как он перекрестился. Но молитва произвела обычное действие, и полчище чертей мгновенно исчезло.

После того у Батайля было множество личных встреч со спиритами всяких степеней и оттенков. Всех их вообще он делит на три группы. В первую входят разные шарлатаны, чудодеи, в сущности, простые фокусники и их жертвы — более или менее невинные любители таинственного и чудесного; это так называемые лжеспириты. Вторая и третья группы, это уже настоящие спириты. Во вторую группу входят те многочисленные любители таинственного, которые уже знают, к чему они стремятся; это обреченные жертвы лукавого. Батайль называет их «Vocates procedants». «Vocate» значит «призванный», procedant — «устремляющийся, идущий к... чему-то». Но к чему именно, в этом не может быть сомнения. В третью группу входят так называемые «Vocates élus» (élu — избранный). Эти «избранные» уже настоящие и убежденные чертопоклонники.

В спиритических кружках, даже очень невинных на вид, по уверению Батайля, совершаются многие веши, наводящие на размышления. Редкий спиритический кружок не занимается вызыванием духов, которые разговаривают с публикой посредством стуков Обычно для этих разговоров служат столы, которые своими ножками выстукивают условным числом ударов «да» и «нет» или буквы азбуки. Но какой дух одушевляет в этих случаях стол? — задает себе вопрос Батайль. Очевидно, дьявол. Батайль, по крайней мере, нисколько в этом не сомневается. Но далеко не все спиритические кружки довольствуются столами для сношений с лукавым. Батайль, например, передает такого рода сцену. У спиритов, и в особенности у масонов-спиритов, в зале верховного совета всегда имеется скелет. Держат его в виде внушительной декоративной принадлежности. Обычно его устанавливают так, что в одной руке, высоко поднятой, он держит кинжал, а в другой — знамя данного масонского толка. Скелет снабжен особым механизмом, с помощью которого он может делать движения, например, махать рукой, держащей кинжал. При посвящении нового члена его ставят около этого скелета, и тот заносит кинжал над головой посвящаемого. Это, надо полагать, и служит выражением угрозы смертью в случае измены. Такие скелеты с механизмом, для надобности масонских лож, выделываются, между прочим, в мастерской Тессье, в Париже, и стоят 600 франков. Случается, что из рук скелета вынимают кинжал и знамя и произносят над ним особое заклинание. Тогда, если это заклинание совершено знатоком и мастером дела, в скелет нисходит какой-нибудь демон, и скелет, им одушевленный, выделывает разные штуки; пример тому мы уже привели при описании чудес, виденных Батайлем у китайских сектантов Сан-Хо-Хой. Духи, нисходящие в скелет, ведут себя различно, смотря по своему нраву: иные степенны и серьезны, другие — шаловливы, а третьи, как, например, Молох, злы, раздражительны и весьма щедро расточают направо и налево колотушки.

В том заседании, о котором мы начали речь, лицедействовал демон Асмодей. Он вселился в скелет, не заставив себя долго просить. Как только в скелете обнаружилось движением его присутствие, к нему обратились с просьбой сообщить, в каком порядке распределены разные демоны по разным странам света. Дело в том, что всякого рода тайных обществ развелось страшное множество. Владыка ада, разумеется, рассматривает всех членов этих обществ, как свою законную добычу. Но ему необходимо быть со всеми этими обществами в постоянных сношениях, и с этой целью он в каждую местность командирует своего демона, который здесь и руководит делами местных тайных обществ. И вот на заседании, о котором мы говорим, пожелали иметь поименный список всех чертей, разосланных по земле Люцифером в роли своих комиссаров.

Скелет, к которому была обращена эта просьба, одушевляемый вошедшим в него Асмодеем, тронулся с места и подошел к столу. Ему дали бумагу, перо, чернила, и он начал писать. Вышел очень длинный список, чрезвычайно аккуратный, систематический; он целиком приведен в книге Батайля. Во главе списка стоит Битру, надо полагать, важный адский чин, потому что он исполняет должность верховного руководителя всех других комиссаров, назначенных в разные места. Дальше идет алфавитный список округов и городов, с указанием, в какой город какой демон командирован Люцифером. Так, например, в Парижский округ назначены: в сам Париж — Кордохар, в Блуа — Посейдон, в Шартр — Фудри, в Мео — Зарапата, в Версаль — Бельтрам и т.д.

А вот еще происшествие, очевидцем которого был сам Батайль. В Южной Америке, в Монтевидео, он познакомился с одним полковником и нередко посещал его. Однажды вечером, когда уже гости разошлись, семья расположилась у открытого окна, наслаждаясь ночной свежестью. Тут сидели сам полковник, его жена и две дочери, а из чужих был только какой-то вышедший из духовного звания господин, которого Батайль подозревал в принадлежности к секте палладистов, да сам Батайль.

Прямо против окна вдали виднелся маяк. Он был устроен с вращающимся светочем, и его яркий луч по временам падал прямо в открытое окно, у которого все сидели, а потом затмевался, и в комнате наступала тьма. И вдруг одна из хозяйских дочек воскликнула. — Смотрите, ведь это наш друг идет сюда! Зачем он к нам сегодня?

Все уставились в окно. В эту минуту луч света с маяка был как раз устремлен на окно. Батайль рассмотрел в этом снопе света человеческую фигуру, которая, постепенно вырастая быстро приближалась к окну. Батайль ясно рассмотрел всю фигуру. Это был молодой человек, еще совсем безусый, с чрезвычайно хорошеньким лицом, очень изящно одетый в обыкновенный европейский костюм — открытый жилет, фрак и т.д. Маячный луч быстро потух, а вместе с ним исчезла и фигура. Все с нетерпением ждали поворота маяка, и когда его луч снова ударил в окно, фигурка вновь появилась на этот раз уже гораздо ближе. Она быстро плыла по воздуху, прямо к окну, точно подталкиваемая лучами света. На этот раз Батайль начал ясно различать черты лица хорошенького юноши, и у него мгновенно промелькнуло воспоминание о том, что он это лицо где-то раньше видел. Между тем маяк повернулся, и видение вновь исчезло, а когда луч света снова ударил в окно и призрак оказался совсем близко, Батайль явственно рассмотрел лицо призрака, вспомнил его, и у него невольно вырвался крик: «Саундирун!».

Напомним читателям, что так называлась та молоденькая девадаси, которую Батайль видел в храмах демонопоклонников около Калькутты. Она тогда исчезла, славно испарилась на глазах у всех присутствующих. (См. выше). Но как только Батайль выкрикнул это имя, видение мгновенно исчезло.

Батайль задает себе вопрос: кто тачая была эта Саундирун которую он дважды встретил на своем пути исследования демонопоклонства? И он приходит к заключению, что это было не человеческое существо, а воплощение демона. Он глубоко убежден, что такие воплощения бывают и живут среди людей, и что даже среди известных исторических личностей можно указать на них. Так, знаменитый граф Сен-Жермен, по мнению Батайля, был воплощенный демон. Но для такого толкования надо принять все чудеса которые о себе сообщал Сен-Жермен, т.е., что он был современник Моисея, что он вовсе не стареет, что его средства неограниченны, и т.д. Тут Батайль рассуждает со всей непосредственностью простолюдина: откуда у человека деньги? Как может он не стариться, как он мот свободно научиться говорить на всех языках? Все это неизвестно и непостижимо, а посему ясно, что все это чертовщина. Интересно, однако же, что Калиостро, другой кудесник, тоже выдававший себя за тысячелетнего юношу и тоже обладавший таинственными миллиардами, Батайлем не считается прямо чертом, а лишь спиритом высшего порядка, Vocate élu (см. выше).

Правда, между ними и была существенная разница. Калиостро, в конце концов, когда за него взялась инквизиция, был изобличен и разобран, что называется, по косточкам; вся его родословная была восстановлена до мельчайших разветвлений. Сен-Жермен же, как был при жизни, так и после смерти остался таинственным незнакомцем, о происхождении которого имеются лишь догадки, ничем не оправдываемые.

Из других современных чудодеев Батайль рассказывает еще о своем соотечественнике Пенблане, богатом парижском фабриканте. У Пенблана есть барабан, преподнесенный ему демоном Бегемотом, о котором мы упоминали при описании дела Урбана Грандье. Во время собраний своего кружка Пенблан иногда показывает такого рода фокус. Он садится на председательское кресло, а семь высших членов кружка поочередно, один за другим, ровно через три секунды ударяют в его барабан; сам же Пенблан в это время декламирует какое-то заклинание. Когда оно оканчивается, кудесник на глазах у присутствующих начинает увеличиваться в объеме и через несколько минут вырастает в гиганта, голова которого упирается в потолок. В таком сверхъестественном виде он сидит перед своими собратьями минут двадцать, полчаса. Ёго одежда, конечно, тоже вырастает, равно как и кресло. Потом он начинает опадать, сжиматься и принимает свои естественные размеры. Любопытно еще, что если Пенблан начинает что-нибудь говорить в этом состоянии, то голос его, вместо того, чтобы уподобиться рычанию грома или, по меньшей мере, тромбона, наоборот, оказывается каким-то писком, как у младенца. Барабан Бегемота, если в него ударить в то время, когда совершается это чудо, издает не стук, а петушиный крик.

В заключение приведем еще два случая из области чертовщины, так сказать, частной и личной, а не общественной, не сектантской. Батайль делал экскурсии и в эту область. Оба

случая были во Франции, а герои их — люди военные; оба относятся во времени Наполеона III.

В Фонтенбло, в местном гарнизоне, был солдат, за которым стали замечать, что он встает по ночам с постели, тайно уходит из казармы, бродит где-то по лесам, а утром оказывается лежащим у себя на койке бледный, полуживой. Врач, которому поручили его освидетельствовать, дал заключение, что этот солдат лунатик, что его надо уволить со службы. Перед увольнением ротный командир случайно разговорился с ним и, между прочим, спросил, что такое с ним приключилось и с чего это началось? Солдат и признался, что он вовсе не лунатик, а колдун, и каждую ночь ходит на свидание с чертом. Командир начал его расспрашивать подробно и так заинтересовался им, что решился сам вместе с ним пойти на его свидание с чертом. Солдат согласился доставить это редкостное развлечение своему начальству и требовал только, чтобы ротный не брал с собой никакой вещи, приходившей даже хоть только в соприкосновение с чем бы то ни было церковным, священным. Капитан набожностью не щеголял и в этом отношении сейчас же успокоил солдата. Но по мере приближения роковой ночи он сам начал беспокоиться, и хотя намерения своего не отменил, но под влиянием некоторого волнения рассказал обо всем своей жене. Та, конечно, пришла в ужас от его затеи, но как ни отговаривала его, упрямый офицер, несомненно, боявшийся прослыть трусом, да. еще перед чертом, стоял на своем и издевался над бабьими страхами.

Тогда жена потихоньку, в полном секрете, зашила ему в одежду какую-то ладанку. В назначенный час командир отправился на условное место. Страхи его уже рассеялись и осталось одно лишь любопытство: что-то, дескать, будет? Он пришел на место раньше солдата и, закурив трубочку, спокойно поджидал его. Тот все не шел, и у ротного в мозгу шевельнулась беспокойная мысль: что, если солдат надул его, заставил свалять дурака? Но едва он это подумал, как вдруг его встряхнуло, трубка сломалась у него в зубах, и разразился при совершенно безоблачном небе странный удар грома. В этот миг он заметил своего солдата, который только что подошел к месту. И вдруг на том месте, где стоял солдат, земля разверзлась, из нее хлынул сноп огня, и солдат мгновенно исчез в этой бездне, успев лишь крикнуть: «Капитан, капитан, вы не исполнили своей клятвы, вы предали меня! Прощайте же и помните, что с вами будет то же». Возвратись домой, капитан узнал от жены о ладанке. С этих пор ему во всем пошли неудачи и во время франко-прусской войны предсказание злополучного солдата исполнилось: ротный его внезапно исчез неведомо как, когда и куда.

Другая легенда ходит среди полицейских служителей Венсенского форта. Однажды в местную кутузку заточили на ночь провинившегося солдата. Наутро унтер-офицер, вошедший в камеру, увидел, что солдат повесился на крюке, который был вбит в стену. Самоубийство этого человека уже само по себе поразило всех, но изумлению публики не было границ, когда около окоченевшего трупа на стене нашли нацарапанную надпись: «Я вешаюсь по повелению черта, которого видел». Происшествие было очень загадочное и о нем много говорили. Случилось, что к ночи приспел новый кандидат в кутузку. И вот, к безмерному ужасу солдат, с этим случилось то же самое, что с первым. А между тем, унтер-офицер поздно ночью нарочно заглянул к нему в камеру и видел, что он спокойно спит и храпит, «как звонарь», по французской поговорке. Начальство обеспокоилось; порешили, что часть соблазна самоубийцам несет в себе этот роковой крюк в стене кутузки, и немедленно его удалили. Затем полицейский поручик, человек весьма неробкого десятка, решил самолично обследовать дело, проведя ночь в таинственной каморке. Он захватил с собой саблю, пистолет и расположился спать не раздеваясь. Двери камеры на замок не заперли, чтобы, в случае надобности, помощь могла подоспеть немедленно, да и самому храбрецу можно было без задержки выскочить. Люди в эту ночь не хотели и спать; все они кучами лежали на подоконниках открытых окон своей казармы и во все глаза смотрели на темное окошечко карцера, выходившее па двор. И вот вдруг среди ночи в камере раздались громкие и отчаянные крики, послышались удары сабли, грянул выстрел, а сквозь окошко камеры несколько раз ярко вспыхнул мгновенный свет, словно молния. Насторожившиеся люди мгновенно кинулись в камеру, но ее дверь оказалась запертой изнутри, и сколько ее ни толкали, она не подавалась. Между тем, все помнили и знали, что дверь была нарочно оставлена не замкнутой и что изнутри ее нечем было припереть. Десятки дюжих рук и плеч ничего не могли поделать с этой дверью и ее пришлось, наконец, не то что высадить, а прямо разбить в щепы. Ворвавшись в камеру, люди стали в остолбенении. Поручик стоял у стены уже мертвый, с саблей в правой руке и с пистолетом в левой. Видно было, что он выдержал борьбу, защищался. Лицо его было искажено до неузнаваемости; оно было совсем черное, страшное, вздутое, с пятнами, как у удавленника; да и по вывалившемуся изо рта языку и выпученным глазам было видно, что офицер задавлен. А когда осмотрели его ближе, то на шее увидели следы глубоко вдавившихся пальцев какой-то огромной руки. Такова легенда,

до сих пор рассказываемая венсенскими солдатами. Что в ней верно и что прибавлено — судить трудно. Однако, начальство после этих ужасов, напугавших людей, порешило разрушить и перестроить зловещую кутузку.

И так далее. Много можно было бы еще позаимствовать диковин подобного рода из книги Батайля, но все эти чудеса в большом количестве начинают, что называется, приедаться, потому что число эффектов в конце концов исчерпывается и они повторяются.

КОНЕЦ

Еремей ПАРНОВ
ИНФЕРНАЛЬНЫЕ СВЯЗИ

Неисчислимы имена дьявола: Сатана, Люцифер, Вельзевул, Астарот, Асмодей, Бафомет, Мефистофель, Воланд, Леонард... Бессчетны адские легионы. Впрочем, демонолог XVI века Вейер дает «точную» цифру — 44 635 569. Она вполне соизмерима с общим количеством смертных, что когда-либо приходили из небытия, дабы кануть в него вновь. Отсюда следует логический вывод: встречи человека с нечистым не такая уж редкость.

Изданная в 1904 году, книга М.А.Орлова «История сношений человека с дьяволом» стала библиографическим раритетом еще при жизни автора. Казалось бы, остается лишь удивляться тому, насколько часто эту книгу цитируют исследователи и страстно ищут библиофилы: это, по сути, компилятивный сборник, структурно рыхлый, неоднородный, выстроенный по произвольной схеме, которая лишь условно может быть наложена на действительную историческую матрицу. Секрет притягательности книги в ином: здесь срабатывает подсознание, пробуждая потаенные струны души, воскрешая, быть может и вопреки нашей воле, древние праобразы. Ведь история — это не только прошлое, во и наш сегодняшний день. Не зная сложнейшей системы ее причудливо разветвленных корней, невозможно предвидеть будущее. В том же, что отжившие свой век идеи и предрассудки крайне неохотно покидают наш мир, мы убеждаемся повседневно. Более того, они почти никогда не исчезают окончательно, насовсем. И даже наш век господства науки почти ничего тут не изменил. Теологи-модернисты, предпочитающие избегать прямой персонификации дьявола, остроты вопроса не сняли. Подменив рогатого, с хвостом и раздвоенными копытами, Князя тьмы неким «злым началом», гнездящимся в природе и человеке, они просто перевели проблему на иной терминологический уровень. «Библейский сатана — это персонифицированный грех, — писал в 1973 году известный тюбингенский теолог Герберт Хааг. — Всюду в Новом завете, где говорится о сатане и дьяволе, это наименование можно с таким же успехом заменить словами «грех» или «зло».

Однако подобная замена никуда не ведет. Во-первых, она противоречит духу и букве Священного писания, богословской традиции, и отнюдь не разделяется большинством современных теологов, настаивающих на реальности хозяина преисподней. Во-вторых же, — и это особенно важно в нашем случае — злому началу можно поклоняться с неменьшей искренностью, чем доброму.

Таким образом, на скорое «Расставание с дьяволом» (так озаглавил свой труд Хааг) рассчитывать не приходится. Поэтому и продолжает вызывать жгучий интерес читателей эта не слишком ладно скроенная книга, впервые увидевшая свет почти 90 лет назад. Остановимся на нескольких ее эпизодах, держа под прицелом не только минувшее, но и наш сегодняшний день, когда вновь — в который раз! — насильственно воскрешена легенда о всемирном масонском заговоре и появился даже такой термин, как «люциферисты», свидетельствующий не столько о возврате к средневековью, сколько о дефиците памяти. Книга М.А.Орлова как раз и позволяет нам восстановить распавшуюся связь времен. Более того — перебросить мосты от ведьмовских процессов средневековья к «охоте за ведьмами» позднейших эпох.

Читаем у Альфреда де Виньи: «...Сии белые розы собраны и представлены вам, равно как и рукопись, подписанная кровью колдуна и являющаяся списком с договора, который он заключил с Люцифером; оный список он вынужден был постоянно носить при себе, дабы удержать свое могущество. И сейчас еще можно, к великому ужасу, различить слова, начертанные в углу пергамента: „Подлинник хранится в преисподней, в кабинете Люцифера“». Розы и пергамент, о которых упоминает А. де Виньи, действительно были представлены в качестве *вещественных доказательств* на процессе, где в пособничестве дьяволу обвинялся Урбен Грандье, служитель церкви. Подробности этой отвратительной и удивительно современной судебной инсценировки поразительным образом перекликаются с делом Гофриди, духовника монастыря урсулинок, сожженного в Эксе 20 апреля 1611 года. Как схожи «показания» воспитанниц луденской обители с горячечными речами монашки Луизы, пухленькой блондинки, в которую вселился сам Вельзевул! Какая поразительная цепочка протягивается сквозь века и эпохи: великий магистр ордена тамплиеров, сгоревший на костре в 1314 году за поклонение Бафомету, и Жиль де Ре, маршал Франции, которого судьи послали на смерть за сношение с дьяволом в 1440 году, век с лишним спустя!..

Двести лет в свою очередь отделяют барона де Ре от Урбена Грандье. Это уже иная историческая эпоха, которую, однако, только школьник, начитавшийся романов Александра Дюма, мог бы назвать «веком мушкета». Для нее куда больше подходит иной символ — обложенный дровами столб. Географические открытия, промышленные мануфактуры, новинки науки и техники — это лишь одна сторона медали. Охота за ведьмами — другая. На позолоченном аверсе ее — летящий на всех парусах фрегат, на закопченном реверсе — воронье вокруг эшафота. «Как ни омерзительны подробности преследования, поднятого против колдовства до XV столетия, — пишет в „Истории инквизиции" Г.Ч.Ли, — они были только прологом к слепым и безумным убийствам, наложившим позорное пятно на следующее столетие и на половину XVII. Казалось, что сумасшествие охватило христианский мир и что сатана мог радоваться поклонениям, которые воздавались его могуществу, видя, как без конца возносился дым жертв, свидетельствовавших о его торжестве над Всемогущим. Протестанты и католики соперничали в смертельной ярости. Уже больше не сжигали колдуний поодиночке или парами, но десятками и сотнями».

Общее число жертв этого воистину дьявольского пира определяется в девять или даже десять миллионов человек.

«Что значат мучения одного распятого на кресте перед муками этих девяти миллионов, сожженных во имя его и во славу святой троицы людей, которым целые месяцы перед этим терзали тела и ломали кости!» — восклицает М.Геннинг в монографическом исследовании, озаглавленном с предельной лаконичностью — «Дьявол». Жак де Моле и Жиль де Ре, Гофриди и Грандье — все они, как и миллионы безымянных мучеников, погибли безвинно.

Вернемся, однако, к основному материалу, что обозначен в авторском предисловии редкими вехами: добрые и злые духи, средневековая демонология, инквизиционный трибунал и, наконец, уже ни с чем не сообразные «Мемуары» некоего доктора Батайля, достойные отдельного комментария.

В ходе ведовских процессов, как известно, инквизиторы пытками заставляли обвиняемых рассказывать всевозможные подробности нечестивого веселья, в котором вместе с колдунами и ведьмами участвовали и черти. Шабаши устраивались ночью в каком-нибудь уединенном месте: в горах, в лесу или на пустынной равнине. С помощью дьявола ведьмы и ведуны в мгновение ока переносились туда по воздуху. Часто они усаживались для этого на кочергу или метлу, иногда дьявол посылал им козлов и драконов. Булгаковская Маргарита, как мы помним, летела на половой щетке, ее домработница — на обращенном в борова соседе.

После традиционного поцелуя, коим колдовская рать свидетельствовала свою преданность мессиру Леонарду (хозяин шабаша являл себя в образе гигантского черного козла), начиналась раздача адского зелья, из которого изготовлялись потом всевозможные отравы и приворотные средства. Для этого дьявол, у кого меж рогами всегда играет синее пламя, сжигал самого себя, а его подданные собирали образовавшуюся золу. По свидетельству демонологов, она считалась крайне опасной для простого человека.

Представ вновь невредимым (в даже увитым гирляндами роз), черный козел — иным он казался прекраснейшим принцем — выводил в центр круга обнаженную, сияющую красотой королеву бала. Совершив обход гостей, он укладывал ее на алтаре, который тут же обращался в брачное ложе. Однако перед этим «детей посылали пасти лягушек», а духи воздуха деликатно закрывали сцену непроницаемой паутиной.

Затем совершалась известная «черная месса». При этом кусочки гостии, смоченные брачной кровью королевы бала, кощунственно выплевывались в котел, где варились зародыши. Шабаш заканчивался роскошным пиром, на котором, разумеется, вовсю лакомились человечиной. В перерывах между возлияниями ведьмы и колдуны скакали, повернувшись друг к другу спинами.

Хотя Шпренгер и Инститорис, авторы «Молота ведьм» и прочих инквизиционных инструкций, ни на йоту не сомневались в абсолютной реальности описанного действа, оккультисты Нового времени вынуждены были пойти на компромисс. «В большинстве случаев видения и сцены шабаша объясняются просто воображением колдуний и колдунов, — стыдливо пояснял С.Тухолка. — Для отправления на шабаш они мазали свое тело особыми

мазями, содержащими в себе травы, которые, усыпляя, в то же время возбуждают воображение и чувственность. Затем они засыпали и во сне видели в астрале созданные ими и другими суеверными лицами образы...» (1)

Кого только на протяжении веков ни обвиняли охотники за ведьмами в смертном грехе сатанизма! Богомилов, катаров, тамплиеров, нераскаянных манихеев и просто бедных знахарок. Между тем отдельные тайные секты, практиковавшие служение дьяволу, действительно существовали, укрываясь большей частью под сенью дворцов и монастырей. Как уже говорилось, повальное увлечение сатанизмом началось с середины XVII века, а поставки младенцев для «черных месс» именно тогда стали в Париже доходным промыслом. И это еще один парадокс исследуемого феномена: ужасы, которые упорно приписывают «мрачному средневековью», стали чуть ли не будничным делом именно в Новое время. Для осмысления подобных вывихов общественного сознания уместно коротко остановиться на генезисе сатанинского культа.

Сердцевиной христианской литургии является, как известно, причащение крови и тела Христова вином и хлебом. Этот магический акт послужил в католицизме распространению веры в реальное присутствие Христа во время богослужения, что нашло отражение еще в схоластических доктринах VII века. Оставалось сделать логический шаг, чтобы попытаться навязать волю священнослужителя-теурга трансцендентальным силам иной природы. Что и было достигнуто в «черной мессе», противоположной заупокойной, предназначенной для страждущих в адской бездне душ.

Впрочем, и церковь со своей стороны не оставалась в долгу, практикуя на протяжении веков (и до сего времени) так называемый экзорцизм — изгнание злых духов из одержимого с помощью заклинаний.

«Экзорцисты как представители „Черного искусства" становятся распространенным явлением», — бесстрастно констатировала недавно лондонская «Санди телеграф». Активная деятельность сатанистских групп вынудила епископа Астонского открыть специальные курсы заклинателей.

Поразительная верность традициям! Точно так же поступила лондонская епархия, когда в XVII веке разразился скандал вокруг клуба «Адский огонь», в котором некие Дешвуд и Уилкис устраивали для приятелей богохульные оргии.

.В 1824 году печально известный аббат Булле вместе со своей любовницей Адель Шевалье основал «Общество возмещения душ», где практиковал экзорцизм крайне странного и непристойного вида: для привлечения сатаны святой отец обрызгивал участников церемонии человеческими нечистотами, перепутав, по-видимому, обряд изгнания бесов с «черной мессой».

Да и немудрено перепутать, потому что принципиальной разницы между ними не существует: и то и другое — дьяволопоклонство. Не приходится удивляться поэтому, что в январе 1860 года Булле отслужил и «черную мессу», на которой был принесен в жертву ребенок. Бельгийский писатель Гюисманс описал потом «черные мессы» и шабаши, в которых использовали глупеньких проституток, взятых прямо с панели. Фантастические видения, таким образом, превращались в криминальную явь.

И наконец, последний раздел книги М.А.Орлова, на котором стоит специально остановиться.

20 апреля 1884 года папа Лев XIII обнародовал энциклику «Humanum genus» — «Род человеческий», в которой обрушился на масонов, причисленных им к «царству дьявола». Энциклика, названная главой римско-католической церкви «инквизиционным декретом», объявляла масонские ложи «главной квартирой» почитателей сатаны и призывала всех добрых католиков (под угрозой отлучения) обратить сердца к «царству Бога». Столь яростный взрыв мрачного фанатизма хоть и не разрушил адские капища, зато подтолкнул на дерзкую проделку одного отчаянного авантюриста. В апреле 1885 года, к вящему удивлению как своих друзей, так и недругов, с заявлением о раскаянии в богопротивной деятельности выступил не кто иной, как Габриэль Жоган Пажес (1854–1907), писавший под псевдонимом Лео Таксиль. За свои писания, в которых епископы и кардиналы подвергались почти нецензурной брани, он не раз попадал в тюрьму и вообще считался заклятым врагом клерикалов. Оштрафованный на крупную сумму за публикацию книги «Лю-

бовные приключения папы Пия IX», он сумел добиться отмены приговора, и буквально накануне сенсационного раскаяния она вышла вторым изданием. К негодованию Святого престола, вместе с книгой были выпущены и афиши, на которых Пий IX представал в венке из женских головок. Надо ли говорить, что почти все приведенные Таксилем эпизоды были высосаны из пальца? Ради саморекламы он шел на все, в том числе и на откровенный скандал. И не ошибся — успех превзошел все ожидания.

Папский нунций ди Риенде, к которому Таксиль явился, чтобы смиренно просить о прощении, был изумлен, но скоро пришел в себя и освободил «блудного сына» от церковного проклятия. С этого момента пламенный антиклерикал обратил свой разящий меч на масонов. Его и без того не знавшая удержу фантазия перехлестнула все мыслимые пределы. Новый труд Таксиля, где разоблачались секреты тайных дьяволопоклонников-люциферистов, побил рекорды популярности его антипапских изданий. Он был переведен на все европейские языки, хотя немецкий переводчик, иезуит Грубер, и сократил из-за крайней скабрезности целую главу, посвященную «масонским сестрам». Сам Лев XIII тепло принял раскаявшегося грешника, чьи леденящие кровь разоблачения уже стояли на видном месте в Ватиканской библиотеке. Реакционеры всех мастей немедленно взяли их на вооружение, обрушив, под предлогом борьбы с «сатанинским заговором», репрессии на прогрессивные и свободомыслящие организации. Продолжая ковать еще горячее железо, Лео Таксиль вместе с напарником Карлом Хаксом, выступавшим под именем уже знакомого читателям доктора Батайля, приступил к выпуску иллюстрированного бюллетеня с кричащим заглавием «Дьявол в XIX веке». Описывая свои вымышленные путешествия по экзотическим странам, Батайль проникал в подземные храмы, где масоны служили Люциферу, Бафомету и Вельзевулу, и живописал увиденные там ужасы. В Сингапуре он участвовал в четвертовании китайского масона-отступника, чья отсеченная голова долго вращала глазами, в Индии видел, как плясали выскочившие из гроба скелеты, в пещерах Гибралтара раскрыл фабрику микробов, которых масоны готовились выпустить в мир.

Не стоит, впрочем, продолжать перечень бредовых вымыслов «Батайлиады». Даже в несколько сокращенном изложении М.А.Орлова она говорит сама за себя.

Скажем лишь, что 19 апреля 1897 года Таксиль публично объявил, что он с детства «любил обманывать людей и шутить над ними шутки. Однажды я, еще мальчиком, напугал всех жителей Марселя, рассказывая, будто видел акул в гавани, в другой раз, юношей, я всполошил археологов, уверив, что нашел на дне Женевского озера целый подводный город из свайных построек. Но все это было ребячество по сравнению с тем, что я морочил все католическое духовенство в течение 12 лет!»

О гневе Святого престола, не поддающемся никакому описанию, можно судить по тексту формального отлучения, отнявшего у Лео Таксам надежды на райские кущи: «...Да будет проклят волос его и мозг его, мозжечок его, виски его, лоб его, уши его, брови его, глаза его, щеки его, нос его, кисти рук и руки его, пальцы его, грудь его, пах его с прилегающими частями, бедра его, колени его, ноги его, ногти его. Да будет он проклят во всех суставах членов его...»

Под скандальную брань и грохот петард «сатанинского скандала» шел на ущерб просвещенный девятнадцатый век. У него не оставалось времени, чтобы подвести хоть какие-то итоги действительным и мнимым дьяволиадам, которые беспрепятственно перекочевали в наше столетие.

Английский мистик Элистер Кроули, стоявший у колыбели современного дьяволопоклонства, не уставал повторять: «Сатана — не враг человека. Он Жизнь, Любовь, Свет». Так мог говорить о Христе благонамеренный баптистский проповедник. Ныне совершенно легальные объединения сатанистов существуют во многих городах США и Англии, Франции и Италии, хотя не им принадлежит партия первой скрипки в разноголосом и пестром оркестре лож, группировок и сект самого разнообразного толка.

Теория и практика дьяволопоклонников наших дней остались неизменными. И если в обряде «черной мессы» вместо живых людей они пользуются куклами, то это не значит, что с ритуальными убийствами покончено. Случаи, о которых время от времени сообщают газеты, свидетельствуют об обратном. Кстати, заменяющие жертвы фигурки поставлял современный «черный патер» из США Сесил Вильямсон. По просьбе оккультного журнала он продемонстрировал все стадии своей работы: добычу воды и земли с кладбища, вдувание «духа» через трубочку для коктейля, «крещение» в купели, «намагничивание», сожжение и

т.д. Американцы, в общем, жизнерадостный и здоровый народ. Они брезгливо сторонятся сатанистов, справедливо причисляя их к подонкам общества. Но недооценивать опасность, представляемую этими мрачными сектами, было бы непростительной близорукостью. Воинство главаря «Церкви Сатаны» Антуана Шандора Лавея, выступающего то в облегающем трико с рожками, то с железным венцом на наголо обритой голове, насчитывает семь тысяч членов. Щеголяя нацистскими эмблемами «агрессии и силы», они, наряду с восхвалением дьявола, повсюду, где только могут, сеют расовую ненависть...
Словом, в истории сношения человека с дьяволом едва ли будет написана последняя страница.

(1) Тухолка С. Оккультизм и магия. СПб., 1907.